ГОЛОСЪ МИНУВШАГО

№ 4–6. АПРѢЛЬ—ІЮНЬ. 1918.

Издание подготовлено
при поддержке ПАО "Транснефть"

Библиотека "Руниверс"

НІЕ

_ски 1914—1917 г.). . 5

II. **Н. В. Шелгуновъ.** Изъ воспоминаній. Съ предисл. *В. В. Мяковскаго* 49

III. **М. Р. Поповъ.** Л. А. Волкенштейнъ. 71

IV. **В. Е. Евгеньевъ-Максимовъ.** Въ рукахъ у палачей слова. . . . 81

V. **В. Н. Стороженъ.** Ф. В. Дубасовъ и Г. А. Минъ на Преснѣ въ 1905 г. (съ рисунками.) 107

VI. **Н. П. Огановскій.** Дневникъ члена Учредительнаго Собранія. 143

VII. **П. С. Батуринъ.** Записки (1780—1798 г.г.). Подъ редакціей *В. Л. Модзалевскаго.* 173

VIII. **А. А. Савельевъ.** Николай II въ Саровской пустынѣ. 211

IX. **А. А. Сидоровъ.** Въ Кіевѣ (1904—1909) г.). 221

X. **Н. А. Шиловъ.** Революція въ 1848 г. и ожиданіе ея въ Россіи 231

XI. **Г. А. Муровъ.** Воспоминанія интенданта. 251

XII. **В. Н. Карякинъ.** Московская охранка о Л. Н. Толстомъ и толстовцахъ. 283

XIII. **П. А. Аккерманъ** Въ штабѣ дивизіи. 311

XIV. **Г. О. Гордонъ.** Нѣмецкая пропаганда на русскомъ фронтѣ. . . 331

XV. **Мелочи прошлаго.** 1) Эпиграмма на К. П. Побѣдоносцева. (48). 2) Въ альбомъ П. А. Валуеву. (79). 3) Клички общественныхъ дѣятелей при наружномъ наблюденіи филеровъ московскаго охраннаго отдѣленія. (80). 4) Молитва соціалъ-демократа (142). 5) Павелъ I. (172). 6) Цензурные курьезы (229). 7) Шуточное посланіе Н. В. Шелгунова къ М. А. Протопопову. (230). 8) Н. И. Стороженко о Толстомъ. (230). 9. Генцъ о декабристахъ. (248). 10) Заемные банки для крестьянъ въ имѣніяхъ А. Н. Львова. (309). 11) Изъ писемъ лейтенанта П. П. Шмидта. (331). 12) Изъ стихотвореній временъ японской войны. (360).

XVI. **Л. С. Козловскій.** Полное собраніе сочиненій А. И. Герцена. . 361

XVII. **Редакція.** Смерть Г. В. Плеханова. 369

XVIII. **Рисунки.** Сожженіе Л. Н. Толстого. (Карикатура Щиглева). . 249

XIX. **Новыя книги.** 371

Библиотека "Руниверс"

ГОЛОСЪ МИНУВШАГО

ЖУРНАЛЪ ИСТОРІИ и ИСТОРІИ ЛИТЕРАТУРЫ.

(Годъ изданія VI).

Свѣтлой памяти
В. И. Семевскаго.

№ 4—6. Апрѣль—Іюнь. 1918.

Библиотека "Руниверс"

МОСКВА.—1918.
ТИПОГРАФІЯ Т-ВА ПЕЧАТНАГО И ИЗДАТЕЛЬСКАГО ДѢЛА „ЗАДРУГА".
Воздвиженка, Крестовоздвиженскій, 9.

Библиотека "Руниверс"

ОГЛАВЛЕНІЕ

I. **В. В. Каррикъ.** Война и революція. (Записки 1914—1917 г.). . 5
II. **Н. В. Шелгуновъ.** Изъ воспоминаній. Съ предисл. *В. В. Мія-ковскаго* 49
III. **М. Р. Поповъ.** Л. А. Волкенштейнъ. 71
IV. **В. Е. Евгеньевъ-Максимовъ.** Въ рукахъ у палачей слова. . . . 81
V. **В. Н. Сторожевъ.** Ф. В. Дубасовъ и Г. А. Минъ на Прѣснѣ въ 1905 г. (съ рисунками.) 107
VI. **Н. П. Огановскій.** Дневникъ члена Учредительнаго Собранія. 143
VII. **П. С. Батуринъ.** Записки (1780—1798 г.г.). Подъ редакціей *Б. Л. Модзалевскаго.* 173
VIII. **А. А. Савельевъ.** Николай II въ Саровской пустынѣ. 211
IX. **А. А. Сидоровъ.** Въ Кіевѣ (1904—1909) г.). 221
X. **Н. А. Шиловъ.** Революція въ 1848 г. и ожиданіе ея въ Россіи 231
XI. **Г. А. Муровъ.** Воспоминанія интенданта. 251
XII. **В. Н. Карякинъ.** Московская охранка о Л. Н. Толстомъ и толстовцахъ. 283
XIII. **П. А. Аккерманъ** Въ штабѣ дивизіи. 311
XIV. **Г. О. Гордонъ.** Нѣмецкая пропаганда на русскомъ фронтѣ. . . 331
XV. **Мелочи прошлаго.** 1) Эпиграмма на К. П. Побѣдоносцева. (48). 2) Въ альбомъ П. А. Валуеву. (79). 3) Клички общественныхъ дѣятелей при наружномъ наблюденіи филеровъ московскаго охраннаго отдѣленія. (80). 4) Молитва соціалъ-демократа (142). 5) Павелъ I. (172). 6) Цензурные курьезы (229). 7) Шуточное посланіе Н. В. Шелгунова къ М. А. Протопопову. (230). 8) Н. И. Стороженко о Толстомъ. (230). 9. Генцъ о декабристахъ. (248). 10) Заемные банки для крестьянъ въ имѣніяхъ А. Н. Львова. (309). 11) Изъ писемъ лейтенанта П. П. Шмидта. (331). 12) Изъ стихотвореній временъ японской войны. (360).
XVI. **Л. С. Козловскій.** Полное собраніе сочиненій А. И. Герцена. . 361
XVII. **Редакція.** Смерть Г. В. Плеханова. 369
XVIII. **Рисунки.** Сожженіе Л. Н. Толстого. (Каррикатура Щиглева). . 249
XIX. **Новыя книги.** 371

Библиотека "Руниверс"

Война и революція.

Записки 1914—1917 г.

Писавшій эти записки не предназначалъ ихъ къ печати. Онъ не исключалъ возможности того, что когда-нибудь любитель мемуаровъ используетъ ихъ, частью или цѣликомъ, для характеристики того времени, которое переживало русское общество въ періодъ войны, но уже самое содержаніе записокъ таково, что только революція сдѣлала возможнымъ появленіе ихъ въ свѣтъ теперь же.

Можно было бы и не взирая на возможность изданія отложить печатаніе этихъ записокъ до болѣе удобнаго времени. Но когда авторъ перечитывалъ на досугѣ свои записки, то онъ убѣдился, что многое уже и теперь въ нихъ покрылось дымкою старины, дѣлающей, быть можетъ, несовсѣмъ отчетливыми нѣкоторыя детали. А если откладывать изданіе на нѣсколько лѣтъ, то почти ко всякой строкѣ понадобилось бы дѣлать пояснительныя примѣчанія. Не остановило автора и то, что большинство людей, о которыхъ упоминается въ запискахъ, еще живы. Во многихъ случаяхъ поставлены инищіалы вмѣсто полныхъ именъ; въ другихъ имена оставлены цѣликомъ, потому что было бы смѣшно прикрывать недоговоренностью людей, о которыхъ и безъ этой книги написано въ послѣднее время столько неблаговиднаго, что эти разсказы нисколько не должны прибавить имъ огорченія.

Съ именами или безъ именъ, авторъ чувствуетъ все же извѣстную виноватость передъ ними. Бить лежачаго всегда бываетъ стыдно. Но утѣшеніемъ, отчасти даже оправданіемъ для автора записокъ служитъ то, что отъ себя лично онъ не говоритъ по адресу лежачихъ ни одного худого слова. Все, что написано, за исключеніемъ скромныхъ общихъ разсужденій самого автора,—это говорилось на базарахъ, въ гостиныхъ, вообще въ публикѣ.

Эти записки совершенно не имѣютъ характера мемуаровъ, на которые можно было бы впослѣдствіи ссылаться, какъ на показанія очевидца. Авторъ нисколько не гнался за тѣмъ, чтобы записывать достовѣрные факты. Совсѣмъ наоборотъ: онъ старался передавать въ своей тетради тѣ отраженія фактовъ въ сознаніи толпы и общества, которыя почти всегда бываютъ искаженными. Все, что изложено въ

Библиотека "Руниверс"

этихъ запискахъ.—не установленіе фактовъ, а установленіе психическаго состоянія того общества, которымъ эти факты воспринимались. Обострившійся интересъ къ политическимъ отношеніямъ, отъ того или иного развитія которыхъ въ значительной мѣрѣ долженъ быть зависѣть исходъ войны, заставилъ автора внимательно прислушиваться къ настроеніямъ; въ то же время лично ему присущій интересъ къ народному миѳотворчеству, поскольку въ немъ отражается психологія толпы, направилъ его усердіе къ записыванію слуховъ и анекдотовъ, которые въ отдѣльные моменты въ изобиліи порождались уродливостями жизни *).

Если что и можетъ служить въ этихъ запискахъ предметомъ ссылокъ, то лишь сужденія самого автора, время отъ времени, въ минуты большого напора собственныхъ чувствъ, вызванныхъ событіями, прорывающіяся въ его изложеніи и нарушающія основной планъ поставленной задачи.

1914—1915.

Джанетовка 23 іюня 1914 г.

18-го Дорофей Васильевичъ разбудилъ меня въ пятомъ часу:

— Писарь изъ Емангулова пакетъ привезъ, расписаться проситъ.

Это были пакеты съ объявленіемъ мобилизаціи и съ распоряженіями о порядкѣ сбора людей и сгона лошадей.

А на другой день пришло извѣстіе о войнѣ съ Германіей. Пошли разговоры, у насъ — одни, у прислуги — другіе. И какъ-то сразу спустилась завѣса, которая отдѣляетъ насъ отъ нижнихъ слоевъ. У насъ разговоры на тему «шапками закидаемъ», «подпишемъ миръ въ Берлинѣ» и прочее; а что тамъ внизу заговорили—объ этомъ никто изъ насъ не зналъ. Казалось бы, должны пойти разспросы—съ кѣмъ война, почему война, силенъ врагъ или ничтоженъ? Никакихъ разспросовъ. Узнаешь, что «Маша цѣлый день реветъ», что «у Ивана некому хлѣбъ

---

*) Характеръ «Записокъ» В. В. Каррика, гдѣ такъ много мѣста отведено настроеніямъ, слухамъ и анекдотамъ, не позволяютъ подходить къ нимъ съ требованіемъ строгой достовѣрности. Многое, что передавалось годъ тому назадъ по слухамъ, теперь стало установленнымъ фактомъ; но иногда установленные факты расходятся съ версіями, ходившими въ обществѣ и вошедшими въ «Записки» В. В. Каррика. Такъ, напр., противорѣчивымъ слухамъ объ убійствѣ Распутина, мы можемъ противопоставить теперь данныя офиціальнаго дознанія (см. «Былое» 1917 г. № 1, стр. 64—83). В. В. Каррикъ передаетъ слухи о борьбѣ, завязавшейся въ бюрократическихъ сферахъ въ связи съ введеніемъ новаго цензурнаго устава (стр. 34); его разсказъ расходится съ показаніями другого лица, близко стоявшаго къ главнымъ руководителямъ цензурнаго вѣдомства (см. А. А. Сидорова. «Изъ записокъ московскаго цензора». «Голосъ Минувшаго». 1918 г. № 1—2, стр. 106). Разсматривая однако «Записки» главнымъ образомъ, какъ матеріалъ для характеристики русскаго общества и его настроеній во время «Великой войны», редакція не находила нужнымъ отмѣчать каждый разъ расхожденія или противорѣчія разсказа В. В. Каррика установленнымъ фактомъ. **Ред.**

Библиотека "Руниверс"

убирать», «Ванюшка по отцѣ заливается, боится, что на войну возьмутъ»—и чувствуешь, что какая-то реакція идетъ на ошеломившій ударъ, но что это за реакція, сколько тутъ горечи, есть ли тутъ сознаніе необходимости исполнить долгъ—это все закрывается завѣсою между бариномъ и мужикомъ. Чувствуется еще какъ будто озлобленность, скрытое раздраженіе противъ «господъ», словно они виновники войны. Маша заявляетъ: «Съ перваго числа уйдетъ. Что же это господа не разъѣзжаются? Совѣсти у нихъ что ли нѣтъ? Вѣдь у меня брата забрали, развѣ мнѣ теперь здѣсь можно работать? Хоть послѣдніе денечки съ нимъ провести, пока въ городѣ».

Какъ разъ у этой Маши «господа» настроены очень воинственно и бодро; вѣроятно, между ними происходятъ разговоры, во время которыхъ «господа» стараются вселить въ горничную сознаніе патріотическаго долга. Но Маша думаетъ только о братѣ, который «послѣдніе денечки» проводитъ въ городѣ, и не разспрашиваетъ ни о врагѣ-нѣмцѣ, ни о другѣ-французѣ.

А запасные—это тѣ же, что были двинуты во время такъ еще недавней японской войны, откуда они вернулись разочарованными и обѣднѣвшими. Они помнятъ и рѣчи «господъ», произносившіяся въ то время, и ужасную дѣйствительность, которую показало имъ участіе въ походѣ; помнятъ они и послѣдовавшее послѣ этой войны.

Каждый день съ его извѣстіями вызываетъ въ душѣ новыя острыя ощущенія. Сегодня я читалъ телеграммы и едва не разрыдался. Въ нихъ не было ничего особенно худого, но каждое извѣстіе было новою подробностью кошмарнаго факта, и эти подробности дѣлали катастрофу живою, растущею, захватывающею сознаніе и въ ширину, и въ глубину.

9 октября.

Вчера опубликовано правительственное распоряженіе о призывѣ на военную службу студентовъ. Въ пятомъ часу я ѣхалъ по Невскому въ трамваѣ и, не доѣзжая Михайловской, встрѣтилъ манифестирующихъ студентовъ, большую толпу тысячъ въ 5. Впереди несли знамена—большое знамя «единенія царя съ народомъ» и другія. Студенты шли безъ шапокъ, размахивая ими, и кричали ежеминутно «ура». Они составились правильными рядами, кажется, держась руками другъ за друга. Публика тоже обнажила головы.

Я почувствовалъ нѣкоторый подъемъ, обычно охватывающій меня при видѣ толпы, которою владѣетъ одинъ порывъ.

Сегодня утромъ у меня былъ Л. И. Лутугинъ, и мы дѣлились впечатлѣніями по поводу вчерашней демонстраціи. Онъ сказалъ мнѣ, что студенты пѣли во время шествія «Боже, царя храни», «Спаси, Господи, люди», что они несли портретъ государя, что подходили къ бель-

Библиотека "Руниверс"

гійскому консульству и сербскому посольству и что сербскій посланникъ вышелъ къ студентамъ и поцѣловалъ портретъ государя, что были студенты и на Дворцовой площади, при чемъ становились на колѣни.

Оцѣнку всего этого Лутугинъ сдѣлалъ со свойственнымъ ему грубоватымъ остроуміемъ:

— Г...о ѣстъ буду—только дай нѣмца поколотить!

Лутугинъ высказалъ увѣренность, что манифестаціи, которыя произошли и въ другихъ городахъ, были подготовлены заранѣе. О своихъ ощущеніяхъ Лутугинъ сказалъ такъ:

— Иду я и чувствую, что и отсюда по затылку попасть можетъ и оттуда по затылку попасть можетъ. Робко приподнялъ шапку. Смотрю—полицеймейстеръ Галле. Вотъ онъ, думаю, спаситель: кто же и охранитъ, какъ не онъ? Сталъ къ нему поближе жаться. А Галле—словно машинистъ: можетъ подпустить побольше пару, можетъ поменьше...

Позже я слышалъ еще разсказы. Племянникъ былъ въ университетѣ во время рѣчи ректора. По его словамъ, возбужденіе охватило студентовъ тутъ же, немедленно, и разрѣшилось оно естественнымъ порывомъ итти на улицу. Такъ что о какой-нибудь подготовленности не можетъ быть и рѣчи.

Въ «Р. Б.» былъ сегодня тоже разговоръ объ этомъ. Пш. разсказалъ со словъ своего сына и племянника, что еще до рѣчи ректора въ университетѣ произносились рѣчи студентами далеко не ура-патріотическаго содержанія. Говорили о томъ, что «пойдемъ сражаться за свободу Россіи», что «не пойдемъ, пока не дадутъ амнистіи» и прочее. Послѣ рѣчи ректора одинъ студентъ, показывая на завѣшанный (съ 1905 г.) портретъ государя, сказалъ: «Теперь мы можемъ открыть этотъ портретъ». Академисты замѣтно суетились, стараясь влить настроеніе въ другое русло. Въ уличной манифестаціи принимала участіе лишь небольшая часть универсантовъ.

Дѣйствительно, въ толпѣ, встрѣченной на Невскомъ, я не замѣтилъ большого числа универсантовъ; огромное большинство были студенты профессіональныхъ заведеній.

14 ноября 1914 г.

Обостренное общественное вниманіе къ какому-нибудь явленію порождаетъ легенду. Но легенда — это уже болѣе или менѣе кристаллизованная форма тѣхъ разсказовъ, которые возникаютъ и передаются одновременно съ теченіемъ событій, привлекающихъ общественное вниманіе, и для завершенія процесса этой кристаллизаціи необходимо продолжительное время. Самые же разсказы, обращающіеся во время происходящихъ событій, болѣе заслуживаютъ названія анекдота.

Библиотека "Руниверс"

Анекдотъ о происходящихъ событіяхъ—особенно при такихъ условіяхъ, когда этотъ анекдотъ осужденъ на устное существованіе, вслѣдствіе цензурныхъ запретовъ, подчиняется тѣмъ же законамъ эволюціи, какъ и всякое произведеніе фольклора.

Совершенно подобно тому, какъ какая-нибудь пѣсня, совершенно ничтожная по своимъ художественнымъ достоинствамъ, но пріобрѣвшая большую популярность, этимъ самымъ уже заслуживаетъ внимательнаго отношенія къ себѣ, какъ къ матеріалу, характеризующему общественную психологію, такъ же точно и популярный анекдотъ, независимо отъ своего соотвѣтствія съ фактомъ, заслуживаетъ большого вниманія.

Теперешняя война порождаетъ массу анекдотовъ. Минуетъ война—минуетъ также интересъ къ этимъ анекдотамъ, и отъ нихъ не останется слѣда, кромѣ того немногаго, что и въ качествѣ анекдота сохранитъ свою самостоятельную цѣнность и что войдетъ въ будущую народную легенду о войнѣ. Поэтому записываніе ходячихъ анекдотовъ, порождаемыхъ войною,— занятіе весьма полезное.

Гдѣ рождаются анекдоты о войнѣ? Частью здѣсь, въ Петербургѣ, частью на самомъ театрѣ военныхъ дѣйствій. Между ними сравнительно нетрудно провести опредѣленную границу: если рѣчь идетъ объ отношеніяхъ между лицами и слоями, не участвующими непосредственно въ войнѣ, то анекдотъ порожденіе петербургскихъ журфиксовъ, газетныхъ редакцій, министерскихъ канцелярій. Большинство анекдотовъ о центральныхъ лицахъ на самой войнѣ родилось тамъ же и перенеслось въ Петербургъ или письмами или разсказами вернувшихся. Къ послѣдней категоріи относятся анекдоты, связанные съ именемъ Николая Николаевича. Такихъ анекдотовъ не мало и всѣ они характеризуютъ Н. Н., какъ человѣка чрезвычайно энергичнаго, быстраго въ расправѣ, довольно жестокаго однако въ предѣлахъ военной необходимости — но, главное, справедливаго и притомъ справедливаго съ тенденціей въ пользу слабаго и угнетеннаго, т.-е. въ демократическомъ вкусѣ.

Приведу изъ этихъ анекдотовъ, какіе помню.

Николай Николаевичъ проявляетъ очень большую энергію въ противодѣйствіе такимъ явленіямъ, которыя пачкаютъ войну и мѣшаютъ ея моральному престижу, а въ иныхъ случаяхъ и матеріальному успѣху.

Николай Николаевичъ призвалъ интендантовъ и сказалъ имъ:

— Будете красть — буду вѣшать!

Н. Н. разъѣзжаетъ въ поѣздѣ, состоящемъ изъ паровоза, вагона-салона и платформы съ автомобилемъ. Какъ-то онъ пріѣхалъ въ мѣстечко, гдѣ стоялъ русскій отрядъ. Справившись объ офицерахъ, онъ

Библиотека "Руниверс"

узналъ, что они въ кинематографѣ балуются съ пѣвичками. Н. Н. велѣлъ закрыть всѣ кинематографы.

Въ окопахъ офицеръ крикнулъ: — Жиды впередъ!—Никто не двинулся. Офицеръ разсвирѣпѣлъ и сталъ неистово ругать жидовъ. Тогда одинъ еврей вышелъ изъ окопа и рубанулъ его шашкой. Еврея судили, но Н. Н. оправдалъ его.

Другой анекдотъ болѣе правдоподобный. Вольноопредѣляющійся, раненый въ животъ, лежалъ на полѣ сраженія и съ нетерпѣніемъ ждалъ, когда его подберутъ, чтобы отправить на перевязку. Подъѣзжаетъ автомобиль. Онъ обрадовался, увѣренный, что сейчасъ его подберутъ. Въ автомобилѣ сидятъ пьяные офицеры и веселыя сестры милосердія— и прокатываютъ мимо. Тогда солдатъ пускаетъ вдогонку автомобиля пулю, которою убиваетъ одного изъ офицеровъ и ранитъ сестру милосердія.

Вольноопредѣляющагося этого судятъ, но Н. Н. его оправдываетъ. Теперь этотъ вольноопредѣляющійся лежитъ въ одномъ изъ лазаретовъ въ Петербургѣ.

Много разсказываютъ о крутомъ обращеніи Н. Н. съ высшими командирами, провинившимися неудачными распоряженіями. Говорятъ, что Н. Н. употребляетъ при этомъ правую руку.

Нѣсколько времени назадъ въ Петербургѣ было много разговоровъ о произведенномъ, будто бы, покушеніи на жизнь Н. Н. Версіи ходили разныя; по нѣкоторымъ покушался Кир. Влад. Приведу наиболѣе цѣльную, какъ слышалъ.

Во время перваго пріѣзда государя въ дѣйствующую армію онъ хотѣлъ посѣтить ставку вмѣстѣ со своею свитою. Н. Н. сдѣлалъ государю такое возраженіе: — Самъ ты пріѣзжай, а свиты не бери. У меня и своихъ шпіоновъ достаточно.—Этимъ обидѣлся какой-то остзейскій офицеръ и ранилъ его въ плечо.

Григорій Распутинъ занимаетъ довольно видное мѣсто въ современномъ фольклорѣ о войнѣ. Говорятъ, что партія мира состоитъ изъ него и государыни. Отсюда исходитъ, будто бы, постоянное воздѣйствіе на государя, вплоть до указаній на возрастающую въ угрожающей степени популярность Н. Н. Григорій Распутинъ, въ роли пророка, обусловливаетъ прекращеніемъ войны съ Германіей жизнь наслѣдника. «Съ Австріей, говоритъ онъ, можно воевать, а съ Германіей нельзя: наслѣдникъ умретъ». Говорятъ, будто уже послѣ начала войны пріѣзжалъ братъ государыни, и въ связи съ его пріѣздомъ произведены были усиленныя попытки склонить государя къ миру съ Германіей, отвѣтомъ на что со стороны противной партіи было извѣстное соглашеніе съ союзниками о незаключеніи сепаратнаго мира.

Распутинъ хотѣлъ пріѣхать къ Н. Н., чтобы воздѣйствовать на него въ пользу мира. Въ отвѣтной, на его просьбу, телеграммѣ было

Библиотека "Руниверс"

сказано: «Пріѣдешь—повѣшу». По другому разсказу, Распутинъ былъ у главнокомандующаго и говорилъ о «двухъ политикахъ», которыя одинаково требуютъ мира. Н. Н. отхлесталъ его по щекамъ со словами:

— Вотъ тебѣ одна политика! Вотъ тебѣ другая политика!

Потомъ велѣлъ выгнать Распутина въ шею и не пускать къ себѣ.

Къ государынѣ относятся въ военной средѣ очень неблагосклонно, обвиняя ее въ чрезмѣрномъ пристрастіи къ нѣмцамъ и въ томъ, что она принимаетъ слишкомъ близко къ сердцу интересы своихъ кровныхъ родственниковъ. Дѣйствительно, ужъ разъ разожгли такое озлобленіе противъ нѣмцевъ, то нечего удивляться, что это озлобленіе не останавливается ни передъ чѣмъ. Разсказываютъ такіе анекдоты:

Наслѣдникъ каждый день плачетъ. У него спрашиваютъ, о чемъ онъ плачетъ.

— Какъ же мнѣ не плакать: русскихъ бьютъ — папа плачетъ, и я плачу съ нимъ; нѣмцевъ бьютъ — мама плачетъ, и я плачу съ нею.

При посѣщеніи государынею лазарета она имѣла очень грустный видъ. Одинъ солдатъ сказалъ:

— Ишь тоскуетъ, что ея братца убили.

Государь былъ въ какомъ-то лазаретѣ со свитою, большинство изъ которой носили нѣмецкія фамиліи. Кто-то сказалъ:

— Вотъ нашъ государь—забралъ въ плѣнъ нѣмецкихъ генераловъ, да и привелъ сюда.

Изъ анекдотовъ объ интендантствѣ.

Предложили поставку въ интендантство каменнаго угля по 37 коп. Цѣна показалась слишкомъ низкою, поэтому интендантство отъ сдѣлки отказалось. Черезъ нѣкоторое время этотъ же уголь былъ принятъ интендантствомъ по 47 коп.

Изъ Норвегіи предложили снабдить часть войска чулками изъ козьей шерсти, теплыми и непромокаемыми. Встрѣтилось много возраженій и прошло много времени. Наконецъ, удалось все-таки добиться согласія на опытъ, для котораго требовалось нѣсколько паръ чулокъ. Запросили въ Норвегіи—оказалось, что чулокъ нельзя достать ни одной пары: все купила Германія, да еще законтрактовала производство этихъ чулокъ на всю зиму для себя.

22 февраля 1915 г.

Сегодня у С. были кой-какіе интересные разговоры. Г. А. Л. разсказалъ про П. Л. Лаврова, что однажды онъ взялъ билетъ на какую-то французскую лотерею, въ которой можно было за 1 фр. выиграть большую сумму. Г. А. высказалъ ему свое удивленіе. На это Лавровъ сказалъ слѣдующее:

— Ахъ, Г. А.! Предположите, что судьба хочетъ сдѣлать меня богатымъ: вѣдь я только чуть-чуть пріоткрываю ей дверь. Не захо-

Библиотека "Руниверс"

четъ—ну и не надо. А если захочетъ—и вдругъ дверь закрыта! Вѣдь не могу же я, подобно нѣкоей благочестивой женщинѣ, разсуждать, что если Богъ захочетъ, то и безъ билета выиграешь.

С., только что пріѣхавшій изъ Р. разсказалъ любопытный анекдотъ про бр. П.; одинъ изъ которыхъ, Николай, извѣстенъ по газетѣ и издательству, очень бурно работавшимъ передъ и во время 1905 г. Теперь бр. П. пароходчики, мукомолы, углепромышленники и вообще милліонеры. Въ связи съ войною они пожертвовали въ совокупности около милліона. Когда государь былъ въ Р., Петръ П. находился при встрѣчѣ. Государь, пожимая всѣмъ руки, протянулъ и ему. Тотъ растерялся, сунулъ руку въ боковой карманъ, вынимаетъ оттуда приготовленныя 100 тысячъ и даетъ въ руку государю. Послѣдній посмотрѣлъ на деньги, передалъ ихъ адъютанту и затѣмъ вторично протянулъ П. руку. На другой день въ мѣстныхъ «Вѣдомостяхъ» было опубликовано всемилостивѣйшее возстановленіе Николая П. во всѣхъ избирательныхъ правахъ, которыхъ онъ былъ лишенъ по одному изъ своихъ литературныхъ процессовъ.

Любопытно, какъ преломляются—въ сторону наименьшаго сопротивленія — въ сознаніи крестьянства крупные факты изъ текущихъ событій. Одинъ раненый солдатикъ въ бесѣдѣ съ моимъ знакомымъ высказалъ увѣренность, что послѣ войны «будетъ нарѣзка земли и уравненіе въ правахъ». Знакомый сталъ возражать, говоря, что никакихъ основаній для такой увѣренности нѣтъ. Солдатикъ стоялъ на своемъ, заявивъ, что такое обѣщаніе было сдѣлано народу верховнымъ главнокомандующимъ. Въ подтвержденіе онъ прибавилъ:

— Да вѣдь и секретный приказъ-то для того и данъ.

— Какой такой секретный приказъ?

— Да какъ же, всѣ о немъ знаютъ: приказъ о томъ, чтобы послѣ войны не сдавать оружія. Это значитъ, какъ царь не захочетъ исполнить, что обѣщано, чтобы оружіемъ добывать.

Несмотря на увѣренія моего знакомаго, что все это чепуха, никакихъ ни обѣщаній, ни приказа не было—солдатикъ не хотѣлъ отказаться отъ своихъ вожделѣній.

Обѣщаніе насчетъ земли и уравненія въ правахъ—это, очевидно, манифестъ Николая Николаевича къ полякамъ. Народъ знаетъ, что сдѣлано какое-то обѣщаніе. Кому?—Да, конечно, крестьянству—вѣдь оно воюетъ. Какое?—Да, конечно, насчетъ земли и уравненія въ правахъ—чего же еще можно обѣщать мужику, ради чего онъ пошелъ бы драться. Такъ изъ того факта, что кто-то, кому-то, что-то обѣщалъ, мужикъ вывелъ, что обѣщана мужику земля. То обстоятельство, что обѣщаніе исходило отъ Ник. Ник., показываетъ въ глазахъ мужика, что другіе обѣщать не хотѣли вслѣдствіе враждебныхъ мужику, быть мо-

Библиотека "Руниверс"

жетъ, нѣмецкихъ вліяній. На случай, если и дальше будетъ съ той стороны упорство — приказано не сдавать послѣ войны оружія.

Говорятъ, что количество плѣнныхъ турокъ подъ Сорокамышемъ вызвало большую растерянность. Ихъ набивали въ вагоны и отправляли на сѣверъ. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ про вагоны забывали и открывали ихъ только дней черезъ 8, находя въ нихъ мертвецовъ и больныхъ сыпнымъ тифомъ. Такіе вагоны привозили, между прочимъ, въ Ростовъ-на-Дону и въ Самару.

6 марта.

Злобою дня въ теченіе послѣднихъ полуторы, двухъ недѣль служитъ раскрытый шпіонажъ, пѣздившійся чрезвычайно близко, съ одной стороны, къ военнымъ верхамъ, а съ другой стороны, къ верхамъ административнымъ. Сперва объ этомъ говорили, какъ о «малой сенсаціи», такъ какъ фактическія свѣдѣнія въ обществѣ ограничивались арестомъ полковника Мясоѣдова—лица особенно близкаго къ военному министру Сухомлинову; но постепенно дѣло приняло размѣры большой сенсаціи, такъ какъ стали говорить объ арестѣ нѣсколькихъ крупныхъ чиновниковъ департамента полиціи, и такимъ образомъ стали возводить корни предательства къ корнямъ «режима». Изложу дѣло въ различныхъ версіяхъ, какъ онѣ возникали и замирали, смѣняясь другими.

Говорятъ, что раскрытіе предательства сдѣлано было во Франціи, оттуда послѣдовало сообщеніе черезъ генерала По. По позднѣйшей версіи, первыя указанія на имена замѣшанныхъ въ предательствѣ лицъ были добыты отъ нѣмецкихъ офицеровъ, захваченныхъ французами въ плѣнъ. Начавшіеся здѣсь и въ арміи аресты и обыски дали дальнѣйшій матеріалъ, и въ результатѣ было арестовано около 40 человѣкъ, въ томъ числѣ нѣсколько женщинъ.

По другой версіи, одинъ изъ русскихъ офицеровъ, взятыхъ въ плѣнъ нѣмцами, случайно наткнулся въ Германіи на поименное указаніе нѣкоторыхъ изъ предателей и, желая во что бы то ни стало сообщить въ Россію о своемъ открытіи, притворился передъ германскими властями измѣнникомъ, выдалъ нѣкоторыя несущественныя военныя тайны и благодаря этому былъ отпущенъ въ Россію.

Еще по одной версіи, идущей изъ низовъ — быть можетъ, солдатскихъ, предательство было раскрыто такимъ образомъ. Николай Николаевичъ, давая Мясоѣдову какое-то порученіе, похлопалъ его по плечу, говоря: Такъ вотъ сдѣлай это, братецъ...» и въ это время рукою случайно нащупалъ зашитую въ его платьѣ бумагу. Бумага была выпорота и оказалась донесеніемъ нѣмцамъ. Наконецъ, еще одна версія разсказываетъ, что въ одномъ изъ недавнихъ боевъ была захвачена германская штабная квартира, и тамъ въ бумагахъ нашли слѣды предательства, по которымъ добрались до виновныхъ.

Библиотека "Руниверс"

Участіе въ предательствѣ крупныхъ чиновниковъ получило отзвукъ въ началѣ прошлой недѣли—22—23 февраля. Депутатъ Керенскій, чрезвычайно взволнованный извѣстіемъ объ этомъ, написалъ письмо на имя предсѣдателя Думы слѣдующаго содержанія.

«Милостивый Государь, Михаилъ Владимировичъ, по распоряженію военныхъ властей арестовано нѣсколько жандармскихъ офицеровъ и чиновниковъ департамента полиціи по обвиненію въ государственной измѣнѣ—въ сношеніяхъ съ внѣшнимъ врагомъ. Измѣна свила себѣ гнѣздо въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ.

Русское общество давно уже съ тревогою слѣдило за дѣятельностью этого вѣдомства, которая основывалась на системѣ провокаціи, неизбѣжно разлагающей государственный организмъ и развращающей представителей власти. На великую опасность, отсюда истекающую, не разъ указывала и Государственная Дума, выражая недовѣріе министерству внутреннихъ дѣлъ и осуждая всю внутреннюю политику кабинета.

Вспыхнула война. Вся Россія съ величайшимъ напряженіемъ народныхъ силъ устремилась къ единой цѣли—отразить нападеніе внѣшняго врага. Одно министерство внутреннихъ дѣлъ въ союзѣ съ министерствомъ юстиціи съ исключительною энергіей продолжали свою разрушительную дѣятельность, раздражая и распыляя общество. Правительство сумѣло сразу демонстративнымъ арестомъ Бурцева потушить воодушевленіе многихъ и по-своему разъяснить смыслъ слова о «забвеніи внутреннихъ распрей». И недаромъ, вспоминая этотъ арестъ, вспоминая арестъ соц.-демократической рабочей фракціи, борьбу съ печатью, политику правительства въ Галиціи, Польшѣ, Финляндіи—депутаты въ засѣданіяхъ бюджетной комиссіи указывали, что всѣ эти акты правительственной власти явно носятъ характеръ враждебнаго противодѣйствія успѣшному окончанію внѣшней борьбы.

Самымъ яркимъ проявленіемъ этой разрушительной работы правительства было опубликованіе лживаго офиціальнаго сообщенія о томъ, что часть членовъ Гос. Думы желала «пораженія русскихъ войскъ». А между тѣмъ въ это время въ нѣдрахъ министерства внутреннихъ дѣлъ спокойно и увѣренно работала сплоченная организація дѣйствительныхъ предателей. И невольно родится мысль—не старалось ли министерство внутреннихъ дѣлъ сознательно направить общественное вниманіе по ложнымъ слѣдамъ.

Русскому обществу хорошо извѣстно, что руководящіе круги министерства внутреннихъ дѣлъ и министерства юстиціи весьма прикосновенны къ тому вліятельному у насъ политическому теченію, которое считаетъ настоятельно необходимымъ скорѣйшее возстановленіе тѣснаго единенія съ берлинскимъ правительствомъ—серьезнѣйшей опорой нашей внутренней политики. А поэтому русское общество не можетъ вѣрить, что эти вѣдомства смогутъ скрыть въ полномъ объемѣ ту пре-

Библиотека "Руниверс"

дательскую организацію, на слѣдъ которой случайно напали военныя власти. Необходимо авторитетное вмѣшательство самого русскаго общества. Государственная Дума должна сдѣлать все, чтобы оградить націю отъ гнуснаго удара въ спину.

Отъ имени моихъ избирателей прошу Васъ, Михаилъ Владимировичъ, какъ офиціальнаго представителя Государственой Думы, настоять на немедленномъ созывѣ Государственной Думы, дабы она могла предъявить запросъ правительству о государственной измѣнѣ, обнаруженной въ центральномъ правительственномъ учрежденіи, и выполнить свой долгъ неослабнаго контроля надъ дѣятельностью исполнительной власти въ столь исключительный историческій моментъ.

25 февраля 1915 г. членъ Государственной Думы А. Керенскій».

Это письмо въ среду было вручено Родзянкѣ, въ четвергъ о немъ говорили въ засѣданіи совѣта министровъ, а черезъ недѣлю появилось правительственное сообщеніе,—какъ говорятъ, въ отвѣтъ на письмо Керенскаго—слагающее съ министерства внутреннихъ дѣлъ отвѣтственность за шпіонажъ, путемъ указанія, что арестованныя лица на службѣ въ министерствѣ не состоятъ.

Письмо Керенскаго получило довольно широкую огласку и, между прочимъ, попало въ руки учащейся молодежи. Въ студенческихъ кругахъ письмо это было воспринято съ обычной нервностью и рѣшено было сдѣлать по этому поводу выступленіе, т.-е. собрать сходку. Сходка эта и состоялась въ среду 4 марта.

Кое-какая организованность среди университетскаго студенчества имѣется въ настоящее время только у с.-д. Отъ нихъ зависитъ, между прочимъ, и осуществленіе такихъ предпріятій, какъ общая сходка. Сходку эсдеки согласились созвать, но приготовили къ ней свою резолюцію съ обычными ортодоксальными лозунгами насчетъ «долой войну» и «демократической республики», безъ которыхъ обойтись они никакъ не могутъ. Благодаря этому господствующее вначалѣ значительное единодушіе рѣзко сорвалось, какъ только произнесены были эсдековскія формулы. Академисты стали кричать «измѣнники» и проч.». Сходка была большая, какъ говорятъ, около 3000 человѣкъ. Запѣли революціонныя пѣсни — и въ это время въ университетъ вошла полиція.

Академисты стали открыто оказывать полиціи содѣйствіе, указывая «зачинщиковъ» и даже физически помогая задерживать ихъ. Всего было арестовано, какъ говорятъ, около 40 человѣкъ, но послѣ записи фамилій отпущены были всѣ, кромѣ человѣкъ 5.

Сейчасъ настроеніе въ университетѣ чрезвычайно возбужденное; негодованіе противъ академистовъ готово разрѣшиться довольно крупными эксцессами. Говорятъ, что резолюція эсдековъ отправлена въ ставку верховнаго главнокомандующаго и что арестованнымъ студентамъ грозитъ военно-полевой судъ. Ожидаютъ закрытія университета.

Библиотека "Руниверс"

22 марта.

Взятіе Перемышля произошло очень кстати, отодвинувъ совершенно въ тѣнь скандальную исторію съ предательствомъ Мясоѣдова. Опубликованное на-дняхъ военное сообщеніе о повѣшеніи Мясоѣдова снова немного выдвинуло впередъ этотъ эпизодъ.

Фрейтанъ—одно изъ замѣшанныхъ въ предательствѣ лицъ—былъ до недавняго времени чиновникомъ особыхъ порученій V класса по департаменту полиціи. Гдѣ-то въ прибалтійскихъ губерніяхъ существуетъ целлюлезная фабрика, являющаяся отдѣленіемъ такой же фабрики въ Германіи. Фрейтанъ имѣетъ къ этой фабрикѣ какое-то близкое касательство. Послѣ объявленія войны, для фабрики, какъ нѣмецкаго предпріятія, произошли непріятности, для смягченія которыхъ были смѣщены германскіе директора и поставлены русскіе — въ томъ числѣ Мясоѣдовъ. Про Фрейтана говорятъ, что онъ по симпатіямъ нѣмецъ, и его роль въ шпіонажѣ была ролью германскаго патріота, хотя и находящагося въ услуженіи у русскаго правительства.

Авіаторъ Кузьминскій — сынъ сенатора и дальній родственникъ Льва Толстого—тоже арестованный по дѣлу о шпіонствѣ, говорятъ, гуляетъ теперь по Невскому.

Сухомлиновъ подавалъ въ отставку въ связи съ этой исторіей, но государь, который, говорятъ, очень расположенъ къ Сухомлинову, не принялъ этой отставки.

Съ Мясоѣдовымъ нѣсколько лѣтъ назадъ, какъ извѣстно, стрѣлялся на дуэли Гучковъ. Тогда дѣло разыгралось изъ-за обвиненія Гучковымъ Мясоѣдова въ шпіонствѣ. Мясоѣдовъ промахнулся, а Гучковъ выстрѣлилъ въ воздухъ. Когда потомъ спрашивали у Гучкова, почему онъ не застрѣлилъ этого негодяя, тотъ отвѣтилъ:

— Такая смерть была бы для него слишкомъ почетной.

Высочайшій рескриптъ, данный Николаю Николаевичу, какъ говорятъ, произвелъ въ офиціальныхъ кругахъ огромную сенсацію тѣмъ, что въ немъ не подписано собственной рукой «и любящій племянникъ» или что-нибудь въ этомъ родѣ. По этому поводу говорятъ о большой ревности, которую государь питаетъ къ Н. Н., и вспоминаютъ, что въ послѣдніе годы жизни Столыпина государь и къ нему тоже питалъ ревность. Вмѣстѣ съ тѣмъ продолжаютъ поступать извѣстія о большой популярности, которую Н. Н. имѣетъ въ Польшѣ.

Польскіе низы настроены сейчасъ, какъ говорятъ, очень благопріятно къ русской власти, въ противоположность ихъ верхамъ. А въ еврействѣ наоборотъ. Въ районѣ военныхъ дѣйствій поляки—изъ образованныхъ слоевъ—по отношенію къ русскимъ держатся корректной холодности. Еврейство богатое, напротивъ, старается угожденіемъ сни-

Издание подготовлено
при поддержке ПАО "Транснефть" Библиотека "Руниверс"

скать милость. Въ народной массѣ потяки—быть можетъ, отражая торжественное обѣщаніе главнокомандующаго—проникнуты искреннимъ сочувствіемъ къ русскимъ, не желая знать о тяготѣніяхъ дворянства и буржуазіи.

Разсказывали мнѣ слѣдующій анекдотъ:

Въ Кіевѣ жена Ник. Ник. работаетъ сестрою милосердія. Какъ-то она ѣдетъ въ вагонѣ трамвая съ раненымъ солдатомъ. Входитъ генералъ набрасывается на солдата за недостаточное чинопочитаніе. Жена главнокомандующаго обращается къ генералу съ просьбою оставить солдата въ покоѣ, такъ какъ онъ тяжело раненъ. Генералъ накидывается на сестру:

— А вы кто такая, что заступаетесь?

— Я — сестра милосердія и, какъ сестра милосердія, удостовѣряю, что солдатъ этотъ раненъ и не можетъ выполнить вашего требованія.

— Много васъ такихъ, трепалокъ...

Сестра остановила трамвай, позвала городового, и всѣ отправились въ участокъ. Здѣсь полицейскій чиновникъ обращается къ генералу съ полною предупредительностью, а съ сестрой надменно:

— Какъ ваше имя?

— Анастасія Романова.

— Замужемъ?

— Замужемъ.

— Чѣмъ занимается вашъ мужъ?

— Онъ — верховный главнокомандующій.

Генералъ — бухъ въ ноги и все такое. Проситъ прощенія. Сестра говоритъ:

— За себя я простила бы васъ, но за солдата простить не могу.

Про отставку Литвинова-Фалинскаго мнѣ разсказывали достаточно освѣдомленные люди слѣдующее:

Вопросъ о снабженіи арміи боевыми припасами стоитъ сейчасъ очень остро (какъ и въ Англіи). Озабочиваясь усиленіемъ производительности заводовъ въ этой области, верховный главнокомандующій вызвалъ къ себѣ въ ставку Литвинова-Фалинскаго, какъ человѣка, непосредственно вѣдающаго вопросъ о производительности заводовъ. Литвиновъ развилъ передъ Н. Н. свой проектъ сосредоточенія всего производства боевыхъ изготовленій въ завѣдываніи одного лица, котораго слѣдуетъ сдѣлать третьимъ товарищемъ министра и предоставить ему право личнаго доклада у верховнаго главнокомандующаго. Н. Н. этотъ проектъ одобрилъ. Все это происходило безъ всякаго участія и даже вѣдома министра торговли кн. Шаховского, только что назначеннаго.

Библиотека "Руниверс"

Н. Н. написалъ предсѣдателю совѣта министровъ Горемыкину письмо, въ которомъ указывалъ на необходимость осуществленія этой мѣры. Одновременно въ другомъ письмѣ къ тому же Горемыкину Н. Н. рекомендовалъ на роль третьяго товарища министра Литвинова. Въ совѣтѣ министровъ письмо Н. Н. поразило всѣхъ неожиданностью и необычностью того пути, которымъ возникло все дѣло. Не знаю, былъ ли на этомъ засѣданіи Шаховской—кажется, онъ былъ въ это время въ Харьковѣ. Но, узнавъ обо всемъ этомъ, Шаховской немедленно отправился къ государю съ прошеніемъ объ отставкѣ. Государь сказалъ: «Если кому и нужно подать въ отставку—то только не вамъ». Вслѣдъ за этимъ былъ изготовленъ указъ объ отставкѣ Литвинова.

26 марта.

Въ связи съ отставкою Литвинова-Фалинскаго дѣло имѣло, какъ говорятъ, слѣдующее дальнѣйшее теченіе. Николаю Николаевичу сейчасъ же сообщили объ афронтѣ, полученномъ его проектомъ, и онъ вызвалъ къ себѣ предсѣдателя совѣта министровъ Горемыкина. Горемыкинъ и ѣздилъ къ нему на-дняхъ, а сегодня, какъ сообщаютъ газеты, онъ выѣзжалъ въ Царское Село.

Н. Н. очень ревниво относится ко всему, что касается войны. Поэтому и вопросъ объ организаціи снабженія арміи боевыми припасами и проч. онъ считаетъ входящимъ въ свои прерогативы. Такимъ образомъ получается конфликтъ между военными интригами и обычными бюрократическими тенденціями. Въ чиновничьемъ мірѣ считаютъ возможнымъ, что вслѣдъ за Горемыкинымъ въ ставку будетъ вызванъ государь и послѣдуетъ ультиматумъ, въ результатѣ котораго не только Шаховской выйдетъ въ отставку, но и Литвиновъ назначенъ будетъ прямо министромъ торговли.

Въ качествѣ иллюстраціи того антагонизма, который существуетъ между Царскимъ Селомъ и ставкою верховнаго главнокомандующаго, приводятъ разсказъ о высочайшей аудіенціи, данной Родзянко послѣ того, какъ онъ побывалъ въ ставкѣ. Родзянко началъ было передавать свой разговоръ съ Николаемъ Николаевичемъ, но государь рѣзко перебилъ его: «Можете не разсказывать, о чемъ Вы говорили съ великимъ княземъ. Мнѣ это неинтересно».

31 марта.

Начало инцидента Шаховской—Фалинскій произошло такимъ образомъ. Литвиновъ-Фалинскій еще при началѣ войны составилъ записку, излагающую проектъ организаціи снабженія войскъ боевыми матеріалами. Записка его поступила въ совѣтъ министровъ, но тамъ была положена подъ сукно, вообще оставлена безъ движенія. Н. Н. только недавно узналъ объ этомъ, и по этому именно поводу Литвиновъ былъ

Библиотека "Руниверс"

вызванъ въ ставку. Какъ разъ въ это время только что назначенный министромъ торговли Шаховской направлялся въ Харьковъ для распутыванія каменноугольнаго узла и хотѣлъ взять съ собой Литвинова. Послѣдній отговорился необходимостью ѣхать въ ставку и пріѣхалъ, кажется, въ Харьковъ впослѣдствіи. Въ ставкѣ Литвиновъ съ Н. Н. обсудили проектъ, а такъ какъ въ это время тамъ былъ и государь, то ему доложили обо всемъ дѣлѣ. Государь одобрилъ проектъ, и былъ изготовленъ рескриптъ на имя Литвинова съ выраженіемъ благодарности и съ назначеніемъ его третьимъ товарищемъ министра. Далѣе слѣдуетъ то, что у меня изложено выше, т.-е. прошеніе Шаховского объ отставкѣ, слова, сказанныя ему государемъ, отставка Литвинова и проч.

Разсказываютъ о слѣдующемъ эпизодѣ, происшедшемъ въ одномъ изъ гатчинскихъ госпиталей. Лежалъ тамъ штабъ-ротмистръ Свиньинъ. Какъ-то госпиталь посѣтили государь, государыня и Распутинъ. Государь и государыня обходили раненыхъ офицеровъ и бесѣдовали съ ними, а Распутинъ—благословлялъ. Подошелъ Распутинъ къ Свиньину. Тотъ вскочилъ и крикнулъ:

— Я не позволю грязному, развратному мужику благословлять меня!

Затѣмъ будто бы ударилъ Распутина и прибавилъ:

— Гвардія не разъ избавляла престолъ отъ негодяевъ!

Послѣ этого съ нимъ сдѣлался сильный припадокъ и истерика.

Передавали мнѣ это изъ довольно близкаго къ происшедшему источника.

Вчера, какъ говорятъ, въ засѣданіи думскаго сеньоренъ-конвента (при участіи и другихъ депутатовъ) принята резолюція о томъ, чтобы настаивать на созывѣ Думы; въ противномъ случаѣ рѣшено, будто бы, отказаться отъ полномочій.

Вопросъ о созывѣ Думы (и о смѣнѣ министровъ, съ назначеніемъ общественныхъ людей) сразу пресѣкся, по крайней мѣрѣ въ публичномъ обсужденіи, послѣ довольно высоко поднявшейся волны. Причиной пресѣкновенія послужило, говорятъ, постановленіе совѣта министровъ воспретить какія бы то ни было разглагольствованія газетъ на эту тему. Очевидно, этотъ запретъ исторгъ вопросъ только изъ журнальнаго обсужденія, но онъ не заглохъ въ думскихъ кругахъ. Говорятъ и о предстоящихъ дальнѣйшихъ перемѣнахъ въ правительствѣ. Щегловитовъ, Баркъ и Сухомлиновъ уйдутъ. Рузскій займетъ мѣсто Сухомлинова, а Родзянко—Горемыкина.

Библиотека "Руниверс"

О поводахъ къ отставкѣ Маклакова говорятъ слѣдующее:

Маклаковъ ѣздилъ къ главнокомандующему и развивалъ передъ нимъ мысль о необходимости ликвидировать земскій и городской союзы, какъ гнѣзда будущей революціи. Н. Н. послалъ его такъ далеко, какъ посылаютъ только извозчики, но сами не возятъ. Въ результатѣ — отставка.

По другому разсказу, Маклаковъ, въ компаніи съ Щегловитовымъ и другими, представилъ вторично записку о необходимости примиренія съ Германіей и возстановленія дружбы съ Гогенцоллернами—какъ единственнымъ оплотомъ россійскаго монархизма и династіи. Это, будто бы, явилось для Николая Николаевича поводомъ настоять на его отставкѣ.

11 іюня.

Въ московскихъ событіяхъ 27—29 мая остается столько темнаго, благодаря намордничку, надѣтому на газеты, что нѣтъ возможности отнестись сколько-нибудь критически къ самымъ маловѣроятнымъ слухамъ.

Моментальная отставка градоначальника Адріанова указываетъ, что въ немъ сосредоточивался какой-то узелъ событій. Подтвержденіемъ этому служатъ и тѣ приказы по полиціи, которые издаетъ теперь новый градоначальникъ. Одинъ мой знакомый чиновникъ, назначенный инспекторомъ въ одно нѣмецкое предпріятіе, былъ на-дняхъ въ Москвѣ, гдѣ знакомился съ результатами погрома тамошняго отдѣленія этого предпріятія. Онъ осматривалъ погромленное мѣсто съ полицейскимъ, къ которому полушутя обратился съ укоромъ: «Какъ же вы, молъ, не предупредили погрома?». Полицейскій ему на это сказалъ, что это было совершенно невозможно, что онъ пытался, но люди изъ толпы схватили его, сорвали какой-то знакъ и обругали, сказавъ при этомъ: «Какъ ты смѣешь мѣшать, коли съ нами самъ градоначальникъ!». И дѣйствительно, по словамъ этого полицейскаго, подтвержденнымъ еще какимъ-то субъектомъ, принадлежащимъ къ погромленному предпріятію, Адріановъ шелъ во главѣ толпы и кричалъ: «Громить — громите, а брать — ничего не берите!».

По словамъ тѣхъ же лицъ, со списками нѣмецкихъ предпріятій (о которыхъ упоминалось и въ газетныхъ сообщеніяхъ) ходили джентльмены, принадлежащіе къ составу полиціи, и въ нѣкоторыхъ случаяхъ они разрѣшали сомнѣнія—бить или не бить—тѣмъ, что первые палкою разбивали окна.

27 іюня.

Въ понедѣльникъ (22 іюня) въ Народномъ Домѣ, какъ разсказываютъ, произошелъ слѣдующій случай. По утрамъ тамъ работаютъ женщины по уборкѣ; въ 12 час. имъ даютъ обѣдъ, послѣ чего онѣ отды-

Библиотека "Руниверс"

хаютъ—въ хорошую погоду въ саду, подъ откосомъ, ведущимъ къ канавѣ, по другую сторону которой начинается территорія Петропавловской крѣпости. Около откоса, на нѣкоторомъ разстояніи отъ края, расположены скамейки для публики, при чемъ отъ этихъ скамеекъ подъ откосъ не видно.

Расположились женщины тамъ и въ понедѣльникъ. Дальше разсказу тѣми словами, какъ слышалъ при чемъ разсказъ исходитъ отъ сторожа одного казеннаго учрежденія, жена котораго работаетъ въ Народномъ Домѣ, но не была среди отдыхавшихъ въ этотъ день подъ откосомъ женщинъ.

Слышатъ женщины—наверху, подъ откосомъ, говорятъ по-нѣмецки. Онѣ всполошились, стали между собой перешептываться о непотребности нѣмецкой рѣчи. Вдругъ рѣчь перемѣнилась на русскую, и одинъ голосъ говоритъ:

— На другой сторонѣ есть такая же тропинка, и она ведетъ прямо къ арсеналу...

Женщины тутъ подняли скандалъ, бросились на говорившихъ; тѣ отъ нихъ—и забѣжали въ зданіе дома. Тутъ произошелъ переполохъ, двери всѣ заперли и изловили шесть человѣкъ, изъ которыхъ двое оказались нѣмцами, а четверо—русскими.

О посѣщеніи представителями думскаго сеньеренъ-конвента Горемыкина разсказываютъ такія детали.

Горемыкинъ встрѣтилъ депутацію очень любезно, въ передней, и сразу же повелъ рѣчь о томъ, что разъ нѣтъ засѣдающей Думы, то нѣтъ и правомочнаго сеньеренъ-конвента. Впрочемъ, молъ, поговорить можно, отчего же нѣтъ.

Во время разговора, послѣ того мѣста (извѣстнаго изъ газетъ), гдѣ Горемыкинъ говоритъ о «стратегахъ въ юбкахъ», рисующихъ положеніе дѣлъ на войнѣ неблагопріятнымъ для насъ, онъ прибавилъ:

— Вѣдь мы можемъ до Волги отступать—и рѣшительно ничего худого въ этомъ не будетъ.

Здѣсь его прервалъ Карауловъ:

— Ваше высокопревосходительство, будьте добры распорядиться, чтобы эти слова Ваши не попали въ печать: они могутъ вызвать смятеніе.

17 іюля.

Недавно новымъ главнокомандующимъ здѣшней арміей генераломъ Рузскимъ было издано объявленіе о недопустимости забастовокъ на заводахъ, занятыхъ снабженіемъ арміи. Въ обществѣ о забастовкахъ ничего не было слышно, и послѣ объявленія всѣ стали интересоваться—

Библиотека "Руниверс"

гдѣ, что и когда. Какъ мнѣ случилось только теперь узнать, забастовки произошли на нѣсколькихъ крупныхъ и мелкихъ заводахъ — у Эриксона (изготовленіе телефоновъ), на Путиловскомъ, на Невскомъ и нѣкоторыхъ другихъ заводахъ. Одинъ мой знакомый случайно гдѣ-то столкнулся съ рабочимъ отъ Эриксона, который завелъ съ нимъ разговоръ и разсказалъ слѣдующее.

Сдѣльную плату имъ немного прибавили, но начали сильно штрафовать за опозданіе, и вся прибавка уходитъ на штрафы. Кромѣ того, вмѣсто двухъ смѣнъ по 11 час. учредили три по 9 час. и вслѣдствіе этого заработокъ уменьшился. На какомъ-то заводѣ рабочіе потребовали увеличенія платы, и сейчасъ же явилось военное начальство, которое плату увеличило нѣсколько, а кто не согласился, тѣхъ арестовало. «Вотъ и мы, говоритъ рабочій отъ Эриксона, думали, что сейчасъ же явятся военныя власти и плату намъ прибавятъ. А вмѣсто этого пріѣхалъ фабричный инспекторъ, чего-то поговорилъ и уѣхалъ. Ну, коли военное начальство не интересуется, стало быть имъ телефоновъ не нужно, а значитъ и бастовать можно».

Требованія вездѣ предъявляются экономическія; насколько основательныя — трудно судить. На Путиловскомъ заводѣ рабочимъ было категорически отказано, и они начали забастовку. Въ дѣло вмѣшался товарищъ министра внутреннихъ дѣлъ Джунковскій, который отобралъ 600 «зачинщиковъ» и отправилъ ихъ—такъ я слышалъ—на передовыя позиціи.

12 августа.

О послѣднихъ московскихъ безпорядкахъ, порожденныхъ патріотическою манифестаціей, по поводу раздутаго извѣстія о побѣдѣ въ Рижскомъ заливѣ и ложнаго—о прорывѣ Дарданелъ, наиболѣе подробныя свѣдѣнія въ Петербургѣ были даны «Рѣчью». Одинъ ораторъ сталъ произносить «несоотвѣтствующую настроенію толпы» рѣчь и былъ арестованъ полиціей. Несоотвѣтствіе толпы не помѣшало послѣдней вступать въ сраженіе съ полиціей ради освобожденія арестованнаго. «Несоотвѣтствующія настроенію» толпы рѣчи начинаютъ слышаться и при другихъ обстоятельствахъ. Когда депутаты производили осмотръ Путиловскаго завода, чтобы провѣрить согласованность работъ съ производительной возможностью завода, многіе рабочіе бесѣдовали съ ними. Одинъ рабочій сталъ говорить «несоотвѣтствующія настроенію» толпы рѣчи. Тогда другіе рабочіе оттѣснили его со словами: «Нѣтъ, это не къ дѣлу, это потомъ»—и стали посвящать депутатовъ въ заводскія тайны въ сферѣ производства.

Рабочіе указывали депутатамъ, что заводъ работаетъ на 25 процентовъ меньше того, что можетъ, что администрація ссылается на отсутствіе станковъ, между тѣмъ самъ заводъ могъ бы ихъ и изготовить,—

Библиотека "Руниверс"

вообще открыто обвиняли заводскую администрацію въ томъ, что она тормозила надлежащее развитіе, и намекали на участіе нѣмцевъ въ администраціи, какъ на причину этого.

Передаютъ, что послѣ осмотра депутаты устроили совѣщаніе тамъ же на заводѣ, съ участіемъ нѣсколькихъ рабочихъ, и что администрація сильно негодуетъ на это, даже хочетъ уйти, обвиняя депутатовъ въ конспираціи противъ нея совмѣстно съ рабочими.

По поводу сдачи Ковны человѣкъ, бывшій тамъ до послѣдней минуты и посвященный во всѣ крѣпостныя тайны, разсказываетъ слѣдующія вещи.

Во время перваго наступленія нѣмцевъ, когда они близко подходили, не дѣлая попытокъ занять крѣпость, тамъ было мало пушекъ и частью ихъ замѣняли просто бревна. Потомъ у плѣнныхъ германцевъ освѣдомились, почему въ первый подходъ нѣмцы уклонились отъ осады крѣпости. Одинъ нѣмецъ будто бы сказалъ: «Императоръ Вильгельмъ жалѣетъ людей для взятія Ковны; онъ пришлетъ для этого свиней».

Передъ взятіемъ Ковны нѣмцы, по обычаю, бросали съ аэроплановъ прокламаціи, въ которыхъ говорилось, что крѣпость будетъ взята въ 11 дней. Объ 11 дняхъ говоритъ и русское офиціальное сообщеніе о сдачѣ крѣпости. На самомъ дѣлѣ вся сдача продолжалась только 8 дней. Разсказываютъ о такомъ эпизодѣ. Пріѣхалъ въ Ковну офицеръ, назвался Остенъ-Сакеномъ, адъютантомъ верховнаго главнокомандующаго. Его приняли радушно, всюду возили, все ему показывали. Какъ-то надоумились провѣрить; оказалось, что — самозванецъ. Хотѣли арестовать—его и слѣдъ простылъ. По этому поводу комендантомъ былъ изданъ приказъ, въ которомъ разсказывается объ этомъ случаѣ и предписывается воздерживаться отъ всякихъ военныхъ разговоровъ.

Нѣмцы разрушили только два форта изъ одиннадцати. Сразу началась въ крѣпости паника и повальное бѣгство—прежде всего старшаго офицерскаго состава. Къ коменданту (Григорьеву) обращались за приказаніями; онъ отвѣчалъ: «Дѣлайте, что хотите», сѣлъ въ автомобиль и уѣхалъ однимъ изъ первыхъ. Оставшіеся безъ офицеровъ солдаты также пустились въ бѣгство. Раненые ковыляли на костыляхъ, ползли, тяжелыхъ несли, но затѣмъ бросали среди дороги. Бѣжали сестры милосердія въ ажурныхъ чулочкахъ. Вели скотъ, коровы мычали, срывались, смѣшивались съ людьми и бѣсились. Солдаты бѣжали, весело подтрунивая надъ своимъ начальствомъ. Взорвали предъ отступленіемъ только одинъ фортъ, но и тотъ, кажется, взорванъ нѣмецкими снарядами, попавшими въ складъ. Увезли изъ боевыхъ при-

Библиотека "Руниверс"

пасовъ только то, что не было разгружено въ двухъ поѣздахъ. Войска въ крѣпости было 15,000, изъ которыхъ у 4,000 не было ружей. Старшее офицерство, во главѣ съ комендантомъ, занималось въ крѣпости кутежами и развратомъ при участіи спеціально подобранныхъ сестеръ милосердія.

Силы осаждавшихъ нѣмцевъ были настолько малы, что они не были въ состояніи занять всѣхъ фортовъ.

Почтенный комендантъ Григорьевъ поѣхалъ въ Вильну. На станціи Ландварово, не доѣзжая Вильны, онъ вошелъ въ буфетъ закусить и тамъ былъ арестованъ.

По поводу неподготовленности солдатъ къ несенію службы на передовыхъ линіяхъ разсказываютъ слѣдующее.

Солдатъ обучаютъ на берегахъ, а въ окопы даютъ имъ магазинныя ружья. Обращаться съ ними они не умѣютъ и другъ къ другу обращаются за совѣтами.

Здѣсь солдата офицеръ спросилъ, чему же его обучали при подготовкѣ.

— Такъ что, ваше благородіе, обучали хоромъ кричать: «Здравія желаю, ваше превосходительство!».

Еще о Ковнѣ.

Дѣлались высадки, при чемъ посылали солдатъ на смерть подъ перекрестный пулеметный огонь. Такъ, нѣмцы послѣдовательно перебили 8 полковъ.

Изъ анекдотовъ (еврейскихъ).

— Кто кредитоспособнѣе: Вильгельмъ или Николай II?

— Конечно, Николай II. Онъ что ни возьметъ — все отдастъ.

— Какая черта въ евреѣ самая непріятная?

— Черта осѣдлости...

Евреевъ называютъ «чертежниками» отъ «черты».

17 августа.

По поводу сдачи Ковны. Утверждаютъ опредѣленно, что комендантъ Ковны Григорьевъ былъ преданъ военному суду и разстрѣлянъ. Обвинили его за оставленіе крѣпости и вообще за чисто военное преступленіе. Между тѣмъ уже послѣ суда и казни стали обнаруживаться изъ показаній различныхъ военныхъ чиновъ такія обстоятельства, ко-

Библиотека "Руниверс"

торыя даютъ основаніе подозрѣвать Григорьева въ прямой измѣнѣ. Говорятъ, напр., что онъ допустилъ германцевъ безпрепятственно сооружать въ полѣ обстрѣла бетонныя площадки для установки тяжелыхъ орудій, подъ предлогомъ экономіи въ снарядахъ; и это несмотря на имѣвшееся, будто бы, общее распоряженіе не допускать такихъ работъ со стороны нѣмцевъ. Затѣмъ, будто бы, уже во время начавшагося обстрѣла измѣнилъ расположеніе войскъ въ фортахъ такимъ образомъ, что завѣдомо ослабилъ ихъ.

Военная молва указываетъ, между прочимъ, на начальника артиллеріи въ Ковнѣ, какъ на полную пару Григорьеву.

Сегодня въ Петербургѣ началась монетная паника. Утромъ прачка сообщила, что въ Андреевскомъ рынкѣ нѣсколько лавокъ закрыто полиціей за отказъ въ сдачѣ. Въ одной лавкѣ какая-то дама купила 5 фун. говядины, дала бумажку, но ей отказались дать сдачи. Та обратилась въ полицію, и приставъ, найдя въ выручкѣ мелочи на 95 р., самъ отсчиталъ сдачу покупательницѣ, а лавку закрылъ.

Посылая кухарку на рынокъ, я далъ ей 3-хъ рублевую бумажку. Она купила гдѣ-то цвѣтной капусты, товаръ взяла, но денегъ не дала, потребовавъ сперва сдачу. Ей сдачу не хотѣли дать, и она заявила, что уйдетъ не заплативъ. Тогда, послѣ нѣкоторой перебранки, ей выдали сдачу, но всю мелочь дали мѣдью. Кухарка разсказывала—и потомъ я слышалъ подтвержденіе этого изъ другого источника—будто на рынкѣ арестовали нѣсколькихъ «шпіоновъ», собиравшихъ серебро для «нѣмцевъ». Повидимому, это были просто напуганные обыватели, которые запасались мѣшечками, въ надеждѣ нажить побольше денегъ, чтобы не быть впослѣдствіи въ затрудненіи. Базарная публика эти мѣшечки освидѣтельствовала и настояла, чтобы владѣльцы ихъ были направлены въ участокъ въ качествѣ «шпіоновъ».

Въ вечернихъ газетахъ появились удивительныя интервью съ власть имущими лицами, въ томъ числѣ съ градоначальникомъ, въ которыхъ заявлялось, что монеты сколько угодно и можно было бы открыть множество кассъ для размѣна, но правительство не намѣрено поощрять злонамѣренныхъ лицъ, которыя для какихъ-то таинственныхъ преступныхъ цѣлей обираютъ и прячутъ серебро. Серьезное общественное мнѣніе винитъ власть, и прежде всего министра финансовъ Барка, въ томъ, что они не приняли мѣръ къ предупрежденію паники, которую нельзя было не предвидѣть, судя по примѣру другихъ городовъ, когда имъ угрожало наступленіе непріятеля. Любопытенъ очень и отказъ отъ легкой возможности парализовать панику открытіемъ размѣнныхъ кассъ—не въ нихъ ли была бы единственная дѣйствитель-

Библиотека "Руниверс"

ная мѣра противъ паники?—и указанія на злонамѣренныхъ лицъ, когда такимъ злонамѣреннымъ лицомъ фактически былъ каждый обыватель, рѣшившійся запастись мелочью рублей на десять. Совершенно достаточно было стремленія нѣсколькихъ тысячъ человѣкъ сдѣлать это, чтобы вызвать общее сокрытіе мелкой монеты, и такихъ обывателей было сегодня не тысяча, а сотни тысячъ.

Толпа вполнѣ увѣрена, что серебряная монета имѣетъ полную цѣну—къ чему же она и серебряная?—и предпочтеніе ей, при такомъ взглядѣ, вполнѣ естественно вылилось въ монетный кризисъ.

Какія завтра правительство приметъ мѣры, кромѣ полицейскихъ угрозъ,— посмотримъ. Я не думаю, чтобы оно проявило въ этомъ отношеніи большую рѣшимость и творчество, и если завтра паника не уляжется, то она достигнетъ большихъ размѣровъ. Уже сегодня разсказываютъ о разгромленныхъ лавкахъ, избитыхъ торговцахъ, но также и объ избитыхъ полицейскихъ. Безпорядки были не только на Васильевскомъ Островѣ, но и на Петербургской сторонѣ.

24 августа.

Монетная паника запихла на другой же день, частью благодаря воздѣйствію страхомъ на ту среду, отъ которой въ значительной мѣрѣ зависитъ созданіе паники, т.-е. торговцевъ, частью благодаря нѣкоторымъ мѣрамъ для демонстраціи обилія размѣнной монеты. 20-го чиновникамъ деньги выдавались, при расплатѣ, мелочью до трехъ рублей. Эти дни слѣды паники сохранялись только въ видѣ неохотнаго размѣна. До поры, въ этомъ отношеніи, толпа успокоилась, но, конечно, можетъ настать моментъ, когда паника возобновится въ еще болѣе рѣзкой степени. Назвать такое явленіе безсмысленнымъ, тупымъ — это слишкомъ просто. Психологія толпы имѣетъ свои законы, и въ данномъ случаѣ въ основѣ монетной паники лежало не предпочтеніе размѣнной монеты бумажкамъ, а идея «береженія денегъ». Такъ какъ тратить все-таки нужно, то пришлось сдѣлать выборъ—что тратить предпочтительнѣе—бумажки или серебро. Толпа, конечно, рѣшила, что бумажки тратить лучше, а слѣдовательно беречь нужно металлическую монету. Отъ «береженія» до «копленія» одинъ шагъ, и толпа стала не только не тратить металлъ, но и копить его, превращая въ него лишнюю часть бумажекъ. Достаточно, чтобы одинъ, два десятка тысячъ человѣкъ, разсудивъ такимъ образомъ, стали прятать серебро—и всѣмъ другимъ стала грозить опасность остаться безъ мелкой монеты. Поэтому всѣ начали прятать металлъ—и возникла паника.

Между прочимъ, эта паника, какъ и предшествовавшая ей нѣсколькими днями, внезапно возникшая въ низахъ, тревога по поводу приближенія нѣмцевъ, показали, какую огромную роль въ созданіи низовыхъ тяготѣній играютъ петербургскіе базары. Еще въ «Ревизорѣ»

Библиотека "Руниверс"

Гоголь устами Осипа отмѣтилъ, что мелочная лавочка въ Петербургѣ играетъ роль клуба. Расплодившіеся въ послѣдніе годы базары, на которыхъ одновременное скопленіе городскихъ низовъ еще гуще, въ высокой степени усилили значеніе мѣста торговли, какъ простонароднаго клуба. Этотъ клубъ преломляетъ по-своему разговоры, подслушанные прислугой за барскимъ столомъ, и создаетъ свою легенду о текущихъ событіяхъ.

Между тѣмъ слоемъ населенія, который творитъ базарную легенду, и нами стоитъ какая-то очень трудно преодолимая преграда. У насъ въ домѣ прекрасныя отношенія съ нашей Александрой, и однако я черезъ нее не могу узнать, что говорятъ на базарѣ. Когда она пришла ко мнѣ встревоженная съ рынка и сказала: «Что же, баринъ, придутъ къ намъ нѣмцы? Нужно уѣзжать?». Я разсмѣялся и сказалъ, что уѣзжать не нужно. И тутъ же почувствовалъ въ ней большое недовѣріе, какъ бы скрытую мысль: «Да, тебѣ-то хорошо: съ деньгами всегда уѣхать успѣешь, а каково намъ-то». И въ послѣдующіе дни я не могъ получить отъ нея свѣдѣнія о томъ, что говорится на рынкѣ.

Наверху смотрятъ на происходящее движеніе, направленное къ перемѣнѣ, какъ на началу революціи, угрожающее «всему святому»: трону, собственности, привилегіямъ и проч. Поэтому, тамъ считаютъ необходимымъ оказать противодѣйствіе общественному натиску, устоять противъ него. Противодѣйствовать ему посредствомъ прямой репрессіи—на это нѣтъ необходимаго органа, быть можетъ, необходимаго человѣка.

25 августа.

Въ связи съ ходившими въ послѣднее время слухами о всякаго рода комбинаціяхъ, будто бы уже рѣшенныхъ, мнѣ передавали слѣдующее.

Государь все время находится въ нерѣшительности, стараясь опредѣлить ту грань, до которой можно итти въ уступкахъ обществу. Разнообразныя вліянія, которыя оказываются на него съ разныхъ сторонъ, не даютъ ему возможности остановиться на какомъ-нибудь рѣшеніи. Поэтому чуть не ежедневно отъ него исходили предписанія изготовить тотъ или иной рескриптъ, указъ и проч. Такихъ бумагъ, нуждающихся только въ его подписи, накопилось порядочное количество; среди нихъ имѣются: рескриптъ на имя Горемыкина съ увольненіемъ; рескриптъ на имя Н. Н. съ назначеніемъ намѣстникомъ на Кавказъ; рескриптъ ему же съ назначеніемъ главнокомандующимъ тремя арміями юго-западнаго фронта; объявленіе (манифестъ?) о рѣшеніи государя стать во главѣ войскъ въ званіи верховнаго вождя; въ связи съ этимъ указъ о назначеніи, на время отсутствія государя, регентства въ лицѣ Н. Н.; указъ о назначеніи Кривошеина министромъ-президен-

Библиотека "Руниверс"

томъ; указъ о назначеніи Поливанова министромъ-президентомъ; указъ о пріостановкѣ сессіи Государственной Думы.

Передъ отъѣздомъ въ ставку государь, будто бы, высказалъ намѣреніе принять рѣшеніе по возвращеніи, дня черезъ три, въ Царское Село.

Передамъ тутъ же слышанный мною сегодня разсказъ о томъ, какъ государь сообщилъ Маклакову о его отставкѣ.

Въ тотъ день Маклаковъ поѣхалъ въ Царское Село съ докладомъ, и въ числѣ бумагъ, требовавшихъ подписи государя, было нѣсколько такихъ, которыя могли встрѣтить его возраженія; поэтому Маклаковъ приготовился краснорѣчиво защищать ихъ. Къ удивленію министра, государь, принявшій его вообще очень ласково, не представилъ возраженій ни по какому поводу и быстро подписалъ бумаги. Маклаковъ раскланялся и сталъ уходить, но въ дверяхъ государь остановилъ его словами:

— Николай Алексѣевичъ, пожалуйста еще на пару словъ. Присядьте.

Маклаковъ сѣлъ, и государь, смущаясь, сказалъ ему приблизительно слѣдующее:

— Вы знаете, Николай Алексѣевичъ, я васъ очень цѣню; но видите ли, я вотъ тутъ совѣщался съ Иваномъ Логгиновичемъ (Горемыкинымъ), и мы пришли къ тому рѣшенію, что приходится сдѣлать уступку общественному мнѣнію. Мнѣ очень непріятно, но я долженъ вамъ сказать, что вы становитесь жертвою этой уступки... и т. д.

Сегодня совершенно опредѣленно слышались разговоры о томъ, что государь поѣхалъ въ дѣйствующую армію, чтобы стать во главѣ командованія. Сегодня же должно было послѣдовать объявленіе объ этомъ, но пока ничего такого нѣтъ.

Пріѣхавшій изъ Кіева Г. сообщилъ много интереснаго и ужаснаго о тамошнихъ дѣлахъ. Наступленіе нѣмцевъ именно въ этомъ направленіи считается дѣломъ рѣшеннымъ, какъ рѣшеннымъ считается и русское отступленіе. Дальнѣйшій планъ нѣмцевъ заключается, повидимому, въ томъ, чтобы захватить донецкій каменноугольный районъ и такимъ образомъ задушить русское сопротивленіе, лишивъ страну угля, какъ въ ближайшее время она будетъ, повидимому, лишена сахара. Огромная наличность уже обмолоченнаго хлѣба (въ Кіевской губ. до 30 милл. пуд.) составляетъ не малую приманку для нѣмецкаго движенія въ ту сторону. О какомъ-нибудь активномъ сопротивленіи со стороны русскихъ врядъ ли можетъ быть рѣчь; и нѣмцы, по мнѣнію кіевскихъ круговъ, пойдутъ до тѣхъ поръ, пока не захотятъ остановиться.

Библиотека "Руниверс"

Разъ въ ихъ рукахъ будетъ каменноугольный бассейнъ—должны будутъ стать желѣзныя дороги, фабрики и вся промышленная жизнь. Это почти автоматически, поставитъ Россію на колѣни передъ Германіей.

Съ другой стороны, продолжать движеніе на Петербургъ или на Москву для нѣмцевъ не связано съ такими выгодами. Тутъ встрѣтятся и большія трудности въ снабженіи, и болѣе упорное сопротивленіе, такъ какъ на сѣверъ стянуто значительное количество войскъ. Югъ же, напротивъ, остается ослабленнымъ.

При этихъ условіяхъ (продолжаю излагать мнѣніе кіевлянъ) занятіе Константинополя союзниками не можетъ внести существеннаго измѣненія въ положеніе дѣлъ на русскомъ театрѣ. Возможность отхода русскими съ сѣвера устраняется преградою въ видѣ Пинскихъ болотъ и отсутствіемъ въ русскихъ рукахъ желѣзнодорожныхъ путей. Такимъ образомъ считается наиболѣе вѣроятною пріостановка наступленія нѣмцевъ на сѣверѣ и продвиженіе ихъ на югѣ въ Донецкую область, послѣ чего нѣмцы сочтутъ свою задачу выполненною и будутъ ожидать капитуляціи Россіи вслѣдствіе истощенія ея.

По словамъ Т., положеніе бѣженцевъ въ Кіевѣ, по своему ужасу, превосходитъ самую пылкую фантазію. Огромная нужда, холера и другія болѣзни представляютъ только одну сторону этихъ страданій; другая заключается въ томъ, что члены семей разобщены между собою: дѣти увезены въ одно мѣсто, мать въ другое, отецъ въ третье—и никто ничего не знаетъ о другихъ. Среди бѣженцевъ—теперь преимущественно изъ Подольской и Волынской губерніи—стоятъ неумолкаемые стонъ и плачъ.

Всѣ считаютъ неминуемыми народные бунты, и всѣ полагаютъ, что эта вспышка выльется въ самыя ужасныя и дикія формы. Очень радикальные люди относятся къ предстоящей революціонной вспышкѣ съ крайней тревогой. И въ то же время очень мало думаютъ пока о томъ, что разъ революція неизбѣжна, то необходимо теперь же организоваться, чтобы создать противодѣйствіе революціонной анархіи.

3 сентября.

О каждомъ событіи, или просто фактѣ, которые происходили въ послѣднее время въ плоскости внутренней политики, заранѣе проникали въ общество слухи, возбуждавшіе, такъ сказать, легенду о грядущемъ фактѣ. О самыхъ крупныхъ—смѣщеніи Н. Н. и пріостановкѣ занятій Государственной Думы — тоже говорили заранѣе и одинаково не вѣрили тому и другому.

Въ связи съ смѣщеніемъ Н. Н. мнѣ передавали такую легенду.

Н. Н. былъ запрошенъ государемъ, не желаетъ ли онъ на Кавказъ. Н. Н. отвѣтилъ, что душевно радъ, такъ какъ не въ силахъ далѣе нести

Библиотека "Руниверс"

бремя верховнаго главнокомандующаго. Въ связи съ этимъ здѣсь состоялись совѣщанія съ командующими, и государь высказалъ намѣреніе стать во главѣ. Это, вѣроятно, и создало первую волну слуховъ о смѣнѣ главнаго командованія, которая недѣли на двѣ предшествовала самому факту.

Возникъ тогда же вопросъ, гдѣ быть ставкѣ. Государь выразилъ желаніе сдѣлать ставку въ Царскомъ Селѣ, но противъ этого сильно возражали генералы, и государь согласился оставить центръ верховнаго командованія въ Могилевѣ. Возражали генералы, будто бы, потому, что считали слишкомъ вѣроятнымъ и легкимъ шпіонство, если ставка будетъ совмѣщаться съ Дворомъ; а основаніе къ такому опасенію дано, будто бы, тѣмъ, что слѣдствіе по мясоѣдовскому дѣлу открыло прикосновенность къ нему Маріи Павловны.

Мнѣ передавали, что вернувшійся недавно изъ плѣна какой-то адвокатъ разсказываетъ слѣдующее. Онъ ѣхалъ черезъ Швецію, съ остановками, и по пути изъ Германіи разговорился, по-русски, съ какимъ-то господиномъ, ѣхавшимъ съ нимъ въ одномъ вагонѣ. Въ Швеціи кто-то предостерегъ его, что этотъ господинъ подозрителенъ, такъ какъ онъ постоянно ѣздитъ то въ Германію, то въ Россію. Въ дальнѣйшемъ пути опять они встрѣтились и переѣзжали вмѣстѣ границу Здѣсь адвокатъ освѣдомился у какого-то представителя русской власти, что это за господинъ. Представитель власти сообщилъ адвокату, что господинъ этотъ возитъ изъ Германіи для государыни какія-то принадлежности электрическаго леченія.

О роспускѣ Думы мнѣ передавали слѣдующее:

Когда прочитанъ былъ указъ, Родзянко провозгласилъ «ура» въ честь государя. Лѣвые стали выходить, и Родзянко позвонилъ и произнесъ: «Прошу не шумѣть». На это кто-то изъ лѣвыхъ крикнулъ: «Мы не шумимъ, а мы уходимъ!». Керенскій крикнулъ: «Ура русскому народу и русскому воинству!».

Сегодня въ газетахъ напечатано объявленіе начальника военнаго округа по поводу забастовокъ, въ которомъ высказывается та мысль, что забастовки и всякія смуты производятся на нѣмецкія деньги (во время японской войны, какъ извѣстно, смуты и волненія дѣлались «на японскія и англійскія деньги»). Указывается въ объявленіи, что нѣмцы прибѣгаютъ для сѣянія смуты къ «лживымъ картинамъ», а далѣе, съ новаго абзаца, слѣдуетъ заключительная фраза объявленія. Въ «Торгово-Промышленной Газетѣ» объявленіе это появилось въ нѣсколько иномъ видѣ. Тамъ, послѣ фразы о лживыхъ картинахъ, сказано, что распространяется изображеніе государя въ формѣ нѣмецкой

Библиотека "Руниверс"

арміи. Таковъ былъ текстъ, разосланный первоначально редакціямъ изъ «Правительственнаго Вѣстника», но повидимому вслѣдъ затѣмъ было сдѣлано распоряженіе — быть можетъ, по телефону — не печатать фразы объ изображеніи государя; а про «Торгово-Промышленную Газету» тутъ и забыли...

Самое объявленіе вызвано забастовками на нѣсколькихъ петербургскихъ заводахъ. Говорятъ, бастуютъ Путиловскій, Металлическій, оба Лесснера и другіе. На одномъ изъ заводовъ было, будто бы, столкновеніе съ полиціей, при чемъ одинъ полицейскій убитъ.

Поводы къ забастовкѣ политическіе — роспускъ Думы и аресты, произведенные за послѣднее время среди рабочихъ. Арестованъ, между прочимъ, рабочій, говорившій на могилѣ Лутугина на тему: «мы готовы, и вы скоро убѣдитесь въ этомъ».

Мнѣ передавали очень удивительную вещь, будто торговцы Сѣнного рынка намѣрены 7 сентября (почему?) ничего не покупать и ничего не продавать въ видѣ протеста противъ роспуска Думы. Сообщавшее лицо говорило, что слышало это непосредственно отъ одного изъ торговцевъ.

Оцѣнивая общее положеніе, люди освѣдомленные говорятъ, что никогда еще правительство — т.-е. тотъ центръ, который ведетъ сейчасъ реакціонную игру—не имѣло противъ себя страны въ такомъ сплоченномъ состояніи. Можно сказать, что среди населенія у правительства нѣтъ друзей вовсе—не такъ, какъ было въ 1905 году, когда такіе друзья были, но до поры молчали, и этимъ создавалась иллюзія единодушія. И самый слой, изъ котораго раздается протестъ, теперь гораздо толще, и отношеніе его къ событіямъ гораздо сознательнѣе. О близкой революціи говорятъ всѣ, начиная отъ младшихъ дворниковъ и кончая министрами. И у всѣхъ такое отношеніе къ этой грядущей революціи, какъ къ страшному, неизбѣжному и не подлежащему обузданію. Всякій ждетъ эту революцію откуда-то сбоку и снизу, и если до роспуска Думы при этомъ кое-кто и высказывалъ надежду, что минется благодаря реформамъ сверху — по мѣрѣ усиленія разговоровъ о роспускѣ, и на это перестали надѣяться. Обыватель совершенно не видитъ такого мѣста, откуда могли бы явиться люди, способные организовать и направить революцію.

Изъ анекдотовъ, связанныхъ съ изготовленіемъ для нашей арміи снарядовъ въ Америкѣ и въ Японіи.

Послали мѣрку туда и туда. Японцы видятъ, что мѣрка невѣрная—слишкомъ широка; а орудія наши они хорошо знаютъ. Сдѣлали снаряды меньше заказной мѣрки—и они пришлись какъ разъ впору.

Библиотека "Руниверс"

Американцы не знаютъ нашихъ орудій, и сдѣлали по заказу. Снаряды оказались негодными, и теперь ихъ на заводахъ обтачиваютъ.

Народная молва связываетъ этотъ анекдотъ съ нѣмецкой интригой. Нѣмцы сказали американцамъ: сдѣлайте снаряды побольше, по нашимъ, а не по русскимъ пушкамъ. Мы будемъ брать русскія крѣпости, захватимъ и снаряды—они намъ и подойдутъ. А деньги мы вамъ заплатимъ.

9 сентября.

Вотъ какое освѣщеніе послѣднихъ волненій въ рабочей средѣ складывается на основаніи разговора съ освѣдомленными людьми.

Среди рабочихъ все время существовало вполнѣ сознательное отношеніе къ моменту, и общее настроеніе было таково, что забастовки ни въ какомъ случаѣ не должны имѣть мѣста. Въ послѣднее время, еще до роспуска Думы, были произведены среди рабочихъ многочисленные аресты, причины которыхъ крылись не столько въ какихъ-нибудь проявленіяхъ въ рабочей средѣ, сколько въ измѣненіяхъ личнаго состава въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ—ухода Джунковскаго, а затѣмъ директора департамента полиціи. Джунковскій нѣсколько подтянулъ охранку, и тамъ сильно стосковались по быломъ раздольѣ. Джунковскій дѣйствовалъ въ этой области въ качествѣ честнаго военнаго человѣка, элементарно-порядочнаго, который не хваталъ звѣздъ съ неба въ качествѣ товарища министра и много дѣлалъ глупостей, но мириться съ явными охраночными безобразіями не могъ. Съ его уходомъ и съ уходомъ Иполита охранка почувствовала безначаліе и стала оперировать въ области политическаго сыска на свой рискъ и страхъ, стремясь, какъ это обыкновенно бываетъ, создать оправданіе своему бытію. Какъ разъ передъ этимъ было извѣстное посѣщеніе заводовъ депутатами, во время котораго болѣе интеллигентные рабочіе, являющіеся въ то же время въ извѣстномъ смыслѣ вожаками, вступали въ откровенные разговоры съ Родзянкою и другими депутатами. Этихъ рабочихъ, въ большинствѣ случаевъ, и арестовали.

Рабочіе, естественно, связали эти аресты съ вполнѣ легальными выступленіями во время общенія съ депутатами. Нужно сказать, что и арестованы-то были преимущественно тѣ рабочіе, которые все время оказывали на товарищей наибольшее вліяніе въ смыслѣ воздержанія отъ забастовокъ. Естественно, что при такихъ условіяхъ сдержанности стало меньше, и арестъ рабочихъ сдѣлалъ неизбѣжными эксцессы. Тутъ пошли толки о роспускѣ Думы, и рабочіе нѣсколькихъ заводовъ рѣшили забастовать «до субботы», «а тамъ будетъ видно». Повидимому, они предполагали, что роспускъ Думы поведетъ къ такой сумятицѣ, при которой все равно работать будетъ невозможно.

Библиотека "Руниверс"

При такомъ освѣщеніи можно предположить, что извѣстное объявленіе Фролова играло сравнительно ничтожную роль.

Между прочимъ, на Путиловскомъ заводѣ забастовка сопровождалась междоусобіемъ среди самихъ рабочихъ. Пушечный цехъ не желалъ бастовать; рабочіе явились на заводъ и просили администрацію впустить къ нимъ нѣкоторое количество бастующихъ, «чтобы поколотить ихъ». Было ли такъ сдѣлано, я не знаю, но свалка во всякомъ случаѣ была.

Въ настоящее время многіе изъ арестованныхъ рабочихъ, какъ говорятъ, освобождены потому что вмѣшались военныя власти, безъ вѣдома которыхъ были произведены аресты.

Склонность публики къ легендотворчеству отразилась въ слѣдующемъ анекдотѣ. Слѣдуетъ сказать, что передъ Фроловымъ командующимъ петербургскимъ военнымъ округомъ былъ баронъ Зальца.

Двое разговариваютъ:

— Вы не думайте, что Фроловъ—это Фроловъ. Просто по высочайшему повелѣнію Зальца измѣнилъ нѣмецкую фамилію на русскую и сталъ Фроловымъ. А это тотъ же Зальца.

— Да что вы говорите? Вѣдь Зальца былъ худой и высокій, а этотъ—маленькій и толстенькій!

— Ну такъ что же? По высочайшему повелѣнію измѣнилъ фамилію—по высочайшему же повелѣнію измѣнилъ и комплекцію.

О Фроловѣ говорятъ, что онъ очень добрый и мягкій человѣкъ. Мягкость свою онъ прикрываетъ грозными словами.

Говорятъ, будто шесть министровъ взбунтовались противъ Горемыкина и послали государю записку, въ которой заявляютъ, что Горемыкинъ представилъ въ своихъ докладахъ характеристику момента неправильно и что роспускъ Думы создалъ невозможное положеніе. Государь будто бы вызвалъ по этому поводу въ ставку Щербатова, который дѣйствительно ѣздилъ туда на-дняхъ. Въ связи со всѣмъ этимъ возникли слухи о скоромъ возобновленіи думской работы.

13 сентября.

Послѣдніе политическіе факты, исходящіе изъ тѣсной верхней среды—начиная со смѣщенія Н. Н. и кончая отказомъ въ пріемѣ Родзянко—комментируются общественною молвою, какъ признаки совершенно опредѣленнаго стремленія создать такія условія, которыя облегчили бы заключеніе мира съ Германіей. Въ эту же плоскость вволятъ и провокаціи по отношенію къ рабочимъ.

Библиотека "Руниверс"

Разсказываютъ, что во время послѣдняго московскаго погрома, когда торговыя фирмы спѣшили выставить аншлаги съ заявленіями о томъ, что эти фирмы русскія, на двоюрѣ Е. Ф. появилась такая надпись:

«Фирма нѣмецкая, но 300 лѣтъ въ Россіи. Дядюшка на войнѣ».

Одинъ изъ эпизодовъ бѣженства, достовѣрный.

Беременная женщина родила двойню, а сама умерла. Мужъ выкопалъ яму, закопалъ мертвую жену и обоихъ живыхъ дѣтей.

14 сентября.

Сегодня слышалъ интересныя подробности объ исторіи съ цензурнымъ проектомъ.

Щербатовъ былъ обиженъ тѣмъ, что Горемыкинъ относился отрицательно ко всѣмъ его реформаторскимъ проектамъ: одни проваливалъ, а другихъ вовсе не доводилъ до обсужденія въ совѣтъ министровъ. Разсердился наконецъ Щербатовъ и написалъ прошеніе объ отставкѣ, съ которымъ поѣхалъ въ ставку. Изложилъ государю свои обиды, но тотъ отказался принять прошеніе и сталъ утѣшать Щербатова, обѣщая ему свою вліятельную поддержку въ его дальнѣйшихъ поступкахъ. Между прочимъ, государь обратилъ вниманіе Щербатова на крайнюю распущенность печати, дошедшую до такихъ размѣровъ, что даже личность Распутина опять стала подвергаться злобнымъ нападкамъ. Раскинувъ своимъ коннозаводскимъ умомъ, Щербатовъ нашелъ, что дѣйствительно слѣдовало бы оградить отъ газетныхъ нападокъ такого важнаго «производителя», какъ Распутинъ. Вернулся Щербатовъ съ розовыми надеждами на высокое покровительство отъ преслѣдованій Горемыкина и съ планомъ учредить предварительную цензуру, который не могъ потерпѣть крушенія, такъ какъ являлся выраженіемъ высочайшей воли. Немедленно онъ обратился къ Виссаріонову съ извѣстнымъ предложеніемъ составить въ два дня законопроектъ.

Вчера въ засѣданіи совѣта министровъ Щербатовъ, послѣ обсужденія поставленныхъ на повѣстку вопросовъ, выступилъ со своимъ планомъ, но сразу встрѣтилъ рѣзкія возраженія со стороны Горемыкина. Къ послѣднему присоединились и всѣ остальные министры, и Щербатовъ остался въ плачевномъ меньшинствѣ одного голоса. Вопросъ, какъ извѣстно, рѣшено было снять съ обсужденія.

Теперь Горемыкинъ поѣхалъ въ ставку, и возможно, что тамъ снова поднимется вопросъ о цензурѣ. Не будетъ ничего удивительнаго, если Горемыкинъ вернется со своимъ планомъ предварительной или какой-либо другой цензуры—все зависитъ отъ серьезности этого намѣ-

Библиотека "Руниверс"

ренія и упорства двора. Во всякомъ случаѣ нось Щербатову утеръ, а больше врядъ ли чего-нибудь хотѣлъ Горемыкинъ.

Такъ эти люди, въ интересахъ своего личнаго честолюбія и самолюбія, играютъ съ принципами, ради которыхъ другіе жертвуютъ жизнью.

Если этотъ разсказъ отвѣчаетъ дѣйствительности, то выводъ можно сдѣлать такой. Наверху какъ прежде, такъ и теперь совершенно неспособны строить какіе-нибудь общіе, широкіе планы, основанные на учетѣ условій момента и направленные къ достиженію государственныхъ задачъ. Личный успѣхъ служитъ главнымъ стимуломъ дѣйствій. Если совокупность этихъ дѣйствій имѣетъ видимость какой-то планомѣрности, то только потому, что личные интересы отдѣльныхъ людей наверху—одного порядка и одинаково противорѣчатъ интересамъ народа и общества.

Въ связи съ Распутинымъ слышалъ еще слѣдующее:

Есть при дворѣ нѣкій графъ Орловъ—личный близкій другъ государя, именуемый въ шутку «шоферомъ его величества». Онъ состоялъ въ послѣднее время начальникомъ военно-походной канцеляріи государя.

Этотъ графъ Орловъ терпѣть не можетъ Распутина, о чемъ извѣстно государю, и обыкновенно Орловъ съ Распутинымъ не встрѣчаются. Передъ послѣднимъ отъѣздомъ государя въ ставку Орловъ, который также долженъ былъ ѣхать, узнаетъ, что въ ставку отправляется съ государемъ и Распутинъ. Орловъ пришелъ къ государю и сказалъ, что если онъ встрѣтится съ Распутинымъ въ одной комнатѣ, то отъ того «мокро останется».

На слѣдующій день Орловъ былъ назначенъ на Кавказъ помощникомъ (вторымъ?) намѣстника.

Этого Орлова не слѣдуетъ смѣшивать съ другимъ Орловымъ, нынѣ покойнымъ, молодымъ и красивымъ кавалергардомъ, о которомъ много говорили, связывая его имя съ именемъ бывшей императрицы.

У наслѣдника въ постели всегда лежитъ шапка Григорія Распутина, для пущей благодати.

О томъ, какъ былъ уволенъ Н. Н., слышалъ слѣдующее:

Государь поѣхалъ въ ставку, не объявивъ никому о своемъ намѣреніи теперь же осуществить свое coup d'état; напротивъ даже, онъ высказалъ намѣреніе черезъ три дня быть дома. Когда государь сообщилъ Николаю Николаевичу о его новомъ назначеніи, послѣдній, будто бы, сказалъ:

Библиотека "Руниверс"

— Смотри не доведи до того, что вмѣсто Николая II будетъ Николай III.

Повернулся и, блѣдный, вышелъ изъ комнаты.

Въ газетахъ говорилось о трогательныхъ проводахъ государемъ своего дяди изъ ставки. На самомъ дѣлѣ государь вышелъ на платформу вокзала только въ тотъ моментъ, когда поѣздъ уже отходилъ, и единственное общеніе между ними заключалось во взаимномъ привѣтствіи приложеніемъ руки къ козырьку.

Теперь разскажу, что слышалъ о той общей интригѣ, которая ведется въ пользу заключенія сепаратнаго мира.

«Мирная» или «нѣмецкая» партія, кромѣ интимнаго кружка окружающихъ государя лицъ, включаетъ министра двора Фредерикса и русскаго посла въ Лондонѣ Бенкендорфа. Затѣмъ сюда входятъ нѣкоторые сановники, частью уже отставные, и дальше вліяніе этой партіи идетъ въ глубоко бюрократическую, а главнымъ образомъ въ полицейскую среду. Напротивъ, къ «русской» партіи при дворѣ принадлежали гр. Орловъ, Нарышкинъ и Дрентельнъ — флигель-адъютанты. Благодаря интригамъ «нѣмцевъ», въ томъ числѣ Распутина, эти флигель-адъютанты удалены отъ двора, и государя въ послѣднее время довольно плотно окружаетъ про-нѣмецкое вліяніе, оказывающее давленіе въ пользу заключенія сепаратнаго мира. Самъ государь добросовѣстно хочетъ побѣды надъ врагомъ и выполненія обязательствъ, принятыхъ по отношенію къ союзникамъ.

Предпринятыя въ свое время прямыя воздѣйствія на государя «нѣмецкой» клики успѣха не имѣли, поэтому для достиженія той же цѣли пришлось предоставить государю кажущуюся свободу дѣйствій и пойти обходными путями.

Британскій посолъ въ Петербургѣ въ своемъ донесеніи Грею подробно обрисовалъ происходящія при дворѣ и въ правительствѣ теченія, при чемъ указалъ на опасность торжества того вліянія, которое можетъ повести къ сепаратному миру.

Грей пригласилъ къ себѣ русскаго посла въ Лондонѣ Бенкендорфа и сказалъ ему, что извѣстно о сильномъ теченіи въ пользу мира при русскомъ дворѣ, но что врядъ ли заключеніе мира окажется выгоднымъ для Россіи, такъ какъ, по особому соглашенію между Великобританіей и Японіей, послѣдняя въ такомъ случаѣ немедленно займетъ Сибирь.

Такой доводъ былъ можетъ и былъ бы убѣдителенъ для государя, но на «нѣмецкую» клику онъ, разумѣется, не произвелъ никакого впечатлѣнія, такъ какъ вѣра въ германскую помощь являлась вполнѣ достаточнымъ противовѣсомъ британскимъ угрозамъ. Возникъ планъ

Библиотека "Руниверс"

создать такія условія, при которыхъ Россія была бы вынуждена просить мира. Въ этотъ планъ входили и разгонъ Думы, и провокація рабочихъ забастовокъ, которыя прекратили бы снабженіе арміи, и всякія другія мѣры, парализующія русскія военныя операціи. Конечно, общественная молва относитъ на счетъ этой интриги и всѣ дефекты, вплоть до предательства, которые разъѣдаютъ организацію войны.

Если все это такъ, то французская побѣда, о которой сообщаютъ сегодня газеты, случилась очень кстати, чтобы подорвать позорныя интриги нѣмецкой клики.

17 сентября.

Въ газетахъ опубликовано объявленіе московскаго градоначальника на предметъ пресѣченія уличныхъ безпорядковъ. Поводомъ къ нему послужило очень крупное столкновеніе 14 сентября между уличной толпой и полиціей. Насколько мнѣ извѣстно изъ частныхъ разговоровъ, дѣло было такъ:

Съ тѣхъ поръ, какъ брошенъ былъ лозунгъ «полиція—на войну», отношенія между нѣкоей публикой и полицейскими чрезвычайно обострились. Во многихъ мѣстахъ происходили довольно серьезныя стычки по разнымъ мелкимъ поводамъ. Было, какъ говорятъ, столкновеніе въ Петербургѣ у Николаевскаго вокзала, во время отъѣзда группы призванныхъ ратниковъ. Вообще укоръ «чего не идешь на войну» раздается при всякомъ удобномъ случаѣ выполненія полицейскими своихъ обязанностей въ качествѣ блюстителей порядка. Особенно, конечно, легко вспыхиваетъ огонь, если объектомъ полицейскаго воздѣйствія является солдатъ или кто-нибудь причастный къ войнѣ

Въ Москвѣ дѣло началось столкновеніемъ городового съ солдатомъ, который, по заявленію градоначальника, «сквернословилъ». За солдата, который ввязался съ городовымъ въ драку, заступилась публика; къ городовому на помощь поспѣшили другіе городовые—и пошло писать. Были вызваны конныя подкрѣпленія изъ городовыхъ и жандармовъ, а толпа, съ своей стороны, принялась строить загражденія изъ предметовъ уличной цивилизаціи. Говорятъ, по толпѣ были даны залпы, отъ которыхъ пострадало человѣкъ 15.

По словамъ пріѣзжихъ изъ Москвы, настроеніе тамъ въ высшей степени напряженное.

Разсказываютъ, что государь собралъ недавно военный совѣтъ и заявилъ о своемъ желаніи перейти въ наступленіе. Генералы указали ему на невозможность такого оборота дѣлъ по высочайшему повелѣнію.

Библиотека "Руниверс"

Говорятъ, будто вернувшіеся изъ ставки, съ засѣданія совѣта, министры привезли рѣшеніе учредить регентство, такъ какъ государь намѣренъ всецѣло посвятить себя военнымъ упражненіямъ. Регентство, будто бы, предполагается въ лицѣ Маріи Ѳедоровны или Михаила Александровича. Вчера я тоже слышалъ толки объ этомъ, но въ качествѣ регентовъ называли Александру Ѳедоровну и Распутина.

Рус. разсказалъ слѣдующія легенды, слышанныя имъ отъ крестьянъ въ Калужской губ. Одинъ крестьянинъ спрашиваетъ его:

— Ну что, баринъ, про войну новаго?

Р. сталъ разсказывать о послѣднихъ военныхъ операціяхъ. Дѣло было во время сдачи Перемышля и нашего отступленія изъ Галиціи. Крестьянинъ перебилъ его:

— Да это ты разсказываешь, что въ газетахъ пишутъ! Это мы знаемъ, а вотъ что на самомъ дѣлѣ творится—ты объ этомъ, чай, и не знаешь?

— А что же творится?

— А вотъ поѣзжай въ Жиздру. Тамъ на базарѣ протянута кругомъ огромадную цѣпь, а къ той цѣпи маленькія цѣпи придѣланы, и къ тѣмъ цѣпямъ 13 генераловъ прикованы. Передъ каждымъ стоитъ блюдечко, а на блюдечкахъ деньги—за что, значитъ, продали. Всѣхъ денегъ 16 милліоновъ.

Въ Козельскомъ уѣздѣ тому же Р. разсказывали, что измѣнившіе генералы пущены милостыню просить.

Будь они простые солдаты—ну, ихъ разстрѣляли бы. А генералы — такъ отъ нихъ деньги отобрали, а самихъ пустили милостыню просить.

П—ву разсказывали въ Брянскѣ, что провезли три вагона генераловъ и всѣ въ намордникахъ, чтобы не разсказывали, что знаютъ: вѣдь нѣмцы-то вездѣ есть.

Любопытный отзывъ казака о солдатахъ передавалъ П—въ: съ казакомъ онъ ѣхалъ гдѣ-то на пароходѣ, и во время разговоровъ о войнѣ казакъ сказалъ, что если кто и воюетъ, то только они, казаки, а солдаты прямо къ нѣмцамъ бѣгутъ. «Теперь, говоритъ казакъ, во всѣ полки казачьи офицеры назначены—ну, кое-какъ сдерживаютъ».

Легенду о снарядахъ, приготовленныхъ по германскимъ пушкамъ, относятъ теперь уже къ брянскому заводу.

Говорятъ, будто поѣздъ, везшій большія денежныя цѣнности на фронтъ, проѣхалъ прямо къ нѣмцамъ.

Библиотека "Руниверс"

Въ послѣдніе дни, въ связи съ призывомъ ратниковъ второго разряда, были безпорядки въ нѣсколькихъ мѣстахъ. Называютъ Болховъ, Козельскъ, Астрахань. Главнымъ образомъ безпорядки возникали изъ подозрѣнія, что кто побогаче, тѣ отбояриваются или идутъ на всякія тыловыя занятія, а кто бѣднѣе—тѣхъ забираютъ на фронтъ.

Очень «погромное» настроеніе, по слухамъ, господствуетъ въ Сибири, гдѣ, того и гляди, вспыхнутъ преслѣдованія всѣхъ, кто по-господски одѣтъ.

18 сентября.

Послѣ столкновенія, происшедшаго 14 сентября, настроеніе въ Москвѣ было очень возбужденное. На другой день въ разныхъ мѣстахъ города собирались кучки народа и устраивалось нѣчто въ родѣ митинговъ, на которыхъ произносились рѣчи. Говорятъ, опять была стрѣльба.

Легенды о генералахъ-предателяхъ, подобныя калужскимъ, ходятъ по всей Россіи. Въ кіевскихъ низахъ ходитъ разсказъ, будто черезъ городъ провели нѣсколько генераловъ, прикованныхъ къ одной цѣпи; впереди несли блюдо съ деньгами, которыми эти генералы были подкуплены.

Въ Подольской губерніи въ народѣ распространились слухи, что будутъ брать на войну незамужнихъ женщинъ. Это вызвало своеобразное бѣгство дѣвушекъ въ замужество. Любопытно, что однородное движеніе возникало въ народѣ во время наполеоновскихъ войнъ, когда подъ вліяніемъ такихъ же слуховъ дѣвушки выходили за перваго встрѣчнаго, лишь бы избавиться отъ угрожающей воинской повинности.

20 сентября.

Въ Москвѣ снова возникли крупныя забастовки въ связи съ послѣдними столкновеніями.

22 сентября.

Слышалъ еще слѣдующую версію о московскихъ безпорядкахъ.

Солдатъ — раненый георгіевскій кавалеръ — обратился къ постовому городовому за справкою о какомъ-то адресѣ. Городовой сказалъ ему, но невѣрно, и, проискавъ напрасно нужный домъ, солдатъ подошелъ опять къ городовому и сталъ его ругать за то, что онъ его, больного солдата, заставилъ даромъ пройти. Городовой отвѣтилъ тоже бранью—и между ними завязалась словесная перепалка, въ которую вмѣшался, со стороны солдата, проходившій прапорщикъ. Городовой и его выругалъ. Тогда прапорщикъ вынулъ шашку и бросился на городового. Городовой убѣжалъ въ трамвайную будку. Офицеръ за нимъ, но

Библиотека "Руниверс"

ему преградить дорогу околоточный. Прапорщикъ отолкнулъ околоточнаго, проникъ въ будку и тамъ «снесъ голову городовому». Въ это время подоспѣла полиція и собралась огромная толпа, при чемъ произошло сраженіе, во время котораго было еще нѣсколько «снесенныхъ головъ», а также тѣ убитые и раненые, о которыхъ извѣстно изъ официальныхъ сообщеній.

Если откинуть всѣ сомнительныя подробности въ различныхъ варіантахъ, остается совершенно несомнѣнная картина крайне обостренныхъ отношеній между войскомъ и полиціей. Многое указываетъ на то, что такое обостреніе опредѣляется тѣмъ гражданскимъ характеромъ, который пріобрѣло воиско. Убыль старыхъ солдатъ и приливъ въ армію рабочихъ, крестьянъ и вообще гражданскаго элемента, не относящагося особенно дружелюбно къ полиціи и въ мирное время, создало большую враждебность къ послѣдней, а сознаніе, что полиція, не участвуя въ отраженіи внѣшняго врага, выполняетъ функціи пресѣченія и подавленія такъ называемаго «внутренняго врага», дѣлаетъ вражду къ полиціи всеобщею, поскольку, всеобще недовольство настоящимъ моментомъ.

Не только Москва является ареною конфликтовъ между солдатами и полиціей. Въ Петербургѣ,—мертвомъ городѣ, по выраженію москвичей—тоже было нѣсколько яркихъ эпизодовъ этого рода. Я уже передавалъ слухи о сраженіи на Знаменской площади; эти слухи подтверждаются, при чемъ разсказываютъ, что солдатъ застрѣлилъ городового. Мнѣ разсказывали о другомъ эпизодѣ, болѣе мирномъ, но и болѣе характерномъ.

Солдатъ началъ дебоширить въ лавкѣ—а поводовъ къ возбужденію покупателей теперь сколько угодно — и приказчики обратились къ городовому, съ помощью котораго солдатъ—георгіевскій кавалеръ—былъ отправленъ въ участокъ. Тамъ солдатъ продолжалъ буянить и бранить полицію, говоря, что теперь, молъ, не 1905 годъ и полиція не осилитъ народа. Это придало «политическій» характеръ буйству солдата, о чемъ изъ участка сообщили въ комендантское управленіе. Оттуда были посланы за буяномъ два солдата со штыками. Въ участкѣ, при удаленіи солдата, одинъ изъ городовыхъ схватилъ его за плечи и сталъ толкать. Тогда одинъ изъ двухъ солдатъ, присланныхъ изъ комендантскаго управленія, быстро повернулся и направилъ штыкъ въ грудь городовому съ такими словами:

— Какъ ты смѣешь, такой-сякой, георгіевскаго кавалера бить! Погоди, вотъ вамъ ужо будетъ! Это вамъ не 905 годъ!

Послѣ этого солдаты удалились, а въ участкѣ былъ составленъ протоколъ и сообщено обо всемъ военнымъ властямъ. Черезъ нѣкоторое время въ участокъ пріѣзжалъ офицеръ, который совѣтывалъ, «въ интересахъ самой полиціи», потушить дѣло.

Библиотека "Руниверс"

Довольно характерно во всѣхъ этихъ исторіяхъ фигурированіе «георгіевскаго кавалера». Солдатъ убѣжденъ, что наличность георгіевскаго знака создаетъ ему нѣчто въ родѣ иммунитета по отношенію къ полиціи и вообще увеличиваетъ его «права», тоска по которымъ такъ сильно чувствуется сейчасъ въ народѣ.

По слухамъ, государь поручилъ Горемыкину принять депутацію отъ городского и земскаго съѣздовъ. Въ этомъ видятъ злую насмѣшку, такъ какъ главною задачею депутаціи является именно смѣщеніе Горемыкина.

Говорятъ, что отставка Щербатова принята, и министромъ внутреннихъ дѣлъ будетъ назначенъ Хвостовъ, бывшій нижегородскій губернаторъ, лидеръ крайней правой въ Государственной Думѣ.

Въ послѣдніе дни опять усиленно толкуютъ о регентствѣ. Теперь уже кандидатомъ называютъ Кирилла Владимировича.

Завтра въ Царскомъ Селѣ состоится засѣданіе совѣта министровъ, на которомъ будутъ обсуждаться вопросы «чрезвычайной важности». Говорятъ, что обсуждаться будетъ вопросъ о регентствѣ; сегодня мнѣ опять называли кандидатомъ Михаила Александровича и Александру Оедоровну. Помимо регентства къ числу важныхъ вопросовъ, которые могутъ быть поставлены въ настоящее время, относятся также принятіе опредѣленнаго праваго курса, съ обузданіемъ общества и всѣхъ его проявленій, учрежденіе диктатуры и, наконецъ, заключеніе мира.

Разсказываютъ очень печальныя вещи о настроеніи въ войскахъ. По слухамъ, въ Семеновскомъ полку произошло нѣчто въ родѣ бунта—на какой почвѣ, я не знаю—и пришлось усмирять силою. Дезертирство, мародерство, и насильничество достигаютъ ужасныхъ размѣровъ. Солдаты не слушаются молодыхъ офицеровъ. Легко раненые въ среднемъ проводятъ 7 дней въ лазаретахъ, но 108 дней отсутствуютъ изъ своихъ частей.

Въ то же время настроеніе государя, какъ говорятъ, прекрасное, и онъ видитъ въ своей особѣ сильную власть, пользующуюся довѣріемъ народа.

26 сентября.

Сегодня опубликовано объ отставкѣ Самарина и Щербатова двухъ министровъ, назначеніе которыхъ было «уступкою» общественному настроенію.

Кто «съѣлъ» Щербатова, я не знаю, но что Самарина «съѣлъ» Распутинъ, въ этомъ не можетъ быть сомнѣнія. Если вспомнить, что Саблеръ въ свое время кланялся Распутину въ ноги за назначеніе его

Библиотека "Руниверс"

оберъ-прокуроромъ, а Самаринъ не кланялся, то понятно, что послѣднему было не удержаться при распутинскомъ режимѣ. Ближайшею причиною отставки Самарина была варнавинская исторія, о которой я здѣсь распространяться не буду, такъ какъ она изложена въ газетахъ.

На происходившемъ на-дняхъ въ Москвѣ дворянскомъ избирательномъ съѣздѣ Самаринъ весьма откровенно и подробно разсказалъ о придворныхъ настроеніяхъ и о той роли, которую въ дѣланіи этихъ настроеній играетъ Распутинъ. Джунковскій—тоже убранный изъ товарищей министра вслѣдствіе вражды съ Распутинымъ—прибавилъ отъ себя много интереснаго къ разсказу Самарина. Въ результатѣ были выборы Джунковскаго и всеподданнѣйшая телеграмма, въ которой московскіе дворяне протестуютъ противъ «посторонняхъ вліяній».

24 октября.

Въ послѣдніе дни циркулируетъ разсказъ, который я изложу такъ, какъ слышалъ его.

Вильгельмъ прислалъ черезъ германскихъ сестеръ милосердія, объѣзжающихъ лагери военноплѣнныхъ, письмо государынѣ, въ которомъ просилъ оказать вліяніе въ пользу заключенія сепаратнаго мира, обѣщая вернуть Польшу и Прибалтійскій край; прибавляютъ, будто бы условіемъ этого возвращенія онъ ставилъ также союзъ Россіи съ Германіей противъ Великобританіи и Франціи. Государыня показала это письмо Горемыкину, и они вдвоемъ рѣшили ловліять на Николая II. Государь очень рѣшительно заявилъ, что объ этомъ нечего и думать. Тогда съ государыней сдѣлалась истерика, и она пригрозила, что возьметъ Алешу и уѣдетъ съ нимъ (вѣроятно, въ Германію). Вслѣдствіе этой угрозы государь взялъ наслѣдника съ собою на фронтъ. Государыня подождала здѣсь, да и поѣхала сама будто по разнымъ городамъ—черезъ Тверь, Москву—въ Могилевъ. Въ Москвѣ, какъ говорятъ, толпа на улицѣ освистала царицу и кричала вслѣдъ ея экипажу весьма нелестные эпитеты по поводу Распутина. Царь въ это время находился въ Могилевѣ, въ ставкѣ, но, прослышавъ о приближеніи царицы, уѣхалъ съ наслѣдникомъ на галиційскій фронтъ. Въ Могилевѣ государыня стала ждать возвращенія мужа, рѣшивъ не возвращаться домой безъ сына. Затѣмъ всѣ трое вернулись въ Царское Село, и произошло нѣчто въ родѣ примиренія, публичнымъ выраженіемъ котораго былъ рескриптъ на имя государыни. Затѣмъ въ обществѣ возникли настойчивые слухи о рѣшеніи государя заключить сепаратный миръ подъ давленіемъ окружающихъ, сумѣвшихъ убѣдить его, что если не будетъ заключенъ миръ, то произойдетъ революція и некому будетъ (безъ Вильгельма) спасать тронъ.

Въ качествѣ фіоритуръ къ этому разсказу передаютъ еще, будто государь, уѣзжая отъ преслѣдованія жены на галиційскій фронтъ, от-

Библиотека "Руниверс"

далъ распоряженіе не пускать царицу дальше Могилева. Еще разсказываютъ, что о письмѣ Вильгельма узналъ британскій посолъ Бьюкененъ и имѣлъ по этому поводу разговоръ съ Горемыкинымъ, поставивъ на видъ, что въ случаѣ заключенія Россіей сепаратнаго мира Японія немедленно объявитъ ей войну. Бьюкененъ вообще фигурируетъ во всѣхъ разсказахъ въ качествѣ посредника союзниковъ съ русскимъ правительствомъ, и зачастую по разнымъ поводамъ ему приписываются одни и тѣ же поступки и даже одни и тѣ же слова.

Къ слухамъ о сепаратномъ мирѣ всѣ относятся съ негодованіемъ и съ недовѣріемъ. Считаютъ такое намѣреніе слишкомъ безумнымъ уже потому, что заключеніе такого мира немедленно вызвало бы революцію, не только гражданскую, но и военную.

22 ноября.

Записи дѣлаю съ мѣсячными перерывами. Это показываетъ, насколько мало говорится теперь интереснаго кругомъ меня.

Несомнѣнно, что въ обществѣ не прерывается какой-то молекулярный процессъ, который поставилъ насъ передъ лицомъ завтрашняго дня иными, чѣмъ мы были годъ, мѣсяцъ и даже недѣлю назадъ. Но когда придетъ этотъ завтрашній день?

Сегодня все-таки слышалъ кое-что интересное, что стоитъ записать.

Вершителями судебъ являются въ настоящее время все тотъ же Григорій Распутинъ и его компанія, въ которую входятъ, между прочимъ, два крупныхъ биржевыхъ и банковыхъ дѣльца—Манусъ и Рубинштейнъ. О Манусѣ я знаю только, что онъ представляетъ собою крупную и беззастѣнчивую силу въ финансовомъ мирѣ; называютъ его про.....омъ и всякими другими торжественными прозвищами. О Рубинштейнѣ мнѣ разсказывали, что онъ когда-то появился на финансовомъ горизонтѣ обыкновеннымъ бѣднымъ еврейчикомъ, удачно игралъ послѣ японской войны на биржѣ, потомъ сталъ посредничать при заключеніи городскихъ и земскихъ займовъ, отъ которыхъ перешелъ уже къ участію въ комбинаціяхъ съ займами государственными. Онъ является однимъ изъ заправилъ русско-французскаго банка и, между прочимъ, къ нему перешли путемъ залога и карточнаго проигрыша паи «Новаго Времени», принадлежащія Суворинымъ и Столыпину. Такимъ образомъ, Рубинштейнъ является финансовымъ хозяиномъ «Новаго Времени», и съ этимъ связываютъ, между прочимъ, то обстоятельство, что газета эта уже съ полгода не травитъ евреевъ.

Такъ вотъ эти господа сдружились съ Распутинымъ, кутятъ и распутничаютъ съ нимъ, обдѣлываютъ свои финансовыя дѣла и вершатъ въ ресторанныхъ кабинетахъ грядущія судьбы Россіи.

Библиотека "Руниверс"

Какъ люди, имѣющіе возможность непосредственно ощущать господствующія вокругъ настроенія, они считаютъ вѣроятной революціонную вспышку послѣ войны и составили свой планъ парализованія ея. Планъ этотъ состоитъ въ томъ, чтобы обезвредить два наиболѣе опасные элемента: еврейство и крестьянство. Обезвредить еврейство они признаютъ возможнымъ предоставленіемъ имъ правъ (вѣроятно, «нѣкоторыхъ»); что же касается крестьянства, то правительство можетъ привлечь его симпатіи на свою сторону, надѣливъ ихъ помѣщичьей землею. Произвести отчужденіе помѣщичьей земли предполагается, конечно, по хорошей оцѣнкѣ, на выкупъ. Таковъ въ общихъ чертахъ планъ этихъ трактирныхъ реформаторовъ, которые разсчитываютъ его осуществленіемъ сохранить пріятное ихъ душѣ самодержавіе, быть можетъ даже очистить его отъ тѣхъ конституціонныхъ засореній, которымъ оно подверглось въ 1905 году.

28 ноября.

О компаніи Распутинъ—Рубинштейнъ—Манусъ слышалъ за послѣднее время не мало интереснаго.

Манусъ лѣтъ двадцать назадъ былъ мелкимъ служащимъ въ правленіи московско-виндаво-рыбинской дороги. Онъ по натурѣ скандалистъ и вслѣдствіе какого-то личнаго столкновенія долженъ былъ уйти со службы. Пристроившись къ мелкой прессѣ въ качествѣ репортера, онъ сталъ въ то же время удачно поигрывать на биржѣ. Нажилъ милліоны, потомъ спустилъ почти все, потомъ опять нажилъ и сталъ втираться въ биржевыя и прочія финансовыя сферы. При Коковцевѣ, который, какъ чистоплотный человѣкъ, терпѣть не могъ Мануса, послѣдній былъ избранъ членомъ совѣта фондовой биржи, но Коковцевъ не утвердилъ его, и это произвело скандалъ, такъ какъ до тѣхъ поръ случая неутвержденія, кажется, не бывало. И въ другихъ случаяхъ, когда карьера Мануса встрѣчалась съ волею Коковцева, послѣдній оказывалъ противодѣйствіе. Тѣмъ не менѣе Манусу удалось независимыми отъ Коковцева путями подняться высоко въ банковыхъ, страховыхъ и биржевыхъ сферахъ, и въ дальнѣйшемъ его вліяніе сыграло нѣкоторую роль въ судьбѣ министра финансовъ.

Такъ вотъ этотъ Манусъ—получившій, между прочимъ, недавно чинъ дѣйствительнаго статскаго совѣтника, вкупѣ съ Рубинштейномъ, получившимъ одновременно Владиміра 4-ой степени — сблизились съ Распутинымъ, а черезъ него и съ той придворной средой, въ которой Распутинъ играетъ роль. Въ этой средѣ немало людей, нуждающихся въ большихъ и быстрыхъ доходахъ, и чрезвычайно развившаяся въ послѣдніе годы биржевая игра служила той ареной, на которой аристократія поправляла черезъ Рубинштейна, Мануса и другихъ свои денежныя дѣла. Но не одна аристократія сильно пріобщилась за по-

Библиотека "Руниверс"

слѣдніе годы къ биржевымъ дѣламъ. Туда же ринулась и бюрократія—крупное чиновничество, до министровъ включительно,—и всѣ они имѣли своихъ посредниковъ на биржѣ въ лицѣ директоровъ тѣхъ банковъ, въ которыхъ они держали онкольные счета. Манусъ и Рубинштейнъ и были главными изъ такихъ посредниковъ.

Получилась такая комбинація: высокопоставленнымъ лицамъ, отъ которыхъ, между прочимъ, зависитъ дача правительственныхъ заказовъ тому или другому учрежденію, нужно «поиграть» на биржѣ. Они обращаются къ своимъ банкирамъ—Манусу, Рубинштейну и проч. за совѣтомъ. Тѣ даютъ совѣтъ купить такія или иныя бумаги, принадлежащія предпріятіямъ, нуждающимся въ поддержкѣ своихъ дѣлъ правительственными заказами; въ то же время въ лицахъ, купившихъ эти бумаги, биржевые совѣтники пріобрѣтаютъ вѣрныхъ сторонниковъ дачи заказовъ именно этимъ предпріятіямъ. Заказы имъ даются, бумаги быстро повышаются, и продажа ихъ оставляетъ крупныя суммы въ карманахъ аристократовъ и чиновниковъ.

Нѣкоторое время тому назадъ существовала другая комбинація такого же рода. Роль биржевого посредника игралъ В., владѣлецъ и директоръ одного изъ банковъ; а роль придворнаго посредника принадлежала князю О., нынѣ отставленному отъ двора и сдѣланному помощникомъ намѣстника на Кавказѣ. О. черезъ В. игралъ на биржѣ, а В. черезъ О. вліялъ на курсъ промышленныхъ бумагъ. За тѣмъ и другимъ стояло, конечно, не мало лицъ, изъ которыхъ одни наживали деньги биржевою игрою, а другіе—правительственными заказами.

Извѣстно, что между О. и Распутинымъ существовала личная вражда. О ней много говорилось въ связи съ отчисленіемъ О. отъ походной канцеляріи его величества и удаленіемъ на Кавказъ. Этотъ антагонизмъ станетъ еще понятнѣе, если принять во вниманіе, что въ сущности здѣсь была конкуренція наживы и вліянія между двумя группами финансово-придворно-биржевыхъ «дѣятелей», которыя нерѣдко портили другъ другу музыку. Съ устраненіемъ О. естественно расширилось поле для операцій группы Манусъ—Рубинштейнъ—Распутинъ.

Манусъ родился въ православіи, но отецъ его былъ выкрестомъ. Въ еврейскомъ вопросѣ Манусъ безразличенъ, тогда какъ Рубинштейнъ, не прячущій своего еврейства, можетъ быть, только въ этой области является до извѣстной степени идейнымъ человѣкомъ. Идейность эта не идетъ далѣе сознанія за собою обязанности противодѣйствовать юдофобству. Со стороны Рубинштейна это противодѣйствіе выразилось небезвыгоднымъ для него способомъ въ скупкѣ нововременскихъ паевъ; но говорятъ, что благодаря деньгамъ Рубинштейна значительно смягчилъ свою позицію въ еврейскомъ вопросѣ и «Колоколъ», а здѣсь затраты были, вѣроятно, болѣе безкорыстными.

Библиотека "Руниверс"

Вообще Рубинштейнъ добываетъ свое вліяніе деньгами. Устраивала жена Горемыкина какую-то мастерскую для обученія увѣчныхъ солдатъ ремесламъ — Рубинштейнъ отсыпалъ на эту мастерскую 100,000 руб., и за это на елкѣ у рубинштейновскихъ дѣтей были внучата Горемыкина. Понадобилось какому-то великому князю купить имѣніе—Рубинштейнъ поднесъ это имѣніе, взявъ только векселя на 250.000 и сердечную благодарность.

При дворѣ имѣется группа лицъ, вліянію которыхъ мѣшаетъ Распутинъ. Возобладать надъ этимъ вліяніемъ можно только, поставивъ на мѣсто Распутина «своего» колдуна. Вотъ и нашли такого гдѣ-то въ Черниговской губ. Стали говорить государю.

— Ужь и что это за юродивый! Всѣхъ юродивыхъ за поясъ заткнетъ! И говоритъ-то онъ такъ, что ничего понять нельзя. А при немъ человѣкъ, который одинъ его понимаетъ и все можетъ объяснить, что бы тотъ ни изрекъ.

Шептали, шептали государю—онъ и согласился, чтобы привезли юродиваго въ ставку. Задалъ государь ему какой-то вопросъ, тотъ въ отвѣтъ:

— Бу, бу, бу, бу, бу!

Стали спрашивать у толмача: что говоритъ юродивый? объясни.

— Никакъ не могу передать!

— Да какъ же не можешь? Вѣдь ты же понимаешь, что онъ говоритъ?

— Понимать—понимаю, а только передать никакъ не могу.

Пристаютъ къ толмачу: объясни, да объясни. Ни за что не хочетъ. Наконецъ прижали его такъ, что долженъ былъ сказать:

— Онъ говоритъ: «Посц...ть хочу!»

Тутъ ихъ обоихъ и выгнали.

14 декабря

6 декабря былъ «полковой» праздникъ жандармовъ. Хвостовъ, въ качествѣ шефа, произнесъ послѣ богослуженія рѣчь, подобную произнесенной имъ жандармамъ въ Москвѣ, куда онъ ѣздилъ вскорѣ послѣ назначенія его министромъ. На этотъ разъ Хвостовъ не ограничился благодарностью жандармамъ за вѣрную службу по подавленію революціи въ 1905 году, но прибавилъ, что въ предстоящемъ 1916 году для нихъ предвидится еще болѣе отвѣтственная, тяжелая и большая работа и что онъ надѣется на удачное выполненіе ея. Послѣ того, уже въ отсутствіи министра, былъ обѣдъ, раутъ или что-то въ этомъ родѣ. Здѣсь жандармы усиленно обсуждали рѣчь министра, при чемъ высказывались такимъ образомъ: «Въ 1905 г. работа была легкая, потому

Библиотека "Руниверс"

что войско было на сторонѣ правительства, т.-е. съ жандармами. Теперь же на это разсчитывать нельзя, и нельзя разсчитывать на успѣхъ въ борьбѣ съ предстоящей революціей».

Сообщали мнѣ это изъ совершенно, будто бы, компетентныхъ источниковъ.

Говорятъ объ опредѣленномъ «аграрномъ» настроеніи на югѣ. Крестьяне попросту «высматриваютъ» себѣ земли, чтобы послѣ войны немедленно приступить къ самонадѣленію. И въ разговорахъ даже съ нѣкоторыми помѣщиками они не скрываютъ своей увѣренности въ томъ, что какъ только будетъ заключенъ миръ, начнется перевертка земли.

Слышалъ я опасенія, что «партія мира» используетъ эту тенденцію крестьянъ, чтобы бросить ихъ на радикальную интеллигенцію, которая хочетъ продолженія войны. «Это-де они нарочно, чтобы нашего брата побольше переколотили и чтобы не дѣлиться съ вами землею». Все возможно...

20 декабря.

Сегодня я слышалъ, будто бы сегодня же или вчера произошелъ новый разгромъ лавокъ въ Сытномъ рынкѣ на Петербургской сторонѣ. Говорятъ, что было неистовѣе, чѣмъ при первомъ «бабьемъ бунтѣ» въ томъ же рынкѣ. Кричали при этомъ: «Къ рождеству мы вамъ еще не то покажемъ». Безпорядки носили исключительно «продовольственный» характеръ.

Когда разсказываютъ объ этомъ случаѣ, то всѣ говорятъ: «Давно слѣдовало ожидать!». Вообще голодныхъ бунтовъ ожидаютъ, дѣйствительно, давно, и скорѣе всѣ удивляются, что ихъ еще нѣтъ, чѣмъ возникновенію ихъ. Такую «задержку» объясняютъ съ одной стороны тѣмъ, что импульсъ къ бунтарству силенъ только въ бабахъ—война удерживаетъ болѣе сознательные элементы, а съ другой—хорошимъ заработкомъ рабочихъ, позволяющимъ имъ сравнительно легко переносить необычайную дороговизну.

В. Каррикъ.

Библиотека "Руниверс"

Мелочи прошлаго.

Эпиграмма на К. П. Побѣдоносцева.

Сановный блюститель
Духовнаго здравія,
Ты, рабства, безправья
Гоненій ревнитель,
Кощей православья!
Исполненный лести,
Коварства и злобы,
Наушникъ безъ чести,
Скопецъ отъ утробы!
Зачѣмъ безъ нужды себя вновь замаралъ?
Зачѣмъ у старушки ты книгу укралъ?
Кого обокралъ ты?
Не ксендза, не ламу:
Придворную даму!..
И какъ не пропалъ —
Отъ сраму?
Когда въ Колывани,
Вѣрны убѣжденью,
Свершаютъ крещенье,
Свое лютеране,
Печать умъ заранѣ
Кричитъ: преступленье!
Всѣхъ ихъ въ заточенье!
Въ острогъ!
Тебѣ жъ комплименты
Строчатъ рецензенты
За явный подлогъ.
Крести ты хоть Ригу,
Какъ крестишь чукчей,
Бурятъ, лопарей;
Но... крестишь ты книгу
Чужую своей.
Гдѣ соль тутъ? Гдѣ перецъ?
Она—иновѣрецъ?
Она—уніатъ?
Иль, мнишь ты, спасенный
Въ рай въѣдетъ крещенный
Тобой плагіатъ?
Скажи мнѣ, какой укусилъ тебя оводъ?
Съ какою ты цѣлью?
Иль такъ—по бездѣлью?
Иль въ старости вдругъ захотѣлъ ты дать поводъ
Веселью?
И выбралъ же время
Ты! Въ этакій годъ!
Народъ на народъ,
И племя на племя,
Хлѣбовъ недородъ!
Исполнилась чаша!
Готовится каша:
Политика ваша
Дастъ плодъ.
Святитель во фракѣ!
За подлость и враки
Пусть спятъ твои мощи
Въ осиновой рощѣ,—
Не въ ракѣ,
Онѣ хоть и тощи,—
Не глядя на это
Въ голодное лѣто
Въ имѣньѣ у тещи
Ихъ сгложутъ собаки
Въ глухомъ буеракѣ.

Авторами настоящей эпиграммы являются В. С. Соловьевъ и С. Н. Трубецкой. Эпиграмма имѣетъ въ виду тотъ же случай съ книгою г-жи Бахметьевой, который далъ поводъ и къ четверостишію В. С. Соловьева, помѣщенному въ № 1—3 „Гол. Минувш.“ за 1918 г., стр. 250. Эпиграмма относится къ концу 90-хъ г.г.

Библиотека "Руниверс"

Изъ воспоминаній Н. В. Шелгунова.

Въ печатаемыхъ ниже запискахъ Н. В. Шелгунова нѣтъ единства: это нѣсколько довольно большихъ отрывковъ. Первый—дающій характеристику 50—60-хъ годовъ, свободно и рѣзко рисуетъ это время, т.-е. послѣдніе годы передъ Севастопольской войной, съ первыми признаками начинавшейся весны. Шелгунову вообще удавалось уловить духъ и суть общественнаго настроенія 60-хъ годовъ. Въ его «Воспоминаніяхъ», напечатанныхъ въ II томѣ собранія его сочиненій, много страницъ посвящено широкой картинѣ эпохи. Изслѣдователямъ этого времени и даже біографу Шелгунова приходится черпать въ этихъ воспоминаніяхъ много живыхъ чертъ эпохи, оцѣнка которой у Шелгунова угадана вѣрно и передана смѣло и красочно, съ попытками широкихъ обобщеній.

На этомъ фонѣ нарисовано нѣсколько людей, принимавшихъ, какъ и самъ Шелгуновъ, близкое активное участіе въ общественномъ движеніи, ставшемъ въ эти годы вполнѣ опредѣленно на революціонную дорогу. Вторая часть записокъ разсказываетъ о знакомствѣ автора съ однимъ изъ этихъ людей, Н. Г. Чернышевскимъ. Разсказъ этотъ извѣстенъ довольно подробно, нѣсколько въ иной формѣ изъ устъ самого же Шелгунова въ тѣхъ же воспоминаніяхъ во II томѣ сочиненій, изданныхъ Ф. Павленковымъ. Шелгуновъ не даетъ здѣсь ничего новаго о революціонной дѣятельности Чернышевскаго.

Но, за то въ третьей части отрывковъ, самой большой и самой главной въ печатаемыхъ запискахъ, много новаго и много откровенныхъ признаній о своей революціонной дѣятельности. Это время въ жизни Шелгунова тѣсно переплелось съ судьбою М. Л. Михайлова, о которомъ главнымъ образомъ и ведется разсказъ.

Видно, что фигурѣ Михайлова, его судебному процессу, Шелгуновъ придавалъ огромное значеніе и въ революціонномъ броженіи того времени и въ собственной своей жизни.

Имя М. Л. Михайлова, нашего лучшаго переводчика Гейне, больше всего извѣстно, какъ имя первой жертвы ликвидаціи общественнаго

Библиотека "Руниверс"

движенія, порожденнаго неудачами Крымской войны. Память о немъ тѣснѣе всего связана съ прокламаціей «Къ молодому поколѣнію». Ссылка въ Сибирь и ранняя смерть закрѣпили эту память о борцѣ за идею. И во всей небольшой мемуарной литературѣ о Михайловѣ первое мѣсто безспорно принадлежитъ воспоминаніямъ Н. В. Шелгунова *).

Для большей ясности печатаемыхъ ниже записокъ отношенія этихъ двухъ людей должны быть освѣщены подробнѣе.

Знакомство Шелгуновыхъ съ Михайловымъ произошло зимою 1855—1856 г., когда онъ изъ Уфы вернулся въ Петербургъ. Въ своихъ воспоминаніяхъ Л. П. Шелгунова разсказала объ оригинальной завязкѣ ихъ отношеній. Въ маскарадѣ она интриговала Михайлова своей освѣдомленностью объ уфимскихъ знакомыхъ, спрашивала о здоровьѣ его родныхъ, вспоминала о встрѣчахъ съ нимъ, не будучи вовсе знакома съ писателемъ и зная обо всемъ лишь со словъ его друга и земляка, будущаго академика П. Пекарскаго. Встрѣчи въ маскарадѣ и на балахъ, встрѣчи въ интимномъ писательскомъ кругу, въ литературномъ салонѣ Штакеншнейдеръ сблизили Михайлова съ семьей Шелгуновыхъ. Знакомство перешло въ дружбу и смѣнилось любовью къ Людмилѣ Петровнѣ.

Михайловъ поселился въ одной квартирѣ съ Шелгуновыми, вмѣстѣ съ ними ѣздилъ за границу. Чувство Михайлова къ Людмилѣ Петровнѣ не разрушило искреннихъ пріятельскихъ отношеній Шелгунова къ поэту. Въ своихъ письмахъ къ женѣ онъ постоянно говоритъ о Михайловѣ въ самыхъ дружественныхъ тонахъ.

Вплоть до ссылки Михайловъ оставался вблизи Шелгуновыхъ. Онъ проводитъ лѣто то въ Подоліи, въ имѣніи Людмилы Петровны, то въ Лисинѣ, гдѣ служилъ Шелгуновъ. Людмила Петровна входитъ во всѣ дѣла и планы Михайлова,—къ ней обращается Полонскій съ просьбой уговорить Михайлова быть его помощникомъ въ дѣлѣ редактированія «Русскаго Слова».

Когда Михайловъ былъ осужденъ на каторгу, Шелгуновы сдѣлали все возможное, чтобы облегчить его страданія и лишенія въ дорогѣ и ссылкѣ. Они поддерживали его письмами, деньгами, книгами. Людмила Петровна устраивала литературныя дѣла Михайлова, помѣщала его стихотворенія, разсказы и переводы въ журналахъ.

Сознаніе того, что Михайловъ пострадалъ отчасти за чужую вину, принялъ на себя значительно больше того, что онъ сдѣлалъ, не давало покоя Николаю Васильевичу, такъ какъ авторомъ прокламаціи «Къ молодому поколѣнію» являлся именно онъ, Шелгуновъ, а не Михайловъ, что осталось необнаруженнымъ при разборѣ дѣла въ Сенатѣ,

*) Кромѣ изданія 1891 г. Ф. Павленкова, «Воспоминанія» Шелгунова перепечатаны во II томѣ его сочиненій, изд. О. Н. Поповой. Спб. 1895 г.

Библиотека "Руниверс"

благодаря рыцарской самоотверженности Михайлова, не желавшаго навлекать бѣды на голову любимой женщины.

Чтобы отплатить Михайлову, Шелгуновъ составилъ планъ освобожденія Михайлова и бѣгства за границу, но это не удалось. Шелгуновы были арестованы и Николай Васильевичъ былъ привлеченъ къ суду, между прочимъ, и за свое знакомство и сношенія съ «государственнымъ преступникомъ» Михайловымъ.

Вслѣдствіе всѣхъ этихъ близкихъ, дружественныхъ отношеній съ Михайловымъ, свидѣтельства Шелгуновыхъ являются драгоцѣннымъ источникомъ знакомства съ личностью поэта. Но Людмила Петровна осторожна и сдержанна въ своемъ разсказѣ: она передаетъ только внѣшніе факты и не подводитъ насъ къ интимному проникновенію въ личность писателя *). Иначе въ воспоминаніяхъ Н. В. Шелгунова. Близкій другъ, идейный единомышленникъ, Шелгуновъ далъ въ своихъ запискахъ о прошломъ необычайно живой и яркій образъ поэта. Эта часть воспоминаній, къ сожалѣнію, была вырѣзана цензурою изъ собранія сочиненій Шелгунова, изданныхъ Ф. Павленковымъ въ 1891 г.

Сочиненія Шелгунова вообще пострадали отъ цензуры. Ихъ вырѣзывали въ свое время цѣлыми статьями изъ «Дѣла», «Русской Мысли», «злонамѣренность» ихъ исправляли вырѣзками внутри статей, когда прошедшія черезъ журналъ произведенія были собраны вмѣстѣ для изданія Павленкова. Пострадалъ даже біографическій очеркъ Н. К. Михайловскаго, приложенный къ сочиненіямъ; изъ него выбросили цѣлый рядъ строкъ и отрывковъ.

Но больше всего потерпѣли отъ усердія цензоровъ «Воспоминанія». Изъ всего второго тома они одни обратили на себя вниманіе. Цензоръ В. Ведровъ, которому было поручено разсмотрѣніе всего изданія — 5 декабря 1890 года сдѣлалъ докладъ въ засѣданіи цензурнаго комитета. Ведрову не пришлось приводить много аргументовъ. Нѣсколько цитатъ изъ «Воспоминаній» доказали ясно ихъ общій духъ, и чтобы развѣять его, въ изданіи сочиненій по предложенію цензора были сдѣланы многочисленныя вырѣзки изъ различныхъ мѣстъ. Погибли и воспоминанія о Михайловѣ, какъ общественномъ дѣятелѣ, остался только разсказъ о личныхъ отношеніяхъ Шелгунова къ поэту, да и то послѣдній обозначенъ здѣсь одной только буквой М.

«Въ этомъ томѣ (II т. соч. Н. В. Шелгунова),—докладывалъ цензоръ Ведровъ комитету,—помѣщены уже напечатанныя въ разныхъ журналахъ статьи, заключающія историко-экономическія извлеченія изъ иностранныхъ сочиненій, критику современныхъ общественныхъ со-

*) Л. П. Шелгунова. «Изъ далекаго прошлаго». Спб. 1901 г., стр. 55—120.

Библиотека "Руниверс"

бытій, бѣглыя публицистическія замѣтки и воспоминанія автора (1—756).

«Всѣ эти статьи проникнуты одной идеею прогресса, которую авторъ находитъ въ составленномъ имъ понятіи о государствѣ.

«Оставляя въ сторонѣ политико-экономическія увлеченія автора, мы должны остановиться на его воспоминаніяхъ, касающихся нашего отечества, его недавнихъ революціонныхъ стремленій, которыя только взволновали поверхность, и не довели ни до чего: Россія пребываетъ въ сумеркахъ мысли и до сего момента» (стр. 620). Все это «прокламаціонное время», такъ эффектно выражается авторъ (703) описано у него подробно со всѣми героями и ихъ рѣзкими выходками.

«Авторъ такъ подробно и съ такимъ сочувствіемъ ко всему этому движенію «мысли и дѣла» отнесся въ своихъ воспоминаніяхъ, что считалъ необходимымъ оговориться: «Все, что я говорю о шестидесятыхъ годахъ, я говорю болѣе чѣмъ серьезно, придавая большое значеніе прогрессивнымъ мелочамъ, повліявшимъ на измѣненіе умственнаго склада общества» (стр. 686).

Вниманіе цензора привлекли къ себѣ страницы, въ которыхъ очерчено было революціонное движеніе. Въ своемъ докладѣ цензурному комитету онъ добросовѣстно отмѣтилъ эти страницы, пестрѣвшія запретными именами: Герценъ (стр. 675—679), краковскій полякъ-повстанецъ Домбинскій (стр. 679), М. Л. Михайловъ (664—674, 703—709), Серно-Соловьевичъ (682—683), студентъ Михаэлисъ, руководитель студенческаго движенія 60-хъ годовъ (стр. 699). Цензоръ отмѣчалъ, что самъ авторъ «не устыдился представить свою жизнь, какъ агитатора по идеѣ» (630 и дальше). Отмѣчены были также страницы, на которыхъ изображались администраторы, противодѣйствовавшіе революціонному движенію: Муравьевъ, Путятинъ, Филипсонъ, или содѣйствовавшіе ему: Щербатовъ, Суворовъ.

«Мы привели,—докладывалъ цензоръ,—факты, изъ которыхъ ясно, что авторъ разсказалъ ихъ не только, какъ выраженіе безотчетное недавняго времени, но съ полнымъ сочувствіемъ къ идеямъ и направленію. Смѣлымъ и вдохновеннымъ перомъ онъ обновилъ пагубныя вліянія, такъ много причинявшія бѣдствій нашему отечеству».

Ссылаясь на цензурный уставъ, запрещавшій изложеніе революціонныхъ движеній и ихъ оправданіе, ссылаясь затѣмъ на многочисленныя запрещенія высшей власти печатать подробности университетскихъ волненій, цензоръ полагалъ невозможнымъ допустить въ печати «Воспоминанія изъ прошлаго и настоящаго».

Цензурный комитетъ со своей стороны отмѣтилъ, что всѣ статьи Шелгунова и соціально-экономическія и критическія, и публицистическія, «въ особенности по выбору и группировкѣ проникнуты ярко тенденціозно-либеральнымъ характеромъ». Цензурный комитетъ призналъ

Библиотека "Руниверс"

книгу вредною и разрѣшилъ выпустить ее въ свѣтъ съ большими вырѣзками на стр. 630—735.

Издателю Ф. Павленкову пришлось согласиться на вырѣзку страницъ, чтобы спасти книгу. Онъ отстаивалъ только нѣсколько страницъ, на которыя были ссылки въ уже вышедшемъ тогда I-омъ томѣ сочиненій Шелгунова, а въ нѣкоторыхъ мѣстахъ вырѣзку страницъ просилъ замѣнить измѣненіями и сокращеніемъ текста съ перепечаткою этихъ страницъ.

По этому поводу тотъ же цензоръ В. Ведровъ въ откровенномъ и чрезвычайно характерномъ письмѣ обращался къ секретарю цензурнаго комитета Н. Пантелееву:

Многоуважаемый Николай Ивановичъ!

Я очень Вамъ благодаренъ за тщательный осмотръ предполагаемыхъ исключеній. Въ главномъ, какъ было желательно «в л а с т и»—сдѣлано; остаются мелочи, о которыхъ не стоитъ говорить, такъ какъ онѣ напечатаны были въ московскомъ журналѣ и извѣстны начальнику. По моему мнѣнію, нельзя согласиться никакимъ образомъ на оставленіе мѣстъ, какъ пѣли барковщину и искажали молитвы и о полякахъ, усиливающихъ элементъ сопротивленія *), хотя это было напечатано и упоминается въ жизни Шелгунова **). Но тамъ еще—можно, чтобы показать, что на него не подѣйствовало дурное воспитаніе, но здѣсь—едва ли хорошо? Пусть останутся г о л ы я мѣста безъ точекъ, какъ будто ошибка печатника.

Во всякомъ случаѣ, это безопаснѣе.

Пишу на всякій случай, чтобы В. П. доложили господину Предсѣдателю.

Милость, такъ милость!

Готовый къ услугамъ В. Ведровъ ***).

7 января
1891 г.

Милость была оказана Шелгунову, и искромсанныя вырѣзками «Воспоминанія» появились въ свѣтъ.

Маскировка этой цензурной операціи подъ «ошибку печатника» сдѣлана какъ нельзя болѣе искусно. Нѣтъ даже бѣлыхъ мѣстъ, только послѣ 642 страницы сразу слѣдуетъ 679-ая, да 630 страница болѣе широкой разрядкой строкъ и абзацовъ обнаруживаетъ цензурную опеку.

---

*) Здѣсь говорится о пребываніи Шелгунова въ Лѣсномъ корпусѣ.

**) Имѣется въ виду очеркъ жизни и дѣятельности Шелгунова, составленный Н. Михайловскимъ и приложенный къ I-му тому.

***) Архивъ Цензурнаго Комитета. Дѣло 1890 г. о безцензурной книгѣ: сочиненія Н. В. Шелгунова, т. I—II. Изд. Ф. Павленкова. Спб. 1890 г.

Библиотека "Руниверс"

Всѣ эти вырѣзки были возстановлены В. И. Семевскимъ, напечатавшимъ ихъ въ юбилейномъ сборникѣ литературнаго фонда (Спб. 1909 г., стр. 379—423; изъ нихъ больше половины о Михайловѣ, другая часть о студенческихъ волненіяхъ 61 года).

Но печатаемые ниже отрывки изъ «Воспоминаній» Н. В. Шелгунова не входили въ текстъ изданія 1891 г. Онѣ не были и въ числѣ вырѣзокъ. Правда, въ нихъ есть мѣстами кое-что похожее, излагающее какъ бы параллельно съ напечатанными тамъ воспоминаніями и съ вырѣзанными отрывками. Но печатаемыя записки чрезвычайно цѣнны по болѣе свободному тону, по отдѣльнымъ штрихамъ, которыми очерчена эпоха и которыхъ нѣтъ въ печатномъ текстѣ. Ихъ цѣнность, наконецъ, устанавливается и тѣмъ, что здѣсь впервые документально подтверждается авторство Шелгунова въ прокламаціи «Къ молодому поколѣнію». Объ этомъ впервые сообщилъ Л. Пантелеевъ въ своихъ воспоминаніяхъ *). Традиція, считавшая М. Л. Михайлова авторомъ листка, опирается на собственныя его показанія передъ судомъ. Сначала Михайловъ отпирался вообще отъ участія въ дѣлѣ составленія этого воззванія къ молодому поколѣнію, но узнавъ о предательствѣ Костомарова, забезпокоился объ участи Шелгуновыхъ и принялъ вину на себя. Въ своемъ сознаніи на допросѣ Михайловъ написалъ: «Однажды въ разговорѣ (съ Герценомъ и Огаревымъ) по поводу цензурныхъ стѣсненій, я выразилъ мысль, что смягченію ихъ содѣйствовало бы усиленіе тайной прессы въ самой Россіи. Разговоръ невольно перешелъ къ возможности печатать за границей изданія съ обозначеніемъ на нихъ, что они печатаны въ Петербургѣ. Тогда Герценъ предложилъ мнѣ написать для опыта статью съ этой цѣлью. Такъ какъ въ теченіе всей моей почти пятнадцатилѣтней литературной дѣятельности это былъ первый опытъ написать что-либо политическаго содержанія, то опытъ вышелъ крайне неудаченъ, и изъ нѣсколькихъ страницъ, набросанныхъ мною, не осталось и полсвины въ воззваніи «Къ молодому поколѣнію»,—такъ что я не могъ бы по совѣсти выставить подъ нимъ своего имени, если бы оно, по содержанію своему, могло быть напечатано въ Россіи явно».

Позже, на спеціальный вопросъ допрашивавшихъ Михайлова сенаторовъ, онъ опредѣленно указалъ одну часть прокламаціи, которую призналъ своею. Оставалось впечатлѣніе, что прочее, самое рѣзкое въ листкѣ, было добавлено Герценомъ или Огаревымъ. Какъ видно изъ публикуемыхъ отрывковъ, дѣло обстояло иначе: вся исторія съ составленіемъ прокламаціи была выдумана Михайловымъ для спасенія дѣйствительнаго автора—Шелгунова, участіе котораго во всей этой исторіи осталось необнаруженнымъ для суда.

---

*) «Изъ воспоминаній прошлаго». Спб. 1905 г., стр. 330.

Библиотека "Руниверс"

Несмотря на всѣ попытки жандармовъ запутать Шелгунова въ дѣло о прокламаціи, имъ не удавалось разбить упорство Михайлова, твердившаго на всѣ вопросы, что ни Н. В., ни Л. П., ни братъ ея (студентъ Михаэлисъ) не знали ничего о воззваніи.

М. Лемке въ своей статьѣ о процессѣ Михайлова въ «Быломъ» (1906 г., № 1, стр. 105), опираясь на эти показанія, подвергалъ сомнѣнію разсказъ Л. Пантелеева о томъ, что прокламація была написана Шелгуновымъ; поэтому Пантелееву пришлось на страницахъ того же «Былого», еще разъ подтвердить то, что онъ сказалъ объ этомъ въ воспоминаніяхъ *).

Давая разъясненія по поводу сомнѣній г. Лемке, Л. Ф. Пантелеевъ сообщалъ, что прокламацію «Къ молодому поколѣнію» онъ приписывалъ Шелгунову со словъ самого Н. В., взятыхъ изъ его записки, объ обстоятельствахъ, касающихся начала 60-хъ годовъ. По словамъ Пантелеева эту записку онъ получилъ въ 1901 г. отъ Н. К. Михайловскаго. Самая записка была передана Л. Ф. Пантелеевымъ В. И. Семевскому. Она представляетъ собой копію съ записокъ Шелгунова, заканчивающихся письмомъ П. Л. Михайлова, брата писателя, къ Л. П. Шелгуновой объ обстоятельствахъ смерти Михайлова въ ссылкѣ **). Это письмо переписано на той же бумагѣ и тѣмъ же почеркомъ, что и записки.

В. Міяковскій.

Воспоминаніе Шелгунова.

20 сентября 1883 г.

Лѣтъ десять назадъ, послѣ разговора о моей поѣздкѣ въ Сибирь, Григорій Захарьевичъ Елисѣевъ замѣтилъ: «а вамъ бы написать свои воспоминанія». Мысль эта, высказанная Елисѣевымъ, можетъ быть, вскользь, мнѣ понравилась. Лѣтъ черезъ пять, живя въ Выборгѣ, я написалъ кое-что о моемъ первомъ знакомствѣ съ Пекарскимъ, Михайловымъ, Чернышевскимъ. Не знаю, нашлось ли бы время продолжать то, что я началъ въ Выборгѣ, если бы не похороны Тургенева.

Не вчера и не сегодня начались нападки на людей 60-хъ годовъ, но послѣ убійства Александра II, съ воцареніемъ Александра III, когда убійство его отца прямо приписывали вліянію идей 60-хъ годовъ, единственная цѣль правительственной политики заключалась въ томъ, чтобы и людей, и понятія 60-хъ годовъ совсѣмъ стереть съ лица земли.

Смерть Тургенева вызвала цѣлую газетную литературу. Пришлось освѣжить въ памяти многое уже пережитое, а пожалуй и забытое. Пришлось вновь опредѣлять значеніе Тургенева, его вліяніе на свое время,

---

*) «Былое» 1906 г., февраль, стр. 270.

**) Напечатано въ «Голосѣ Минувшаго» 1915 г., № 9, стр. 224—227.

Библиотека "Руниверс"

его отношеніе ко времени, къ которому онъ не принадлежалъ, и къ «молодому поколѣнію», котораго онъ не понималъ и противъ котораго у него былъ «зубъ». Въ литературной дѣятельности Тургенева «Отцы и дѣти», эта исторія двухъ поколѣній, явились рубежомъ его собственнаго общественнаго значенія. По ту сторону стоялъ молодой Тургеневъ, поклявшійся когда-то бороться противъ крѣпостного права, а по сю— Тургеневъ, протестующій противъ тѣхъ, кто тѣмъ же путемъ пошелъ дальше. Въ воспоминаніяхъ Тургенева всѣ его симпатіи обращены только къ сверстникамъ. Затѣмъ идетъ рядъ другихъ лицъ: Добролюбовъ, Писаревъ, и цѣлое новое умственное движеніе, которому Тургеневъ не сочувствуетъ и котораго онъ не одобряетъ. Можетъ быть Тургеневъ и болѣе правъ, чѣмъ я, но меня глубоко задѣла его несправедливость, его субъективность, отъ которой не спасла его даже художественность. Человѣкъ, который долженъ былъ быть другомъ, поставилъ себя врагомъ; человѣкъ, обвиняющій Добролюбова, что онъ статьей противъ Кавура, сыгралъ въ руку врагамъ, повторилъ то же самое. И Тургеневъ, дѣйствительно, сыгралъ въ руку врагамъ той самой свободы, которой онъ хотѣлъ служить. То было величайшее недоразумѣніе, съ которымъ Тургеневъ и умеръ. А сколько людей съ подобнымъ недоразумѣніемъ живо. Сколько изъ нихъ даже и не подозрѣваютъ, чѣмъ они обязаны шестидесятымъ годамъ, какой толчекъ дали эти годы всему послѣдующему движенію русской мысли. Я знаю, что мои воспоминанія не судъ исторіи, возстановляющій истину, но я просто не могу молчать, когда чувствую несправедливость и вижу неправду. Мнѣ и обидно, и досадно не только за истину, но и за тѣхъ лучшихъ чистѣйшихъ и умнѣйшихъ людей, которыхъ 60-ые года выставили въ лицѣ Чернышевскаго, Писарева, Добролюбова и именемъ которыхъ зовется цѣлое время. При торжествѣ этихъ идей, я, можетъ быть не говорилъ бы ни слова, но теперь, когда противъ движенія 60-хъ годовъ—и правительство, и газетная печать, когда защитники Тургенева позволяютъ себѣ клеветать на Лаврова и позорятъ себя шутками на его счетъ или увѣряютъ, что Тургеневъ съ сожалѣніемъ смотрѣлъ на политическое движеніе молодежи — я даже считаю позорнымъ не протестовать и трусливымъ молчаніемъ играть позорную роль отступника. Достаточны или недостаточны для другихъ эти причины, чтобы мнѣ писать мои воспоминанія, но для меня эти причины настолько повелительны, что я рѣшился.

Когда въ Петербургѣ сдѣлалось извѣстнымъ, что насъ разбили подъ Черной, я встрѣтилъ на улицѣ Пекарскаго. Тогда онъ еще не былъ академикомъ. Пекарскій шелъ опустивъ голову, выглядывалъ исподлобья и съ подавленнымъ и худо скрытымъ довольствомъ; вообще

Библиотека "Руниверс"

онъ имѣлъ видъ заговорщика, увѣреннаго въ успѣхѣ, но въ глазахъ его свѣтилась худо скрытая радость. Замѣтивъ меня, Пекарскій зашагалъ крупнѣе, пожалъ мнѣ крѣпко руку и шепнулъ таинственно, въ самое ухо: «насъ разбили».

Пекарскій началъ свою карьеру въ 50-хъ годахъ маленькимъ чиновникомъ въ удѣльной конторѣ и принадлежалъ къ людямъ новой формаціи. Ихъ признакомъ было чиновное безкорыстіе, въ провинціи тогда не особенно частое. Новая формація въ эпоху движенія составляла цѣлую массу «тайныхъ учениковъ» и «Никодимовъ». Карамзинъ назвалъ бы ихъ либералистами. Это были люди искренніе и честные, они гордились чиновнымъ безкорыстіемъ, что тогда было рѣдкостью, но немножко трусливѣе и уже вовсе не... *). Они служили въ правительственныхъ канцеляріяхъ и въ то же время разносили революціонныя прокламаціи; секретари сената предупреждали о вопросахъ, которые будутъ задаваться политическимъ преступникамъ; плацъ-адъютанты устраивали свиданія съ заключенными, передавали имъ записки, жандармы и полицейскіе чиновники предупреждали объ обыскахъ и объ арестахъ, дочери жандармскихъ штабъ-офицеровъ посылали букеты политическимъ каторжникамъ. Это было время, когда всѣ перепутались, все соскочило съ рельсовъ и Николай Серно-Соловьевичъ передалъ государю лично въ руки въ Царскосельскомъ саду проектъ конституціи. Но русскій штофъ былъ крѣпко запечатанъ и послѣ пожара Щукина двора. Во время революціоннаго движенія въ 1848 во Франціи явилась карикатура. Себя Франція изобразила въ видѣ бутылки шампанскаго, изъ которой вырвало пробку и разнесло и тронъ, и корону, и законъ. Россія изображалась въ видѣ штофа въ которомъ не шевелилась ни одна искорка, а на пробкѣ сидѣлъ императоръ. Въ 60-хъ годахъ русскій штофъ запѣнился и зашумѣлъ, но на немъ сидѣлъ Александръ II еще крѣпче, чѣмъ Николай I. Къ тому времени, какъ я встрѣтилъ Пекарскаго, въ русскомъ штофѣ явились искры, и со дна его начали подниматься пузырьки. Но недовольство еще не смѣло поднять голову и злорадствовало втихомолку. Новая формація смутно чувствовала необходимость перемѣнъ, въ русскомъ воздухѣ дышалось очень трудно, преступленіемъ считалась даже мысль. Но какъ Николай ни сидѣлъ плотно на пробкѣ, какія онъ ни строилъ стѣны, идеи, какъ птицы, не хотѣли знать политической географіи, и перелетали къ намъ контрабандою въ одиночку. Молодежь читала подъ сурдинкой исторію великой французской революціи, «Исторію десяти лѣтъ» Луи-Блана, читала Фейербаха, Прудона, Кабэ, Сенъ-Симона, какъ разъ все то, что особенно запрещалось, и пропитывалась революціонными мыслями и чувствами. Что бы сталось съ Россіею если бы мы побѣдили, рѣшать

*) Пропускъ въ рукописи.

Библиотека "Руниверс"

незачѣмъ. Но уже, конечно, время реформъ отодвинулось бы и исторія Россіи въ наше время была бы иной. Но побѣдили не мы. Передъ началомъ крымской войны повсюду распѣвали патріотическую пѣсню, сочиненную актеромъ Григорьевымъ:

Вотъ въ воинственномъ азартѣ
Воевода Пальмерстонъ
Поражаетъ Русь на картѣ
Указательнымъ перстомъ.

Французы, узнавъ объ этой пѣснѣ, отвѣтили, что они имѣютъ привычку пѣть не въ началѣ, а въ концѣ. И въ концѣ пришлось пѣть дѣйствительно не намъ. Впрочемъ, наше патріотическое увлеченіе не доходило до чувствъ 12-го года, правда и война была не народная, да и духъ ужъ былъ не тотъ: въ воздухѣ носился патріотическій либерализмъ, и числу радующихся пораженіямъ увеличивалось. Наконецъ, оказалось, что защищать Севастополь больше нельзя, нѣтъ ни денегъ, ни людей. Николай умеръ.

Надо было жить въ то время, чтобы понять ликующій восторгъ «новыхъ людей», точно небо открылось надъ ними, точно у каждаго свалился съ груди пудовый камень, куда-то потянулись вверхъ, въ ширь, захотѣлось летать.

Причина смерти Николая не осталась тайной. Разсказываютъ, что позвавъ своего лейбъ-медика Мандта, Николай велѣлъ ему прописать порошокъ. Мандтъ исполнилъ, Николай принялъ. Но когда порошокъ началъ дѣйствовать, Николай спросилъ противоядіе. Мандтъ молча поклонился и развелъ отрицательно руками. Разсказываютъ еще, что Николай покрылся своею походною шинелью и велѣлъ позвать своего внука, будущаго Николая II (умеръ въ 1865 году *) и сказалъ ему: «учись умирать». Если это и анекдотъ, то онъ нисколько не противорѣчитъ общему характеру Николая. Народная молва заговорила объ отравленіи сейчасъ же послѣ смерти Николая, и, конечно, Мандтъ поступилъ благоразумно, удравъ за границу **).

Николай оставилъ цѣлую массу людей, боготворившихъ его. Во внѣшности Николая было столько властительски обаятельнаго, что онъ не могъ не нравиться, особенно женщинамъ. Какое впечатлѣніе онъ способенъ былъ производить, я представляю себѣ изъ одного воспоминанія моего дѣтства. Разъ Николай пріѣхалъ въ корпусъ, гдѣ я воспитывался и приказалъ построиться для ученья. Николай стоялъ передъ фронтомъ и выдавался настолько выше всѣхъ и ростомъ, и

*) Умеръ цесаревичемъ въ 1865 году.

**) Слухи о самоубійствѣ Николая I переданы въ печатныхъ «Воспоминаніяхъ» только намеками.

Библиотека "Руниверс"

своимъ величественнымъ видомъ, что я только одного его и видѣлъ. Въ памяти у меня огромный залъ — мы, кадеты фронтомъ, грозная фигура Николая да жалкій, испуганный, съ опущенной головою штабсъ-капитанъ фонъ-деръ-Ноне. Фонъ-деръ-Ноне стоялъ въ серединѣ фронта, въ общемъ строѣ, между двумя ротами и при одной командѣ сдѣлалъ ошибку полусаблей.

Николай взглянулъ на него такъ, что онъ поблѣднѣлъ, задрожалъ и у него вывалилась изъ рукъ полусабля.

Помню еще, что на парадахъ я проникался какимъ-то особеннымъ чувствомъ, котораго опредѣлить и назвать однимъ словомъ не умѣю. Стоишь, бывало, на солнопекѣ на Царицынскомъ Лугу въ полной амуниціи и держишь «на караулъ» больше часу и не шевельнешь ни однимъ пальцемъ, точно замрешь, а музыка, трубы, барабаны производятъ какое-то головокруженіе, сердце бьется, замираетъ и хорошо, и страшно; хорошо оттого, что много шума, а страшно — не знаю отчего. Вообще мы росли въ какомъ то безсознательномъ страхѣ передъ властью, и вполнѣ я освободился отъ этого чувства только очень поздно.

Наслѣдникъ, впослѣдствіи Александръ II, слылъ очень добрымъ и мягкосердечнымъ, и какъ всѣ наслѣдники, стоялъ въ оппозиціи. Но вотъ характеристика его, сдѣланная женою Суворова, кн. Александрой Аркадьевной, характеристика, оказавшаяся пророчествомъ. Николай, по словамъ Суворовой, благоговѣвшей передъ нимъ, образецъ чести, благородства, твердости и рыцарскихъ чувствъ, «а этотъ (Александръ) вы увидите, — говорила она, — у него не дрогнетъ рука подписать никакой смертный приговоръ». Увы, это оказалось настолько справедливымъ, что Годенеръ говоритъ о Россіи: «При обыкновенныхъ обстоятельствахъ, для обыкновенныхъ преступленій въ Россіи не существуетъ смертной казни, а только для преступленій политическихъ, и эти казни совершаются массами. Такъ по официальнымъ источникамъ въ Польшѣ и Литвѣ въ 1863 г. было разстрѣляно и повѣшено 289 человѣкъ» (Vergleichende Statistik von Europa 1865). Конечно, это извиняется «чрезвычайными» обстоятельствами; но для Россіи все время царствованія императора Александра II, чрезвычайныя обстоятельства не прекращались, и много было смертныхъ казней вовсе не нужныхъ, а еще хуже—надъ неповинными *).

Въ 185... г. (sic) я постоянно посѣщалъ публичную библіотеку. Въ это же время Пекарскій писалъ свою исторію русской литературы при Петрѣ Великомъ и работалъ тоже въ библіотекѣ. Постояннымъ посѣтителемъ ея былъ и Пыпинъ, тоже начинавшій свою дорогу.

---

*) Далѣе въ рукописи еще такія строки, явно недописанныя: «Алекс. III не все ли ему равно. Все равно имъ управляютъ клика изъ Тост(ого), Каткова, Побѣд(оносцева). Но онъ не можетъ ихъ понять».

Библиотека "Руниверс"

Разъ Пекарскій съ своимъ обыкновеннымъ таинственнымъ видомъ говоритъ мнѣ въ полголоса, что познакомился съ Чернышевскимъ. Пекарскій говорилъ о немъ еще съ большимъ восторгомъ, чѣмъ онъ говорилъ о профессорѣ Мейерѣ. Мейеръ—это Грановскій Казанскаго университета и тоже рано умершій.

Отъ Пекарскаго я узналъ, что Чернышевскій учитель въ какомъ-то корпусѣ, что онъ пріѣхалъ изъ Саратова и затѣмъ полушопотомъ и таинственно онъ говорилъ мнѣ о его необыкновенныхъ познаніяхъ, о его необыкновенномъ умѣ. Нѣсколько времени спустя, Пекарскій приглашаетъ меня къ себѣ и объявляетъ съ сіяющимъ лицомъ, что у него будетъ Чернышевскій. Я, конечно, пошелъ.

Помню маленькую комнату, диванъ холостого вида съ двумя валиками по концамъ, на диванѣ сидѣлъ Чернышевскій, но почти не говорилъ; я тоже сидѣлъ на диванѣ и только слушалъ и смотрѣлъ. Пекарскій старался оживить бесѣду, но ничего не выходило, и вечеръ вообще не удался. Чернышевскій не произвелъ на меня того впечатлѣнія, къ которому я подготовился со словъ Пекарскаго.

Чернышевскій наружнымъ видомъ не могъ производить особеннаго впечатлѣнія. Небольшого роста, совсѣмъ бѣлокурый съ легкимъ оттѣнкомъ рыжеватости, худощавый, тонкій, нервный, но съ пріятными, умными, добрыми, голубыми глазами, Чернышевскій смотрѣлъ потупившись, говорилъ какъ бы съ усмѣшкой, имѣлъ привычку прибавлять «съ»—«да-съ»—«нѣтъ-съ». Общій видъ его былъ очень симпатичный, влекущій и располагающій. Хотя Чернышевскій былъ изъ семинаристовъ, но въ немъ, какъ и въ Добролюбовѣ, и въ Помяловскомъ, чувствовалась душевная мягкость, женственность, тонина и въ то же время какая-то нервная сила, которая, несмотря на уступчивость манеръ, сама собой давала себя знать и подчиняла ему. Чернышевскій былъ очень застѣнчивъ и скроменъ въ манерахъ. Львомъ онъ являлся только въ своихъ статьяхъ, и тогда это былъ дѣйствительно левъ, учитель, «власть имущій».

Чернышевскій сознавалъ эту власть, хотя, можетъ быть и не думалъ, что исторія русской мысли назоветъ шестидесятые годы его именемъ, какъ сороковые—именемъ Бѣлинскаго.

Я вовсе не хочу дѣлать параллель между тѣми и другими. Скажу только, что теперешнее время еще само не знаетъ себя и само не въ состояніи понять, какой въ лицѣ Чернышевскаго она сдѣлала шагъ впередъ послѣ Бѣлинскаго. То было честное, хорошее время энтузіазмъ его былъ благороденъ. Но развѣ Чернышевскій по честности, благородству, энтузіазму былъ ниже?

Что же касается до зрѣлости мысли, до законченной выработки понятій и до политическаго пониманія, то Чернышевскій стоялъ на цѣлое столѣтіе выше Бѣлинскаго. Можетъ быть, я увлекаюсь и оттого

Библиотека "Руниверс"

преувеличиваю; но для меня лично въ Чернышевскомъ, какъ въ фокусѣ соединяются мои лучшія чувства и стремленія, все, чѣмъ тогда такъ жилось хорошо, и все, что потомъ умерло. А мученичество! Не судомъ, не за вину отправили Чернышевскаго въ каторгу, а потомъ въ Якутскій край, въ Вилюйскъ на поселеніе, а потому только, что боялись его словъ, его вліянія, какъ публициста и вождя, боялись въ немъ опаснаго писателя. (Кавелина, который былъ опаснымъ профессоромъ, Николай сдѣлалъ начальникомъ отдѣленія. Это все-таки великодушнѣе.). Чернышевскій готовилъ себя къ ученой карьерѣ, но онъ не былъ кабинетнымъ ученымъ, теоретикомъ,—онъ былъ человѣкомъ критическаго ума съ соціально-политической подкладкой и революціонеромъ мысли. На каѳедрѣ Чернышевскій, конечно бы, соскучился, да и время было тогда не такое, хотѣлось дѣлать, а не говорить...

Въ 1855 г. Чернышевскій представилъ на степень магистра диссертацію объ «Эстетическихъ отношеніяхъ искусства къ дѣйствительности». Это была первая молнія, которую онъ кинулъ. Нужно удивляться не тому, что Чернышевскій выступилъ съ такой диссертаціей, а тому, что ученый факультетъ университета въ первый разъ слышалъ такія мысли, первые кончики тѣхъ львиныхъ когтей, которые онъ показалъ потомъ. Все зданіе русской эстетики Чернышевскій сбрасывалъ съ пьедестала и старался доказать, что жизнь выше искусства и что искусство только старается ей подражать. Мысль была настолько отважная и въ Россіи новая, что ректоръ университета Плетневъ сказалъ въ концѣ диспута Чернышевскому: «Я, кажется, вамъ читалъ совсѣмъ иную теорію искусства!» *). И потому что Плетневъ читалъ иную теорію онъ положилъ магистерскій дипломъ подъ сукно. Чернышевскій сталъ заниматься литературой **).

Чернышевскій обладалъ замѣчательною ясностью мысли и рѣдкимъ талантомъ популяризаціи. Вопросы, повидимому самые запутанные, выходили у него просты, ясны и азбучно понятны. По строю и красотѣ мысли онъ болѣе всего напоминалъ англійскихъ писателей и имѣлъ общее со Стюартомъ Миллемъ.

При освобожденіи крестьянъ полемика Чернышевскаго съ бывшимъ профессоромъ политической экономіи Вернадскимъ и другими русскими экономистами, выяснила многое редакціонной комиссіи и я думаю, что собственно Чернышевскому обязана Россія, что положеніе 19 февраля не уничтожило общину.

---

*) Приписка карандашомъ: Если эти слова и были сказаны, то вѣрнѣе Никитенкомъ, такъ какъ Плетневъ былъ ректоромъ и ничего не читалъ.

**) Приписка карандашомъ: «Наровъ не утвердилъ Чернышевскаго въ званіи магистра».— О диссертаціи Чернышевскаго см. «Гол. Мин.» 1916 г., № 1, статья Е. Ляцкаго.

Библиотека "Руниверс"

У Чернышевскаго, какъ у всѣхъ замѣчательно умныхъ людей, была необыкновенная память. Про него, перефразируя Сіэса, можно сказать, что онъ «прочиталъ все, онъ зналъ все, онъ помнилъ все». Начиная Гегелемъ и Фейербахомъ и кончая лубочными французскими романами, Чернышевскій прочиталъ все. И въ этомъ его величайшая разница съ Бѣлинскимъ. Бѣлинскій складывался и формировался на глазахъ своихъ читателей и умеръ, не окончивъ развитія. Чернышевскій выступилъ готовымъ публицистомъ и сразу установилъ свой тонъ. Оттого Чернышевскій и дѣйствовалъ такъ сильно и такъ понимался легко. Молодежи нужно давать готовое, а у Чернышевскаго оно было. Чернышевскій отличался ехидствомъ языка, и чуткая молодежь умѣла отлично читать между строками его революціонное отрицаніе всякой власти.

Александръ II, пожалуй, не ошибся, не сдѣлавъ его начальникомъ отдѣленія (но сдѣлавъ однимъ изъ редакторовъ Военнаго Сборника!) *).

Со времени ссылки Чернышевскаго въ 1864 году, имя его исчезло изъ русской печати, и произносить его не позволяютъ, какъ имя Герцена и Михайлова.

И съ Михайловымъ познакомилъ меня тотъ же Пекарскій. Вообще Пекарскій въ моей жизни играетъ роль моего рока. Впрочемъ, древній рокъ, кажется, не покидалъ человѣка до его смерти, а Пекарскій покинулъ всѣхъ насъ еще раньше, чѣмъ сдѣлался академикомъ. Какъ и при какихъ обстоятельствахъ я познакомился съ Михайловымъ, не припомню. Случилось это, кажется, въ 1854 или 55 году. Хотя Михайловъ и не былъ тогда начинающимъ литераторомъ, но его литературная физіономія не выяснилась еще вполнѣ. Самъ Михайловъ считалъ себя беллетристомъ и, кажется, мало цѣнилъ себя, какъ переводчика и знатока иностранной литературы. А другого подобнаго знатока тогда не было. Михайловъ былъ ходячая библіографія иностранной литературы; не было такого поэта или романиста или беллетристическаго сочиненія, котораго бы онъ не зналъ. Какъ Чернышевскій зналъ все въ политической, философской и экономической литературѣ и исторіи, такъ Михайловъ чувствовалъ себя дома въ иностранной и русской изящной литературѣ.

Какъ человѣкъ, Михайловъ отличался задушевностью и какой-то женской нервностью; его легко было разстроить и вызвать на глазахъ слезы. Но это было легко тѣмъ, кого онъ любилъ. Съ посторонними или далекими людьми онъ держалъ себя съ привѣтливостью, не допускающей особенно близко и даже съ оттѣнкомъ авторитетнаго достоинства. Точно у него въ карманѣ всегда были комочки, которые онъ держалъ наготовѣ. Нѣчто подобное было въ Добролюбовѣ, державшемъ себя

*) Поставленное въ скобкахъ приписано карандашомъ.

Библиотека "Руниверс"

замкнуто и смотрѣвшимъ неподвижными глазами, «какъ богъ». У Чернышевскаго этой манеры не было. Онъ какъ бы ставилъ себя на второе мѣсто и старался согрѣть, обласкать, приблизить. Чернышевскій отогрѣвалъ и дѣлалъ робкаго смѣлымъ, Михайловъ и Добролюбовъ ставили перегородку и возбуждали если не страхъ, то нѣкоторую робость. Чернышевскій отличался простотой манеръ и внѣшней формѣ не придавалъ значенія. Добролюбовъ и Михайловъ напротивъ. Михайловъ отличался даже щеголеватостью и обладалъ особеннымъ талантомъ, что все на немъ выходило какъ-то хорошо, изящно и опрятно. Этому помогала его тонкая, стройная прямая фигура. Михайловъ не былъ красивъ, скорѣе даже некрасивъ, но онъ привлекалъ къ себѣ симпатичностью и сердечностью. Вообще эти люди, которыхъ, какъ злодѣевъ, хотѣвшихъ залить Россію потоками крови, уморили въ каторгѣ, отличались такими тонкими, развитыми чувствами и кротостью, какихъ, конечно, не бывало никогда у сославшаго ихъ русскаго правительства. Эти люди подтвердили еще разъ истину, что только мученики съ женской любящей душой истинно мужественные и честные люди. Впрочемъ, Добролюбовъ избѣгъ каторги только потому, что умеръ, не дождавшись ареста Чернышевскаго. Проживи онъ еще годъ, и онъ попалъ бы въ крѣпость за ту же вину, какъ и Чернышевскій—что не могъ быть хорошимъ начальникомъ отдѣленія. Я буду потомъ говорить еще о Берви. По чувствамъ это былъ Христосъ и въ то же время самый фанатическій народникъ, самый ярый революціонеръ. Должно быть революціонеры всѣ такіе.

Михайловъ шестидесятымъ годамъ былъ извѣстенъ, какъ авторъ статьи «О женщинахъ» и какъ первая жертва.

Вотъ исторія статьи о женщинахъ.

Въ 1859 году мы были съ Михайловымъ въ Парижѣ и остановились въ Rue de la Michaudière въ Hôtel Molière, что рядомъ съ Итальянскимъ бульваромъ, недалеко отъ Палер Ройяля, театровъ и вообще въ очень удобномъ мѣстѣ. Hôtel Molière держала M-me Maxime и Fauvetie, редакторъ маленькаго „Revue philosophique“. У нихъ былъ свой кружокъ разсыпавшихся остатковъ сенсимонизма; главенствовалъ недавно умершій послѣдователь Анфантена—Моссоль, главными лицами кружка были Женни д'Эрикуръ и Женни Л.

Женскій вопросъ стоялъ, конечно, на первомъ планѣ, тѣмъ болѣе, что Прудонъ въ „De la justice“ только что высказалъ свою знаменитую формулу, что мужчина относится къ женщинѣ, какъ 3 : 2. Маленькій Hôtel Molière пришелъ въ негодованіе, M-me д'Эрикуръ и Женни Л. написали противъ Прудона цѣлый рядъ весьма рѣзкихъ возраженій. Прудонъ, конечно, отнесся съ ироніей къ своимъ противникамъ и къ, такъ сказать, философскому Revue“ Фовти и, посмертное свое сочиненіе „La Pornocratie“ посвятилъ спеціально женскому вопросу и своимъ противникамъ, совѣтуя имъ перечитать «Ученыхъ женщинъ» Мольера

Библиотека "Руниверс"

и понять лучше эту философію. Подъ этимъ-то вліяніемъ Михайловъ и задумалъ написать для Россіи статью о женщинахъ и, конечно, противъ Прудона. Статья была напечатана въ «Современникѣ». Чернышевскій не придавалъ ей особеннаго значенія, потому что «женскій вопросъ» не считалъ первымъ и думалъ другую думу; но читатели, особенно женщины, отнеслись къ проповѣди о равенствѣ и свободѣ иначе, и статья читалась на расхватъ. Не смѣю утверждать, что именно статья Михайлова создала въ Россіи «женскій вопросъ», но вѣрно то, что она его очень двинула впередъ.

Но на сторонѣ Чернышевскаго было больше политической правды, ореолъ надъ Михайловымъ создала не его статья о женщинахъ, а политическое мученичество. Михайловъ, сосланный въ каторгу, сталъ святымъ даже для тѣхъ, кто не прочелъ ни одной его строчки. Да и какія тутъ строчки! Въ воздухѣ чувствовалось политическое электричество, всѣ были возбуждены, никто не чувствовалъ даже земли подъ собою, всѣ чего-то хотѣли, куда-то готовились итти, ждали чего-то, точно не сегодня, а завтра явится невѣдомый Мессія. Явись такой вождь, наэлектризованная молодежь повторила бы съ нимъ крестовый походъ. И вдругъ среди этого всеобщаго возбужденія неожиданный ударъ грома и внезапно вырванная жертва. Каждый точно чувствовалъ въ Михайловѣ частичку себя и процессъ его сталъ личнымъ дѣломъ всякаго. Карточки его раскупались на расхватъ, у Сената толпились массы, чтобы встрѣтить и проводить его и, если можно, такъ взглянуть на него. Нѣкоторымъ удавалось забраться въ ворота и на черную лѣстницу, гдѣ проводили Михайлова въ засѣданіе Сената, и счастливцы были такъ довольны, что видѣли, какъ онъ шелъ сопровождаемый двумя жандармами. Михайловъ тоже какъ будто выросъ, его радовало общее вниманіе и довольный онъ привѣтливо кланялся знакомымъ. Было что-то праздничное во всемъ этомъ.

Когда князь Васильчиковъ предложилъ Императору Александру I списокъ офицеровъ своего полка, замѣшанныхъ въ тайное общество, Александръ ему отвѣтилъ: «князь, вы лучше, чѣмъ кто-либо, знаете, что я причиной этого, что я далъ поводъ. Возьмите вашъ списокъ, я не хочу его знать». Александръ II никогда не смотрѣлъ такъ. Онъ, конечно, и не подозрѣвалъ, что общее революціонное направленіе, такъ долго подавляемое Николаемъ, создало всѣ его реформы и что онъ освободилъ крестьянъ чисто революціоннымъ способомъ. Но этого мало: Александръ II самъ разжигалъ революціонное чувство, возбуждая преувеличенныя ожиданія. Освобожденіе совершилось въ такой тайнѣ и общее вниманіе было такъ напряжено, что каждый ждалъ гораздо большаго, чѣмъ получилъ. Неудовлетвореніе вызвало недовольство, а недовольство создало революціонное броженіе. Вотъ источникъ эпохи прокламацій. Кому принадлежитъ первая прокламація — неизвѣстно;

Библиотека "Руниверс"

но прокламаціи точно по уговору явились всѣ въ одно время. Всѣ онѣ принадлежали очень небольшому кружку людей, дѣйствовавшихъ отдѣльно и въ глубокой тайнѣ. Паника и надежды были гораздо сильнѣе, чѣмъ бы имъ слѣдовало быть. И правительство преувеличивало опасность и молодежь ошибалась насчетъ силы, за которой она готова была итти.

Я буду говорить только о трехъ прокламаціяхъ, о которыхъ знаю достовѣрно: «Къ молодому поколѣнію», «Къ крестьянамъ», «Къ солдатамъ».

Зимою 1860 года пріѣхалъ изъ Москвы въ Петербургъ Всеволодъ Костомаровъ (племянникъ историка) съ рекомендательнымъ письмомъ къ Михайлову отъ Плещеева (поэта). Когда Михайловъ былъ сосланъ въ каторгу, Плещеевъ сильно укорялъ себя за эту злополучную рекомендацію, но точно что-нибудь можно было предвидѣть!

Костомаровъ былъ уже немного извѣстенъ, какъ переводчикъ Гейне; но неудовлетворяясь этою извѣстностью и рекомендаціей Плещеева, онъ отрекомендовалъ себя еще и самъ. Онъ привезъ революціонное стихотвореніе, къ сожалѣнію, его не помню — напечатанное домашними средствами и съ пропечатанной внизу фамиліей: «В. Костомаровъ». Это хвастовство оказалось лучшей рекомендаціею. Костомаровъ служилъ уланомъ и стоялъ, кажется, въ Твери, а его мать жила въ Москвѣ. Несмотря на кавалерійскій мундиръ, Костомаровъ имѣлъ довольно жалкій, бѣдный видъ. Но въ лицѣ его было что-то, что я объяснялъ себѣ совершенно иначе. Лобъ у Костомарова былъ убѣгающій назадъ, нѣсколько сжатый кверху, ровный, гладкій, холодный. Костомаровъ никогда не глядѣлъ въ глаза и смотрѣлъ или внизъ или исподлобья. Не знаю, какъ Михайлову или Чернышевскому, но мнѣ все это казалось признакомъ характера, даже постоянная мрачность Костомарова съ оттѣнкомъ какой-то убитости казалась мнѣ чѣмъ-то римскимъ. Сухой и нервный, всегда мрачный и не особенно рѣчистый, онъ мнѣ напоминалъ прежнихъ заговорщиковъ временъ Цезаря.

Костомаровъ много разсказывалъ о своей бѣдности и тѣхъ неудовольствіяхъ, которыя онъ выноситъ дома; особенно онъ жаловался на брата. Костомаровъ разсказывалъ, что когда онъ завелъ станокъ и отпечаталъ кое-что, братъ объявилъ ему, что донесетъ на него, если онъ не заплатитъ ему полтораста рублей. Мы не особенно внимательно отнеслись къ этому пункту, или вѣрнѣе отнеслись особенно внимательно, но не въ ту сторону; Костомарову были даны впередъ деньги, Чернышевскій далъ ему работу въ «Современникѣ» и вообще его окружили такимъ участіемъ и вниманіемъ, на которое онъ едва ли разсчитывалъ. Больше всего насъ, конечно, плѣнялъ его станокъ и готовность печатать—у насъ же оказалась готовность писать.

Библиотека "Руниверс"

Въ ту же зиму, т.-е. въ 1861 году я написалъ прокламацію «Къ солдатамъ», а Чернышевскій прокламацію «Къ народу» и вручилъ ихъ для печатанія Костомарову. Разговоровъ вообще было у насъ мало, а о прокламаціяхъ тѣмъ болѣе. Я переписалъ прокламацію измѣненнымъ почеркомъ и, какъ всѣ переговоры велись Михайловымъ, то я отдалъ прокламацію ему, а онъ передалъ ее Костомарову. Впрочемъ, Костомаровъ зналъ, что писалъ я. Въ половинѣ зимы Костомаровъ уѣхалъ въ Москву.

Въ ту же зиму я написалъ прокламацію «Къ молодому поколѣнію», но мы рѣшили печатать ее въ Лондонѣ «въ русской печатнѣ». Объ этой прокламаціи никто не зналъ, кромѣ Михайлова и меня. Содержаніе прокламаціи «Къ народу», «Къ солдатамъ» я забылъ, но «Къ молодому поколѣнію» помню. Въ ней повторена мысль извѣстнаго памфлета Сенъ-Симона-отца, что если бы сегодня, вымерли всѣ генералы и генералъ-адъютанты, и всѣ флигель-адъютанты, и всѣ камеръ-юнкеры, и камергеры, умеръ бы даже наслѣдникъ престола, то никакой бѣды отъ этого не случилось, завтра можно бы было произвести вдвое болѣе генераловъ, и флигель-адъютантовъ, и придворныхъ, и камеръ-юнкеровъ и камергеровъ. Но вымри сегодня литераторы, ученые, вымри интеллигенція страны, гдѣ ее взять. Карлъ Великій говорилъ, что каждый день онъ можетъ дѣлать по тысячѣ рыцарей, но одного ученаго онъ не въ состояніи создать и въ тысячу лѣтъ. Далѣе говорилось, что напрасно такъ боятся революціи, что войны истребляютъ милліоны людей и что значитъ какая-нибудь сотня тысячъ людей, если ея смертью можно купить благо народа. Это мѣсто было ли центромъ тяжести прокламаціи не помню, но оно вышло центромъ тяжести обвиненія. Пойди мысль еще на шагъ впередъ и Михайловъ былъ бы приговоренъ къ смертной казни.

Герценъ не одобрилъ прокламаціи, онъ уже пережилъ тогда революціонный періодъ и въ «Колоколѣ», и въ «Полярной Звѣздѣ» соблюдалъ собственно правительственный авторитетъ и снималъ съ него ореолъ священности и демократизировалъ власть. Но мы не переживали 1848 г. въ Европѣ, подобно Герцену, и потому вѣрили въ то, во что онъ уже не вѣрилъ. Мы пѣнились, Герценъ пересталъ пѣниться. Конечно, правда оказалась на сторонѣ того, кто пѣниться пересталъ. А пока мы пѣнились и вѣрили, и считали себя «наканунѣ». Укажу слѣдующій случай забѣгая впередъ.

Въ 1861 г. нѣсколько литераторовъ задумали издавать артельный журналъ. Новые журналы уже и тогда разрѣшали съ трудомъ. Вейнберга «Вѣкъ» шелъ плохо и артель пріобрѣла его *). Артель состояла изъ 32 литераторовъ и замыслы были чисто литературные, но не всѣ

*) Приписка карандашомъ: «Это случилось въ началѣ 1862 года».

Библиотека "Руниверс"

думали такъ; редакторомъ былъ выбранъ Елисѣевъ. Елисѣевъ велъ въ «Современникѣ» внутреннее обозрѣніе. Чернышевскій говорилъ о немъ, что это единственный человѣкъ, который умѣетъ писать. Пожалуй это была правда. Въ Елисѣевѣ было много лукавства и критическаго смысла. Онъ очень хорошо отличалъ возможное отъ невозможнаго и вообще не увлекался, можетъ быть оттого, что былъ много старше всѣхъ насъ. Впрочемъ, Елисѣевъ пѣнился по своему и былъ большой мастеръ подзадоривать, оставляя для себя лазейку. Такимъ же онъ былъ и въ своихъ статьяхъ; а мы же писали слишкомъ прямо. Кажется ужъ послѣ перваго нумера «Вѣка» обнаружился въ артели расколъ. Елисѣевъ хотѣлъ, чтобы руководящее главенство оставалось за «Современникомъ», «Вѣкъ» только повторялъ его. Къ Елисѣеву присталъ кружокъ Курочкина и.. **). Другіе хотѣли итти дальше «Современника» и сдѣлать «Вѣкъ» органомъ крайнихъ. Во главѣ другихъ стоялъ Николай Серно-Соловьевичъ. Вначалѣ споры бывали хотя и горячіе, однако бури еще не предчувствовалось. Но вотъ разъ Елисѣевъ не принялъ статьи Энгельгардта и, какъ помнится, статьи Н. Серно-Соловьевича. Наша партія зашевелилась. Въ ближайшее засѣданіе — и засѣданія производились у Елисѣева, мы явились съ перунами, и буря разразилась. Когда Елисѣевъ спросилъ, для чего намъ нуженъ свой органъ, Серно-Соловьевичъ отвѣтилъ, что онъ нуженъ намъ «на случай возстанія». Можетъ быть Соловьевичъ отвѣтилъ и не этими словами, но смыслъ ихъ былъ тотъ. Мы серьезно считали себя «наканунѣ». Этотъ маленькій эпизодъ изъ эпохи шестидесятыхъ годовъ случился послѣ распространенія прокламацій «Къ молодому поколѣнію», въ то время, когда судился Михайловъ. То было время самаго славнаго возбужденія.

Михайловъ съ рукописью прокламаціи уѣхалъ раньше меня и прямо въ Лондонъ; у меня были другія дѣла за границей и я пріѣхалъ въ Лондонъ, когда прокламація была уже напечатана. Ея было напечатано всего 600 экземпляровъ, и по размѣру она была похожа скорѣе на очень смѣлую и рѣзкую журнальную статью. Теперь вопросъ заключался въ томъ, какъ ее провезти. Хотя таможни въ это время еще не были особенно строги, но открыто вести пукъ прокламацій было все-таки очень довѣрчиво. Я отклеилъ въ нижней части чемодана Михайлова подкладку, уложилъ ровно и тщательно всѣ листы, потомъ прикрылъ все листомъ папки и наклеилъ снова подкладку. Этимъ мы занялись въ томъ же революціонномъ Hôtel Molière, гдѣ задумалась и статья о женщинахъ. Секретъ оказался непроницаемымъ.

Чемоданъ не возбуждалъ никакихъ подозрѣній, и мы были счастливы! Михайловъ съ прокламаціями уѣхалъ въ Россію—это было въ

*) Пропускъ въ рукописи.

Библиотека "Руниверс"

августѣ (1861 г.), а я остался еще за границей. Но хотя я и вѣрилъ въ непроницаемость секрета, а сердце все-таки билось сомнѣніемъ, и съ безпокойствомъ ждалъ отъ Михайлова письма. Наконецъ, письмо пришло Михайловъ доѣхалъ благополучно. Въ эту же поѣздку случился совсѣмъ ничтожный фактъ, которому, однако, суждено было фигурировать въ моемъ «дѣлѣ». Изъ Наугейма мы писали къ Костомарову; мое письмо было шуточное съ иллюстраціями перомъ: я нарисовалъ голландскаго бургомистра, съ которымъ мы обыкновенно обѣдали и еще какія-то карикатуры, ну однимъ словомъ вздоръ и пустяки. Письмо это послужило потомъ юридическимъ доказательствомъ моего знакомства съ Костомаровымъ.

Возвратившись въ Петербургъ, Михайловъ засталъ въ немъ Костомарова. Костомаровъ привезъ одну форму прокламаціи «Къ народу», а прокламацію «Къ солдатамъ» еще не начиналъ набирать. Какъ и зимой, онъ опять плакался на своихъ братьевъ и сестеръ и опять повторялъ, что братъ стращаетъ его доносомъ. Все это уже наводило на подозрѣнія, и во всякомъ случаѣ должно было заставить остерегаться Костомарова. Не знаю, сдѣлалъ ли Михайловъ ошибку, давъ Костомарову прокламаціи «Къ молодому поколѣнію», но если бы онъ не далъ, случилось бы не совсѣмъ то.

По пріѣздѣ въ Петербургъ въ сентябрѣ, я видѣлъ Костомарова одинъ разъ, но мы не говорили съ нимъ почти ни слова. Онъ былъ болѣе мраченъ и молчаливъ, чѣмъ зимою и никогда еще такъ ужасно не смотрѣлъ внизъ.

Недѣли черезъ двѣ пронесся слухъ, что Костомаровъ арестованъ. Насъ это кольнуло. Мы нисколько не сомнѣвались, что у него нашли прокламацію «Къ молодому поколѣнію». Какъ бы поступили другіе, не знаю, но мы порѣшили прокламацію распространить и сдѣлать это какъ можно скорѣе. Распространить прокламацію было, конечно, рискованнѣе и труднѣе, чѣмъ ее напечатать, потому что вдвоемъ сдѣлать это было почти невозможно. Мы посвятили въ нашу тайну брата моей жены студента Петербургскаго университета Михаэлиса и Александра Серно-Соловьевича.

Михаэлисъ былъ замѣчательный юноша, лучшій изъ молодыхъ людей, какихъ я только видѣлъ. Нѣтъ—больше! Такихъ я никогда ужъ больше не видѣлъ. Въ его открытомъ лицѣ было что-то львиное, смѣлое, энергичное, прямое. Необыкновенно рѣшительный и отважный, пылкій и страстный до самозабвенія, онъ въ то же время обладалъ какой-то сдержанностью, наивной, добродушной веселостью и способностью къ самой тонкой, нѣжной привязанности. Онъ былъ слабымъ, золотушнымъ ребенкомъ, постоянно больнымъ, и казался очень изнѣженнымъ

Библиотека "Руниверс"

женскимъ уходомъ. Нельзя было думать, что изъ такого болѣзненнаго ребенка сложится кровяная сила, способная внушить къ себѣ уваженіе даже однимъ своимъ массивнымъ видомъ.

Способностей Михаэлисъ былъ замѣчательныхъ. Подготовившись дома, онъ хотѣлъ поступить въ горный корпусъ, но директоръ его Волковъ нашелъ, что онъ слишкомъ смѣлъ и дерзокъ, и не нашелъ удобнымъ принять такую овцу, которая бы испортила все его горное стадо. Вышло ли кому-нибудь отъ этого лучше или хуже, не знаю, но Михаэлисъ поступилъ въ гимназію и за даровитость былъ переведенъ въ Лицей. Лицей еще со временъ Пушкина отличался «свободомыслі-емъ», и въ шестидесятыхъ годахъ лицейское свободомысліе не могло удовлетворить болѣе политически развитую молодежь, и Михаэлисъ перешелъ въ университетъ.

Въ университетѣ тогда пѣнилось очень сильно пиво; онъ былъ такъ сказать газометромъ, указывавшимъ высоту и давленіе паровъ; Чернышевскій, Добролюбовъ были пророками университетской молодежи, приходившей въ неистовый восторгъ отъ того, что они находили въ строкахъ, а еще больше отъ того, что читали потомъ между строками. Чѣмъ крайнѣе и смѣлѣе были статьи, тѣмъ онѣ сильнѣе дѣйствовали на студентовъ, въ особенности если побивался какой-нибудь авторитетъ и сбрасывался съ пьедестала какой-нибудь кумиръ. Я помню, какъ ликовалъ Михаэлисъ, прочитавъ Добролюбова «Иллюзіи, разрушенныя розгами», гдѣ сшибался педагогическій авторитетъ Пирогова, и Чернышевскаго «Антропологическій принципъ въ философіи», гдѣ опровергался Лавровъ; Чернышевскій доказывалъ, что Бога нѣтъ. Цензура этой статьи сначала не разобрала, какъ это было впослѣдствіи съ книгой Берви «Азбука соціальныхъ наукъ», но потомъ, когда догадались, въ чемъ дѣло, то за первую былъ данъ выговоръ цензору Крузе, цензуровавшему «Современникъ», а вторая была отобрана у книгопродавцевъ. Въ доказательство способностей Михаэлиса я могу привести вотъ какой фактъ. Книжку «Современника» въ 30 печатныхъ листовъ Михаэлисъ прочитывалъ, отъ первой до послѣдней страницы, ровно въ 3 часа. Онъ читалъ все:—повѣсти, и романы, и стихи, и критику, и ученыя статьи. Однимъ словомъ, не было ничего ни серьезнаго, ни легкаго, ни смѣшного, чего бы онъ ни прочиталъ въ книжкѣ, и онъ помнилъ каждое слово, онъ вѣрно понималъ каждую мысль со всѣми ея оттѣнками.

Поступивъ въ университетъ, Михаэлисъ сразу нашелъ свое мѣсто и выдался изъ всей молодежи.

Сообщилъ *Л. Ф. Пантелеевъ.*

Библиотека "Руниверс"

Мелочи прошлаго.

Конкурентъ Николая Второго.

26 іюня 1913 года Министерствомъ Юстиціи была получена слѣдующая шифрованная телеграмма на имя Министра:

„Каинскѣ, іюня 19, предсѣдательствующій членъ Томскаго суда Троицкій на вопросъ почетнаго мирового судьи Головина по подлежащимъ разсмотрѣнію дѣламъ о виноторговлѣ, кто и въ чемъ обвиняется, въ публичномъ засѣданіи отвѣтилъ: *конкурентъ Николая Второго*. Сегодня подалъ Троицкій въ отставку. Старшій предсѣдатель Эдличко".

По докладѣ Министру — тогда Щегловитову, на этой телеграммѣ появилась карандашная приписка:

„По полученіи подробныхъ свѣдѣній и отставки Троицкаго, необходимо возбудить преслѣдованіе по ст. 103".

Слѣдующей была телеграмма отъ прокурора Омской судебной палаты Брюнъ-де-Сентъ-Ипполита (также отъ 26 іюня): „представляю письменный рапортъ, дополненіе телеграммы старшаго предсѣдателя о Троицкомъ завтра Омскѣ предложу слѣдствіе особо важному слѣдователю".

Рапортъ прокурора палаты (отъ 27 іюня 1913 г. № 121) гласилъ:

„Имѣю честьдонести Вашему Высокопревосходительству *Секретно*, что членъ Томскаго окружнаго суда Троицкій осмѣлился произнести дерзкія оскорбительныя слова противъ Государя Императора, при слѣдующихъ обстоятельствахъ.

19 іюня въ городѣ Каинскѣ въ открытомъ судебномъ засѣданіи названнаго суда по временному уголовному отдѣленію безъ участія присяжныхъ засѣдателей, предъ разсмотрѣніемъ дѣла о тайномъ винокуреніи предсѣдательствовавшій членъ суда Троицкій на вопросъ находившагося въ составѣ суда почетнаго мирового судьи врача Головина, кто и въ чемъ обвиняется, отвѣтилъ: „*конкурентъ Николая Второго*", что слышали вышеупомянутый Головинъ, членъ суда Крѣпкогорскій, товарищъ прокурора Авраменко и исп. обяз. помощника секретаря Толстогузовъ.

По окончаніи сессіи, товарищъ прокурора Авраменко доложилъ о происшедшемъ, 24 іюня прокурору Томскаго окружнаго суда, а послѣдній мнѣ, 26 іюня, въ городѣ Новониколаевскѣ, при возвращеніи моемъ въ Омскъ изъ города Барнаула, куда я ѣздилъ по дѣламъ службы. Мною сего числа предложено исправляющему должность судебнаго слѣдователя Омскаго окружнаго суда по особо важнымъ дѣламъ Шереметевскому произвести объ означенномъ государственномъ преступленіи предварительное слѣдствіе по признакамъ 2 ч. 103 ст. Угол. Улож. подъ наблюденіемъ и въ присутствіи Прокурора Томскаго окружнаго суда. Прокуроръ Омской судебной палаты Брюнъ-де-Сентъ-Ипполитъ.

Въ виду такой „важности" преступленія, дѣлу былъ придавъ особый оттѣнокъ серьезности и спѣшности, что видно изъ сдѣланныхъ на рапортѣ рукой Министра (Щегловитова) двухъ карандашныхъ приписокъ: „Доложить мнѣ въ самомъ непродолжительномъ времени" и „прошу немедленно дать мнѣ".

2 декабря 1913 года состоялся судъ. Дѣло слушалось въ Омскомъ окружномъ судѣ и приговоромъ суда Троицкій осужденъ былъ къ заключенію въ крѣпости на 3 мѣсяца. Копія этого приговора вмѣстѣ съ ходатайствомъ о помилованіи Троицкаго была представлена старшимъ предсѣдателемъ судебной палаты Министру Юстиціи 5 декабря 1913 г., а 27 того же декабря было предложено Прав. Сенату къ исполненію Всемилостивѣйшее повелѣніе о дарованіи статскому совѣтнику Троицкому помилованія.

Не знаемъ, что чувствовалъ Николай Второй при докладѣ этого дѣла и что онъ думалъ, соглашаясь на помилованіе. Оффиціально дѣло какъ бы закончилось— „инцидентъ исчерпанъ", но дальше открывается обычная житейская драма, которую имѣющіеся документы передаютъ хотя и кратко, но достаточно вразумительно.

Еще до суда Троицкій принужденъ былъ подать въ отставку. Какъ у большинства чиновниковъ, у него на случай старости была единственная надежда на приличную пенсію, а теперь и эта надежда ускользнула, хотя онъ и прослужилъ безъ малаго 23 года.

15 октября 1915 г. Троицкій вновь ходатайствуетъ о предоставленіи ему должности, но въ виду прежней судимости это ходатайство было Министромъ отклонено.

Скриба.

Библиотека "Руниверс"

Л. А. Волкенштейнъ *).

Я не имѣлъ удовольствія знать Людмилу Александровну на волѣ и познакомился съ ней уже въ Шлиссельбургѣ, куда она попала въ октябрѣ 1884 года.

Перебирая въ моей памяти все сохранившееся о Людмилѣ Александровнѣ, этой беззавѣтной мученицѣ освободительнаго движенія 70-хъ годовъ, я рѣшилъ разсказать одинъ изъ эпизодовъ изъ шлиссельбургскаго застѣнка, въ которомъ съ яркостью проявились товарищескія чувства Людмилы Александровны.

Эпизодъ этотъ имѣлъ мѣсто съ конца 1887 г. до апрѣля 1888 г. Въ это время строгости одиночнаго заключенія были еще въ полной силѣ. Людмила Александровна передъ этимъ только что перенесла тяжелую болѣзнь—тифъ. Кстати разскажу кое-что относящееся къ болѣзни Людмилы Александровны: это тѣмъ ярче обрисуетъ ея героическую натуру. Незадолго передъ своей болѣзнью Людмила Александровна получила разрѣшеніе на парную прогулку съ Вѣрой Николаевной **) и, заболѣвъ, она лишилась ея и осталась въ камерѣ одна съ своей тяжелой болѣзнью.

Соколовъ-Иродъ ***) предусмотрительно разсадилъ нашихъ дамъ: Вѣру Николаевну на одной сторонѣ коридора въ двадцать шестомъ нумерѣ, а Людмилу Александровну въ другой сторонѣ въ тридцать пятомъ нумерѣ. Когда Людмила Александровна заболѣла, то Вѣра Николаевна не только потеряла право на парную прогулку, но и потеряла возможность знать что-либо о Людмилѣ Александровнѣ.

Читатель ясно себѣ представитъ душевное состояніе обѣихъ женщинъ. Вѣра Николаевна обращалась съ вопросомъ о томъ, что дѣ-

---

*) Эти воспоминанія были набросаны, нынѣ покойнымъ, извѣстнымъ дѣятелемъ партіи «Земля и Воля» М. Р. Поповымъ, вскорѣ послѣ трагической кончины Л. А. Волкенштейнъ. Однако онѣ тогда опубликованы не были. Послѣ смерти М. Р. Попова онѣ, вмѣстѣ со всѣми его бумагами, перешли къ сестрѣ покойнаго С. Р. Поповой, которая и предоставила ихъ редакціи «Голоса Минувшаго». См. «Голосъ Минувшаго» № 7—8, 1917 г. М. Р. Поповъ. Мечты о свободѣ.

**) Фигнеръ.

***) Кличка, данная заключенными смотрителю тюрьмы Соколову.

Библиотека "Руниверс"

лается съ Людмилой Александровной то къ одной стѣнкѣ камеры, то къ другой. Единственный путь оставался для В. Н. обратиться ко мнѣ, такъ какъ хоть и далеко сидѣлъ я отъ В. Н. (черезъ 2 камеры, и при томъ она вверху, а я внизу), но я гулялъ съ Михаиломъ Петровичемъ Шебалинымъ, который сидѣлъ на одной сторонѣ съ Л. А. и могъ съ ней перестукиваться. Послѣ гулянья съ Михаиломъ Петровичемъ я приносилъ свѣдѣнія о ходѣ болѣзни Людмилы Александровны на нашу сторону и долженъ былъ передавать ихъ Вѣрѣ Николаевнѣ, которую, конечно, больше, чѣмъ кого-либо изъ насъ интересовала судьба Людмилы Александровны. Въ ней говорило не одно чувство товарищества, какъ у насъ, но и то обстоятельство, что Людмила Александровна была единственное живое существо, съ которымъ Вѣра Николаевна могла видѣться въ продолженіи своего заключенія въ Шлиссельбургѣ. Передать В. Н. полученныя мною свѣдѣнія о Людмилѣ Александровнѣ, я могъ только стукомъ въ мой полъ ногой, и такимъ же способомъ получить отъ В. Н. все то, что она имѣла передать Людмилѣ Александровнѣ. «Иродъ» считалъ это преступленіемъ, преходящимъ всякую мѣру и, конечно, пустилъ въ ходъ все, что было въ его распоряженіи. Рядомъ съ моей камерой была уборная жандармскихъ унтеръ-офицеровъ, и на ней «Иродъ» прежде всего остановилъ свое вниманіе. Онъ посадилъ тамъ жандарма, которому далъ наставленіе мѣшать нашему перестукиванію съ В. Н. Какъ только мы начинали переговариваться, въ уборной производился стукъ въ тазъ, умывальникъ, во что попало. Въ тюрьмѣ начинался невѣроятный грохотъ и мы съ В. Н. не могли понимать другъ друга. Я, конечно, не сдавался, шелъ напроломъ, и усердно топалъ ногой по полу. Дѣло кончилось тѣмъ, что нервы Шебалина не выдержали,—онъ началъ кричать. Явился комендантъ къ Шебалину со всѣмъ наличнымъ составомъ жандармовъ, произошло обычное начальническое объясненіе, во время котораго комендантъ выкрикнулъ Шебалину «молчать». На что Шебалинъ въ свою очередь отвѣтилъ коменданту: «самъ молчать». Шебалина увели въ старую тюрьму. Дошла очередь до меня. Подходитъ комендантъ къ моей камерѣ, открываетъ форточку и, окруженный жандармами, заявляетъ мнѣ: «Если заключенный не прекратитъ нарушенія порядка въ тюрьмѣ, то я долженъ буду принять строгія мѣры». На это я ему отвѣтилъ, что не намѣренъ исполнять его требованіе и тотчасъ же по уходѣ коменданта простучалъ въ двери коридора то, что имѣлъ передать о Людмилѣ Александровнѣ.

На другой день утромъ меня увели въ старую тюрьму. Такимъ образомъ сообщеніе между В. Н. и Л. А. было прекращено. Людмила Александровна переносила свою болѣзнь, совершенно отрѣзанная отъ своей подруги.

Не успѣла она еще вполнѣ оправиться, какъ и ее постигло наказаніе. Дѣло было такъ. Лаговскій за что-то (за что теперь не помню)

Библиотека "Руниверс"

былъ лишенъ прогулки и, томясь въ камерѣ, позволилъ себѣ взлѣзть на подоконникъ, чтобы взглянуть на лица своихъ гуляющихъ товарищей. Окна его камеры выходили во дворъ, гдѣ, по выраженію жандармовъ, «производилась прогулка». Въ наказаніе за это окно его камеры было закрыто ставнями. Лаговскій отвѣтилъ на эту мѣру стукомъ въ дверь своей камеры. Перестукиваніе въ дверь было слышно всѣмъ сидящимъ. Людмила Александровна вступила съ нимъ въ разговоръ стукомъ же изъ своей камеры. Словомъ, произошло то, что называлось въ инструкціи нарушеніемъ тюремныхъ правилъ. Лаговскаго, какъ зачинщика такого нарушенія, перевели въ старую тюрьму. Людмила Александровна, какъ соучастница нарушенія, рѣшила раздѣлить наказаніе съ Лаговскимъ и, продолжала продѣлывать разъ начатое нарушеніе. «Иродъ» пустилъ въ ходъ всю изобрѣтательность своихъ палаческихъ способностей. Что онъ только ни заставлялъ продѣлывать своихъ жандармовъ въ отношеніи Людмилы Александровны. Они ее ругали и даже плевали въ глазокъ ея камеры. Но все это не помогало. «Иродъ» сдался и перевелъ Людмилу Александровну въ старую тюрьму. Такъ какъ на стукъ Людмилы Александровны послѣ того, какъ увели Лаговскаго въ старую тюрьму, отвѣтилъ я (незадолго передъ тѣмъ выпущенный изъ карцера), то мнѣ тоже не приходилось останавливаться на полдорогѣ: я продолжалъ стучать, и меня вновь водворили въ старую тюрьму.

Тутъ началась рѣшительная борьба за этотъ суррогатъ личнаго общенія другъ съ другомъ, за право перестукиванія. Въ это время сидѣлъ въ старой тюрьмѣ Грачевскій, по всѣмъ признакамъ, уже психически-больной (немного времени спустя онъ покончилъ съ собой самосожженіемъ).

Въ старой тюрьмѣ до нашего перевода еще досиживали свое одиночное заключеніе по Лопатинскому процессу: Сергѣй Ивановъ, Стародворскій, Коношевичъ, Лопатинъ и Антоновъ. Чтобы очистить камеры для насъ, «Иродъ» перевелъ въ новую тюрьму троихъ: Сер. Иванова, Коношевича и Стародворскаго, оставивъ еще Лопатина и Антонова. Но такъ какъ Людмила Александровна и я рѣшили продолжать перестукиваться и въ старой тюрьмѣ, то «Иродъ» увелъ Лопатина и Антонова въ новую тюрьму и принялся за насъ. Оставшіеся были размѣщены слѣдующимъ образомъ: Грачевскій сидѣлъ въ № 10, расположенномъ выступомъ въ коридорѣ, совершенно изолированный отъ остальныхъ камеръ темнымъ, узкимъ коридорчикомъ. Такую же камеру (№ 1) выступомъ въ коридоръ на противоположномъ концѣ коридора занималъ Манучаровъ. Людмила Александровна помѣщалась во второмъ нумерѣ. Я, отдѣленный отъ нея № 3, сидѣлъ въ 4-мъ и Лаговскій въ № 6-мъ.

Первая мѣра, принятая «Иродомъ» противъ непокорныхъ, состояла въ томъ, что онъ посадилъ въ третій номеръ жандарма, который, какъ

Библиотека "Руниверс"

только мы начинали переговариваться, стучалъ чѣмъ-то по желѣзному столу и производилъ адскій грохотъ. Это продолжалось съ недѣлю. Затѣмъ, убѣдившись, что мы не намѣрены сдаться, онъ рѣшилъ надѣть на меня горячечную рубашку, на что я отвѣтилъ тѣмъ, что побилъ въ камерѣ стекла. Послѣ этого «Иродъ», чтобы локализировать стукъ, перевелъ меня въ камеру № 3, рядомъ съ камерой Людмилы Александровны, отрѣзавъ такимъ образомъ меня отъ сообщенія съ Лаговскимъ. Мы же съ Людмилой Александровной получили право перестукиваться безнаказанно. Такъ прошло довольно много времени. «Иродъ» примирился съ нашей неисправимостью и даже началъ выводить насъ на прогулки. Словомъ, окончательно махнулъ на насъ рукой, конечно, до поры до времени. У него составился такой планъ: такъ какъ Лаговскій и Манучаровъ ведутъ себя хорошо, т.-е. не перестукиваются (хотя и не по доброй волѣ, а потому что онъ ихъ изолировалъ, но вѣдь, это все равно, развѣ русское начальство задавалось когда-нибудь вопросомъ, почему русскіе граждане молчатъ, потому-ли, что благоденствуютъ, или потому, что на нихъ надѣли намордникъ. Молчатъ, значитъ, все благополучно), онъ и рѣшилъ перевести ихъ въ новую тюрьму, а съ нами продолжать борьбу. Правда, при выполненіи задуманнаго «Иродомъ» плана произошло осложненіе, но Иродъ былъ упоренъ въ принятомъ намѣреніи и рѣшилъ довести свой планъ до конца и, вѣроятно, довелъ бы, если бы ужасная смерть Грачевскаго не прервала его палаческой карьеры. Осложненіе состояло въ слѣдующемъ. Не помню за какую провинность «Иродъ» перевелъ въ старую тюрьму Юрковскаго, который сообщилъ намъ открытіе, сдѣланное въ новой тюрьмѣ въ наше отсутствіе, что можно переговариваться при посредствѣ клозетныхъ трубъ. Мы въ тотъ же вечеръ выкачали при помощи тряпокъ воду изъ клозетовъ и собрались «въ телеграфномъ клубѣ». «Иродъ» хотъ и видѣлъ это, но показывалъ видъ, что ничего не замѣчаетъ, и чрезъ нѣкоторое время перевелъ въ новую тюрьму Мануцарова, Лаговскаго и Юрковскаго, оставивъ Людмилу Александровну и меня. Такимъ образомъ въ старой тюрьмѣ насъ осталось трое: Людмила Александровна, я и Грачевскій. Грачевскій въ глазахъ «Ирода» былъ уже «рѣшенный», онъ былъ, кажется на 6 мѣсяцевъ, лишенъ прогулки за пощечину доктору, и о его существованіи мы знали только изъ того, что отъ времени до времени онъ выкрикивалъ что-то непонятное, такъ что и Людмила Александровна и я пришли къ заключенію, что Грачевскій уже психически боленъ. Не разъ при крикахъ Грачевскаго мы обращались къ «Ироду», надѣясь убѣдить его въ томъ, что такое обхожденіе съ психически больнымъ недопустимо, не только по божескимъ, но и по русскимъ законамъ. Но «Иродъ» на то отвѣчалъ неизмѣнно одно и то же: знаемъ мы такихъ «самошедшихъ», я старый воробей, меня не проведете.

Библиотека "Руниверс"

Такъ сидѣли мы съ Людмилой Александровной, по временамъ перестукивались (я стукомъ даже разсказалъ ей, какъ невольно былъ крестнымъ отцомъ во время моего шатанія въ качествѣ коробейника по Воронежской губерніи, и по ея просьбѣ набросалъ картинку и передалъ ей на гуляньѣ, засунувъ подъ камень на томъ мѣстѣ, гдѣ мы гуляли поочередно) и не подозрѣвали, что «Иродъ» что-то затѣваетъ. А «Иродъ» не дремалъ и изучалъ насъ. Онъ узналъ, что Людмила Александровна не любитъ жарко натопленной камеры и началъ нажаривать ея камеру во всю. На ея заявленіе не натапливать слишкомъ жарко камеру, онъ отвѣчалъ, что ничего не подѣлаешь, ужъ такое здѣсь устройство печей, и сталъ еще больше усердствовать. По отношенію ко мнѣ онъ предпринялъ другую мѣру. Меня онъ началъ въ буквальномъ смыслѣ слова выкуривать. Начнутъ утромъ топить, и въ моей камерѣ дымъ столбомъ стоитъ. Заявлялъ ему объ этомъ и получилъ тотъ же отвѣтъ: ничего не подѣлаешь, такое ужъ устройство печей, что мало-мальски вѣтеръ, и въ камерѣ дымъ. Читатель удивленно спроситъ, зачѣмъ же все это «Иродъ» предпринялъ; ну посадилъ въ старую тюрьму, и дѣлу конецъ, и сиди тамъ безъ конца. Но дѣло въ томъ, что Иродъ ужасно не любилъ разбивать имѣвшихся въ его распоряженіи надзирателей. А между тѣмъ ему приходилось для насъ двоихъ держать въ старой тюрьмѣ три человѣка: 2 должны были быть всегда въ коридорѣ и третій вѣстовымъ на случай нужды сбѣгать зачѣмъ-нибудь къ «Ироду», если что-либо случалось въ тюрьмѣ въ необычный часъ его обхода. Вотъ онъ и предпринималъ мѣры, чтобы, во-первыхъ, выкурить насъ изъ старой тюрьмы, и во вторыхъ взять съ насъ обѣщаніе не стучать впредь. Обыкновенно онъ и отвѣчалъ на наши заявленія такъ: «Что-жъ я могу сдѣлать,—это все не по моей причинѣ. А кто васъ заставляетъ здѣсь сидѣть. Я съ удовольствіемъ перевелъ бы васъ въ новую тюрьму, но, вѣдь вы и тамъ также будете безобразничать. Ну, вотъ, и сидите здѣсь въ дыму. Вотъ та тоже жалуется, что жарко очень въ камерѣ, а я чѣмъ причиной, такое ужъ устройство печей, не я вѣдь дѣлалъ, печникъ». По поводу жары и дыма произошло даже qui pro quo. Посѣтилъ насъ начальникъ Штаба Корпуса жандармовъ Петровъ. Изъ его частыхъ посѣщеній мы вынесли впечатлѣніе о немъ, какъ о человѣкѣ благодушномъ, но, конечно, какъ жандармъ, онъ не могъ что-либо возразить противъ изобрѣтательности «Ирода». Зашелъ къ Людмилѣ Александровнѣ; та заявила ему, что въ камерѣ невыносимая жара. «Иродъ» и въ этотъ разъ сослался на то, что «такое ужъ устройство печей». Высшее начальство обыкновенно считало непозволительной откровенностью вступать въ нашемъ присутствіи въ объясненіе съ мѣстнымъ начальствомъ по поводу нашихъ заявленій, и потому и въ этотъ разъ генералъ Петровъ ограничился тѣмъ, что согласился съ Людмилой Александровной. «Да, да, дѣйствительно

Библиотека "Руниверс"

жарко», сказалъ онъ, вопросительно поглядывая на «Ирода». «Иродъ» сдѣлалъ обычное жандармское, полное секрета, подъ козырекъ. И прежде чѣмъ войти ко мнѣ въ камеру «Иродъ» далъ разгадать генералу смыслъ этого «подъ козырекъ».

Генералъ вошелъ ко мнѣ съ глубокомысленной улыбкой на устахъ и выпалилъ: «Фу, какъ здѣсь жарко». Я ему отвѣтилъ, что у меня ни мало не жарко, а скорѣй холодно. «Иродъ», посвятившій генерала въ свою махинацію, а можетъ быть и получившій уже поощреніе его изобрѣтательности, смѣло выступилъ: «Нѣтъ, Ваше Превосходительство, этотъ не жалуется на жару, а, напротивъ, жалуется, что холодно. Но я опять же тутъ не причиной. Топить нельзя. Какъ затопишь, дымитъ печь. Опять же онъ же и жалуется, что дымъ въ камерѣ. Имъ, вѣдь, не угодишь: одинъ одно, другой другое». Генералъ поощрительно улыбается въ сторону «Ирода», раскланивается и выходитъ со словами: «А вотъ въ новой тюрьмѣ все такъ благоустроено, чисто, умѣренная теплота, охота же людямъ здѣсь сидѣть».

Отправились. Иродъ послѣ посѣщенія генерала сталъ еще усерднѣе проводить свой планъ выкуриванія. И неизвѣстно, до чего дошло бы дѣло: въ случаяхъ, когда ему не удавалось одно средство, онъ мѣнялъ его на другое. Такъ, напримѣръ, разъ онъ выкуривалъ меня съ Панкратовымъ также изъ старой тюрьмы. Какъ-то рядомъ съ Панкратовымъ жандармъ забылъ завернуть клозетный кранъ. Панкратовъ не выносилъ шума воды и заявилъ о томъ дежурному унтеръ-офицеру и такимъ образомъ открылъ свое уязвимое мѣсто. Конечно, унтеръ-офицеръ сообщилъ объ этомъ «Ироду», а тотъ воспользовался этимъ открытіемъ. Кранъ оставлялся въ сосѣдней камерѣ съ Панкратовымъ постоянно открытымъ. Долго такимъ образомъ онъ терзалъ издерганные нервы Панкратова и увѣрялъ послѣдняго, что все о кранахъ онъ выдумываетъ или что это дѣлаютъ не жандармы, а заключенные. Наконецъ, онъ, якобы уступилъ Панкратову, заперъ воду и такимъ образомъ лишилъ воды всѣхъ заключенныхъ. Мы всѣ остались неумытыми и мучились отъ жажды и зловонія изъ непромытыхъ клозетовъ. Я позвалъ «Ирода», и спросилъ его почему нѣтъ воды. «Я тутъ не причиной, отвѣчалъ «Иродъ», вотъ же тотъ заявляетъ, что его раздражаетъ шумъ воды, ну и приказалъ, чтобы заперли воду». Но, вѣдь, надо же умыться, промыть клозеты и, наконецъ, надо же пить.—«Да что тутъ разсказывать, говорю, что я тутъ не причиной, и, значитъ не о чемъ и говорить», хлопнулъ форточкой и ушелъ. Я началъ кричать караулъ въ оконную форточку. «Иродъ» вошелъ ко мнѣ въ камеру, поднялъ кровать и вышелъ вновь изъ камеры со словами: «Будешь безобразничать, будешь связанъ». Я продолжалъ кричать. Такъ продолжалось до обѣда. Предъ обѣдомъ «Иродъ» открываетъ форточку моей камеры и спрашиваетъ: «нужно воды?».—«Что-жъ не знаешь, что люди безъ воды не живутъ»,

Библиотека "Руниверс"

отвѣтилъ я ему.—«Бродяга», сказалъ по моему адресу «Иродъ». На что я въ свою очередь отвѣтилъ ему: «Въ глазахъ этого бродяги ты палачъ и мерзавецъ». За это меня избили и набросили горячечную рубашку. Послѣднее было сдѣлано для того, чтобы, если-бъ слѣды расправы оказались слишкомъ замѣтными, то можно было сказать начальству, что кровоподтеки были получены мною во время моего сопротивленія, когда на меня надѣвали горячечную рубаху.

Я вспомнилъ этотъ случай для того, чтобы показать, чѣмъ бы могла кончиться борьба Людмилы Александровны и меня съ «Иродомъ», если-бъ самосожженіе Грачевскаго не прервало его карьеру. Мы хорошо знали нашего мучителя и готовились ко всякимъ возможностямъ съ его стороны. Но въ одинъ изъ вечеровъ мы услышали шумъ и бѣготню въ коридорѣ. Слова — бѣги скорѣе къ ротмистру, — сказанныя однимъ жандармомъ другому, ясно говорили намъ, что что-то произошло необычайное. Быстро отворяется дверь, слышно: «Неси скорѣе воду, воду неси». Потомъ я слышу, какъ что-то вытаскиваютъ изъ камеры и притопываютъ ногами, изъ чего я догадываюсь, что что-то тушатъ. Въ камерѣ слышится запахъ гари, похожій на запахъ отъ копыть подковываемой лошади. Появляется «Иродъ». Стараюсь разслышать, что жандармы говорятъ ему, и улавливаю слово «сжегъ» или «зажегъ». Дальше слышно, какъ «Иродъ» приказываетъ говорить тише, жандармъ умолкаетъ, и затѣмъ долго продолжается молчаливая, суетливая работа.

Ко всему этому, мы съ Л. А. прислушиваемся съ замирающимъ сердцемъ и стараемся разгадать, что случилось. Не трудно было понять, что тушили огонь въ камерѣ, что кого-то оттуда вынесли, потащили по коридору, затѣмъ до моего слуха долетѣли слова жандарма — «Клади вотъ здѣсь, вотъ здѣсь клади». И опять раздалось иродовское «ш-ш-ш». Мы въ одно слово съ Л. А. сказали, что съ Грачевскимъ что-то случилось, и самое вѣрное предположеніе, что Грачевскій сжегъ себя. Конечно, мы стали слѣдить съ удвоеннымъ вниманіемъ за входомъ и выходомъ въ камеру Грачевскаго. Наконецъ, все успокоилось, камера Грачевскаго закрылась, «Иродъ» заглянулъ ко мнѣ и Л. А. въ глазокъ, еще разъ сказалъ свое «ш-ш-ш» и быстрой походкой по коридору вышелъ, очевидно, съ докладомъ къ коменданту о необычайномъ происшествіи. Водворилась мертвая тишина и, кромѣ мѣрныхъ шаговъ унтера и его частаго заглядыванія въ глазокъ ко мнѣ и Л. А., другого жизненнаго проявленія въ коридорѣ не замѣчалось при всемъ нашемъ напряженномъ вниманіи. Черезъ часъ, не раньше, желѣзная дверь въ коридорѣ вновь загромыхала, вошли, какъ мы догадались, «Иродъ» съ комендантомъ. Камера Грачевскаго вновь открылась, и послышался какой-то глухой встревоженный разговоръ. Въ камерѣ Грачевскаго они провозились довольно долго, и я услышалъ звонъ запираемаго звонка.

Библиотека "Руниверс"

Мы знали хорошо иродовскую хитрость, — когда кто изъ заключенныхъ умиралъ, то «Иродъ» во время обѣда, ужина, чая продолжалъ заходить значенія тому, что открывалась камера, а прислушивались къ звону посуды. И на этотъ разъ «Иродъ» продолжалъ заходить во время развъ камеру отсутствующаго, и въ такихъ случаяхъ мы не предавали дачи пищи въ камеру Грачевскаго. Но мы ясно видѣли, что это одно надувательство, такъ какъ не слышно было ни звона посуды, ни зачерпыванія пищи изъ ведра, въ которомъ намъ пища приносилась изъ кухни. Продолжалась эта комедія дня три. Затѣмъ побывали какіе-то новые посѣтители въ камерѣ Грачевскаго. Послѣ этого комедія съ открываніемъ и закрываніемъ дверей въ камеру Грачевскаго прекратилась, и съ этого времени «Иродъ» исчезъ съ нашего горизонта. Его временно замѣнилъ другой офицеръ, фамилію котораго я не помню, мы же назвали его «Классикъ», такъ какъ однажды, въ разговорѣ съ Сергѣемъ Ивановымъ, новый смотритель, бывшій немного подъ бахусомъ, сообщилъ Сергѣю, что онъ тоже окончилъ курсъ въ классической гимназіи, и даже позволилъ себѣ при унтеръ-офицерѣ продекламировать слова Некрасова: «Суждены намъ благіе порывы, но свершить ихъ судьбой не дано»... Присутствовавшій при этомъ унтеръ-офицеръ быстро оборвалъ его изліянія гражданскихъ чувствъ, сказалъ смотрителю: «Выходите, ваше благородіе, тутъ вамъ нечего дѣлать».

Послѣ ужасной смерти Грачевскаго, мы съ Людмилой Александровной просидѣли въ старой тюрьмѣ до апрѣля, когда появился настоящій новый смотритель Федоровъ, или, какъ мы съ легкой руки Лопатина, назвали его, «Фекла». Очевидно, разъ потерпѣвшій за либерализмъ, временный замѣститель смотрителя «Классикъ» не рѣшился до пріѣзда новаго смотрителя распорядиться нашимъ переводомъ. Но ужъ и то хорошо, что съ поступленіемъ «Классика» въ камерѣ Л. А. не стояла страшная жара, а у меня не было дыма. Нужно замѣтить, что конецъ 1887 и начало 88 года, было временемъ наиболѣе напряженной борьбы за право перестукиваться, было эпохой «борьбы за стукъ», какъ мы потомъ говорили. Есть предѣлъ возможности молчать, послѣ котораго человѣкъ неудержимо стремится побесѣдовать съ кѣмъ-нибудь, и напрасно Антоній Великій избѣгалъ людей, чтобъ предаваться молчанію; въ концѣ-концовъ, къ нему пришелъ бѣсъ на исповѣдь, и у нихъ произошелъ продолжительный разговоръ. Аскеты-молчальники, въ концѣ-концовъ, могутъ только до извѣстнаго предѣла бороться съ этой прирожденной способностью человѣка. Поэтому, а также, и потому, что въ это время, послѣ трехлѣтняго перерыва, у насъ появились новыя лица—Лукашевичъ, Новорусскій и другіе, отъ которыхъ намъ было очень интересно узнать, что дѣлается на волѣ, мы не могли не бороться за право переговариваться хотя бы стукомъ. Въ новой тюрьмѣ, стучали такъ же упорно, какъ и въ старой, и «Иродъ» даже сказалъ

Библиотека "Руниверс"

однажды Лопатину: «Я не говорю, чтобъ совсѣмъ не стучать, можно и постучать иногда, а то, вѣдь цѣлый день стукъ, вѣдь такъ ужъ нельзя». Словомъ, даже и «Иродъ» готовъ былъ мириться со стукомъ, очевидно, и для него стало ясною непреодолимая потребность подѣлиться мыслями безвременно погребенныхъ, но все же живыхъ людей. Новый смотритель окончательно позволилъ перестукиваться. Черезъ нѣкоторое время послѣ своего назначенія, онъ зашелъ въ камеру къ Людмилѣ Александровнѣ и ко мнѣ и сказалъ: «Я готовъ васъ перевести въ новую тюрьму, если вы будете исполнять тюремныя правила». Я ему отвѣтилъ, что стучать буду. «Стучать можно, сколько угодно», отвѣтилъ онъ. Очевидно, послѣ трагической смерти Грачевскаго было дано распоряженіе не бороться съ преступленіемъ. Шестилѣтняя борьба за этотъ суррогатъ личнаго общенія окончилась нашей побѣдой.

М. Р. Поповъ.

Мелочи прошлаго.

Въ альбомъ П. А. Валуеву[1]).

Куда тебѣ въ Наполеоны,
Министръ пустоцвѣтистыхъ фразъ,
Нѣтъ, нѣтъ,—французскіе законы
Мудрены черезъ-чуръ для насъ!

* * *

Вѣдь надо подражать толково,
И переводы не легки,
Припомнимъ басенку Крылова
Про обезьяну и очки.

* * *

Примѣромъ—„*Предостереженье*“,
Нельзя имъ дѣйствовать кой-какъ,
Вотъ безъ сноровки и умѣнья
Ты и попался съ нимъ въ просакъ:

* * *

Дня наканунѣ рокового
Мишурнымъ рвеньемъ возгоря,
Предостеречь—кого?—Каткова,
А не предостеречь царя.*)

(*Изъ архива Шаховскихъ*).

---

*) Стихотвореніе имѣетъ въ виду предостереженіе, данное 31-го марта 1866 г. Каткову за передовую статью въ № 61 «Московск. Вѣдом.», гдѣ Катковъ обвинялъ въ антинаціональности политику мин. вн. дѣлъ Валуева. 4-го апрѣля былъ выстрѣлъ Каракозова.

Библиотека "Руниверс"

Мелочи прошлаго.

Клички общественныхъ дѣятелей при наружномъ наблюденіи.

(Изъ архива Московскаго охраннаго отдѣленія).

Помѣщаемыя ниже клички заимствованы изъ дневниковъ филеровъ охраннаго отдѣленія. Далеко не всѣ наблюдаемые имѣли эти клички. Почему однимъ давали клички, другимъ нѣтъ—установить трудно. Напр., филеры Московскаго охраннаго отдѣленія слѣдили чуть-ли не за каждымъ шагомъ кн. Г. Е. Львова, и тѣмъ не менѣе онъ не значился у нихъ подъ той или иной кличкой. Прилагаемый списокъ выбранъ изъ дневниковъ за нѣсколько лѣтъ. Какъ видно, клички давались примѣнительно къ мѣсту жительства наблюдаемаго, къ его костюму, наружности, мѣсту службы и роду занятій. Иногда по признаку характера, какъ онъ рисовался въ глазахъ филеровъ.

Армандъ Л. Н.—„Вѣтка".
Амфитеатровъ А. В.—„Пріѣзжій".
Астровъ Н. И.—„Кредитный".
Беркенгеймъ А. М.—„Залетный".
Боровой А. А.—„Боровъ".
Бурцевъ В. Л.—„Кашинскій".
Вентцель М. К.—„Тишениковскій".
Горькій А. М.—„Миндаль".
Гоцъ А. Р.—„Дергачъ".
Гучковъ А. И.—„Балканскій".
Долгоруковъ кн. П. Д.—„Бюстъ".
Зензиновъ В. М.—„Французъ".
Зензиновъ М. М.—„Черноморецъ".
Керенскій А. Ф.—„Скорый".
Кизеветтеръ А. А.—„Моховой".
Кишкинъ Н. М.—„Непонятный".
Кускова Е. Д.—„Подошва".
Мазе Я. И.—„Мазепа".
Малянтовичъ В. Н.—„Ураганъ".
Малянтовичъ П. Н.—„Крѣпостной".
Масловъ П. П.—„Винтъ".
Миноръ О. С.—„Высокій".
Мельгуновъ С. П.—„Плисовый".
Муравьевъ Н. К.—„Муха".
Муромцева М. Н.—„Мачта".
Мережковскій Д. С.—„Старикъ".
Никитинъ А. М.—„Лысый".
Погинъ В. П.—„Голодный".
Огановскій Н. П.—„Строченый".
Ордынскій С. П.—„Торопливый".
Прокоповичъ С. Н.—„Сапогъ".
Переверзевъ В. Н.—„Новый".
Россолимо Г. И.—„Столовый".
Рудневъ В. В.—„Битокъ".
Рябушинскій П. П.—„Кошелекъ"
Савинковъ Б. В.—„Театральный".
Скворцовъ И. И.—„Русакъ".
Скобелевъ М. И.—„Купецъ". „Оптовый".
Фигнеръ В. Н.—„Березовая".
Фундаминскій И. И.—„Перецъ".
Хинчукъ Л. М.—„Буйный".
Чайковскій Н. В.—„Апостолъ". „Сибирякъ".
Чеховъ Н. В.—„Плотный".
Чхеидзе Н. С.—„Гостинный".
Яхонтовъ В. И.—„Трешникъ".

Библиотека "Руниверс"

„Въ рукахъ у палачей слова".

(Къ сорокалѣтію смерти Н. А. Некрасова).

Исполнившееся 27-го декабря 1917 г. сорокалѣтіе со дня смерти Н. А. Некрасова прошло незамѣтно. Въ этомъ, конечно, нельзя не усмотрѣть большей несправедливости въ отношеніи «печальника горя народнаго» и провозвѣстника освободительныхъ идеаловъ для цѣлаго ряда поколѣній русской интеллигенціи. Страстная, не оставлявшая Некрасова въ теченіе всей его жизни мечта о наступленіи «ведреннаго дня» для родины, о томъ времени, когда народъ «широкую, ясную грудью дорогу проложитъ себѣ», мечта, неизмѣнно облекавшаяся въ художественные образы и пламенныя слова, являлась достаточнымъ основаніемъ для того, чтобы добромъ помянуть первую въ свободной Россіи некрасовскую годовщину. Если этого и не произошло, то, само собой разумѣется, по винѣ тѣхъ потрясающихъ событій, которыя намъ пришлось пережить осенью и зимой 1917 года. Въ ихъ шумѣ и грохотѣ потонуло, должно было потонуть многое такое, что громко прозвучало бы въ нормальное время; потонуло и воспоминаніе о Некрасовской годовщинѣ. Но вынужденное, я бы сказалъ, невниманіе общества и прессы къ сорокалѣтію смерти Некрасова не можетъ служить примѣромъ достойнымъ подражанія для историческаго журнала, по самому характеру своему призваннаго оберегать интересы исторической справедливости и не поддаваться впечатлѣніямъ минуты, какъ бы громкозвучны они ни были. Тѣмъ не менѣе, выбирая тему для статьи о Некрасовѣ, я вполнѣ сознательно рѣшилъ отдать нѣкоторую дань этимъ впечатлѣніямъ, а потому и посвящаю свою статью скорбной повѣсти о той безстыдной травлѣ, которой подвергся одинъ изъ величайшихъ русскихъ поэтовъ со стороны чиновныхъ «палачей слова». Еще недавно, какіе-нибудь три четыре мѣсяца тому назадъ, казалось, что въ освѣщенной революціонными громами атмосферѣ свободной Россіи нѣтъ мѣста «палачамъ слова». Но увы! Это только казалось. Вслѣдъ за октябрьскимъ переворотомъ началась эпоха такого цензурнаго террора, котораго не знала русская печать въ самые реакціонные періоды русской исторіи. Соотвѣтственно съ этимъ, вопросъ о цензурѣ, возставшей изъ

Библиотека "Руниверс"

мертвыхъ и воцарившейся надъ русскимъ печатнымъ словомъ, пріобрѣлъ новый интересъ и новое значеніе. Въ самомъ дѣлѣ, одно ли и то же говорить объ явленіи, безповоротно сданномъ въ архивъ и въ силу этого абсолютно неспособномъ, такъ или иначе, вліять на современную жизнь, и объ явленіи, напоминающемъ о себѣ каждодневно рядомъ конкретныхъ фактовъ?

I.

Въ моемъ распоряженіи находятся подлинныя донесенія цензоровъ о различныхъ произведеніяхъ Некрасова, найденныя мною въ архивѣ одного изъ самыхъ достопамятныхъ въ лѣтописяхъ русской литературы учрежденій—главнаго управленія по дѣламъ печати. Такъ какъ матеріалы эти весьма обширны, то въ настоящей статьѣ, я воспользуюсь только тѣми изъ нихъ *), которые относятся къ сотрудничеству Некрасова, какъ поэта, въ «Отечественныхъ Запискахъ», т.-е. къ 1868—1877 гг. Журналъ же этотъ, занимавшій столь выдающееся мѣсто въ исторіи русскаго литературнаго народничества, безъ преувеличенія говоря, сформировавшій мысль нѣсколькихъ поколѣній русской молодежи въ духѣ соціалистической и революціонной идеологіи, имѣетъ въ настоящій моментъ тѣмъ большее право на вниманіе, что въ текущемъ январѣ исполнилось ровно пятьдесятъ лѣтъ со дня выхода его первой книжки подъ знаменемъ народнической редакціи Некрасова и Г. З. Елисѣева, къ которымъ вскорѣ присоединился и М. Е. Салтыковъ.

Въ 60-хъ годахъ репутація Некрасова въ цензурныхъ и всякихъ иныхъ сферахъ окончательно опредѣлилась: на него установился взглядъ, какъ на одного изъ послѣдователей «французскихъ республиканскихъ писателей», которые проявляютъ «особенную нѣжность къ рабочимъ классамъ», любятъ толковать «о страданіяхъ пролетаріата», при чемъ существенный смыслъ всѣхъ ихъ выступленій сводится къ слѣдующему: «учредите республику», сдѣлайте насъ диктаторами, а мы отдадимъ вамъ всѣ богатства высшихъ классовъ и сдѣлаемъ васъ навсегда счастливыми»... (изъ офиціальной записки гр. Капниста 1864 г.). Естественнымъ слѣдствіемъ подобной оцѣнки идейнаго содержанія поэзіи Некрасова былъ рядъ репрессивныхъ мѣръ, обрушившихся на «Современникъ» за помѣщеніе въ немъ нѣкоторыхъ его стихотвореній. Такъ, однимъ изъ мотивовъ перваго предостереженія «Современнику», объявленнаго 10-го ноября 1865 г., было то обстоятельство, что «въ стихотвореніи, подъ заглавіемъ «Газетная» изображено въ крайне оскорбительномъ видѣ званіе

*) Въ дальнѣйшемъ изложеніи мною цитируются, почти исключительно, два архивныхъ дѣла: «дѣло 1-го отд. канц. Главн. Упр. по дѣламъ печати объ «Отеч. Запискахъ» за № 53 (началось 9 сен.1865 г.) и «дѣло Спб. Цензурнаго К-та объ «Отеч. Запискахъ» за № 60 (началось 14 сент. 1865 г.).

Библиотека "Руниверс"

цензора», а въ числѣ мотивовъ второго предостереженія, объявленнаго 4 декабря 1865 г., прямо указывалось стихотвореніе «Желѣзная дорога», въ которомъ «возводится клевета на благодѣтельное предпріятіе правительства къ усовершенствованію нашихъ путей сообщенія на западный образецъ, въ звучныхъ стихахъ, утверждающихъ, что «начальство сѣкло народъ», предоставляя ему право «мерзнуть и гибнуть отъ цынги въ землянкахъ»; при чемъ авторъ позволилъ себѣ даже сдѣлать произвольное исчисленіе мучениковъ, потерпѣвшихъ смерть за Николаевскую желѣзную дорогу, утверждая, что таковыхъ «пять тысячъ»; въ эпиграфѣ же упомянуто, вещь всѣмъ извѣстная, что главнымъ строителемъ дороги былъ графъ Клейнмихель, очевидно, съ цѣлью возбудить негодованіе противъ этого имени... Вообще стихотвореніе Некрасова «Желѣзная дорога» представляетъ сооруженіе этого пути результатомъ притѣсненія народа со стороны правительства съ возбужденіемъ негодованія противъ высшаго правительства».

Тѣ «неморальныя» жертвы (стихотвореніе въ честь спасителя Александра II Комиссарова и стихотворное же привѣтствіе Муравьеву—вѣшателю на обѣдѣ въ Англійскомъ клубѣ), съ помощью которыхъ Некрасовъ пытался отвести Дамокловъ мечъ цензуры отъ своего журнала, ни къ чему, какъ извѣстно, не привели; не измѣнили онѣ, въ частности, только что констатированнаго въ высшей степени подозрительнаго отношенія цензуры къ вдохновеннымъ пѣснямъ «музы мести и печали». Достаточно было Некрасову встать у кормила новаго журнала, какъ и этотъ журналъ и помѣщавшіяся на его страницахъ новыя стихотворенія поэта стали мишенью жестокаго цензурнаго обстрѣла. Здѣсь не лишнее будетъ отмѣтить, насколько ошибались бывшіе сотрудники Некрасова по «Современнику» Антоновичъ и Жуковскій въ своихъ утвержденіяхъ, что переходъ «Отеч. Записокъ» въ руки Некрасова знаменуетъ идейный союзъ его съ Краевскимъ и то, что мы называемъ теперь «перемѣною фронта» (см. брошюру Антоновича и Жуковскаго «Матеріалы для характеристики новѣйшей русской литературы» Спб. 1869 г.). Раньше, чѣмъ ихъ порочившія доброе имя Некрасова и какъ журнальнаго дѣятеля, и какъ поэта, и, какъ, наконецъ, человѣка, предположенія появились въ печати, цензура, профессіональнымъ долгомъ которой являлось отдѣленіе пшеницы отъ плевелсвъ, агнцевъ отъ козлищъ, составила себѣ очень опредѣленное мнѣніе о Некрасовскихъ «Отечественныхъ Записках», какъ объ органѣ, призванномъ замѣнить погибшій насильственною смертью «Современникъ». Въ подтвержденіе сошлюсь на заключительныя слова перваго изъ цензурныхъ донесеній объ обновленныхъ «Отеч. Запискахъ», посвященнаго роману Гирса «Старая и Новая Россія», который печатался въ журналѣ въ весенних книжкахъ 1868 года: «При этомъ цензоръ не можетъ не замѣтить, что «Отечественныя Записки» съ января нынѣш-

Библиотека "Руниверс"

пяго года измѣнили совершенно свой характеръ; изъ изданія строго консервативнаго, какимъ онѣ были долгое время, онѣ сдѣлались органомъ, если не безусловно нигилистическимъ, то, по крайней мѣрѣ, сочувствующимъ отрицательному направленію, которое проводится во всѣхъ статьяхъ какъ беллетристическихъ, такъ научныхъ и критическихъ».

Вотъ при какомъ завѣдомо пристрастномъ отношеніи, для котораго «всякое лыко будетъ въ строку», приходилось начинать Некрасову и его сотрудникамъ новое дѣло. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что однимъ изъ виновниковъ такого отношенія къ журналу являлся самъ Некрасовъ, съ личностью и литературнымъ именемъ котораго у цензоровъ былъ связанъ, какъ мы видѣли, комплексъ весьма опредѣленныхъ понятій. Объ этомъ можно судить по той систематической, по своему упорству достойной лучшаго примѣненія травлѣ, которую цензора «Отеч. Записокъ» повели противъ печатавшихся въ журналѣ произведеній Некрасова. Насколько эта травля была грубо-тенденціозна, въ какой мѣрѣ практиковавшія ее лица не считались съ правилами даже элементарной справедливости, желая, во что бы то ни было «допечь» и очень мало считаясь съ тѣмъ, было ли достаточное законное—даже съ точки зрѣнія варварскихъ въ отношеніи печати законовъ того времени—основаніе для того, чтобы «допекать», можетъ служить нижеслѣдующее еще нигдѣ не напечатанное донесеніе цензора Лебедева о прологѣ и первой главѣ («Попъ») Некрасовскаго шедевра, поэмы «Кому на Руси жить хорошо», вошедшихъ въ январскую книжку «Отеч. Записокъ» за 1869 г.:

«Въ означенной поэмѣ, подобно прочимъ своимъ произведеніямъ, Некрасовъ остался вѣренъ своему направленію; въ ней онъ старается представить мрачную и грустную сторону русскаго человѣка съ его горемъ и матеріальными недостатками. Основная фабула, на которой построено это произведеніе, весьма несложна; именно состоитъ въ томъ, что нѣсколько крестьянъ изъ различныхъ деревень поспорили между собой о томъ, кому на Руси жить лучше: одни говорили—помѣщику, другіе—чиновнику, третьи—попу, четвертые—купцу, пятые—вельможѣ, шестые—министру, послѣдніе—царю. Но не сойдясь между собой во взглядѣ, они порѣшили лучше удостовѣриться изъ устъ самихъ заподозрѣнныхъ ими въ счастіи лицъ о дѣйствительномъ ихъ благополучіи и въ такомъ намѣреніи дорогой набрели на ѣхавшаго навстрѣчу попа, котораго и остановили, предложивъ ему рѣшить ихъ споръ о томъ, хорошо ли ему жить на Руси. Разсказъ попа, каково жить у насъ священнику, самаго грустнаго свойства; кромѣ претерпѣваемаго имъ матеріальнаго недостатка, переносимыхъ хлопотъ и заботъ, весьма тяжелаго свойства, онъ жалуется на неуваженіе крестьянъ, сложившихъ о попѣ и членахъ его семейства непристойныя поговорки и сказки, почему они сами могутъ судить, сладко ли и пріятно живется на Руси попу.

Въ общемъ своемъ содержаніи и направленіи означенная первая глава этой поэмы не заключаетъ въ себѣ ничего противнаго цензурнымъ постановленіямъ, такъ какъ собственно сельское духовенство представляется униженнымъ вслѣдствіе необразованности мужика, бѣднымъ

Библиотека "Руниверс"

вслѣдствіе окружающей его среды, которая сама ничего не имѣетъ, такъ что въ этой поэмѣ выливается только гражданская скорбь на безпомощность сельскаго населенія и его духовенства. Но тѣмъ не менѣе въ ней встрѣчаются три рѣзкія по своему неприличію мѣста, на которыя цензоръ считаетъ нужнымъ обратить вниманіе комитета съ тѣмъ—не сочтетъ ли онъ нужнымъ заявить объ нихъ Главному Управленію по дѣламъ печати, а именно:

Стр. 213.

«Скажите, православные,
Кого вы называете
Породой жеребячьею?
Чуръ! Отвѣчать на спросъ».
«О комъ слагаете
Вы сказки балагурныя,
И пѣсни непристойныя
И всякую хулу?
Мать попадью степенную,
Попову дочь безвинную,
Семинариста всякаго,
Какъ чествуете вы?!!

На стр. 216.

«Какъ племя іудейское,
Разсѣялись помѣщики
По дальней чужеземщинѣ
И по Руси родной».

Итакъ, цитированные отрывки цензоръ считаетъ возможнымъ квалифицировать, какъ «рѣзкія по своему неприличію мѣста». Комментаріи излишни! Только завѣдомая недобросовѣстность или разстроенное полицейски охранительнымъ характеромъ цензорской службы воображеніе могло усмотрѣть здѣсь «рѣзкость» и «неприличіе».

С.-Петербургскій цензурный комитетъ, обсуждавшій донесенія цензоровъ о новыхъ книжкахъ яко бы «безцензурныхъ» (смѣхотворная безцензурность!) журналовъ прежде ихъ выхода въ свѣтъ, что давало возможность въ однихъ случаяхъ путемъ негласнаго соглашенія съ редакціей похерить ту или иную неугодную литературному начальству статью, въ другихъ, болѣе экстренныхъ, накладывать арестъ на неуспѣвшія еще выйти и соблазнить читательскіе умы книжки, лишенъ былъ всякой возможности, на основаніи представленнаго ему отзыва, принять въ отношеніи поэмы Некрасова какія-либо репрессивныя мѣры, и она благополучно появилась въ январскомъ №. Тѣмъ не менѣе, усердіе ретиваго цензора не пропало даромъ. Прошло нѣсколько мѣсяцевъ, и отзывъ его о «Кому на Руси жить хорошо» былъ доведенъ цензурнымъ комитетомъ до свѣдѣнія высшей цензурной инстанціи—главнаго управленія по дѣламъ печати. Произошло это при слѣдующихъ обстоятельствахъ. Въ де-

Библиотека "Руниверс"

кабрѣ 1869 г. цензурному комитету пришлось отвѣчать на запросъ начальника главнаго управленія по дѣламъ печати «относительно направленія журнала «Отечественныя Записки» въ послѣдніе два года». По порученію Комитета, цензоръ Лебедевъ, на котораго было возложено спеціальное цензурованіе «Отеч. Записокъ», составилъ обширный докладъ, въ которомъ доказывалъ, что направленіе журнала «состоитъ въ постоянной гражданской скорби о меньшей братіи, т.-е. о простолюдинахъ и о неимущихъ, съ выставленіемъ на показъ обществу тѣхъ язвъ, которыя кроются, по мнѣнію редакціи, въ современномъ административномъ и соціальномъ порядкѣ». Въ подтвержденіе цензоръ ссылался на цѣлыхъ 17 статей, помѣщенныхъ въ 1868—1869 гг., и изъ нихъ три ссылки называли произведенія Некрасова. Вотъ онѣ:

«*Эй, Иванъ!*». *Стихотвореніе Некрасова* (Февраль).

Въ означенномъ небольшомъ стихотвореніи проведена всегдашняя мысль Некрасова объ угнетенномъ положеніи низшаго класса, здѣсь, въ самомъ возмутительномъ видѣ, представлено положеніе бывшаго крѣпостного человѣка, употреблявшагося на всевозможныя работы и получавшаго въ награду одни побои».

«*Медвѣжья охота*». *Некрасова* (Сентябрь).

Въ этой пьесѣ преданы осмѣянію молодые бюрократы, представленные людьми формы и слова, а не дѣла, въ ней весьма неумѣстно между прочимъ описаніе времени 40-хъ годовъ, въ которое будто приходилось всякому мыслящему человѣку задыхаться отъ невыносимаго гнета».

«*Кому на Руси жить хорошо*». *Некрасова.* (Январь и Февраль).

Крестьяне, положеніе которыхъ представлено поэтомъ въ незавидномъ положеніи, поспорили между собою, кому на Руси жить хорошо. По плану предпринятому поэтомъ, вѣроятно, онъ хотѣлъ представить рядъ лицъ изъ каждаго сословія, съ объясненіемъ ихъ положенія въ обществѣ, но въ напечатанномъ стихотвореніи ограничился описаніемъ быта сельскаго попа, участь котораго представлена въ самыхъ мрачныхъ и грустныхъ краскахъ, съ его бѣдностью, отчужденіемъ отъ общества и почти презрѣніемъ со стороны окружающихъ».

Если сравнить эти отзывы съ вышеприведенной общей характеристикой журнала, то окажется, что некрасовскіе стихи вполнѣ подходили подъ главные пункты того обвиненія, которое предъявлялось «Отеч. Запискамъ».

Въ слѣдующемъ 1870 году цензурою, наравнѣ съ цѣлымъ рядомъ другихъ статей, было взято подъ подозрѣніе безобиднѣйшее стихотвореніе Некрасова «Соловьи». Этому стихотворенію въ донесеніи комитета въ главное управленіе отъ 19 октября 1870 года были посвящены слѣдующія, цѣликомъ основанныя на докладѣ того же Лебедева строки:

«Муза Некрасова, отличающаяся гражданскою скорбью о меньшей братіи и старающаяся выставить на показъ больныя мѣста общественнаго строя, и въ этомъ стихотвореніи не измѣнила себѣ. Такъ въ немъ крестьянка-мать разсказываетъ своимъ дѣтямъ о томъ, что въ рощѣ

Библиотека "Руниверс"

возлѣ ихъ села чуть не перевелись соловьи отъ того, что имъ вздумали ставить силки и сѣти, и окрестные обитатели едва не лишились возможности наслаждаться въ лѣсу ихъ пѣніемъ. Къ счастію, они во время спохватились, уставили запретъ, чтобы никто не ставилъ силковъ и сѣтей, и соловьи возвратились. Когда одно изъ дѣтей спросило у матери, есть ли и у людей такія привольныя свободныя рощицы, она отвѣтила, что мѣсть безъ рекрутчины и податей для людей не имѣется, такъ какъ въ противномъ случаѣ крестьянки перенесли бы туда на рукахъ всѣхъ дѣтей своихъ. Здѣсь не отрицается обязательность податей и военной службы, но желательно было бы избѣжать сопоставленія ихъ съ силками и сѣтями.

Комитетъ, не усматривая въ октябрьской книжкѣ «Отеч. Записокъ» какихъ либо основаній къ судебному преслѣдованію, имѣетъ честь на основаніи конфиденціальной инструкціи г. министра внутреннихъ дѣлъ, данной столичнымъ цензурнымъ комитетамъ, согласно съ заявленіемъ цензора, донести о семъ главному управленію по дѣламъ печати».

Нѣтъ надобности цитировать самое стихотвореніе «Соловьи», чтобы показать всю нелѣпость данной цензурной придирки. Ея полнѣйшая необоснованность вскрывается хотя бы, бросающейся въ глаза слабостью тѣхъ обвиненій, которыя смогъ выдавить изъ себя преслѣдовавшій свои глубоко тенденціозныя цѣли цензоръ.

Если ужъ такія невинныя стихотворенія Некрасова, какъ начало поэмы «Кому на Руси жить хорошо», «Эй, Иванъ!» и «Соловьи» («Медвѣжью охоту» я исключаю изъ этого перечня, такъ какъ нахожу, что она, дѣйствительно, могла дать нѣкоторыя основанія для цензурнаго натиска, и можно только удивляться, что отзывъ о ней Лебедева столь лакониченъ), были отмѣчены въ роковомъ синодикѣ цензурнаго вѣдомства, то гораздо большую тревогу должно было вызвать въ надлежащихъ инстанціяхъ появившееся въ сентябрьской книжкѣ «Отеч. Записокъ» стих. «Недавнее время», такъ какъ въ немъ, на самомъ дѣлѣ, проскальзывали временами очень непріятныя для начальственнаго слуха ноты. Въ соотвѣтствіи съ этимъ въ донесеніи цензурнаго комитета отъ 16-го октября 1871 г. ни одной изъ шести инкриминируемыхъ статей октябрьскаго номера, хотя среди нихъ есть статьи Михайловскаго («Дарвинизмъ и оперетки Оффенбаха») и М. Е. Салтыкова («Самодовольная современность»), не удѣляется столько вниманія, сколько стихотворенію Некрасова, причемъ и мѣсто въ донесеніи оно занимаетъ первое.

«Въ означенномъ стихотвореніи, читаемъ мы здѣсь, поэтъ желая описать настоящее положеніе одного именитаго клуба (безъ сомнѣнія. англійскаго), проводитъ параллель между прежними и настоящими его посѣтителями. Относясь иронически къ прежнему недавнему времени, когда этотъ клубъ посѣщался разными знаменитостями изъ административной сферы и аристократическаго круга общества, поэтъ въ самыхъ непристойныхъ и мрачныхъ краскахъ описываетъ время послѣднихъ лѣтъ царствованія императ ра Николая I. Такъ, говоря о томъ, что первыя новости, вслѣдствіе тогдашняго безмолвія русскихъ газетъ, узнава-

Библиотека "Руниверс"

лись прежде всего въ этомъ клубѣ, онъ припоминаетъ объ арестѣ Полевого, произведшемъ на поэта самое тяжелое впечатлѣніе. Поэтъ не предвидѣлъ, что его ожидаютъ послѣдствія еще худшія со стороны той же карающей власти, при чемъ выражаетъ свою мысль въ слѣдующихъ стихахъ на стр. 266:

Не такія еще поощренья
Встрѣтишь ты на пути роковомъ,—
Но не понялъ я нѣсенки спросту,
У Цѣпного безсмертнаго моста
Мнѣ ее пояснили потомъ» (стр. 266).

Упоминая о томъ, что въ то время и первыя извѣстія съ поля военныхъ дѣйствій узнавались ранѣе всего въ означенномъ клубѣ, поэтъ замѣчаетъ о неблагодарности русскихъ къ героямъ, жертвовавшимъ собою на войнѣ, и наоборотъ помнящихъ тѣхъ, которые грабили солдатъ, прятали русскую корпію въ прокъ и потомъ продавали англичанамъ (стр. 267).

Описывая затѣмъ нѣкоторыя личности клубскихъ посѣтителей, отличавшихся своимъ невѣжествомъ и тупоуміемъ, поэтъ, говоря о какомъ-то молодомъ человѣкѣ изъ высшаго круга, посвящавшемъ все свое время ѣдѣ, попойкѣ и ухаживанію за актрисами, утѣшаетъ его тѣмъ, что бездарность не помѣшаетъ ему сдѣлаться генералъ-адъютантомъ, носить украшенія на груди, такъ какъ всего этого можно достигнуть съ меньшимъ знаніемъ и съ меньшимъ талантомъ (стр. 271).

Далѣе слѣдуетъ описаніе въ самыхъ мрачныхъ краскахъ обращенія военнаго начальства съ солдатами, въ примѣръ котораго поэтъ приводитъ какого-то мужа, управлявшаго больницею и пожарною командою, который будто для пріученія солдатъ къ дѣйствію на пожарахъ, заставлялъ ихъ проводить время въ угарной банѣ, и дѣлалъ столько фальшивыхъ тревогъ, что при дѣйствительномъ пожарѣ и люди и лошади оказались до того измученными, что и не были въ состояніи дѣйствовать. Или когда ожидали этого генерала въ больницѣ, то для очистки воздуха отворялись всѣ форточки, послѣ чего прибавлялось всегда нѣсколько больныхъ горячкою и нѣсколько преждевременныхъ смертей (стр. 272 и 273).

Далѣе поэтъ замѣчаетъ, что послѣ февральской революціи доносы сдѣлались всеобщими, и предержащія власти не отказывались принимать ихъ (стр. 273). Газеты въ то время всѣ молчали, современныхъ вопросовъ никто не смѣлъ касаться, допускались только доносы; въ то время все такъ было угнетено, что даже доносчикъ Авдей (указаніе на Фаддея Булгарина) казался исчадіемъ ада (стр. 274).

На стр. 275 съ ироніей упоминается о побѣдахъ на маневрахъ подъ Краснымъ Селомъ, и о порожденной ими увѣренности въ нашемъ превосходствѣ надъ Европой.

Переходя затѣмъ къ новому времени, т.-е. къ нынѣшнему царствованію, поэтъ замѣчаетъ (на стр. 278), что надежды на него не сбылись, что оно не сдержало своихъ обѣтовъ къ удовольствію ретроградовъ и невѣждъ; но что въ началѣ онаго Россія была удивительно хороша: что тогда она сбивала свои оковы, какъ будто пѣшла куда-то. При этомъ, бичуя предшествовавшее время, авторъ доходитъ до крайности въ выра-

Библиотека "Руниверс"

женіяхъ ненависти къ прежнему обществу, говоря слѣдующими стихами, на стр. 279:

«Мы взывали: «даруемъ свободу
Угнетенному нами народу,
Мы прошедшее сами клянемъ!
Посмотрите на насъ: мы обжоры,
Мы ходячіе трупы, гробы,
Казнокрады, казенные воры,
Угнетатели, трусы, рабы!».

Въ концѣ стихотворенія поэтъ, отвѣчая на дѣлаемый ему будто вопросъ, почему онъ коснулся прошедшаго, а не настоящаго времени, поясняетъ, что онъ лишенъ права голоса въ текущихъ вопросахъ; прикасаться же къ нимъ робко и несмѣло находитъ безполезнымъ, такъ какъ въ этомъ случаѣ онъ бы болѣе запутывалъ ихъ» (стр. 283).

Въ заключительныхъ словахъ цензоръ съ горечью (вотъ что значитъ ревность къ службѣ!) сознается, что какъ ни ясно доказываетъ стихотвореніе Некрасова и другія поименованныя въ докладѣ статьи за «вредное направленіе журнала,—формулировать по нимъ судебное преслѣдованіе редактора съ надеждою на успѣхъ, положительно невозможно». Къ тому же грустному выводу пришли и цензурный комитетъ съ главнымъ управленіемъ по дѣламъ печати... Опасность такимъ образомъ миновала «Отеч. Записки», но, увы! не надолго—ужъ слишкомъ всеподданна была цензура, и слишкомъ безнадежна журналистика, чтобы цензурные органы, разъ они признали направленіе журнала вреднымъ, отказали себѣ въ удовольствіи вести съ нимъ счеты, тѣмъ болѣе, что, помимо судебнаго преслѣдованія, пути, дѣйствительно невѣрнаго, т.-е. не всегда сулившаго тріумфы мало считавшемуся съ точнымъ смысломъ соотвѣтствующихъ статей уголовнаго уложенія цензурному вѣдомству, существовалъ другой путь—путь административной репрессіи, т.-е. объявленіе предостереженія. На этотъ путь главное управленіе въ лицѣ своего новаго начальника М. Н. Лонгинова, еще недавно близкаго литературнымъ кружкамъ, а теперь сдѣлавшагося безпощаднымъ гонителемъ литературы, и вступило, объявивъ «Отечественнымъ Запискамъ» 19-го іюля 1872 г. предостереженіе за статью Демерта «Наши общественныя дѣла», содержавшую доказательную критику тѣхъ порядковъ, которые установились въ министерствѣ народнаго просвѣщенія въ связи съ ультрареакціонной политикой извѣстнаго насадителя классической системы гр. Д. А. Толстого. Оцѣнивая это предостереженіе, надо имѣть въ виду что, какъ почти всегда бываетъ въ подобныхъ случаяхъ, статья Демерта явилась лишь каплей, переполнившей чашу: въ наполненіи же чаши участвовали всѣ главные сотрудники «Отеч. Записокъ», неизмѣнно проводившіе на страницахъ журнала столь ненавистные охранителямъ идеалы соціальнаго и политическаго раскрѣпощенія русскаго народа, а въ ихъ числѣ,

Библиотека "Руниверс"

и Некрасовъ, стихи котораго, какъ мы только что видѣли, служили постоянною мишенью для цензурнаго обстрѣла. Лишнее подтвержденіе того, насколько нетерпима была цензура къ Некрасову, даетъ относящееся къ февралю 1873 г. новое донесеніе цензурнаго комитета о поэмѣ «Кому на Руси жить хорошо», въ основу котораго положенъ былъ отзывъ того же неутомимаго въ своихъ преслѣдованіяхъ «Отеч. Записокъ» цензора Лебедева. Въ донесеніи этомъ рѣчь идетъ о 1—3 главахъ 2-ой части поэмы, объединеннымъ общимъ заглавіемъ «Послѣдышъ», при чемъ относящіяся сюда строки донесенія гласили:

«Цензоръ находитъ, что означенное произведеніе, составляя продолженіе серіи стихотвореній, озаглавленныхъ Некрасовымъ «Кому на Руси жить хорошо», отличается отъ предыдущихъ пьесъ крайнимъ безобразіемъ содержанія и, не имѣя никакого литературнаго и художественнаго достоинства, носитъ характеръ пасквиля на все дворянское сословіе. Желая олицетворить въ своемъ героѣ Послѣдышѣ большинство дворянъ, не бывшихъ въ состояніи съ подобающимъ благоразуміемъ принять и перенести актъ освобожденія крестьянъ. Некрасовъ заставляетъ героя своего, заслуженнаго стараго князя, сойти съ ума отъ такого оскорбительнаго акта для дворянскаго достоинства и въ сумашествіи прибѣгать къ самымъ шутовскимъ и неумѣстнымъ продѣлкамъ. У этого князя есть дѣти, служащіе въ гвардіи, которые, узнавъ о болѣзни отца, немедленно пріѣзжаютъ въ деревню и упрашиваютъ крестьянъ притворяться передъ старикомъ отцомъ ихъ какъ бы прежними крѣпостными, не протестовать противъ его безобразій, покоряться его капризамъ, такъ какъ это состояніе старика, по словамъ врачей, продолжаться долго не можетъ, и за это обѣщаютъ крестьянамъ, по смерти прежняго барина, дать въ вознагражденіе всевозможныя льготы, обезпечить ихъ поемными лугами, заплатить заработанныя деньги за барщину и т. п. Крестьяне соглашаются и смиренно переносятъ всѣ прихоти и самодурства стараго крѣпостника. Наконецъ, дѣйствительно скоро старый баринъ умираетъ, но молодые наслѣдники, гвардейскіе офицеры, не держатъ даннаго слова и обманываютъ во всемъ крестьянъ, которые начинаютъ по этому поводу тяжбу.

Къ такому предосудительному содержанію, въ которомъ подымается на смѣхъ все дворянское сословіе, присоединяются въ стихотвореніи отдѣльныя мѣста, отличающіяся крайнимъ неприличіемъ, какъ, напримѣръ, разговоръ одного выпившаго крестьянина (стр. 540), гдѣ тотъ говоритъ въ лицо своему старому барину, что онъ владѣетъ крестьянами на крѣпостномъ правѣ, какъ послѣдышъ, по милости и глупости крестьянъ, а стоитъ имъ захотѣть, они дадутъ ему пинка и царству его конецъ.

Принимая во вниманіе, что въ стихотвореніи «Послѣдышъ» поэтъ хотѣлъ представить въ мрачномъ свѣтѣ и отталкивающемъ видѣ не только прежнихъ дворянъ владѣльцевъ крѣпостными, но и настоящихъ, такъ какъ молодые наслѣдники представлены имъ также безчестными и не сдерживающими даннаго слова, и этою картиною дать почувствовать читателю насколько нравственнѣе благороднаго сословія простой народъ, цензоръ приходитъ къ тому заключенію, что означенное стихотвореніе можетъ служить возбужденіемъ антагонизма между высшимъ и низшими классами общества и составляетъ оскорбленіе для дворянскаго сословія.

Библиотека "Руниверс"

На основаніи такихъ данныхъ цензоръ считаетъ нужнымъ къ февральской книжкѣ «Отечественныхъ Записокъ» за 1873 годъ, въ которой помѣщено стихотвореніе Некрасова «Послѣдышъ», примѣнить законъ 7-го іюня 1872 года, если высшее начальство не найдетъ возможнымъ сдѣлать редакціи снисхожденіе, дозволивъ выпустить книгу журнала съ исключеніемъ изъ оной означеннаго стихотворенія».

И опять таки не приходится распространяться о томъ, насколько пристрастенъ былъ цензоръ въ подобной квалификаціи «Послѣдыша». Въ немъ, правда, указывались не слишкомъ лестныя для представителей россійскаго благороднаго сословія, факты, но факты эти носили частный характеръ и строить, основываясь на нихъ, такія обобщенія, какія содержались въ докладѣ цензора, было вопіющей тенденціозностью. Этого, разумѣется не могъ не сознавать и цензурный комитетъ, предсѣдатель котораго Петровъ, если вѣрить воспоминаніямъ Скабичевскаго («Истор. Вѣст.» 1910 г., т. CXX), а не вѣрить имъ нѣтъ основаній, не принадлежалъ къ особо ярымъ ненавистникамъ Некрасова и его журнала, а потому въ заключительной части комитетскаго донесенія въ главное управленіе мы читаемъ:

«Комитетъ на засѣданіи 16-го текущаго февраля, по выслушаніи стихотворенія, хотя и находилъ, что авторъ относится въ немъ съ ѣдкимъ сарказмомъ къ бывшему помѣщичьему сословію и именно къ выдѣлившемуся изъ него типу крайнихъ крѣпостниковъ, но не усматривая обобщеній, не полагалъ, чтобъ оно заключало въ себѣ порицаніе всего дворянскаго сословія и могло служить возбужденіемъ къ сословной враждѣ.

Вслѣдствіе того, не признавая возможнымъ примѣнить къ февральской книжкѣ «Отечественныхъ Записокъ» статью 1-го высочайше утв. 7 іюня 1872 г. мнѣнія Государственнаго Совѣта, имѣетъ честь, на основаніи конфиденціальной инструкціи, донести главному управленію по дѣламъ печати объ упомянутомъ стихотвореніи, какъ могущемъ послужить для опредѣленія характеристики журнала».

Слѣдующіе три года, если руководствоваться только матеріалами, заключающимися въ архивныхъ дѣлахъ главнаго управленія и цензурнаго комитета, прошли для Некрасова, но отнюдь не для его журнала, благополучно. Однако, подобное впечатлѣніе, на самомъ дѣлѣ, глубоко обманчиво, что и обнаружится, какъ только мы обратимся къ нѣкоторымъ другимъ источникамъ. Читатели, хорошо знающіе текстъ Некрасовскихъ стихотвореній, хотя бы по нынѣшнимъ несовершеннымъ изданіямъ, безъ сомнѣнія, обращали вниманіе на то, что въ элегіи «Унынie» послѣ III строфы печатается какая-то сборная строфа, обозначенная цифрами V—VI—VII и состоящая изъ 10½ строкъ, заканчивающихся длиннымъ рядомъ точекъ. У меня была въ рукахъ рукопись «Унынія», и я могу засвидѣтельствовать, что соотвѣтствующія строфы въ текстѣ стихотворенія имѣлись, но были вычеркнуты краснымъ карандашомъ и въ январскую книжку «Отеч. Записокъ» за 1875 г., гдѣ была напечатана

Библиотека "Руниверс"

вся элегія, не поняли. Считаю не лишнимъ процитировать эти строфы хотя онѣ и были уже напечатаны (см. ст. Чуковскаго «Новонайденныя творенія Некрасова», «Русское Слово», 11 декабря 1913 г.):

Жестокій богъ! онъ далъ двойное зрѣнье
Моимъ очамъ; пытливое волненье
Родилъ въ умѣ, душою овладѣлъ:
«Я даромъ жилъ, забвенье-мой удѣлъ»,
Я говорю съ нимъ, жизнь мою читая:
«Прости меня, страна моя родная!
Безплоденъ трудъ, напрасенъ голосъ мой!»
И вижу я, погорженный въ смятенье,
Въ случайности несчастной-преступленье,
Предательство—въ ошибкѣ роковой...
Измученный, тоскою удрученный,
Жестокостью судьбы неблагосклонной
Мои вины желаю объяснить.
Гоню врага, хочу его забыть,
Онъ тутъ, какъ тутъ! Въ любимый трудъ, въ забаву,
Мѣшаетъ онъ во все свою отраву,
И снова мы идемъ рука съ рукой.
Куда? Увы! Опять я провѣряю
Всю жизнь мою, найти итогъ желаю,—
Угодно ли послѣдовать за мной?
Идемъ! Пути, утоптанные гладко.
Я пренебрегъ, я шелъ своимъ путемъ.
Со стороны блюстителей порядка
И, такъ сказать, былъ вѣчно подъ судомъ.
И рядомъ съ нимъ,—такая есть возможность!
Я зналъ другой, недружелюбный судъ,
Гдѣ трусостью зовется осторожность!
Гдѣ подлостью умѣренность зовутъ,
То юношества судъ неумолимый.
Межъ двухъ огней я шелъ неутомимый,
Куда пришелъ? Клянусь, не знаю самъ...
Рѣшить вопросъ предоставляю вамъ.

Что же все это значитъ? Стихотвореніе лишилось одного изъ интереснѣйшихъ мѣстъ своего содержанія, а въ офиціальныхъ цензурныхъ матеріалахъ объ этомъ казусѣ нѣтъ ни малѣйшаго упоминанія. Ларчикъ открывается просто: кромѣ офиціальныхъ сношеній редакціи журнала съ цензурнымъ комитетомъ и главнымъ управленіемъ, между ними происходили еще сношенія неофиціальныя, суть которыхъ, въ случаяхъ

Библиотека "Руниверс"

подобныхъ данному, заключалась въ слѣдующемъ: цензоръ, не возбуждая вопроса о томъ или иномъ произведеніи, или даже отрывкѣ, показавшихся ему подозрительными, вычеркивалъ ихъ съ согласія или редактора или автора. А если бы кто нибудь изъ этихъ послѣднихъ попробовалъ проявить упорство въ отстаиваніи замѣченнаго къ изъятію, то въ распоряженіи цензора всегда оставалась дѣйствовавшая магически угроза возбудить вопросъ о предостереженіи или арестѣ книжки... Надо думать, что нѣчто подобное имѣло мѣсто и на этотъ разъ...

II.

«Уныніе», какъ было уже сказано, появилось въ печати въ январѣ 1876 г. 1876 и слѣдующій 1877 годы были роковыми для Некрасова, какъ потому, что цепзлѣчимая и до крайности мучительная болѣзнь приковала его къ постели, почти истребивъ въ его душѣ всякую надежду на выздоровленіе, такъ и потому, что цензурныя репрессіи въ отношеніи его произведеній превзошли всякую мѣру и сдѣлались прямо таки нестерпимыми. А между тѣмъ никогда, быть можетъ, Некрасову такъ страстно не хотѣлось высказаться, какъ въ это время, когда дни его были уже сочтены. Поэтъ чувствовалъ мучительную потребность подвести итогъ «ума холодныхъ наблюденій и сердца горестныхъ замѣтъ» въ той области, къ которой ближе всего прилежалъ сердцемъ, въ области общественной жизни и общественныхъ отношеній. Передъ его глазами развертывалась трогательная, временами прямо-таки трагическая картина борьбы горсточки интеллигентной молодежи съ грознымъ колосомъ самодержавнаго насилія, борьбы, которая велась во имя идеаловъ, близкихъ и дорогихъ его сердцу. Мало того, поэтъ не могъ не сознавать, что молодые борцы, гибнувшіе передъ его глазами, до нѣкоторой степени, являются его учениками и послѣдователями, потому что едва ли кто-нибудь другой изъ русскихъ писателей сдѣлалъ больше для распространенія народническихъ настроеній въ обществѣ, чѣмъ онъ. Чѣмъ неудержимѣе было желаніе, хотя бы теперь, у края уже разверзстой могилы, лицомъ къ лицу съ всевластною царицею-смертью, заговорить полнымъ голосомъ, дать откликъ на все, что терзало и волновало душу, тѣмъ непереносимѣе было сознаніе, что «палачи слова» ревниво стерегутъ каждый звукъ, готовый вырваться изъ устъ умирающаго поэта въ своемъ стремленіи «не допустить» и «во время пресѣчь...». Некрасовъ, употребляя его собственное выраженіе, упорно пытался «измыслить что-нибудь цензурное», но увы! Эта задача все чаще и чаще оказывалась для него непосильною. Въ соотвѣтствіи съ этимъ красный карандашъ цензора гулялъ по корректурамъ Некрасовскихъ стихотвореній съ большею, чѣмъ когда бы то ни было безцеремонностью, не смущаясь тѣмъ, что каждый штрихъ его оставлялъ сочащуюся кровью рану въ истерзанной душѣ поэта («это

Библиотека "Руниверс"

кровь моя проливается»—такъ охарактеризовалъ Некрасовъ въ стихотвореніи «О погодѣ» работу этого карандаша). Вотъ краткій далеко не исчерпывающей перечень тѣхъ опустошеній, которыя были произведены этимъ неутомимымъ карандашемъ въ поэтическомъ наслѣдіи послѣднихъ лѣтъ жизни Некрасова. Стихотвореніе «Горе стараго Наума», напечатанное въ № 3 «Отеч. Записокъ», лишилось нѣсколькихъ чрезвычайно выразительныхъ стиховъ, совсѣмъ недавно возстановленныхъ К. Чуковскимъ («Рѣчь», 1914 г., 3 января):

Мечты! Я вѣрую въ народъ,
Хоть знаю: эта вѣра
Къ добру покамѣстъ не ведетъ:
Я могъ бы для примѣра
Напомнить лица, имена,
Но это будетъ смѣло,
А смѣлость въ наши времена—
Рискованное дѣло!..
Пока надъ нами не виситъ
Ни тучки, солнце блещетъ,
Толпа трусливаго клеймитъ,
Отважнымъ рукоплещетъ,
Но поднялъ бурю смѣлый шагъ,
Она же рада шикать,
Друзья попрячутся, а врагъ
Спѣшитъ бѣду накликать...

1-го мая того же года Некрасовъ послалъ въ редакцію тогда еще либеральнаго «Новаго Времени» 10 стихотвореній подъ общимъ заглавіемъ «Изъ записной книжки». Однако изъ нихъ увидѣли свѣтъ только шесть, наименѣе, я бы сказалъ, яркихъ, (см. «Новое Время», №№ 55 и 96, 1876 г.). Остальныя же четыре, проникнутыя весьма опредѣленной политической тенденціей, такъ и не появились въ печати. Это—стихотворенія «Какъ празднуютъ трусу» (напеч. въ «Жизни», 1898 г., № 1), «Путешественникъ», «Что новаго», «Бунтъ» (напеч. въ Завѣтахъ», 1913 г., № 6), которыя мы и приведемъ здѣсь полностью въ виду того, что они, какъ не вошедшія въ яко-бы «полное» собраніе стихотвореній Некрасова, мало извѣстны читающей публикѣ, а между тѣмъ представляютъ безспорный интересъ, являясь предсмертными вдохновеніями «музы мести и печали»:

Какъ празднуютъ трусу.

Время-то есть, да писать нѣтъ возможности,
Мысль убивающій страхъ:
Не перейти бы границъ осторожности,
Голову держитъ въ тискахъ!

Библиотека "Руниверс"

«Въ рукахъ у палачей слова».

Утромъ мы наше село посѣщали,
Гдѣ я родился и взросъ,
Сердце, подвластное старой печали,
Сжалось; въ умѣ шевельнулся вопросъ:
«Новое время свободы, движенія,
Земства, желѣзныхъ путей,
Что-жъ я не вижу слѣдовъ обновленія
Въ бѣдной отчизнѣ моей?
Тѣ же напѣвы, тоску наводящіе,
Съ дѣтства знакомые намъ,
И о терпѣніи новомъ молящіе,
Тѣ же попы по церквамъ.
Въ жизни крестьянина, нынѣ свободнаго,
Бѣдность, невѣжество, мракъ...
Гдѣ же ты, тайна довольства народнаго?»
Воронъ въ отвѣтъ мнѣ прокаркалъ: «Дуракъ!»
Я обругалъ его грубымъ невѣжею,
На телеграфную нить
Онъ пересѣлъ. Не доносъ ли депешею
Хочетъ въ столицу пустить?
Глупая мысль, но я, долго не думая,
Мѣтко прицѣлился... Выстрѣлъ гремитъ:
Падаетъ замертво птица угрюмая,
Нить телеграфа дрожитъ...

Путешественникъ.

Въ городѣ волки по улицамъ бродятъ
Ловятъ дѣтей, гувернантокъ и дамъ,
Люди естественнымъ это находятъ,
Сами они подражаютъ волкамъ.
Въ городѣ волки, и волки на дачѣ,
И ужъ какая ихъ тьма на Руси!
Скоро ужъ тамъ не останется клячи...
Ѣхать въ деревню? Теперь-то? Mercі!
Прусскій баронъ, опоясавши выю
Бѣлымъ жабо въ три вершка ширины,
Ѣдетъ одинъ, наблюдая Россію,
По захолустьямъ несчастной страны:
Какъ у васъ хлѣбушко! «Нѣтъ ни коврига!»
Гдѣ у васъ скотъ? «Отъ заразы подохъ!»
А заикнулся про книги, про школы—
Прочь побѣжали.—«Помилуй насъ Богъ!»
Книгъ намъ не надо—неси ихъ къ жандару!

Библиотека "Руниверс"

Голосъ Минувшаго.

Въ третьемъ году у проѣзжихъ людей
Мы ихъ купили по гривнѣ за пару,
А натерпѣлись на тыщу рублей!»
Думаетъ нѣмецъ: «ужъ я не оглохъ ли?
Къ школѣ привѣшенъ тяжелый замокъ,
Нивы посохли, коровы подохли,
Какъ эти люди заплатятъ оброкъ?»
«Что наблюдать? Что записывать въ книжку?
Въ грусти баронъ самъ съ собой говоритъ...
Дай ты имъ гривну да хлѣба коврижку
И наблюдай, нѣмчура, аппетитъ...

Что новаго.

Администрація—беретъ
И очень скупо выпускаетъ,
Плутократія—деретъ
И ничего не возвращаетъ.
По приглашенію властей
Дворяне ловятъ демагоговъ:
Крестьяне отъ земли, кормилицы своей,
Бѣгутъ, подъ бременемъ налоговъ,
И пропиваются въ конецъ по кабакамъ,
И пьянымъ по колѣно море...
Да будетъ стыдно намъ, да будетъ стыдно намъ
За ихъ невѣжество и горе!..

Бунтъ.

Скачу какъ вихорь, изъ Рязани,
Являюсь: бунтъ во всей красѣ.
Не пожалѣлъ я крупной брани—
И пали на колѣни всѣ!
Задавши страху дерзновеннымъ,
Пошелъ я храбро по рядамъ
И въ кровь колѣнопреклоненнымъ
Колѣномъ тыкалъ по зубамъ...

Какъ ни тяжело было Некрасову проститься съ надеждой на возможность напечатанія этихъ стихотвореній, ихъ запрещеніе (трудно сказать, имѣло ли мѣсто въ данномъ случаѣ формальное запрещеніе, или осторожный редакторъ «Новаго Времени», посовѣтовавшись кой съ кѣмъ, изъ «освѣдомленныхъ лицъ», самъ отказался отъ мысли ихъ напечатать) не было еще самымъ тяжкимъ ударомъ, который нанесла умирающему поэту, позорной памяти, россійская цензура. Осенью 1876 г., проживая въ Крыму, поэтъ усердно работалъ надъ одной изъ заключи-

Библиотека "Руниверс"

тельныхъ главъ поэмы «Кому на Руси жить хорошо»—главою «Пиръ на весь міръ». Такъ какъ этой поэмѣ вообще, а «Пиру на весь міръ», въ частности, Некрасовъ придавалъ большое значеніе, то вопросъ о возможности напечатать «Пиръ» былъ для него вопросомъ чрезвычайной важности. 30-го октября Некрасовъ изъ Крыма вернулся въ Петербургъ и тотчасъ же принялъ мѣры къ тому, чтобы его новое произведеніе было набрано въ ноябрьской книжкѣ журнала. Желаніе поэта было исполнено: «Пиръ на весь міръ» вошелъ въ текстъ № XI «Отеч. Записокъ», и редакція отослала пробные экземпляры журнала въ цензурный комитетъ. Здѣсь тотчасъ же ударили въ набатъ. Неизмѣнный блюститель и тиранъ «Отеч. Записокъ» Лебедевъ поспѣшилъ настрочить по поводу «Пира на весь міръ» нижеслѣдующее донесеніе:

«Изъ числа помѣщенныхъ въ ноябрьской книжкѣ «Отеч. Записокъ» статей обращаетъ на себя вниманіе цензуры своею предосудительностью стихотвореніе *Некрасова*, подъ заглавіемъ«*Пиръ на весь міръ*».

Означенное стихотвореніе представляетъ отрывокъ изъ серіи стихотвореній подъ заглавіемъ «Кому на Руси жить хорошо». Отрывокъ, озаглавленный авторомъ «Пиръ на весь миръ», носитъ тотъ же характеръ оплакиванія участи меньшей братіи, всѣми обираемаго мужика, которымъ отличается постоянно муза Некрасова. Правда, въ концѣ стихотворенія поэтъ приходитъ къ тому заключенію, что съ уничтоженіемъ крѣпостного права участь мужика улучшилась и что данная ему свобода вызвала пиръ на весь міръ. Конечно, такая идея не заключала бы въ себѣ ничего предосудительнаго, если бы поэтъ не считалъ нужнымъ выставить въ своемъ произведеніи въ самыхъ мрачныхъ краскахъ всевозможныя страданія мужика, весь ужасъ прежняго рабскаго его положенія и весь безграничный произволъ помѣщичьяго права. По мнѣнію цензора, рисуемыя поэтомъ картины страданій съ одной стороны и произвола съ другой, превосходятъ всякую мѣру терпимости и не могутъ не возбудить негодованія и ненависти между двумя сословіями, прежнія отношенія которыхъ такъ недавно приняли новую форму.

Въ поэмѣ этой между собравшимися мужиками, каждый по очереди долженъ былъ разсказать какую нибудь исторію или спѣть пѣсню, и разумѣется, все ими разсказываемое вертится только около прежней горькой крѣпостной жизни и всѣхъ ея мерзостей, какъ будто ничего другого въ ней никогда не было. Такъ на стр. 132—133 помѣщена пѣсня «*Барщинная*», заключающая въ себѣ описаніе помѣщичьяго произвола; на стр. 135—138 помѣщенъ разсказъ про холопа примѣрнаго Якова вѣрнаго, въ которомъ повѣствуется о томъ, какъ одинъ вѣрный слуга, посвятившій всю жизнь свою службѣ и уходу за своимъ барномъ, вздумалъ однажды просить у него разрѣшеніе на женитьбу своего племянника на любимой дѣвушкѣ, и какъ баринъ, имѣя виды самъ на дѣвушку, отказалъ въ этомъ своему холопу, сдавъ племянника его въ солдаты; какъ за это отомстилъ ему вѣрный холопъ, повѣсившись на деревѣ передъ глазами барина. На стр. 152—154 помѣщена пѣсня «*Голодная*», содержаніе которой ясно изъ самаго заглавія. На стр. 159—168 помѣщенъ разсказъ отставного солдата, побирающагося милостыней и разсказывающаго про прежнее солдатское житье, заключавшееся въ постоянномъ

Библиотека "Руниверс"

битьѣ и лишеніяхъ, и ничѣмъ не вознаграждаемаго на старости лѣтъ за полученныя въ сраженіяхъ увѣчья и раны. На стр. 166—167 помѣщена пѣсня «*Соленая*», заключающаяся въ томъ, что матери крестьянкѣ для спасенія умирающаго ребенка, за неимѣніемъ соли, приходится посыпать ему кусокъ хлѣба соленными слезами. Кромѣ того, въ стихотвореніи встрѣчается много отдѣльныхъ мѣстъ, отличающихся своею предосудительностью.

Находя все стихотвореніе «*Пиръ на весь міръ*» крайне вреднымъ по своему содержанію, такъ какъ оно можетъ возбудить непріязненныя чувства между двумя сословіями, и что оно особенно оскорбительно дворянству, столь недавно пользовавшемуся помѣщичьими правами, цензоръ полагаетъ ноябрьскую книжку «Отеч. Записокъ», на основаніи закона 7-го іюня 1872 г. подвергнуть аресту.

Но если бы это стихотвореніе, во вниманіе къ его патріотической идеѣ прославленія акта освобожденія крестьянъ, было признано заслуживающимъ цензурнаго снисхожденія, то и въ такомъ случаѣ оно могло бы быть допущено въ печать, по мнѣнію цензора, не иначе, какъ съ исключеніемъ самыхъ рѣзкихъ и предосудительныхъ мѣстъ, отмѣченныхъ на стр. 131—132, 132—133, 134, 135—138, 146—149, 150—151, 157—159, 159—163, 166, 167, 169—170».

Жупелы, которые усмотрѣлъ Лебедевъ въ «Пирѣ», не замедлили оказать свое дѣйствіе и на цензурный комитетъ... Краевскому ничего не оставалось, какъ, спасая журналъ отъ ареста, въ официальномъ письмѣ просить комитетъ возвратить ему уже представленные въ цензуру экземпляры ноябрьскаго номера на томъ основаніи, что онъ «имѣетъ намѣреніе произвести нѣкоторыя перемѣны», по просту говоря, соглашается пожертвовать «Пиромъ»... Не такъ легко было примириться съ происшедшимъ Некрасову. Пользуясь тѣмъ, что у него существовали личныя отношенія съ предсѣдателемъ цензурнаго комитета Петровымъ, онъ по разсказу сестры (А .А. Буткевичъ), «послалъ за Петровымъ и битыхъ два часа доказывалъ всю несообразность такихъ на него нападковъ. Онъ указывалъ на множество мѣстъ въ предшествовавшихъ частяхъ поэмы, которыя, съ точки зрѣнія цензуры, скорѣе бы могли подвергнуться запрещенію, разъяснялъ ему чуть ли не каждую строчку въ новой поэмѣ, то подсмѣиваясь надъ нимъ ядовито, то жестоко пробирая его и всю его клику... Петровъ выслушивалъ всѣ упреки терпѣливо: понималъ ли онъ всю скорбь поэта, которому заботливая цензура, напутствуя его на вѣчность, въ послѣдній разъ залѣзла въ мозгъ со своими адскими ножницами, чтобы очистить мысли отъ Калупера *), или просто томился бес-

*) Калуперъ—названіе сильно пахнущаго растенія; это слово употреблено, между прочимъ, въ стих. Некрасова «Газетная»; отставной цензоръ разсказываетъ здѣсь своему собесѣднику:

Напримѣръ, Вальтеръ Скотъ или Купферъ,
Ихъ на вѣру иной пропускалъ,
Но и въ нихъ открывалъ я К а л у п е р ъ!
(Такъ онъ вредную мысль называлъ).

Библиотека "Руниверс"

плодностью преній, зная наперед, что: «хотя ты сейчасъ умри, а мы все-таки не пропустимъ». Петровъ пыхтѣлъ, сопѣлъ, отиралъ потъ съ лица, какъ послѣ жаркой бани, и только по временамъ мычалъ отрывистыя фразы: «да успокойтесь, Н. А.», или «вотъ поправитесь, передѣлаете,—тогда и пройдетъ».

Какъ и слѣдовало ожидать, разговоръ съ Петровымъ никакихъ практическихъ послѣдствій не имѣлъ, такъ какъ въ дѣло уже былъ посвященъ главный инквизиторъ цензурнаго вѣдомства—начальникъ главнаго управленія по дѣламъ печати В. В. Григорьевъ; онъ то, повидимому, особенно былъ противъ какой бы то ни было поблажки крамольному поэту. Д-ръ Бѣлоголовый въ своихъ воспоминаніяхъ очень картинно передаетъ о тѣхъ отчаяньи и негодованіи, которыя охватили Некрасова подъ вліяніемъ выяснившейся трудности провести «Пиръ» черезъ цензурные фильтры. «Вотъ оно наше ремесло литератора,—говорилъ онъ окружающимъ.—Когда я началъ свою литературную дѣятельность и написалъ первую свою вещь, то тотчасъ же встрѣтился съ ножницами; прошло съ тѣхъ поръ 37 лѣтъ, и вотъ я, умирая, пишу свое послѣднее произведеніе и опять таки сталкиваюсь съ тѣми же ножницами». Какъ ни старались успокоить его друзья, онъ очень горячился и нѣсколько разъ принимался за передѣлку поэмы, пользуясь короткими промежутками между страшными болями и записывая стихи на отдѣльныхъ листахъ бумаги».

Передѣлки, о которыхъ говоритъ Бѣлоголовый, заключались, повидимому, въ изъятіи и сокращеніи нѣкоторыхъ особо крамольныхъ, по мнѣнію цензуры, мѣстъ. Когда эти передѣлки были закончены, «Пиръ на весь міръ» былъ включенъ въ текстъ XII книжки «Отеч. Записокъ», но и изъ нея ее вырѣзала неумолимая рука цензуры. Какъ теперь происходило дѣло, объ этомъ разсказываетъ Пыпинъ въ своемъ дневникѣ отъ 15-го января 1877 г. («Современникъ», 1913 г. № 1): «У Некрасова. Онъ лежалъ въ постели, блѣдный и изнеможенный. Когда я пришелъ, онъ началъ говорить и мало-по-малу оживился. Пришелъ потомъ ненадолго Лихачевъ, но затѣмъ мы остались одни.

Онъ разсказывалъ, что дѣлается съ его стихотвореніемъ «Пиръ на весь міръ». Его вынули изъ декабрьской книжки. Между тѣмъ Достоевскій былъ разъ у Григорьева, и тотъ въ большой компаніи сказалъ ему—и для передачи Некрасову—что ему это стихотвореніе кажется совершенно возможнымъ. Но дня три тому назадъ былъ у Некрасова и самъ Петровъ и упрашивалъ не помѣщать стихотворенія: Некрасову онъ прямо говорилъ, что онъ долженъ принять въ соображеніе ихъ обстоятельства и не лишать ихъ «куска хлѣба»; они—люди семейные, и что ему напрасно «водрузить свое стихотвореніе на развалинахъ его существованія, а, напротивъ слѣдуетъ завершить свое поприще «добрымъ дѣломъ»—отложивши печатаніе!..

Библиотека "Руниверс"

Некрасовъ говоритъ, что онъ увидѣлъ, что это личный страхъ Петрова, передъ тѣмъ произошла исторія съ «Собесѣдникомъ». Лихачевъ прибавилъ, что на этихъ дняхъ Тимашевъ—когда Веселаго и Лазаревскій пришли благодарить его за ордена—любезно, но настойчиво требовалъ, что надо подтянуть литературу, которая «распущена»;—происходило потомъ бурное засѣданіе въ главномъ управленіи, было пріостановлено «Рус. Обозрѣніе» и т. д.

Некрасовъ, на основаніи своего соображенія, хотѣлъ, чтобы его стихотвореніе было пущено въ январскую книжку «Отеч. Записокъ», предполагая, что Гр. не отступитъ отъ своихъ словъ. Салтыковъ боялся этого. Вмѣстѣ съ тѣмъ Некрасовъ намѣренъ сдѣлать другую вещь: теперь же выпустить книжку своихъ стиховъ, помѣстить туда «Пиръ» и новыя стихотворенія и представить въ цензуру, которой нечего будетъ сказать противъ этого изданія».

Отсюда видно, что надежда увидѣть «Пиръ» напечатаннымъ не оставляла Некрасова. Ею, безъ сомнѣнія, было внушено его личное обращеніе къ Григорьеву, который, по даннымъ Пыпинскаго дневника, готовъ былъ сойти съ своей непримиримо отрицательной позиціи. Это личное обращеніе вылилось въ формѣ письма къ Григорьеву, которое хотя и напечатано еще въ 1887 году въ книгѣ Н. И. Веселовскаго о Григорьевѣ, однако, прошло совершенно незамѣченнымъ изслѣдователями Некрасовскихъ жизни и творчества. Считаю не лишнимъ воспроизвести его здѣсь полностью:

«Ваше Превосходительство, Милостивый Государь, Василій Васильевичъ, Я узналъ, что вы взяли на себя трудъ лично прочесть мою поэму. Признаюсь, я этого только и желалъ и теперь прибѣгаю къ Вашему Превосходительству съ просьбою ускорить рѣшеніе по этому дѣлу, такъ какъ поэма моя предназначена для 1 № Отеч. Записокъ, срокъ выхода котораго приближается.

Я принесъ нѣкоторыя жертвы цензору Лебедеву, исключивъ солдата и двѣ пѣсни, но выкинуть исторію о Яковѣ, чего онъ требовалъ подъ угрозою ареста книги журнала, не могу—поэма лишится смысла. Уродливости, до которыхъ доведено крѣпостное право, съ тѣмъ и приведены, чтобы ярче выдѣлить благодѣяніе отмѣны его.

Неужели поэма подлежитъ искаженію за то, что въ ней есть мрачныя пѣсни и картины, относящіяся къ крѣпостной эпохѣ? Но зато въ ней есть и свѣтлыя перспективы.

Рѣшеніе зависитъ отъ Вашего Превосходительства, я же, признаюсь, жалѣю и тѣхъ мѣстъ, на исключеніе которыхъ согласился,—я сдѣлалъ это противъ убѣжденія.

Имѣю честь преподнести Вашему Превосходительству экземпляръ моихъ стихотвореній: въ этихъ книгахъ почти нѣтъ пьесы, которая была бы менѣе рѣзкою, чѣмъ бракуемыя Лебедевымъ мѣста моей поэмы. Я пишу стихи 38 лѣтъ—и публика и сама цензура привыкла къ тому, чего можно ожидать отъ моихъ стиховъ, и они давно не производятъ непріятныхъ исторій.

Библиотека "Руниверс"

Простите, что пишу карандашемъ—очень боленъ. Весной 1876 года Ваше Превосходительство обѣщали мнѣ личное заступничество; на этомъ основаніи и рѣшился я васъ побезпокоить.

Примите увѣреніе и проч. Н. Некрасовъ.

Если и Ваше рѣшеніе будетъ неблагопріятно, то не запрещайте поэмы офиціально, а просто возвратите мнѣ».

Трогательная просьба умиравшаго поэта не произвела впечатлѣнія на твердокаменнаго охранителя основъ, и запретъ съ поэмы не былъ снятъ.

Въ томъ же январѣ 1877 года красный карандашъ прошелся по «Послѣднимъ пѣснямъ», помѣщеннымъ въ № 1 «Отеч. Записокъ». Стихотвореніе «Пророкъ», имѣвшее въ виду вилюйскаго узника Н. Г. Чернышевскаго, лишилось своего послѣдняго четверостишія:

Его еще покамѣстъ не распяли,
Но часъ придетъ,—онъ будетъ на крестѣ.
Его послалъ Богъ гнѣва и печали
Рабамъ земли напомнить о Христѣ.

Въ стихотвореніи же «Молебенъ» было выпущено выразительное двустишіе, входящее въ молитву о послужившихъ народу:

Объ осужденныхъ въ изгнаніе вѣчное
О заточенныхъ въ тюрьму»...

Мартъ 1877 года принесъ Некрасову новую бѣду. Законченная печатаніемъ его книга «Послѣднія пѣсни» не могла попасть на разсмотрѣніе въ цензуру, такъ, какъ въ виду предстоявшаго наступленія пасхальныхъ праздниковъ, пріемъ рукописей былъ прекращенъ комитетомъ. Выходъ книги, такимъ образомъ, отсрочивался на цѣлыхъ три недѣли. «Для меня, говорилъ Некрасовъ сестрѣ (взято изъ дневника этой послѣдней; см. мою книгу о Некрасовѣ), это цѣлая вѣчность, когда каждый день можетъ быть послѣднимъ. Я хотѣлъ бы, по крайней мѣрѣ, успокоиться на счетъ судьбы моей книги. Пошли за Скороходовымъ, вели ему съѣздить къ цензору Лебедеву и попросить, нельзя ли принять не въ очередь и пересмотрѣть». Затѣмъ въ томъ же дневникѣ слѣдуетъ разсказъ, какъ А. А. Буткевичъ ѣздила къ Петрову убѣждать его посодѣйствовать скорѣйшему пропуску книжки, какъ Петровъ обѣщалъ ей это послѣ нѣсколькихъ вопросовъ инквизиторскаго свойства и т. д.

Кромѣ разсказаннаго цензурнаго эпизода, мартъ 1877 года ознаменовался еще однимъ подобнымъ же, который хотя и не касался непосредственно стиховъ Некрасова, но тѣмъ не менѣе доставилъ больному поэту лишнее огорченіе. Дѣло въ томъ, что цензурный комитетъ заарестовалъ мартовскую книжку журнала за статьи «Вымираніе некультурныхъ расъ», «Оглянемся назадъ», «Новыя книги» (рецензія на книгу Путяты:

Библиотека "Руниверс"

«Политическая экономія въ разсказахъ») и «Современную идиллію» Салтыкова, и передъ редакціей всталъ вопросъ, доводить ли объ этомъ до свѣдѣнія Некрасова или нѣтъ. За то, чтобы довести, говорила важность воспользоваться въ столь критическихъ обстоятельствахъ его совѣтомъ, а можетъ быть, и связями; противъ—болѣзненное состояніе поэта, при которомъ всякое волненіе являлось для него очень вреднымъ. Вотъ относящаяся къ данному событію страничка изъ того же источника (дневника Буткевичъ):

«Я сидѣла,—пишетъ Буткевичъ,—въ бильярдной. Вдругъ въ дверяхъ показался Салтыковъ въ пальто и въ шляпѣ и дѣлалъ мнѣ какіе-то знаки. Я выскочила.

— Остановили 3 № «Отеч. Записокъ».

— За что?

— А чортъ ихъ знаетъ!—и посыпалась брань.

— Какъ же теперь сказать брату?

— Не нужно ничего говорить. Я сейчасъ былъ у Краевскаго, онъ хочетъ черезъ кого-то хлопотать, и я тоже ѣду. Зайду на минутку къ Ник. Ал—чу.

— Да братъ только что послалъ въ контору, чтобы ему принесли два экземпляра.

— На что ему два экземпляра, что онъ въ двухъ, что ли, будетъ читать? Пошлите къ Краевскому, у него, вѣрно, есть пробная, пусть принесутъ. А двухъ ему не надо. Зачѣмъ ему двѣ? Какой странный человѣкъ: во всѣхъ комнатахъ чтобы по книжкѣ лежало.

Салтыковъ пошелъ къ брату и, повернувшись съ минуту, вышелъ, чтобы отправиться хлопотать. Между тѣмъ принесли книгу отъ Краевскаго (пробную съ опечатками). Пересматривая свои стихи, братъ нашелъ, конечно, тѣ же самыя ошибки и велѣлъ позвать Чижова и упрекалъ его за невниманіе. Чижовъ безмолвно выслушивалъ незаслуженные упреки. Черезъ часъ вернулся Салтыковъ и привезъ съ собою Елисеева, кажется, затѣмъ, чтобы вмѣстѣ сказать брату, что третій номеръ арестованъ, но они передумали и, поговоривъ о постороннемъ, ушли. Но у брата явилось подозрѣніе. Что они меня морочатъ,—сказалъ онъ,—развѣ я не понимаю?... Что запретили что ли?..».

Приведенныхъ фактовъ съ избыткомъ достаточно, хотя еще одинъ разъ оговариваюсь, я не имѣлъ въ виду исчерпывающаго использованія находящихся въ моемъ распоряженіи матеріаловъ, чтобы судить о томъ, какую «невыносимую муку кромѣшную» цензура заставила вытерпѣть Некрасова въ дни послѣднихъ его расчетовъ съ жизнью. Невольно напрашивается вопросъ, въ какой мѣрѣ случайнымъ явилось то обстоятельство, что именно въ 1876 и 1877 годахъ Некрасову пришлось вынести двойную или тройную, по сравненію съ обычной нормой, тяжесть цензурнаго бремени; не было ли здѣсь опредѣленнаго расчета—усилить

Библиотека "Руниверс"

нять именно тогда, когда онъ долженъ былъ повлечь за собой maximum страданій?.. У меня нѣтъ данныхъ, чтобы обосновать это предположеніе, но цензурная практика того времени была такова, что можно говорить о полной его правдоподобности. Чтобы войти во вкусъ обязанностей «палачей слова» такъ, какъ входили въ него М. Н. Лонгиновъ, В. В. Григорьевъ, Лебедевъ и другіе современные Некрасову дѣятели цензурнаго вѣдомства, нужно было имѣть извращенную психику, а при извращенной психикѣ нетрудно дойти до сознательнаго стремленія добить умирающаго, тѣмъ болѣе, что умиралъ великій крамольникъ, относительно котораго, конечно, съ точки зрѣнія чиновныхъ охранителей, «все было позволено». Здѣсь нельзя не отмѣтить, что Некрасовъ сумѣлъ навлечь на себя сугубую ненависть россійскихъ реакціонеровъ. Клеврета Муравьева—вѣшателя Теньковъ, только потому не арестовавшій Некрасова, встрѣченнаго имъ въ апрѣлѣ 1866 г. на квартирѣ арестованнаго наканунѣ Елисеева, что изъ допроса жены Елисеева и прислуги выяснилось, что Некрасовъ не бывалъ у нихъ, въ качествѣ личнаго знакомаго, пришелъ прямо таки въ бѣшенство, когда результатъ допроса не оправдалъ его ожиданій. «Послѣ его ухода,—разсказываетъ Е. П. Елисеева,—Теньковъ, до сей поры приличнo сдержанный, чуть ли не съ пѣною у рта и съ сжатыми кулаками началъ кричать на меня, что я у правосудія выхватила самую цѣнную добычу, что они много бы дали, чтобы найти какой нибудь клочокъ или иной поводъ взять этого подлеца, что я не понимаю, какой это вредный іезуитъ, и что изъ-за него половина сидитъ, а онъ остается невредимымъ»... и т. д.

При такомъ отношеніи къ Некрасову, смерти его въ соотвѣтствующихъ сферахъ ожидали, какъ торжественнаго и радостнаго событія, которое, Боже, упаси, нельзя пропустить. Въ воспоминаніяхъ П. А. Ефремова объ этомъ сообщаются слѣдующія любопытныя данныя. О Бѣлинскомъ Некрасовъ какъ-то передъ смертью говорилъ П. А. Ефремову:

«Вы себѣ представить не можете, что это за время было. Онъ умираетъ, а тутъ каждый день изъ III отдѣленія о немъ справки наводятъ, живъ ли еще».

П. А. Ефремовъ въ тотъ же день разсказалъ объ этомъ А. А. Краевскому.

Краевскій говоритъ:

«Что это онъ, отецъ мой, о Бѣлинскомъ вспоминаетъ? Вѣдь и о немъ также я каждый день, по нѣскольку разъ, посылаю дворника сообщить въ III отдѣленіе. Да кромѣ того, и оберъ-полицеймейстеру велѣно сейчасъ же дать знать, какъ только онъ помретъ».

Между палачами III отдѣленія и «палачами слова» всегда наблюдалось трогательное единеніе. Вотъ почему едва ли можно сомнѣваться, что смерть Некрасова для цензурнаго вѣдомства была не менѣе желанна, чѣмъ для III отдѣленія.

Библиотека "Руниверс"

Характерно, что и послѣ смерти Некрасова недоброжелательное отношеніе къ его свободолюбивой поэзіи со стороны цензурныхъ дѣятелей долго не проходило. Когда Г. З. Елисеевъ въ свое «Внутреннее обозрѣніе» въ январской книжкѣ 1878 г. ввелъ трогательный разсказъ о послѣднихъ мѣсяцахъ жизни Некрасова, въ частности, о посѣщеніи его депутаціей студентовъ университета и медико-хирургической академіи, вручившихъ ему полный теплаго сочувствія адресъ отъ нѣсколькихъ сотъ своихъ товарищей, и о похоронахъ Некрасова, принявшихъ характеръ торжества «того новаго направленія литературы (т.-е. скажемъ мы, революціонно-народническаго. В. Е.), во главѣ котораго стоялъ Некрасовъ, какъ поэтъ и журналистъ», то цензура, подъ угрозой ареста книжки, настояла на изъятіи этихъ страницъ «Внутренняго обозрѣнія».

Вызвало цензурныя придирки и помѣщенное въ слѣдующемъ февральскомъ номерѣ журнала стихотвореніе «Ты не забыта». Лебедевъ въ своемъ докладѣ въ комитетъ такъ квалифицировалъ его: «Стихотвореніе «*Ты не забыта*» предосудительно въ томъ отношеніи, что въ немъ поэтъ желаетъ освятить идею самоубійства, такъ какъ не только прощаетъ дѣвушкѣ, покусившейся на свою жизнь, ея поступокъ, но видитъ въ немъ поученіе другимъ, и могилу ея называетъ великой, такъ какъ въ живыхъ людяхъ не находитъ величія».

Было бы совершенно ошибочно предполагать, основываясь на многочисленныхъ фактахъ цензурнаго террора въ отношеніи поэзіи Некрасова, что терроръ этотъ являлся слѣдствіемъ принципіальной, вытекающей изъ опредѣленнаго міровоззрѣнія, нетерпимости всѣхъ этихъ Петровыхъ, Лебедевыхъ и tutti quanti. Давно уже указано и подтверждено безчисленнымъ множествомъ примѣровъ, что россійскій бюрократъ добраго стараго времени никакихъ мало-мальски опредѣленныхъ принциповъ не имѣлъ; его взгляды всецѣло опредѣлялись усмотрѣніемъ начальства. Такъ какъ начальство почти всегда—таковъ уже вѣковой ходъ россійскаго прогресса—стояло на сугубо консервативной, обычно даже на реакціонной точкѣ зрѣнія, то и типъ рядового бюрократа ассоціировался въ общественномъ сознаніи съ мыслью о консерваторѣ и реакціонерѣ. Если же въ рѣдкіе періоды просвѣтовъ на политическомъ горизонтѣ въ начальство попадали люди съ нѣкоторымъ уклономъ въ сторону либерализма, то по всему фронту подчиненныхъ имъ бюрократовъ моментально начиналось равненіе налѣво. Въ качествѣ иллюстраціи, сошлюсь на разрѣшеніе вопроса о судьбѣ Некрасовскаго «Пира на весь міръ», послѣдовавшее въ январѣ 1881 г., т.-е. въ разгарѣ Лорисъ—Меликовской диктатуры сердца, когда во главѣ цензурнаго вѣдомства стоялъ сравнительно терпимый и благожелательный Абаза. Достаточно было Абазѣ выразить желаніе, чтобы вопросъ о «Пирѣ на весь міръ» былъ пересмотрѣнъ, какъ все тотъ же Лебедевъ, не находившій три года тому назадъ словъ, чтобы достаточно охарактеризовать «крайне вредное на-

Библиотека "Руниверс"

правленіе» этого стихотворенія, значительно подобрѣлъ. Это видно изъ офиціальнаго донесенія предсѣдателя цензурнаго комитета въ главное управленіе, которое мы и процитируемъ:

«Цензоръ Лебедевъ, наблюдающій за безцензурнымъ журналомъ «Отечественныя Записки», вслѣдствіе переданнаго мнѣ распоряженія господина начальника главнаго управленія по дѣламъ печати, разсмотрѣвъ вновь стихотвореніе Некрасова «Пиръ на весь міръ», назначаемое для помѣщенія въ январской книжкѣ, представилъ о немъ слѣдующее заключеніе.

Въ стихотвореніи Некрасова «Пиръ на весь міръ», составляющемъ отрывокъ изъ серіи стихотвореній умершаго поэта, озаглавленной «Кому на Руси жить хорошо», восхваляется идея освобожденія крестьянъ, а въ доказательство справедливости и своевременности этого освобожденія рисуется поэтомъ невыносимое, безвыходное и ужасное во всѣхъ отношеніяхъ положеніе крестьянъ во время крѣпостной зависимости, соединенной съ полнымъ произволомъ помѣщичьей власти. Картины страданій крестьянъ съ одной стороны и произвола помѣщиковъ съ другой, какъ могущія возбудить ненависть между двумя сословіями, отношенія которыхъ лишь недавно приняли другую форму, заставили цензора представить въ 1876 г., когда стихотвореніе это было напечатано въ ноябрьской книжкѣ «Отечественныхъ Записокъ» объ арестѣ книжки, но впослѣдствіи, по просьбѣ редактора, книжка «Отечественныхъ Записокъ» была выпущена съ исключеніемъ изъ оной цѣлаго стихотворенія «Пиръ на весь міръ». Въ особенности казались предосудительными въ этомъ стихотвореніи отдѣльныя мѣста, озаглавленныя слѣдующими названіями: Барщина, Про холопа примѣрнаго, Якова бѣднаго, Голодная, Пѣснь солдата и Соленая.

Разсмотрѣвъ нынѣ вновь, по приказанію г. начальника главнаго управленія по дѣламъ печати, корректурные листы этого стихотворенія, представленные г. Салтыковымъ и свѣривъ содержаніе оныхъ съ стихотвореніемъ, помѣщеннымъ въ ноябрьской книжкѣ «Отечественныхъ Записокъ» за 1876 г., цензоръ нашелъ, что въ корректурныхъ листахъ стихотвореніе напечатано въ нѣсколько измѣненномъ видѣ и что въ нихъ выпущены мѣста, наиболѣе служившія поводомъ къ запрещенію стихотворенія, а именно исключена пѣсня «Веселая», которая даже и не была найдена крайне предосудительною, исключена пѣсня Барщинная и Солдатская; сохраненъ же разсказъ «Про холопа примѣрнаго Якова вѣрнаго», въ которомъ повѣствуется о томъ, какъ вѣрный слуга помѣщика, посвятившій всю свою жизнь службѣ и уходу за своимъ барином, невѣсился на глазахъ его за отказъ въ дозволеніи жениться на любимой дѣвушкѣ, которую баринъ взялъ для себя самого. . . . . .

. . . По мнѣнію цензора, разсказъ этотъ не можетъ служить поводомъ къ запрещенію стихотворенія «Пиръ на весь міръ», тѣмъ болѣе, что главная идея стихотворенія патріотическая и заключается въ прославленіи акта освобожденія крестьянъ, а какъ въ томъ видѣ, въ которомъ имѣется въ виду напечатать это стихотвореніе, особенно предосудительныя мѣста исключены, то цензоръ полагалъ бы возможнымъ помѣщеніе означенныхъ стиховъ Некрасова въ «Отечественныхъ Запискахъ», согласно съ представленными корректурными листами.

Соглашаясь съ мнѣніемъ цензора, что, за исключеніемъ особенно

Библиотека "Руниверс"

предосудительныхъ мѣстъ, стихотвореніе «Пиръ на весь міръ» не представляетъ въ настоящемъ видѣ прежнихъ неудобствъ, я желалъ бы, однако-жъ, пригласить редакцію, сохранивъ все остальное, исключить еще разсказъ про холопа примѣрнаго Якова вѣрнаго, возмущающій читателя трагизмомъ сцены самоубійства холопа на глазахъ барина, съ намѣреніемъ отомстить ему за прежнія обиды,—хотя нельзя не признать, что и этотъ разсказъ, въ виду упраздненныхъ крѣпостныхъ отношеній, не даетъ достаточнаго основанія къ возбужденію судебнаго преслѣдованія за возбужденіе сословной вражды.

Предсѣдатель цензурнаго комитета А. Петровъ».

Несмотря на новыя вѣянія въ цензурномъ вѣдомствѣ окончательное разсмотрѣніе вопроса потребовалось, повидимому, перенести въ главное управленіе, такъ какъ въ январскую книжку «Пиръ на весь міръ» все же не попалъ. Зато онъ появился въ февральской книжкѣ съ сохраненіемъ и столь испугавшаго Петрова разсказа «Про холопа примѣрнаго Якова вѣрнаго».

Послѣ кратковременной диктатуры сердца непроглядная ночь реакціи повисла на цѣлые двадцать лѣтъ надъ Россіей. Цензурное вѣдомство снова «поправѣло», и исключенныя въ 1881 г. мѣста Некрасовской поэмы увидѣли свѣтъ лишь въ 1908 г. (см. «Русское Слово», 1-го февраля), т.-е. уже послѣ того, какъ надъ русской жизнью пронеслась освѣжительная гроза освободительнаго движенія 1904—1905 гг.

Изложенное лишній разъ подчеркиваетъ, что «палачи слова» чувствуютъ себя хозяевами положенія лишь въ эпохи ультра-реакціонныя или, употребляя терминъ нашего времени, въ эпохи контръ-революціонныя. Этого не слѣдовало бы забывать нынѣшнимъ гонителямъ печати, которые всячески стараются отклонить отъ себя упреки въ реакціонности и контръ-революціонности, а между тѣмъ дѣйствуютъ, какъ истые реакціонеры и контръ-революціонеры. Пусть они помнятъ также, что преслѣдованіе слова, какъ бы они ни были интенсивны, никогда не достигнутъ своей цѣли; они могутъ лишь временно заглушить голоса инакомыслящихъ, но вытравить изъ общественнаго сознанія враждебныхъ имъ идей они никогда не будутъ въ состояніи. Мы только что видѣли, что какъ ни усердствовали палачи слова 60-хъ и 70-хъ годовъ, калѣча проникнутыя свободолюбіемъ пѣсни вдохновлявшей Некрасова музы, они рѣшительно оказались не въ силахъ парализовать вліяніе Некрасова на общество, вліяніе, неизмѣнно будившее революціонныя и протестующія настроенія въ отношеніи основанной на эгоизмѣ, произволѣ и насиліи русской государственности, и чувства горячей любви, а временами даже и преклоненія въ отношеніи обездоленныхъ и порабощенныхъ, но сохранившихъ «въ рабствѣ спасенное сердце свободное» народныхъ массъ.

В. Евгеньевъ—Максимовъ.

Библиотека "Руниверс"

Ф. В. Дубасовъ и Г. А. Минъ на Прѣснѣ въ 1905 году.

(По даннымъ секретнаго отдѣленія канцеляріи московскаго ген. губернатора).

Московскій генералъ-губернаторъ ген.-адъютантъ Ф. В. Дубасовъ и командиръ Семеновскаго полка полковникъ флигель-адъютантъ Г. А. Минъ — два лица, несомнѣнно историческихъ, несомнѣнно выразительныхъ и несомнѣнно мощныхъ, обезсмертившихъ въ 1905 г. и себя, и тотъ московскій уголокъ, который зовется «Прѣсней» и который съ тѣхъ поръ сталъ извѣстнымъ столько же Россіи, сколько Европѣ. Въ бумагахъ «секретнаго отдѣленія канцеляріи московскаго генералъ-губернатора» имѣется цѣлый рядъ записокъ и помѣтъ, составленныхъ собственноручно Дубасовымъ и свидѣтельствующихъ, какъ о его высокомъ интересѣ къ Прѣснѣ, такъ и объ извѣстномъ напряженіи его личной работы. Тамъ же нѣсколько конвертовъ съ собственноручными надписями Дубасова, въ которыхъ находимъ донесенія Минга съ Прѣсни, написанныя на военный манеръ.

Минъ писалъ военныя донесенія; Дубасовъ собиралъ военные совѣты и программу одного изъ нихъ, собственноручно написанную, онъ оставилъ въ дѣлахъ секретнаго отдѣленія своей канцеляріи. Минъ сдѣлался властителемъ всѣхъ думъ Дубасова, Дубасовъ — всѣхъ ожиданій и надеждъ глухой и мрачной реакціи; Минъ скоро былъ убитъ и сталъ жертвой своего собственнаго дѣла; Дубасовъ вскорѣ былъ раненъ, изъятъ изъ состава московской администраціи и на склонѣ дней занялся исторіей своей прѣсненской авантюры; по крайней мѣрѣ такъ было въ 1909 г.

2 мая 1909 г. управляющій канцеляріей ген.-губ. Борденавъ докладывалъ В. Ф. Джунковскому о томъ, что бывшій московскій ген.-губ. Ф. В. Дубасовъ чрезъ чиновника особыхъ порученій князя Гагарина проситъ о выдачѣ ему копій съ бумагъ и разнаго рода записокъ, находящихся въ дѣлахъ канцеляріи генералъ-губернатора и содержащихъ въ себѣ тѣ или иныя распоряженія Дубасова въ бытность его генералъ-губернаторомъ, относящіяся главнымъ образомъ ко времени вооруженнаго воз-

Библиотека "Руниверс"

станія въ Москвѣ въ 1905 г. На докладѣ В. Ф. Джунковскій помѣтилъ: «Выдать, представивъ раньше мнѣ на просмотръ». Тотъ же матеріалъ теперь выдается уже на общественный просмотръ, становясь достояніемъ историческаго изслѣдованія.

I.

2 декабря 1905 г. обозначилось новое обостреніе въ русской дѣйствительности послѣ октябрьскихъ событій, подарившихъ странѣ тусклый манифестъ 17 октября. Въ Москвѣ это обостреніе ощущалось особенно замѣтно и постепенно приводило московскую высшую администрацію въ состояніе раздраженія и тревоги. По крайней мѣрѣ, Ф. В. Дубасовъ очень опредѣленно отразилъ эту тревогу въ дѣлопроизводствѣ своей канцеляріи, постепенно съ успѣхомъ работы Г. А. Мина на Преснѣ переходя въ мажорный тонъ. Ф. Дубасовъ начинаетъ съ введенія чрезвычайной охраны и призыва войскъ изъ Петербурга. Послѣдній многаго не зналъ и очень многаго боялся, и Г. Минъ достался Ф. Дубасову не даромъ: лишь послѣ отчаянной телефонограммы въ Царское Село.

7 декабря 1905 г., за № 1679, Ф. В. Дубасовъ обратился къ командующему войсками московскаго военнаго округа Н. Н. Малахову съ отношеніемъ, въ которомъ писалъ: «Въ виду угрожающаго характера возрастающаго въ городѣ движенія, я предполагаю необходимымъ на основаніи именного высочайшаго указа правительствующему сенату отъ 29 ноября с. г., сегодня же объявить гор. Москву и московскую губернію въ положеніи чрезвычайной охраны, о чемъ по рѣшеніи этого вопроса, буду имѣть честь сообщить вашему высокопревосходительству. Вмѣстѣ съ тѣмъ, распорядившись чрезъ градоначальника о немедленномъ вызовѣ всего московскаго гарнизона, я въ предвидѣніи необходимости дѣйствовать противъ мятежниковъ оружіемъ, а также невозможности представить это усмотрѣнію въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ представителямъ гражданскаго начальства, покорнѣйше прошу распоряженія вашего высокопревосходительства по войскамъ о томъ, чтобы начальствующія лица войскъ вызываемыхъ къ мѣстамъ безпорядковъ приступали къ дѣйствію оружіемъ на основаніи п. 16 приложенія къ ст. 316 (прим.) т. II Св. зак. такъ же, какъ они должны это дѣлать на основаніи помянутой статьи въ случаѣ отсутствія на мѣстѣ безпорядковъ гражданскаго начальства, т.-е. приступали бы къ дѣйствію оружіемъ по своему усмотрѣнію».

7-го же декабря, за № 1682, Ф. В. Дубасовъ «секретно» предписалъ градоначальнику распубликовать «отъ московскаго генералъ-губернатора» объявленіе: «Въ виду начавшейся забастовки на желѣзныхъ дорогахъ прилегающихъ къ Москвѣ, я, согласно именного высочайшаго указа Правительствующему Сенату отъ 29 ноября сего года, объявляю съ сего же числа городъ Москву и Московскую губернію въ положеніи чрезвычайной охраны». Того же 7 декабря это объявленіе было сообщено «сек-

Библиотека "Руниверс"

ретно» за №№ 1681, 1687 и 1688, и д. московскаго губернатора, командующему войсками и прокурору московской Судебной Палаты, а министру внутреннихъ дѣлъ была послана телеграмма.

Вмѣстѣ съ тѣмъ была отправлена шифрованная телеграмма вел. кн. Николаю Николаевичу: «Возникшее сегодня мятежное движеніе, выразившееся общею забастовкою всѣхъ желѣзныхъ дорогъ, кромѣ Николаевской, и начавшіяся уже нападенія на желѣзнодорожныя станціи обнаружили совершенную недостаточность войскъ гарнизона. Для подавленія движенія убѣдительно прошу немедленной присылки бригады пѣхоты изъ Петербурга, безъ чего признаю положеніе очень серьезнымъ». 8 декабря была послана телеграмма военному министру съ просьбой «теперь же командировать необходимую часть военной желѣзнодорожной команды», а также министру внутреннихъ дѣлъ такого содержанія: «Вчера дружно забастовали всѣ желѣзныя дороги, кромѣ Николаевской. Не имѣя увѣренности удержать отъ забастовки эту линію, прошу вашего ходатайства о присылкѣ теперь же изъ Петербурга военной желѣзнодорожной команды въ необходимомъ составѣ. Вчерашнее мятежное движеніе послѣ вызова всѣхъ войскъ гарнизона затихло. Ночь прошла спокойно. Сейчасъ арестовано 6 главныхъ желѣзнодорожныхъ делегатовъ, есть надежда захватить другихъ».

Телеграмма вел. кн. Николаю Николаевичу сопровождалась отвѣтомъ отъ его имени генерала Брилевича, полученнымъ Ф. Дубасовымъ 8 декабря къ вечеру: «Августѣйшій главнокомандующій приказалъ сообщить: ***Петербургъ свободныхъ войскъ для посылки Москву нѣтъ***». 11 декабря встревоженный Ф. Дубасовъ отправилъ сразу три телеграммы графу С. Ю. Витте, военному и внутреннихъ дѣлъ министрамъ: «Положеніе становится очень серьезнымъ, кольцо баррикадъ охватываетъ городъ все тѣснѣе *); войскъ для противодѣйствія становится явно недостаточно. Совершенно необходимо прислать изъ Петербурга хоть временно бригаду пѣхоты». 12 декабря Палицынъ изъ Петербурга телеграфировалъ Дубасову, что «Сдѣлано распоряженіе повернуть Москву три роты третьяго желѣзнодорожнаго батальона возвращающагося Дальняго Востока Барановичи и находящіяся нынѣ районѣ Тула-Смоленскъ». 13 декабря отъ генерала Поливанова Ф. Дубасовымъ была получена телеграмма: «12 декабря отправленъ изъ Варшавскаго округа Ладожскій пѣхотный полкъ; ***изъ Петербурга прислать ничего нельзя***».

10 декабря Ф. Дубасовъ предложилъ градоначальнику «въ виду крайне тревожнаго времени, нынѣ переживаемаго населеніемъ города Москвы, а равно участившихся случаевъ насильственнаго нападенія со стороны хулигановъ на владѣнія частныхъ лицъ съ цѣлью грабежа» при-

*) Срв. докладъ бар. Медема Ф. Дубасову отъ 15 дек. 1905 г., за № 11822.

Библиотека "Руниверс"

нять мѣры «въ огражденіе имущества обывателей столицы» на основаніи обязательнаго постановленія 14 октября 1881 г. къ увеличенію числа ночныхъ сторожей въ городѣ еще на 2,000 человѣкъ, «кромѣ существующаго количества оныхъ, съ возложеніемъ расхода по этому предмету на домовладѣльцевъ». 12 декабря Ф. Дубасовъ вновь напоминаетъ градоначальнику, что «въ виду убыли состава ночныхъ сторожей» (срв. выше) необходимо немедленно же приступить къ пополненію состава послѣднихъ, «доведя численный составъ ихъ до существующаго нынѣ количества и при возможности даже увеличить таковой на 2,000 человѣкъ», а главное, писалъ генералъ-губернаторъ, во-первыхъ, «озаботиться немедленнымъ вооруженіемъ городовыхъ московской полиціи ружьями изъ артиллерійскаго склада оружія и снабженіемъ ихъ надлежащимъ количествомъ патроновъ», во-вторыхъ, «сдѣлать распоряженіе о немедленномъ увеличеніи числа городовыхъ прибавленіемъ къ существующему количеству ихъ одной тысячи человѣкъ». При этомъ Дубасовъ указывалъ, что для увеличенія количества городовыхъ въ гор. Москвѣ можно воспользоваться «главнымъ образомъ личнымъ составомъ ночныхъ сторожей, которые въ большинствѣ представляютъ собою людей вполнѣ подготовленныхъ къ исполненію обязанностей городовыхъ».

Получивъ въ свое распоряженіе новыхъ 2,000 ночныхъ сторожей и 1,000 городовыхъ, т.-е. всего 3,000 чел., московскій градоначальникъ баронъ Медемъ 12 декабря написалъ генералъ-губернатору, что къ новымъ городовымъ и ночнымъ сторожамъ надо прибавить еще новыя обязательныя постановленія о воспрещеніи на все время объявленія въ г. Москвѣ чрезвычайной охраны «какихъ бы то ни было собраній». «Несмотря на объявленіе гор. Москвы на положеніи чрезвычайной охраны, писалъ баронъ Медемъ, въ здѣшней столицѣ продолжаютъ происходить, какъ въ предоставляемыхъ городскою управою зданіяхъ, такъ равно и въ другихъ помѣщеніяхъ собранія различныхъ союзныхъ организацій, которыми пользуются революціонные элементы для своихъ агитаціонныхъ цѣлей, причемъ наблюденіе за такими собраніями со стороны полиціи представляется при настоящемъ положеніи города Москвы фактически невозможнымъ». На этой бумагѣ Дубасовъ положилъ резолюцію: «управляющему канцеляріей для составленія обязательныхъ постановленій. Ф. Дуб.», а 14 декабря населеніе Москвы уже читало, что подъ страхомъ заключенія въ тюрьму или крѣпость на три мѣсяца, или уплатѣ денежнаго штрафа до 3,000 руб. «воспрещаются впредь до отмѣны всякія народныя, общественныя и частныя собранія за исключеніемъ правительственныхъ, городскихъ и земскихъ учрежденій». Постановленіе это подписано Ф. Дубасовымъ 14 декабря, а на печатномъ экземплярѣ стоитъ 13 декабря, т.-е. постановленіе было напечатано ранѣе, чѣмъ его подписалъ генералъ-губернаторъ.

12 декабря было вообще днемъ усиленной работы и особенной тре-

Библиотека "Руниверс"

воги для Дубасова, заставившихъ его 13 декабря обратиться непосредственно къ царю въ Царское Село съ шифрованной телефонограммой.

Спѣшное увеличеніе числа городовыхъ и ночныхъ сторожей въ Москвѣ, ихъ вооруженіе винтовками и жалоба барона Медема на слабость полицейскихъ силъ даже для простого надзора происходили одновременно съ тревожными телеграммами Ф. Дубасова въ Петербургъ съ просьбами о военной помощи. Только послѣ непосредственнаго обращенія Ф. Дубасова въ Царское Село съ телефонограммой 13 декабря 1905 г., оставшейся во второмъ томѣ дѣла № 154, л. 18, зашифрованной, въ Москвѣ появились 15 декабря знаменитые Георгій Александровичъ Минъ и Римантъ, спасители Москвы и отечества!

Они появились въ тотъ день, когда Ф. Дубасовъ хватался за такое средство, какъ участковая добровольная дружина. «Многіе вполнѣ благонадежные жители города Москвы, писалъ Ф. Дубасовъ московскому градоначальнику, предложили свои услуги для содѣйствія чинамъ полиціи въ исполненіи возложенныхъ на нихъ обязанностей; относясь весьма сочувственно къ такому похвальному стремленію обывателей, я вмѣстѣ съ тѣмъ нахожу, что по обстоятельствамъ настоящаго времени представляется возможнымъ воспользоваться услугами лишь тѣхъ лицъ, полная благонадежность коихъ хорошо извѣстна мѣстной полиціи; посему я рекомендовалъ тѣмъ гражданамъ, которые обратились ко мнѣ съ предложеніемъ услугъ соединиться въ отдѣльныя по каждому полицейскому участку добровольныя дружины, выбрать представителей каждой дружины и сообщить списки личнаго состава участковому приставу; лишь послѣ удостовѣренія приставомъ благонадежности всѣхъ участниковъ дружины, таковая можетъ быть допущена къ оказанію помощи полицейскимъ чинамъ въ ихъ служебныхъ дѣйствіяхъ. При этомъ однако я требую, чтобы дѣйствія членовъ означенныхъ дружинъ никогда не были самостоятельными, а во всей своей дѣятельности по оказанію помощи полиціи вообще, также какъ и въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ, дружинники могутъ поступать лишь вполнѣ согласно съ указаніями, которыя будутъ имъ даваться чинами полиціи для общаго руководства и всегда подъ наблюденіемъ опытныхъ чиновъ полиціи. При такихъ условіяхъ я нахожу возможнымъ *снабдить всѣхъ участниковъ подобныхъ дружинъ револьверами или резиновыми палками* для самообороны и для оказанія помощи чинамъ полиціи, когда послѣдніе этого потребуютъ; но всѣ дружинники, получившіе оружіе, должны за взаимною отвѣтственностью поручиться, что злоупотреблять оружіемъ не будутъ, пуская его въ ходъ лишь по указанію полиціи или для самообороны».

Далѣе Ф. Дубасовъ предписываетъ градоначальнику сдѣлать распоряженіе о томъ, чтобы «участковые пристава оказывали свое полное содѣйствіе сформированію добровольныхъ дружинъ, строго придержи-

Библиотека "Руниверс"

ваясь того порядка организаціи, который изложенъ выше», и нынѣ же «приступить къ раздачѣ имѣющагося въ распоряженіи полиціи запаса револьверовъ и патроновъ къ нимъ членамъ тѣхъ дружинъ, которыя составлены указаннымъ выше порядкомъ; при этомъ необходимо установить, чтобы въ полицейскихъ участкахъ всегда хранились именные списки всѣхъ членовъ мѣстной дружины съ точнымъ указаніемъ выданнаго имъ оружія и числа патроновъ. Наконецъ, во избѣжаніе недоразумѣній могущихъ произойти отъ пребыванія на улицѣ частныхъ лицъ съ оружіемъ, предлагаю вамъ озаботиться снабженіемъ всѣхъ дружинниковъ, коимъ будутъ выданы револьверы или холодное оружіе, свидѣтельствами за вашей подписью по слѣдующей формѣ». Далѣе слѣдуетъ эта форма и предписаніе объ исполненіи этого предложенія донести.

Это предписаніе о добровольной дружинѣ, снабженной «резиновыми палками» для избіенія жителей, рѣшительно опоздало. Во-первыхъ, 15 декабря въ Москву прибыли семеновцы, а, во-вторыхъ, еще 10 декабря 1905 г. начальникъ штаба московскаго военнаго округа баронъ Раушъ фонъ-Траубенбергъ написалъ Ф. Дубасову письмо въ частномъ порядкѣ по вопросу о *добровольной дружинѣ*. Баронъ Раушъ писалъ: «посланный нами на совѣщаніе подполковникъ заявилъ, между прочимъ, что въ помощь войскамъ готова выступить добровольная дружина, которая собирается по участкамъ. Помощь ея могла бы выразиться въ разборкѣ баррикадъ въ тылу тѣхъ войскъ, которыя ими овладѣютъ. Я считаю только долгомъ обратить вниманіе на то, какимъ образомъ войска видящія приближеніе такой дружины различатъ, что это не демонстранты? Не будутъ ли они сопровождаться чинами полиціи? Не помѣшаютъ ли они дѣйствію войскъ или сами пострадаютъ? Считая долгомъ сообщить слухъ, который я однако не имѣю основанія считать достовѣрнымъ, что будто бы собираются итти на Москву рабочіе изъ Зуева. Можетъ быть вы сочтете нужнымъ его провѣрить» *).

---

*) Какъ разъ отъ 15 декабря, когда въ Москву прибыли семеновцы, имѣется свѣдѣніе о состоявшемся въ этотъ день засѣданіи военнаго совѣта. Какъ будто во время серьезной войны Ф. Дубасовъ устраивалъ собранія военнаго совѣта. Сохранился полулистъ бумаги (дѣло № 154—1905 г., т. II, л. 58), исписанный его рукою, на которомъ читаемъ:

«15—XII. Военный Совѣтъ.

Ник....4 р(оты)..2 ор(удія)..1 сот(ня казак.).	Брян...1 р.
Ярос....1 р.....$^1/_2$ с.	Павел..1 р.
Каз....4 р.... 2 пулемета...$^1/_2$ с.	Вятк...1 р.
Кур....3 р.....$^1/_2$ с.	Савел.
Брест..2 р.....$^1/_2$ с.	17 или 18 р. 3 с.

1) Завтра занять всѣ вышеуказанныя дороги, кромѣ Курской.
2) Занятіе Курской обсудить завтра 16-го дек.
Доставленіе оружія . . . . . (одно слово неразобрано).

Библиотека "Руниверс"

Семеновцы и Г. А. Минъ прибыли въ Москву 15 декабря, а когда именно прибылъ Ладожскій полкъ, явствуетъ изъ болѣе поздней переписки, сохранившейся въ секретномъ отдѣленіи канцеляріи московскаго генералъ-губернатора. 1 октября 1909 г. 16-й пѣхотный Ладожскій полкъ, обратился въ канцелярію московскаго генералъ-губернатора съ рапортомъ, прося выдать ему удостовѣреніе въ томъ, что полкъ съ 16 декабря 1905 г. по 18 февраля 1906 г. находился на охранѣ въ г. Москвѣ въ составѣ 697 чел. нижнихъ чиновъ въ тѣхъ условіяхъ, что при постоянномъ и усиленномъ нарядѣ приходилось нижнимъ чинамъ спать не раздѣваясь, а вмѣстѣ выслать и вѣдомости ежедневныхъ нарядовъ. Это удостовѣреніе полку было необходимо на предметъ полученія пособія для возстановленія изношенной мундирной одежды. 7 октября 1909 г., канцелярія просто переслала этотъ рапортъ въ штабъ московскаго военнаго округа и одновременно увѣдомила объ этомъ полкъ. Ладожскій полкъ, стало быть, прибылъ въ Москву всего однимъ днемъ позднѣе семеновцевъ.

II.

Съ 16 декабря 1905 г. Г. А. Минъ приступилъ къ своей московской работѣ, стяжавшей ему такую извѣстность. Начальникъ штаба московскаго военнаго округа генералъ-лейтенантъ баронъ Рауш фонъ-Траубенбергъ въ официальномъ донесеніи отъ 16 декабря говоритъ, что полроты 6-го гренадерскаго Таврическаго полка съ двумя пулеметами въ 3 часовъ утра были посланы въ *распоряженіе* лейбъ-гвардіи Семеновскаго полка на Страстную площадь, ждали тамъ до 12 часовъ дня и, не получивъ отъ Г. А. Мина никакихъ распоряженій, вернулись въ манежъ на Моховую. Начальникъ штаба прибавляетъ къ этому, что за этотъ день «донесеній о дѣйствіяхъ лейбъ-гвардіи Семеновскаго полка не получено». Въ донесеніи 17 декабря начальникъ штаба сообщаетъ, что полсотни казаковъ, 8 пѣшихъ орудій и 4 пулемета въ этотъ день вошли въ составъ отряда полковника Мина, дѣйствующаго на Пресн, и что въ тотъ же день Мину были посланы въ подкрѣпленіе двѣ роты 16-го пѣхотнаго Ладожскаго полка. Въ концѣ донесенія онъ прибавляетъ, что «донесеній о дѣйствіяхъ лейбъ-гвардіи Семеновскаго и 16-го Ладожскаго пѣхотнаго полковъ не получено». Изъ текста донесенія самого Мина становится извѣстнымъ, что отъ него и генералъ-губернаторъ, и штабъ просили *ежечасныхъ* донесеній и что онъ, Минъ, былъ поставленъ въ невозможность это соблюдать.

По связи съ донесеніями барона Медемъ отъ 18 и 19 декабря о «происшествіяхъ» за эти дни и самого Г. Мина, представляется важнымъ имѣть въ виду нижеслѣдующее распоряженіе генералъ-губернатора, найденное въ формѣ чернового отпуска

Библиотека "Руниверс"

«17 дек. Флигель-адъютанту полковнику Мину».

«Совершенно согласенъ съ вашимъ заключеніемъ. Отвѣтъ на прошеніе пошлите такой: Пощада будетъ оказана только тѣмъ, кто вовлеченъ былъ въ соучастіе съ мятежниками ихъ насиліемъ. Это требуетъ разслѣдованія, и будетъ сдѣлано лишь тогда, когда мы силою подчинимъ всѣхъ мятежниковъ безъ всякихъ условій. — Но для избѣжанія излишняго кровопролитія несочувствующіе мятежу должны теперь же, т.-е. тотчасъ по полученіи настоящаго отвѣта, общими силами обезоружить мятежниковъ (разумѣя подъ этимъ всѣхъ тѣхъ, кого вы упоминаете въ вашемъ заключеніи, а также всю боевую дружину) и къ утру всѣхъ ихъ и оружіе выдать войскамъ. Если это не будетъ сдѣлано къ такому-то часу (который предоставляю вамъ назначить), но думаю, что не позже 9 час. утра, то войска приступятъ къ выполненію своей задачи. Я нахожу, что если въ прошеніи выражено желаніе большинства рабочихъ, то они могутъ за ночь справиться съ меньшинствомъ и сдѣлать то, что отъ нихъ требуется. Если же это прошеніе меньшинства, то мы дадимся въ обманъ, и такой ошибки допускать нельзя. Давать имъ срокъ даже до 9 час. нахожу опаснымъ и лучше объявить, что дѣйствія войскъ начнутся съ разсвѣтомъ. Наконецъ, можно еще указать просителямъ, что если они не успѣютъ и не могутъ обезоружить и выдать мятежниковъ, то для всѣхъ мирныхъ обитателей остается еще то спасеніе, чтобы съ началомъ дѣйствія войскъ сейчасъ же присоединиться къ нимъ и вмѣстѣ съ ними дѣйствовать противъ мятежниковъ.

Вполнѣ полагаюсь на васъ и вашу распорядительность. Благодарю васъ и всѣ ваши отряды за все сдѣланное и сердечно желаю дальнѣйшаго успѣха. Отъ души соболѣзную потерямъ и радуюсь, что полковникъ Эттеръ избѣгъ опасности. Счастливъ сообщить вамъ милостивую телеграмму государя императора, полученную на свое донесеніе о дѣйствіяхъ войскъ за сегодняшній день. Искренно преданный».

Судя по содержанію этотъ приказъ-письмо составленъ отъ имени Ф. В. Дубасова. На имя упоминаемаго здѣсь полковника лейбъ-гвардіи Семеновскаго полка Эттера была въ 3 часа дня изъ Петербурга телеграмма вел. князя Николая Николаевича: «Надѣюсь, что Богъ поможетъ вамъ быстро поправиться. Только что получилъ извѣстіе, что семеновцы явили себя тѣми, какими они всегда были и вѣрны будутъ».

18 декабря на полулистѣ съ помѣткою Дубасова синимъ карандашомъ «18. XII» рукою окружнаго генералъ квартиръ-мейстера генералъ-маіора С. М. Шейдемана былъ написанъ приказъ:

«Полковнику Мину.—1) 19 декабря надлежитъ пройти колоннами Прѣсню съ тѣмъ, чтобы убѣдиться въ томъ, что сопротивленія не оказываютъ. Осмотру подлежитъ, какъ сама Прѣсня, такъ и прилегающія фабрики Мамонтова и пр.

2) Если будетъ оказано вооруженное сопротивленіе, то истреблять всѣхъ, не арестовывая никого.

3) Къ концу осмотра Прѣсни надлежитъ выслать къ сторонѣ сахарнаго завода и сосѣднимъ съ нимъ фабрикамъ кавалерію съ конными орудіями для развѣдки, а затѣмъ если на этихъ фабрикахъ окажется присутствіе людей, которые окажутъ сопротивленіе, то вести отрядъ и громить эти фабрики, подобно тому, какъ было со Шмитомъ.

Библиотека "Руниверс"

Примѣчаніе: 1) Сахарный заводъ былъ занятъ 18. XII боевой дружиной отъ Прохорова.

2) Рядомъ съ сахарнымъ заводомъ (къ западу отъ него) дача Алексѣева (домъ умалишенныхъ), которую громить отнюдь не слѣдуетъ».

Въ приказѣ на 19 декабря нельзя не отмѣтить съ одной стороны лозунгъ никого не щадить, а всѣхъ убивать, и съ другой стороны совершенно опредѣленное указаніе щадить такое учрежденіе московскаго городского общественнаго управленія, какъ психіатрическая больница имени Н. А. Алексѣева и не «громить» его подобно фабрикамъ.

Въ послѣднемъ случаѣ приказъ впадаетъ въ недоразумѣніе. Капатчикова дача и больница имени Н. А. Алексѣева находятся въ совершенно другомъ районѣ, за Серпуховской заставой; почти рядомъ съ сахарнымъ заводомъ на дачѣ Студенецъ за Прѣсненской Трехгорной заставой находится Студенецкая 4-хъ классная школа садоводства и огородничества бывшаго вѣдомства учрежденій императрицы Маріи; отсюда и проистекла особенная забота о ея цѣлости и невредимости, а равно приказаніе щадить.

Сообщая 25 декабря, за № 1849, полковнику Мину въ копіи телеграмму предсѣдателя всесословнаго народнаго союза Владим. Казнцына отъ 24 декабря изъ Екатеринбурга (съ просьбой «передать украшенію русской арміи Семеновскому полку и его доблестному командиру полковнику Мину... поклонъ до земли»), Дубасовъ писалъ, что онъ «съ своей стороны пользуется случаемъ, чтобы высказать еще разъ вамъ и славному Семеновскому полку глубокую душевную благодарность за доблестныя дѣйствія, коими такъ рѣшительно сломлено было сопротивленіе минувшаго мятежнаго возстанія». Письмо Ф. Дубасова — любопытный штрихъ для обрисовки положенія Мина въ Москвѣ и раболѣпнаго отношенія перепуганной администраціи послѣдней.

III.

Приводимъ въ полной неприкосновенности всю серію донесеній Г. А. Мина, сохранившихся въ особыхъ конвертахъ среди бумагъ секретнаго отдѣленія канцеляріи московскаго генералъ-губернатора.

I. «Генералъ-Губернатору. 1905 г. 17 дек. 9 час. 20 мин. утра. № 1. Прѣсненскій мостъ.

Доношу, что 4 орудія и 4 роты взяли баррикады и разрушили дома, прилегающія къ мосту (бани и т. д.). Они горятъ. На Горбатомъ мосту 4 орудія и 3 роты разрушили баррикады и фабрику Шмидта. Нашихъ убито двое (2), раненъ 1 (одинъ) и убита 1 лошадь. Донесеній и свѣдѣній о генер. Гипіусѣ не получалъ. Полковникъ Минъ.—Ѣду къ Горбатому мосту» *).

*) Донесеніе, судя по почерку, написано въ очень неудобномъ положеніи и не собственноручно Миномъ, а скорѣе подъ его диктовку.

Библиотека "Руниверс"

II. «Генералъ-губернатору.—Въ данный моментъ люди только что пообѣдали, и теперь принятъ слѣдующій планъ: 4 роты и 2 орудія слѣдуютъ черезъ Горбатый мостъ налѣво и разрушаютъ всѣ баррикады по Нижней Пресненской улицѣ. 2 орудія и 1 рота остаются на Горбатомъ мосту для прикрытія тыла. 2 пулемета отправлены къ 4 орудіямъ и 2 ротамъ, находящимся около Пресненскаго моста и очищающимъ Большую Пресненскую улицу. Рота, которая находилась съ 4 пулеметами около Москворѣки, теперь поставлена къ Нижней Предтеченской улицѣ, гдѣ также разбираютъ баррикады.

Очищеніе производится весьма медленно. Начальникъ отряда рѣшилъ ночь провести на позиціяхъ (помѣщенія для отряда найдутся). Личное присутствіе начальника отряда при разрушеніи баррикадъ лишаетъ его возможности писать донесеніе. Фабрика Шмидта догораетъ, кромѣ того горятъ еще 3 дома у Пресненскаго моста, изъ которыхъ стрѣляли. Убитыхъ—1, раненыхъ—5 (1—тяжело).—Полковой адъютантъ подп. Брюм... Началась бомбардировка Прохоровской мануфактуры, но въ виду еще не выяснившагося результата, первоначальный планъ пока выполнить быть не можетъ. Подп. Брюм...».

Донесеніе послано 17 декабря въ 2 часа дня. Того же 17 дек. и въ 2 же часа дня распоряженіемъ Мина отправлено донесеніе поручикомъ Соколовымъ.

III. «Полковникъ Минъ овладѣть — — — *). Отрядъ раздѣлился на три колонны: 1 колонна пошла по Б. Пресненской, 2-ая по Верхней Предтеченской, 3-я по Нижней Пресненской, разбираютъ баррикады и уничтожаютъ дома, изъ которыхъ продолжаютъ стрѣлять. Сейчасъ бомбардируютъ фабрику Прохорова, въ виду чего планъ не привели въ исполненіе. Въ настоящее время 2 роты и 4 орудія находятся у Зоологическаго сада; 5 ротъ и 4 ор. у Горбатаго моста. Разрушено 10 баррикадъ. Сгорѣла фабрика Шмидта со складомъ огнестрѣльныхъ припасовъ мятежниковъ и 9 домовъ вокругъ Пресненской части. Убитыхъ Семеновскаго полка—1 и 5 раненыхъ, изъ нихъ 1 тяжело.—Поручикъ Соколовъ».

Слѣдующее донесеніе собственноручно подписано полк. Миномъ, а написано капитаномъ Колосовымъ.

IV. «Г. Московскому Генералъ-Губернатору.—1905 г. 4 час. 45 мин. дня № 4.—Разъѣзды, высланные, согласно моего донесенія № 3 (т.-е. вышеприведеннаго за подписью поручика Соколова), вернулись, обслѣдовавъ весь порученный имъ районъ и не найдя нигдѣ баррикадъ. По разъѣздамъ никто не стрѣлялъ. Становлюсь на ночлегъ, оставаясь по прежнему у Горбатаго и Пресненскаго мостовъ.—Флигель-адъютантъ полк. Минъ.—(На оборотѣ). Сейчасъ были сдѣланы 2 орудійные выстрѣла съ цѣлью разрядить заряженные днемъ картечью орудія.—Ген. штаба капитанъ Колосовъ»

Слѣдующее донесеніе отъ 17 дек. опять занумеровано *первымъ* вмѣсто предполагаемаго по порядку сохранившихся донесеній нумера пятаго.

---

*) Такъ именно въ оригиналѣ.

Библиотека "Руниверс"

V. «Г. Московскому Генералъ-Губернатору. 1905 г. 17 дек. 5 час. 5 мин. дня № 1. Изъ отряда полковника Мина.

Отрядъ полков. Мина прибылъ къ Прѣсненской части въ 7 час. утра и былъ встрѣченъ 60 городовыми и приставами для указанія путей слѣдованія. Распредѣливъ отряды и отправивъ правофланговыя роты, которыя должны были служить заслонами, полков. Минъ направилъ къ Прѣсненскому мосту отрядъ изъ двухъ ротъ и 4 орудій подъ командой полковника Эттеръ. Въ виду отказа фабриканта Шмидта, арестованнаго полиціей, указать мѣсто пребыванія его боевой дружины, было приказано сжечь фабрику Шмидта.

При движеніи отряда полк. Эттера, по немъ былъ открытъ огонь изъ домовъ. Тогда противъ баррикадъ на Большой Прѣснѣ была установлена артиллерія и открытъ огонь. Одновременно другой отрядъ расположился противъ Горбатаго моста. Съ первымъ выстрѣломъ артиллеріи изъ отряда полк. Мина началась артиллерійская канонада со стороны Николаевскихъ казармъ.

Всѣ части отряда полк. Мина расположились по ею сторону Прѣсненскихъ прудовъ, ожидали конца артиллерійской стрѣльбы. Лишь въ 11 час. утра получено было извѣстіе изъ Николаевскихъ казармъ о томъ, что артиллерійская стрѣльба изъ Николаевскихъ казармъ прекращена. Тогда полк. Минъ рѣшилъ двинуться впередъ и, пройдя Прѣсню, очистить ее отъ баррикадъ и прочно занять отдѣльными отрядами на ночь. Роты при своемъ движеніи впередъ обстрѣливались изъ домовъ.

Части, двигавшіяся въ районѣ влѣво отъ Б. Прѣсни до р. Москвы, вскорѣ попали подъ огонь артиллеріи изъ Николаевскихъ казармъ, которая снова открыла стрѣльбу. Вслѣдствіе опасенія имѣть жертвы отъ собственной артиллеріи, части изъ указаннаго района были уведены, разрушивъ 9 баррикадъ. Полурота, двигавшейся по Бол. Прѣснѣ, удалось при помощи жителей, работавшихъ подъ угрозой, удалось очистить отъ баррикадъ всю Большую Прѣсню и дойти до Прѣсненской заставы. Здѣсь стали падать шрапнели со стороны Николаевскихъ казармъ, и полурота была отведена также назадъ. Такимъ образомъ весь отрядъ полк. Мина долженъ былъ прекратить наступленіе и ждать конца канонады со стороны Николаевскихъ казармъ. Эта канонада прекратилась лишь въ 3½ ч. дня. За позднимъ временемъ пришлось дальнѣйшія дѣйствія отложить до утра.

Такимъ образомъ полковникомъ Миномъ вполнѣ очищена отъ баррикадъ лишь Большая Прѣсня; районъ же влѣво отъ нея до Москвы рѣки очищенъ отъ баррикадъ только на участкахъ, ближайшихъ къ Прѣсненскимъ прудамъ. По свѣдѣніямъ отъ полиціи и по указаніямъ войскъ, мятежники отдѣльными группами занимаютъ дома во всемъ прѣсненскомъ районѣ. Полков. Минъ предполагаетъ со всѣмъ отрядомъ закончевать по ею сторону Прѣсненскихъ прудовъ, выдвинувъ заставы по ту сторону прудовъ.

Убито и ранено: убито—2; ранено смертельно—1; легко—4; контужено—1. У конно-гренадеръ ранено 6 лошадей. 7 ротъ Ладожскаго прибыли къ полк. Мину и имѣютъ имѣть съ нимъ. Нѣсколько домовъ сожжено.—Генер. штаба капитанъ Колесовъ».

Въ этомъ донесеніи нельзя не отмѣтить фактъ несогласованности дѣйствій военныхъ частей, вслѣдствіе чего артиллерія начинаетъ палить по собственному отряду или, какъ выразился Минъ, явилось опасеніе

Библиотека "Руниверс"

«имѣть жертвы отъ собственной артиллеріи»; равнымъ образомъ то обстоятельство, что мѣстное населеніе убирать баррикады заставляли *силою.* Донесеніе открыто говоритъ, что всю Большую Пресню удалось очистить отъ баррикадъ при помощи «жителей», работавшихъ *подъ угрозой*».

Va. «Г. Московскому Генералъ-Губернатору.—1905 г. 18 дек. 11 час. 20 мин. утра. № 2. Изъ отряда полковн. Мина.—Доношу: около 2 час. ночи до полученія отвѣта вашего превосходительства мною получено было письмо отъ Прохорова, который отъ себя и отъ лица своихъ рабочихъ просилъ не громить болѣе мануфактуры и пощадить жизнь рабочихъ, готовыхъ отдать себя въ распоряженіе войскъ и содѣйствовать имъ въ прекращеніи безпорядковъ. На письмо Прохорова мною былъ данъ отвѣтъ, что первымъ доказательствомъ искренности рабочихъ должна служить разборка всѣхъ баррикадъ въ районѣ: Москва-рѣка, Камеръ-Коллежскій валъ, Брестская улица, Кудринская Садовая, Новинскій бульваръ,—уничтоженіе матеріала, принятіе мѣръ, чтобы баррикады вновь не воздвигались, и обязательство передавать полиціи тѣхъ лицъ, которыя начинали бы ихъ вновь строить.

Изложенныя требованія и были предъявлены Прохорову и срокомъ исполненія ихъ было назначено 12 час. дня. (18 дек.). Черезъ часъ послѣ отправленія отвѣта Прохорову было получено письмо вашего превосходительства (здѣсь, очевидно, подразумѣвается письмо-приказъ Ф. Дубасова отъ 17 декабря, приведенное выше). Вслѣдствіе поздняго времени и невозможности выяснить ночью, къ кому адресоваться, отвѣтъ рабочимъ былъ посланъ мною утромъ по прибытіи депутатовъ отъ рабочихъ. Я предъявилъ къ рабочимъ тѣ требованія, о которыхъ доносилъ вашему превосходительству, и кромѣ того потребовалъ уничтожить всѣ баррикады въ назначенномъ Прохорову районѣ—къ 1 часу дня. Въ настоящее время жду письменнаго удостовѣренія Прохоровымъ отвѣта рабочихъ.

Установилъ летучей почтой связь съ Николаевскими казармами. Отрядъ стоитъ на мѣстахъ ночлега. Ночь прошла спокойно. Отдѣльные выстрѣлы и до сего времени продолжаются. Сейчасъ задержанъ стрѣлявшій вчера и сегодня съ церковной колокольни Девяти мучениковъ.

По свѣдѣніямъ отъ мѣстныхъ жителей баррикады въ Пресненскомъ районѣ уже разбираются рабочими. Въ числѣ требованій, предъявленныхъ рабочимъ, я поставилъ высылку 100 выборныхъ, которые вмѣстѣ съ войсками будутъ обходить Пресненскій районъ и разыскивать и задерживать стрѣляющихъ.

Планъ моихъ дѣйствій послѣ часа дня (въ случаѣ согласія рабочихъ на мои требованія): пройти весь Пресненскій районъ нѣсколькими колоннами, обыскать по указанію полиціи очаги мятежниковъ и ихъ склады оружія; оставлять на намѣченныхъ мѣстахъ заставы силою, въ зависимости отъ важности пункта, отъ ½ до 1 роты. Заставы эти останутся на ночь и будутъ служить для успокоенія жителей, возстановленія нормальной жизни и установленія начала полицейской службы (полиція уже болѣе недѣли *) отсутствуетъ во всемъ Пресненскомъ районѣ).

*) Донесеніе написано чернымъ карандашемъ. Мѣсто о полиціи обратило на себя особое вниманіе Ф. В. Дубасова, и онъ синимъ карандашемъ отмѣтилъ его и написалъ: «Градоначальнику!».

Библиотека "Руниверс"

Ожидавшіеся уполномоченные Городскимъ головой для вывоза женщинъ и дѣтей въ безопасные пункты внѣ раіона дѣйствій войскъ,—до сихъ поръ не прибыли. Пункты же намѣчены и объявлены начальникамъ колоннъ для направленія туда женщинъ и дѣтей.—Флитель-Адъютантъ Полковникъ Минъ.—Генеральнаго Штаба Капитанъ Колосовъ».

V в. «Г. Московскому Генералъ-Губернатору.—1905 г. 18 дек. 3 час. 45 мин. дня. № 3. Изъ отряда полк. Мина.—Доношу: переговоры съ выборными отъ общества рабочихъ Прохоровской мануфактуры затянулись. Выборные явились съ письменнымъ обязательствомъ исполнить всѣ требованія начальника отряда полк. Мина, но на дѣлѣ оказалось, что они въ состояніи лишь очистить раіонъ отъ баррикадъ и содѣйствовать войскамъ при обыскахъ и ловлѣ мятежниковъ.

Поэтому, въ виду поздняго времени, полк. Минъ рѣшилъ пройти сильными кавалерійскими разъѣздами весь Пресненскій раіонъ до высоты Прохоровской мануфактуры и въ тылу весь раіонъ до Новинскаго бульвара съ цѣлью убѣдиться, насколько очищены баррикады руками рабочихъ, и обслѣдовать, гдѣ баррикады еще остались. Съ той же цѣлью вправо отъ Большой Пресни высланъ разъѣздъ въ Грузины до Камеръ-Коллежскаго вала.

На ночь полк. Минъ остается опять по сю сторону Пресненскихъ прудовъ, поддерживая связь съ Николаевскими казармами.—Генер. Штаба капитанъ Колосовъ».

На простомъ листѣ писчей бумаги читаются два текста: одинъ сверху чернилами, безъ всякой подписи и совершенно неграмотный; другой—карандашомъ и за подписью полков. Г. А. Мина отъ 18 декабря 1905 г. Текстъ чернилами гласитъ слѣдующее:

VI. «Фабрика Альбертъ Гюбнеръ под девичемъ пройти кней юшковымъ переулкомъ сходка новая спальня, большая кухня, остерегаться нужно фабрики возле Альберта которая за нее вся воружена сборъ съ 1 часу дня. войска тамъ должны быть половину третего часу, дня не поже». Минъ подчеркнулъ въ этомъ текстѣ карандашомъ слова: «новая спальня, большая кухня». Текстъ, написанный рукою Мина, такой:

«Секретно. Спѣшно.—Заявитель явился къ ротмистру Орлову и просилъ поставить въ извѣстность о вышеизложенномъ высшее начальство. Свѣдѣніе это онъ имѣетъ отъ своего двоюроднаго брата, который служитъ на означенной фабрикѣ. При этомъ онъ заявилъ, что всѣ почти рабочіе дурного направленія перекочевали на фабрику Альбертъ. Желательно объявить ему награду въ случаѣ подтвержденія его словъ. Служащій городского бассейна Николай Федоровъ Доронинъ. Просилъ сохранить тайну его фамиліи, боясь мести. Полковникъ Минъ. 18 дек.». При фамиліи поставленъ крестикъ, а внизу сбоку приписано: «адресъ. Трубниковскій пер., домъ Константинова».

Въ чемъ выразилось «дурное направленіе» рабочихъ, Г. А. Мину столь же мало осталось извѣстнымъ, на сколько неопредѣленно представленіе о томъ самого «освѣдомителя». Условія времени были таковы, что они порождали появленіе «освѣдомителей» разныхъ типовъ; въ данномъ случаѣ, какъ и въ другихъ, указанія имѣются на соблазнъ денежныхъ награжденій.

Библиотека "Руниверс"

VII. «Г. Московскому Генералъ-Губернатору.—1905 г. 18 дек. 4 час. 45 мин. № 5. Изъ отряда полков. Мина.—Нѣтъ физической возможности доставлять ежечасныя донесенія при одномъ офицерѣ генеральнаго штаба, который слишкомъ занятъ дѣлами внутренняго распорядка и текущими распоряженіями. Если требованіе посылать періодическія донесенія остается въ силѣ и на завтра, то весьма было бы желательно командировать въ мое распоряженіе еще одного офицера генеральнаго штаба. Флигель-адъютантъ полковникъ Минъ».

VIII. «Г. Моск. Ген.-Губернатору 1905 г. 8 час. 20 мин. веч. № 6.—Сейчасъ былъ у меня помощникъ управляющаго Прохоровской мануфактуры, который соберетъ завтра къ 10 час. утра всѣхъ наличныхъ рабочихъ. Я приду съ отрядомъ и при мнѣ всѣ рабочіе будутъ проѣрены и опрошены по спискамъ. Помощникъ управляющаго разсчитываетъ, что агитаторы будутъ выданы или указаны рабочими. Одновременно съ этимъ другіе отряды будутъ, совмѣстно съ полиціей, обыскивать весь мятежный районъ.

Прошу распоряженія вашего пр—ва выслать завтра къ 8 час. утра возможно большое количество полиціи въ мое распоряженіе, такъ какъ не хотѣлось бы производить обыски исключительно войсками; эта операція деморализуетъ войска (возможенъ грабежъ). За сегодняшній день было задержано и арестовано до 10 лицъ, стрѣлявшихъ въ войска. Всѣ они опознаны полиціей и указаны ею и мѣстными жителями, какъ революціонеры. При занятіи студенческаго общежитія (близъ Пресненскаго полицейскаго дома) были найдены 8 револьверовъ, патроны и кипа прокламацій. Фл.-адъютантъ полковникъ Минъ».

Всѣ донесенія отъ 17 и 18 декабря находятся въ конвертѣ, на которомъ рукою Ф. В. Дубасова написано: «Донесенія полковн. Флиг.-Ад. Минъ отъ 17 -18 декабря». Въ донесеніи подъ № VIII цѣнно указаніе, въ высокой степени компетентное, на то, что выполненіе простыхъ полицейскихъ функцій «деморализуетъ войска»: Г. Минъ опасается возникновенія «грабежа», который могъ бы быть произведенъ самыми дисциплинированными частями русскихъ войскъ.

IX. «Г. Моск. Ген.-Губ. 1905 г. 19 дек. 11 час. 45 мин. дня № 1. Изъ отряда полк. Мина на сахарномъ заводѣ.—Доношу: Вслѣдствіе большого расхода конницы до сего времени посылать каждый часъ донесенія *) лишь въ штабъ округа съ просьбой немедленно ихъ докладывать по телефону вашему пр—ву. Съ 9 часовъ утра идетъ перекличка рабочихъ въ спальномъ корпусѣ сахарнаго завода и ихъ обыскъ. Всѣ**е** подозрительные (у кого найдены патроны, прокламаціи) отдѣляются. Оружія пока ни у кого не найдено. Къ обыску помѣщеній еще не приступали. Какъ я доносилъ въ штабъ округа, убитъ **) одинъ изъ главарей движенія Михаилъ Афанасьевъ и арестованы двое: Иванъ Волковъ и Федоръ

*) См. выше подъ № VII.

**) См. далѣе подъ №№ XV—XVII. Донесеніе трагически пользуется терминомъ убитъ а не казненъ, и при томъ правильно, ибо никакого суда и слѣдствія не было. Казнь была совершена по адресному донесу «свѣдомителя». Самая картина казни, приведенная далѣе, столь поразительна.

Библиотека "Руниверс"

Мантулинъ. Всѣ они бывали на рабочихъ митингахъ, какъ делегаты.—Генер. штаба Капитанъ Колосовъ».

X. «Г. Ген.-Губернатору. 1905 г. 19 дек. 12 час. дня. № 2. Изъ сахарнаго завода.—Занятіе Мамонтовской фабрики въ задачу, поставленную моему отряду не входило. Фабрика Прохорова занята ротой Ладожскаго полка; на этой фабрикѣ спокойно. О самомъ Прохоровѣ и его семьѣ ничего мнѣ неизвѣстно. Исполняя прямую задачу моего отряда на сахарномъ заводѣ, на Прохоровской фабрикѣ не былъ, обыска и опроса не дѣлалъ. Сейчасъ высылаю разъѣздъ на Прохоровскую и Мамонтовскую фабрики для подробной развѣдки.—Флигель-ад. полковникъ Минъ.

На сосѣднемъ дворѣ найденъ револьверъ-ружье Маузеръ. Осмотръ помѣщеній начался. Генеральнаго штаба подполковникъ Эттеръ».

XI. «Г. Ген.-Губернатору. 19 дек., 3 час дня. Сахарный заводъ.—Разъѣздъ съ фабрики Прохорова и Мамонтова вернулся. Семъ Прохоровъ и его семья живы, здоровы и живутъ на фабрикѣ. По слухамъ, на фабрикѣ Прохорова есть склады оружія. Отправлены 2 роты семеновцевъ въ добавокъ къ находящейся на Прохоровской мануфактурѣ ротѣ для обыска фабрики. Весь день на обѣихъ фабрикахъ было спокойно. Сейчасъ разстрѣляны бывшіе делегатами рабочіе Волковъ и Мантулинъ.—Генеральн. штаба капитанъ Колосовъ».

XII. «Г. Моск. Ген.-Губ. 19 дек., 8 час. веч. Ермаковская богадѣльня близъ сахарнаго завода.—Осмотръ всего сахарнаго завода оконченъ. Оружія, кромѣ 2 револьверовъ (со которыхъ донесялось), не найдено. Всѣ войска, подчиненныя полковнику Мину, расположились на ночлегъ въ 3 пунктахъ: 1) на Ермаковской богадѣльнѣ, близъ Сахарнаго завода (штабъ отряда), 2) на Прохоровской мануфактурѣ и 3) въ Пресненскомъ районѣ (между Большой Пресней и Москвой рѣкой), гдѣ имѣются 6 заставъ силою ½—1 рота. Завтра съ утра приступлено будетъ къ осмотру Прохоровской мануфактуры и Пресненскаго района, въ которомъ, между прочимъ, будетъ тщательно обысканa фабрика Шмидта. Будетъ также осмотрѣна фабрика Мамонтова. Полк. Минъ приказалъ донести, что допросъ Шмидта производится. Дознаніе по полученіи будетъ немедленно представлено вашему п—ву.—Генер. штаба капитанъ Колосовъ».

XIII. «Моск. Генер.-Губернатору. 19 дек. Сахарный заводъ. отрядъ полков. Мина.—Кончилъ осмотръ рабочихъ, подвалокъ, чердаковъ, сталелитаго корпуса. Въ помѣщеніяхъ оружія не найдено. Всего задержано 2 делегата-главаря (со которыхъ уже донесялось), 4 дружинника и 2 человѣка съ револьверами. Приступлено къ осмотру собственныхъ вещей рабочихъ.—Генер. штаба подполковникъ Эттеръ».

На листочкѣ *смолка* написано рукою Мина и съ адресомъ на оборотѣ: «начальнику штаба округа. Пречистенка, 7»: «Письмо вашего п—ва получилъ, всѣ требованія генералъ-губернатора будутъ исполнены. Флигель-Адъютантъ полковникъ Минъ. 19 дек. 9 час. веч.».

На четвертушкѣ писчей бумаги:

XIV. «Командиру полка.

Предоставляю при семъ общіе крюки всей Прохоровской мануфактуры. Планы болѣе подробные будутъ предоставлены мною вамъ на мѣстѣ. Въ 8½ час. утра отрядъ, расположенный въ мануфактурѣ, будетъ со-

Библиотека "Руниверс"

бранъ на углу Домбровскаго переулка и Нижней Пресни. Нахожу необходимымъ для осмотра раздѣлить отрядъ на двѣ части.

1) фабрика—(5 или 6 ротъ); 2) жилыя помѣщенія (3 или 4 роты).

Кромѣ того долженъ быть осмотрѣнъ на Трехгорномъ переулкѣ домъ Буровой—1 рота. Всѣ главнѣйшіе служащіе мануфактуры окажутъ намъ возможное содѣйствіе при осмотрѣ, въ качествѣ путеводителей.

При сегодняшнемъ осмотрѣ найдено: шашекъ—14; ружей—16; револьверовъ—7; мѣшокъ съ патронами (тысячъ 15); одна бомба; нѣкоторыя бумаги.—Полковникъ Эттеръ.—Имѣю списокъ депутатовъ фабрики съ отмѣтками главнѣйшихъ агитаторовъ. 19 декабря 1905 г. 11 час. 15 мин. вечера».

Въ томъ же (2-омъ) конвертѣ, на которомъ рукою Ф. В. Дубасова написано: «Донесенія полковника Минъ. 19. XII» на листкахъ бумаги почтоваго формата съ печатнымъ оттискомъ «записка для памяти», встрѣчающейся въ дѣлахъ секретнаго отдѣленія канцеляріи генералъ-губернатора за 1905 годъ и какъ разъ съ отмѣтками Дубасова, читаются, повидимому, нѣкоторыя изъ тѣхъ донесеній, которыя 19 декабря дѣлалъ начальнику штаба Минъ и просилъ немедленно сообщить ихъ по телефону генералъ-губернатору. Записки имѣются нижеслѣдующія:

XV—XVIII. «Начальнику штаба. 19 декабря. № 1. Колонны и конница выступили согласно диспозиціи въ 5 часовъ, къ 7 часамъ подошли къ сахарному заводу; всѣ части идутъ въ тѣсной связи».

«№ 2. 7 час. 50 мин. утра. Сахарный заводъ окруженъ вплотную. Вызванъ управляющій для переговоровъ. Донесенія генералъ-губернатору не посылаются. Просимъ передать. Корнетъ Соколовъ».

«№ 3. 9 час. 20 мин. Операція по полному окруженію сахарнаго завода удалась вполнѣ. Несмотря на незнакомство съ мѣстностью, благодаря хорошей организаціи связи между колоннами, всѣ колонны въ полной темнотѣ незамѣтно вышли на назначенныя мѣста и затѣмъ съ разсвѣтомъ тѣснымъ кольцомъ обложили заводъ и спальный корпусъ завода.

По входѣ въ ограду завода, по приказанію полковника Мина, 2 выстрѣлами былъ убитъ одинъ изъ главныхъ агитаторовъ Михаилъ Афанасьевъ, смѣло, руки въ карманы шедшій въ одиночку (?) намъ навстрѣчу. Сейчасъ потребовали списки всѣмъ рабочимъ, будетъ произведена ихъ перекличка, задержимъ главарей, обыщемъ помѣщенія по словамъ управляющаго въ спальныхъ корпусахъ... *(одно слово осталось не разобраннымъ)* задерж... еще виднаго главаря *(здѣсь надписано одно слово, оставшееся неразобраннымъ)* Мантулина. Сторожу, указавшему убитаго Афанасьева, полковникъ Минъ обѣщалъ 500 рублей *).

Мы свалились, по показанію всѣхъ, какъ снѣгъ на голову. Въ войска пока никто не стрѣлялъ. Дислозиціи, которыя были разосланы всѣмъ колоннымъ начальникамъ, при семъ прилагаю.—Капитанъ Колосовъ».

«Риманъ **) въ Коломнѣ казнилъ начальника станціи, его помощ-

*) См. выше подъ № VI.

**) Въ конвертѣ л. 80, на которомъ рукою Дубасова синимъ карандашомъ написано: «донесеніе полковника Римана», находится листокъ, исписанный карандашомъ рукою Римана: на немъ читается слѣдующее донесеніе:

Москов. ген.-губернатору. 1905 г., дек. 27, 10 мин. в. по московскому. Полковникъ

Библиотека "Руниверс"

ника, двухъ зачинщиковъ и 22 рабочихъ. Сейчасъ приступлено къ осмотру Коломенскаго завода».

«19. XII донесеніе отъ 12 час. Обыскъ рабочихъ все еще продолжается. Къ осмотру помѣщеній еще не приступлено. Капитанъ Колосовъ».

XIX. «Г. Москов. ген.-губернатору.—1905 г. 20 дек. 9 час. 30 мин. у. Ермаковская богадѣльня близъ Сахарнаго завода.—Доношу вашему п—ву, что полный обыскъ порученныхъ мнѣ Сахарнаго завода и фабрикъ Прохорова и Мамонтова (sic), а также осмотръ всего Пресненскаго раіона требуетъ наряда всѣхъ наличныхъ ротъ ввѣреннаго мнѣ отряда, а потому отъ осмотра Коммисаровскаго училища *сегодня* приходится отказаться.

Сейчасъ ввѣренный мнѣ отрядъ дѣлаетъ слѣдующее: 2 роты семеновцевъ осматриваютъ всѣ сараи, прилегающіе къ Сахарному заводу, и груженые вагоны, подвезенные къ этому заводу; 6 ротъ семеновцевъ и 2½ роты ладожцевъ продолжаютъ начатый вчера обыскъ Прохоровской мануфактуры; 5 ротъ ладожцевъ осматриваютъ Пресненскій раіонъ. Послѣ окончательнаго осмотра сараевъ и вагоновъ, а также ближайшихъ къ сахарному заводу зданій будетъ произведенъ обыскъ Мамонтовской фабрики.

Полагаю необходимымъ по окончаніи всего порученнаго мнѣ осмотра,—для внесенія успокоенія среди жителей, установленія нормальной жизни и возстановленія полицейской службы,—временно оставить на Сахарномъ заводѣ, на Прохоровской и Мамонтовской фабрикахъ, а также въ Пресненскомъ раіонѣ, войска, почему думаю оставить на ночь сегодня въ указанныхъ пунктахъ всѣ находящіяся въ моемъ распоряженіи 7½ ротъ Ладожскаго полка съ 2 орудіями. Семеновскій же полкъ (9 ротъ), если производящійся мною осмотръ будетъ сегодня законченъ, переведу на ночь въ театръ Омона, съ тѣмъ, чтобы завтра съ утра можно было произвести обыскъ Коммисаровскаго училища.

Допросъ Шмидта законченъ *), и производившій допросъ офицеръ командированъ мною для личнаго доклада вашему п—ву. Допросъ задержанныхъ вчера рабочихъ производится.—Флигель-Адъютантъ полковникъ Минъ».—(На оборотѣ). «Для снятія плановъ Сахарнаго завода и фабрикъ Прохоровской и Мамонтовской, полк. Миномъ назначенъ генер. штаба капитанъ Черный. Планы эти могутъ имѣть значеніе для будущаго. По окончаніи плановъ таковые будутъ представлены в—му п—ву. При семъ представляется донесеніе полк. Эттера, производившаго осмотръ Прохоровской фабрики вчера.—Генер. штаба капитанъ Колосовъ».

XX. «Г. Моск. Ген.-Губернатору. 1905 г. 20 дек. 11 час. 40 мин. у.—Обыскъ сараевъ Сахарнаго завода и вагоновъ оконченъ; подозрительнаго ничего не найдено. Въ остальныхъ пунктахъ обыски продолжаются. Прибылъ съ линіи Казанской жел. дор. полковникъ Риманъ съ 2 ротами,

---

Риманъ. Резервный поѣздъ уходитъ въ 10 час. по петербургск. времени, а остальной эшелонъ въ 10 час. 20 мин. по петербургски, т. е. въ 10 час. 50 мин. по московскому времени. Прибуду къ 2 часамъ ночи съ ними на ст. Яхрома. Казаки находятся на фабрикѣ, обойдусь сначала безъ нихъ. Мѣры пресѣчь предупреждения приняты. Начальникъ отряда полковникъ Риманъ». См. также выше подъ № IX и подъ № XI о разстрѣлѣ Волкова и Малтулина.

*) См. выше подъ № XII. Какъ именно производился этотъ военный «допросъ», въ донесеніяхъ никакихъ указаній не имѣется.

Библиотека "Руниверс"

2 гвард орудіями и 2 пулеметами: 4 роты оставлены на линіи—по одной ротѣ на станціяхъ: Сортировочной, Перово, Люберцы и Голутвинъ. Прошу о смѣнѣ этихъ ротъ частями московскаго гарнизона. Флигель-ад. полк. Минъ».

XXI. «Моск. Ген-Губернатору. 1905 г. 20 дек. 1 час. Прохоровская мануфактура.—Осмотръ Прохоровской мануфактуры продолжается. Найдено нѣсколько коробокъ со взрывчатыми веществами, нѣсколько ружей и револьверовъ; кромѣ того ящики съ приборами для изготовленія бомбъ. Агитаторы, депутаты и дружинники, по словамъ рабочихъ и администраціи скрылись въ воскресенье вечеромъ и въ понедѣльникъ утромъ. Подозрительныя лица арестовываются. Одинъ изъ арестованныхъ подозрѣвается, какъ убійца околоточнаго Сахарова.—Генер. штаба полк. Эттеръ».

XXII. «Г. Моск. Ген.-Губернатору. 1905 г. 20 дек. 8 час. 10 мин. веч. Прохоровская мануфактура. Послѣднее мое донесеніе до васъ не дошло такъ какъ вѣстовой его драгунъ упалъ съ лошади и донесеніе, которое было у него въ фуражкѣ, потерялъ. Поэтому частью повторяю это донесеніе. Въ настоящее время съ обыскомъ Сахарнаго завода и всѣхъ прилегающихъ къ нему зданій совершенно покончено; осмотръ Мамонтовской фабрики не оконченъ. Командиръ Ладожскаго полка доноситъ, что Пресненскій районъ между Большой Пресней и р. Москвой весь имъ обысканъ; однако мною предложено, если обыскъ былъ произведенъ не вполнѣ детальный то его продолжить завтра. Обыскъ корпусовъ Прохоровской мануфактуры оконченъ; завтра обыскиваются всѣ наружные дворы мануфактуры.

Сегодня вѣренный мнѣ отрядъ становится на ночлегъ слѣдующимъ образомъ: 9 рота Семеновскаго полка и 4 сотня—Прохоровская мануфактура (штабъ отряда); 1½роты Ладожскаго полка—Сахарный заводъ; 4 рота Ладожскаго полка—фабрика Мамонтова; 5 ротъ Ладожскаго полка и 2 орудія занимаютъ заставами Пресненскій районъ между Большой Пресней и р. Москвой.

Задержанный вчера съ ружьемъ-револьверомъ Маузера боевой дружинникъ указываетъ нѣсколько главарей движенія, которые живутъ въ Москвѣ и адреса которыхъ онъ знаетъ. Испрашиваю указаній, могу ли арестовать ихъ войсками при содѣйствіи полиціи или же это должно быть возложено исключительно на полицію. Испрашиваю также указаній, куда прикажете сдавать отбираемое оружіе.

Сегодня съ утра случился пожаръ на чугунномъ заводѣ Родіони Смитъ и К. По просьбѣ одного изъ компаніоновъ завода я выдалъ удостовѣреніе, что пожаръ произошелъ по причинамъ независящимъ отъ дѣйствія войскъ.

Во дворѣ Прохоровской мануфактуры найдено по тайному указанію одного лица, спущенная на дно вертикальной глубокой канализаціонной трубы бомба, къ которой идутъ не то провода, не то веревки. Къ мнѣ приставлено 2 часовыхъ. Для извлеченія и изслѣдованія изъ трубъ бомбу ваше и—во командировать завтра какого-либо сапера-офицера.

Завтра въ 9 часовъ утра будетъ выслана къ театру Омона 1 рота Семеновскаго полка, которая съ 2 ротами, находящимися уже тамъ, если прикажете, можетъ произвести обыскъ Коммерческаго училища.—Флиг.-адъютантъ полковникъ Минъ».

Библиотека "Руниверс"

Разгромленная Пресня.

1. Фабрика Шмидта.

2. Фабрика Шмидта.

Библиотека "Руниверс"

Разгромленная Прѣсня.

3 Фабрика Шмидта.

4. Фабрика Шмидта.

Библиотека "Руниверс"

XXIII. «Г. Моск. Ген.-Губернатору. 1905 г. 20 дек. 10 час. 50 мин. веч. Прохоровская мануфактура.—Доношу: На фабрикѣ Шмидта до сего времени найдено: обгорѣвшихъ револьверовъ—7, кинжаловъ 2, стволовъ ружейныхъ—3, штыкъ отъ берданки—1, штыкъ отъ 3-хъ линейной винтовки за № 22553, замковъ отъ охотничьихъ ружей—2, патроновъ Винчестеръ—15. Въ виду того, что послѣ пожара подвалы завалены углемъ и тлѣютъ, командиру Ладожскаго полка предложено вызвать завтра утромъ пожарную команду, затушить все тлѣющее и тщательно обыскать подвалы. На Прохоровской мануфактурѣ сегодня задержано 43 чел. Въ Пресненскомъ раіонѣ задержано за вчерашній и сегодняшній день 20 челов.; изъ нихъ 9 изъ боевой дружины. Вчерашнюю ночь, по донесенію командира Ладожскаго полка, всѣ заставы обстрѣливались мятежниками.—Генерал. штаба капитанъ Колосовъ».

XXIV. «Г. Моск. Ген.-Губернатору. 1905 г. 21 дек. 9 час. 45 мин. утра. Прохоровская мануфактура.—Всѣ задержанные по подозрѣнію въ участіи въ движеніи содержатся подъ карауломъ на Прохоровской мануфактурѣ; ихъ всего до 70 чел.; часть изъ нихъ по допросѣ, вѣроятно, придется освободить. Куда прикажете сдать остальныхъ. По окончаніи обыска Прохоровской мануфактуры полков. Минъ съ Семеновскимъ полкомъ предполагаетъ сегодня уйти въ театръ Омона, оставивъ для занятія Прохоровской мануфактуры, фабрики Мамонтова, Сахарнаго завода и всего Пресненскаго раіона 7½ рот ладожцевъ съ 2 орудіями и ½ сотней казаковъ подъ общимъ начальствомъ командира Ладожскаго полка полков. Мельникова. Указанная вчера будто бы мина оказалась ведромъ съ порохомъ, снаряженнымъ охотничьими патронами и пистонами. Присутствіе спеціалиста по подрывному дѣлу во время обыска на Прохоровской мануфактурѣ все таки желательно, такъ какъ могутъ быть случаи когда понадобится его помощь.—Генер. штаба капитанъ Колосовъ».

XXV. «Г. Моск. Ген.-Губернатору. 21 дек. 11 час. 40 мин. утра. № 2. Прохоровская мануфактура.—Командиръ роты Ладожскаго полка осматривавшій вчера и сегодня фабрику Мамонтова и ночевавшій тамъ съ ротой доноситъ: осмотрѣлъ всѣ мастерскія, кладовыя, подвалы, а также дворъ, но ничего не нашелъ. На фабрикѣ горитъ еще и сегодня одно зданіе. Ночь прошла спокойно.—Генер. штаба капитанъ Колосовъ».

XXVI. «Г. Моск. Ген.-Губернатору. 21 дек. 12 час. 20 мин. дня. № 3. Прохоровская мануфактура.—Обыскъ всѣхъ дворовъ на Прохоровской мануфактурѣ оконченъ; ничего не найдено. Полков. Минъ ожидаетъ прибытія слѣдователя и до его прибытія лично производитъ допросъ. Представляю выписку изъ донесенія командира Ладожскаго полка, занимавшаго заставами Пресненскій раіонъ ночью: «Ночь прошла спокойно, выстрѣловъ не было. На фабрикѣ Шмидта пожарная команда заливаетъ и разбираетъ входы въ подвалы; когда будетъ очищено, приступлю къ обыску».—Генер. штаба капитанъ Колосовъ».

XXVII. «Г. Моск. Ген.-Губернатору. 1905 г. 21 дек. 3 час. 30 мин. дня. Прохоровская Мануфактура.—Полков. Минъ съ 1 ротой семеновцевъ временно остается въ Прохоровской мануфактурѣ, гдѣ производитъ совмѣстно съ гражданскими властями слѣдствіе *). Остальныя роты

*) См. выше подъ № XXVI.

Библиотека "Руниверс"

Семеновскаго полка выступили къ театру Омона. Командиру Ладожскаго полка полк. Мельникову, остающемуся начальникомъ отряда, занимающаго Пресненскій районъ, фабрики Прохорова, Мамонтова и Сахарнаго завода предписано періодически посылать вамъ донесенія.—Генер. штаба капитанъ Колосовъ».

На приводимомъ далѣе письмѣ помѣчено карандашомъ, когда получено: «21 декабря 1905 г. 10 час. 55 мин. утра».

XXVIII. «Ваше превосходительство! Мнѣ пришло въ голову испробовать обнаружить дружину Шмидта слѣдующимъ образомъ. Подъ угрозой заставить написать его главарямъ письма по почтѣ, которыя доставить переодѣтыми почтальонами со штемпелемъ почты. Въ письмахъ этихъ онъ долженъ написать, что его везутъ на вѣчное заключеніе или казнь, что онъ уже подкупилъ конвой, чтобы дружина его собралась за городомъ въ какомъ-нибудь лѣсу, чтобы освободить его,—и тогда сдѣлать этой дружинѣ засаду, гдѣ окружить и захватить. Для большей правдоподобности можно дать главарю отъ имени Шмидта послать денегъ для организаціи дружины. Надо дать возможность переписываться Шмидту съ дружинниками для этой цѣли. Конечно, это надо разработать, но мнѣ кажется планъ долженъ удасться.

Очень затрудняюсь въ правильности порядка опроса арестованныхъ на Прохоровской мануфактурѣ. Прошу очень спеціалиста по этой части. Очень огорченъ, что главари уже уѣхали, но можно найти слѣды, фамиліи ихъ всѣ извѣстны, паспорта здѣсь, рано или поздно они будутъ пойманы.

Нашелъ здѣсь бывшаго семеновца георгіевскаго кавалера, показанія котораго имѣютъ цѣнность. Онъ утверждаетъ, что оружія было очень мало, собственно на заводѣ, а приходили дружинники, которые и находили оружіе и заставляли дѣлать все по своему. Прилагаю его показаніе, желательно его не выдать и оградить отъ мести. Онъ могъ бы я думаю быть полезенъ впослѣдствіи.

Теперь когда будутъ извѣстны всѣ нити, распредѣленіе строеній, тѣ лица, на которыхъ можно положиться, легче будетъ организовать обыскъ, который необходимо дѣлать періодически нѣкоторое время при самомъ незначительномъ нарядѣ войскъ. Прошу указаній, куда слѣдовать сегодня по окончаніи обыска.

Въ одномъ изъ отдѣленій фабриковались бомбы, которыхъ много теперь и найдено, не знаю пока какое количество, не не менѣе 50 штукъ. Очень опасно ихъ вынимать, желательно получить спеціалиста. Очень много письменнаго матеріала, и это занимаетъ время привести въ порядокъ и послѣдовательность. Есть основаніе думать, что умышленно послали экспедицію на Сахарный заводъ, чтобы отвлечь вниманіе отъ Прохоровскаго завода, котораго обыскъ былъ важнѣе, а теперь время упущено.

Необходимо увеличить полицію, чего бы это ни стоило. Безъ нея дѣйствовать невозможно. За каждаго доставленнаго дружинника объявить призъ. Узнавать о нихъ, гдѣ они, хотя трудно, но можно, привлекая къ этому арестованныхъ. Прошу указать, куда ихъ сдать, я полагаю, что они еще нужны и людъ страхомъ смерти дадутъ цѣнныя показанія. До пріѣзда агента не уйду отсюда.

Прошу извиненія, если недостаточно связно излагаю свои мысли, которыя отъ сложности работы перепутываются. Флигель-адъютантъ полковникъ Мин. 21 декабря 1905 г.—Ковальскій механикъ женатъ, имѣетъ

Библиотека "Руниверс"

сына, жену, получаетъ 15 тыс. жалованья. Необходимо рѣшить, подлежитъ (?) ли аресту. По убѣжденіямъ соціалъ-демократъ.

Предполагавшіяся бомбочки оказались просто порохомъ. Между тѣмъ основаніе есть очень вѣское для того, что они существуютъ. Прошу прислать слѣдователя по особо важнымъ дѣламъ, такъ какъ дѣло серьезное по словамъ самого Прохорова. Полковникъ Минъ».

Далѣе на почтовомъ листкѣ съ печатнымъ оттискомъ «записка для памяти», каковые имѣлись у Ф. В. Дубасова, значится слѣдующее:

XXIX. «*Копія.—Ковальскій*, самый первый забастовщикъ и самъ, и вся семья. Онъ зналъ, что готовили бомбочки.—Николай Борисовичъ *Рожековъ*, директоръ ткацкаго корпуса и его же мастеръ Николай Прохоровъ.

Делегаты: Иванъ Гусаръ и граверъ Мазуровъ. Собраніе, парламентъ засѣдали 7 человѣкъ, сидѣли съ 1-го—9-ое декабря и чѣмъ-то все занимались, носили какія-то корзинки (Дмитрій Іоновичъ Бузининъ).

Какъ придти, всегда спрашивали, что тутъ делегаты. И ключъ у нихъ всегда находился. Для нихъ былъ выходъ въ калитку особую, чтобъ не было видно, какъ выносятъ что-либо. Курятникова опросить, какъ было дѣло въ парламентѣ, какъ работали бомбочки. Во время бомбардировки изъ всѣхъ рабочихъ никто не пострадалъ. Крупнаго оружія не было совсѣмъ, а револьверовъ было около 100 штукъ».

XXX.—На послѣднемъ конвертѣ синимъ карандашомъ рукою Дубасова написано: «донесеніе изъ Прѣсни.—21—XII». Въ конвертѣ только одна телеграмма москов. городского полицейскаго телеграфа посланная съ Прѣсненской части въ 7 час. 46 мин. вечера и полученная у ген.-губернатора въ 8 час. 51 мин. веч. Командиръ 16-го пѣхотнаго Ладожскаго полка полковникъ Мельниковъ доноситъ, что онъ вступилъ въ командованіе отрядомъ на Прѣснѣ и что штабъ отряда находится во 2-мъ Прѣсненскомъ участкѣ.

Объ экспедиціи полк. Римана подробныхъ свѣдѣній въ дѣлахъ секретнаго отдѣленія канцеляріи генералъ-губернатора нѣтъ (сохранилось одно донесеніе самого Римана отъ 27 декабря и кромѣ того читается одно указаніе непосредственно объ экспедиціи Римана въ донесеніи Мина отъ 19 декабря 1905 г.). Изъ переписки можно извлечь только слѣдующія свѣдѣнія.

15 февраля 1906 г. въ № 10748-мъ «Новаго Времени» была напечатана замѣтка о томъ, что о дѣйствіяхъ отряда лейбъ-гвардіи Семеновскаго полка, находившагося для подавленія безпорядковъ на московско-казанской дорогѣ подъ начальствомъ полковника Римана, рѣшено произвести всестороннее разслѣдованіе черезъ чиновъ отдѣльнаго корпуса жандармовъ и что съ этою цѣлью на мѣсто командированы два генерала и нѣсколько штабъ-офицеровъ. Прокурорскому надзору вмѣстѣ съ тѣмъ поручено выяснить, дѣйствительно ли принятыя отрядомъ Римана мѣры были вызваны какою либо необходимостью. Дубасовъ по поводу этого

Библиотека "Руниверс"

сообщенія заволновался и предписалъ управляющему канцеляріей Ал. Ал. Воронину немедленно запросить съ приложеніемъ данной газетной вырѣзки о томъ, на сколько это сообщеніе справедливо.

21 февр., за № 630, запросъ былъ отправленъ начальнику моск. губерн. жандармскаго управленія Вл. А. Черкасову, который, за № 5, отвѣтилъ въ тотъ же день, что у него «не имѣется никакихъ свѣдѣній къ подтвержденію сообщенія «Новаго Времени». Спустя пять лѣтъ съ небольшимъ, а именно 6 іюля 1911 г. за № 11610, по отдѣленію судному окружный дежурный генералъ Ѳедотовъ обратился къ управляющему канцеляріей генералъ-губернатора съ просьбой «выдать справку изъ дѣлъ канцеляріи генералъ-губернатора о командированіи отряда лейбъ-гвардіи Семеновскаго полка подъ начальствомъ полковника Римана 1-го въ московскій округъ на ст. Перово, Голутвино и Ашитково московско-казанской жел. дороги въ декабрѣ 1905 года вр. и. д. завѣдывающаго судебной частью штаба округа поручику Романову». 9 іюля 1911 г., за № 138, Гордѣнавъ отвѣчалъ «секретно» (на отношеніи генер. Ѳедотова никакой надписи *секретно* нѣтъ), что о командированіи отряда Римана въ декабрѣ 1905 г. «свѣдѣній въ канцеляріи не имѣется», сообщивъ при этомъ о копіяхъ телеграммъ, которыя имѣются во 2-мъ томѣ дѣла № 154—1905 г. и которыя даютъ на этотъ вопросъ нѣкоторыя указанія.

17 декабря 1905 г. Дубасовъ срочно телеграфировалъ рязанскому губернатору, что «командированный по Казанской дорогѣ отрядъ Семеновскаго полка для умиротворенія желѣзной дороги можетъ прибыть 18-го. Рязань» и что надлежитъ «оказать ему полное содѣйствіе по поимкѣ главарей, не допуская ихъ скрыться въ городѣ». Того же числа начальникъ штаба баронъ Раушъ телеграфировалъ Риману въ Коломну, что «предоставляется вашему усмотрѣнію для полнаго очищенія линіи слѣдовать до Рязани или ограничиться Коломной» и что соотвѣтственныя власти «освѣдомлены для оказанія содѣйствія». Наконецъ, того же числа окружной генералъ-квартирмейстеръ Шейдеманъ срочно телеграфировалъ начальнику гарнизона въ Рязани, что «командующій войсками приказалъ оказать полное содѣйствіе командированному по линіи отряду Семеновскаго полка, на который возложено прекратить мятежное движеніе среди желѣзнодорожныхъ служащихъ». 18-го дек. Дубасовъ запрашиваетъ рязанскаго губернатора о томъ, что ему «извѣстно объ экспедиціи полковника Римана», а 19-го губернаторъ графъ Татищевъ отвѣчалъ, что «по имѣющимся свѣдѣніямъ экспедиція находится Голутвинѣ, ожидается Рязань 20-го».

Повидимому, Риманъ былъ командированъ Дубасовымъ словесно. Намекъ на такія словесныя разрѣшенія вопросовъ можно усматривать въ приведенномъ выше распоряженіи В. Ф. Джунковскаго относительно обысковъ на станціи Химки

Библиотека "Руниверс"

Разгромленная Пресня.

5. Одно изъ зданій на Преснѣ послѣ пожара.

6. Одно изъ зданій на Преснѣ послѣ пожара.

Библиотека "Руниверс"

Библиотека "Руниверс"

IV.

Официальныя донесенія усмирителя мятежной Пресни представляется интереснымъ сопоставить съ нѣкоторыми свѣдѣніями, идущими съ самой Пресни или вообще отъ населенія. Въ пресненскомъ, какъ и въ другихъ полицейскихъ домахъ происходили избіенія. Такъ «рабочіе и низшіе служащіе городскихъ предпріятій и учрежденій»—19 декабря обратились съ особымъ заявленіемъ на имя московскаго городского головы Н. И. Гучкова такого содержанія: «Рабочее правленіе доводитъ до свѣдѣнія вашего, что въ полицейскихъ частяхъ производится безчеловѣчное избіеніе всѣхъ задержанныхъ и арестованныхъ. Избіеніе производится при участіи городовыхъ и пожарныхъ. Въ депо Пречистенской части пожарные послѣ двухдневнаго избіенія отказались отъ участія въ таковомъ, такъ какъ даже они находятъ истязанія арестованныхъ ужасными. Рабочее правленіе проситъ васъ принять всѣ зависящія отъ васъ мѣры, чтобы помочь арестованнымъ и прекратить истязанія.—Предсѣдатель Красниковъ. Секретарь В. Тимофеевъ».

Городской голова мѣры принялъ: онъ переслалъ копію этого заявленія генералъ-губернатору, а послѣдній, быть можетъ, и не видалъ его; на препроводительной бумагѣ Н. И. Гучкова отъ 20 декабря 1905 г., кто то, повидимому А. А. Воронинъ, управляющій канцеляріей, помѣтилъ: «къ свѣдѣнію 21. XII».

Дирекція завода В. Грачевъ и К. Ф. Васильевъ и П. Верхоланцевъ подали 18 декабря такое заявленіе: «Въ субботу 17 декабря около трехъ часовъ дня три гранаты влетѣли во владѣніе завода В. Грачевъ и К. въ концѣ владѣнія, выходящаго на Малую Грузинскую. Есть свѣдѣнія о другихъ гранатахъ, влетѣвшихъ въ сосѣднія владѣнія. Выстрѣлы имѣли, несомнѣнно, направленіе изъ-за заставы въ городъ. Просить принять мѣры къ огражденію покинутыхъ жителями домовъ Пресни и Грузинъ, отъ грабежа и погрома хулиганами. Сдѣлать распоряженіе о несмѣшиваніи убѣгающихъ изъ домовъ жителей со скопляющимися кучками».

Членъ городской управы М. И. Приклонскій писалъ, что 18 декабря въ 2 часа дня въ городскую думу явился базарный смотритель Ал. В. Звѣревъ и заявилъ: «стрѣльба на улицѣ, гдѣ онъ проживалъ, Нижне-Прудовая между Горбатымъ и Пресненскимъ мостами, началась съ обоихъ мостовъ съ 7-ми часовъ орудіями; одна граната попала въ домъ заявителя, но не разорвалась. Стрѣльба ружьями производилась съ пресненской каланчи и съ церкви Покрова и стрѣляли во всѣхъ, кто показывался на улицу или во дворъ. Дворникъ дома, когда высунулся изъ дома, былъ убитъ наповалъ».

Библиотека "Руниверс"

Стрѣльба шла безъ смысла, безъ цѣли, безъ нужды... и, казалось, соперничала съ истязаніями въ полицейскихъ домахъ.

Наконецъ, цѣлую картинку происходившаго на Преснѣ даетъ въ своемъ заявленіи присяжный повѣренный Ал. П. З—въ. Послѣднее озаглавлено:

О событіяхъ 17—19 декабря 1905 года.

1. «*Сожженіе Пресни.* По газетнымъ сообщеніямъ пожары на Преснѣ были произведены артиллерійскими снарядами. Въ дѣйствительности же происходило нѣчто гораздо худшее и при томъ совершенно безсмысленное: большинство этихъ пожаровъ, а можетъ быть и всѣ они произведены были путемъ простыхъ поджоговъ, а не артиллеріей: солдаты зажигали дома обреченные пламени, прямо предупреждая о томъ жильцовъ: въ день страшной канонады 17 декабря предупрежденія эти дѣлались за нѣсколько минутъ (можетъ быть за полчаса) и выносить имущество не позволяли—разрѣшалось лишь самимъ выйти на улицу; на слѣдующій день позволено было спасать (заранѣе) и имущество.

Въ нѣкоторыхъ случаяхъ дѣло ограничивалось угрозою поджогомъ, который затѣмъ отмѣняли. Такъ единогласно свидѣтельствовали всѣ тѣ бѣглецы съ Пресни, шедшіе мимо моей квартиры, къ которымъ я обращался съ вопросомъ о причинѣ пожаровъ.

Что дѣло было такъ—лучшее доказательство въ томъ, что 18 декабря на Преснѣ произошли подрядъ 3 большихъ пожара, занявшіе по горизонту линію не менѣе полуверсты (съ очень небольшими интервалами), которые начались въ 9—11 час. вечера, тогда какъ артиллерійская пальба окончилась въ этотъ день до 2 час. дня (при чемъ было произведено всего 8 выстрѣловъ); а съ другой стороны и то, что въ другихъ частяхъ города, гдѣ канонада тоже была жестокая, пожаровъ однако же почти совсѣмъ не было, тогда какъ на Преснѣ было не менѣе 11—12 пожаровъ въ теченіе только двухъ дней».

2. «Сообщенія газетъ о томъ, что берегъ и ледъ Москвы рѣки былъ «усѣянъ» убитыми и ранеными—не вѣрно. Въ страшный день 17 декабря на льду рѣки около Пресни лежало только 3 тѣла. Одинъ изъ «убитыхъ» лежавшій около фабрики Прохорова, пролежавъ нѣсколько часовъ, потомъ всталъ и ушелъ. (Онъ находился далеко отъ солдатъ). Изъ другихъ двухъ одинъ часто шевелился, въ продолженіе нѣсколькихъ часовъ, но никто изъ солдатъ къ нему не подходилъ, хотя въ разстояніи шаговъ 70 отъ него стоялъ на берегу отрядъ не менѣе 50 солдатъ, частныя лица конечно, тоже не подходили: они рискнули на это, лишь когда стало темнѣть и солдаты ушли; но черезъ нѣсколько минутъ гдѣ-то по близости раздались выстрѣлы изъ ружей, и публика (чел. 10—15) разбѣжалась. Это видѣлъ своими глазами и я самъ и множество другихъ лицъ.

Такъ исполнялось объявленіе т. Дубасова о помощи раненымъ.— Два тѣла, о которыхъ сказано выше, валялись на льду неубранными еще и на слѣдующій день часовъ до 11—12 утра».

3. «18 декабря утромъ на это же мѣсто былъ приведенъ солдатами студентъ и разстрѣлянъ. Это фактъ. Говорятъ, что преступленіе студента заключалось въ томъ, что у него былъ найденъ револьверъ».

4. «Обыски производятся у прохожихъ во всякое время дня, безо всякихъ основаній, по простому усмотрѣнію городового. Отъ нѣсколькихъ

Библиотека "Руниверс"

лицъ я слышалъ, что при этомъ отбираются деньги. И это вполнѣ естественно, разъ подобная соблазнительная операція поручена простымъ солдатамъ и городовымъ, и при томъ еще переодѣтымъ, подъ видомъ которыхъ могутъ дѣйствовать и другія лица».

5. «По вечерамъ въ совершенно пустыхъ переулкахъ часто раздаются крайне подозрительные выстрѣлы, вызывающіе въ жителяхъ вѣчную тревогу (опасенія разстрѣла домовъ), всяческія подозрѣнія и угрозы убійствомъ тѣмъ, кого они подозрѣваютъ въ этой нелѣпой стрѣльбѣ. Такіе факты мнѣ тоже извѣстны.

Выстрѣлы эти производятся въ иныхъ случаяхъ систематически, каждый вечеръ, на одномъ и томъ же мѣстѣ, не вызывая преслѣдованія со стороны полиціи, и вообще принадлежатъ повидимому провокаторамъ» (Дѣло № 154—1905 г., т. III, ч. I, лл. 133—134).

17 и 18 декабря 1905 г. были рѣшающими днями для вооруженнаго возстанія въ Москвѣ. 16 декабря еще поступали запросы, что дѣлается съ Москвой...

На телеграмму генералъ-адъютанта Максимовича изъ Саратова отъ 16 декабря о томъ, что «полное отсутствіе вѣрныхъ свѣдѣній происходящемъ Москвѣ порождаетъ опасные толки, способствуетъ распространенію тенденціозныхъ слуховъ цѣлью вызвать открытые безпорядки» и что «для успокоенія жителей» необходимо «скорѣйшее сообщеніе дѣйствительномъ положеніи дѣлъ», Ф. Дубасовъ 17 декабря отвѣчалъ такъ: «Мятежное движеніе, охватившее Москву съ самаго же начала успѣшно подавляется. Благодаря доблестному и самоотверженному поведенію войскъ, а также полиціи, упорное сопротивленіе мятежниковъ признаю теперь сломленнымъ. Со вчерашняго дня всѣ желѣзныя дороги, бастовавшія за исключеніемъ Николаевской, находятся въ рукахъ войскъ и движеніе на нихъ возстанавливается служащими. Московско-Курская уже приступила къ отправленію поѣздовъ по росписанію. Мирная общественная жизнь столицы возстанавливается».

Эта телеграмма была отправлена Максимовичу уже послѣ поступленія въ ночь съ 16 на 17 декабря телефонограммы П. Н. Дурново: «Станція Кушкая близъ Твери разграблена мятежными рабочими, которые повредили путь и разрушили телеграфъ; необходимо снарядить небольшой отрядъ и уничтожить мятежниковъ, ибо иначе сообщеніе съ Петербургомъ можетъ быть прерываемо. Если возможно сдѣлайте это».

18 декабря 1905 г., командующій войсками московскаго военнаго округа Н. Н. Малаховъ по строевому отдѣленію писалъ Ф. Дубасову: «Вчерашній мятежъ, поднятый въ стѣнахъ первопрестольной столицы революціонными партіями, подавляется всѣми наличными войсками гарнизона города Москвы, честно исполняющими долгъ присяги обожаемому государю и родинѣ. Сердечное спасибо его имп. вел—ва за безупречное поведеніе войскъ въ эти дни, объявленное вслѣдствіе удостовѣренія

Библиотека "Руниверс"

вашего п—ва, усугубило рвеніе войскъ по подавленію мятежа. Въ своемъ доблестномъ составѣ войска несутъ эту тяжелую службу безсмѣнно при самыхъ неблагопріятныхъ условіяхъ, не только безъ устали, но съ увлеченіемъ, сопровождаемымъ высокопатріотическимъ порывомъ. При такихъ условіяхъ сочувствіе лучшихъ гражданъ Москвы, выразившееся въ пожертвованіи 16,000 руб. для раздачи денежной награды, являясь лестной оцѣнкой этой службы, особенно дорого доблестнымъ войскамъ гарнизона. Вмѣстѣ съ симъ я позволяю себѣ принести вашему п—ву отъ себя и войскъ московскаго гарнизона глубокую благодарность за оцѣнку дѣятельности войскъ, которую вы неоднократно дѣлали какъ въ донесеніяхъ государю императору, такъ и письмѣ ко мнѣ. Прошу также васъ передать жертвователямъ отихъ денегъ сердечную благодарность войскъ за такое выраженіе ихъ признательности войскамъ». 18 декабря «сочувствіе лучшихъ гражданъ Москвы» въ суммѣ 16,000 руб. получило официальную санкцію, а уже наканунѣ, т. е. 17 декабря, за № 245, главнокомандующій войсками гвардіи и петербургскаго военнаго округа вел. князь Николай Николаевичъ отправилъ Ф. Дубасову письмо такого содержанія:

«Федоръ Васильевичъ, принимая во вниманіе, что положеніе въ Москвѣ значительно улучшилось, между тѣмъ потребность въ войсковыхъ частяхъ въ Петербургѣ и его окрестностяхъ очень велика, а положеніе въ Эстляндской губерніи вызываетъ новыя командированія, прошу л.-гв. Семеновскій полкъ не задерживать болѣе и вернуть его обратно въ Петербургъ вмѣстѣ съ частями артиллеріи и конницы, командированными въ Москву. Глубоко васъ уважающій Николай». Получивъ это письмо 18 декабря Дубасовъ затребовалъ справку отъ генералъ-маіора Шейдемана, который собственноручно ее написалъ и того же числа представилъ генералъ-губернатору. Справка эта цѣнна и даетъ слѣдующія свѣдѣнія:

«Московскій гарнизонъ во все время безпорядковъ съ 7-го по 18-е декабря располагалъ 14 ротами для активныхъ дѣйствій (700 штыковъ) и 13 ротами для занятія вокзаловъ и важнѣйшихъ учрежденій (650 штыковъ). Всего внѣ казармъ насчитывалось 1,350 штыковъ. Ко времени прибытія Семеновскаго и Ладожскаго полковъ признано было необходимымъ занять вокзалы, на что потребовалось еще 14 ротъ (700 штыковъ). Послѣ занятія вокзаловъ остается для активныхъ дѣйствій и для обороны Кремля 6 ротъ (300 штыковъ). Остальныя семь ротъ охраняютъ важнѣйшія учрежденія (государственный банкъ, телеграфъ, телефонъ, почту, водопроводъ, тюрьмы и т. п.)». Отпуска отвѣта Дубасова великому князю не имѣется, но есть собственноручный черновой набросокъ отвѣта генералъ-губернатора:

«Ваше императорское высочество. Въ отвѣтъ на ваше письмо въ подтвержденіе уже доложеннаго мною по телефону имѣю честь доложить, что при настоящемъ состояніи московскаго гарнизона въ немъ насчитывается всего 37 ротъ пѣхоты, изъ которыхъ за расходомъ 10 ротъ для

Библиотека "Руниверс"

охраны казармъ, остается для охраненія другихъ учрежденій и для активныхъ дѣйствій лишь 27 ротъ или 1350 челов. Такимъ образомъ, для противодѣйствія напору мятежниковъ непрерывно продолжавшемуся съ 7-го по 16-е декабря я могъ противопоставлять лишь 1,350 штыковъ, вслѣдствіе чего до прибытія Семеновскаго и Ладожскаго полковъ не представлялось даже возможнымъ занимать станціи желѣзныхъ дорогъ и эти послѣднія оставались въ рукахъ мятежниковъ. Съ прибытіемъ этихъ двухъ полковъ, Семеновскаго въ составѣ 16-ти и Ладожскаго 8 ротъ, или всего 1,200 чѣлов., силы гарнизона сразу увеличились вдвое, что мнѣ и дало возможность сейчасъ же овладѣть желѣзными дорогами, а также перейти на всѣхъ пунктахъ въ наступленіе. Если бы я располагалъ этими силами раньше, то все движеніе уже было бы подавлено. Но теперь для этого необходимо еще нѣкоторое время, и для того, чтобы мы опять не очутились въ безпомощномъ положеніи, я усердно прошу ваше имп. выс—во пока не отзывать присланные полки. Положеніе вещей въ настоящую минуту дѣйствительно улучшилось, не не настолько, чтобы позволить безъ опасенія ослабить силы гарнизона. Дня черезъ три я надѣюсь совсѣмъ раздавить всѣ мятежническія проявленія, и тогда Семеновскій полкъ можетъ сейчасъ же выступить обратно въ Петербургъ. Позвольте мнѣ принести вашему имп. выс—ву самую усердную и горячую благодарность за оказанное содѣйствіе и увѣреніе въ моей глубокой и искренней преданности». Не утверждая, что письмо было отправлено въ этой редакціи безъ всякихъ измѣненій, надо все таки признать, что оно было первѣйшимъ выраженіемъ мыслей Ф. В. Дубасова по поводу письма Н. Н. Романова, весьма интереснымъ для переживавшагося тогда момента.

17 декабря о возвращеніи обратно въ Петербургъ Семеновскаго полка хлопоталъ вел. князь Николай, а 21 декабря изъ Царскаго Села была послана царемъ Николаемъ II телеграмма Ф. Дубасову, изъ которой видно, что царь интересовался возвращеніемъ обратно въ Петербургъ Семеновскаго полка не менѣе великаго князя Николая. «Когда вы думаете отпустить Семеновскій, прошу его не задерживать въ Москвѣ. Сумма сто тысячъ отпущена въ ваше распоряженіе для раздачи исключительно мирному населенію, пострадавшему при подавленіи мятежа. Сообщите мнѣ точныя свѣдѣнія о потеряхъ въ войскахъ и полиціи.—Николай».

Объ отпускѣ суммы въ 100 тысячъ рублей Ф. Дубасовъ уже зналъ изъ телеграммы С. Ю. Витте къ нему отъ 20 декабря 1905 г., послѣдовавшей какъ бы въ отвѣтъ на его телеграмму царю отъ 19 декабря:

«Всеподданнѣйше доношу Вашему Императорскому Величеству, что при дѣйствіяхъ войскъ противъ мятежниковъ неизбѣжно пострадало мирное вѣрноподданное населеніе столицы потерявшее убитыми и ранеными членовъ семей мужчинъ, женщинъ и даже дѣтей, а также оставшееся безъ крова вслѣдствіе уничтоженія или поврежденія многихъ жилищъ артиллерійскимъ огнемъ.

Библиотека "Руниверс"

Для общественнаго настроенія данной минуты было бы въ высшей степени желательнымъ показать столичному населенію, что правительство суровою рукою карающее преступниковъ полно отеческой заботы о невинно пострадавшихъ. Осмѣливаюсь поэтому усердно просить Ваше Императорское Величество повелѣть мнѣ объявить обывателямъ Москвы, что правительство придетъ теперь же на помощь пострадавшимъ и облегчитъ ихъ тяжелое положеніе въ формѣ и размѣрѣ, какіе благоугодно будетъ указать Вашему Императорскому Величеству. Число жертвъ приводится въ извѣстность, для первой же безотлагательной помощи пострадавшимъ позволяю себѣ просить о повелѣніи перевести въ мое распоряженіе хотя бы сто тысячъ рублей. Генералъ-Адъютантъ Дубасовъ». Несомнѣнно послѣ этой телеграммы и до полученія телеграммы царя Николая, приведенной далѣе, Ф. Дубасовъ писалъ вел. кн. Николаю Николаевичу: «Во всеподданнѣйшемъ докладѣ, копію коего я позволяю себѣ при семъ представить вашему имп. высочеству, изложенъ вопросъ, имѣющій при настоящихъ обстоятельствахъ прямое отношеніе къ государственной оборонѣ.

Въ революціонномъ движеніи, охватившемъ собою многія мѣстности Россіи, Москва, какъ сердце ея, не даромъ была избрана мятежниками цѣлью преступныхъ ударовъ. Но по этимъ же причинамъ, именно изъ Москвы долженъ быть нанесенъ смертельный ударъ врагу, который позволяетъ себѣ дерзко посягать на государственную безопасность.

При настоящемъ численномъ составѣ московскаго гарнизона нанести такой смертельный ударъ если бы въ томъ встрѣтилась надобность, невозможно; а потому я и почелъ своимъ долгомъ ходатайствовать передъ Государемъ Императоромъ, объ усиленіи московскаго гарнизона, теперь же однимъ армейскимъ корпусомъ изъ числа прибывающихъ съ Дальняго Востока.

Важное значеніе этой мѣры для государственной охраны и всестороннее вниманіе, которое вамъ всегда угодно удѣлять такимъ вопросамъ, даютъ мнѣ смѣлость надѣяться, что Ваше Императорское Высочество не откажете въ милостивой поддержкѣ моего ходатайства передъ Его Императорскимъ Величествомъ. Всепреданнѣйшій слуга Вашего Императорскаго высочества».

Одновременно съ письмомъ великому князю Николаю Николаевичу было отправлено еще приводимое далѣе письмо очень высокаго интереса, письмо, которымъ вскрывается миссія барона Штакельберга, командированнаго Ф. Дубасову царемъ. Письмо не только ссылается на особый докладъ, упоминаемый въ вышеприведенномъ обращеніи Ф. Дубасова къ великому князю Николаю Николаевичу, но упоминаетъ еще о какомъ-то проектѣ преобразованій въ военномъ и гражданскомъ управленіи Москвою и Московской губерніей, составленномъ Ф. Дубасовымъ. Вотъ это письмо:

Библиотека "Руниверс"

«Милостивый Государь, баронъ Владиміръ Борисовичъ! Государю Императору благоугодно было въ тяжелыя минуты борьбы съ вспыхнувшимъ въ Москвѣ мятежническимъ возстаніемъ, командировать въ мое распоряженіе генералъ-лейтенанта барона Штакельберга.—Въ трудномъ положеніи, которое охарактеризовано мною въ представляемомъ Государю Императору докладѣ, помощь человѣка обладающаго столь обширными военнымъ знаніемъ и опытностью, какъ баронъ Штакельбергъ—была для меня неоцѣненна.—Столь же цѣннымъ для меня были всѣ указанія, въ которыхъ выразились взгляды барона Штакельберга на тѣ преобразованія въ военномъ и гражданскомъ управленіи Москвою и Московскою губерніею, о которыхъ я ходатайствую передъ Государемъ Императоромъ.

Въ настоящую минуту оказаннымъ мнѣ во всемъ этомъ содѣйствіемъ, исчерпывается миссія барона Штакельберга и я, съ своей стороны, не имѣлъ бы основанія долѣе его здѣсь удерживать. Но такъ какъ баронъ Штакельбергъ былъ посланъ въ Москву по повелѣнію Государя Императора, то я и позволяю себѣ покорнѣйше просить ваше высокопревосходительство личнымъ докладомъ испросить указанія Его Величества относительно барона Штакельберга».

Наконецъ, 26 декабря въ 4 час. 45 мин. по пид. изъ Царскаго Села была отправлена царемъ категорическая телеграмма, показывавшая, что мѣра терпѣнія царя Николая переполнилась: «Москва. Генералъ-Губернатору. Лейбъ-гвардіи Семеновскій полкъ подлежитъ возвращенію въ Петербургъ 31 декабря. Николай». Очевидно, что далѣе вести переговоры было уже нельзя.

Эта телеграмма 26 декабря столь же категорична, какъ и телефонограмма 22 декабря 1905 г.: «Государь Императоръ, по всеподданнѣйшему докладу военнаго министра, 17 сего декабря Высочайше указать соизволилъ, что на выстрѣлы войска обязаны отвѣчать выстрѣлами же и сокрушать малѣйшее поползновеніе вооруженнаго сопротивленія. О таковой Высочайшей волѣ, сообщенной командующимъ войсками, увѣдомляю васъ для свѣдѣнія. Управляющій министерствомъ внутреннихъ дѣлъ Дурново».

Декабрьскія событія въ Москвѣ очень смутили петербургскія сферы. Они долго не могли успокоиться. И въ то время, какъ разсуждающее большинство въ Москвѣ было увѣрено, что всякое движеніе затихло по крайней мѣрѣ на десятилѣтіе, министръ внутреннихъ дѣлъ П. Н. Дурново 17 марта 1906 г. прислалъ Ф. Дубасову едва ли на чемъ нибудь серьезномъ основанную телеграмму: «По имѣющимся агентурнымъ свѣдѣніямъ въ Москвѣ весьма неблагополучно. Независимо отъ всеобщей забастовки, которая будто бы послѣдуетъ на-дняхъ, въ Москвѣ все готово къ безотлагательному вооруженному возстанію. Означенныя свѣдѣнія обязываютъ принять необходимыя мѣры предосторожности и быть готовымъ при малѣйшей попыткѣ къ учиненію безпорядковъ подавить ихъ самымъ рѣшительнымъ образомъ».

Въ тотъ же день Ф. Дубасовъ внушительно и съ достоинствомъ

Библиотека "Руниверс"

телеграфировалъ министру въ отвѣтъ: «Всѣ мѣры предосторожности приняты и при малѣйшемъ проявленіи мятежнаго движенія ему будетъ нанесенъ самый рѣшительный ударъ. Но всѣми имѣющимися здѣсь указаніями опровергаются сообщаемыя о весьма неблагополучномъ состояніи Москвы свѣдѣнія. Ни забастовки, ни вооруженнаго возстанія не ожидаю». Именно на эту послѣднюю телеграмму, повидимому, П. Н. Дурново телеграфировалъ Ф. Дубасову 20 марта: «сообщенныя мною вамъ свѣдѣнія не имѣютъ характера достовѣрности».

Еще въ февралѣ 1906 г. Дубасовъ продолжалъ неизмѣнно возражать противъ всякаго ослабленія военныхъ силъ въ Москвѣ. Въ отвѣтъ на рапортъ начальника штаба московскаго военнаго округа барона Раушъ-фонъ-Траубенберга отъ 14 февраля о томъ, что 16-й пѣхотный Ладожскій полкъ главнымъ штабомъ приказано теперь же отправить въ г. Митаву и при томъ не позднѣе 17 февраля, Ф. Дубасовъ писалъ начальнику штаба, что «въ соотвѣтствіи съ общимъ положеніемъ дѣла, я съ своей стороны нахожу нежелательнымъ хоть сколько нибудь продолжительное ослабленіе московскаго гарнизона являющееся неизбѣжнымъ послѣдствіемъ отправленія изъ Москвы Ладожскаго полка, ранѣе замѣны его равносильною воинскою частью». Далѣе Ф. Дубасовъ проситъ ему сообщить опредѣленныя свѣдѣнія, чѣмъ предполагается замѣнить этотъ полкъ изъ состава 3-ей пѣхотной дивизіи: «Какая именно воинская часть предназначена для такой замѣны, гдѣ она нынѣ находится, и сдѣлано ли уже надлежащее распоряженіе о прибытіи ея въ Москву къ опредѣленному сроку».

20 февраля, за начальника штаба ген.-маіоръ Шейдеманъ рапортовалъ, что «въ виду крайне малочисленнаго состава старослужащихъ нижнихъ чиновъ во всѣхъ пѣхотныхъ частяхъ округа (и то при условіи значительнаго напряженія) для несенія караульной службы въ гарнизонахъ, не представляется никакой возможности немедленно замѣстить выбывшій изъ Москвы 16-й пѣхотный Ладожскій полкъ командированіемъ въ Москву какой-либо войсковой части изъ другого пункта округа». Обѣщано далѣе исхлопотать, чтобы изъ головныхъ эшелоновъ 3-й пѣхотной дивизіи были направлены два баталіона непосредственно въ Москву; отправленіе этой дивизіи изъ Харбина началось 1 февраля. Наконецъ, 27 февраля 1906 г., генералъ баронъ Раушъ рапортовалъ Дубасову, что «въ виду непрекращающихся слуховъ о готовящихся новыхъ крупныхъ безпорядкахъ въ г. Москвѣ, временно командующій войсками приказалъ теперь же вызвать въ г. Москву одинъ эскадронъ 1-го лейбъ-драгунскаго московскаго полка, два эскадрона 2-го драгунскаго с.-петербургскаго полка и конную батарею».

Московское вооруженное возстаніе занимаетъ центральное мѣсто въ общественномъ движеніи 1905 года, а въ центрѣ перваго ярко выдвигается разгромъ Пресни, который неподражаемо изобразилъ пріемы

Библиотека "Руниверс"

самодержавно-бюрократическаго строя въ борьбѣ съ революціей. Въ 1905 г. русская революція едва выдержала экзаменъ въ VIII-ой классъ старой гимназіи и начала готовиться къ экзамену на аттестатъ зрѣлости. Эта подготовка началась съ наблюденій надъ практикой, какъ разъ московскаго возстанія. Не даромъ конспектъ лекціи «Наша тактика въ проведеніи вооруженнаго возстанія», изданный костромскимъ окружнымъ комитетомъ Росс. Соц.-Дем. Раб. партіи, начинается такими словами: «Принимая во вниманіе буржуазно-демократическій характеръ русской революціи, а также уроки и ошибки французской революціи 1871 года (см. «Исторію парижской коммуны» Бакe) и *московскаго возстанія 1905 г.*, мы должны остановиться на самой рѣшительной тактикѣ, принимая за мишень этой тактики полицейско-самодержавный строй и его представителей. Въ свою тактику мы должны положить слѣдующія начала: 1) Раздѣленіе силъ противника (поднятіе возстанія одновременно въ нѣсколькихъ пунктахъ). 2) Изолированіе (разъединеніе) силъ противника (всеобщая забастовка, разрушеніе подъѣздныхъ путей телеграфа, телефона и др.). 3) Быстрое вооруженіе народныхъ массъ за счетъ правительственныхъ складовъ оружія (захватъ арсеналовъ и боевыхъ припасовъ). 4) Разоруженіе всей полиціи, а также и войскъ, противодѣйствующихъ возстанію. 5) Поддержаніе связи между возставшими, взаимная ихъ поддержка и помощь. 6) Строгая дисциплина повстанцамъ и ихъ подчиненіе директивамъ Р. С.-Д. Р. партіи. 7) Немедленная организація новой правящей власти—революціоннаго правительства на мѣсто уничтоженнаго стараго. 8) Проведеніемъ вооруженнаго возстанія, а послѣ охрану пріобрѣтенныхъ правъ вѣдаетъ Военный Комитетъ—автономная часть революціоннаго правительства. 9) Усиленная дѣятельность партизанскихъ отрядовъ». Такова была программа, испытанія на аттестатъ зрѣлости, которую ставило себѣ время послѣ 1905 года и которая подлежитъ теперь историко-научному освѣщенію послѣ великаго революціоннаго водоворота 1917 года.

Василій Сторожевъ.

Библиотека "Руниверс"

Мелочи прошлаго.

Молитва соціалъ-демократа.

Раннимъ утромъ встаетъ соціалъ-демократъ,
Членъ великой, россійской, единой,—
Пролетарскую плоть въ буржуазный халатъ
Облекаетъ съ суровою миной.
Поплескавши небрежно на личность водой
И объ массѣ подумавъ при этомъ,
На колѣни онъ палъ предъ иконой святой,—
Предъ великаго Маркса портретомъ.
„О, великій учитель", воскликнулъ С.-Д.
„Ты, чья догма всегда непреложна,
„Ты, чья схема навѣкъ приложима вездѣ,
„Чьи слова измѣнять невозможно,—
„Повели, чтобъ С. Р-ы не знали побѣдъ.
„Чтобъ С. Р-овъ разрушились козни,
„Чтобы даже младенцы смотрѣли на свѣтъ
„Съ точки зрѣнія классовой розни.
„Повели, чтобы шли мы всегда впереди,
„Чтобы пала общинная Троя
„И деревни, учитель, скорѣй поведи
„По пути буржуазнаго строя,—
„Чтобы скорѣе создалъ капиталъ батрака,
„Чтобы крупныя ввелъ производства,
„Чтобъ скорѣй, оторвавъ отъ земли мужика,
„Далъ ему съ пролетаріемъ сходство;
„Повели, чтобъ проклятый аграрный вопросъ
„Сталъ скорѣе аграрнымъ отвѣтомъ,
„И устрой это такъ, чтобъ еще длинный носъ
„Получили С. Р-ы при этомъ"...
Такъ молился С. Д. К., возставъ ото сна,
Но въ отвѣтъ на мольбу соціала
Марксъ изрекъ: „отойди отъ меня, сатана,
И прочти третій томъ Капитала!"

Это шуточное стихотвореніе въ 1905—6 гг. получило широкое распространеніе и въ свою очередь вызвало аналогичную пародію на соц.-революціонеровъ, которое, къ сожалѣнію, не сохранилось въ нашемъ архивѣ. Авторомъ стихотворенія является извѣстный теперь писатель М. А. Ильинъ (Осоргинъ).

Библиотека "Руниверс"

Дневникъ члена Учредительнаго Собранія.

1. Встрѣча Новаго года.

1 января. Наша с.-р.-ская фракція «учредиловцевъ» встрѣчаетъ Новый годъ въ тѣсномъ помѣщеніи гимназіи Гуревича на Лиговкѣ. Народу много, бутерброды обильные чаю—сколько влѣзетъ—отъѣдаемся отъ дневной голодовки и не завидуемъ лѣвымъ «буржуямъ» въ Асторіи, но... тоска, сѣрая тоска на лицахъ.

Узнаемъ объ арестѣ румынскаго посланника. Тоже—лицо «священное» какъ и мы. И у каждаго въ душѣ—червякъ ѣдучій копошится: подъ какимъ соусомъ скушаетъ, совѣтская власть нашу депутатскую неприкосновенность. подъ краснымъ—разстрѣла, или бѣлымъ—простого разгона?..

Артисты, которыхъ ждали—не пріѣхали. Вмѣсто нихъ мобилизовали доморощенные таланты и на крохотной сценѣ одинъ за другимъ выступаютъ въ новой роли депутаты: поэты—крестьяне, пѣвцы—украинцы, бывшіе каторжане—декламаторы. Любительскія дарованія не выше уѣздныхъ, вкусы тоже уѣздные. Не взыщите, мы—хорошій, честный народъ, и въ совокупности наши 200 депутатовъ отсидѣли 1000 годовъ каторги и тюрьмы, но въ массѣ это — chaire à canon революціи 1905 года. Гдѣ вы, сильные, смѣлые, яркіе вожди народнаго движенія, гдѣ вы—государственные мужи, опытные и свѣдущіе? Ау... откликнитесь... спасайте насъ, себя, родину... погибаемъ!...

Вотъ онъ нашъ «несравненный» «боецъ, сѣдокудрявый» вступилъ на скрипучія половицы подмостковъ... Все та же, надоѣвшая большей половинѣ, трескучая риторика, ложноклассическій пафосъ, заученные жесты... «Провинціальный трагикъ», какъ назвалъ его одинъ изъ товарищей.... И онъ будетъ черезъ четыре дня играть главную, самую отвѣтственную роль въ исторической трагедіи, постановки которой наши предки и мы ждали сто лѣтъ. Что дѣлать: онъ наиболѣе удобенъ для той «викжелистой» политики, какую сейчасъ ведетъ бюро; онъ не запятналъ себя «оборончествомъ» и всегда былъ злѣйшимъ врагомъ Керенскаго. Его способны слушать его «ученики»—лѣвые с.-р., я самъ слышалъ отъ нихъ, какъ они себя называли его учениками. Да, наконецъ,

Библиотека "Руниверс"

у насъ нѣтъ никого, кто бы могъ его замѣнить... «*Нѣтъ людей*» этотъ «стонъ» раздается въ нашемъ лагерѣ съ самаго начала революціи... Мы всѣ—такіе маленькіе, а событія такія громадныя: карлики по росту, мы вынуждены напяливать на себя доспѣхи, сработанные для боя титановъ, брать въ свои кукольныя ручонки мечъ-кладенецъ...

Подъ казенные аплодисменты онъ заканчиваетъ свою рѣчь. Выступаетъ новый ораторъ, небольшого роста, съ мелкими незамѣтными чертами лица. Разсказываетъ просто, ярко, образно и остроумно про три встрѣчи съ жандармскимъ, бывшимъ гвардейскимъ полковникомъ—въ маѣ, августѣ и декабрѣ. Три встрѣчи—три метаморфозы: при первой полковникъ въ формѣ, довольно приличенъ, вѣжливъ, милъ, но грустенъ, находится за штатомъ: однако, на рукахъ у него еще золотыя кольца, хотя браслеты исчезли... При второй встрѣчѣ—форма исчезла, пропали кольца; оборванный пиджакъ и брюки съ бахромой; близокъ по виду къ нашимъ хитровцамъ. При третьей—опять въ формѣ безъ погонъ, съ кольцами, видъ самоувѣренный, въ богатомъ ресторанѣ за весьма солиднымъ обѣдомъ... Таврическій его ниспровергъ, Зимній—заставилъ покатиться въ бездну босячества, но Смольный—вырвалъ изъ бездны и снова поднимаетъ на высоты богатства и власти. Недаромъ товарищи-втородумцы и третьедумцы уже встрѣчали вокругъ Таврическаго старыхъ знакомыхъ—шпиковъ, дежурившихъ на тѣхъ же самыхъ мѣстахъ, на какихъ они стояли пять и десять лѣтъ тому назадъ.

«Полковникъ—яркая иллюстрація того трагикомическаго фарса, который разыгрывается сейчасъ», говоритъ ораторъ. «Но наша партія не только переживала, а и сама создавала величественные, истинно трагическіе акты борьбы съ насильнической властью, вооруженной до зубовъ, борьбы напоминающей классическій бой спартанцевъ въ Ѳермопилахъ... Недавно я проходилъ по Измайловскому проспекту, мимо памятника Славы... И вспомнилъ я, какъ тринадцать лѣтъ назадъ, въ іюльскій жаркій день мимо этого памятника мчалась окруженная охранниками-велосипедистами черная карета, съ гайдуками на запяткахъ, съ вышколеннымъ кучеромъ на козлахъ. А по панели спокойно шелъ молодой человѣкъ въ путейской фуражкѣ съ большимъ свертокомъ въ рукахъ. Сначала шелъ, потомъ когда карета стала его нагонять, побѣжалъ, потомъ бросился наперерѣзъ каретѣ, высоко поднялъ надъ головой свертокъ и изо всѣхъ силъ швырнулъ его въ оконное стекло; и бросая свертокъ—12-ти фунтовую бомбу—онъ увидалъ, какъ къ стеклу прильнуло полное оцѣпенѣлаго ужаса лицо и остеклянѣвшіе глаза остзейскаго барона, всесильнаго тирана—душителя русскаго народа... И бомба попала ему прямо въ лицо: молодого человѣка предупредили, что наибольшей силы взрывъ достигнетъ тогда, когда бомба разорвется внутри кареты.

Этотъ молодой человѣкъ—покойный товарищъ нашъ Егоръ Сазоновъ, одинъ изъ тѣхъ спартанцевъ, за каждаго изъ которыхъ герой

Библиотека "Руниверс"

Байроновскаго «Донъ-Жуана» былъ готовъ отдать милліоны простыхъ смертныхъ. «Вспомнилъ я про эту драму», говорилъ ораторъ: «взглянулъ на широкую прямую ленту проспекта, ведущаго на вокзалъ, соединявшій насъ съ Европой, и вдругъ почудилось мнѣ, что оттуда съ запада уже несется навстрѣчу другая черная карета: въ стекла ея видны торчащіе усы кайзера, правитъ ею желѣзной рукой Гинденбургъ, на запяткахъ согнувшись, сидятъ Ленинъ и Троцкій, а вокругъ нажимаютъ усердно педали велосипедовъ старые знакомцы-охранники, и въ числѣ ихъ—мой полковникъ... Кто жъ обратитъ широкій проспектъ въ узкія Ѳермопилы, какой спартанецъ бросится навстрѣчу черной каретѣ и цѣной жизни своей остановитъ непреодолимый бѣгъ ея колесъ?».

Такъ говорилъ ораторъ, набрасывая одинъ за другимъ гирлянду яркихъ незабываемыхъ образовъ, и на блескъ этихъ образовъ загорались отвѣтнымъ огнемъ сѣрыя лица товарищей, тоска исчезла изъ очей, въ нихъ заблистали перламутровыя слезы ненависти, руки инстинктивно сжимались въ кулаки, и мнѣ почуялось на мигъ, что и межъ нами, если понадобится, отыщется не одинъ спартанецъ...

Но понадобится ли? Не прошло ли время единичныхъ героевъ?... Не главенствуютъ ли массовыя движенія безликихъ толпъ, перекидывающихся слѣпо, стихійно то на лѣвый, то на правый бортъ россійскаго государственнаго корабля, ежеминутно грозя его совсѣмъ опрокинуть? Не остановить одинокимъ героямъ этихъ стихійныхъ порывовъ: они будутъ безпощадно раздавлены, затоптаны въ грязь коваными сапогами и надъ трупами ихъ надругаются озвѣрѣлые хулиганы...

Нѣтъ и не будетъ героевъ, ибо они сейчасъ не нужны. А кто и что нужно—не скажетъ никто.

2. Три теченія.

2 *января*. Засѣданіе фракціи по аграрному вопросу. Сидимъ цѣлый день до 2 часовъ ночи. Земельная комиссія сдаетъ результатъ мѣсячной своей работы—основной законъ о землѣ и мѣропріятія по его проведенію въ жизнь.

Въ началѣ работъ комиссіи было рѣшено изъ трехъ проектовъ закона—втородумскаго, П. А. Вихляева и С. Л. Маслова, взять за основаніе послѣдній, наиболѣе дѣловой, представляющій изъ себя сводку положеній, выработанныхъ единственнымъ въ Россіи органомъ, шесть мѣсяцевъ работавшимъ надъ проблемами земельной реформы—Главнымъ земельнымъ комитетомъ. Въ Главномъ земельномъ комитетѣ работали виднѣйшіе спеціалисты изъ разныхъ партій, начиная съ кадетской: вліяніе с.-ровъ было доминирующимъ, но эти с.-ры принадлежали къ тому теченію, которое я называю «государственнымъ». Представители этого теченія, понимая, что интересы народа и государства въ

Библиотека "Руниверс"

концѣ-концовъ тождественны, ставятъ во главу угла гармоническое сочетаніе двухъ принциповъ: соціальной справедливости и сохраненія и подъема производительныхъ силъ страны. «Государственники» признаютъ рѣшающее значеніе объективныхъ условій экономической дѣйствительности и допускаютъ неизбѣжныя, въ силу существованія этихъ условій, уступки, смягчая и просто даже исключая несоотвѣтствующіе имъ, болѣе или менѣе утопическіе пункты партійной программы.

Въ «дѣловомъ» проектѣ С. Л. Маслова поэтому отсутствовали пункты о *равномъ* правѣ всѣхъ гражданъ на землю, нѣдра, лѣса и воды, объ отчужденіи всѣхъ этихъ природныхъ благъ безъ всякаго выкупа, объ отмѣнѣ наемнаго труда и т. д. Въ земельной комиссіи, послѣ продолжительнаго боя, подъ напоромъ другихъ теченій, всѣ эти пункты были вставлены, хотя «государственникамъ» удалось удержать комиссію отъ внесенія въ первый пунктъ объ общегражданскомъ правѣ утопическаго термина «равное», и отстоять допустимость наемнаго труда въ «исключительныхъ случаяхъ». Но увы, «ортодоксальное» теченіе во фракціи заставило принять и этотъ терминъ, а третье теченіе, «стихійниковъ», ввело въ «мѣропріятія» — отчужденіе безъ выкупа не только земли, а и помѣщичьяго инвентаря и построекъ. Слишкомъ слабы оказались числомъ государственники и мало затрагивала членовъ фракціи ихъ аргументація, казавшаяся большинству, хотя и весьма вѣской, но несвоевременной, неприспособленной къ моменту, требующему одного: перетянуть на свою сторону массы, соблазненныя большевистскими посулами.

Большинство и въ комиссіи и во фракціи, повидимому, принадлежитъ именно къ категоріи тѣхъ, кого я называю «стихійниками», или иначе «массовиками». Ядро «стихійниковъ» — настоящіе крестьяне, преимущественно, отъ центральныхъ, перенаселенныхъ районовъ, гдѣ широкой волной уже во второй половинѣ лѣта прокатились аграрныя волненія, гдѣ наиболѣе сильно крестьянство обнаружило чернопередѣльческія тенденціи—поровнять всѣхъ подъ одно—отобрать землю не только господскую, не только купчую, а и надѣльную свыше даже потребительной нормы, расхватать инвентарь и, конечно, даромъ, не платя ни гроша, ибо, дескать, все это добыто мужицкимъ потомъ и кровью. И крестьянскіе депутаты-стихійники не слушали никакихъ резоновъ: «ибо, говорили они, намъ такъ наказывали крестьяне, посылая насъ сюда, и отъ этихъ наказовъ мы отступить не можемъ». Въ ихъ рѣчахъ проявлялись отчетливо всѣ классовыя вожделѣнія малоземельнаго крестьянства, которое стремится воспользоваться революціей, чтобы заполучить безъ всякихъ затратъ какъ можно больше земли и прочихъ средствъ производства. Но все же надо быть справедливымъ: голое классовое «шкурничество» умѣрялось принципомъ уравнительной дѣ-

Библиотека "Руниверс"

лежки «по справедливости», «по Божьему», откуда и возникала у крестьянъ тяга къ «законности», къ установленію одинаковыхъ нормъ разверстанія земли и передачи господскаго инвентаря не отдѣльнымъ хозяевамъ, а въ земско-общественныя организаціи.

Хотя стихійниковъ у насъ было большинство, но, представляя изъ себя аморфную, мало культурную массу, они бы не одержали побѣды безъ помощи интеллигентовъ. Но во главѣ ихъ всталъ необычайно талантливый, яркій ораторъ — «честный» представитель политиканства проводимаго искренне и вполнѣ сознательно. Именно онъ разбивалъ всѣ доводы государственниковъ, смотрѣвшихъ въ «корень» вещей, говорившихъ о вредѣ отмѣченныхъ выше пунктовъ, для государства, для самого народа въ будущемъ; разбивалъ легко и просто однимъ возраженіемъ: «если мы не вставимъ ихъ въ законъ—вставятъ большевики и лѣвые с.-ры, за которыми и пойдутъ массы. Учредительное Собраніе сможетъ укрѣпить свое вліяніе и авторитетъ, лишь опираясь на массы. Поэтому мы не смѣемъ ихъ отталкивать, мы должны потворствовать ихъ вожделѣніямъ». Словомъ, онъ мечталъ «переплюнуть» большевиковъ, какъ мечтало объ этомъ и бюро.

Третье теченіе—«ортодоксовъ»—такъ же, какъ и «государственниковъ» не было многолюднымъ. «Ортодоксы», иначе «старообрядцы», по моей терминологіи, слѣдили лишь за тѣмъ, чтобы не только духъ, но и всѣ буквы партійной программы были полностью внесены въ законъ. А программой они считали на спѣхъ составленный втородумскій проектъ, въ которомъ множество противорѣчій и недомолвокъ. Это они заставили въ концѣ-концовъ ввести въ законъ равенство правъ всѣхъ на землю, хотя и сознавали отлично его неосуществимость, ибо для нихъ было важно одно: партія 12 лѣтъ вела агитацію и проводила въ Учредительное Собраніе своихъ депутатовъ, основываясь на этомъ втородумскомъ проектѣ, разошедшемся въ милліонахъ экземпляровъ. Поэтому, кто отступитъ теперь отъ буквы этого проекта—есть измѣнникъ партійному знамени. Они грозили занести имена этихъ измѣнниковъ на черную доску, требуя поименнаго голосованія.

И подъ напоромъ стихійниковъ и ортодоксовъ шагъ за шагомъ пунктъ за пунктомъ искажался довольно стройный, продуманный и осуществимый при соотвѣтствующихъ политическихъ условіяхъ законъ о землѣ—эта «*декларація правъ трудового земледѣльца*», которую могла бы россійская революція добавить къ деклараціямъ европейскимъ. Поэтому государственники горюютъ: «погубили товарищи земельную реформу». А по моему, она погублена уже давно, погублена неумѣньемъ народа создать свою народную, единую, крѣпкую и сильную власть. Лишь черезъ твердый законъ, осуществляемый единой всесильной властью смогъ бы притти народъ къ землѣ и волѣ. Но власть, опирающаяся на демагогію, не можетъ быть сильной.

Библиотека "Руниверс"

А на демагогію опираются не только большевики—подъ ея вліяніемъ дѣйствовали даже и кадеты, когда были у власти. Мѣнялась стихія—все требовательнѣе становился народъ, подстрекаемый демагогами—и вотъ мы докатились до большевиковъ, и въ массахъ начинаетъ пріобрѣтать успѣхъ проповѣдь анархистовъ. Дальше катиться некуда: скоро массы стукнутся лбомъ объ стѣну роковой дѣйствительности—начнется отрезвленіе. 1918 годъ будетъ первымъ изъ долгаго ряда годовъ тяжелой расплаты народа за свои и чужіе грѣхи...

3. Пацнетъ кровью.

4 января. Окончательно устанавливаемъ «диспозицію» завтрашняго дня. Большинство за нами обезпечено. Мучительная проблема «урицизаціи», надъ которой мы возились больше мѣсяца, разрѣшилась легко и просто: мы послали въ Таврическій полный списокъ своихъ депутатовъ, а Урицкій прислалъ безъ всякихъ ограниченій соотвѣтствующій комплектъ именныхъ красныхъ пропусковъ. Говорятъ, Авксентьеву, Сорокину и другимъ узникамъ пропуски посланы въ тюрьму. Эта присылка парализовала уже состоявшееся рѣшеніе—не «урицизироваться» самимъ, за которое высказалось большинство во фракціи. Между прочимъ, рѣшеніе это было установлено «референдумомъ»—тайной подачей записокъ въ бюро, которое одно должно было знать его результатъ, ибо все отчетливѣе складывалось убѣжденіе, что, гдѣ бы мы ни собирались — у стѣнъ вырастаютъ чуткія уши.

Благодаря «любезности» Урицкаго это рѣшеніе отпадаетъ—нѣтъ основанія не принять пропуски. Въ послѣдній разъ излагается и обсуждается прекрасно составленная «программа дня». Но бюро не обманываетъ себя въ томъ, что ее удастся провести полностью. Цѣль программы—показать народу, что Учредительное Собраніе можетъ дать «настоящіе» законы, которыхъ ждетъ страна, а не заборные плакаты. Рѣшено, въ крайнемъ случаѣ, выбросить изъ программы весь балластъ, вродѣ законовъ о низложеніи Романовыхъ, иммунитета депутатовъ, продовольственнаго вопроса, «манифестъ» и во что бы то ни стало провести постановленіе о мирѣ (нота ко всѣмъ воюющимъ державамъ, продолженіе переговоровъ съ центральными, посылка делегаціи, Стокгольмская конференція), и основной законъ о землѣ. Надъ составленіемъ документовъ потрудились достаточно, написаны они отчетливо и даже величественно, съ подчеркиваніемъ всей высоты авторитета созданнаго «волей народовъ россійской республики» Учредительнаго Собранія. Но всѣ знаютъ теперь цѣну высокимъ словамъ и предпочли бы, чтобы за Учредительнымъ Собраніемъ, кромѣ «воли народа», стояла здѣсь пара хорошихъ полковъ и десятокъ броневиковъ. Говорятъ, такіе полки

Библиотека "Руниверс"

есть—семеновцы и преображенцы. Готовы будто бы къ выступленію и броневики. И подъ ихъ защитой демонстрація пройдетъ благополучно. Не то—разстрѣлъ неминуемъ.

Сегодня, когда мнѣ по дѣлу пришлось пройти большое разстояніе (трамваи не ходятъ), всюду видѣлъ на стѣнахъ наклеенныя рядышкомъ двѣ прокламаціи: одна—отъ союза защиты Учредительнаго Собранія, призывающая всѣхъ рабочихъ, солдатъ, крестьянъ и интеллигенцію на улицы, другая—грозная, отъ Петроградскаго Совѣта, предупреждающая, что демонстрацію устраиваютъ калединцы, корниловцы, проявшіеся буржуямъ правые с.-ры, а потому солдатъ надо удержать въ казармахъ, рабочіе должны работать, а вооруженныя силы правительства будутъ наготовѣ.

Два рядомъ висящія объявленія—это клинъ, вгоняемый въ живое, трепещущее тѣло единой демократіи, раздирающій его пополамъ. Изо всѣхъ преступленій большевиковъ, на мой взглядъ,—это самое страшное, предающее «раздѣлившійся на ся», обезсиленный, облитый братней кровью народъ въ руки озлобленной реакціи. Никогда не забуду устроенной большевиками и лѣвыми с.-рами гнусной грызни на крестьянскомъ съѣздѣ, когда сосѣдъ-мужикъ въ солдатской шинели ругалъ сосѣда мужика—въ поддевкѣ «буржуемъ», «корниловцемъ», и готовъ былъ вцѣпиться ему въ бороду. Ни одинъ нѣмецкій шпіонъ, ни одинъ провокаторъ изъ самодержавной охранки не смогъ натравить рабочую массу на рабочихъ, мужиковъ на мужиковъ, солдатъ на солдатъ, а одна «Маруся», попавшая на каторгу съ гимназической скамьи и застывшая на уровнѣ гимназическаго міросозерцанія, съ кучкой такихъ же недоучившихся юнцовъ превзошли въ мастерствѣ іудинаго ремесла самыхъ многоученыхъ и многоопытныхъ мерзавцевъ всего міра. Но то была лишь словесная «гражданская война»: завтра же задымится на заваленныхъ холмами загаженнаго снѣга улицахъ алая чистая братская кровь, кровь народа, разстрѣливаемаго народомъ. И кровь эта забрызгаетъ не однихъ большевиковъ, но и насъ; и десятками лѣтъ самоотверженнаго труда мы ея не смоемъ.

Уже носятся слухи, что большевики принимаютъ предупредительныя мѣры: оцѣпили петергофское шоссе, роздали «шаловливые» «своимъ» солдатамъ, а красногвардейцы заперли «опасныхъ» солдатъ въ казармы: прогоняютъ ораторовъ-членовъ фракціи съ заводовъ...

Принимаемъ послѣднія рѣшенія: Учредительное Собраніе долженъ открыть старшій изъ насъ и никоимъ образомъ нельзя допустить, чтобы его открылъ кто-либо изъ комиссаровъ. Очевидно, что большевики, сознавая неизбѣжность конфликта, рѣшили дать намъ бой не на пустякахъ, вродѣ «урицизаціи», а на кардинальномъ вопросѣ *о власти*. «И это вполнѣ правильно, говоритъ одинъ изъ нашихъ лидеровъ ибо по существу, по основнымъ цѣлямъ и устремленіямъ двѣ сталкивающіяся силы далеко не всегда расходятся, а бываютъ сплошь и рядомъ почти

Библиотека "Руниверс"

тождественны. Но коренное непримиримое расхожденіе между нами и большевиками лежитъ въ *методѣ властвованія:* нашъ методъ *парламентаризмъ*, ихъ *диктатура*. Большевистская партія есть партія революціоннаго насилія, наша—революціонной свободы. Вотъ почему теперь намъ предстоитъ бой на самомъ остромъ пунктѣ: намъ предложатъ признать власть Совѣтовъ, которую мы всегда отрицали, предложатъ Учредительному Собранію стать «штемпельной машиной» при комиссарахъ, а такъ какъ мы на это согласиться не можемъ, то очевидно, мы обречены на разгонъ. Но оттягивать дальше открытіе Учредительнаго Собранія нельзя, ибо, какъ говорятъ многіе, оно «гніетъ на корню». «Жребій брошенъ».

Въ первомъ засѣданіи не сдѣлаемъ ни одной попытки нападенія на совѣтскую власть. Мы должны сперва «окопаться» въ Таврическомъ, а потомъ уже пойдемъ въ атаку.

Бюро предупреждаетъ и категорически требуетъ: во-первыхъ, чтобы никто не бралъ съ собой никакого оружія. Пусть народъ насъ защищаетъ, если у него станетъ рѣшимости, а для насъ одна лишь защита—неприкосновенность депутатскаго званія; во-вторыхъ, чтобы мы сидѣли все время молча, не отвѣчая ни на какіе выкрики и неистовства лѣваго сектора и публики. Тутъ, кстати, вспомнили о тѣхъ римскихъ сенаторахъ, которые сидѣли неподвижно, завернувшись въ свои тоги, когда варвары ворвались въ Римъ, такъ что дикари приняли ихъ за статуи. Въ-третьихъ, чтобы мы безпрекословно повиновались всѣмъ распоряженіямъ членовъ бюро, составившаго планъ поведенія на всѣ случаи, намѣтившаго ораторовъ и назначившаго «махальныхъ», которые знаками и примѣромъ должны указывать намъ, когда и какъ дѣйствовать: «мы, с.-ры, всегда гордились своей партійной дисциплиной. Вотъ лучшій случай, который даетъ намъ исторія, продемонстрировать свою дисциплинированность».

Депутатъ—втородумецъ вспоминаетъ, какъ имъ хотѣлось кричать въ истошный голосъ, когда на трибунѣ появился Столыпинъ. «Но мы», говоритъ онъ: «сковали свое сердце желѣзными обручами долга передъ родиной и народомъ, насъ пославшимъ. Пусть и теперь, если на трибунѣ появится Ленинъ, что весьма вѣроятно,—будемъ молчать, стиснувши зубы хотя между Ленинымъ и Столыпинымъ, по моему, разница очень невелика».

«Итакъ завтра, въ лицѣ Смольнаго и Таврическаго столкнутся двѣ идеи», идея тиранической диктатуры и вольнаго народоправства. Столкновеніе поведетъ къ крови. Въ повседневной сутолокѣ мы позабыли, что соціалъ-революціонеры въ борьбѣ добивались правъ народу. Не настало еще время свободной творческой работы. Быть можетъ, намъ придется испить чашу до дна; но насъ должны поддержать насъ пославшіе,

Библиотека "Руниверс"

и если мы умремъ, то идея Учредительнаго Собранія, возродится изъ нашей крови».

Такъ говорилъ старикъ-втородумецъ, выдержавшій каторгу и ссылку, и слезы блестѣли въ его очахъ, какъ алмазы. Но не было у насъ подъема: не то сутолока насъ заѣла и «вижеляніе» бюро насъ запутало, не то не вѣрилось въ нужность и плодотворность такого героизма. А скорѣе всего ужъ очень чудной многимъ казалась мысль: «неужто вонъ этотъ самый Иванъ Ивановичъ, мой землякъ изъ Нижегородской губ., котораго я прекрасно знаю, только потому, что онъ сталъ «лѣвымъ», «безъ пяти минутъ большевикомъ», подведетъ меня, два мѣсяца назадъ его ближайшаго товарища, подъ разстрѣлъ? Не можетъ этого быть, какъ не можетъ день превратиться внезапно въ ночь. И не могу я такъ, съ бацу, глядѣть на него, какъ на злѣйшаго врага, какъ глядѣть на губернскаго жандарма и полицейскаго пристава.

Да, клинъ, всаженный въ тѣло демократіи, еще не перерѣзалъ до конца ея сердце и не погасилъ въ честныхъ душахъ остатка вѣры въ людей. Завтрашній день либо докалаетъ эту вѣру, либо ее воскреситъ.

А можетъ быть, завтра не будетъ и крови, и начнется лишь нудная партійная грызня, подобная той, которая погубила революцію 1905 года, а въ нынѣшнемъ году искалѣчила, обезсмыслила, и обезсилила демократическій совѣтъ.

Но что бы завтра ни произошло—ясно одно: той творческой работы, которая нужна странѣ сейчасъ, какъ хлѣбъ голоднымъ—намъ все равно не творить—разстрѣляютъ ли насъ, разгонятъ ли—или предоставятъ гибнуть въ водопадахъ «словоизверженій». И, право, лучше ужъ погибнуть со славой на штыкѣ краснотвардейца, чѣмъ изнывать въ «словотопѣ»...

4. Въ становищѣ ѵамоѣдовъ.

5 января Въ 10 час. утра назначенъ сборъ въ одной изъ «столовокъ» недалеко отъ Таврическаго. Вчера поздно легъ: ковыляю поспѣшно, опоздавши на полчаса, но публика россійская неизлѣчима—даже и сейчасъ собирается къ 11-ти безъ четверти. Въ «столовкѣ» тѣсно и душно. Галдежъ и хаосъ. Послѣднія напоминанія о строжайшей дисциплинѣ. Поспѣшно въ программу дня вставляется вопросъ о продовольствіи. Узнали, что въ адресъ Учредительнаго Собранія направляется довольно много грузовъ и, такимъ образомъ, если мы возьмемъ въ руки власть—мы гарантированы отъ голодныхъ бунтовъ.

Выбираемъ старѣйшаго: бабушки, увы, нѣтъ, Чайковскаго—тоже. Изъ двухъ наличныхъ старѣйшихъ-народовольцевъ Е. Е. Лазарева и С. П. Швецова—останавливаемся на послѣднемъ: онъ будетъ покрѣпче. Кто-то пускаетъ слухъ, что большевики намъ въ пику хотятъ предло-

Библиотека "Руниверс"

жить открыть Собраніе не старѣйшему, а юнѣйшему. Вотъ юморъ палачей.

Разносится сообщеніе, что Аргуновъ, Авксентьевъ, Сорокинъ—освобождены. Комиссія «связи съ улицей» приноситъ благопріятныя новости: собирается выступить рядъ заводовъ и какъ будто рѣшились и солдаты.

11 часовъ 20 минутъ. Высказывается опасеніе, что большевики, рѣшившіе открыть Собраніе въ 12 часовъ, откроютъ безъ насъ. Общій крикъ: «такъ идемте скорѣе». Высыпаемъ на улицу, строимся по 6 въ рядъ, получается внушительная по размѣрамъ колонна, тѣмъ болѣе импозантная, что въ ней около половины—заправскіе крестьяне. Да, сліяніе интеллигенціи съ народомъ въ нашей средѣ безусловно произошло: тѣмъ-то она мнѣ и дорога. Но вопросъ, надолго ли, и крѣпка ли эта связь?..

Идемъ; ноги вязнутъ въ сугробахъ, какъ на деревенскихъ улицахъ. Вдали уже пострѣливаютъ. По дорогѣ публики нѣтъ; лишь повсюду отряды и караулы солдатъ, матросовъ и красногвардейцевъ съ ружьями, а то и съ ручными гранатами. Одинъ такой франтъ всталъ поперекъ нашей колонны, поигрываетъ бомбочкой, спрашиваетъ нахально: «Это кто?»—«Члены Учредительнаго Собранія».—«А, можете итти». Стискивая зубы, опуская глаза внизъ, молча, проходимъ мимо грубыхъ ухарскихъ парней въ матросскихъ фуражкахъ, вооруженныхъ до зубовъ. Вотъ онъ, народъ, привѣтствующій своихъ избранниковъ.

У рѣшетки Таврическаго, впрочемъ, жмется кучка какъ-то пробравшихся «вольныхъ» мужчинъ и женщинъ подъ дулами пушекъ, выкаченныхъ впереди дворцоваго фасада. Одна женщина говоритъ: «Надо бы священника, да молебенъ отслужить, а они пушки навели». Публика ищетъ межъ нами курянъ, тамбовцевъ, сибиряковъ. Отыскиваются и тѣ, и другіе, и третьи. Все-жъ таки мы—вся Россія.

Проходимъ во дворецъ не черезъ главный входъ—тамъ, межъ пушками, будутъ шествовать господа комиссары, какъ при открытіи Думы шествовали господа царскіе министры. Мы, какъ и думскіе депутаты, пробираемся черезъ боковые входы, мимо одного, другого, третьяго, десятаго караула, каждый изъ которыхъ требуетъ у насъ пропускъ. Вглядываюсь въ лица караульныхъ: это «отборная» гвардія Смольнаго—все молодежь — двадцатилѣтніе юнцы, съ прическами à la capoule или съ взбитыми «челками» кудерьками на лбу. Говорятъ, что въ парикмахерскихъ они, не стѣсняясь, платятъ по пятеркѣ за пахучія помады, которыми превращаютъ въ модныя прически торчащіе бѣлобрысые вихры бывшихъ сапожныхъ подмастерій и лавочныхъ мальчишекъ—«попихачей». Эти «отборные»—несомнѣнно, деклассированные отбросы рабочихъ кварталовъ, которые имѣютъ видъ альфонсовъ или лакеевъ въ подозрительныхъ притонахъ, дали всѣ подписку въ без-

Библиотека "Руниверс"

прекословномъ подчиненіи совѣту комиссаровъ, такъ же какъ прежде жандармы давали такую же подписку, въ которой отрекались и отъ отца, и отъ матери, и отъ родины. И такъ же, какъ эти послѣдніе, они готовы посадить на штыкъ всякаго, на кого ихъ науськаютъ за жирную ѣду, за 10 кусковъ сахару въ день, за 25 рублей поденной платы.

Глядятъ и они на насъ съ нахальной усмѣшкой, папироской въ углу рта, небрежно поигрывая винтовками. У иныхъ за поясомъ, а у другихъ за голенищами сапогъ торчатъ ручныя гранаты. Говорятъ (я самъ не видалъ), въ разныхъ залахъ и комнатахъ имѣется наготовѣ «чертова шарманка» современной войны, новенькіе пулеметы, полученные отъ союзниковъ, такъ и не отправленные на фронтъ.

Среди «публики», толпящейся въ залѣ, преобладаютъ солдатскія шинели; тѣ же ухарскія сдвинутыя набекрень фуражки и искусно подвитыя челки. Наоборотъ у дѣвицъ—растрепанныя прически и наружность истеричекъ. Начинаешь соображать, что и публика, допущенная большевиками, тоже «отборная»...

Узнаемъ, что напрасно поторопились: въ залъ засѣданій не пускаютъ—съ первыхъ же шаговъ какія-то недоразумѣнія.

Засѣданіе, по требованію большевиковъ, будетъ открыто только въ четыре часа. Такъ какъ бюро постановило—въ мелочную борьбу не ввязываться—идемъ во фракціонную комнату.

Читаю газету. Въ одной статьѣ—цитата изъ постановленія Ц. И. К.: «всякая попытка со стороны какого бы то ни было *учрежденія* присвоить себѣ тѣ или иныя функціи государственной власти, будетъ подавляться вплоть до примѣненія вооруженной силы»... Уже извѣстно, что двѣ демонстраціи разстрѣляны: погибъ Логвиновъ, убита Горбачевская. Преображенцы и семеновцы не вышли. Съ броневиками, будто бы, случился конфузъ: не оказалось бензину. 12 тысячъ обухощевъ дошли до Марсова поля. Большая манифестація рабочихъ прорвала первый кордонъ; второй разстрѣлялъ ее изъ пулеметовъ. Логвиновъ убитъ разрывной пулей; женщины раскрывали шубы, кричали: «стрѣляйте въ грудь». «Солдаты» не принимали участія въ бойнѣ, стрѣляли одни красногвардейцы. На улицахъ реквизируютъ санитарные автомобили и отвозятъ въ Смольный.

Въ три часа отправляемся въ залъ засѣданій: пропускаютъ безпрепятственно. Оглядываю залъ, который уже видѣлъ 28 ноября. Отдѣлка довольно эффектная, но мрачная—въ темныхъ тонахъ. Особенно непріятное впечатлѣніе на меня произвели большіе щиты изъ черной матеріи съ желтыми разводами и девизомъ въ срединѣ «У. С.». Положительно, какія-то погребальныя хоругви. Учредительное Собраніе еще не родилось, а обстановка такова, какъ будто мы собираемся на его отпѣваніе.

Вглядываюсь въ постепенно наполняющійся лѣвый секторъ бол-

Библиотека "Руниверс"

шевиковъ и лѣвыхъ с.-ровъ. Въ переднихъ креслахъ усѣлись лидеры—у большевиковъ постарше, у лѣвыхъ с.-ровъ помоложе, а сзади—«пшанка» —безусая молодежь въ хаки. У насъ составъ гораздо солиднѣе по возрасту и разнообразнѣе по нарядамъ: вперемежку сидятъ крестьяне въ поддевкахъ и тулупахъ, интеллигенты въ пиджакахъ; въ военной формѣ сравнительно мало.

То же самое я наблюдалъ и на крестьянскихъ съѣздахъ: въ нашей части гораздо больше «вольныхъ», въ лѣвой—сплошь военные; такъ наглядно, что большевизмъ базируется на солдатчинѣ. Теперь, когда «похабный» ли, «демократическій» ли миръ неизбѣженъ для насъ, ибо арміи нѣтъ—оказывается ея нѣтъ, только для врага внѣшняго. Но оставшіеся «деклассированные» элементы въ казармахъ, которые не могутъ устроиться ни въ деревняхъ, ни на городскихъ фабрикахъ, заполняютъ собой «совѣты», торгуютъ всѣмъ, начиная съ папиросъ и кончая частями военныхъ судовъ, представляютъ опору для совѣтской власти. Это—не народная армія, а наемники преторіанцы, которымъ нѣтъ дѣла до того, кто и для чего ихъ кормитъ и ублажаетъ, лишь бы имъ жилось вольготно и сытно. Оттого наши безконечныя попытки распропагандировать ихъ, при всемъ внѣшнемъ успѣхѣ, никогда не сдвинутъ солдатскія массы съ мертвой точки для активнаго выступленія. Имъ *не для чего* выступать и бороться, ибо лучше того положенія, въ которомъ они находятся, у нихъ не будетъ. И нечего тѣшить себя безплодными иллюзіями и лить потоки рѣчей и струи драгоцѣнной человѣческой крови.

Скоро у насъ солдатъ не будетъ совсѣмъ, а совѣты солдатскихъ депутатовъ образуются и въ волостяхъ.

Спокойное теченіе моихъ мыслей оборвалось, ибо изъ нашихъ рядовъ выскакиваетъ товарищъ и говоритъ: «Уже ровно четыре часа. Больше ждать мы не должны. Предлагаю открыть засѣданіе старѣйшему». Старѣйшій—грузный Сергѣй Порфирьевичъ Швецовъ, быстро переваливаясь «маститымъ» корпусомъ спѣшитъ на кафедру. Секунда оторопи въ лѣвомъ секторѣ... Но вотъ сзади предсѣдательской кафедры поднимается Крыленко и начинаетъ орать, изступленно стуча кулаками по пюпитру и поглядывая на лѣвый секторъ. Лѣвый секторъ повторяетъ тотъ же маневръ и открывается «шабашъ вѣдьмъ». Юнцы, матросы и солдаты въ верхнихъ рядахъ бѣшено скачутъ на мѣстѣ, работаютъ одновременно, руками и ногами, машутъ шапками. Къ нимъ присоединяется публика на хорахъ, солдатня, набившаяся въ проходахъ и свистящая при помощи пальцевъ, засунутыхъ въ ротъ. Старикъ Швецовъ изо всѣхъ силъ размахиваетъ довольно внушительнымъ звонкомъ, но звонъ теряется въ дьявольской какофоніи. Мы сидимъ, какъ мраморныя статуи, подражая римскимъ сенаторамъ.

Такъ проходитъ вѣроятно минутъ пять. Затѣмъ, на трибунѣ ря-

Библиотека "Руниверс"

домъ съ Швецовымъ оказывается Свердловъ, выхватившій у Швецова звонокъ—и моментально вой и свистъ смѣняются ровнымъ дождикомъ частыхъ и дружныхъ «напграпныхъ» аплодисментовъ. Швецовъ успѣваетъ выкрикнуть: «объявляю засѣданіе открытымъ», и махнувъ рукой, покидаетъ кафедру. Свердловъ начинаетъ читать напечатанное наканунѣ. бѣдное мыслью, уродливое по формѣ, безтолковое по содержанію и крикливое по фразеологіи произведеніе большевиковъ, составленное, къ вящшему моему удивленію, не совсѣмъ безграмотнымъ экономистомъ Ю. Ларинымъ. подъ заглавіемъ «декларація правъ трудящагося и эксплуатируемаго народа». Послѣ каждаго абзаца—казенные аплодисменты внизу и на хорахъ. Когда Свердловъ читаетъ абзацъ о соціализаціи земли, лѣвые с.-ры встаютъ и провоцируютъ насъ на аплодисменты. Мы — попрежнему сидимъ истуканами: тогда они начинаютъ вопить: «позоръ», «позоръ», а съ хоръ имъ вторятъ: «калединцы», «корниловцы», «кереиды», «продались буржуямъ». Все яснѣе и яснѣе становится подстроенность той комедіи, разыгрываемой въ становищѣ «хамоподловъ», въ которое превратили большевики сію священную храмину русской свободы.

Декларація кончена. Въ полупустомъ залѣ аплодисменты звучатъ жидковато. Лѣвый секторъ встаетъ и начинаетъ нескладно пѣть «интернаціоналъ». Поднимаемся нехотя и мы—и кто въ лѣсъ, кто по дрова, перевирая незнакомыя слова, бубнимъ мотивъ, чуждый уху и сердцу родимыхъ лѣсовиковъ и степняковъ въ дубленыхъ полушубкахъ. Видимо, многіе думаютъ: «ей-Богу, дубинушку затянуть—веселѣе бы было, а главное—понятнѣе». Ко мнѣ подходитъ товарищъ и шепчетъ: «Про Россію-то и забыли»...

Кое-какъ докончили пѣніе. Нашъ с.-ръ предлагаетъ избрать предсѣдателя. Намѣчаемъ Чернова. Нѣсколько рѣчей. Московскій большевикъ. Нв. Нв. Сиворцовъ, между прочимъ, заявляетъ: «Между нами все кончено: вы въ одномъ лагерѣ съ кадетами и буржуазіей, мы въ другомъ—съ рабочими и крестьянами». Единеніе съ крестьянами большевики демонстрируютъ тѣмъ, что выставляютъ Марусю Спиридонову: это опять несомнѣнная провокація. Очевидно, имъ все-таки очень хочется завоевать большинство въ Учредительномъ Собраніи, перетянуть на свою сторону часть нашего «перекати поля»—крестьянскую массу общаго устремленія, на которую ихніе соглядатаи давали имъ нѣкоторую надежду. Поэтому они и не сорвали «учредилку» съ перваго абцуга; и рѣшили провѣрить свои свѣдѣнія тайными выборами предсѣдателя. У насъ бюро ожидало, что на выборы *только одного* предсѣдателя они не пойдутъ, а потребуютъ выборовъ президіума: поэтому былъ заготовленъ цѣлый арсеналъ аргументовъ за наше предложеніе, который оказался излишнимъ.

Тактика большевиковъ кажется подозрительной. Однако мы по-

Библиотека "Руниверс"

корно соглашаемся на ихъ предложеніе: вмѣсто записокъ баллотировать предсѣдателя шарами. Начинается нудная процедура баллотировки. Нѣкоторые баллотируютъ впервые, путаются: одинъ разъ пришлось начать сначала. Наши опасенія растутъ: нѣтъ ли дѣйствительно между нами группы тайныхъ «переметчиковъ», которые вдругъ перевернутъ вверхъ дномъ всѣ комбинаціи. Другіе боятся, что просто напутаютъ, положивъ шарикъ не въ ту дырочку. Устройство ящиковъ—сложное и неудобное.

Пока идетъ процедура баллотировки, обмѣниваемся новостями: манифестаціи всѣ разогнаны. Убитыхъ, говорятъ, 25, раненыхъ 200. Очень много пораненій разрывными пулями. Манифестанты разстрѣливались красногвардейцами въ упоръ, безъ предупрежденія. И гвоздитъ меня неотвязная мысль: «вѣдь «*изъ-за* насъ гибли несчастные... Чѣмъ мы отплатимъ имъ».

Украинскіе с.-ры собираются уѣхать къ себѣ, гдѣ они разсчитываютъ, сковырнуть «буржуазную» раду, произвести переворотъ при помощи своихъ членовъ Учредительнаго Собранія, изъ которыхъ въ Петроградъ прибыло девять, а на мѣстѣ осталось не то восемьдесятъ, не то даже сто. Подавляющее большинство ихъ—с.-ры, частью лѣваго устремленія.

Одинъ изъ нашихъ крестьянъ—Близнюкъ, удралъ таки къ лѣвымъ с.-рамъ.

Еле покончили съ баллотировкой: стучатъ подсчитываемые шарики о тарелки, вниманіе напряжено, сердце колотится въ груди... Результатъ: за Чернова—244, за Спиридонову—153, воздержалось восемь украинцевъ. Никто изъ нашихъ не выдалъ...

Всходитъ на кафедру Черновъ, начинаетъ рѣчь, содержаніе которой всѣмъ теперь извѣстно, но увы—не было извѣстно никому изъ насъ до засѣданія. Отвѣтственнѣйшую изъ отвѣтственныхъ первую рѣчь предсѣдателя перваго въ Россіи Учредительнаго Собранія, котораго лучшіе русскіе умы добивались сотню лѣтъ, гдѣ каждое слово будетъ взвѣшиваться на вѣсахъ исторіи, ту рѣчь, которую мы должны были прорепетировать съ Черновымъ разъ десять — онъ произнесъ почти экспромптомъ. Много разъ бюро требовало отъ него, чтобы онъ написалъ ее цѣликомъ, потомъ, чтобы хотъ тезисы представилъ. Вмѣсто этого онъ явился вчера около одиннадцати часовъ, вымотанный на пяти или шести митингахъ, пробормоталъ нѣчто невнятное, въ общемъ, какъ будто, пріемлемое для всѣхъ и принятое безъ преній.

И вотъ теперь, вмѣсто истинно государственной деклараціи, которая должна была распутать невообразимо запутанный клубокъ мировыхъ и россійскихъ событій, поставить ихъ въ причинную связь, очертить широкими, но точными, и выпуклыми штрихами главнѣйшія задачи полномочнаго всенароднаго органа власти и дать ихъ возможныя

Библиотека "Руниверс"

рѣшенія—онъ далъ какія-то акробатическія упражненія на лозунгахъ большевиковъ. Тупымъ ножомъ по сердцу рѣзали восхваленія Циммервальда, подчеркиванія интернаціоналистическихъ устремленій «учредилки», игра на референдумѣ и т. д. Что рѣчь была неудачна, что «вихляніе» слишкомъ отчетливо проступало сквозь кудреватую фразировку—видно изъ того, что большевистская публика сначала вела себя довольно тихо и старалась внимательно вслушиваться. Затѣмъ она стала выкрикивать: «Знаемъ, слыхали уже, принято, комиссары и совѣты все это уже дали»... А Ленинъ, говорятъ, даже въ ложѣ легъ, хотя я этого не видалъ.

И все громче и громче становились крики, насмѣшливые возгласы, кабацкій галдежъ и гамъ, отъ котораго Черновъ, вопреки обыкновенію терялся и путался. Пафосъ не удавался, фразировка линяла, онъ сталъ торопиться, уже не пробовалъ парировать восклицаній съ мѣстъ, благодаря чему, гвалтъ все разрастался. Кончилъ онъ подъ посвистываніе, улюлюканье и намозолившій намъ уши, неотвязный припѣвъ: «калединцы», «корниловцы», «керенцы». Не очень усердно хлопала и папа братія: чувствовали, что предсѣдатель своей рѣчью посадилъ насъ въ такія глубокія калоши, изъ которыхъ, пожалуй, ужъ никогда не выбраться...

Выбираемъ секретаря: слѣва кричатъ: «Керенскаго», мы выставляемъ Вишняка. Проходитъ, конечно, онъ...

Бухаринъ вноситъ «*отъ имени пролетарско-коммунистической рабочей партіи большевиковъ*» предложеніе о порядкѣ дня. Иронически привѣтствуемъ первое оффиціальное провозглашеніе новаго партійнаго званія. «Коммунистическая» партія ясно и точно ставитъ намъ ультиматумъ: принять декларацію и въ первую голову рѣшить вопросъ о власти. Ораторъ повторяетъ тезисъ Скворцова: «на два непримиримыхъ лагеря дѣлимся мы. На насъ—большевиковъ ополчился весь міръ,—властители такъ называемыхъ цивилизованныхъ, а по существу варварскихъ странъ. Черновъ болталъ очень долго о соціализмѣ, который осуществится черезъ сто лѣтъ. Мы отбрасываемъ съ презрѣніемъ эту сладкорѣчивую маниловщину и твердо и прямо ставимъ требованіе о проведеніи въ жизнь сегодня, сейчасъ лозунговъ соціализма. Черновъ заигрываетъ съ Дономъ, съ буржуазной радой; мы же не боимся никого и бросаемъ вызовъ всему міру».

Выхожу въ проходъ, куда набились посторонніе. Солдатъ съ тупымъ и самодовольнымъ лицомъ дуетъ, сложивши ротъ трубой, между ладонями, какъ въ турецкій барабанъ. Думаю: «вотъ онъ, соціалистъ».

Возвращаюсь: на кафедрѣ Церетелли. Лѣвый секторъ и хоры бѣсятся, какъ никогда; онъ не можетъ говорить. Черновъ безпомощно разводитъ руками, встаетъ и кричитъ: «Угодно ли, чтобы предсѣдатель принялъ мѣры къ возстановленію спокойствія? «Въ отвѣтъ—торже-

Библиотека "Руниверс"

ствующее гоготаніе «что, не любо. Ну ка, попробуйте». Церетелли молча стоитъ. Хрюкающіе, урчащіе голоса, выкричавшись, затихаютъ на мигъ. Начинаетъ говорить: первыя фразы пересыпаются замѣчаніями съ мѣста. Быстро, остроумно, ѣдко, но вѣжливо парируетъ онъ эти замѣчанія и о чудо—чѣмъ дальше, тѣмъ больше заставляетъ себя слушать. Благородный, истинный народный трибунъ показываетъ себя во всей красотѣ; и эта внутренняя и внѣшняя красота жертвеннаго народолюбца на время завораживаетъ всѣхъ. Конецъ его полуторачасовой рѣчи выслушивается внимательно при громѣ нашихъ апплодисментовъ.

Но что значатъ самыя яркія, проникновенныя слова, безсильныя здѣсь, въ станѣ хамоидоловъ, облѣпившихъ, какъ злыя осенніе мухи, умирающую родину? Они слышали всякія слова и слухъ ихъ, и чувства отупѣли. Какія слова теперь, когда на улицахъ еще не остыла пролитая ими кровь братьевъ-крестьянъ, рабочихъ, студентовъ. Пулеметъ, пушка—только ихъ языкъ, они услышатъ и поймутъ теперь. Но такимъ языкомъ мы говорить не можемъ, и потому мы—*обреченные*...

Часъ за часомъ текутъ въ безплодныхъ рѣчахъ и парламентарныхъ обрядностяхъ. Три часа мы выбирали предсѣдателя, четыре часа говорили о порядкѣ, а между тѣмъ мы отлично знали, какъ скупо отмѣрила намъ судьба часы и минуты, въ которыя должны мы, во что бы то ни стало, провозгласить права всѣхъ народовъ, россійскую республику населяющихъ, права трудящихся земледѣльцевъ, сдѣлать рядъ практическихъ шаговъ къ ускоренію справедливаго мира, котораго жаждетъ истерзавшійся народъ, заложить фундаментъ новаго государственнаго строя и прочая и прочая... Все то, что такъ хорошо было обдумано нами и въ теченіе мѣсяца, такъ «гладко писано въ бумагѣ», что дастъ хотъ частичное удовлетвореніе милліонамъ, довѣрившимъ намъ свою судьбу за которую мы отвѣтствуемъ передъ исторіей...

Но бѣгутъ часы, а мы здѣсь изворачиваемся въ борьбѣ съ хамоидолами, борьбѣ словесной, изощренной, слишкомъ хитроумной и абсолютно безнадежной, которая наскучиваетъ, наконецъ, большевикамъ и они, послѣ принятія нашей программы дня, требуютъ перерыва.

Въ 11 час. 10 мин. объявляется перерывъ на полчаса. Мы узнаемъ скоро, что большевики послѣ перерыва уйдутъ. Насъ интересуетъ, что будутъ дѣлать лѣвые с.-ры. Передъ самымъ перерывомъ они выпустили почтеннаго пожилого крестьянина на костыляхъ, Сорокина, который, неожиданно для нихъ заявилъ: «у насъ, крестьянъ, нѣтъ разницы между партіями. Партіи борются за власть, а наше мужицкое дѣло одно—*земля*». Для лѣвыхъ эта выходка была совершенно неожиданной, они растерялись, а наши крестьяне воспрянули, завели съ ними переговоры, и будто бы выяснили, что многіе изъ лѣвыхъ крестьянъ говорятъ: «всю ночь будемъ сидѣть, а законъ о землѣ примемъ».

Это—нашъ послѣдній шансъ.

Библиотека "Руниверс"

Въ общемъ же мы ждемъ послѣ ухода большевиковъ либо разгона съ разстрѣломъ и арестомъ, либо объявленія о сложеніи полномочій, либо простого и мирнаго исхода—выключенія электрическаго тока. На послѣдній конецъ припасаемъ свѣчи.

Въ кулуарахъ ведется яростная агитація противъ насъ: какая-то истеричка бѣгаетъ и внушаетъ матросамъ: «бить, вѣшать, душить ихъ измѣнниковъ, продавшихся буржуямъ».

Къ 12 возвращаемся въ залъ. Ждемъ еще 45 минутъ. Лѣвый секторъ пустъ. Пытаемся открыть, но украинцы просятъ еще подождать: они вынесятъ внѣочередное заявленіе, которое хотятъ, чтобы выслушали и лѣвые. Это значитъ, что лѣвые с.-ры рѣшили вернуться. Ждемъ ихъ еще четверть часа, въ 1 часъ ночи открываемъ засѣданіе. До ихъ прихода Скобелевъ во внѣочередномъ заявленіи читаетъ документы о сегодняшнихъ разстрѣлахъ на улицахъ и говоритъ: «за 10 мѣсяцевъ революціи сегодня впервые пролилась кровь рабочихъ».

Это, положимъ, невѣрно, но все-таки это не поводъ публикѣ на хорахъ, состоящей уже почти сплошь, поголовно изъ вооруженныхъ матросовъ и солдатъ вопить пьянымъ голосами звѣрскую мерзость.

Въ 1 ч. 30 мин. пришли лѣвые с.-ры. Свистки на хорахъ притихли. Только слышенъ женскій истерическій вопль «калединцы». Начинаются рѣчи по первому вопросу порядка дня—о мирѣ. Лѣвые с.-ры требуютъ буквальнаго принятія перваго пункта большевистской декларація. Наши ораторы изощряются въ доказательствахъ, что въ этомъ пунктѣ, по существу мы провозимъ то же, что и большевики. Мы заявляемъ, что въ сегодняшнемъ засѣданіи нашъ долгъ рѣшить коренные вопросы о мирѣ и о землѣ. Крестьянинъ Мамкинъ говоритъ: «Мы не можемъ явиться въ деревню съ порваткмъ хомутомъ. «Вамъ, интеллигентамъ хорошо—уложите свои чемоданы и разъѣдетесь, а намъ остается повѣситься на осинѣ».

Выступаетъ Раскольниковъ съ внѣочереднымъ заявленіемъ отъ большевиковъ, въ которомъ мотивируется ихъ уходъ. «Учредительное Собраніе выражаетъ взгляды населенія во вчерашній день революціи. Мы—выражаемъ мнѣнія большинства трудящихся сегодня, а потому вы обязаны намъ подчиниться».

Во время рѣчи Раскольникова на скамьяхъ лѣвыхъ с.-р-овъ подымается юноша, выхватываетъ браунингъ, бросается на кого-то впереди. Съ хоръ наводятъ на насъ винтовки, въ проходахъ солдаты торопливо заряжаютъ ружья, слышно бряцаніе затворовъ. Одинъ выстрѣлъ и отъ насъ останутся лужи крови, да трупы, валяющіеся съ размозженными черепами. Но махальные кричатъ: «спокойно, спокойно», и мы сидимъ, какъ римскіе сенаторы.

Тѣмъ временемъ Карелинъ схватываетъ своего товарища сзади за руки успокаиваетъ его... и понемногу устанавливается тишина...

Библиотека "Руниверс"

Ультиматумъ лѣвыхъ с.-ровъ не принятъ. Мы будемъ обсуждать вопросы о мирѣ и полный законъ о землѣ (80 параграфовъ) и примемъ рѣшеніе *поименнымъ* голосованіемъ, т.-е. значитъ должны сидѣть еще *часа четыре* или больше.

Внѣочередныя заявленія представителей украинцевъ, эстонцевъ, латышей, евреевъ, мусульманъ перемежаются съ горделивыми отвѣтами нашихъ крестьянъ лѣвымъ: «умремъ но не сдадимся». «Перешагните черезъ наши трупы». «Кто смѣетъ посягнуть на Учредительное Собраніе любое неисчислимыми муками народными».

На нашихъ скамьяхъ передаютъ шопотомъ отъ Бюро: «*Скоро насъ арестуютъ*—приготовьтесь». Это значитъ—очиститесь. Начинаемъ чиститься.

Отъ имёни фракціи лѣвыхъ с.-р. обвиняя насъ въ «лицемѣріи и трусости» дѣлаютъ заявленіе Штейнбергъ и Карелинъ о томъ, что они уходятъ служить трудовому народу въ совѣтахъ.

Уходятъ. Пусто на лѣвомъ секторѣ, который являлся не знаю, вольнымъ или невольнымъ нашимъ заступникомъ отъ хамоидоловъ.

Говорятъ, автомобили уже пріѣзжаютъ, чтобы забрать насъ и отвезти въ подвалы Петропавловки. Ну что-жъ пусть везутъ... это хорошо...

Черновъ начинаетъ читать законъ о землѣ. Прочелъ 10 декларативныхъ параграфовъ. Вдругъ къ нему подскакиваетъ матросъ, говоритъ: «караулъ требуетъ, чтобы вы разошлись, онъ усталъ». Черновъ сначала растерялся, потомъ отвѣчаетъ ему: «Мы тоже устали, однако, долгъ передъ народомъ заставляетъ насъ сидѣть». Матросъ подбѣгаетъ второй разъ. Что говоритъ—неслышно. Черновъ смущенно роется въ бумагахъ и быстро говоритъ: «Товарищи, принимаемъ прочитанные 10 параграфовъ безъ преній, остальные пункты сдаемъ въ комиссію... назначаемъ засѣданіе завтра. Въ которомъ часу? Поступили предложенія въ 12 и 5 час. Въ 12 не соберемся, итакъ въ 5. Закрываю засѣданіе», и бѣгомъ съ каѳедры, а за нимъ и мы, мимо торжествующихъ матросовъ и солдатъ, черезъ залъ скорѣе въ раздѣвальню—и на вольный свѣтъ, на чистый воздухъ.

Пробѣгаемъ на дворъ мимо пресловутыхъ автомобилей: оказывается ихъ прислали для живущихъ въ «Асторіи» лѣвыхъ с.-ровъ, которые посматриваютъ на нашу бѣгущую толпу—не видно въ полутьмѣ, съ выраженіемъ какихъ чувствъ...

Но чувства нашихъ душъ тяжелыя, охъ тяжелыя. Непоправимый ударъ нанесъ, оборвавъ засѣданіе предсѣдатель и Учредительному Собранію, и партіи, и земельной реформѣ, и безъ того висѣвшей на волоскѣ...

Библиотека "Руниверс"

5. Начало конца.

7 января. Вчера и сегодня утромъ, никуда не ходилъ, ничего не дѣлалъ — пересиживалъ и передумывалъ историческое сидѣніе съ «становищѣ хамсидоловъ» и его результаты. И первый отчетливый результатъ—партія наша пропала.

Партія пропала не только изъ-за неспособнаго понять всю отвѣтственность той роли, за которую онъ брался, предсѣдателя, мы всѣ — избранники народа, его послѣдняя надежда, заслужили обвиненіе насъ въ лицемѣріи и трусости, и, разбѣжавшись за своимъ вождемъ отъ угрозъ зазнавшагося матроса, не докончили даже закона о землѣ, за который клялись лечь костьми; но еще больше потому что вознесенные исторіей, на одинъ митъ, на небывалую и незаслуженную нами высоту, не вспомнили о томъ священномъ имени, которое долгіе годы будетъ служить путеводной звѣздой измученнымъ поколѣніямъ: имени несчастной, истерзанной *родины нашей...*

Пошелъ на улицы потолкаться между народомъ. На Литейномъ, гдѣ я живу, у воротъ Маріинской больницы—толпа. Въ ночь на сегодня въ больницѣ звѣроки убили Шингарева и Кокошкина.

Длинный хвостъ тянется къ часовнѣ, куда ихъ выставили вмѣстѣ съ другими, убитыми 5 января. У ограды уличные митинги, штатская публика стоитъ съ солдатами. Все тѣ же обвиненія и все тотъ же отвѣтъ.

«Хлѣба скоро и по четверти фунта не будетъ, муки тоже нѣтъ. А вы обѣщали миръ и хлѣбъ».

— «А Керенскій».

«Нѣтъ ни товара, ни денегъ, желѣзныя дороги того и гляди станутъ совсѣмъ».

— «А Керенскій».

«Убійцы своихъ же братьевъ, каины».

— «А Керенскій».

Какъ зловѣщее карканье «кер-кер-кер», раздается это ужасное безсмысленное слово, этотъ символъ «контръ-революціи и саботажа», которымъ такъ называемые «коммунисты-пролетаріи...» въ сѣрыхъ шинеляхъ отбиваются отъ всѣхъ проклятій, мучительныхъ, злобныхъ не разрѣшенныхъ вопросовъ, порой больно щиплющихъ и ихъ закаленное сердце.

Впрочемъ... взглянулъ я на этого сѣраго каркающаго «коммуниста»: молодое туловатое, довольно красивое лицо, взбитый по послѣдней модѣ «тыловиковъ» вихоръ, фуражка набекрень—кто и что его можетъ щипнуть за сердце, кромѣ живоннаго страха? Таковы они всѣ—эти «деклассированные» сыны деревень или фабричныхъ центровъ, оторвавшіеся за три года отъ привычной обстановки, традицій, всего прежняго, твердаго жизненнаго уклада, облѣнившіеся и опустившіеся морально. Они

Библиотека "Руниверс"

цѣлыми днями валяются въ казармахъ или бродятъ по улицамъ, ѣдятъ, пьютъ не по нашему, на народныя деньги, занимаются торговлишкой, приспособляются къ кухаркамъ—чего имъ надо больше. Имъ хорошо и большевиковъ они ни на какую «учредилку» не промѣняютъ. И за такую жизнь они готовы отправить на тотъ свѣтъ хоть тысячу такихъ неспособныхъ къ сопротивленію, беззащитныхъ «буржуевъ», какъ Шингаревъ и Кокошкинъ, либо нашъ братъ. И никакими доводами ихъ не проймешь.

Отправляюсь въ наше фракціонное гнѣздо на Болотной обѣдать. Когда мы сидѣли за столомъ, прибѣгаютъ изъ лечебницы Герзони, гдѣ находились Коноваловъ (или Третьяковъ) и Карташевъ, съ просьбой принять мѣры къ ихъ защитѣ: имъ показалось тамъ что-то подозрительное. Но чѣмъ мы можемъ имъ помочь, когда и намъ самимъ утрожаетъ, если не убійство, то тюрьма въ любой моментъ. Ходятъ упорные слухи, что на Церетелли было покушеніе. Обыскали и выпроводили всѣхъ бывшихъ на Галерной, 27 (дворецъ Андрея Владимировича, гдѣ Черновъ устроилъ центральный комитетъ с.-ровъ, редакцію «Дѣла Народа», «Земли и Воли»). Былъ обыскъ и на Литейной въ помѣщеніяхъ различныхъ нашихъ организацій. Словомъ большевистская охранка заработала во всю.

Вечеромъ мы уже не рисковали собраться въ одномъ помѣщеніи. Разбились на три совѣщанія въ трехъ мѣстахъ и разные члены бюро поставили на обсужденіе всѣхъ трехъ собраній одни и тѣ же вопросы, главный смыслъ которыхъ: «что дѣлать дальше?».

Какъ водится, сначала ругали бюро за 5-е, а бюро сваливало всю вину на предсѣдателя, который, молъ, не слушалъ бюро и дѣйствовалъ на свой страхъ и совѣсть, благодаря чему всѣ тонко задуманныя комбинаціи проваливались. Нѣкоторые члены бюро, впрочемъ, ругали самихъ себя за «вижжеляніе», и бія кулаками въ грудь, клялись отнынѣ вести твердую линію. Прежде были кающіеся дворяне, а теперь есть кающіеся с.-ры.

Настроеніе—обычное въ эпохи внутренняго разложенія. Съ одной стороны—паника: за нами слѣдятъ, внутри насъ есть провокаторы—того и гляди арестуютъ. Съ другой стороны—гордыя заявленія: умремъ, а честь свою возстановимъ. Горячія головы предлагаютъ Учредительному Собранію открыться на Обуховскомъ заводѣ, гдѣ рабочіе будто бы готовы выставить 1,500 вооруженныхъ для нашей охраны. Однако, члены бюро находятъ это авантюрой, которая только подорветъ престижъ верховнаго всенароднаго органа власти и приведетъ къ новымъ потокамъ и безъ того уже пролитой крови. Въ концѣ-концовъ, принимаютъ рѣшеніе: отправить делегацію въ Кіевъ—выяснить у рады нельзя ли открыться тамъ, а пока—обязательство не разъѣзжаться, иначе остракизмъ,—лишеніе депутатскаго званія.

Библиотека "Руниверс"

Возвращаюсь домой съ товарищемъ, который разсказываетъ про Смольное развеселое житье. Роскошный обѣдъ за 90 коп.: жандармскіе полковники и генералы, обслуживающіе совѣтскую власть, получаютъ разными способами не по 500 цѣлковыхъ въ мѣсяцъ—этотъ «пролетарскій» окладъ г.г. комиссаровъ, а по 18 тысячъ въ годъ.

6. Похороны.

9 января. Сегодня хоронили жертвы 5 января. Съ утра иду въ совѣтъ крестьянскихъ депутатовъ (нашихъ) на Кирилловской. Удивляюсь, почему такъ мало народа и совсѣмъ почти не видно членовъ Учредительнаго Собранія. Въ залѣ, гдѣ лежитъ убитый депутатъ-сибирякъ Логвиновъ, народу не болѣе 50 человѣкъ. Узнаю, что вчера былъ налетъ красногвардейцевъ на Болотную, черезъ полчаса послѣ моего ухода: арестовали 20 человѣкъ.

Снимаютъ покойнаго: убитый—удивительно красивый типично-русской красотой, съ окладистой русой бородой, съ головой, обвязанной бѣлой повязкой вродѣ чалмы. Его убила разрывная пуля, попавшая въ голову.

Выносятъ гробъ: на улицѣ собирается процессія—человѣкъ 500. Идемъ къ Надеждинской. По дорогѣ прибываетъ народъ. На Надеждинской уже стоятъ шпалерами большіе отряды—каждый со своимъ покойникомъ. Выстраиваемся, двигаемся впередъ по Невскому среди десятковъ тысячъ публики. Медленно колыхаются на плечахъ товарищей гробы съ открытыми восковыми лицами мертвецовъ подъ красными и черными знаменами, большею частью молодыхъ, еще четыре дня назадъ полныхъ жизни и энергіи передовыхъ бойцовъ и работниковъ въ средѣ трудящихся массъ. Всѣхъ 8, символически собранныхъ представителей разныхъ элементовъ тріединой ипостаси трудового народа—крестьянъ, рабочихъ, интеллигенціи. Впереди несутъ нашего крестьянина Логвинова, за нимъ курсистку Елену Горбачевскую, потомъ солдата, потомъ рабочаго, студента, опять рабочаго, чиновника, еще солдата. Несли ихъ на Преображенское кладбище, гдѣ похоронили рядомъ съ жертвами 9-го января 1905 года: чтобы отнынѣ и до вѣка всякій проходящій зналъ, что царскій режимъ и совѣтская власть одинаково гнали, душили и разстрѣливали трудовой народъ.

Но народные тираны при царскомъ самодержавіи были, въ большинствѣ, чужими трудовому народу; здѣсь же не только «стрѣляющей машиной», но и руководителями являлись каины, берущіе на себя смѣлость говорить и дѣйствовать отъ имени этого самаго народа. Солдатъ противъ солдата, крестьянинъ противъ крестьянина, рабочій противъ рабочаго—вотъ политика большевиковъ, болѣе предательская по своимъ послѣдствіямъ, чѣмъ провокаціонная работа старой охранки, ибо нѣтъ

Библиотека "Руниверс"

вѣрнѣе средства уничтожить мощь демократіи, какъ расколоть ее пополамъ и натравить одну половину ея на другую.

Не первый уже разъ, идя въ рядахъ погребальныхъ процессій, которыя появляются все чаще и чаще на улицахъ столицъ, какъ результатъ разрушительной работы «углубителей соціальной революціи»,—стараюсь вдуматься въ структуру большевистской власти. Не считая тѣхъ, кто просто изъ своекорыстныхъ разсчетовъ пристраивается къ совѣтскому лиготу, у нихъ—переплетаются, какъ тѣла трехъ ядовитыхъ змѣй, душащихъ стальными кольцами напряженныхъ мускуловъ несчастный русскій народъ—три теченія, точнѣе, три совершенно разнородныхъ группы, идеологія которыхъ, несмотря на свое внѣшнее отличіе, логически вытекаетъ одна изъ другой.

«Идейные» большевики, сидящіе у власти, тѣсно переплетаются съ тайными германскими агентами и русскими черносотенными монархистами. Это—не сплетни, это—фактъ, проявленія котораго мы—очевидцы событій—осязаемъ на каждомъ шагу. Исторія подтвердитъ этотъ фактъ безспорными документами. Но такъ какъ для меня этотъ фактъ несомнѣненъ—я ищу не доказательствъ, а логическихъ объясненій такого объединенія трехъ на первый взглядъ, столь различныхъ и даже противоположныхъ идеологій. И мнѣ, прежде всего, приходятъ на умъ нѣкоторыя статьи и изреченія Ленина и ленинцевъ, которыя въ концѣ-концовъ, можно свести къ довольно стройной и послѣдовательной теоріи такъ, называемаго «голофизма». По этой теоріи, Россія—объектъ для соціальныхъ экспериментовъ, и факелъ, долженствующій зажечь пролетарское возстаніе по всей Европѣ, но факелъ подобный Нероновскимъ факеламъ, въ которыхъ заживо сгорали христіане. Ленинъ—не дуракъ и не сумасшедшій; онъ осязаетъ на каждомъ шагу слишкомъ ощутительную экономическую и культурную отсталость русскаго народа, который его приближенные, въ минуту откровенности, въ интимномъ кругу не разъ величали «шпанкой», «пивалью» и тому подобными ласкательными прозвищами. Его, въ сущности, нисколько не интересуетъ, выиграетъ ли или проиграетъ, въ концѣ-концовъ, именно *нашъ народъ* отъ его экспериментовъ. Вѣроятнѣе всего, онъ напередъ убѣжденъ, что проиграетъ и даже жестоко поплатится за всѣ большевистскіе эксперименты: ибо если онъ не зажжетъ своимъ тѣломъ мірового пожара—онъ обреченъ снова подпасть подъ иго русскаго монархизма, отягченное страшной тяжестью германскаго имперіализма. Но это двойное бремя—германскаго бронированнаго кулака и русской черносотенной дубины, по теоріи голофизма—будетъ накоплять на нашемъ народѣ новые запасы революціонной энергіи—вѣдь *чѣмъ хуже, тѣмъ лучше!* Отсюда и рождается тѣсное сотрудничество съ германскими и нашими черносотенными организаціями, дѣйствующими, въ свою очередь, несомнѣнно, въ тѣсномъ контактѣ между собой. И пусть скорѣе и сильнѣе нѣмецкій кайзеръ и его безъ лести преданный прихво-

Библиотека "Руниверс"

стень, котораго онъ посадитъ намъ на престолъ, примутся вдвоемъ тиранить крестьянъ и рабочихъ: они не дадутъ потухнуть искрамъ революціонной энергіи въ ихъ сердцахъ и покрыться пепломъ сытаго равнодушія, а наоборотъ, раздуютъ черезъ нѣсколько лѣтъ въ еще болѣе могучее пламя возстанія, которое, наконецъ, вмѣстѣ съ возстаніемъ европейскаго пролетаріата, опрокинетъ не только троны всѣхъ монарховъ, оставшихся въ Европѣ, но и еще болѣе могущественный престолъ—не коронованныхъ королей международнаго капитала.

Таково возможное объясненіе того страннаго, необъяснимаго, на первый взглядъ тѣснаго единенія шпіоновъ, провокаторовъ, жандармовъ и крайнихъ соціалистовъ—изувѣровъ интернаціонализма, свившихся въ тѣсный клубокъ въ кулуарахъ Смольнаго, а нынѣ и Таврическаго, превращенныхъ ими въ загаженныя и заплеванныя пещеры... Ибо, разъ, чѣмъ хуже—тѣмъ лучше, то и германскій шпіонъ и русскій жандармъ, наиболѣе подходящіе «толкачи» русскаго народа—къ новой соціальной революціи.

Мѣрно шагаемъ въ ногу за колыхающимися гробами и знаменами по талому снѣгу. Поемъ все тѣ же старыя революціонныя пѣсни: «Вы жертвою пали», «Дружно товарищи въ ногу», «Вставай, подымайся». Помню, что еще въ 1905 году мы вздыхали: «нѣтъ у насъ геніальныхъ поэтовъ революціи, не создали мы своей марсельезы». Но въ 1905 году былъ искренній порывъ, хотя не проявилось геніевъ, но революціонная демократія все-таки создала хоть какія-нибудь не яркія, не геніальныя, но простыя, задушевныя пѣсни, отъ которыхъ загорается сердце и слезы появляются на глазахъ. Ну, а 1917 годъ, годъ небывалой у насъ революціи, почему онъ не далъ ни одной пѣсни, ни одного стихотворенія? Неужели—это символъ того, что теперешняя революція, которая, какъ снѣгъ на голову свалилась къ намъ, *бездушна* и вызвала лишь шкурными инстинктами уставшихъ измученныхъ массъ, которыми воспользовались ловкіе политиканы и германскіе шпіоны?..

Старыя пѣсни вызываютъ слезы не только у встрѣчныхъ женщинъ, но и у многихъ мужчинъ, которые не могутъ спокойно смотрѣть на открытыя, молодыя лица жертвъ подлости однихъ и безумія другихъ. Все дальше и дальше отходили мы отъ центра, все больше простого народа попадается намъ на пути, все больше рабочихъ изъ сосѣднихъ заводовъ присоединяется къ процессіи и вдругъ отъ неизвѣстной причины—паника. Въ головѣ колонны не то снѣгъ упалъ съ крыши, не то кто-то выстрѣлилъ, но испуганная толпа, какъ стадо барановъ, шарахнулась въ сосѣднія улицы, перепугала стоявшихъ тутъ ломовыхъ лошадей, тѣ понеслись, перескакивая черезъ дѣтей и взрослыхъ, попадавшихся къ нимъ подъ ноги. Небольшія группы, сохранившія спокойствіе и оставшіяся на мѣстѣ, скоро навели порядокъ криками «назадъ, назадъ, стойте, стойте, ничего нѣтъ». Черезъ пять минутъ все успокоилось, и снова мы тихо и

Библиотека "Руниверс"

мѣрно зашагали въ стройныхъ рядахъ, но мнѣ эта паника еще разъ доказала, какъ мало организованности и самодисциплины накоплено въ средѣ даже нашей интеллигенціи и наиболѣе сознательной части пролетаріевъ. Что же говорить о массахъ?..

Прошелъ семь верстъ; дальше итти не въ силахъ—разболѣлись ноги. Повѣрачиваю назадъ, пропускаю мимо себя растянувшуюся версты на двѣ процессію и тихо бреду домой. По дорогѣ прислушиваюсь къ собирающимся тамъ и сямъ на улицахъ кучкамъ спорщиковъ. Все тотъ же припѣвъ сѣрыхъ шинелей: «Керенскій, Корниловъ, Калединъ». Вотъ залвоздили!.. Но уже чую я, что не такъ далекъ тотъ часъ, когда многіе изъ нынѣшнихъ гвоздилъ почешутъ затылки и скажутъ со вздохомъ: «эхъ, ну и дураками мы были, что Керенскаго не слушали...».

1. Разсказъ арестованнаго.

10 января. Одинъ изъ арестованныхъ 8-по «учредиловцевъ» разсказывалъ мнѣ послѣ обѣда подробности ареста.

«Только что вы ушли — слышу въ сосѣдней комнатѣ говорятъ: внизу обыскъ. Взять земельный архивъ *) спрятали въ укромномъ мѣстѣ. Товарищи говорятъ: «давайте спасаться по черному ходу, по которому не догадались поставить засады». Но мнѣ стало стыдно вѣчно изображать изъ себя трусливаго зайца... Я остался; слышу—снизу изъ столовой на верхъ по парадной лѣстницѣ поднимаются люди съ матерной бранью, стукомъ винтовокъ. Выглянулъ—идетъ человѣкъ 25 матросовъ злыхъ, презлыхъ—вродѣ тѣхъ, которые были 5 января... Ахъ вы, калединцы, корниловцы, такъ васъ и такъ, на штыки васъ. Одѣвайтесь живо». А у насъ остались изъ депутатовъ одни заправскіе крестьяне. Прочіе—сбѣжали, либо ушли раньше.

Одѣлись; повели насъ сначала въ какой-то комиссаріатъ на Мойкѣ. Сбѣгалъ въ канцелярію матросъ—не принимаютъ: не наше, молъ, дѣло. Снова потащили насъ по узкимъ темнымъ, кривымъ улицамъ—не видалъ раньше такихъ. Ну, думаемъ, сейчасъ «самосудъ» начнется. Нѣтъ, обошлось. Привели къ революціонному штабу; тамъ тоже не приняли, но направили на вѣрный путь—на Гороховую, въ пресловутый комитетъ по «борьбѣ съ саботажемъ, спекуляціей, контръ-революціей и проституціей», какъ острили у насъ. Выбрали мы двухъ делегатовъ, которые и вступили въ переговоры съ тамошними «генералами». Ихъ было двое: одинъ—юноша, довольно интеллигентный, видимо стѣснявшійся

*) Разсказчикъ — секретарь земельной комиссіи, хранившій у себя всѣ ея протоколы и постановленія. Ужасно, что при всякаго рода переворотахъ, драгоцѣнный историческій матеріалъ (особенно важный для характеристики крестьянскаго революціоннаго движенія) гибнетъ безвозвратно.

Библиотека "Руниверс"

своей роли, другой—простой солдатъ, грубый и хитрый. Мы говоримъ ему: «необходимо составить протоколъ». А онъ отвѣчаетъ: «Развѣ здѣсь собраніе, чтобъ протоколы составлять». Наивная душа, не подозрѣвалъ, что протоколы составляются не только на собраніяхъ.

Такъ поругались мы съ нимъ съ полчаса, потомъ отвели насъ въ какую-то большую комнату, говорятъ: «ложись на полъ». Легли, поспали. Въ 5 час. утра разбудили, повезли на грузовикѣ въ «Кресты». Трамвайныя бабы, очищавшія путь отъ снѣга, принимая насъ за большевиковъ, честятъ вдогонку весьма нелестными именами.

Привезли, посадили въ одиночки. Ну и грязь, вамъ доложу. Такихъ сальныхъ и вшивыхъ постелей при царѣ не было и на этапахъ, не то что въ Крестахъ, гдѣ я гащивалъ въ тѣ времена и гдѣ была образцовая чистота.

Въ одиночкахъ пробыли до вечера. Въ 8 часовъ вечера стали вызывать на допросъ. Оказывается все знаютъ: и что 6-го было собраніе межфракціонное и рѣшили выпустить декларацію, а 7-го вы, дескать, собирались по общежитіямъ, обсуждали, гдѣ открыть Учредительное Собраніе и рѣшили послать делегацію въ Кіевъ. Явное дѣло—въ нашей средѣ есть провокаторы. Задавали намъ объ этихъ собраніяхъ дополнительные вопросы. Одни изъ насъ говорили: не хотимъ отвѣчать; другіе, что были больны и изъ общежитія не выходили, вообще старались увильнуть отъ отвѣта подъ хорошо или плохо придуманными предлогами. Допрашивающіе были такого же типа, какъ и въ «Комитетѣ по борьбѣ съ саботажемъ и проституціей». Смѣсь застѣнчивыхъ юнцовъ съ демагогами-нахалами, грубыми и простыми. Подозрительный случай: одинъ изъ нашихъ крестьянъ заявилъ, что хочетъ дать показаніе отдѣльно. Его повели въ отдѣльную комнату, тамъ онъ пробылъ минутъ десять.

Послѣ допроса надзиратель позвонилъ: «отведи ихъ». Отвели назадъ въ камеры, но черезъ полчаса вошли матросы и заявили: «Ну, собирайте пожитки и убирайтесь на всѣ четыре стороны»...

Послѣ обѣда пошелъ я на минуту на крестьянскій съѣздъ. Нашихъ крестьянъ собралось порядочно—до трехсотъ человѣкъ. Отсюда отправился на Забалканскій въ засѣданіе Главнаго Земельнаго Комитета.

Грустное засѣданіе въ задней комнатѣ, гдѣ собралась горсточка оставшихся на своемъ посту «послѣднихъ могиканъ», еще не вполнѣ отчаявшихся въ спасеніи земельной реформы, которая, какъ утлый челнокъ заливается бурными, свирѣпыми, хаотическими волнами народной стихіи. 14-го назначенъ коммисаромъ земледѣлія—Колегаевымъ первый всероссійскій съѣздъ земельныхъ Комитетовъ. Собственно, этотъ съѣздъ назначался главнымъ земельнымъ комитетомъ, а Колегаевъ перехватилъ у него иниціативу и разослалъ телеграммы отъ своего имени. Этотъ съѣздъ—послѣдняя наша надежда направить земельную реформу по правильному курсу. Надежда, надо сознаться, весьма эфемерная: тѣмъ

Библиотека "Руниверс"

не менѣе собравшіеся рѣшили участвовать въ немъ, ибо это нашъ гражданскій долгъ. Сколько такихъ «гражданскихъ» долговъ накопилось за нами: давно пора каждому гражданину «свободнѣйшей въ мірѣ республики» сознаться, что онъ безнадежный банкротъ. Нѣтъ, все еще хорохоримся.

Прибѣжалъ товарищъ въ крестьянскій съѣздъ, разсказываетъ, что съѣздъ окруженъ 600 матросами и красногвардейцами. Молодцы—большевики, чисто работаютъ, самодержавной полиціи за ними не угнаться. У меня мелькнула догадка, что они гонятся за членами бюро и вообще за лидерами партіи; и какъ рыбаки, закидываютъ неводъ съ крупными ячеями: мелкую рыбешку, попавшую въ неводъ, выбрасываютъ, крупную оставляютъ себѣ. Но, должно быть и на сей разъ, какъ и позавчера, до крупной не доберутся: та юрка, слишкомъ юрка; пока что, кромѣ юркости, отъ нея для дѣла нѣтъ никакого толка.

Возвращаясь, полетѣлъ подъ трамвай; сзади толкнули меня съ обледенѣлаго сугроба, когда хотѣлъ вспрыгнуть на ходу. Какъ ни заставляютъ всѣхъ саботажниковъ колоть ледъ на улицахъ, онѣ, по прежнему, напоминаютъ Швейцарію въ миніатюрѣ. Какимъ-то чудомъ спасся: только голову и ногу поцарапало. Только всталъ, отряхнулся, слышу крики: «держи, держи». Стремглавъ мимо меня промчался парень въ солдатской одеждѣ, за нимъ толпа. Кричатъ «воръ, кошелекъ укралъ». Поймали, притиснули его къ стѣнѣ дома, галдятъ что-то. Боюсь подойти, жду, вотъ-вотъ «самосудъ» начнется. Слышу, однако, солдатня промежъ себя говоритъ: «комитеты запретили самосуды—потому много невинныхъ убиваютъ». Чудасія! Оказывается, у солдатъ сохранились какіе-то поскребыши дисциплины. По этой ли причинѣ, или потому, что у парня, заподозрѣннаго въ кражѣ не оказалось уворованнаго кошелька—дали ему раза по шеѣ и отпустили съ миромъ. И я избавился отъ лицезрѣнія красотъ самосуда.

Читаю «вечорки». Союзники, будто бы, готовы признать Совѣты. На Украинѣ большевистское разложеніе, которое толкаетъ раду на сепаратный миръ. Вспоминаю: завтра въ 12 собираются чиновники земледѣлія, готовы сдаваться на капитуляцію. Побѣда большевиковъ по всему фронту: но это—Пиррова побѣда.

8. Саморазложеніе.

11 января. Утреннія газеты подтверждаютъ слухи о заключеніи мира украинской радой. Позоръ и гибель Россіи! Это—тогда, когда даже большевики пятятся въ ужасѣ передъ германскимъ миромъ, готовящимъ вѣковое иго полякамъ, литовцамъ, латышамъ, Гибралтаръ изъ Моонзунда, который будетъ замкомъ на тюремной двери для Россіи.

Рада продаетъ угнетенныхъ славянъ Австріи, позорный миръ

Библиотека "Руниверс"

останавливаетъ начавшееся въ ней рабочее движеніе; и хлѣбъ, безъ котораго скоро на улицахъ Петрограда будутъ валяться мертвые люди, не только лошади, австро-германцы смогутъ выжимать изъ украинскихъ хлѣборобовъ не мануфактурой, не обувью, которыхъ у нихъ самихъ нѣтъ, а дикарскими товарами, разными ножичками, зеркальцами, которыми они торгуютъ теперь на фронтѣ, да въ лучшемъ случаѣ желѣзными издѣліями. И это—когда французы готовы озолотить Украину. За человѣческую похлебку—три уѣзда Холмщины и за свою жалкую власть, они продаютъ великую Россію.

Но хороши и наши «углубители» революціи; тоже торгующіе родиной расплывчато и на вынось, стремящіеся поскорѣе поладить съ нѣмцами, чтобы глубже и глубже вколачивать клинъ въ тѣло россійской демократіи—не буржуазіи, которая имѣетъ возможность забронироваться, а только демократіи, самого подлиннаго демоса,—въ особенности несчастнаго крестьянства, за которое яростно принялись прихвостни большевиковъ—лѣвые с.-р.

Мнѣ разсказывали подробности вчерашняго обыска и разгона крестьянскаго съѣзда. Оказалось, что въ облавѣ на полномочныхъ представителей трудового крестьянства участвовали военноплѣнные, переодѣтые въ солдатскую и матросскую форму.

Осада и приступъ съѣзда происходили во время засѣданія. Матросъ, ворвавшійся въ залъ во главѣ вооруженнаго отряда, кричалъ: «именемъ Балтійскаго флота мы распустили Учредительное Собраніе, именемъ Балтійскаго флота распускается и крестьянскій съѣздъ». Его спросили: «А сколько числится въ Балтійскомъ флотѣ людей?»—«Двадцать три тысячи». Тогда посыпались со всѣхъ сторонъ возгласы: «А я одинъ отъ 25,000», «А я отъ 50,000», «А я отъ 100,000».

Въ газетахъ описывалась трагическая встрѣча матроса, пришедшаго съ обыскомъ и крестьянина—его земляка изъ одной и той же волости. Одинъ «буржуй, контръ-революціонеръ», другой—«углубитель революціи». Углубитель революціи не выдержалъ этой встрѣчи—заплакалъ. Но что только въ слезахъ одного, когда десятки другихъ обыскивавшихъ показали себя во всей красотѣ душевной, забирались въ мужицкіе сундучки и коробочки, и вмѣстѣ съ пустыми шрапнельными стаканами, захватили всю провизію, какую понавезли наши мужички изъ деревень, зная о здѣшней голодухѣ.

Но это цвѣточки. Они забрались и въ часовню лазарета, объдуя часовенку, гдѣ утащили вызолоченную ложку для причастія, еще что-то, а антиминсъ, отодравши отъ него крестъ, пустили въ ходъ въ качествѣ носового платка и при всѣхъ стали въ него сморкаться. Съ привычной ловкостью открывали они запертые на ключъ шкафы, вставляя въ замочныя отверстія шпикъ, поворачивая его какимъ-то особеннымъ способомъ: «кражъ и готово». Замокъ сломанъ, дверца раскрывается сама собой.

Библиотека "Руниверс"

Люди, бывавшіе въ Смольномъ и близкіе къ его дѣламъ, разсказывали, какъ быстро развивается тамъ взяточничество послѣ «націонализаціи» банковъ. Коммерсанты, въ общемъ, чувствуютъ себя не такъ плохо, ибо они за извѣстную мзду получаютъ деньги по чекамъ фабрично-заводскихъ комитетовъ, яко бы для расплаты съ рабочими. Такса—5—8% съ суммы чека.

На открытіи совѣтскаго съѣзда—грубы и фанфары. Торжествующіе выкрики матроса Желѣзнякова, его презрительный отзывъ объ Учредительномъ Собраніи, разбѣжавшемся передъ однимъ матросомъ. «Мы—совѣты,—говоритъ онъ,—не побоялись бы лечь костьми». Конечно вретъ: разбѣжались бы отъ одной дисциплинированной роты.

За обѣдомъ ходоки, вернувшіеся изъ Смольнаго, показали мнѣ проектъ декрета, который имъ раздавала своими бѣлыми ручками сама Маруся Спиридонова. Согласно этому проекту, во всѣхъ волостяхъ учреждаются совѣты «рабочихъ, солдатскихъ и крестьянскихъ депутатовъ». Такъ и сказано: «рабочихъ и солдатскихъ». Это въ волостяхъ-то! При нихъ военно-революціонныя комиссіи. Эти комиссіи организуютъ крестьянскую армію, переписывая все населеніе, боеспособнаго возраста (кажется отъ 18 до 45 лѣтъ).

Въ случаѣ нужды, мобилизуютъ его поголовно для охраны территоріи волости и имущества гражданъ отъ внѣшняго посягательства. Экстренная мобилизація въ критическіе моменты. Сверхъ того, образуется постоянное войско изъ добровольцевъ, согласныхъ, въ случаѣ нужды, двинуться въ походъ и за предѣлы волости. Эти войска снабжаются оружіемъ и получаютъ довольно солидное жалованье и обмундированіе. Содержатся они за счетъ волости, которая облагается подесятинно особымъ налогомъ *). Наши мужики говорятъ: «разъ обложеніе крестьянъ—ни въ жисть не пройдетъ».

Вечеромъ узналъ, что былъ обыскъ и въ Центральномъ комитетѣ н-совской партіи. Н-сы говорили: «За нами массъ нѣтъ, поэтому къ намъ не пойдутъ». Анъ и ихъ удостоили. Отъ с.-ровъ массы уже давно стали отходить. Большевики и лѣвые с.-ры ихъ переманиваютъ. Вотъ и отъ разогнаннаго крестьянскаго съѣзда, который дѣлалъ судорожныя попытки сорганизоваться конспиративно, нѣсколько десятковъ перебѣжало въ Смольный. Но, несомнѣнно, скоро настанетъ очередь и большевиковъ.

Понятно, почему массы быстро приходятъ и еще быстрѣе отходятъ отъ той или иной партіи. Каждая изъ этихъ партій держится посулами и революціонными фразами. Но на посулѣ не усидишь, какъ стулъ. Посулы—опора скользкая. Вотъ и соскользаютъ одна партія за другой съ

*) Я узналъ потомъ, что кое-гдѣ, напр., въ Саратовской губ. эта идея осуществилась. Образовались волостные совѣты солдатскихъ депутатовъ, содержавшіе банды хулигановъ на счетъ крестьянъ. Хулиганы держали всю округу въ страхѣ.

Библиотека "Руниверс"

той высоты, на которую взбираются по головамъ массъ и шлепаются въ грязную лужу.

Почему большевиковъ ожидаетъ скорое скончаніе? *). Они опираются больше всего на деклассированную солдатчину. Поглядишь на ихъ съѣзды: какъ бы они ни назывались—рабочими ли, крестьянскими ли или иными, всегда представляютъ эти съѣзды однородную партію, сѣрое сплошное море солдатскихъ шинелей. Армія въ послѣднемъ градусѣ разложенія: вмѣстѣ съ ней скоро сгинутъ и солдатскія шинели. Настоящій рабочій классъ слабѣетъ съ каждымъ днемъ отъ растущей безработицы. Вмѣстѣ съ тѣмъ, онъ отрезвляется, очищается отъ большевистской заразы. Наконецъ, крестьяне—о тѣхъ нечего и говорить. Зараза ихъ коснулась однимъ бокомъ и вывѣтривается въ нѣсколько дней изъ каждаго солдата, возвращающагося съ фронта въ деревню такъ называемымъ большевикомъ. Слѣдовательно,—пройдетъ не болѣе мѣсяца и большевики будутъ опираться лишь на содержимое на казенныя, сирѣчь народныя деньги, красногвардейское отрепье, на которое уже теперь народъ смотритъ, стиснувъ зубы и сжавши кулаки. Ну, а когда и это отрепье не на что будетъ содержать? Тогда... тогда, должно быть придетъ нѣкто въ каскѣ и скажетъ свое—quos ego.

---

12 января. По всѣмъ признакамъ саморазложеніе захватило и послѣднюю *надежду—съѣздъ* земельныхъ комитетовъ **). Нечего больше валандаться въ Петроградѣ. Пора домой. Погуляли и будетъ. Сегодня я уѣзжаю...

Не время еще подводить итоги «историческимъ» днямъ. Да и «исторіи» наши не носятъ на себѣ отпечатка величія, трагизма, подобающаго значенію переживаемаго момента. Это какіе-то «траги-фарсы». А моментъ, вѣдь, дѣйствительно, колоссальный по послѣдствіямъ: гибнетъ родина, гибнетъ недавно еще огромное, могущественное государство, гибнетъ демократія и всѣ завоеванія революціи, т.-е. земля и воля народная. Теперь можно уже довольно отчетливо разобраться въ многогранныхъ причинахъ этой гибели. Но остановить ее у отдѣльныхъ людей нѣтъ силъ и средствъ. Остается намъ, зрячимъ, пока молча глядѣть, сложа руки на

*) Теперь, когда этотъ дневникъ долженъ появиться въ свѣтъ, черезъ три мѣсяца по сто написаніи—большевики не только живутъ, но будто бы укрѣпляются, благодаря полной безпринципности въ выборѣ средствъ, чтобы удержаться у власти. Когда я пишу эти строки—они готовы снюхаться съ настоящей буржуазіей, но народъ—и крестьяне и рабочіе въ массѣ уже разболышевичился въ большинствѣ районовъ Россіи. Однако, несомнѣнно, при помощи насилія и буржуазной поддержки, они еще могутъ просуществовать нѣсколько мѣсяцевъ. Но кто знаетъ, что они способны даже на блокъ съ буржуазіей?..

Н. О.

**) Такъ и случилось вскорѣ. Разсказываютъ, что съѣхавшіеся члены земельныхъ комитетовъ были увлечены въ Смольный соблазномъ получить сапоги и галоши.

Библиотека "Руниверс"

груди. И это бездѣйствіе въ тотъ моментъ, когда камни вопіютъ отъ боли и ужаса—мучительнѣе всего!

Но да будетъ! Непреодолимое должно совершиться. Народъ, стоявшій у границъ земли обѣтованной, за грѣхи и преступленія, не столько свои собственныя, сколько слѣпыхъ безумцевъ и неумѣлыхъ вождей своихъ, на десятки лѣтъ обреченъ снова блуждать въ пустынѣ безправія, горя, нищеты и позора. Въ горнилѣ неиспытанныхъ имъ еще страданій очистится его душа отъ наносной грязи и мути, просвѣтлѣетъ разумъ его, отыщетъ онъ себѣ новыхъ достойныхъ вождей, которые поведутъ его прямой дорогой къ непотухающему солнцу истинной свободы и разумнаго человѣческаго бытія.

Если даже Россія обречена на гибель—народъ съ ней погибнуть не можетъ: ибо онъ безсмертенъ.

Н. Огановскій.

Мелочи прошлаго.

Павелъ I.

(Изъ рукописнаго сборн. нач. XIX в.)

Какъ была у насъ Катюша,
Всѣ жили тогда съ умомъ;
А сынокъ ея Павлуша
Вѣкъ считался дуракомъ.

* * *

А какъ Катю схоронили
Все пошло на новый ладъ:
Букли, косы прикрутили
И начался вахтъ-парадъ.

Нѣтъ, Павлуша, не тягайся
Ты за Фридрихомъ Вторымъ:
Какъ ты хочешь, умудряйся —
Донъ-Кихотъ лишь передъ нимъ!

* * *

Я передъ всѣмъ скажу то свѣтомъ,
Что на Фридриха похожъ
Только шляпой да колетомъ,
А отнюдь лишь не умомъ.

Сообщилъ К. Сивковъ.

Библиотека "Руниверс"

Записки П. С. Батурина *).

III.

Проектъ постройки театра въ Калугѣ и неудача этого проекта.—Отстраненіе отъ завѣдыванія театромъ.—Фаворитка М. Н. Кречетникова—Н. А. Вельяминова.—Дѣятельность по типографіи и литературные труды.—Дѣятельность въ Гражданской Палатѣ.—Столкновеніе съ Предсѣдателемъ Палаты.—Переводъ въ Губернское Правленіе.—Составъ Правленія.—М. Н. Кречетниковъ и его племянники.

При попеченіи моемъ о исправленіи актеровъ и о піесахъ театральныхъ главнѣйшая моя была забота, чтобъ соорудить среди города театръ—построенія, оному приличествующаго; потому что тотъ, въ коемъ представленія происходили, былъ за городомъ, подъ горою, деревянный, пріѣзду неспособнаго и больше походилъ на магазеинъ, нежели на театръ **). Генералъ-губернаторъ опробовалъ мой проектъ, расположеніе коего было, чтобы въ одномъ зданіи былъ театръ для спектаклей и покои для клубовъ или маскарадовъ, съ украшеніемъ приличной архитектуры: сдѣланной оному планъ я пріобщилъ къ книгѣ, въ которой желающіе споспѣшествовать на созданіе сіе подписываться долженствовали. Въ заглавіи книги предложено было предварительное описаніе пользы, отъ театра посреди города воздвигнутаго, а для всего общества—удовольствія и забавъ, произойти могущихъ; польза состояла бы въ томъ, чтобы учрежденіе посреди города и людей рядовъ въ ономъ театрѣ спектаклей и увеселительныхъ собраній привлеченіемъ большую часть года въ городъ людства умножило бы расходъ товарамъ и произвело бы изобильное обращеніе денегъ; удовольствіе всего общества состояло бы въ томъ, чтобъ спектакли и другія увеселенія, какія можно имѣть въ губернскомъ городѣ, были подъ бокомъ, не ѣздя двѣ версты подъ гору и къ берегу рѣки.

Многіе почли мое предложеніе выгоднымъ и полезнымъ, и сумма подписавшихся, живущихъ въ одномъ городѣ, восходила уже до четырехъ тысячъ рублей, а остальное долженствовало быть пополнено при будущихъ того года дворянскихъ выборахъ. Но какъ вездѣ есть люди, коихъ зависть и эгоизмъ не дозволяютъ имъ не только благосклонно,

*) См. «Голосъ Минувшаго», 1918 г. № 1—3.

**) Объ этомъ старомъ театрѣ см. въ брошюрѣ Д. Малинина: «Начало театра въ Калугѣ». (Къ исторіи Калужскаго театра въ XVIII вѣкѣ). Кал. 1912 г.

Библиотека "Руниверс"

ниже спокойно смотрѣть на тѣхъ, которые дѣлами своими или находящимися въ нихъ больше способностями, нежели они сами имѣютъ, затмѣваютъ мнимыя ихъ достоинства, а потому они въ опасеніи, чтобъ не умалился кредитъ ихъ и отъ того къ нимъ уваженіе, стараются препятствовать всякому доброму и полезному дѣйствію, не отъ нихъ происходящему и могущему кого-либо отличить другого, а не ихъ; то и у нашего Намѣстника были любимцы такого-жъ свойства, которые, хотя не могли опорочить опробованнаго имъ и достигнувшаго уже половины своего исполненія проекта, но успѣли опорочить выдумавшаго оной и, посредствомъ возлюбленной его *), внушили ему, что онъ слишкомъ много мнѣ даетъ повѣренности своей, которую я употребляю во зло, представляя ему проекты, могущіе больше отнестись къ моей похвалѣ, нежели прославленію его имени, и наконецъ будто бы я возмечталъ, что довольно мнѣ только ему представить, чтобъ получить его согласіе и одобреніе. Онъ, какъ былъ безмѣрно самолюбивъ и славожаждущъ,— такія внушенія ему отъ той, которую онъ обожалъ, казались заслуживать замѣчанія, и въ доказательство уваженія его къ мнимому предостереженію и нѣжному о славѣ его попеченію, онъ тотчасъ дирекцію театра у меня взялъ и проектъ о построеніи онаго среди города уничтожилъ, а собранныя деньги велѣлъ отдать въ Приказъ Общественнаго Призрѣнія; но въ самомъ дѣлѣ онѣ достались мужу красавицы, имъ любимой, которая, несмотря на его къ ней страсть, нерѣдко его обманывала.

Хотя мнѣ было нѣсколько и огорчительно, что чистѣйшее мое намѣреніе сдѣлать полезное и искреннѣйшая привязанность къ начальнику такъ худо были награждены; однако жъ, не меньше былъ радъ тому, что освободился отъ театральной заботы, которая съ званіемъ моимъ и съ истиннымъ желаніемъ отправлять должность мою прилично оному не согласовалась. Я, видя, что ближнимъ людямъ къ Намѣстнику не угодно было, чтобъ я пользовался благосклонностію его, и что мнѣ не можно было бороться съ интригами и ухищреніями, старался отъ него удаляться и заниматься только ученіемъ того познанія, которое мнѣ для должности моей было нужно, и другими упражненіями, мнѣ свойственными, что онъ примѣтя, дѣлалъ мнѣ ласковые упреки. Я въ томъ извинялся иногда худымъ своимъ здоровьемъ, а иногда тѣмъ, что не имѣлъ экипажа; но онъ не меньше былъ увѣренъ о справедливой тому причинѣ. И хотя онъ былъ тѣмъ не доволенъ, однако жъ, не уменьшилъ хорошаго своего ко мнѣ расположенія и почти ежедневно присылывалъ звать меня къ себѣ. Любезная его **) знала, что я не имѣлъ причины быть ею довольнымъ и для того избѣгалъ быть съ нею вмѣстѣ; однако-жъ, въ угодность

*) Н. А. Вельяминовой, рожд. Буниной. О ней см. ниже.

**) Н. А. Вельяминова.

Библиотека "Руниверс"

Намѣстнику старалась меня приласкать и разными повѣренностями опять со мною подружиться, чтобы быть со мною въ такомъ же хорошемъ согласіи, какъ и прежде; но я отъ того уклонялся, сколько можно было, безъ оскорбленія самолюбія ея и благопристойности; самъ Намѣстникъ, стараясь возстановить прежнее наше согласіе, приглашалъ меня на маленькіе свои ужины, состоящіе въ четырехъ или пяти особахъ, въ числѣ коихъ любовница его всегда находилась; а иногда и мужъ ея *) присутствовалъ въ сей маленькой пріятной, однако жъ не для него, бесѣдѣ: сего послѣдняго странная женитьба заслуживаетъ, чтобы здѣсь объ оной сказать нѣсколько словъ.

Намѣстникъ имѣлъ любовную интригу съ одною благородною дѣвицею хорошаго дворянскаго дома **); онъ бы конечно на ней и женился, если бы не препятствовала ему находившаяся еще въ жизни жена его ***), съ которой уже давно онъ жилъ разно; однако-жъ, если сіе не позволяло ему жениться, то, по крайности, ничто не мѣшало ему съ любовницею своею обходиться на такихъ же правахъ, какія чрезъ женитьбу пріобрѣтаются. Мать ея, обольщаясь тщеславіемъ быть въ тѣсной дружбѣ съ Намѣстникомъ, а можетъ быть и надеждою видѣть его своимъ зятемъ, сама способствовала къ сплетенію сѣтей, коими дочь его опутала, и безславію, отъ того произшедшему, потому что по послѣдствію ихъ дружбы оказалось въ наружности владычицы начальника [нашего] такая перемѣна, которая ясно открыла, что любовникъ ея провождалъ съ нею праздное свое время не безплодно... Наконецъ, надобно ему было сохранить добрую славу красавицы и обнадежить состояніе новаго творенія, на свѣтъ произойти готовящагося; для каковою полезнаго и добраго дѣла онъ призналъ способнымъ одного промотавшагося дворянина и находившагося въ отставкѣ капитаномъ, коему предложено было вы-

*) Николай Ивановичъ Вельяминовъ (род. 1756), совѣтникъ Тульскаго Губернскаго Правленія (1784), затѣмъ—директоръ домоводства Калужской губерніи (1788), Калужскій (1791), Тульскій (1791) и Изяславскій (Волынскій) вице-губернаторъ (1794); съ 1800 г. былъ членомъ Главной Соляной Конторы и 22 января 1801 г. пожалованъ въ д. с. совѣтники. Былъ живъ въ 1813 году, когда проживалъ въ Москвѣ. О немъ много любопытныхъ разсказовъ въ Запискахъ Болотова.

**) Наталья Аѳанасьевна Бунина, дочь Бѣлевскаго (Тульской губ.) городничаго Аѳанасія Ивановича Бунина, женатаго на Маріѣ Григорьевнѣ Бебообразовой; какъ извѣстно, А. И. Бунинъ былъ отцомъ Жуковскаго, прижитаго отъ Елизаветы Дементьевны (Сальхи): такимъ образомъ, фаворитка Кречетникова приходилась Жуковскому единокровною сестрою; близкихъ отношеній у нея съ поэтомъ не было, но на средней изъ дочерей ея, Авдотьѣ, онъ хотѣлъ жениться; бракъ этотъ не состоялся изъ-за кровнаго родства, и А. Н. Вельяминова вышла за П. І. Арбенева; дочь же ея, Наталья Петровна, впослѣдствіи стала женою И. В. Кирѣевскаго. О. Н. А. Вельяминовой, рожд. Буниной, фавориткѣ Кречетникова, много разсказываетъ въ Запискахъ своихъ Болотовъ, хорошо знавшій въ 1870—1790-хъ гг. и Вельяминову, и ея мужа. Н. А. Вельяминова скончалась въ Москвѣ, отъ родовъ, 28 февраля 1789 года.

***) М. Н. Кречетниковъ женатъ былъ на Аннѣ Ивановнѣ, рожд. Дурсовой; дѣтей отъ нея онъ не имѣлъ.

Библиотека "Руниверс"

весть его въ люди, дать ему чины, хорошее мѣсто, снабдить его деньгами, поправить его состояніе,—словомъ, сдѣлать его счастливымъ; за сіе требовалось отъ него одно только приложеніе прозванія его къ особѣ, сдѣлавшейся предлогомъ разговоровъ публики и обсканія влюбленнаго Намѣстника, и чтобъ бракъ ихъ имѣлъ только одинъ церковный обрядъ, безъ дальнѣйшаго совершенства. Бѣднякъ на все былъ согласенъ, а потому, по окончаніи духовной церемоніи, новобрачная прямо изъ церкви доставлена была къ любовнику своему,—и съ молодымъ случилось по пословицѣ: «по усамъ текло, а въ ротъ не попало».

Однако-жъ, въ утѣшеніе его онъ былъ сдѣланъ совѣтникомъ Правленія, потомъ Директоромъ экономіи и, наконецъ, вицъ-губернаторомъ, съ доставленіемъ ему почести, состоящей въ третьей степени ордена Святого Владиміра. Домъ, въ которомъ онъ жилъ великолѣпно съ мнимою супругою своею, снабдѣваемъ былъ Намѣстникомъ всѣмъ тѣмъ, что къ отличному содержанію онаго было нужно. Сверхъ того, любовница Намѣстника имѣла особливыя способности, чтобъ воспользоваться кредитомъ своимъ или, лучше сказать, страстію къ ней его: богатые купцы и дворяне имѣли во многихъ случаяхъ къ ней прибѣжище, отъ чего она умѣла получать всю желаемую выгоду. И хотя въ послѣдствіи времени вѣрность ея поколебалась и преданные Намѣстнику представляли непріятныя о томъ описанія; однако, постоянная его къ ней привязанность ни мало отъ того не перемѣнилась, и онъ запретилъ впредь дѣлать ему подобныя извѣщенія, терзающія сердце его.

Сдѣлавшись свободнымъ отъ директорства театра, я имѣлъ больше времени на пріобрѣтеніе познанія, сопряженнаго съ должностію моею, и на употребленіе трудовъ, которые я посвятилъ на сочиненіе, дабы типографія, находящаяся подъ вѣдомствомъ моимъ, не была праздною и могла бы, по крайности, вырабатывать на содержаніе свое. Первую книгу, которая въ ней была напечатана, я перевелъ съ нѣмецкаго языка, подъ названіемъ «Разныхъ повѣствованій», съ приложеніемъ нѣкоторыхъ басенъ моего сочиненія; другая была «Краткая исторія о Аравлянахъ»; я собралъ оную изъ разныхъ иностранныхъ авторовъ; третья—«Колумбъ въ Америкѣ»,—сокращенное извлеченіе изъ поемы «Коломба», госпожи дю-Бокажи *); потомъ печатано было возраженіе, которое я сочинилъ на книгу «О заблужденіяхъ и истинѣ», содержащую науку Мартинистовъ,—обнаруживающее таинственные ихъ числы и прочія нелѣпости **): такъ же были печатаны нѣкоторыя

*) Французская поэтесса Марія-Анна дю-Боккажъ (Du Boccage—род. 1710, ум. 1802). Ея поэма въ 10 пѣсняхъ: «La Colombiade» вышла въ Парижѣ въ 1756 г.

**) Объ этой любопытной книгѣ, авторъ которой до настоящаго времени былъ неизвѣстенъ, высказывались М. Н. Лонгиновъ, А. Н. Пыпинъ, В. Н. Рогожинъ и Е. П. Семенниковъ. Послѣдній, обслѣдуя въ своей цитированной выше работѣ о «Литературѣ и книгопечатаніи

Библиотека "Руниверс"

оды и слова проповѣдниковъ Калужскихъ и Тульскихъ; но со всѣмъ тѣмъ содержаніе типографіи меня отягощало, потому что выручаемыя деньги за напечатаніе всѣхъ оныхъ книгъ не доставали на нужныя для нея расходы.

Сіи мои труды по типографіи не мѣшали мнѣ обращать всевозможную мою прилежность къ познанію законовъ, нужнѣйшихъ до мѣста моего, то-есть, Гражданской Палаты, въ которой я находился; и я увидѣлъ, что чрезъ одинъ годъ больше зналъ, нежели собратіи мои, по нѣскольку лѣтъ на судейскихъ мѣстахъ сидѣвшіе; а потому находилъ странно и ощущалъ нѣкоторое сожалѣніе о себѣ подобныхъ, что сужденіе о участи ихъ въ нашей Палатѣ предоставлено было одному секретарю, который предлагалъ присутствующимъ опредѣленія, уже совсѣмъ на-бѣло написанныя, и члены подписывали оныя почти по всѣмъ дѣламъ безмолвно и безъ чтенія. Ибо, такъ какъ я выше упомянулъ, Предсѣда-

---

въ провинціи» (С.-Пб. 1911) дѣятельность провинціальныхъ типографій, писалъ: «Въ нашъ перечень городовъ, въ которыхъ возникли типографіи, мы не включали также Тулы, хотя существуетъ извѣстное сочиненіе «Изслѣдованіе книги о заблужденіяхъ и истинѣ», помѣченное вышедшимъ въ Тулѣ въ 1790 году. Согласно предположеніямъ библіографовъ, книга эта не была напечатана въ Тулѣ. М. Н. Лонгиновъ склоненъ приписать происхожденіе этой книги правительственной инициативѣ, а В. Н. Рогожинъ въ новомъ изданіи «Опыта» Сопикова (часть I, стр. LIX) предполагаетъ, что она издана въ Москвѣ» (стр. 6-я отд. оттиска). Подробному обслѣдованію книгу Батурина подвергъ Лонгиновъ въ статьѣ своей «Мартинисты и ихъ противники (1785—1790)», напечатанной въ «Современникѣ» 1857 г. № 4, отд. V, стр. 252 и слѣд.; перепечатана въ «Сочиненіяхъ М. Н. Лонгинова, т. I, М. 1915, редакція П. К. Симони, изд. Л. Э. Буггеймa, стр. 140—154). Разсказавъ о С.-Мартенѣ и его ученіи, Лонгиновъ описалъ изданный Типографическою Компаніею переводъ сочиненія С.-Мартена «О заблужденіяхъ и истинѣ, или познаніе человѣческаго рода ко всеобщему началу знанія...» (М. 1785), а затѣмъ привелъ подробное описаніе книги Батурина: «Появленіе книги С.-Мартена имѣло послѣдствіе чрезвычайно любопытное во многихъ отношеніяхъ: она породила цѣлый томъ возраженій, появившійся въ 1790 году, но написанный въ 1788 году обществомъ частныхъ лицъ, любителей наукъ, проживавшихъ въ Тулѣ. Книга эта... довольно рѣдка и почти неизвѣстна. Она значится у Сопикова подъ № 4506, а у Смирдина подъ № 6569. Вотъ ея заглавіе: «Изслѣдованіе книги о заблужденіяхъ и истинѣ. Сочинено особливымъ обществомъ одного губернскаго города. Въ Тулѣ. 1790». Съ эпиграфомъ:

«Хоть полкъ противныхъ мнѣ возстань,
«Но я не ужасаюсь.
«Пускай враги воздвигнутъ брань,
«На Бога полагаюсь».

(Изъ одъ Ломоносова).

«Форматъ книги—малая осьмушка; страницъ XVI и 377. Въ концѣ приложено еще 8 страницъ съ таблицами, гдѣ показаны страницы книги С.-Мартена и соотвѣтствующія имъ опроверженія въ «изслѣдованіи». Далѣе Лонгиновъ дѣлаетъ обширныя извлеченія изъ Предувѣдомленія къ книгѣ, въ которомъ авторъ (Батуринъ) разсказываетъ исторію (теперь ясно, что вымышленную) о томъ, какъ создалась его книга, написанная будто бы цѣлымъ обществомъ лицъ, заинтересовавшихся книгою С.-Мартена, изданною въ русскомъ переводѣ въ 1785 г. Повѣривъ этому сообщенію, Лонгиновъ произвелъ изслѣдованіе о томъ, кто изъ жив-

Библиотека "Руниверс"

тель *) принужденъ былъ, по незнанію своему ни русскаго языка ни законовъ, отдать всю свою довѣренность секретарю; и хотя при слушаніи дѣлъ апелляціонныхъ онъ не понималъ ничего, что читаютъ, да и понимать ему было не можно: я, будучи русскимъ, не могъ понимать, что протоколистъ въ экстрактѣ читалъ, писанномъ безъ правилъ, слогомъ, не свойственнымъ и не вразумительнымъ, не останавливаясь нигдѣ и мѣшая одну рѣчь съ другою; однако-жъ, кичливый нашъ Предсѣдатель притворялся, будто онъ читаемое дѣло разумѣетъ; а когда доходило до выписокъ подъ экстрактомъ изъ законовъ, тогда онъ читать ихъ не приказывалъ, желая чрезъ то показать, что онъ законы и безъ читанія знаетъ; и хотя я такъ, какъ совѣтникъ, представлялъ ему, что, конечно, надлежитъ читать выписки законовъ, дабы знать, на которыхъ изъ сихъ послѣднихъ, больше приличествующихъ къ дѣлу, учинить рѣшеніе, но онъ мнѣ съ неудовольствіемъ отвѣчалъ, что онъ знаетъ,

---

шихъ къ Тулѣ въ 1788 году (подъ составленія «Изслѣдованія»), могъ принимать участіе въ ея составленіи, и принесъ перечень 11 человѣкъ, которымъ съ большимъ или меньшимъ вѣроятіемъ возможно приписать это участіе. Наконецъ, Лонгиновъ произнесъ свой взглядъ на то, «съ какой точки зрѣнія» лица, участвовавшія въ изданіи «Изслѣдованія» книги С.-Мартена, «на чье авторитеты и какими авторитетами пользовались для опроверженія его ученія», и приходитъ къ выводу, что «высокая степень образованности изслѣдователей доказывается тѣмъ, что имъ знакомы были мнѣнія и доказательства ученыхъ по самымъ разнородными предметамъ»... «Вообще изслѣдователи чрезвычайно цѣнятъ ученость своего вѣка, выказываютъ успѣхи его въ опытныхъ наукахъ (стр. 15, 199 и 356), превозносятъ современныя имъ системы, имѣющія въ виду благосостояніе людей и основанныя на добродѣтели (стр. 183), приводитъ съ признательностью указаніе на Наказъ Екатерины II, при разсмотрѣніи вопроса о наказаніяхъ (стр. 277), и оканчиваютъ свой трудъ апологіей просвѣщенія и осужденіемъ не одного невѣжества, но и безплодныхъ мечтаній (стр. 375)».—А. Н. Пыпинъ въ статьѣ «Русское масонство въ XVIII вѣкѣ», съ своей стороны, удѣлилъ вниманіе «Изслѣдованію» Батурина. Говоря о литературной борьбѣ Екатерины II съ масонствомъ, онъ пишетъ слѣдующее:

«Собственно говоря, единственнымъ настоящимъ возраженіемъ противъ масонскаго мистицизма явилась тогда любопытная книга, происхожденіе которой до сихъ поръ не разъяснено. Это—«Изслѣдованіе книги о заблужденіяхъ и истинѣ» или опроверженіе знаменитой книги Сенъ-Мартена, составленное будто бы обществомъ одного губернскаго города и напечатанное будто бы въ Тулѣ. Здѣсь уже давно предполагали мистификацію и думали, что книга обязана своимъ происхожденіемъ желанію и участію правительства. Это болѣе, чѣмъ вѣроятно. «Изслѣдованіе» весьма обстоятельно разсматриваетъ книгу Сенъ-Мартена, опровергаетъ ея мистику научными фактами, обличаетъ ея «каббалистическое враньё» пустую галиматью и самохвальство. Это было именно такое оружіе, какимъ слѣдовало бы сражаться противъ масонскаго мистицизма. Предисловіе разсказываетъ, что издатели думали выдать книгу еще раньше (предисловіе въ читанномъ нами экземплярѣ, дѣйствительно, имѣетъ видъ приложеннаго къ книгѣ послѣ), говоритъ о появленіи (1785) и успѣхѣ книги Сенъ-Мартена между русскими читателями и о желаніи «особливаго общества» противодѣйствовать этому ея вліянію. Въ самой книгѣ упоминаются русскія подробности, напр., случай въ Турецкую войну 1770 г., случай, происходившій въ Петербургѣ въ 1782 г. (стр. 149, 204),—но такія вещи могли бы быть присоединены и къ чужой книгѣ. Въ самыхъ опроверженіяхъ авторъ чер

---

*) Е. Е. Мейеръ.

Библиотека "Руниверс"

ахъ должно рѣшить дѣло, а если я не знаю и хочу ихъ
читать ихъ одинъ, что я безъ совѣту его всегда дѣлы-
того не стыдился, что Предсѣдатель мнѣ въ насмѣшку
хочу учить законы.
довольнаго свѣдѣнія о производствѣ дѣлъ и законовъ,
упать согласно съ правилами, судебнымъ мѣстамъ въ
чертанными; и для того, какъ въ одно наше засѣданіе
подписанію журналъ, и Предсѣдатель, просмотря оный
і знакъ, что будто онъ все знаетъ, что въ немъ содер-
ъ оный, подалъ мнѣ для того же, то я, позвоня въ коло-
ъ позвалъ секретаря, по ѣходѣ коего приказывалъ ему,
журналъ прочелъ, дабы всѣ члены могли оный выслу-
ъ съ знаніемъ того, что подписываютъ. Но надменный
ель сказалъ, что когда уже онъ прочелъ, то повѣрить

ъ бсѣхъ книгъ знакомство съ изслѣдованіями естествоиспытателей и естествознію-
на Галилея, Мопертюи; на Бюффона, Бонне́та, Бургава, Вик.лова, Гасту-
на Пристлея и Лавуазье, Бойля и Мерграфа, приводя иногда самыя ихъ
знанію исторіи, миѳологіи и древностей и т. д.,—вообще, такую эрудицію,
предположить въ обществѣ губернскаго города. Намъ кажется, что книга
: перевода. Жаль только, что «Изслѣдованіе» явилось слишкомъ поздно и
ъ тому времени наши масоны (или ихъ «избранный кружокъ») считали себя
е этой эпохи: они отличались о всей вѣсколько свысока и могли и не
овержевію»... (А. Н. Пыпинъ. Русское масонство. XVIII и первая чет-
я и примѣчанія Г. В. Вернадскаго, Пгр. 1916, стр. 280—281).

инна упоминаетъ также Я. Л. Борисовъ въ своей книгѣ: «Переписка Мо-
VIII вѣка» (Пгр. 1915, стр. XLI и 292—293), ставя появленіе «Изслѣдо-
другими фактами изъ жизни масонства въ концѣ 1780-хъ—началѣ

ина, разъясняя недоумѣнные вопросы, связывавшіеся до сего времени
ніе» и т. д., съ одной стороны, какъ будто подтверждаютъ предположеніе
, что ее нельзя считать изданной въ Тулѣ, а съ другой—опровергаютъ
вательства въ ея изданіи. Какъ мы видѣли изъ біографіи Батурина, онъ
въ Тулѣ, «совѣтникомъ Губернскаго Правленія, хотя, повидимому, станокъ
, былъ при немъ (см. выше); такимъ образомъ, помѣта на «Изслѣдованіи»:
ина означаетъ скорѣе мѣсто ея редакціи, корректуры. Иначе говоря, печа-
но на станкѣ Калужской типографіи, временно находящемся въ Тулѣ,
нятія, изъ изданія напечатано затѣмъ не было,—быть можетъ затому,
онъ былъ сданъ въ Калугу. Всѣ же разсужденія Лонгинова объ
никахъ въ авторствѣ «Изслѣдованія» должны отпасть сами собою
жало заявленія Батурина, что онъ «сочинилъ» возраженіе на книгу
исателѣ». Его критико-полемическіе пріемы намъ уже извѣстны по его
і «Фелицы»; тѣ же пріемы и тотъ же слогъ наблюдаемъ мы и въ «Изслѣ-
даніи» участію Кречетникова мы не имѣемъ никакихъ данныхъ и полага-
книга была написана и издана при участіи правительства, Батуринъ не
рады за «свое усердіе»; между тѣмъ, никакой награды, какъ мы знаемъ
ь не получилъ въ это время.

Библиотека "Руниверс"

ему можно, и что онъ журналъ читать не позволяетъ; я велѣлъ сіе беззаконное запрещеніе записать въ журналъ; но онъ сказалъ, что онъ и сего не позволяетъ; а я, напротивъ того, подтверждалъ приказаніе мое не только записать то, что Предсѣдатель запрещаетъ читать журналъ, но еще и то, что, въ противность Генеральнаго Регламента, не велитъ по требованію моему того записывать въ журналъ. При сихъ словахъ раздраженный Предсѣдатель всталъ съ своего мѣста, что и всѣ члены сдѣлали,—а тѣмъ и засѣданіе наше кончилось, потому что онъ, взявъ свою шляпу и трость, уѣхалъ съ гнѣвомъ изъ присутствія.

Намѣстникъ *) тогда на нѣсколько времени находился въ Тулѣ; я къ нему тотчасъ послалъ увѣдомленіе о семъ странномъ въ присутствіи нашемъ происшествіи, описывая ему требованіе Предсѣдателя, чтобъ члены подписывали журналы безъ чтенія надлежащимъ порядкомъ оныхъ. Онъ отвѣчалъ мнѣ, что онъ скоро пріѣдетъ въ Калуту и меня съ нимъ разведетъ. Въ самомъ дѣлѣ, онъ пріѣхалъ чрезъ нѣсколько дней и меня изъ Гражданской Палаты перевелъ въ Правленіе. Тутъ досталось мнѣ присутствовать съ мужемъ любезной **) начальника (онъ былъ совѣтникомъ Правленія) и съ губернаторомъ П. С. Пр. ***) Между сихъ новыхъ моихъ сочленовъ находилась безмѣрная противоположность въ свойствахъ ихъ. Прав[итель] губерніи былъ хотя не обширнаго разума, однако, имѣлъ довольно здраваго разсудка, съ похвальнымъ правиломъ быть справедливымъ и удаляться отъ всѣхъ дѣлъ, совѣсти и честности противныхъ; одно только безмѣрное упрямство затмевало хорошее его расположеніе, потому что отъ принятаго имъ мнѣнія трудно было его преклонить къ другому; ибо онъ почиталъ упрямство твердостью. Товарищъ мой, другой совѣтникъ ****), имѣлъ качества совсѣмъ другія: гордъ и низокъ, корыстолюбивъ и расточителенъ, самолюбивъ и несмысленъ; незнаніе и поступки свои предосудительные покрывалъ тѣснымъ знакомствомъ жены его съ Намѣстникомъ; по счастію, онъ скоро былъ сдѣланъ Директоромъ экономіи *****), а на мѣсто его былъ посаженъ мнѣ въ товарищи отставной гвардіи офицеръ Г... ******), человѣкъ былъ богатый, скупой, умѣреннаго разсудка,

---

*) М. Н. Кречетниковъ.

**) Николаемъ Ивановичемъ Вельяминовымъ, мужемъ фаворитки М. Н. Кречетникова—Н. А. Вельяминовой (см. выше).

***) Петръ Степановичъ Протасовъ (род. 1730, ум. 1794), бывшій въ 1781 г. Новгородскимъ губернаторомъ, въ 1782 г. переведенъ былъ на ту же должность въ Калугу, съ 1786 г. былъ генералъ-поручикомъ, а съ 22 сентября 1792 г.—сенаторомъ.

****) Н. И. Вельяминовъ.

*****) Въ Калугѣ же.

******) Имя выскоблено. Въ 1787 г. совѣтниками Калужскаго Губернскаго Правленія были Василій Васильевичъ Голошинъ и Василій Андреевичъ Евреиновъ.

Библиотека "Руниверс"

скуднаго свѣдѣнія какъ по должности, такъ и въ прочемъ; однако-жъ, онъ былъ родной племянникъ Намѣстника,—достоинство, которое замѣняло всѣ другія, коихъ въ немъ не доставало.

Не знаю, какою странностью было, что Намѣстникъ нашъ имѣлъ у себя много племянниковъ, разумъ и дарованіе которыхъ почти всѣхъ были равнаго вѣсу и мѣры *); однако-жъ, всѣ они выгодно помѣщены были, окружали дядюшку и отличались единственно родствомъ своимъ ему; а потому я называлъ ихъ итальянскимъ словомъ «nipoti», племянники, для того, что въ Римѣ каждый папа, восходя на престолъ папскій, возвышалъ и племянниковъ своихъ, такъ что обыкновенно тамъ большую часть знатныхъ называютъ «nipoti», то-есть, папскіе племянники; правда, что «nipoti», нашего Намѣстника не имѣли ничего подобнаго съ племянниками папы Римскаго, кромѣ одного только названія.

IV.

1787. Переѣздъ М. Н. Кречетникова изъ Калуги въ Тулу.—Переводъ Батурина въ Тульскую Уголовную Палату.—Совѣтникъ Тульскаго Губернскаго Правленія Грохольскій.—Служба въ Тульской Уголовной Палатѣ.—Составленіе сборника съ увѣщаніями для обвиняемыхъ.—Переводъ М. Н. Кречетникова на постъ Малороссійскаго генералъ-губернатора.—Эпизодъ съ осужденіемъ купца N и пріѣздъ къ Батурину ночью жены осужденнаго.—Переводъ Батурина совѣтникомъ въ Тульское Губернское Правленіе.

Наконецъ, генералъ-губернаторъ перенесъ резиденцію свою въ Тулу **); многіе думали, что такое переселеніе внушила ему ревность къ одному молодому человѣку, живущему близъ Калуги, въ деревняхъ своихъ, который съ любовницею его сдѣлалъ тайное знакомство; но, какъ бы то ни было, отъ перемѣны резиденціи его послѣдовало и мнѣ перемѣщеніе: онъ меня перевелъ изъ Калужскаго Губернскаго Правленія въ Тульскую Уголовную Палату, потому что въ тамошнемъ Губернскомъ Правленіи вакансіи не было. Хотя я не очень былъ доволенъ, что изъ Правленія, такъ какъ первенствующаго мѣста, переведенъ былъ въ Палату Уголовнаго Суда; но желаніе узнать и по сей части производство дѣлъ и законы не позволило мнѣ роптать на сіе перемѣщеніе.

Въ Тулѣ я увидѣлся съ моимъ пріятелемъ, бывшимъ тогда совѣтникомъ Тульскаго Губернскаго правленія господиномъ Г. ***), который

---

*) Одинъ изъ нихъ былъ Иванъ Дмитріевичъ Шепелевъ, мужъ родной племянницы Кречетникова (дочери его брата)—Елисаветы Петровны Шепелевой, рожд. Кречетниковой; другіе—дѣти сестры Кречетникова, бывшей за Дурасовымъ (Болотовъ, «Записки», т. III, стр. 1200). Ср. ниже.

**) Въ 1788 году.

***) Петръ Михайловичъ Грохольскій, адъютантъ Кречетникова въ 1777 г., затѣмъ совѣтникъ Тульской Палаты Уголовнаго Суда и Директоръ Тульскаго Народнаго Училища

Библиотека "Руниверс"

потомъ игралъ роль довольно отличную при вступленіи въ Польшу войскъ Россійскихъ подъ командою М. Н. Кречетникова, во время присоединенія Польскихъ провинцій къ Россійской державѣ. Господинъ Г. опредѣленъ былъ изъ пажей (извѣстный) одной подкоморжины (Кромикоцкой), наперсницы графа Кречетникова, къ нему въ адъютанты, когда онъ, будучи еще генералъ-маіоромъ, командовалъ въ Польшѣ отрядомъ войскъ, и въ самое то время, когда я былъ присланъ въ тотъ же корпусъ, состоявшій подъ командою его, такъ, какъ выше упоминалъ, для излѣченія отъ ранъ, полученныхъ мною при штурмѣ города Ибраилова *). Находясь съ самаго сего времени при немъ, по возложеніи на него должности государева Намѣстника въ первыхъ двухъ устроенныхъ намѣстничествахъ, онъ, съ перемѣною разныхъ степеней къ нему отъ него благосклонности, умѣлъ при немъ держаться и, наконецъ, сдѣлаться, такъ какъ полякъ, въ забраніи Польскаго края ему нужнымъ. Въ самомъ дѣлѣ, онъ былъ человѣкъ отмѣнной гибкости, скрытенъ и терпѣливъ такъ, что, не смотря ни на какія встрѣчающіяся ему непріятности, достигалъ всегда цѣли, въ пользу свою себѣ предназначенной; къ тому-жъ онъ зналъ въ совершенствѣ немудреное для подобнаго свойства людей искусство ласкать тѣхъ, отъ коихъ благополучіе ихъ зависитъ. Онъ со мною обходился такъ, какъ придворный человѣкъ,— смотря по дурному или хорошему расположенію ко мнѣ начальника: равнымъ образомъ обращеніе его и съ другими, на такихъ же правилахъ основанное, служило для меня исправнымъ барометромъ узнавать перемѣну Намѣстника ко всѣмъ тѣмъ, кои участвовали въ благосклонности его.

Въ отправленіи новой моей должности по уголовной части я поступалъ такъ же, какъ и по гражданской: старался познавать законы, до преступленія относящіеся, и произносить сужденія мои по изысканіи исправнѣйшимъ и точнѣйшимъ образомъ всѣхъ обстоятельствъ беззаконнаго дѣйствія, могущихъ послужить къ обличенію или оправданію обвиняемаго. Съ негодованіемъ увидѣлъ я первый фактъ священника, увѣщававшаго преступника небрежно и съ такимъ видомъ, который подавалъ больше одобренія къ запирательству, нежели располагалъ къ принесенію чистаго признанія; ибо увѣщеватель, не свойственно такимъ именемъ называющійся, разговаривалъ съ предстоящимъ злодѣемъ неприличными словами, сопровождаемыми смѣхомъ, при такомъ важномъ дѣлѣ совсѣмъ не совмѣстнымъ. Сіе заставило меня спрашиться, нѣтъ ли какого узаконенія, касающагося до увѣщеванія

(1788), съ 27 января 1797 по 1812 г.—Вольскій ранге-губернаторъ, женатый на княжнѣ Татьянѣ Васильевнѣ Шаховской («Русск. Стар.» 1872 г., т. VI, стр. 668—669). Въ службѣ онъ находился съ 1771 года, съ 13 августа 1801 г. былъ д. с. совѣтникомъ. О Трохимскомъ Батуринъ разсказываетъ еще и ниже.

*) Т.-е., Браилова. См. въ предисловіи «Гол. Мин.» 1918 г. № 1—3.

Библиотека "Руниверс"

преступниковъ, и нашелъ, что въ 1763 и 1764 годахъ указами предписано было, чтобъ сочинить для сего книжицу, содержащую въ себѣ приличныя и убѣдительныя увѣщеванія; но какъ таковой книжицы по тогдашнее время сочинено не было, то я и ощутилъ нуревнованіе сочинить пристойныя на три рода преступленій, то-есть, на убійство, разбой и воровство увѣщеванія, которыя приняты были Намѣстникомъ съ одобреніемъ и благосклонностію; однако же, за отсутствіемъ его къ арміи на Турецкія границы, увѣщеванія мои остались безъ дѣйствія. Потомъ въ послѣдствіе времени и по смерти графа Кречетникова, я представилъ ихъ при письмѣ къ бывшему генералъ-прокурору князю Куракину *), который отославъ ихъ въ Комиссію Сочиненія Законовъ, гдѣ они и поднесь безо всякаго употребленія остаются и мнимыя увѣщеватели продолжаютъ съ преступниками разговаривать, кто какъ умѣетъ, весьма мало заботясь о поколебаніи чувствованій для расположенія ихъ къ чистому и искреннему признанію.

Намѣстникъ нашъ скоро отправился къ арміи, дѣйствующей противъ турокъ подъ командою князя Потемкина **); а по окончаніи той кампаніи онъ опредѣленъ былъ правящимъ должность Малороссійскаго генералъ-губернатора, съ оставленіемъ его начальникомъ и прежнихъ губерній, имъ управляемыхъ ***); почему онъ и долженъ былъ учредить пребываніе свое въ Кіевѣ, куда и меня потомъ перевелъ, но до того времени я оставался въ Тулѣ при сужденіи дѣлъ уголовныхъ. Пріобрѣтя достаточное познаніе, чтобъ при положеніи по преступленіямъ приговоровъ руководствоваться законами и справедливостію, я, не взирая ни на какія неправильныя толкованія другихъ членовъ или представленія секретаря, внушаемыя имъ причинами, больше согласными съ ихъ предубѣжденіями или собственными выгодами, нежели съ правосудіемъ, оставался при мнѣніи моемъ или преклонялъ собратій къ рѣшенію дѣла, съ законами согласному. Въ доказательство чему упомяну здѣсь только объ одномъ дѣлѣ, по которому, вопреки всѣхъ стараній и средствъ, употребляемыхъ склонить меня къ общему приговору, я принудилъ ихъ поступить такъ, какъ законами предписано, къ крайнему сожалѣнію принимавшихъ участіе, чтобъ дѣло сіе рѣшено было другимъ образомъ.

Нѣкто одинъ изъ тамошнихъ купцовъ приличился въ воровствѣ, за которое, по силѣ законовъ, надлежало его высѣчь кнутомъ и послать въ Сибирь; но какъ того же прозванія были въ Тулѣ другіе купцы, кои по капиталу и по торгу своему считались между первыми, то

*) Князь Алексѣй Борисовичъ Куракинъ былъ генералъ-прокуроромъ съ 4 декабря 1796 г. до 8 августа 1798 г.

**) Въ мартѣ 1791 г.

***) Въ томъ же 1791 г. губернаторомъ продолжалъ числиться фельдмаршалъ графъ П. А. Румянцовъ-Задунайскій.

Библиотека "Руниверс"

имъ было весьма прискорбно, чтобъ однофамилецъ ихъ претерпѣлъ публичное кнутомъ наказаніе и тѣмъ бы нанесъ безчестіе всей фамиліи ихъ. Для избавленія себя отъ такого поношенія они употребили въ Палатѣ и еще гдѣ надлежало извѣстное средство, преклоняющее вѣсы правосудія въ ту сторону, на которую оно прилагается; но какъ я сдѣлалъ себѣ правило презирать то самое средство, ступать всегда по стези правды и указателемъ своимъ имѣть одно только законоположеніе, то ни мало и не соглашался на желаніе богатыхъ купцовъ и всѣхъ тѣхъ, которые, въ угодность ихъ, хотѣли избавить преступника отъ публичнаго наказанія, но настоялъ въ томъ, чтобъ съ приличившимся въ воровствѣ поступить по законамъ; потому что общее его съ хорошими купцами прозваніе ни оправдать его, ни облегчить заслуженнаго имъ наказанія не можетъ. И когда секретарь подалъ мнѣ опредѣленіе, учиненное въ удовлетвореніе тѣмъ купцамъ и уже всѣми членами подписанное,— тогда я объявилъ, что я никакъ отъ мнѣнія своего не отступаю, и что, не смотря ни на какія лица и посторонніе уваженія, надлежитъ вора наказать такъ, какъ законами положено; если же Палата перемѣнитъ своего опредѣленія не согласится, то я подамъ мнѣніе. Однако-жъ, присутствующіе оставили опредѣленіе нѣсколько недѣль безъ перемѣны, которую я требовалъ, въ чаяніи томъ, что могутъ и меня склонить на общее желаніе. И въ самомъ дѣлѣ, многія особы меня къ тому уговаривали, а со стороны искателей избавленія отъ наказанія преступника предлагаемо мнѣ было дѣйствующее ихъ средство съ превосходною силою той, которая кромѣ меня надъ всѣми подѣйствовала; но всѣ ихъ покушенія были тщетны; наконецъ, секретарь выдумалъ совсѣмъ другой способъ къ соглашенію меня подписать опредѣленіе. Онъ зналъ пристрастіе мое къ женщинамъ, то и положилъ, чтобы произвесть съ сей слабой стороны побѣдоносное, по мнѣнію его, на меня нападеніе и для того присовѣтовалъ женѣ подсудимаго, которая изъ себя была прекрасна и имѣла прелести, весьма могущія возбудить желанія не только въ человѣкѣ, расположенномъ къ нѣжности, но и въ такомъ, который бы былъ совсѣмъ другого свойства, что если она хочетъ спасти мужа отъ кнута, то бы сама пріѣхала ко мнѣ въ удобное время и употребила бы ту просьбу, противъ которой онъ вѣрно знаетъ, что я не устою.

Для произведенія въ дѣйствіе такимъ образомъ устроенной противъ меня батареи, красавица пріѣхала ко мнѣ въ домъ въ одиннадцатомъ часу ночью, когда я раздѣвался и ложился спать. Я жилъ на выѣздѣ города въ одномъ каменномъ домѣ, во флителѣ коего типографія моя находилась *), и какъ я, по скудному моему доходу, не имѣлъ

*) Батуринъ разсказываетъ про случай, бывшій съ нимъ въ Тулѣ: слѣдовательно, находившаяся въ его завѣдываніи типографія Калужскаго Губернскаго Правленія временно

Библиотека "Руниверс"

для услуженія своего никакихъ другихъ людей, кромѣ одного мальчика, который работалъ въ типографіи, мнѣ прислуживалъ и обыкновенно въ покояхъ моихъ ночевывалъ,—и лишь только я хотѣлъ ложиться въ постель, онъ прибѣжалъ сказать мнѣ, что какая то барыня ко мнѣ пріѣхала, чему я не вѣря, отвѣчалъ ему: «Какой барынѣ ночью и въ такое отдаленное мѣсто пріѣхать можно!» Но при сихъ словахъ я услышалъ, что по залѣ, чрезъ которую ко мнѣ въ комнату проходить надлежало, шумѣло женское платье, и что точно ко мнѣ идетъ женщина. Я только успѣлъ надѣть на себя сертукъ, какъ вышла ко мнѣ прекраснѣйшая особа, какую только вообразить можно, съ пріятнымъ и видно съ умышленнымъ небреженіемъ одѣтая на случай дѣйствія, къ коему она приготовлялась. При вступленіи своемъ въ комнату, не выговоря еще ни слова, пала къ ногамъ моимъ. Такое нечаянное и пріятное посѣщеніе казалось мнѣ привидѣніемъ; однако-жъ, при подыманіи моемъ ея попавшіе нечаяннымъ образомъ мнѣ въ руки два твердые глобуса увѣрили меня, что красавица имѣетъ вещественное бытіе; я тотчасъ спросилъ, кто она такая, зачѣмъ въ такое необыкновенное время ко мнѣ пріѣхала и какую могу сдѣлать ей услугу. Она съ нерѣшимостію и робостію мнѣ сказала, что она жена такого то преступника. Тогда воображеніе, ласкающее меня надеждою пріятнаго наслажденія, уступило мѣсто безмѣрному замѣшательству отъ такого неожиданнаго ея отвѣта. Съ одной стороны возбужденіе чувствъ влекло меня къ удовлетворенію желаній моихъ; а съ другой, по всѣмъ обстоятельствамъ, по дѣлу мужа ея до меня относящихся и учинившимся извѣстными во всемъ городѣ, не возможно было мнѣ воспользоваться случаемъ, принудившимъ красавицу, такъ сказать, броситься въ объятія мои для избавленія отъ наказанія мужа своего и побѣдить упорство мое красотою своею.

Мгновенное размышленіе показало мнѣ необходимость быть твердымъ и никакъ не соглашаться на употребленную противъ меня хитрость для склоненія меня на единомысліе сочленовъ моихъ. Сообразивъ положеніе мое, съ нею происшедшее отъ замысловъ, на меня устремленныхъ, я сказалъ соблазняющей красавицѣ, что сожалѣю очень, что (я) для избавленія мужа ея ничего сдѣлать не могу, и что сія невозможность не позволяетъ мнѣ найти столько удовольствія въ посѣщеніи ея, сколько бы я безъ того находилъ, и что хотя прелести ея и поколебали чувствованія мои, однако же, честь и сохраненіе доброй славы (моей) преподаютъ мнѣ столько силы, чтобъ такому искушенію противиться.

Ахъ! Боже мой!»—сказала она: неужели вы хотите быть тверже камня! Вы видите, что я пріѣхала всѣмъ вамъ пожертвовать и отдаться

переведена была, съ нимъ, въ Тулу, гдѣ въ 1790 г. и напечаталъ онъ свое, упомянутое выше, «Изслѣдованіе книги о Заблужденіи и истинѣ».

Библиотека "Руниверс"

въ полную волю вашу! Неужели вы хотите лишить себя и меня удовольствія проводить съ вами нѣсколько часовъ пріятныхъ?

Выговоря сіи слова, она сѣла на канапѣ и, сброся съ себя солопъ свой, чтобъ возбудительныя тѣлесности которыя при поднимании ея мною мнѣ были ощутительны, предстали глазамъ моимъ со всею ихъ соблазнительностію,—я, подошедъ къ ней, сказалъ, что если она хочетъ со мною быть знакома и не ставитъ дружбы своей въ ту цѣну, за которую она хочетъ доставить мнѣ мимошедшее удовольствіе, то я всегда любить ее буду; но избавить мужа ея ничто принудить меня не можетъ.

Я отъ васъ безъ того не пойду»,—отвѣчала она, «чтобъ не смягчить ваше сердце; нельзя чтобъ вы были такъ жестокосерды!».

При сихъ словахъ я всю твердость свою было потерялъ и увидѣлъ себя быть въ такомъ положеніи, въ каковомъ нѣкогда быть одинъ святой, о коемъ Четіи-Минеи повѣствуютъ, что когда пришла къ нему нѣкая блудница соблазнять его, тогда онъ, для отогрѣнія, по просьбѣ ея, будто оледенѣлой отъ мороза крови ея, принужденъ былъ положить одну руку ей на перси, а другой руки палецъ—на засвѣщенную свѣчу, дабы ощущаемая имъ боль препятствовала разпаленію чувствъ его; такъ и я хотѣлъ уже положить одной руки своей палецъ на свѣчу, дабы избавиться отъ искушенія и не впасть въ слабость, которой я боялся. Я сказалъ ей, что мнѣ весьма горестно, увидѣвъ ее столько прелестную, не имѣть счастія сдѣлать ей всю ту угодность, которую я бы желалъ, и притомъ потерять надежду имѣть ее себѣ пріятельницею, чѣмъ при входѣ ко мнѣ я было ласкался.

И хотя она еще нѣсколько времени употребляла всѣ старанія свои склонить меня на избавленіе отъ наказанія мужа ея, въ награжденіе чего дѣлала меня совершеннымъ господиномъ прелестей своихъ; но я пребывалъ непоколебимъ, и она, наконецъ, принуждена была съ тѣмъ меня оставить, сказавъ, что я дуракъ, что не умѣлъ брать того, что она мнѣ добровольно предлагала, и что бы другіе въ такомъ случаѣ старались взять усильно. Я чувствовалъ, что я заслуживалъ упреки ея, но, по правиламъ моимъ и послѣ оказанія мною по дѣлу мужа ея противорѣчія, нельзя мнѣ было перемѣнить мнѣнія своего. Я не хотѣлъ быть столько безсовѣстнымъ, чтобы воспользоваться любовію женщины не ко мнѣ но къ мужу своему, заставляющую ее приносить себя за него на жертву другому, и сдѣлать два дурныхъ дѣла: первое—получить удовольствіе отъ принужденнаго снисхожденія; а другое—отступить отъ правосудія и законовъ (или) обмануть ее и лишить награды, которую она отъ такого страннаго ея поступка ожидать право имѣла.

Послѣ того скоро опредѣленіе было перемѣнено, и преступникъ наказанъ по законамъ. Такимъ образомъ я старался отправлять должность свою, не отступая ни на черту отъ законовъ и правды; но за без-

Библиотека "Руниверс"

корыстіе и прилежное служеніе мое не получилъ я, такъ какъ ниже будетъ видно, никакого награжденія, тогда когда другіе, не зная законовъ и ничего не дѣлая, а только пріѣзжая часа на три посидѣть со скукою и нетерпѣніемъ на судейскихъ стульяхъ, получили чины, деревни и почести. О безпечности и безплодности такового многихъ присутствія скажу здѣсь объ одномъ моемъ замѣчаніи, которое мнѣ во время присутствія сдѣлать случилось.

Нѣкто одинъ изъ собратій моихъ безпрестанно глядѣлъ сверху до низу на стѣну, отдѣляющую секретарскую комнату отъ судейской и составленную изъ рамъ, переплетенныхъ съ вставленными въ нихъ стеклами; видя его углубившаго взоръ свой на ту стѣну, я спросилъ его, что онъ любопытнаго въ оной находитъ; на что онъ мнѣ отвѣчалъ, что онъ отъ праздности и скуки считаетъ стекла,—сколько ихъ въ той стѣнѣ въ рамахъ находится. Я ничего ему на это не сказалъ, но пожалѣлъ внутренне, что онъ, вмѣсто того, чтобъ заняться пріобрѣтеніемъ познанія касающагося должности его, проводитъ такъ тщетно время свое.

Я переведенъ былъ въ Губернское Правленіе и вторично сдѣлался совѣтникомъ Правленія, гдѣ также, по образу моего служенія, нерѣдко надлежало противоборствовать опредѣленіямъ, не согласнымъ съ постановленіями, въ «Учрежденіи о губерніяхъ» изображенными. Но какъ въ семъ мѣстѣ я голоса не имѣлъ, то возраженія мои оставались безъ дѣйствія.

V.

1790. Переводъ Батурина Директоромъ Экономіи въ Кіевъ.—Пріѣздъ въ Кіевъ.—Столкновеніе съ Кіевскимъ Губернаторомъ Шепковымъ и Совѣтникомъ Катеринычемъ.—Заботы объ интересахъ казны и казенныхъ крестьянъ.—Запрещеніе винокуренія въ городахъ.—Интриги противъ Батурина.—Губернаторъ Шепковъ и дѣло крестьянъ Хотовской волости.—Дѣло крестьянъ Сербѣевской волости.—Порученіе Батурину отъ М. Н. Кречетникова—исправить генералъ-губернаторскій дворецъ въ Кіевѣ.—Столкновеніе по этому поводу съ губернаторомъ и Казенной Палатой.—Выѣздъ въ Москву и свиданіе съ М. Н. Кречетниковымъ.—Поѣздка изъ Тулу къ М. Н. Кречетникову.—Путешествіе обратно въ Кіевъ.—Анекдотъ про достовщика.—Печальная любовная исторія.—Пріѣздъ къ Батурину его Тульской пріятельницы.—Поѣздка къ М. Н. Кречетникову въ Польшу, въ м. Любунь.—Лицо-губернаторъ Грохольскій и его отношеніе къ Батурину.—Поѣздка въ Кіевъ. Знакомство съ В. В. Капнистомъ.

Наконецъ, получилъ письмо отъ Михаила Никитича *), которымъ онъ увѣдомлялъ меня, что я опредѣленъ въ Кіевъ Директоромъ Экономіи, и чтобы я поспѣшилъ пріѣхать къ нему. Сіе опредѣленіе меня въ Директоры Экономіи было единственное добро, которое онъ въ десятилѣтнее мое подъ начальствомъ его нахожденіе, то

*) Кречетникова.

Библиотека "Руниверс"

есть до сего и по смерть его, мнѣ здѣлалъ, и оное состояло для меня только въ томъ, что я сталъ получать жалованье вмѣсто 600 р. по 1000 р.; ибо я никакъ не умѣлъ и по расположенію своему не могъ отъ сей должности получать себѣ выгоды, такъ, какъ многіе другіе, которые не только оныя доставлять себѣ умѣли, но еще и обогащались.

Я, не мѣшкавъ, отправился въ Кіевъ. М. Н. *) скорымъ пріѣздомъ моимъ былъ доволенъ и приказалъ на первой случай жить мнѣ во дворцѣ, гдѣ онъ и самъ жилъ.

Вступивъ въ отправленіе новой должности своей, я увидѣлъ, что сотоварищи мои, засѣдающіе со мною въ Казенной Палатѣ, больше подвизались попеченіемъ о собственныхъ своихъ доходахъ, нежели о казенныхъ; а потому я и предвидѣлъ, что мнѣ надобно будетъ имѣть непрестанныя съ ними распри, тѣмъ паче, что тамъ издавна уже было заведено, что не только присудствующіе Казенной Палаты, но и Губернскаго Правленія члены почитали себя въ правѣ брать отъ казенныхъ поселянъ подводы и требовать другихъ услугъ по надобностямъ, имъ случающимся. И такъ какъ М. Н. велѣлъ мнѣ къ себѣ обо всемъ относиться, то я ему и сказалъ по сему предмету о замѣчаніяхъ моихъ, объявивъ притомъ, что я отъ своихъ правилъ не отступлю, и что бы онъ, въ случаѣ какихъ-либо на меня представленій, могущихъ родиться отъ злости получившихъ неудовольствіе чрезъ защищеніе мое казенныхъ крестьянъ, покровительствомъ своимъ меня не оставилъ. Онъ одобрилъ расположеніе мое и сказалъ, чтобы я, не смотря ни на что, поступалъ, какъ честному человѣку должно: безкорыстно, справедливо и по законамъ.

При самомъ началѣ отправленія моего должности Директора Экономіи, мнѣ надлежало многимъ здѣлать досаду, ибо по прежней привычки употреблять поселянъ казенныхъ для надобностей особенныхъ, я получилъ много записокъ, которыми просили иные наредить имъ столько то подводъ, другіе—велѣть имъ привесть сѣна, третіе—дровъ и прочаю, что кому надобно было; въ каковыхъ требованіяхъ я всѣмъ отказалъ и просилъ, чтобъ они впредь ко мнѣ таковыхъ не присылали, потому что я поселянъ казенныхъ ни въ какія партикулярности употреблять не могу.

Кіевской Губернаторъ Ш. **), которой былъ уже престарѣлыхъ лѣтъ и разумъ его находился (отъ оныхъ) въ нѣкоторой дряхлости, то сынъ его, бывшій нѣкогда исправникомъ въ Рыльскѣ, управляя отцомъ своимъ, вмѣнилъ управлять всею губерніею, и по такому предубѣжденію ему казалось, что Директоръ Экономіи долженъ быть у него въ командѣ и въ требованіяхъ для услугъ дому ихъ отказывать не

*) Кречетниковъ.

**) Семенъ Ермолаевичъ Шишковъ, былъ Правителемъ Кіевскаго Намѣстничества (т.-е.

Библиотека "Руниверс"

можетъ; а потому какъ онъ, такъ и другіе, приписавшіе себѣ въ принадлежность заимствовать нѣкоторыя надобности отъ поселянъ казенныхъ, приняли такую новость весьма не благосклонно. При первомъ случаѣ Вицъ-Губернаторъ Башиловъ *) старался вразумить меня, что Директору Экономіи не возможно отказывать Присудствующимъ для домашняго ихъ содержанія въ нужныхъ пособіяхъ—по той, будто, причинѣ, что около Кіева на большое разстояніе никакихъ другихъ селеній, кромѣ казенныхъ, не находится и нанять подводъ нигдѣ не возможно; а казенные крестьяне добровольно ничего дѣлать не хотятъ, то и надлежитъ ихъ высылать, по надобности каждаго, принужденно, безъ чего многіе претерпятъ крайнею нужду въ сѣнѣ, овсѣ, хлѣбѣ и прочемъ. Я на такія своеполезныя и неправильныя разсужденія ничего другого не противополагалъ, какъ одни узаконенія, которыя они толковали по предубѣжденію своему.

Однако жъ возбраненіе мое употреблять казенныхъ поселянъ для надобностей своихъ не попрепятствовало Совѣтнику Правленія Катеринчу **), по прежнему обыкновенію, послать одного приказного, чтобъ казенные крестьяне привезли ему тридцать возовъ сѣна, что и было въ исправности исполнено. Но такъ случилось, что я, идучи по площади, находящейся предъ крѣпостью, увидѣвъ сіи подводы, остановившіяся по незнанію квартеры Совѣтника, спросилъ у нихъ, что они за мужики и къ кому привезли сѣно; узнавши, что они казенные и привезли, по наряду приказнаго, присланнаго отъ Совѣтника, къ нему сѣно, но не знаютъ его жилища,—я сказалъ имъ, чтобъ они ѣхали

губернаторомъ) съ 1780 по 28 іюля 1795 года; въ службѣ онъ находился съ 1737 г.; въ 1769 г. служилъ въ Троицкомъ пѣхотномъ полку, съ 25 сентября 1771 г. былъ генералъ-маіоромъ, а съ 5-го мая 1779 г. — генералъ-поручикомъ; 28-го іюля 1725 вышелъ въ отставку съ пенсіей. Въ дѣтствѣ своемъ Ширкова видывалъ Вигель: «Тогда,—пишетъ онъ,— управлялъ Кіевскимъ намѣстничествомъ осьмидесяти-лѣтній, полумертвый старецъ, Семенъ Ермолаевичъ Ширковъ, старшій генералъ-поручикъ по арміи, въ Польшѣ лентѣ Бѣлаго Орла. Онъ разрушался, но все упрямился оставаться на губернаторствѣ; наконецъ его уволили съ честью и пенсіей. Объ немъ самомъ осталось у меня самое тусклое воспоминаніе, но мнѣ очень памятны почести, ему воздаваемыя. Изъ уваженія ли къ его глубокой старости, или слѣдуя чинопочитанію, которрое въ то время строго соблюдалось, мой отецъ всегда на крыльцѣ встрѣчалъ и до крыльца его провожалъ. Его довольно любили, но семейство его было самое странное; вообще весь этотъ родъ Ширковыхъ, Курскихъ помѣщиковъ, какъ прежде, такъ и послѣ, имѣлъ весьма худую славу; членовъ обвиняли въ насиліяхъ, убійствахъ, кровосмѣшеніи, разнаго рода, преступленіяхъ, изъ коихъ нѣкоторыя были доказаны по дѣламъ...». (Записки, изд. 1892, ч. I, стр. 58).

*) Александръ Ѳедоровичъ Башиловъ (род. 1751), статскій совѣтникъ; передъ тѣмъ былъ Директоромъ Экономіи въ Курскѣ; впослѣдствіи (съ окт. 1793) былъ оберъ-прокуроромъ въ Сенатѣ, 19 декабря 1796 г. назначенъ сенаторомъ, но 7 октября 1797 г. вышелъ въ отставку. Кіевскимъ Вице-Губернаторомъ былъ съ 16 сентября 1781 до 20 октября 1793 г.

**) Совѣтникъ 5-й Экспедиціи Кіевской Казенной Палаты, капитанъ Василій Семеновичъ Катеринчъ (род. 1771, ум. 1847), впослѣдствіи Кіевскій вице-губернаторъ и губернаторъ (см. В. Л. Модзалевскій, Малороссійскій Родословникъ, т. II, стр. 346).

Библиотека "Руниверс"

за мною, и что я имъ укажу, гдѣ сѣно сложить должно; итакъ, приведши ихъ во дворецъ, велѣлъ сѣно скласть на конюшню Генералъ-Губернатора и, заплатя имъ за провозъ и за сѣно, отпустилъ по домамъ; а Совѣтнику послалъ сказать, что есть-ли онъ хочетъ получить сѣно, то бы прислалъ ко мнѣ деньги, которыя я вмѣсто его казеннымъ мужикамъ заплатилъ за сѣно и за провозъ онаго; однакожъ, онъ разсудилъ за лучшее отъ сѣна отказаться, нежели перевозить оное къ себѣ съ Генералъ-Губернаторской конюшни. Сія строгость привела въ негодованіе на меня всѣхъ, пользовавшихся крестьянскими услугами. Престарѣлой Губернаторъ въ защищеніе и удовлетвореніе своего Совѣтника хотѣлъ здѣлать мнѣ выговоръ; но я ему сказалъ, что я поступаю по должности своей, и что какъ самъ Генералъ-Губернаторъ находится въ городѣ на лицо, то онъ можетъ о семъ доложить ему, чего онъ, однако жъ, здѣлать не разсудилъ за благо.

Войдя во всѣ подробности должности моей, я увидѣлъ, что необходимо, для сохраненія казеннаго интереса, должно по многимъ важнымъ предлогамъ противъ управленія прежнихъ директоровъ экономіи здѣлать другія постановленія, напримѣръ: о уравненіи казенныхъ поселянъ землями, о препрадѣ къ истребленію лѣсовъ казенныхъ и о лучшемъ управленіи прочихъ частей казенной экономіи. Пресѣченіе истребленія лѣсовъ казенныхъ была часть важнѣйшая, потому что оные почти безпрестанно вырубаемы были всѣми тѣми, кои хотѣли ими пользоваться, какъ-то: дворянами, сельскими жителями и мѣщанами, а паче Кіевскими, ибо при вступленіи моемъ въ должность Директора Экономіи я нашелъ, что въ городѣ Кіевѣ состояло 116 винокуренъ, которыя большею частію употребляли лѣсъ казенной. Содержатели оныхъ, узнавъ о моемъ намѣреніи здѣлать представленіе Генералъ-Губернатору о запрещеніи имѣть, въ противность законовъ, въ самомъ городѣ винокурни, и о особомъ постановленіи для возпрепятствованія винокурамъ пользоваться казеннымъ лѣсомъ, какъ градскіе такъ и селскіе предлагали мнѣ каждой съ винокурни своей давать всякой годъ доходу соразмѣрно количеству вина, на нихъ высиживаемаго, за то, чтобъ я оставилъ въ томъ же порядкѣ лѣса и существованіе ихъ винокуренъ, какъ прежде было. Но я въ исправленіи по совѣсти обязанность свою, ни мало тѣмъ не поколебался и по первымъ двумъ вышесказаннымъ предлогамъ, то есть, о уравненіи крестьянъ землями, которыя за малую цѣну отдавались въ оброкъ съ наблюденіемъ частныхъ выгодъ, не взирая на то, что крестьяне, по скудости оставленной имъ земли, не могли ни себя содержать, ни казенныхъ податей платить; и о удержаніи отъ порубки лѣсовъ представилъ Генералъ-Губернатору, чтобъ произведеніемъ послѣдняго представленія въ дѣйствіе всѣ винокуренные заводы, построенные въ Кіевѣ и прочихъ городахъ Кіевской губерніи, уничтожить, дабы, съ прекращеніемъ въ оныхъ винной сид-

Библиотека "Руниверс"

ъ и порубка лѣсовъ казенныхъ, а паче находящихся
города Кіева. Генералъ-Губернаторъ тотчасъ предста-
ъ Сенатъ, откуда неукоснительно послѣдовалъ указъ о
ныхъ поселянъ землями и о запрещеніи по городамъ
Симъ усердіемъ моимъ къ службѣ я навлекъ на себя
заніе промышляющихъ сидкою вина и тѣхъ, которые
ыми землями; изъ чего и произошло, что сочлены мои
ыхъ я пресѣкъ корыстолюбивые виды, здѣлались мнѣ
непріятелями; но я, не взирая ни на какія ихъ злост-
ня устремленія, продолжалъ отправлять должность мою
стъ и законы мнѣ предписывали.

Генералъ-Губернатора командовать войсками въ Лит-
зъ защиты противъ всѣхъ враговъ моихъ, возставшихъ
тво имъ причинять обиды казеннымъ поселянамъ, а
ской Прокуроръ (Краснокутской) *) и Губернской
нецъ) **), пользовавшіеся больше всѣхъ притѣсненіемъ
крючками ябиды, ихъ одушевляющей, устроить погиб-
ь ихъ противъ меня даже до того была дѣятельна, что
ныхъ, служившихъ въ Экспедиціи моей, подговаривали
ложные доносы; но какъ я никому изъ нихъ оскорблен-
ть, а старался, сколько возможно мнѣ было, доставлять
икто изъ нихъ на такую скаредность не согласился; од-
не отвратило отъ гнуснаго сего способа ввергнуть меня
видя, что приказные служители Экспедиціи моей добро-
дѣемъ тому не желаютъ, вздумали употребить два сред-
и угрозы къ побужденію кого-либо изъ нихъ исполнить
мѣреніе; и для того предложили одному канцеляристу,
я имъ послабѣе другихъ, или награжденіе за послу-
погибель, которая въ противномъ случаѣ ему пред-

Яковлевичъ Краснокутскій (род. 1751, ум. 23 декабря 1813), въ 1784—
имъ Губернскимъ казначеемъ, а въ 1791—1797 г.—Кіевскимъ же Губерн-
Въ 1797 г. назначенъ былъ и. д. Костромского Губернатора, а въ февралѣ
ъ должности и преданъ суду Сената. Описывая современное настоящимъ
общество Кіевскихъ чиновниковъ, Вигель пишетъ: «Ничего, кромѣ по-
зать, и о другихъ чиновникахъ военныхъ и гражданскихъ, тогда въ Кіевѣ
нынѣ на память приходящихъ. Но какъ самое лучшее, безпрестанно
вскучить, то для перемѣны скажу нѣсколько словъ о Губернскомъ про-
окурскомъ. Его никто не могъ упрекнуть въ медленности, но чрезмѣрно
йной крутъ дѣлали его пріятельнымъ и ласковымъ. Онъ былъ бѣденъ
ъ, и я не берусь его осуждать, хотя онъ причинилъ много досадъ отцу
ъ одинъ изъ виновниковъ 14-го Декабря» (Записки, изд. 1892 г., ч. I,

Губернскимъ казначеемъ былъ Прохоръ Александровичъ Рудневъ (Мѣсяце-
р. 344).

Библиотека "Руниверс"

стоять будетъ. Сей бѣднякъ, испужавшись, прибѣжалъ увѣдомить меня о томъ и спрашивать, что я ему велю дѣлать. Я ему сказалъ, что въ етомъ случаѣ спрашиваться меня не о чемъ: естьли что онъ знаетъ, то бы доносилъ, а естьли ничего не знаетъ, то ему извѣстно, какъ честному человѣку поступить должно. Онъ мнѣ съ робостію говорилъ, что онъ ничего дурнаго сказать противъ меня не знаетъ и, конечно, доносить ничего на меня не имѣетъ и не будетъ, но только просить, чтобъ я его отъ угрозъ ихъ защитилъ. Я обнадежилъ его, что я не допущу его ни до какого утнетенія людьми, подвизающимися злостію и несправедливостію: такимъ образомъ сіе низкое и безсовѣстное противъ меня предпріятіе осталось безъ дальнѣйшаго послѣдствія.

Всѣ ихъ покушенія, какъ сіе, такъ и другія, подвесть меня подъ судъ, дабы я былъ отрѣшенъ отъ должности, не устрашили и не удерживали меня защищать поселянъ казенныхъ отъ ихъ насильственныхъ нападковъ, которые они имъ, въ презрѣніе человѣчества и законовъ, причиняли. Но всѣ мои старанія и попеченія воспрепятствовать къ тому не могли и оградить ихъ отъ разоренія, потому что Губернской Прокуроръ управлялъ Губернаторомъ *) и умѣлъ дѣйствовать вліяніемъ своимъ надъ всѣми судами.

Сей Губернаторъ почитался обще довольно добрымъ человѣкомъ, съ каковымъ названіемъ обыкновенно сопрятается разумѣніе не большой премудрости и не дальновиднаго человѣка; оное приниматься можетъ въ хорошемъ смыслѣ о партикулярномъ человѣкѣ, ибо, не имѣя силы здѣлать зла, доброта его можетъ полезна быть другимъ; но въ управляющемъ губерніею и имѣющемъ подъ своимъ начальствомъ до 400,000 себѣ подобныхъ, одна доброта безъ дѣятельнаго и проницательнаго разума, безъ правосудія и твердости, не только не достаточна, но и совершенно вредна, потому что такой доброй человѣкъ Губернаторъ, не имѣвъ вышеозначенныхъ качествъ, по слабости своей на всѣ представленія отъ людей, взявшихъ надъ разумомъ его поверхность, имъ только полезныя соглашается, отъ чего утнетеніе коварными безсильныхъ заступаетъ мѣсто правосудія. Чему въ доказательство опишу здѣсь только два дѣла, кои, по представленію моему Казенной Палатѣ, а изъ сей по сообщенію въ Губернское Правленіе долженствовали въ причиненныхъ обидахъ Губернскимъ Казначеемъ **) и Губернскимъ Прокуроромъ ***) казеннымъ крестьянамъ въ удовлетвореніе ихъ быть изслѣдованы, и которыя ясно покажутъ, какимъ духомъ тогда въ Кіевской губерніи подъ правленіемъ Губернатора Ш. ****) судебныя мѣста одушевлялись.

---

*) Ширковымъ.

**) Рудневымъ.

***) Краснокутскимъ.

****) Ширкова.

Библиотека "Руниверс"

По жалобѣ Хотовской волости крестьянъ въ разныхъ обидахъ, имъ причиненныхъ отъ Губернскаго Казначея Руднева, и по представленію моему о доставленіи имъ удовольствія, предписано было отъ Губернскаго Правленія Нижнему Земскому Кіевскому Суду произвесть слѣдствіе. Судъ сей, хотя и отправился для исполненія ему повелѣннаго; но вмѣсто того, чтобъ изслѣдовать объ обидахъ крестьянамъ, въ коихъ они жаловались, оставя сіе, что было предлогомъ ему повелѣннаго, записалъ въ журналѣ своемъ, что будто крестьяне, жалующіеся на Р., дѣлали къ сему послѣднему прицѣпки, говоря: «чортъ за чортомъ руку тянетъ, за чертовыми пашами добра нѣтъ». По каковому единственному записанію въ журналъ мнимаго преступленія невинныхъ и обиженныхъ поселянъ, дѣло началось уже не о томъ, что ихъ Р. нападками своими приводитъ въ разореніе, но о томъ, что будто крестьяне разговорами своими обидѣли Р. и тѣмъ въ присудствіи Земскаго Суда оказали неучтивость; почему дѣло, долженствующее доставить обиженнымъ удовольствіе, превращено было въ дѣло уголовнаго преступленія. Забрали бѣдныхъ обиженныхъ, жалующихся мужиковъ въ городъ, и въ самое рабочее время нѣсколько недѣль содержали ихъ подъ карауломъ. Въ учиненныхъ же имъ допросахъ они показали:

Крестьянинъ Бойко: имѣлъ онъ съ Казначеемъ Р. разговоръ о томъ, что онъ, Казначей, не подлежаще рубитъ въ казенномъ лѣсу дрова, а между тѣмъ Судъ, произведя слѣдствіе, пріостановился на томъ мѣстѣ, гдѣ работники Руднева имѣли ночлегъ, ибо онъ нанималъ отъ Казенной Палаты при той волости лута, въ коихъ жители оной сами имѣли большой недостатокъ; и когда на томъ мѣстѣ, Р. подчивалъ присудствующихъ и Уѣзднаго Стряпчего виномъ, тогда онъ, Бойко, просилъ и себѣ вина; а Казначей Р. за то бранилъ его разнымъ образомъ. Напротивъ чего крестьянинъ Бойко сказалъ ему: «Коли бы чортъ съ дюжимъ боролся, а съ богатымъ позывался!».

Матренко показалъ, что когда Рудневъ его ругалъ, онъ отвѣчалъ только то: «Онъ, Р., безъ мужика прожить не можетъ; а мужику, купивши за шахъ хлѣба, пана найти можно».

Третей крестьянинъ отвѣчалъ: «Что никакихъ не благопристойныхъ поступковъ предъ Судомъ не дѣлалъ и съ Р. никакихъ разговоровъ не имѣлъ, а находился при слѣдствіи съ надлежащимъ Суду повиновеніемъ».

Однако жъ, не смотря на сіи не сходственныя съ журналомъ Земскаго Суда показанія, Уѣздной Кіевской Судъ и Уголовная Палата безо всякаго наблюденія порядка, предписаннаго въ производствѣ уголовныхъ дѣлъ, осудили нещастныхъ обиженныхъ поселянъ, въ угодность Р., за вышеписанныя слова, сказанныя ему двумя изъ нихъ въ открытомъ полѣ и тогда, когда онъ подчивалъ присудствую-

Библиотека "Руниверс"

щихъ винномъ, а третьяго ничего не говорившаго, но тѣмъ только виновнаго, что онъ былъ обиженъ,—высѣчь плѣтьми публично. И такой несправедливой и безчеловѣчной приговоръ судящихъ, руководствуемыхъ людьми, злостію и ухищреннымъ корыстолюбіемъ управляемыхъ, несмотря ни на какія мои возраженія и, наконецъ, самыя не отступныя прозьбы Губернатора, опробовавшаго беззаконной приговоръ о непроизведеніи оного въ дѣйствіе, безвинные мужики, вмѣсто полученія за безчисленныя ихъ обиды Казначеемъ Рудневымъ удовольствія, претерпѣли тѣлесное наказаніе,—дабы они впредъ въ притѣсненіяхъ ихъ жаловаться не отваживались и на Директра Экономіи не надѣялись.

Другое дѣло состояло въ томъ, что по сообщенію Казенной Палаты въ Губернское Правленіе о доставленіи Сергѣевской волости крестьянамъ, живущимъ въ двухъ верстахъ отъ Губернскаго Прокурора, за отнятіе имъ у нихъ земли, за потравленіе скотомъ его ихъ сѣна и другихъ обидъ удовольствія оное Правленіе предписало Пирятинскому Земскому Суду о изслѣдованіи и доставленіи обиженнымъ удовольствія.

Но означенной Земской Судъ, поступая по тѣмъ же правиламъ, по коимъ и Кіевской Земской Судъ, по сему предписанію донесъ, будто бы никакихъ обидъ отъ Прокурора казеннымъ крестьянамъ чинено не было, почему Губернское Правленіе здѣлало опредѣленіе послать въ Управу Благочинія указъ о сыскѣ сочинителя мнимо-фальшивой прозьбы для поступленія съ нимъ по законамъ, не смотря на то, что прозьба не могла быть фальшива: потому что крестьянѣ подали оную въ Экспедицію Директора Економіи, который, при осмотрѣ своемъ оброчныхъ статей, произведеніемъ слѣдствія на мѣстѣ, нашелъ, что жалобы крестьянъ на сосѣда, притѣснителя ихъ, были справедливы, велѣлъ имъ подать прошеніе въ Експедицію его.

Видя, что всѣ защищенія мои казенныхъ поселянъ и попеченія о казенномъ интересѣ остаются безплодны и пропивъ столь явнаго неправосудія дѣйствовать ничего не могутъ, я увѣдомилъ Генералъ-Губернатора о притѣсненіяхъ, отягощающихъ крестьянъ казенныхъ, и мнѣ лично оказуемыхъ оскорбленій ненавистію на меня изрыгающихъ, лаская себя надеждою, что по возвращеніи его правосудіе и человѣчество паки пріобрѣтутъ свое право.

Тѣмъ временемъ я получилъ отъ него письмо изъ Петербурга, гдѣ онъ по возвращеніи своемъ изъ Польши находился: онъ увѣдомлялъ меня, что онъ скоро въ Кіевъ къ начальству своему будетъ, и предписывалъ мнѣ, чтобъ я во дворцѣ, въ коемъ онъ обыкновенно пребываніе свое имѣетъ, ветхости починкою исправилъ и во внутренности, покояхъ далъ бы имъ тотъ видъ чистоты и порядка, въ какомъ имъ быть надлежало. Я представилъ о семъ Казенной Палатѣ и Губернатору, чтобъ

Библиотека "Руниверс"

мнѣ отпустили денегъ на починку того во дворцѣ, что нужно будетъ. Но какъ во всякомъ случаѣ Губернаторъ и Казенная Палата старалась оказывать мнѣ всякія непріятности, то и зачали дѣлать письменное производство, чтобъ осмотрѣть, какая нужна во дворцѣ починка, сколько и какихъ матеріаловъ на оную потребно, и чтобъ всему тому учинить смѣту. Я зналъ, что они по моему расположенію передѣлать большаго пріѣзда крыльца, которое было вѣтхо, также и во внутренности покоевъ здѣлать украшеніе—не согласятся; время же къ прибытію М. Н. *) оставалось коротко, и намѣреніе ихъ состояло въ томъ, чтобъ неисполненіемъ мнѣ порученнаго привести его на меня въ неудовольствіе; то и разсудилъ, чтобъ переправить крыльцо и здѣлать на ономъ снизу до дверей передней комнаты галлерею съ стеклами и залъ росписать на свои деньги, но какъ ихъ у меня въ запасѣ никогда не бывало, то я и принужденъ былъ занять, въ надеждѣ той, что употребленные мною денги на починку дворца мнѣ выданы будутъ (хотя сего и не случилось, такъ какъ тотчасъ видно будетъ ниже); и я съ помощью тогдашняго въ Кіевѣ коменданта Ф. Л. Вигеля **), которой мнѣ способствовалъ лѣсомъ и мастеровыми, находящимися у него въ гарнизонѣ, построилъ на крыльцѣ хорошею галлерею, посредствомъ которой въ зимнее время отъ снѣга и мороза, а въ лѣтнее—отъ дожжа и вѣтра, можно было изъ самой кареты прити въ переднею, не чувствуя никакого безпокойства отъ дурной погоды. Также зала и передняя были росписаны приличнымъ образомъ, что все мнѣ стало съ помощію коменданта 500 рублей, а безъ того могло бы стоить гораздо больше. Губернаторъ и Казенная Палата поставляли мнѣ въ преступленіе, что я, не представя имъ плана, переобразилъ крыльцо и залу безъ опредѣленія послѣдней, а потому и выдачу мнѣ денегъ, употребленныхъ мною на починку дворца, выдать отказали. Я въ утѣшеніе свое требовалъ, чтобъ Казенная Палата велѣла учинить надпись на фронтисписѣ ***) входа галлоріи, что оная построена иждивеніемъ такого то Директора Экономіи.

Еще передѣлка сія во дворцѣ не совсѣмъ была окончана, какъ я получилъ вторичное письмо отъ М. Н. ****), чтобъ я пріѣхалъ къ нему на встрѣчу въ Москву, гдѣ онъ намѣревался пробыть съ родными своими и пріятелями нѣсколько дней; а къ Губернатору писалъ, чтобъ меня для нѣкоторыхъ отъ него мнѣ препорученій къ нему отправить. Непріятно сіе было всѣмъ поборникамъ неправды, мздоимства

*) Кречетникова.

**) Генералъ-маіоръ Филиппъ Лаврентьевичъ Вигель (род. 1740, ум. 1812), отецъ автора извѣстныхъ Записокъ; впослѣдствіи былъ Пензенскимъ губернаторомъ.

***) Т. е. фронтиспись.

****) Кречетниковъ.

Библиотека "Руниверс"

и стяжателямъ себѣ не принадлежащаго; а паче Губернатору, которой, знавъ, что я о всѣхъ несправедливостяхъ и притѣсненіяхъ казеннымъ поселянамъ ему перескажу, писалъ къ нему множество на меня жалобъ, описывая меня безпокойнымъ и завящивымъ человѣкомъ, которой, надѣясь на его покровительство, входитъ въ дѣла, ему не принадлежащія, то есть, что я не позволялъ разорять крестьянъ казенныхъ; а безпокойной и завящивой, по его разумѣнію,—потому, что я исполнялъ долгъ служенія своего, какъ законами предписано.

И такъ я просилъ пріятеля и благодѣтеля своего — Коменданта Вигеля, чтобы, по усердію своему къ начальнику и по дружбѣ ко мнѣ, постарался окончить къ пріѣзду его, что еще достроено не было. Поручивъ то его попеченію, отправился въ Москву, куды я пріѣхалъ за нѣсколько дней до пріѣзду Генералъ-Губернатора. Онъ принялъ меня ласково и благосклонно, но я не мало удивился, что онъ пенялъ мнѣ за то, что я со всѣми въ Кіевѣ перессорился, и что Губернаторъ прислалъ къ нему на меня большія прозьбы. Я ему говорилъ, что я еще и съ собою привезъ такія же на меня жалобы; но какъ изъ моихъ увѣдомленій ему извѣстны всѣ произшествія въ отношеніи управленія моего казенною экономіею и поступки судебныхъ мѣстъ по представленіямъ моимъ въ защищеніе казенныхъ крестьянъ, то я больше въ оправданіе свое сказать ничего не могу, но только уповаю, что при его начальствѣ несправедливость, безчеловѣчіе и мэда надъ правдою и безкорыстіемъ возторжествовать не могутъ. Онъ мнѣ сказалъ, что онъ по пріѣздѣ нашемъ въ Кіевъ о томъ со мною говорить будетъ, а въ Москвѣ малое число дней, которое пробыть можетъ, онъ не дѣламъ, но ближнимъ своимъ и друзьямъ посвятить хочетъ, и притомъ пригласилъ меня до отъѣзду нашего въ Кіевъ пріѣзжать къ нему всякой день.

Въ Москвѣ было уже извѣстно о препорученіи ему главнаго начальства надъ войсками въ Польшѣ и забраніи провинцій оной, слѣдующихъ къ Россійской Имперіи; и какъ сіе означало увеличеніе кредита его у Двора, то, кромѣ искреннихъ его и друзей, пріѣзжало къ нему великое множество разнаго званія лицъ для снисканія пользъ своихъ. Ибо обыкновенно почитаютъ посредниками щедротъ, изліяемыхъ отъ престола Царскаго, тѣхъ, которые удостоены отличнымъ Монаршимъ довѣріемъ, а не разсудительное, однако жъ свойственное всякому желаніе себѣ добра заставляетъ многихъ наполнять безпрестанно переднія, не смотря на то, что таковое заботливое посѣщеніе оныхъ имъ безполезно и не служитъ къ другому, какъ къ одному только умноженію числа предъ случайнымъ вельможею предстоящихъ.

Я хотя ежедневно бывалъ у своего начальника, однако же, по безпрерывному у него многолюдству, мало находилъ случая имѣть съ нимъ особливые разговоры, кромѣ того, что когда онъ ѣзжалъ къ ближнимъ родственникамъ своимъ, то биралъ меня съ собою въ свою ка-

Библиотека "Руниверс"

рету. Наконецъ, онъ изъ Москвы поѣхалъ, а я выпросилъ позволенія остаться еще три дни для брата своего и для тетки *); ибо я зналъ, что онъ располагался пробыть также нѣсколько дней въ Тулѣ, потому что онъ имѣлъ тамъ безцѣнной залогъ,—дѣтей, оставшихся послѣ любовницы его, которую за два года предъ тѣмъ смерть у него похитила **), и притомъ онъ, какъ былъ Калужской и Тульской Генералъ-Губернаторъ, любимъ совершенно и почитаемъ жителями сихъ губерній, то я нашелъ городъ Тулу, по причинѣ его прибытія, въ радостномъ движеніи: дворяне и почти всѣ чиновники обѣихъ губерній собрались въ Тулу для торжествованія прибытія и провода его изъ оной; а купцы и мѣщане стеченіемъ своимъ въ домъ его, даже и самые оружейники ***), безпрестанно толпящіеся около онаго, изъявляли радость свою видѣть присудствіе его у нихъ. Провожаніе насъ изъ Тулы не меньше оказывало приверженность ихъ и всѣхъ жителей Тульскихъ къ нему. Превеличайшія кучи людей и премножество всякаго рода екипажей,—каретъ, колясокъ и дрожекъ,—сопровождали насъ до черты города, у которой Генералъ-Губернаторъ, вышедъ изъ кареты, простился съ снисходительною ласковостію со всѣми и просилъ, чтобъ провождающіе его возвратились; однако жъ, не смотря на сіе, много купцовъ провожали насъ до деревни Князя Волхонскаго, гдѣ былъ приготовленъ Афанасіемъ Ивановичемъ Игнатьевымъ ****) прощальной обѣдъ, послѣ коего Генералъ-Губернаторъ дружески съ ближними своими и съ бывшими на обѣдѣ разпрощавшись, отправился въ путь свой.

Насъ находилось съ нимъ въ каретѣ трое: племянникъ его Дурасовъ*****), лѣкарь Шмитъ и я. Сперва путешествіе наше было скоро и хорошо, и на другой день пріѣхали ночевать въ Мценскъ. Тамъ былъ городничій отставной маіоръ Кревъ ******); квартера, которую онъ отвелъ М. Н., была безпокойна и дворъ тѣсенъ, за что онъ такъ осердился, что, оставя всю свою скромность и снисхожденіе, которое онъ всегда съ малыми противъ его чинами сохранять старался, здѣлалъ ему колкой выговоръ. Здѣсь надобно мимоходомъ сказать,

---

*) Д. Б. Кисезевой.

**) И. А. Вельяминова скончалась, какъ сказано было выше, 28 февраля 1789 г., въ Москвѣ. Кромѣ упомянутой выше дочери Авдотьи (впослѣдствіи Арбеневой), у И. А. Вельяминовой были дочери: Марья, вышедшая за Свѣчина, и Анна.

***) Съ казеннаго Тульскаго оружейнаго завода.

****) Елпифанскій откупщикъ, знакомецъ по Тулѣ Болотова, человѣкъ «характера тихаго, дружелюбнаго и любезнаго» (Записки, ч. IV, стр. 102).

*****) Сынъ сестры М. Н. Кречетникова, бывшей замужемъ за Дурасовымъ. См. выше.

******) Не Кревсъ, Гревсъ, Петръ Егоровичъ, въ 1792 г. бывшій надв. совѣтникомъ и кавалеромъ Владиміра 4-й степени (Мѣсяцесловъ на 1792 г., стр. 165); въ 1797 г. онъ былъ Выборгскимъ вице-губернаторомъ, 19 ноября того же года назначенъ былъ и. д. Волынскаго Губернатора, 23 февраля 1799 г. пожалованъ въ д. с. совѣтники, а 4 іюля того же года уволенъ отъ службы съ пенсіей полнаго жалованья (Сенатскій Архивъ, т. I).

Библиотека "Руниверс"

что, чрезъ пять или шесть лѣтъ послѣ, сей самой городничей былъ опредѣленъ губернаторомъ въ Волынскую губернію и потомъ отставленъ съ полнымъ губернаторскимъ жалованьемъ,—а я и поднесь нахожусь тѣмъ же Предсѣдателемъ, какимъ я въ 1793 году былъ, хотя способность, знаніе и труды его по дѣламъ никакъ не превосходили моихъ; но награжденіе воздается не по трудамъ и дарованіямъ, а по случаю и происканъ.

М. Н. старался поспѣшить дорогою своею, но по выѣздѣ нашемъ изъ Мценска здѣлалась вьюга и метель, такъ что лошади не могли иначе везти карету, колесы которой были поставлены въ сапожки, какъ шагомъ, и кучеръ былъ въ ежеминутной опасности по узкости дороги опрокинуть карету въ снѣгъ. Сія медленность такъ вывела изъ терпѣнія М. Н., что онъ, вышедъ изъ кареты, велѣлъ опорожнить одну изъ камердинерскихъ повозку и, взявъ меня съ собою, поѣхалъ въ Кіевъ съ однимъ только человѣкомъ. Въ Глуховѣ городничій *) сыскалъ намъ возокъ, въ которомъ мы ѣхали уже нѣсколько спокойнѣе. Въ Броварахъ, на послѣдней почтѣ отъ Кіева, мы нашли премножество выѣхавшихъ намъ на встрѣчу; однако же, тутъ только напившись кофію, приготовленнаго у подполковника, стоящаго тамъ на квартерахъ, мы поскакали въ Кіевъ, гдѣ уже большое собраніе военныхъ и гражданскихъ чиновъ ожидали во дворцѣ прибытія начальника. Я очень радъ былъ, что все въ ономъ было передѣлано, только жалѣлъ немного, что не сохранили регулярного соразмѣра въ окнахъ галлереи, коимъ я было опредѣлилъ ту же мѣру, которая находилась въ окнахъ покоевъ; но комендантъ **), по недостатку стеколъ, сдѣлалъ оныя мѣньше,— то симетрія, употребляемая кстатѣ и представляющая пріятность зрѣнію, была потеряна.

Ѣдучи дорогою съ Генералъ-Губернаторомъ, я имѣлъ время пересказать ему о притѣсненіяхъ и несправедливостяхъ, причиненныхъ въ отсутствіи его казеннымъ поселянамъ,—и по пріѣздѣ нашемъ ожидалъ, что онъ сдѣлаетъ какое-нибудь взысканіе на виновникахъ такихъ безпорядковъ; однако-же, послѣ пріѣзда нашего по протеченіи нѣсколько времени никакого повелѣнія о томъ или выговора никому сдѣлано не было.

Мнѣ казалось странно, какимъ образомъ начальника моего обыкновенные разговоры не согласовались съ практическимъ его обращеніемъ въ отношеніи подчиненныхъ его, ибо я слыхалъ безпрестанно строгія разсужденія его о правосудіи, безкорыстіи и обязанности каждаго по совѣсти исполнять должность свою: онъ говаривалъ, что онъ не можетъ терпѣть подъ начальствомъ своимъ нарушающихъ сіи пра-

*) Премьеръ-маіоръ Ѳедоръ Линденеръ.
**) Ф. Л. Вигель.

Библиотека "Руниверс"

вила, предписанныя отправляющимъ служеніе свое законами и честію, сопряженною съ званіемъ ихъ; и что онъ на таковыхъ взираетъ, какъ на извергновъ общества и на достойныхъ, ни милости Монаршей, ни его вниманія, ни уваженія, ни хорошаго разумѣнія отъ подобныхъ себѣ. Привыкнувъ къ такимъ его разсужденіямъ, я удивлялся, что онъ такъ хладнокровно смотрѣлъ на всѣ несправедливости и безчеловѣчія, къ небу вопіющія, причиненныя казеннымъ поселянамъ,—почему и принужденъ былъ заключить, что о правосудіи, человѣколюбіи и прочихъ добродѣтеляхъ легче разсуждать, нежели въ точности наблюдать о ихъ исполненіи. Я мысленно тогда примѣнялъ сіе къ одному анекдоту, о которомъ я не помню, гдѣ то читалъ, состоящему въ слѣдующемъ.

Нѣкто, по необходимой нуждѣ занять денегъ, пришелъ къ одному ростовщику просить, чтобъ онъ ссудилъ его нѣкоторою суммою; ростовщикъ объявилъ ему проценты, которые были безмѣрно велики; но занимать, по крайней своей надобности, принужденъ былъ на все согласиться.

«Однакожъ», сказалъ ему лихоимецъ: «я имѣю привычку, прежде, нежели начинать какое дѣло, ходить всякой день къ обѣдни; то прошу васъ подождать возвращенія моего или пойдемте, естьли Вамъ угодно, со мною вмѣстѣ въ церковь, откуда пришедъ, вы тотчасъ получите ваши деньги».

Заимщикъ, дабы безпрепятственно и надежнѣе получить надобную сумму, пошелъ съ нимъ къ обѣдни, размышляя, что можетъ быть приношеніе жертвы Всевышнему разположитъ его къ оказанію ему снисхожденія въ процентахъ; тѣмъ паче онъ къ сему имѣлъ причину льститься, что проповѣдь того дни случилась быть о алчномъ лихоимствѣ ростовщиковъ. Проповѣдникъ представилъ слушателямъ сію гнусную страсть корыстолюбія такими сильными выраженіями, что поученіе его казалось быть довольно дѣйствительнымъ, чтобъ поселить отвращеніе къ оной и въ самыхъ тѣхъ сердцахъ, въ которыхъ она больше укоренилась. Ростовщикъ по выходѣ изъ церкви сказалъ, что проповѣдникъ говорилъ хорошо и убѣдительно; занимать внутренне радовался, что проповѣдь была такъ изящна, что могла подѣйствовать надъ душею лихостяжателя, а потому и надѣялся, что она расположила его быть чувствительнымъ къ бѣдствію ближняго своего и не быть столько жестокосердымъ въ требованіи неумѣренныхъ процентовъ. Но какое же было его удивленіе, когда ростовщикъ, при отдачѣ занимаемыхъ денегъ, вычелъ тѣ самые проценты, которые онъ ему сперва объявилъ! Занимать напомнилъ ему о слышанной ими проповѣди, на что жестокой мздолюбецъ отвѣтствовалъ, что священникъ, такъ какъ искусной человѣкъ, отправляетъ ремѣсло проповѣдчика съ отличіемъ, а онъ, такъ какъ имѣющій промыслъ свой отдачею въ рость денегъ, долженъ въ ремѣслѣ своемъ поступать съ лучшею себѣ пользою.

Библиотека "Руниверс"

Сравнивая сіе выдуманное или въ самомъ дѣлѣ случившееся произшествіе съ словами Генералъ-Губернатора, весьма разнствующими съ дѣяніями его, я долженъ былъ внутренне увѣриться, что всѣ люди, находящіеся въ вышнемъ, среднемъ или нижнемъ состояніи, стараются по разнымъ обязанностямъ, на нихъ возложеннымъ, больше сохранять заботливую объ оныхъ наружность, нежели въ самой точности и по существенности ихъ чинить исполненіе.

Здѣсь должно мнѣ пресѣчь описаніе произшествій, сопряженныхъ со службою моею, и упомянуть о любовной моей склонности, которая, уменьшаясь съ прибавленіемъ лѣтъ, примѣтнымъ образомъ меньше меня занимала; однако же, натуральное ли то сложеніе, или привычка, или и то и другое вмѣстѣ, дѣлали, что я никогда не могъ совсѣмъ освободиться отъ сей страсти, которая во всякомъ состояніи и во всякихъ лѣтахъ заставляетъ чувствовать и владычество, и побужденіе свое. Но чтобъ мнѣ, такъ какъ уже не молодому человѣку, избѣжать нареканія волокитства, которое простительно только до нѣкоторыхъ лѣтъ, я хотѣлъ взять къ себѣ сельскую дѣвку простаго и безвиннаго поведенія; и какъ я имѣлъ по должности Директора Экономіи въ вѣдомствѣ своемъ премножество селъ и деревень, то и велѣлъ пріискать изъ сиротъ хорошую и смирную крестьянскую или козацкую дѣвку. Между многихъ, которыя мнѣ рекомендованы были, выборъ мой палъ на одну, которой черты лица были довольно пріятны, а обманчивой видъ невинности казался предвѣщать добронравіе. Я, разсматривая первыя и послѣдней по правиламъ Господина Лафатера, мнилъ, что оные обѣщаютъ доброту и простосердечіе; однако, скоро узналъ, что я въ заключеніи своемъ безмѣрно ошибался, и что я не имѣю дару узнавать по физіогноміи о свойствахъ людей; ибо короткое пребываніе у меня сей мнимой агнессы произвело такую перемѣну въ здоровье моемъ, что послѣдствія того и поднесь чувствительны. Сію странность приписываю къ особливому нещастію своему, во всѣхъ случаяхъ меня преслѣдующему, которое и въ самой предосторожности, долженствующей сохранить меня отъ вредныхъ припадковъ, заставляло меня находить источникъ того зла, котораго избѣгнуть старался. Я отпустилъ сельскую обманчивую невинность безо всякаго мщенія, увѣрясь, что развратность и пороки не въ однихъ только городахъ находятся, но могутъ такъ же обитать въ скудныхъ хижинахъ, какъ и въ чертогахъ позлащенныхъ.

Къ усугубленію горести и раскаянія моего въ излишне учиненной мною предосторожности, произведшей крайнее дурачество, пріѣхала ко мнѣ изъ Тулы женщина, съ которой я тамъ былъ знакомъ. Она была молода и ко мнѣ имѣла естьли не настоящую любовь, то искреннѣйшую привязанность, которую она пріѣздомъ своимъ ко мнѣ оказала. Она была жена одного приказнаго, а потому и не могла по от-

Библиотека "Руниверс"

судствіи моемъ изъ Тулы слѣдовать за мною; но случилось, что мужъ ея умеръ,—то она немедленно пустилась въ дорогу и ко мнѣ пріѣхала тогда, когда не только я ее не ожидалъ, но почти совсѣмъ про нее забылъ. Принятіе мною къ себѣ мнимую деревенскую непорочность, обманувшую меня наружностію простоты, и посѣщеніе Тульской моей пріятельницы было въ одно время, мѣсяца за три до прибытія М. Н. *) въ Кіевъ; и я принужденъ былъ, по письму его, не совсѣмъ еще выздоровѣвши, ѣхать къ нему, такъ какъ выше упомянулъ. При отъѣздѣ моемъ я поручилъ Марьи (такъ называлась Тульская моя знакомка) въ смотреніе домъ свой и по возвращеніи моемъ нашелъ, что домостроительница моя отправила ей порученное довольно исправно и радѣтельно; потомъ я устроилъ ея щастіе, выдавъ ее въ присоединенныхъ отъ Польши губерніяхъ замужъ за Уѣзднаго Казначея.

Генералъ-Губернаторъ и Главнокомандующій въ Польшѣ, проводя нѣсколько дней въ Кіевѣ, отправился въ Польшу, а мнѣ сказалъ, что онъ будетъ ко мнѣ писать, въ которой городъ мнѣ къ нему туды пріѣхать. И въ самомъ дѣлѣ, я получилъ чрезъ два мѣсяца отъ него письмо, чтобъ я пріѣхалъ къ нему въ Лобунь, мѣстечко, въ коемъ была главная его квартера. Онъ принялъ меня по обыкновенію своему благосклонно; но, будучи занятъ важными дѣлами, какъ по части военной, такъ и политической, притомъ безпрестанно окружаемъ знатнѣйшими Поляками, мало имѣлъ времени со мною разговаривать; однако же, одинъ разъ въ кабинетѣ своемъ сказалъ мнѣ, что онъ представилъ о переводѣ меня въ присоединенныя губерніи Предсѣдателемъ, обѣщая мнѣ при сей перемѣнѣ постараться о выгодахъ моихъ.

При немъ находился прежней его любимецъ Господинъ Грохольскій **), о коемъ я выше говорилъ; онъ былъ назначенъ Вицъ-Губернаторомъ въ одну изъ тѣхъ губерній, которыя долженствовали изъ присоединеннаго края быть составлены, и какъ оной еще не совсѣмъ былъ взятъ, то ему поручено было тамошнихъ знатныхъ дворянъ, противниковъ сему Двора нашего намѣренію, соглашать къ покойному себѣ покоренію. Онъ, будучи уроженецъ самыхъ тѣхъ мѣстъ и почти со всѣмъ тамошнимъ дворянствомъ знакомъ, а притомъ имѣлъ даръ никогда не быть откровеннымъ, принимать на себя всѣ безчисленныя разнообразія и оказывать притворныя чувствованія,—то и не трудно ему было споспѣшествовать къ достиженію цѣли, бывшей въ предметѣ у Главнокомандующаго. Таковыя его способности и знаніе той земли, въ которой онъ игралъ ролю, на него возложенную, здѣлали его нужнымъ; по какой причинѣ, онъ получилъ тотчасъ чинъ и крестъ третей степени Святаго Владиміра, съ обѣщаніемъ въ присоединенныхъ

*) Кречетникова.

**) См. выше.

Библиотека "Руниверс"

губерніяхъ дать ему деревню. Господинъ Грохольскій въ новомъ положеніи обстоятельствъ, въ какихъ мы другъ противъ друга находились, обращался со мною, такъ же, какъ и съ Польскими дворянами, весьма политично, стараясь, подъ предлогомъ важныхъ ему порученій, отъ меня удаляться, а наружною лживою ласковостію показывать, что онъ мой истинный пріятель. И для того, когда случалось, что М. Н. *) по старой своей привычкѣ шучивалъ со мною по-пріятельски и говаривалъ ласково, тогда онъ не пропускалъ, въ шуточные наши разговоры вмѣшиваясь, показывать наружностію, что мы съ нимъ искреннѣйшіе друзья, и что будто онъ очень интересуется во всемъ томъ, что до меня касается. Естли-же въ которые дни сего не случалось, то онъ, встрѣтившись со мною, дѣлалъ привѣтствіе придворнымъ поклономъ, съ ужимкою, изъявляющею его покровительство, каковому обхожденію его я внутренне смѣевался и оставлялъ его безпрекословно представлять изъ себя маленькаго министра М. Н. Кречетникова.

Пробывъ нѣсколько времени въ Любуни, гдѣ, по неимѣнію хорошей квартеры, мнѣ жить было весьма безпокойно, я отпросился опять въ Кіевъ, чтобы тамъ пробыть до полученія обо мнѣ разрѣшенія и распорядить маленькія мои дѣла къ новому моему переселенію.

Въ Кіевѣ я имѣлъ покойной домъ съ хорошимъ садомъ; оной принадлежалъ шелковому заводу, управляемому В. В. Капнистомъ **), съ коимъ я въ Кіевѣ здѣлался знакомъ. Онъ предложилъ мнѣ дружество свое, которое я тѣмъ больше почиталъ безцѣннымъ, что онъ въ стихахъ и разговорахъ своихъ оказывалъ сердце, преисполненное чувствованіями; и какъ всякая чувствительность имѣла всегда право возбуждать мою, то я съ искреннимъ желаніемъ старался пріобрѣсть дружбу столь, по мнѣнію моему, чувствительнаго человѣка и по видимой или, лучше сказать, мнимой его привязанности, мыслилъ, что старанie мое было не безуспѣшно; ибо онъ при всякомъ случаѣ оказывалъ мнѣ оную, а потому и позволилъ мнѣ жить и хозяйствовать въ томъ домѣ по моему соизволенію. Я сперва приписывалъ сіе одолженіе дружбѣ его, но я въ крайнемъ былъ заблужденіи, ибо скоро узналъ, что дружество его основывалось единственно только на томъ, что я былъ близокъ къ М. Н. ***), и что я могъ быть ему полезнымъ по дѣламъ

*) Кречетниковъ.

**) Василій Васильевичъ Капнистъ (род. 1756 г., ум. 1828 г.), извѣстный писатель, авторъ «Ябеды», съ 27 апрѣля 1787 г. по октябрь 1799 г. (когда онъ былъ опредѣленъ въ Театральной Дирекціи) состоялъ Главнымъ надзирателемъ Кіевскаго шелковичнаго завода, состоявшаго въ вѣдѣніи Кабинета Его Величества (В. Л. Модзалевскій, Малороссійскій Родословникъ, т. II, стр. 285—286, и Сенатскій Архивъ, т. I., стр. 560).

***) Кречетникову.

Библиотека "Руниверс"

Шелковаго завода,—въ чемъ онъ и не ошибался, ибо существованіе онаго состояло въ одномъ названіи и въ одномъ предлинномъ изломанномъ колесѣ, которое валялось на чердакѣ въ томъ домѣ, гдѣ я жилъ.

VI.

1793. Назначеніе къ М. Н. Кречетникову въ Польшу и смерть Кречетникова.—Столкновеніе съ Губернаторомъ Ширковымъ.—Генералъ князь П. М. Дашковъ.—Жалоба Батурина въ Сенатъ.—Назначеніе Батурина Предсѣдателемъ Палаты Уголовнаго Суда въ Волынскую губернію.—Переѣздъ въ Житомиръ.—Волынскій губернаторъ В. С. Шереметевъ и его дѣятельность.—Описаніе Житомира и его окрестностей.—Занятія химіей, изготовленіе черепицъ и фарфора.—Хозяйственныя заботы Батурина.—Знакомство съ Польскими законами и судами.

Возвратясь въ Кіевъ, я совсѣмъ приготовился переѣхать къ назначенной мнѣ должности и ожидалъ для того повелѣнія отъ начальника или указа изъ Сената; дѣйствительно, чрезъ нѣсколько времени я получилъ письмо отъ Генералъ-Прокурора Графа Самойлова *) съ прописаніемъ именного повеленія ѣхать мнѣ къ М. Н. для исправленія дѣлъ, какія мнѣ отъ него препоручены будутъ; но, къ нещастію моему, въ то же самое время получено было въ Кіевѣ извѣстіе, что Кречетниковъ, Генералъ-Губернаторъ Малороссіи и Главнокомандующій въ Польшѣ, умеръ **). Такой внезапный случай привелъ меня въ крайнее замѣшательство и положеніе мое учинилъ совершенно критическимъ. Однако же, я мыслилъ, что когда, за смертію М. Н., мнѣ не можно выполнить именнаго повелѣнія, потому что, по силѣ онаго, мнѣ надлежало принять порученіе собственно отъ него, а не отъ другаго кого, то я и могу остаться при прежней моей должности — до полученія дальнѣйшаго повелѣнія. Но ненавистники мои, имѣвшіе побудительныя причины желать моего удаленія, не такъ мыслили. Они внушили Губернатору ***) что меня необходимо должно приснарядить къ исполненію Высочайшаго повелѣнія, для того, что и ему объ оном знать дано. И такъ какъ выше значитъ, что движеніи Губернатора подчинены имъ были, то онъ и прислалъ мнѣ ордеръ, чтобъ я немедленно ѣхалъ въ Польшу,— такъ, какъ мнѣ предписано отъ Графа Самойлова.

Напротивъ чего я писалъ ему въ представленіи, что по именному повелѣнію мнѣ предписано ѣхать къ Генералъ-Губернатору Кречетникову, но какъ уже его на свѣтѣ нѣтъ, то мнѣ надлежитъ остаться при настоящей моей должности до будущаго обо мнѣ разрѣшенія, потому что я ни къ какой другой должности еще не опредѣленъ.

*) Графъ Александръ Николаевичъ Самойловъ (род. 1744, ум. 1814), племянникъ Потемкина; Генералъ-Прокуроромъ былъ съ 17 сентября 1792 г. до 4 декабря 1796 г.

**) Кречетниковъ умеръ въ Мендзыржецѣ 9 мая 1793 г., жизнь за три дня до смерти былъ пожалованъ въ графское достоинство.

***) С. Е. Ширкову.

Библиотека "Руниверс"

На сіе онъ прислалъ мнѣ другой ордеръ, коимъ извѣщалъ меня, что онъ далъ Казенной Палатѣ предложеніе, чтобъ меня къ должности не допускать, и чтобъ я ѣхалъ къ Губернаторамъ, въ присоединенныхъ губерніяхъ находящимся, не сказавъ именно, къ которому; а естьли того не исполню, то онъ велитъ меня изъ города выпроводить подъ конвоемъ. На такой неосновательной или, лучше сказать, безразсудной ордеръ я вторично ему представлялъ, что безъ указа изъ Сената отъ должности меня отрѣшить не можно, для того, что въ именномъ повелѣніи, прописанномъ въ письмѣ ко мнѣ Графа Самойлова, изъяснено только, чтобъ я поѣхалъ къ М. Н. Кречетникову для принятія отъ него порученія, а что бы я отъ настоящей моей должности увольнялся и къ другой опредѣлялся, того не изображено; а потому онъ, Губернаторъ, и не можетъ безъ указа Сената отрѣшить меня отъ должности, и приказаніе его ѣхать мнѣ въ присоединенныя губерніи ко всѣмъ тремъ Губернаторамъ, столько же невразумительно, сколько неисполнительно: ибо одному человѣку не можно въ трехъ разныхъ мѣстахъ находиться; потому что трое Губернаторовъ пребываютъ въ разныхъ мѣстахъ, большимъ разстояніемъ между собою отдаленныхъ; естьли же онъ въ ордерѣ своемъ разумѣлъ, чтобъ ѣхать мнѣ отъ одного до другаго и испрашивать, нѣтъ ли во мнѣ кому-либо изъ нихъ надобности, то какъ таковая дорога составила бы больше 2.000 верстъ, на которую, не получа прогоновъ, не могъ бы предпріять такого путешествія,—по сему моему къ Губернатору отношенію, непріятели мои, коимъ онъ служилъ орудіемъ, прислали ко мнѣ полицейскаго офицера—описать домъ, въ коемъ я жилъ, такъ, какъ казенной, и пожитки мои изъ онаго выбросить. Но, по щастію, квартира моя была возлѣ дому Генерала Князя Дашкова *), преисполненнаго чувствительностію и честностію, которому я ото всего моего сердца приношу здѣсь торжественную мою благодарность. Онъ, узнавъ о несправедливостяхъ, мнѣ причиняемыхъ посредствомъ Губернатора людьми, дышущими злостію и беззаконнымъ любостяжаніемъ, защитилъ меня отъ такихъ обидъ, отъ которыхъ каждой честной человѣкъ долженъ быть ограждаемъ. Въ то же самое время я послалъ въ Сенатъ доношеніе съ прописаніемъ чинимыхъ мнѣ угнетѣній и съ испрашиваніемъ въ резолюцію предписанія, что мнѣ по смерти Генералъ-Губернатора и Главнокомандующаго въ Польшѣ войсками повелѣно будетъ дѣлать. По щастію, такое крайнее мое положеніе разрѣшилось указомъ Правительствующаго Сената въ Губерское Кіевское Правленіе объ опредѣленіи

*) Князь Павелъ Михайловичъ Дашковъ, тогда 25-лѣтній генералъ, командовалъ въ Кіевѣ Сибирскимъ гренадерскимъ полкомъ. Умеръ въ 1807 г., въ Москвѣ, гдѣ былъ Губернскимъ Предводителемъ Дворянства. Витель въ своихъ Запискахъ даетъ его портретъ и разсказываетъ о женитьбѣ Дашкова, въ Кіевѣ, на Аннѣ Семеновнѣ Алферовой.

Библиотека "Руниверс"

меня въ Волынскую губернію Предсѣдателемъ; такимъ образомъ, узнавши объ опредѣленіи меня къ новой должности и мѣсто, куды мнѣ ѣхать надлежало, оставилъ со всевозможною поспѣшностію Кіевъ и непріятелей моихъ, безпрестанно устремлявшихся на вредъ и погубленіе мое.

Въ Волынской губерніи, на первой случай, назначенъ былъ губернскимъ городомъ Житомиръ, въ коемъ уже находился губернаторомъ Генералъ-Маіоръ Шереметьевъ *), командовавшій состоявшими тамъ войсками. Я къ нему явился, такъ какъ къ новому начальнику своему, и просилъ его, чтобъ онъ мнѣ объявилъ, въ какихъ дѣлахъ я упражняться долженъ. Онъ сказалъ, что онъ никакихъ дѣлъ поручить мнѣ не имѣетъ, и чтобъ я дожидался открытія губерніи, а между тѣмъ велѣлъ отвесть мнѣ квартеру. Такое вступленіе въ новое мое мѣсто совсѣмъ мнѣ не понравилось. Хотя я и назначенъ былъ Предсѣдателемъ Палаты Уголовнаго Суда, но оная еще не существовала, и когда губернія откроется, о томъ было не извѣстно, а по словамъ Губернатора, я долженъ былъ находиться безъ дѣла и въ праздности.

Мнѣ отвели квартеру крайне не выгодную, обвѣтшалую и паденіемъ грозящую; однако же, я, кое какъ обострожась на оной, размышлялъ, что въ новомъ моемъ положеніи предпріять мнѣ надлежало. Я скоро узналъ, что у Губернатора было дѣлъ премножество, которыя имѣли теченіе весьма медленное, а въ Канцеляріи его, въ которой и секретаря порядочнаго не было, онѣ навалены были безо всякаго разбора, такъ что, ежели въ одинъ разъ вошла въ оную какая бумага, то уже рѣдко отыскать ее возможно было.

Разсуждая въ себѣ, что, какъ еще въ той губерніи, кромѣ Губернатора и меня, другихъ чиновниковъ не было, то бы я могъ быть ему помощникомъ и привесть дѣла въ такой порядокъ и успѣшное теченіе, каковое, при начальномъ устройствѣ губерніи, и подъ Россійскимъ Императорскимъ управленіемъ, быть надлежало, дабы правосудіе всякому безостановочно воздаваемо было,—въ такомъ разумѣ я пошелъ къ Губернатору, чтобъ съ нимъ о томъ переговорить и предложить ему мои услуги. Я велѣлъ ему доложить, что я имѣю до него дѣло; однако же, видя, что онъ не выходитъ и меня въ кабинетъ къ себѣ не приглашаетъ, пошелъ домой, въ намѣреніи придти къ нему завтра, извиняя его внутренне, что онъ тотчасъ меня не принялъ, тѣмъ, что великое множество дѣлъ, коими онъ обремененъ, ему того не позволяло.

На другой день, видя, что съ скромностію, или, лучше сказать,

---

*) Васильй Сергѣевичъ Шереметевъ, Правитель Ярославской, а потомъ Волынской губерніи. Скончался въ 1831 году, 79 лѣтъ. Волынскимъ Вице-Губернаторомъ, онъ пробылъ всего нѣсколько мѣсяцевъ.

Библиотека "Руниверс"

застѣнчивостію, мнѣ свойственною, и учтивостію, которую я всегда наблюдать старался, сіе посѣщеніе мое будетъ опять такъ же безплодно, какъ и первое; притомъ зная, что я по долгу и по званію моему не могу быть у него лишнимъ, когда онъ дѣлами занимается, рѣшился прямо и безъ доклада войти къ нему въ кабинетъ. Онъ меня принялъ очень ласково; а я съ моей стороны очень былъ смѣшанъ, увидя его не за дѣлами трудящагося, но забавляющаго дѣтей и жену свою. Сіе заставило меня подумать, что можетъ быть я не въ кабинетъ его, но въ женины покои зашелъ; однако же, представившіеся тутъ зрѣнію моему множество меморіаловъ, прозьбъ и другихъ дѣлъ, разбросанныхъ по столамъ, кресламъ, клавикортамъ и смѣшанныхъ съ женскими нарядами или съ дѣтскими игрушками, увѣрили меня, что я точно въ той комнатѣ, гдѣ рѣшится судьба многихъ Поляковъ, здѣлавшихся подданныхъ Россійской державѣ, которые по нѣскольку дней, а иногда недѣль не могли доступить къ нему для подачи своихъ меморіаловъ. По утрамъ къ нему не допускали—подъ предлогомъ, что онъ занимался дѣлами, но, какъ выше видно, больше своими домашними, нежели государственными, а послѣ обѣда онъ такъ же мало принималъ,— особливо тѣхъ, про которыхъ зналъ, что имѣютъ до него дѣла. Когда я, будучи чиновникомъ, который казался быть ему нужнымъ, не безъ затрудненія доступилъ до него, чтобы о дѣлахъ съ нимъ потоворить,— тѣмъ паче Полякамъ предстояла трудность говорить съ нимъ о собственныхъ своихъ.

Генералъ-Губернаторъ К р е ч е т н и к о в ъ, при выборѣ людей къ мѣстамъ, мало смотрѣлъ на ихъ способности къ дѣламъ или къ исправленію должностей, на нихъ возлагаемыхъ; но больше на способности ихъ угождать ему или, чтобы, по свойственнымъ каждому качествамъ, могли пріятно проводить съ нимъ свободное его время, или бы имѣли возможность жить съ великолѣпіемъ и пышностію. Я, не бывъ до сего времени ни подъ чьимъ другимъ, по гражданской службѣ, какъ только подъ его начальствомъ, не зналъ, что и прочіе начальники такъ же предѣляютъ къ мѣстамъ не тѣхъ, которые трудолюбивѣе и способнѣе къ дѣламъ, но тѣхъ, которые болѣе имъ угодны. Волынской губернаторъ имѣлъ всѣ дарованія, какія, по мнѣнію Графа Кречетникова, а потомъ и преемника его, Генералъ-Губернатора, нужны были, кромѣ одного того, чтобъ умѣть отправлять дѣла или по крайности пріобрѣсть должное о нихъ по мѣсту понятіе. Ибо, по собственному его признанію, онъ имѣлъ отъ нихъ отвращеніе, и чтеніе оныхъ было для него трудомъ превеличайшимъ, отъ котораго онъ бѣгалъ и удалялся.

Я представилъ ему, что я опредѣленъ въ Волынскую губернію не для того, чтобъ ничего не дѣлать и быть праздным, но для того, чтобы по частямъ дѣлъ, которыя ему угодно мнѣ поручить будетъ, ему воспомоществовать въ успѣшности оныхъ, и что Сенатъ, конечно, из-

Библиотека "Руниверс"

вѣстенъ былъ, что губернія не открылась, однакожъ, не меньше того опредѣлилъ меня въ Предсѣдатели въ Волынскую губернію. Онъ мнѣ отвѣчалъ, что когда назначенъ будетъ Генералъ-Губернаторъ, тогда я долженъ получить отъ него приказаніе, какія дѣла мнѣ отправлять; а до того времени дѣла, къ нему вступающія, онъ умѣетъ и самъ рѣшить, какъ должно. Онъ принялъ предложеніе мое не въ томъ смыслѣ, въ коемъ оно здѣлано было: я предлагалъ ему въ чистомъ намѣреніи, дабы быть полезнымъ,—какъ для службы и пріобрѣтенной губерніи, такъ и для облегченія самого его въ дѣлахъ; но строптивое его самолюбіе оскорбилось и внушило ему, будто бы намѣреніе мое состояло въ томъ, чтобъ мнѣ, принятіемъ на себя части дѣлъ, раздѣлить съ нимъ уваженіе, по мнѣнію его, одному ему только, такъ какъ Губернатору, принадлежащее. И вслѣдствіе такого его предубѣжденія, когда я, послѣ того дни чрезъ два, къ нему пришелъ,—онъ хотѣлъ мнѣ показать, что онъ безо всякой помощи и одинъ скоро дѣла рѣшить можетъ; для того, принимая прозьбы, вмѣсто того, чтобы просителямъ назначить время, въ которое они резолюціи получить могутъ, онъ тотчасъ, при самыхъ тѣхъ же просителяхъ, прочитывая оныя или, лучше сказать, только взоромъ ихъ пробѣгая, тотчасъ надписывалъ на нихъ рѣшительныя свои резолюціи, какъ будто можно безъ размышленія и безъ справокъ объ обстоятельствахъ, нерѣдко лживыхъ, въ прозьбахъ содержащихся, рѣшить какое-нибудь дѣло справедливо, ибо обыкновенно на всякую прозьбу противная сторона можетъ представить опроверженіе. Отъ сего выходило, что онъ скороспѣшныя свои резолюціи, учиненныя на подобіе и м п р о м п т у, то есть, стиховъ, здѣланныхъ вдругъ, безъ пріуготовленія, принужденъ былъ часто перемѣнять, а канцелярскіе его служители—заниматься излишнимъ и тщетнымъ мараніемъ бумаги.

Оставшись въ совершенной недѣятельности, я употреблялъ праздное свое время на собственныя упражненія мои; и какъ то было весеннее время и послѣ—хорошіе дни наступающаго лѣта, то я по часту хаживалъ прогуливаться и осматривать окружности города Житомира, который имѣлъ на возвышенной горѣ положеніе свое. Съ одной стороны протекала подъ нимъ рѣка Тетеревъ, а съ другой—рѣчка Каменка впадала въ первую; за оною представлялась гора съ большимъ растущимъ на ней лѣсомъ, кустарниками и разными домиками, между оными разсѣянными; по рѣчкѣ Каменкѣ, отдѣляющей сію гору, отъ той, на которой построенъ городъ и которыя горы, думать надобно, что прежде какого-либо естественнаго превращенія раздѣлены не были, видны мельницы въ водушумномъ своемъ дѣйствіи; все сіе придавало городу видъ деревенской, съ нѣкоторою непротивною дикостію смѣшенной. Съ другой стороны города можно было простирать зрѣніе больше съ пріятностію далеко по рѣкѣ Тетереву и видѣть нѣкоторыя положенія, прекрасно натурою обрисованныя. Съ прочихъ сторонъ, въ маломъ раз-

Библиотека "Руниверс"

стоянiи отъ города,—лѣса окружали оной и представляли больше печальную, нежели увѣселяющую картину.

Я иногда на досугѣ упражнялся въ испытанiяхъ химическихъ, а потому и въ семъ случаѣ, имѣвъ все время свободное, хотѣлъ изобрѣсть въ царствѣ минеральномъ составъ для дѣланiя на кровли черепицъ, которыя были бы легки, отъ огня и воды не вредимы и имѣли бы на себѣ глянецъ, подобной фаянсовой посудѣ; то я въ прогулкахъ моихъ прiискивалъ способной къ тому земли и камней. Пробы, которыя я изъ оныхъ дѣлалъ, хотя довольно подходили къ тому существу, которое мнѣ составить хотѣлось, но тягость ихъ не соотвѣтствовала предположенiю моему. Я старался найти такую легкую землю, которая бы была не тяжелѣе дерева, ибо я зналъ изъ описанiй испытателей веществъ натуры, что такая земля въ оной существуетъ, и притомъ нѣкогда читалъ въ однѣмъ физическомъ журналѣ, что одинъ итальянской физикъ оную землю въ Италiи нашелъ и хотѣлъ изъ оной дѣлать кирпичи; но какимъ образомъ сiе не имѣло послѣдствiя, того узнать мнѣ не случилось. Я хотя не былъ такъ щастливъ, чтобъ найтить такую землю для приведенiя моего состава въ совершенство; однако жъ, вмѣсто того чрезъ предпрiятiе мое нашелъ тамъ глину отмѣнно бѣлую и мяткую, весьма удобную для дѣланiя фарфора, также и камень нѣкотораго рода шпата, которой вмѣстѣ съ глиною составляетъ фарфоръ. И увердительно можно сказать, что первая можетъ занимать мѣсто настоящей петуизы, а камень—каолина, изъ которыхъ въ лучшихъ извѣстныхъ фабрикахъ, какъ то въ Китаѣ, въ Саксонiи и во Францiи, дѣлается фарфоръ; и естьли бы въ Житомирѣ завесть фарфоровую фабрику, то бы она по добротѣ и совмѣстности матерiаловъ, которые бы безъ большого труда и издержекъ могли быть на фабрику доставляемы, была лучше и прибыльнѣй учрежденной въ Корцѣ, изъ которой выходитъ фарфоръ не совсѣмъ чистъ и нѣсколько желтоватъ.

Между тѣмъ, я перемѣнилъ квартеру свою: мнѣ отвели поросшей домъ, коего помѣщикъ жилъ въ своей деревнѣ, а когда пріѣзживалъ въ городъ на короткое время, то занималъ только одну горницу, такъ что зала, въ которой насыпана была рожь, служила анбаромъ привозному изъ деревни на продажу хлѣбу: Одинъ жидъ, живущiй въ покоѣ, построенномъ у воротъ, по тамошнему обыкновенiю, для продаванiя вина, былъ смотрителемъ дома и шинкаремъ. Предъ хоромами дворъ былъ довольно пространенъ, а позади оныхъ, на косогорѣ, было мѣсто, служащее для огорода, на которомъ тотъ дворникъ-жидъ сѣялъ кокарузу. Мѣсто сiе склоненiемъ своимъ примыкало къ малому ручейку, во рву протекающему. Я, переѣхавъ въ сей домъ, старался здѣлать его для себя покойнымъ и пріятнымъ. Для сего переправилъ внутри покои, а изъ косогора, состоящаго позади хоромъ, служившаго огородомъ, здѣлалъ садъ, и какъ на ономъ мѣстѣ ни одного дерева не было, то я на-

Библиотека "Руниверс"

возилъ нѣсколько сотъ разныхъ родовъ деревьевъ, средняго росту, какъ-то: липъ, рябинъ, березъ и прочихъ, оставляя при кореньяхъ ихъ землю, которыя исправно принялись, и я въ одно лѣто имѣлъ удовольствіе видѣть у себя порядочной и густой садъ, такъ что узнать было не можно, что оной сожженъ того же году. Въ немъ находились хорошіе цвѣтники и широкія дороги, а чтобы саду дать больше пріятности и получить отъ ручейка, подъ косогоромъ текущаго, выгоду, я здѣлалъ машину, которая поднимала и приводила воду на средину сада. Машина мнѣ очень дешево стоила, потому что она была самая простѣйшая: одинъ цилиндръ, вертясь вѣтромъ, обращалъ круглую тесму, на него повѣшенную, которая, обмочаясь въ воду, вбирала ее въ себя и, поднявшись на цилиндръ, треніемъ своимъ объ ящикъ, испускала оную, а изъ ящика вода лилась въ желубья, несущіе ее въ садъ.

При сихъ домашнихъ моихъ упражненіяхъ чтеніе Польскихъ законовъ, содержащихся въ статутахъ и конституціяхъ бывшаго сего Государства, и званіе коихъ въ новомъ моемъ званіи необходимо мнѣ нужно было, занимало также не малую часть моего времени. Живучи уединенно и ни съ кѣмъ не будучи знакомъ, я хаживалъ на Польскіе суды, чтобъ узнать ихъ судопроизводство, которое весьма разнствовало отъ нашего, и признаться должно, что естьли бы оно не было сопряжено съ многими злоупотребленіями, отъ которыхъ и самые лучшіе человѣческія установленія не изъяты, то оно, по краткости своей, было бы лучшимъ средствомъ къ воздаянію правосудія. Вошедъ въ ихъ судилище, я очень удивился увидѣть въ залѣ одинъ судейской столъ, обгороженной, отступя отъ него нѣсколько шаговъ, перилами, за которымъ сидѣли трое судящихъ: тутъ не было ни подъячихъ, ни повыдчиковъ, ни протоколистовъ, ни секретарей; трое только судящихъ писали и рѣшали всѣ дѣла. При мнѣ въ одинъ часъ они рѣшили больше дѣсяти дѣлъ. Вокругъ тѣхъ перилъ находились тяжущіеся, ихъ повѣренные и множество постороннихъ людей, приведенныхъ туда надобностію свиданія или любопытствомъ слышеть произношеніе рѣшенія судьбы тяжущихся. Повѣренные представляли словесно существо дѣла, истецъ обвинялъ отвѣтчика, а сей приносилъ оправданіе, что они дѣлали въ краткихъ словахъ, потому что судьи долгихъ разговоровъ повереннымъ не позволяли, но требовали только отъ нихъ документовъ, къ правости той или другой стороны служащихъ, и повѣренные должны были тотчасъ положить оные, —одинъ для доказательства иска, а другой—для оправданія своего. Судьи, разсмотрѣвъ оные и поговоря между собою, тотчасъ возвѣщаютъ опредѣленіе свое, которое рѣшитъ судьбу тяжущихся, и одинъ изъ судей, имѣющей урядъ писаря, вноситъ оное въ протоколъ, а съ сего онъ же выдаетъ тяжущимся декретъ, то есть, письменное опредѣленіе.

Видя такое поспѣшное и скоро-рѣшительное сужденіе, я спросилъ

Библиотека "Руниверс"

одного полестранта *), такимъ ли порядкомъ въ Польшѣ всегда суды отправляемы были. «Точно такъ», отвѣчалъ онъ мнѣ, и что «иногда судьи дѣлъ тритцать и больше рѣшатъ въ одно ихъ засѣданіе». Мнѣ тогда показалось, что такой простой порядокъ правосудія отъ всѣхъ медленностей и проволочекъ устраненной, долженъ быть предпочтенъ всякому другому производству судебныхъ дѣлъ; ибо что выгоднѣе и лучше для тяжущихся, какъ видѣть дѣла свои безъ посредства приказныхъ служителей, секретарей, безъ екстракта и безо всякаго письменнаго производства рѣшеными въ одинъ день или въ одинъ часъ? Однако же, послѣ, въ разсматриваніи мною дѣлъ, Польскими судами сужденныхъ, я нашелъ въ образѣ судопроизводства ихъ, такъ какъ скоро скажу, много неудобностей и злоупотребленій, которыя не уступаютъ обрядамъ, въ другихъ мѣстахъ учрежденнымъ, съ медленностію сопряженнымъ.

*) До раздѣленія Польши, въ оной существовалъ особой класъ законоискусниковъ подъ общимъ названіемъ «полестраштовъ», которые посвящали себя услугѣ публичной и отправляли должность адвокатовъ или повѣренныхъ, кому угодно оную на нихъ возложить было. **(Примѣчаніе автора).**

Библиотека "Руниверс"

Николай II въ Саровской пустыни.

(*Изъ воспоминаній земскаго дѣятеля.*)

Схимникъ Саровской пустыни, о. Серафимъ, былъ давно извѣстенъ въ Нижегородской губерніи; около 50 лѣтъ назадъ, во время моего дѣтства въ народѣ уже были распространены картинки изъ его жизни, изображающія какъ о. Серафимъ кормитъ медвѣдя, стоитъ на камнѣ и молится Богу и проч. Въ народѣ ходили разные разсказы о его подвижнической жизни. Онъ былъ очень почитаемъ, вслѣдствіе чего издавна въ Саровскій монастырь стекались толпы богомольцевъ, хотя Серафимъ и не былъ признанъ святымъ офиціально. Немало привлекала въ монастырь богомольцевъ (главнымъ образомъ изъ простонародья) и рѣдкая красота мѣстоположенія его на берегу свѣтлой рѣчки, окруженнаго вѣковыми нетронутыми лѣсами. Здѣсь не мѣсто распространяться о ходѣ всего дѣла о канонизаціи Серафима. Изъ брошюръ, изданныхъ по этому случаю, видно, что данныхъ, подтверждающихъ его святость, было долгое время недостаточно, мощей же его, т.-е. тѣла, неподвергнувшагося тлѣнію, не оказалось, а только кости, лапти, борода и другіе предметы, не поддающіеся скорой порчѣ. Проѣзжая лѣтомъ невдалекѣ отъ Сарова въ 1902 г. я слышалъ разсказы, что какъ-то въ монастырь пріѣзжалъ Тамбовскій архіерей и съ мѣстнымъ настоятелемъ монастыря и еще другимъ ночью, секретно отъ всѣхъ, осматривали могилу, а потомъ опять ее задѣлали и уѣхали. Зимой вновь осматривалъ могилу Московскій митрополитъ еще съ другими архіереями, послѣ чего стали распространяться слухи о томъ, что мощей нѣтъ. Тѣмъ не менѣе канонизація Серафима и открытіе его якобы мощей состоялась въ 1903 году *).

Не послѣднюю роль въ этомъ дѣлѣ, несомнѣнно, играли соображе-

*) Открытію мощей Серафима Саровскаго дало поводъ и создало благодарную среду для всевозможныхъ легендъ о чудесахъ. Приводимъ въ добавленіе къ разсказу А. А. Савельева сообщенія, въ свое время напечатанныя въ заграничномъ «Освобожденіи» (1903 г., № 30).

«Чудеса совершались во множествѣ, чуть не на каждомъ мѣстѣ саровской земли, по 10, по 15 въ день. Обыкновенно для объясненія чудесныхъ исцѣленій прибѣгаютъ случаю внезапнаго прекращенія истерическаго параличa; можетъ быть, подобные случаи имѣли мѣсто и въ Саровѣ; но по наблюденіямъ очевидцевъ и по тому, что разсказываютъ они, надо думать, что большая часть саровскихъ чудесъ являлась или довольно грубой поддѣлкой лицъ подъ непосредственнаго творчества стоустой фантазированной толпы. Вотъ, напримѣръ, старуха-богомолка съ мальчикомъ якобы только что получившимъ способность ходить послѣ многолѣтняго па-

Библиотека "Руниверс"

нія хитреца Плеве, поставившаго цѣлью показать, что простой народъ доволенъ самодержавіемъ, преданъ ему, и что стремленіе къ свободѣ и къ участію общественныхъ силъ въ государственномъ управленіи есть измышленія небольшой кучки интеллигенціи и не имѣютъ опоры въ простомъ народѣ. Для этого и былъ употребленъ весьма ловкій маневръ, какъ это видно изъ слѣдующаго.

Въ маѣ слухи о томъ, что царь пріѣдетъ въ Саровъ на открытіе мощей, стали циркулировать весьма настойчиво и, наконецъ, получили офиціальное подтвержденіе, а въ іюнѣ губернаторомъ Унтербергеромъ

ралича ногъ. Старуху окружили, ее поятъ чаемъ и всячески угощаютъ; мальчикъ-полуидіотъ, повидимому, и никакъ не можетъ отвѣтить на разспросы, непосредственно къ нему обращенные, ходилъ ли онъ раньше. Но достаточно внимательнаго взгляда на его босые ноги, чтобы замѣтить покрывающія ихъ мозоли. При первомъ вопросѣ на эту щекотливую тему, старуха съ исцѣленнымъ быстро спушевываются. Вотъ глухонѣмой парень, окруженный толпою богомолокъ и людей въ городскихъ костюмахъ; онъ только что получилъ способность говорить, но когда съ нимъ пытаются заговорить интеллигентные люди, всѣ ихъ старанія извлечь отъ исцѣленнаго хоть одинъ человѣческій звукъ напрасны. Богомолки съ явнымъ неудовольствіемъ пытаются объяснить, что не всякій достоинъ воочію убѣдиться въ чудѣ. Вотъ здоровенный учитель церковной школы, лицо—кровь съ молокомъ, грудь колесомъ, «украшенная» медалями въ память Александра III и переписи; онъ собралъ вокругъ себя цѣлую толпу, разсказывая, что онъ страдалъ ревматическими болями и онѣ прошли послѣ купанья въ 4-хъ градусномъ источникѣ Серафима. Ему приходилось вѣрить на слово, потому что никакихъ внѣшнихъ признаковъ болѣзни нѣтъ. Любопытно, что въ изслѣдованныхъ очевидцами случаяхъ почти всегда вскрывалась связь исцѣленнаго съ церковными учрежденіями: или онъ учитель церковной школы, или сынъ церковнаго старосты, или сторожа, или причетника. И чудеса тотчасъ же записывались жандармскимъ офицеромъ, спеціально приставленнымъ къ этому дѣлу, а въ дополненіе къ сухой офиціальной регистраціи немедленно являлось тоже офиціальное, но, вѣроятно, литературно приукрашенное описаніе корреспондента «Прав. Вѣстн.», охотно сообщавшаго всѣмъ и каждому, что онъ отправляетъ свои корреспонденціи, предоставивъ ихъ предварительно на просмотръ владыкѣ-митрополиту. Но «сколько здѣсь благодати, сколько благодати», повторялъ на ходу этотъ юркій господинъ, словно дѣло шло о ярмарочномъ товарѣ.

А между тѣмъ настроеніе толпы дѣлалось все болѣе и болѣе подходящимъ для воспріятія всяческихъ чудесъ, психическая зараза все сильнѣе овладѣвала толпою и отдѣльными лицами. Въ купальнѣ у источника Серафима (замѣтимъ кстати, что эта новая купель Силоамская дѣлится на дворянскую и народную половины) сидитъ блѣдный молодой человѣкъ, съ блаженнымъ выраженіемъ лица, очевидно, въ состояніи высокой степени экстаза. Вокругъ него толпа, всѣ толкуютъ о только что совершившемся чудѣ, толпа возбуждается сама и еще болѣе возбуждаетъ молодого человѣка. У него туберкулезъ костей, онъ сошелъ въ воду на костыляхъ, вышелъ безъ костылей. Толпа расходится, разнося вѣсть о чудѣ, когда же молодой человѣкъ одѣлся, онъ продолжаетъ ковылять безъ костылей, но такъ плохо поднимается съ мѣста, что ясно, что ни о какомъ исцѣленіи нѣтъ рѣчи; черезъ нѣсколько дней его опять видятъ на костыляхъ, но самый фактъ уже зарегистрированъ въ общихъ спискахъ жандармовъ и владыки Антонія и—что еще важнѣе—уже успѣлъ прибавить нѣкоторый плюсъ къ той суммѣ вліяній, которою создается атмосфера чудеснаго.

Такъ обстояло дѣло по отношенію къ простымъ богомольцамъ и обывателямъ. «Наверху» въ это самое время происходило использованіе саровскихъ чудесъ въ цѣляхъ развлеченія самого самодержца и направленія его чувствъ и мыслей въ духѣ желательномъ г. Плеве».

Ред.

Библиотека "Руниверс"

было созвано особое совѣщаніе, въ которомъ приняли участіе, кромѣ мѣстной администраціи, нѣкоторые земскіе начальники, предводители дворянства, предсѣдатели мѣстныхъ управъ преимущественно тѣхъ уѣздовъ, черезъ которые долженъ быть проѣхать царь. Въ числѣ членовъ этого совѣщанія былъ приглашенъ и я. Офиціальная тема совѣщанія была—установленіе порядка во время торжества, а затаенная касалась охраны царя, но такимъ образомъ, чтобы въ этомъ не было видно участія полиціи—явной и тайной, и чтобы передъ взорами царя былъ исключительно простой народъ и простой, не чиновный, не служащій, обыватель. Къ этому губернаторъ приступилъ такимъ образомъ. Вѣроятно, дескать, въ населеніи губерніи будетъ очень сильное стремленіе не только побывать въ Саровѣ на церковномъ торжествѣ, но и по пути слѣдованія царя, чтобы видѣть его и всю царскую семью. Для этого надлежитъ земскимъ начальникамъ объявить, но не формально, что желающіе могутъ итти или ѣхать и что будетъ предоставленъ даровой проѣздъ. Всѣ, кто желаетъ должны заявить мѣстнымъ сельскимъ властямъ, которыя сообщатъ списки земскимъ начальникамъ, послѣдніе ихъ провѣрятъ, прощѣдятъ, чтобы не попались сомнительные и затѣмъ отправятъ къ мѣсту назначенія. Высчитано, что на весь путь отъ Арзамаса до границы Тамбовской губерніи нужно будетъ до 40,000 человѣкъ, или даже болѣе, (изъ ближнихъ уѣздовъ, какъ, напр., Арзамасскаго и Ардатовскаго, больше двадцати тысячъ, изъ остальныхъ, какъ, напр., Васильскаго, меньше, тысячи по двѣ). Всѣ записанные должны быть разбиты на отряды, въ каждомъ отрядѣ особое довѣренное лицо, нѣсколько мелкихъ отрядовъ должны быть соединены по земскимъ участкамъ и находиться подъ вѣдѣніемъ своего земскаго начальника, который долженъ неотлучно находиться на мѣстѣ, но только отнюдь не въ формѣ, а въ частномъ платьѣ, чтобы имѣть видъ обыкновеннаго обывателя изъ сосѣднихъ мѣстностей, прибывшаго взглянуть на обожаемаго монарха. Въ совѣщаніи нѣкоторымъ земскимъ начальникамъ было заявлено, что если скрыть истинную причину—охрану царской особы,—то, пожалуй, при условіи необязательности, итти въ Саровъ, да еще на свой счетъ, достаточнаго числа лицъ не найдется. Сначала губернаторъ упрямился, чтобы было говорено объ этомъ, а потомъ согласился, что можно объ этомъ и объявить и дать суточныя деньги (кромѣ проѣзда), кажется копѣекъ по 8-ми. Впослѣдствіи нѣкоторые земскіе начальники (изъ Васильскаго уѣзда) протестовали противъ обмана; изъ Васильскаго уѣзда былъ поэтому только одинъ, но вообще лишь человѣкъ 5 изъ всей губерніи (изъ 56) не были на пути, а всѣ остальные были распредѣлены по участкамъ по дорогѣ отъ Арзамаса до границы Тамбовской губерніи и несли полицейскую службу въ партикулярномъ платьѣ. Очевидно, деморализація между ними была такъ велика, что они не сознавали даже своей позорной роли агентовъ тайной полиціи.

Библиотека "Руниверс"

Какъ бы то ни было все устроилось, какъ было предположено: по пути слѣдованія расположился «народъ», отборные изъ населенія, кучками въ шахматномъ порядкѣ сзади земскіе начальники въ средѣ «народа», кое-гдѣ агенты тайной полиціи на заднемъ планѣ они уже въ большемъ количествѣ и наконецъ совсѣмъ на заднемъ планѣ, чтобы не было видно—цѣпь солдатъ. Въ селахъ по пути слѣдованія былъ установленъ такой порядокъ: земскіе начальники съ полиціей (которая также была согнана изъ всей губерніи) осмотрѣли не только каждый жилой домъ, но и всѣ холодныя постройки, мосты и т. п. Тѣ строенія, которыя не требовались для жилья, на все время (приблизительно дней на 5—6) были заперты и запечатаны. Во время проѣзда обыватели попутныхъ селеній были кучками разставлены при въѣздѣ или выѣздѣ изъ селеній съ надлежащимъ, въ средѣ ихъ, числомъ наблюдателей и охранителей изъ тайной полиціи и въ опредѣленной дистанціи отъ линіи проѣзда. Конечно, было предположено быть въ нарядной одеждѣ. Въ домахъ были оставлены лишь такія лица, которыя не могли уйти, напр., дряхлые, матери съ грудными дѣтьми. Усердіе властей было велико и не обходилось безъ курьезовъ. Такая, напр., живность, какъ куры, поросята и т. п. безпокойная тварь были заперты. Случилось такъ, что въ одномъ селеніи, передъ самымъ проѣздомъ, поросенокъ выскочилъ изъ-подъ ареста и бросился бѣжать по улицѣ, но былъ заколотъ урядникомъ. Хозяинъ запротестовалъ, но былъ и самъ немедленно арестованъ и освободился лишь благодаря вмѣшательству земскаго начальника. Были и еще разныя курьезныя недоразумѣнія, вродѣ столкновенія крестьянъ съ переряженными чинами тайной полиціи и т. п. Вся дорога была тщательно осмотрѣна инженерами и снята на планъ съ показаніемъ каждаго мостика бугорка, овражка и т. п. *).

*) Въ дополненіе приводимъ офиціальные документы объ охранѣ пути высочайшаго слѣдованія въ Саровскую пустынь.

I.

Мѣры охраны, подлежащія принятію въ селеніяхъ по пути высочайшаго слѣдованія отъ г. Арзамаса въ Саровскую пустынь и Дивѣевскій монастырь и обратно черезъ с. Глухово въ г. Арзамасъ.

1. Всѣ строенія, жилыя и холодныя, находящіяся на самомъ пути, такъ равно и на разстояніи десяти саженей въ обѣ стороны отъ дороги, за двое сутокъ до проѣзда тщательно осматриваются комиссіей, состоящей изъ полицейскаго и жандармскаго (гдѣ таковой есть) офицера, мѣстнаго сельскаго старосты и при участіи двухъ понятыхъ. Предсѣдателемъ въ комиссіи является старшій въ чинѣ офицеръ. Тѣ строенія, въ которыхъ нѣтъ особой надобности для хозяевъ, опечатываются комиссіей и за 4 часа до высочайшаго проѣзда печати осматриваются ею, чтобы убѣдиться въ цѣлости ихъ.

Примѣчаніе: Если впослѣдствіи хозяевамъ встрѣтилась бы особая надобность войти въ опечатанное строеніе, то это можетъ быть сдѣлано въ присутствіи той же комиссіи, и послѣ этого строеніе вновь опечатывается.

Библиотека "Руниверс"

Жара стояла страшная и служба была нелегкая, тѣмъ болѣе, что ощущался недостатокъ воды и даже хлѣба, который продавался по страшно дорогой цѣнѣ.

Условія мѣстной администраціи, вдохновляемой, очевидно, опытнымъ въ полицейской службѣ и въ устройствѣ разныхъ демонстрацій министромъ внутреннихъ дѣлъ Плеве, увѣнчались полнымъ успѣхомъ. Пріѣздъ царя къ платформѣ желѣзной дороги у Арзамаса и с. Выѣздной слободы былъ назначенъ 17 іюля въ 12 ч. дня; отсюда онъ долженъ былъ ѣхать въ Саровъ, на разстояніи около 60 верстъ на лошадяхъ. Къ этому времени въ Арзамасъ должны были прибыть мѣстные чины, представители дворянства и земства. По обыкновенію надо было поднести хлѣбъ-соль и поздравить съ пріѣздомъ черезъ особую депутацію. 26 іюня у

---

2. Въ упомянутыхъ выше строеніяхъ, послѣ осмотра, никто изъ посторонняхъ лицъ къ семьѣ хозяина не принадлежащихъ, оставаться не можетъ, впредь до того времени, пока охрана не будетъ снята.

3. За сутки до проѣзда въ каждый домъ, находящійся по пути слѣдованія, помѣщаются два охранника, которые слѣдятъ, чтобы никто изъ посторонняхъ въ домъ и во дворъ не входилъ.

4. За 4 часа до проѣзда помѣщаются съ задней стороны домовъ, лежащихъ по пути, охранники, стражники или воинскіе чины, по мѣрѣ надобности, которые слѣдятъ за тѣмъ, чтобы на дорогу, по которой имѣетъ быть проѣздъ, никто не выходилъ.

5. Всѣ выходящія на улицу окна или отверстія на чердакахъ заколачиваются.

6. Полиціей и сельскими властями устанавливается строгій надзоръ за всѣми живущими въ селеніяхъ. За двое сутокъ до высочайшаго проѣзда селеніе должно быть очищено отъ всѣхъ неизвѣстныхъ лицъ.

7. Съ разсвѣта утра дня высочайшаго проѣзда въ попутныхъ селеніяхъ всѣ собаки должны быть на привязи и находящійся въ селеніи скотъ загнанъ.

Губернаторъ ген.-лейтенантъ **Унтербергеръ.**

Типографія Нижг. Губ. Правленія.

II.

Приказъ жителямъ селеній по пути высочайшаго слѣдованія отъ г. Арзамаса въ Саровскую пустынь, Дивѣевскій монастырь и обратно.

1. Жители каждаго селенія, черезъ которое будетъ слѣдовать высочайшій проѣздъ, собираются у своей околицы къ опредѣленному часу, который будетъ указанъ земскимъ начальникомъ, въ районѣ котораго находится соотвѣтственное селеніе, и группируются тамъ по обѣ стороны дороги.

2. Сельскій староста, сотскіе и десятскіе провѣряютъ, чтобы никто изъ посторонняхъ, къ жителямъ селенія не принадлежащій, въ группѣ не былъ. Если же случайно кто-либо изъ посторонняхъ туда явится, и не будетъ времени его совсѣмъ удалить, то онъ становится за группу подъ надзоръ полиціи или благонадежныхъ лицъ.

3. Отъ линіи проѣзда группы стоятъ около 10 саженей.

4. Расходиться жители могутъ съ разрѣшенія старшаго полицейскаго офицера, когда послѣдній экипажъ скроется изъ вида

5. При въѣздѣ въ селенія разрѣшается жителямъ устраивать арки и украшать дома свои зеленью и флагами.

Нижній Новгородъ, Іюля 3-го дня 1903 г.

№ 3500. Ген.-лейтенантъ **Унтербергеръ.**

Библиотека "Руниверс"

нась было экстренное губернское земское собраніе, созванное по случаю полнаго неурожая яровыхъ хлѣбовъ и по вопросу о постройкѣ психіатрической колоніи близъ Нижняго-Новгорода. Къ этимъ вопросамъ былъ присоединенъ и вопросъ о встрѣчѣ царя и выборѣ депутаціи. Въ депутацію собраніе назначило весь составъ губернской управы и всѣхъ предсѣдателей уѣздныхъ управъ, а вмѣсто тѣхъ, которые въ качествѣ предводителей дворянства будутъ въ дворянской депутаціи, заступающихъ ихъ

III.

Приказъ членамъ добровольной охраны по пути слѣдованія высочайшихъ особъ изъ г. Арзамаса въ Саровскую пустынь и Дивѣевскій монастырь и обратно.

1. Члены добровольной охраны должны становиться на мѣста и въ часъ, указанные начальниками отрядовъ. Во время высочайшаго проѣзда они сходить со своихъ мѣстъ не должны, а послѣ проѣзда могутъ расходиться по указанію начальниковъ отрядовъ и во всякомъ случаѣ не ранѣе, какъ послѣдній экипажъ скроется изъ вида.

2. При разстановкѣ на мѣстахъ всѣ потомки, какъ охранниковъ, такъ и тѣхъ посторонних лицъ, которые будутъ остановлены по пути и поставлены позади членовъ охраны, относятся на нѣсколько десятковъ саженей въ тылъ охраны, тамъ складываются, а разбираются лишь послѣ высочайшаго проѣзда.

Въ рукахъ ни у охранниковъ, ни у посторонних лицъ не должно быть никакихъ предметовъ кромѣ шапокъ.

3. При высочайшемъ проѣздѣ воспрещается становиться на колѣни съ цѣлью подачи какихъ бы то ни было бумагъ и прошеній. Если же кто-либо желаетъ подать Государю Императору прошеніе, то онъ таковое долженъ передать начальнику отряда, которымъ оно будетъ передано по начальству и ни одно изъ поданныхъ въ такомъ порядкѣ прошеній не останется не доложеннымъ Государю.

4. Лицъ, которыя бросятся впередъ для подачи прошеній или съ другими цѣлями, члены охраны должны задержать и передать въ распоряженіе полиціи.

5. Такъ какъ въ день высочайшаго проѣзда въ опредѣленный часъ, по указанію начальника отряда, всякое движеніе по пути будетъ пріостановлено, то въ случаѣ появленія потомъ на немъ, а равно въ прилегающей къ нему мѣстности, лицъ, не участвующихъ въ охранѣ, не принадлежащихъ къ составу полиціи или военныхъ частей, или не имѣющихъ на то разрѣшенія губернатора, таковыя должны задерживаться и съ ними будетъ поступлено по указанію начальника отряда, до этого же ихъ слѣдуетъ держать подъ строгимъ надзоромъ за ближайшими группами охранниковъ.

6. Въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ будетъ находиться посторонняя публика, не позволять ей прорвать цѣпь и становиться впереди, за исключеніемъ тѣхъ лицъ, коимъ это будетъ начальникомъ отряда разрѣшено.

7. Въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ будетъ стоять посторонняя публика, сотники и десятники должны во время высочайшаго проѣзда стоять такъ, чтобы видѣть проѣзжающіе экипажи, а равно постороннюю публику для наблюденія, не происходитъ ли тамъ чего-либо подозрительнаго.

8. При всякихъ недоразумѣніяхъ члены охраны должны руководствоваться указаніями начальниковъ отрядовъ.

Вотъ тѣ правила, выполнять которыя предстоитъ членамъ добровольной охраны и я надѣюсь, что члены сей охраны, осчастливленные высокою честью охранять благополучное слѣдованіе Ихъ Императорскихъ Величествъ, точно выполнятъ все вышеизложенное.

Нижній-Новгородъ, іюля 3 дня 1903 г.

№ 3490. Губернаторъ ген.-лейтенантъ **Унтербергеръ.**

Библиотека "Руниверс"

мѣсто. Для поднесенія хлѣба-соли было куплено блюдо въ Москвѣ у Болина стоимостью въ 700 рублей.

16 іюля наша депутація отправилась въ Арзамасъ, гдѣ мы и поселились на земской квартирѣ при складѣ сельско-хозяйственныхъ орудій. Въ это время стояли страшныя жары и пыль. Арзамасъ былъ переполненъ пріѣзжими, полиціей и т. п. Утромъ 17-го мы выѣхали къ шатру, выстроенному близъ с. Выѣздного, противъ Арзамаса на противоположномъ берегу рѣки Теши на совмѣстныя средства дворянства и земства. Народъ шелъ и ѣхалъ сплошной массой. У самаго шатра была огромная толпа народа, тѣснившаяся къ огороженному веревками мѣсту близъ шатра, передъ которымъ была оставлена небольшая площадка. На этой площадкѣ, противъ шатра, была устроена вышка съ фотографическимъ аппаратомъ, изъ котораго долженъ былъ снятъ моментъ выхода царя изъ шатра. Самый шатеръ (деревянный съ драпировками изъ сѣрой матеріи) былъ устроенъ подъ желѣзнодорожной насыпью; изъ него вели кверху, къ платформѣ 3 лѣстницы съ промежуточными площадками; самая верхняя площадка была устроена также въ видѣ деревяннаго зданія однимъ изъ собственниковъ дороги, фонъ-Меккомъ *).

Въ нашемъ, болѣе обширномъ, павильонѣ (шатрѣ) расположились дворяне во главѣ съ губернскимъ предводителемъ дворянства А. Б. Нейд-

---

*) Интересныя свѣдѣнія о подготовительныхъ мѣрахъ желѣзнодорожнаго начальства и военныхъ властей сообщилъ корреспондентъ «Освобожденія» (№ 29).

«Все всполошилось. Желѣзнодорожные заправилы достали 1.600,000 рублей, вѣроятно, изъ «свободной наличности» и ассигновали ихъ на приведеніе въ порядокъ желѣзнодорожнаго полотна. Стали спѣшно строить новые мосты, сыпать насыпи, мѣнять гнилыя шпалы, красить станціи. Въ два, три мѣсяца все преобразовалось. Царь долженъ отъ станціи Шатки проѣхать 70 верстъ на лошадяхъ. Хотя лошади будутъ хорошія и повезутъ его быстро, все же онъ можетъ замѣтить, что настоящая русская деревня похожа скорѣе на большую навозную кучу, чѣмъ на селеніе людей, что на поляхъ нѣтъ того обилія плодовъ земныхъ, нѣтъ того благополучія, о которомъ такъ краснорѣчиво докладываетъ каждый годъ самъ Витте.

Вотъ почему мѣстная администрація позаботилась о томъ, чтобы этотъ путь привести въ особо-привлекательный видъ. Вдоль всей дороги засадили березокъ, которыхъ привезли изъ сосѣднихъ лѣсовъ. Ухабистыя дороги выровняли и посыпали пескомъ. Крестьянскимъ бабамъ поручили выполоть вдоль всего пути сорныя травы. Дома, мимо которыхъ послѣдуетъ «ихъ императорскія величества», спѣшно кроются тесомъ и даже желѣзомъ. Уѣзднымъ предводителямъ дворянства поручено набрать среди крестьянъ 20.000 человѣкъ добровольцевъ, которые должны стоять шпалерами вдоль всего пути.

Военныя власти также не дремлютъ. Каждый день проходитъ четыре воинскихъ поѣзда, которые везутъ не только казаковъ и пѣхоту, но также артиллерію. Можно подумать, что царь ѣдетъ во вражескую страну, а не къ своимъ подданнымъ.

Если бы возможно было сосчитать, сколько потрачено денегъ на одни приготовленія, на переѣздъ двора и всѣхъ царственныхъ особъ, то навѣрное оказалось бы нѣсколько милліоновъ. И это въ то время, когда министръ финансовъ откровенно признаетъ, что денегъ нѣтъ на культурныя цѣли, когда земствамъ и городамъ отказываютъ въ деньгахъ и въ кредитѣ на самыя насущныя потребности народа».

Библиотека "Руниверс"

гардтомъ, съ нѣкоторыми дворянками (до 30-ти) и земскіе депутаты; отдѣльно была депутація отъ Арзамасскаго уѣзднаго земства.

Министръ Плеве пріѣхалъ за часъ до прибытія государя. Передъ этимъ онъ пробылъ весь день у своего близкаго знакомаго, управляющаго государственными имуществами, Л. С. Лопухинскаго, частью своего родственника (ихъ жены были двоюродныя сестры или вообще какія-то родственницы), никого въ Нижнемъ не принималъ. Конечно, всѣ были ему представлены, затѣмъ онъ осматривалъ блюда и съ нѣкоторыми лицами разговаривалъ. Наше блюдо было деревянное съ серебряными вызолоченными вензелями; по поводу его Плеве сказалъ, что именно такое (т.-е. деревянное не роскошное) блюдо совершенно соотвѣтствуетъ желанію его величества. На верхнюю площадку, къ поѣзду, могли итти лишь очень немногіе, у которыхъ были спеціальныя разрѣшенія и въ числѣ ихъ губернскій предводитель дворянства. Нѣкоторые изъ земскихъ представителей стали говорить, что они находятъ, что и я долженъ быть въ такомъ же исключительномъ положеніи, какъ представитель губерніи, вслѣдствіе чего я сказалъ объ этомъ губернатору, а тотъ министру Плеве. Министръ нашелъ, что это вѣрно и, такимъ образомъ, я долженъ былъ итти на верхнюю площадку. Ничего особенно интереснаго въ этомъ не было, такъ какъ Николай II-й, выйдя изъ вагона, ничего не говорилъ и нѣкоторымъ подавалъ руку.

Болѣе внимательна была Марія Федоровна, которая здоровалась со всѣми безъ исключенія. Затѣмъ стали спускаться по лѣстницѣ, принимая по пути хлѣбъ-соль, сначала отъ крестьянской депутаціи, потомъ отъ городской. Въ земскомъ и дворянскомъ павильонѣ было сначала поднесено губернскимъ предводителемъ блюдо и хлѣбъ-соль, причемъ губернскій предводитель сказалъ довольно длинную, не особенно содержательную рѣчь, затѣмъ представилъ уѣздныхъ предводителей, нѣкоторыхъ дворянъ и дамъ. Послѣ того очередь настала для депутаціи губернскаго земства. Я поднесъ наше блюдо съ ассистентами—нижегородскимъ уѣзднымъ предводителемъ Астафьевымъ и членомъ губернской управы Килевейномъ. Произошелъ приблизительно такой разговоръ, послѣ того, какъ я поздравилъ съ благополучнымъ прибытіемъ и просилъ принять по старинному русскому обычаю хлѣбъ-соль. Поблагодаривъ за это, Николай II сказалъ: —Вы уже не первый разъ подносите намъ хлѣбъ-соль.—Я сказалъ, что имѣлъ счастіе подносить во время Всероссійской выставки и затѣмъ упомянулъ, что погода благопріятствуетъ ихъ путешествію. На что царь сказалъ: «такъ-то такъ, да вотъ яровые очень плохи», какъ онъ видѣлъ изъ вагона. Я сказалъ что надняхъ былъ дождикъ—можетъ быть поправятся сколько-нибудь. Царь отвѣтилъ, что осень покажетъ это, и тѣмъ разговоръ нашъ кончился. Когда былъ представленъ царю Астафьевъ, то онъ обратился къ нему съ замѣчаніемъ, что вѣроятно они теперь отдыхаютъ, и когда Астафьевъ

Библиотека "Руниверс"

отвѣтилъ, что лѣтомъ у нихъ производятся постройки, чинятъ дороги и т. п., то царь на это сказалъ: значитъ у васъ лѣтомъ практическая дѣятельность, а зимой вы пишете доклады. Затѣмъ Николай II съ сопровождавшими его родственниками и свитой вышли, окруженные дворянами, изъ павильона и въ это время была снята фотографическая группа въ 2-хъ видахъ.

По отъѣздѣ царя и его фамиліи и министра Плеве, произошелъ инцидентъ. Лакей Плеве несъ какое-то пальто, чтобы съ нимъ сѣсть въ экипажъ (кажется, Плеве), въ это время выпалъ револьверъ, за что-то задѣлъ и произошелъ выстрѣлъ, ранившій лакея. Повидимому выстрѣлъ былъ случайный. Собственно, всѣ эти обстоятельства, сопровождавшія отъѣздъ царя, весьма незначительны, и ихъ не стоило бы описывать, но я сдѣлалъ это именно потому, чтобы показать, какъ все это было ничтожно.

Въ Саровъ я не ѣздилъ, и очевидцемъ того, что тамъ происходило, не былъ. По слухамъ была страшная толкотня и давка, народу набралось множество, и внутри и внѣ монастыря. По моему мнѣнію, всѣ разсказы важны лишь въ одномъ отношеніи, что доказываютъ, что слабую волю царя окончательно подчинили, внушивъ ему ко всему прочему еще и ханжество. Приведу еще любопытныя замѣчанія писателя В. Г. Короленко. Обратный отъѣздъ царя со свитой былъ назначенъ 20 іюля. Къ этому дню мы опять пріѣхали въ Арзамасъ и ждали въ томъ же павильонѣ. Ровно въ 12 час., какъ было назначено, царь пріѣхалъ, весь въ пыли, такъ какъ жара стояла страшная. Поговоривъ немного съ губернскимъ предводителемъ дворянства Нейдгардтомъ и нѣкоторыми другими, онъ сѣлъ въ вагонъ и уѣхалъ, а мы отправились въ городъ и въ тотъ же вечеръ уѣхали. Вотъ послѣ проводовъ царя я и видѣлъ В. Г. Короленко въ гостинницѣ Спрегулина. Оказалось изъ его разсказа, что онъ пѣшкомъ съ одной изъ станцій желѣзной дороги, вмѣстѣ съ своимъ родственникомъ Малышевымъ, въ качествѣ паломника, отправились въ Саровъ, чтобы видѣть и изучить толпу и проявленіе народнаго движенія въ этотъ рѣдкій моментъ. Онъ передавалъ, что по его мнѣнію около монастыря было до 150.000 человѣкъ. Толпа была настроена фанатично и съ особой преданностью царю. Надо замѣтить, что незадолго до открытія мощей, въ виду циркулировавшихъ уже слуховъ, что мощей нѣтъ, было обнародовано разъясненіе петербургскаго митрополита Антонія, изъ котораго видно, что мощей (въ смыслѣ тѣла, оставшагося нетлѣннымъ) дѣйствительно не было—нашли кости, бороду, лапти и только. Короленко говорилъ намъ, что однако разговаривать объ этомъ или по поводу оглашеннаго Антоніемъ свѣдѣнія можно было лишь съ большой осторожностью, и не со всякимъ, а иначе можно было нажить большія непріятности. Толпа была настроена фанатично, а преданность къ царю, по его наблюденію, была такъ велика, что, если бы кто нибудь сказалъ, что царя

Библиотека "Руниверс"

монахи убили, то отъ монастыря не осталось бы камня на камнѣ. Вотъ каково было настроеніе, по словамъ такого опытнаго и вдумчиваго наблюдателя, какъ Владиміръ Галактіоновичъ.

А между тѣмъ въ нѣсколько лѣтъ все это рѣзко измѣнилось.

Надо впрочемъ замѣтить, что въ Саровъ шелъ лишь извѣстный элементъ народа не молодого уже возраста; въ средѣ же молодого поколѣнія все больше и больше началъ проявляться духъ критицизма. Что же касается высшихъ интеллигентныхъ классовъ, то беря также болѣе зрѣлый возрастъ, надо отмѣтить одну особенность. Въ душѣ и на словахъ въ частныхъ бесѣдахъ и духъ критики и отрицательное отношеніе къ самодержавію были развиты очень сильно, но разъ дѣло доходило до такихъ моментовъ, когда эти чувства должны были выразиться, шло наоборотъ—выходило такъ что высказывалось противоположное, вопреки внутреннему чувству, при томъ безъ всякихъ укоровъ совѣсти, какъ нѣчто неизбѣжное. Только молодежь высказывалась смѣло, открыто, и дѣйствовала честно, но конечно, далеко не вся. Можетъ быть, и здѣсь имѣютъ значеніе тѣ же причины какъ и относительно народной массы, но примѣровъ, подтверждающихъ высказанное выше, предо мной прошло не мало.

А. Савельевъ.

Библиотека "Руниверс"

Въ Кіевѣ *).

(Воспоминанія бывшаго цензора).

1. Н. В. Клейгельсъ.

Я пріѣхалъ въ Кіевъ въ апрѣлѣ 1904 г. и засталъ тамъ генералъ-губернатроомъ Клейгельса.

Н. В. Клейгельсъ, занимая съ половины 90-хъ годовъ XIX вѣка до конца 1903 г. должность петербургскаго градоначальника, принадлежалъ въ то время къ числу самыхъ непопулярныхъ правительственныхъ дѣятелей. Онъ велъ систематическую борьбу съ петроградскимъ городскимъ общественнымъ управленіемъ, имѣлъ частыя столкновенія съ судебными властями, которыя во многомъ находили его дѣятельность незаконной, и круто подавлялъ студенческія и рабочія волненія. Кромѣ того говорили, что Клейгельсъ, часто бывая у Николая II съ докладами по дѣламъ столицы, сумѣлъ пріобрѣсти на него вліяніе, которое простиралось за предѣлы столичныхъ дѣлъ и было рѣзко-реакціоннымъ. Въ Кіевѣ въ генералъ-губернаторскомъ кабинетѣ у Клейгельса висѣла большая фотографія, на которой онъ былъ снятъ вмѣстѣ съ Николаемъ II. Назначенный къ концу 1903 г. кіевскимъ генералъ-губернаторомъ, онъ былъ встрѣченъ въ Кіевѣ весьма недружелюбно, благодаря своей петроградской репутаціи. Въ частности, очень отрицательно отнесся къ нему кіевскій судебный міръ. Старшимъ предсѣдателемъ кіевской судебной палаты въ то время состоялъ Ф. Ф. Арнольдъ, который раньше былъ прокуроромъ петербургской судебной палаты и въ этой должности руководилъ слѣдствіемъ по обвиненію Клейгельса въ служебныхъ злоупотребленіяхъ. Вскорѣ послѣ пріѣзда Клейгельса въ Кіевъ Ф. Ф. Арнольдъ былъ переведенъ въ Москву, такъ какъ было признано неудобнымъ, чтобы они служили въ одномъ городѣ.

Въ Кіевѣ Клейгельсъ пошелъ не по тому пути, по которому онъ шелъ въ Петербургѣ, и, стремясь установить хорошія отношенія съ городской думой и съ мѣстнымъ обществомъ, отстранялся отъ политики, особенно послѣ убійства Плеве (15 іюля 1904 г.) и наступленія «весны» кн. Свя-

*) Авторъ занималъ въ годы 1904—1909 въ Кіевѣ должность «Отдѣльнаго цензора». *Ред.*

Библиотека "Руниверс"

тополкъ-Мирскаго. Онъ искалъ популярности, завелъ у себя журфиксы, на которые онъ и его жена старались привлечь возможно больше гостей, устраивалъ совѣщанія по вопросамъ объ улучшеніи благоустройства Кіева и, главнымъ образомъ, по вопросу о подъемѣ сельскаго хозяйства въ юго-западномъ краѣ, приглашая на эти совѣщанія мѣстныхъ общественныхъ дѣятелей и журналистовъ, и писалъ пространные циркуляры по вопросамъ сельскаго хозяйства. Эта игра въ популярность и общественность плохо удавалась высокомѣрному, грубому по природѣ и малообразованному Клейгельсу: кіевляне не охотно шли на его журфиксы.

Одни говорили, что Клейгельсъ еврей по происхожденію, другіе,— что датчанинъ, сынъ аптекаря. Во всякомъ случаѣ онъ былъ незнатнаго и небогатаго происхожденія. Онъ хорошо ѣздилъ верхомъ и зналъ толкъ въ лошадяхъ. Этимъ онъ обратилъ на себя, молодымъ офицеромъ, вниманіе Николая Николаевича старшаго, попалъ въ его свиту, а затѣмъ, по его рекомендаціи, оберъ-полицеймейстеромъ въ Варшаву, откуда былъ переведенъ въ Петербургъ градоначальникомъ. При назначеніи въ Кіевъ ему было лѣтъ 55. Это былъ довольно высокій, плотный брюнетъ съ остроконечной, почти лысой головой, съ римскимъ носомъ и съ большими сѣдѣвшими бакенбардами. Онъ держалъ себя очень величественно, принимая театральныя позы. Языкъ у него былъ «суконный», и, желая придать своимъ словамъ больше вѣса, онъ подыскивалъ мудреныя выраженія. Вслѣдствіе этого онъ говорилъ, постоянно спотыкаясь, и рѣчь его производила странное впечатлѣніе.

Клейгельсъ былъ хитрый, но тупо соображавшій человѣкъ. Онъ внимательно прислушивался къ словамъ собесѣдниковъ и нерѣдко отвѣчалъ «объ этомъ надо подумать» и затѣмъ на досугѣ обдумывалъ, что отвѣтить и какъ поступить, а иногда умышленно не договаривалъ или «напускалъ туманъ» въ свои слова, чтобы не дать опредѣленнаго отвѣта или указанія, и въ такихъ случаяхъ и безъ того мало понятная порой его рѣчь становилась совсѣмъ непонятной. Иногда при обращеніи къ нему съ вопросомъ онъ дѣлалъ видъ, что не слышитъ. Вслѣдствіе этихъ уловокъ съ его стороны, его высокомѣрія и прорывавшейся у него подчасъ грубости служить съ нимъ было тяжело и непріятно.

Стремясь въ Кіевѣ къ популярности, Клейгельсъ избѣгалъ здѣсь принимать репрессивныя мѣры, если же иногда и принималъ, то такимъ образомъ, чтобы получалось впечатлѣніе, что онѣ исходятъ не отъ него, а отъ губернатора, или попечителя или же изъ Петербурга. Если онъ понялъ къ началу 1904 г., что близится сильный революціонный взрывъ, и, чтобы обезопасить себя, рѣшилъ предстать въ Кіевѣ въ иномъ видѣ, чѣмъ въ Петербургѣ, и искать популярности въ извѣстной степени, то онъ достигъ своей цѣли: конечно, популярности и расположенія онъ не пріобрѣлъ, но отношеніе къ нему стало болѣе или менѣе безразличнымъ,

Библиотека "Руниверс"

и въ 1904 и 1905 годахъ при развитіи политическихъ убійствъ онъ избѣгнулъ всякихъ покушеній, а въ октябрѣ 1905 г., когда былъ уволенъ отъ должности генералъ-губернатора, спокойно уѣхалъ изъ Кіева.

Но если Клейгельсъ сумѣлъ въ Кіевѣ обезопасить себя отъ революціонныхъ покушеній, то ему не удалось оградить себя отъ служебныхъ непріятностей, которыя дѣлалъ ему Д. Ф. Треповъ *). Когда Клейгельсъ былъ петроградскимъ градоначальникомъ, а Треповъ московскимъ оберъ-полицеймейстеромъ, они соперничали другъ съ другомъ и расходились по разнымъ вопросамъ: такъ, напр., Клейгельсъ высказывался противъ «зубатовщины», которую выдвигалъ Треповъ (гапоновскія организаціи въ Петербургѣ получили развитіе, когда уже Клейгельса тамъ не было). Назначенный въ началѣ 1905 г. товарищемъ министра внутреннихъ дѣлъ, завѣдующимъ полиціей и жандармами, и облеченный очень широкими полномочіями, Д. Ф. Треповъ сталъ давать чувствовать Клейгельсу свою силу и значеніе. Получивъ нѣсколько непріятностей отъ Трепова, Клейгельсъ въ началѣ осени 1905 г. обратился къ Николаю II съ просьбой объ увольненіи его отъ генералъ-губернаторства, сдѣлавъ это въ большомъ секретѣ отъ всѣхъ. Несомнѣнно, у него была увѣренность въ томъ, что Николай II вызоветъ его и попроситъ остаться, что онъ при объясненіяхъ съ царемъ въ той или другой степени подорветъ вліяніе и значеніе Трепова и укрѣпитъ свое положеніе въ Кіевѣ или получитъ еще болѣе видное и вліятельное назначеніе. Но просьба Клейгельса долго оставалась безъ отвѣта. У него явилось опасеніе, не просчитался ли онъ, и 10 октября, когда начиналась всероссійская забастовка, Клейгельсъ послалъ Николаю II телеграмму, въ которой заявлялъ, что хотя онъ и невполнѣ здоровъ, почему и просилъ объ увольненіи, тѣмъ не менѣе вслѣдствіе начинающейся «смуты» онъ принося въ жертву свое здоровье, считаетъ долгомъ продолжать «службу царю и отечеству». Раннимъ утромъ 18 октября, когда въ Кіевѣ сталъ извѣстенъ манифестъ 17 октября, къ Клейгельсу пріѣхалъ помощникъ командующаго войсками кіевскаго округа ген. Каррасъ и показалъ полученную имъ телеграмму. Эта телеграмма гласила, что Клейгельсъ уволенъ и что генералъ-губернаторомъ назначенъ командующій войсками В. А. Сухомлиновъ, находившійся въ то время въ отпуску за границей, и предписывала ген. Каррасу вступить до возвращенія Сухомлинова въ Кіевъ въ исполненіе должности генералъ-губернатора.

Клейгельсъ былъ уволенъ безъ всякой позолоты этой горькой для него пилюли: безъ рескрипта, безъ назначенія членомъ Государственнаго Совѣта. Онъ объяснилъ свое увольненіе тѣмъ, что Треповъ скрылъ отъ

*) Въ 1905—06 годахъ было много шума вокругъ имени Д. Ф. Трепова. Онъ авторъ изданнаго въ октябрскіе дни 1905 приказа «пардоновъ не жалѣть». Онъ считался однимъ изъ главныхъ дѣятелей реакціонной «звѣздной палаты», но вмѣстѣ съ тѣмъ имъ же въ 1906 г. велись переговоры съ «кадетами» объ образованіи «кадетскаго» министерства.

Библиотека "Руниверс"

Николая II его телеграмму. Уѣхавъ изъ Кіева, онъ поселился въ Петербургѣ. По званію генералъ-адъютанта, онъ время отъ времени дежурилъ при Николаѣ II. Онъ занимался коммерческими дѣлами, но вмѣстѣ съ тѣмъ хлопоталъ попасть генералъ-губернаторомъ или обратно въ Кіевъ или въ Вильну или же вообще вернуться къ активной дѣятельности, подавалъ Николаю II записки по разнымъ вопросамъ, но ему болѣе не удалось выдвинуться. Въ послѣдній разъ я видѣлъ его въ Москвѣ на балу дворянства, когда онъ пріѣзжалъ въ числѣ другихъ свитскихъ на московскія торжества 300-лѣтія царствованія Романовыхъ. Онъ умеръ лѣтомъ 1916 г., находясь не у дѣлъ и забытый общественнымъ мнѣніемъ.

2. В. А. Сухомлиновъ.

Сухомлиновъ вернулся въ Кіевъ изъ заграничнаго отпуска, когда еврейскій погромъ, начавшійся 19 октября (1905 г.), уже прекратился, и вообще въ городѣ наступило сравнительное затишье. Онъ уволилъ въ отставку кіевскаго полицеймейстера Цихоцкаго, который офиціально обвинялся въ бездѣйствіи во время погрома и которому городскіе слухи приписывали участіе въ организаціи погрома, удалилъ нѣкоторыхъ военныхъ, руководившихъ войсками на улицахъ Кіева 18 октября, въ день манифестацій и въ дни погрома, и нѣсколько чиновниковъ, привезенныхъ Клейгельсомъ въ Кіевъ.

По интеллигентности и начитанности Сухомлиновъ значительно превосходилъ Клейгельса и въ противоположность Клейгельсу былъ простъ въ обращеніи и умѣлъ сжато и ясно излагать свои мысли.

До своего назначенія генералъ-губернаторомъ Сухомлиновъ долго служилъ въ Кіевѣ. Извѣстный ген. Драгомировъ считалъ его однимъ изъ лучшихъ своихъ учениковъ по академіи генеральнаго штаба, и во время командованія Драгомирова кіевскимъ военнымъ округомъ Сухомлиновъ занималъ при немъ различныя должности. Когда къ концу 1903 г. Драгомировъ совсѣмъ расхворался, возникъ вопросъ о замѣщеніи Драгомирова въ должностяхъ кіевскаго генералъ-губернатора и командующаго войсками. Было рѣшено разъединить эти должности, и генералъ-губернаторомъ назначить Клейгельса, а командующимъ Сухомлинова.

Служа вмѣстѣ съ Клейгельсомъ въ Кіевѣ, Сухомлиновъ относился къ нему отрицательно и насмѣшливо. Не разъ при встрѣчахъ онъ спрашивалъ меня:

— «А вы слышали, какую новую глупость сдѣлалъ Николай Васильевичъ (Клейгельсъ)? Удивительный человѣкъ этотъ Николай Васильевичъ!».

И далѣе слѣдовалъ разсказъ объ одной изъ безтактностей или неловкостей Клейгельса, причемъ въ этихъ разсказахъ дѣйствительность нерѣдко, несомнѣнно, сильно пріукрашалась.

Библиотека "Руниверс"

Вышучивая Клейгельса въ Кіевѣ, Сухомлиновъ въ свои поѣздки въ Петербургъ, конечно, помогалъ тамъ Трепову и другимъ противникамъ Клейгельса подрывать его положеніе. Но Сухомлинову было по пути съ Треповымъ только до извѣстной точки. Дальше ихъ пути расходились. Сухомлиновъ хотѣлъ самъ быть кіевскимъ генералъ-губернаторомъ, а Д. Ф. Треповъ, очевидно, готовилъ эту должность для своего брата Фед. Федор., бывшаго раньше кіевскимъ губернаторомъ. Но когда насталъ моментъ увольненія Клейгельса, Сухомлиновъ побѣдилъ, потому что вслѣдствіе усилившагося революціоннаго движенія было признано нужнымъ снова соединить въ Кіевѣ должности командующаго и генералъ-губернатора, а Ф. Ф. Треповъ не могъ быть командующимъ. Онъ носилъ, правда, военный мундиръ, но съ молодыхъ лѣтъ занималъ гражданскія должности. При назначеніи въ концѣ 1908 г. Сухомлинова начальникомъ главнаго штаба въ Петербургъ, въ Кіевѣ опять были разъединены должности генералъ-губернатора и командующаго, и генералъ-губернаторомъ былъ назначенъ Ф. Ф. Треповъ, а командующимъ ген. Н. І. Ивановъ, выступившій впослѣдствіи ярымъ противникомъ Сухомлинова.

Вскорѣ послѣ моего пріѣзда въ Кіевъ прошли толки о томъ, что Сухомлиновъ и его жена (это была его вторая жена, вскорѣ затѣмъ умершая) слишкомъ неэкономно расходуютъ деньги кіевскаго управленія «Краснаго Креста», въ которомъ предсѣдательствовалъ Сухомлиновъ. Въ числѣ членовъ управленія, находившихъ дѣятельность четы Сухомлиновыхъ неправильной, былъ соиздатель «Кіевской Газеты» прис. пов. С. Я. Богдановъ. Занявъ должность генералъ-губернатора, Сухомлиновъ принималъ репрессивныя мѣры противъ печати почти исключительно только по требованіямъ изъ Петербурга или подъ напоромъ кіевскихъ «правыхъ», но къ «Кіевской Газетѣ», нынѣшней «Кіевской Мысли», онъ относился изъ мести къ Богданову строго и пристрастно. Мнѣ при поддержкѣ покойнаго управляющаго канцеляріею кіевскаго ген.-губ. Н. В. Молчановскаго и б. инспектора типографій А. А. Никольскаго съ трудомъ удалось удержать Сухомлинова, чтобы онъ совсѣмъ, т.-е. съ лишеніемъ возможности возникнуть подъ другимъ названіемъ, не закрылъ «Кіевской Газеты».

Когда въ двухъ кіевскихъ «правыхъ» газетахъ появились нападки на него, безъ упоминанія его фамиліи, но прозрачныя и относившіяся лично къ нему, онъ вызвалъ меня къ себѣ, встрѣтивъ словами:

«Что-жъ вы меня предаете? Отчего не привлекаете къ суду?».

Форма этихъ нападокъ безусловно не давала возможности возбудить судебное преслѣдованіе противъ газеты въ порядкѣ публичнаго обвиненія, что я и сталъ ему доказывать.

«Въ порядкѣ частнаго обвиненія», сказалъ я, «вы сами могли бы возбудить дѣло за диффамацію, но полагалъ бы, что это вызвало бы только лишніе разговоры».

Библиотека "Руниверс"

Сухомлиновъ волновался и раздражался, настаивая, чтобы я возбудилъ судебное дѣло.

«Ваше высокопревосходительство, я доложилъ вамъ свой взглядъ, и могу только сдѣлать одно: поѣхать къ прокурору судебной палаты, узнать его взглядъ и, если онъ найдетъ это возможнымъ, возбужу дѣло; но мнѣ кажется, что это невозможно».

Прокуроръ палаты Хлодовскій вполнѣ согласился со мной и отправился вмѣстѣ со мной къ Сухомлинову, чтобы убѣдить его оставить это дѣло. Несмотря на все прокурорское краснорѣчіе, Хлодовскому удалось убѣдить Сухомлинова только въ томъ, что дѣла нельзя вести въ порядкѣ публичнаго обвиненія въ порядкѣ же частнаго обвиненія оно получило ходъ. Одинъ изъ редакторовъ напавшихъ на Сухомлинова «правыхъ» газетъ сейчасъ же уѣхалъ изъ Кіева, и, кажется, его не разыскали до истеченія давности, а другой (Б. М. Юзефовичъ) былъ приговоренъ судомъ къ аресту на сутки и къ штрафу въ 25 или 50 рублей.

Вообще, Сухомлиновъ въ то время, когда я зналъ его въ Кіевѣ, былъ человѣкъ очень личный.

Кіевскіе «правые» находили, что онъ слишкомъ «мягокъ», что онъ «потворствуетъ жидамъ и революціи». Они подняли большую тревогу, которая дошла и до Петербурга, когда въ Кіевѣ распространились слухи объ увлеченіи Сухомлинова небезызвѣстной шансонетной пѣвицей Каплanъ. Они увѣряли, что Каплanъ подослана къ Сухомлинову, чтобы «окончательно усыпить его», чтобы «революціонеры и жиды могли окончательно взять его въ свои руки» при ея посредствѣ. Но вскорѣ увлеченіе Каплanъ смѣнилось у Сухомлинова увлеченіемъ г-жой Бутовичъ.

Когда я зналъ Сухомлинова въ Кіевѣ, онъ жилъ сравнительно съ тѣми деньгами, которыя получалъ, очень скромно и, любя удовольствія жизни, вмѣстѣ съ тѣмъ производилъ впечатлѣніе разсчетливаго человѣка. За три года своего генералъ-губернаторства онъ сдѣлалъ только два большихъ пріема: одинъ разъ пригласилъ къ себѣ разговляться и разъ устроилъ балъ 6 декабря, въ день именинъ царя. Говорили, что его вторая жена, которую я засталъ въ Кіевѣ наканунѣ ея смерти, любила широкій образъ жизни и что вслѣдствіе этого, а затѣмъ ея болѣзни, у Сухомлинова были большіе долги. При томъ образѣ жизни, который Сухомлиновъ велъ послѣ ея смерти, получая жалованье и генералъ-губернатора и командующаго войсками, онъ могъ не только покрыть эти долги, но и откладывать деньги. Нерѣдко онъ предпринималъ служебныя поѣздки по краю, обходившіяся ему очень дешево и дававшія солидныя «прогонныя» и «суточныя». Говорили, что онъ, чтобы увеличить свои сбереженія, занимается покупкой и перепродажей земли. Третья его жена (г-жа Бутовичъ), на которой онъ женился, когда уже былъ военнымъ министромъ, по общимъ отзывамъ, тратила большія деньги.

Библиотека "Руниверс"

3. П. Г. Курловъ.

Въ Кіевѣ я засталъ губернаторомъ, назначеннаго на эту должность по желанію Драгомирова, ген. Саввича, сослуживца и пріятеля Сухомлинова. Это былъ безличный человѣкъ, но его жена была бойкая дама, и ей, вѣроятно, онъ былъ обязанъ своей карьерой. Вообще, я долженъ сказать, что большинство кіевскихъ военныхъ генераловъ, окружавшихъ Драгомирова, а затѣмъ Сухомлинова, были безцвѣтные люди, которыми командовали ихъ жены. До моего пріѣзда въ Кіевъ одно время при Драгомировѣ служилъ въ его штабѣ извѣстный теперь генералъ Рузскій. Во время нынѣшней войны мнѣ разсказывалъ одинъ изъ бывшихъ чиновниковъ канцеляріи кіевскаго генералъ-губернатора, что онъ, по распоряженію Драгомирова, училъ ген. Рузскаго губернаторскому ремеслу, поряженію Драгомирова, училъ ген. Рузскаго губернаторскому ремеслу, менецъ-Подольскъ, но министерство вн. дѣлъ не согласилось на это назначеніе.

Клейгельсъ считалъ Саввича плохимъ губернаторомъ и хлопоталъ объ удаленіи его. Съ уходомъ Клейгельса положеніе Саввича, казалось, упрочилось, но все же вскорѣ несмотря на отстаиваніе Сухомлиновымъ ген. Саввича, послѣднему пришлось покинуть должность кіевскаго губернатора. Впослѣдствіи, когда Сухомлиновъ сталъ военнымъ министромъ, ген. Савичъ получилъ движеніе по военному вѣдомству. Очевидно, не безъ вліянія жалобъ кіевскихъ «правыхъ» на «мягкость» Сухомлинова, губернаторомъ вмѣсто Саввича въ Кіевъ, въ видѣ противоядія этой «мягкости», былъ назначенъ заявившій себя въ то время ультра-«правымъ» петербургскій домовладѣлецъ и гласный думы военный инженеръ А. П. Веретенниковъ, братъ имѣвшей въ теченіе многихъ лѣтъ большой успѣхъ въ петербургскихъ салонахъ дамы. Она нѣсколько разъ разводилась и выходила замужъ, мѣняя фамиліи, и была извѣстна подъ названіемъ «Тигренка», потому что такъ былъ озаглавленъ посвященный ей ея первымъ мужемъ, Шиловскимъ, романсъ («Мѣсяцъ плыветъ по ночнымъ небесамъ...»), который въ половинѣ 80-хъ годовъ XIX в. распѣвали на всѣхъ перекресткахъ и играли всѣ шарманки. Сухомлиновъ отнесся къ Веретенникову недружелюбно, прозвалъ его почему-то «средневѣковымъ чортомъ», а Веретенниковъ занялъ въ отношеніи Сухомлинова вызывающую позицію. Мѣсяца черезъ 2—2½ у нихъ дошло до полнаго и откровеннаго разрыва, и Веретенниковъ былъ переведенъ въ Кострому. Тамъ у Веретенникова рѣзко обострились отношенія съ городской думой, земствомъ и дворянствомъ. Когда я уже перешелъ на службу въ Москву, въ газетахъ появилось сообщеніе, что Веретенникову была дана для подписи, въ числѣ другихъ, бумага министру внутреннихъ дѣлъ, которую онъ, не читая, подписалъ. Въ этой бумагѣ онъ называлъ себя никуда негоднымъ губер-

Библиотека "Руниверс"

наторомъ и просилъ объ отставкѣ. Веретенниковъ опровергалъ это сообщеніе. Вскорѣ послѣ этой исторіи онъ былъ уволенъ.

Вслѣдствіе перевода Веретенникова въ Кострому, въ Кіевъ былъ командированъ для исполненія должности губернатора извѣстный П. Г. Курловъ. Это было въ самомъ концѣ 1906 г. Курловъ былъ въ 1905 г. минскимъ губернаторомъ и исправлялъ въ Курскѣ одно время должность губернатора. Въ обоихъ городахъ отношенія съ населеніемъ у него были крайне враждебныя. Послѣ манифеста 17 октября Витте, назвавшій Курлова «невозможнымъ господиномъ», настоялъ на удаленіи его со службы, но у Курлова явились заступники, и онъ былъ назначенъ членомъ совѣта министра вн. дѣлъ и получилъ званіе камергера. Курловъ зналъ, что онъ посланъ въ Кіевъ всего на 2 на 3 мѣсяца, затѣмъ ему, несомнѣнно, было предложено не обострять отношеній съ Сухомлиновымъ и, наконецъ, это было время, когда въ Петербургѣ желали соблюдать декорумъ конституціонности. Вслѣдствіе всего этого Курловъ, поддерживая, конечно, свою репутацію «твердаго и сильнаго администратора», ничѣмъ особеннымъ въ Кіевѣ себя не проявилъ. Онъ боялся покушеній, и доступъ для публики къ нему былъ очень затрудненъ. Онъ привезъ съ собой двухъ чиновниковъ, которые охраняли его и когда онъ принималъ кого-либо изъ «подозрительныхъ», онъ не подходилъ близко къ этому лицу, а его охранители стояли справа и слѣва около этого лица, слѣдя за каждымъ движеніемъ. Мнѣ разъ пришлось быть свидѣтелемъ такой сцены.

Курловъ жилъ въ Кіевѣ очень широко и часто проводилъ ночи въ кутежахъ. Иногда по ночамъ онъ налеталъ въ полицейскіе участки и производилъ ревизію, за что кіевская полиція не взлюбила его. Днемъ онъ почти не выѣзжалъ изъ дому.

Въ то время Курловъ обладалъ удивительнымъ здоровьемъ и былъ ненасытенъ въ наслажденіяхъ. Онъ самъ говорилъ, что до минскихъ покушеній не зналъ, что такое нервы, и что выкуриваетъ въ день 25 сигаръ. Заходя къ нему по дѣламъ, я заставалъ его всегда съ сигарой во рту и съ графиномъ коньяку на столѣ. О его любовныхъ похожденіяхъ ходило въ Кіевѣ много слуховъ. Онъ держалъ себя надменно и фатовато, элегантно одѣваясь *), и старался дѣлать видъ, что онъ аристократъ и богатый человѣкъ. На дѣлѣ Курловъ незнатнаго происхожденія, а отъ приданаго его первой жены, Вахрамѣевой, къ тому времени у него ужъ ничего не было.

Сухомлиновъ искусно лавировалъ, сохраняя съ Курловымъ хорошія отношенія и въ то же время отгораживаясь отъ него въ обществен-

---

*) Въ то время Курловъ былъ въ гражданскомъ чинѣ и носилъ обыкновенно штатскій костюмъ. При назначеніи впослѣдствіи товарищемъ министра вн. дѣлъ, завѣдующимъ полиціей и жандармами, онъ былъ переименованъ въ военный чинъ.

Библиотека "Руниверс"

номъ мнѣніи Кіева. Установившіяся между ними въ Кіевѣ хорошія отношенія сохранились у нихъ и впослѣдствіи. Я видѣлъ Курлова мелькомъ въ роли товарища министра вн. дѣлъ, а въ началѣ 1913 г., пріѣхавъ въ Петербургъ, я зашелъ пообѣдать къ «Медвѣдю» и увидѣлъ, что въ углу сидитъ Курловъ въ мундирѣ отставного генерала, очевидно, не желая обращать на себя вниманіе публики, но наши взгляды встрѣтились, мы поздоровались и обмѣнялись нѣсколькими словами.

— До сихъ поръ не могу опомниться послѣ кіевской исторіи (убійства Столыпина),—сказалъ онъ.—Былъ совсѣмъ плохъ, но спасъ Бадмаевъ. У него и живу, и сегодня случайно попалъ сюда пообѣдать.

Онъ сумѣлъ, какъ извѣстно, избѣгнуть угрожавшаго ему послѣ убійства Столыпина суда. Дѣло ограничилось отставкой, а въ началѣ войны онъ вернулся на службу и попалъ въ Ригу военнымъ генералъ-губернаторомъ, откуда пришлось его убрать подъ вліяніемъ общественнаго мнѣнія, и онъ кончилъ свою карьеру негласнымъ совѣтникомъ Протопопова.

А. А. Сидоровъ.

Мелочи прошлаго.

Цензурные курьезы.

(Изъ письма В. А. Мякотина къ В. И. Семевскому. Кіевъ 1891 г.).

„Цензура столичная, несмотря на всю свою свирѣпость, ангелъ, въ сравненіи съ здѣшней. Представьте себѣ, напр., такіе факты: печатается въ „Кіевск. Старинѣ“ извѣстная молитвенная пародія польская обращенная на Екатерину и начинающаяся словами: Ty, Katarina „carowa“... Цензоръ [1]) вычеркиваетъ слово „carowa“, заявляя, что онъ не можетъ пропустить названія Екатерины „коровой“, и приходится везти ему польскій словарь, чтобы доказать, что carowa значитъ царица. Или другой примѣръ: печатается переводъ разсказовъ Бьернсона; цензоръ не позволяетъ учителю ругать учениковъ въ школѣ словомъ „черти“ и вычеркиваетъ его, вычеркиваетъ разсказъ про сонъ мальчика, видѣвшаго въ раю своего козла и т. д. и т. д“.

[1]) Одинъ изъ профессоровъ мѣстнаго университета *Ред.*

Библиотека "Руниверс"

Шуточное посланіе Н. В. Шелгунова къ М. А. Протопопову.

О Михаилъ, Михаилъ, хитроумьемъ Улису подобный,
Много обиды нанесъ ты мнѣ тѣмъ, что лишь только
Бажина съ сонмомъ къ себѣ пригласивъ на игрище,
Мнѣ же и многимъ другимъ отказалъ въ приглашеньи.
Такъ же подобно тебѣ и Улисъ хитроумный
Многихъ гостей Пенелопы боялся прожорства
О Михаилъ, Алексѣева сынъ Протопоповъ!
Самъ напросился лукавствомъ на горькое слово,
Но не въ обиду изрекъ его я, а лишь чтобы
Старца совѣтъ ты принявъ, у своей Пенелопы
Ласки и разума взялъ бы примѣръ въ обиходѣ.
Кончилось слово мое, и начну я другое
Другъ Михаилъ Алексѣева сынъ Протопоповъ!
Съ вѣрнымъ рабомъ шлю тебѣ я печенье, что „крендель“
Въ рѣчи вседневной зовется повсюду и близкимъ
Въ дни именинъ разсылать завсегда за обычай.
Кушай его на здоровье съ своей Пенелопой,
Доброй, прекрасной и вѣрной подругой твоей.
Старца жъ меня, если вздумаешь въ гости просить,
Съ Федоромъ, вѣрнымъ рабомъ отпиши, и приду я.

(*Передано Н. К. Михайловскимъ въ архивъ В. И. Семевскаго*).

Н. И. Стороженко о Толстомъ.

(Изъ письма къ В. И. Семевскому 1881).

...„Я недавно познакомился съ нимъ у Олсуфьевыхъ, на меня и жену онъ произвелъ положительно обоятельное впечатлѣніе. Главное, что поражаетъ въ немъ, это его необыкновенная простота, искренность и полнѣйшее несознаваніе своего величія. Какъ разъ въ этомъ отношеніи не похожъ на Тургенева, въ которомъ при всей его барской любезности столько литературнаго генеральства. При свиданіи я Вамъ разскажу о безконечныхъ спорахъ, которые я велъ съ нимъ на тему о задачахъ искусства и о будущности христіанства; послѣдній вопросъ составляетъ его конекъ, къ которому онъ постоянно возвращается“.

Библиотека "Руниверс"

Революція 1848 г. и ожиданіе ея въ Россіи.

I.

Февральская революція 1848 г. поразила всѣхъ необычайною быстротою своего распространенія. Широкою разыгравшіяся революціонныя событія, прокатившіяся волной по всей Западной Европѣ, заставили Николая I сильно опасаться такого же взрыва и въ Россіи. Совершенно не принимались во вниманіе особенности русской жизни и ея экономическая отъ Западной Европы отсталость; вспыхнувшая же революція, по большей части, объяснялась или личнымъ вліяніемъ «злонамѣренныхъ» лицъ, или дѣйствіями «сборищъ буйныхъ людей». Кромѣ того, грозный 1825 г. былъ еще очень памятенъ, и вполнѣ естественно, что русское правительство поспѣшило принять свои мѣры къ самому тщательному освѣдомленію о настроеніи различныхъ классовъ русскаго народа, чтобы встрѣтить надвигающуюся грозу во всеоружіи.

Борьба съ литературой и журналистикой, бывшими главными проводниками въ русскую жизнь западно-европейскихъ идей, была еще впереди, и на этомъ поприщѣ не только за страхъ, но и за совѣсть дѣятельно «поработали» меншиковскій и бутурлинскій цензурные комитеты. Сейчасъ же, не теряя времени, необходимо было уловить незначительные намеки, слухи, фразы, брошенныя отдѣльными лицами, установить между ними связь и выявить подлинныя настроенія широкихъ слоевъ русскаго общества. Сохранившееся въ архивѣ III отдѣленія дѣло «О наблюденіи въ Россіи по случаю политическихъ переворотовъ въ Европѣ» *) особенно любопытно тѣмъ, что знакомитъ съ ходившими по Россіи въ мартѣ-апрѣлѣ 1848 г. слухами, сплетнями, толками, и затрагиваетъ такія бытовыя детали, которыя, обыкновенно, рѣдко встрѣчаются въ дѣлахъ подобнаго рода. Передъ нами изъ-за донесеній различныхъ тайныхъ и явныхъ агентовъ III отдѣленія вырисовывается любопытная бытовая картинка, отражающая настроенія различныхъ слоевъ русскаго общества и вскрывающая тотъ сложный аппаратъ государственнаго сыска, который такъ умѣло направили опытные въ сихъ дѣлахъ люди. Точно паукъ зашевелилось въ своей огромной паутинѣ III отдѣленіе.

*) Дѣло III отд. 1 экспед. № 51 (1848 г.); нѣсколько донесеній московскихъ агентовъ изъ этого дѣла напечатано въ «Минувшихъ Годахъ» 1908. № 5—6, с. 344—349.

Библиотека "Руниверс"

направивъ во всѣ стороны своихъ «свѣдующихъ людей». Народныя массы и фабричные рабочіе, офицерство, студенты и поляки были наиболѣе ненадежными элементами, за которыми и потребовалось въ Петербургѣ особо-тщательное наблюденіе.

«Жандармы, посланные переодѣтыми въ партикулярное платье», гласитъ первое петербургское донесеніе отъ 8 марта 1848 г., «возвратясь, объявили, что собственно, о республикѣ во Франціи, особенныхъ толковъ и разговоровъ въ народѣ нѣтъ; а говорятъ, будто предположекнъ рекрутскій наборъ съ 1,000 по 12-ти человѣкъ, который до того отяготитъ всѣхъ, что изъ семействъ потребуется отдавать послѣднято въ солдаты; еще говорятъ о вступленіи гвардіи въ походъ по случаю междоусобной войны Франціи съ Англіей; всѣ эти разговоры слышны между чернымъ народомъ».

Дальнѣйшія донесенія, подтверждая, что о республикѣ никто не говоритъ, передаютъ за то «говоръ между призванными на службу безсрочно-отпускными нижними чинами», которые высказываютъ предположеніе о готовящейся войнѣ, «такой же, а можетъ быть, и сильнѣе, нежели въ 12-мъ году». Этотъ «говоръ» постепенно переходитъ въ «ропотъ на сборъ», многіе изъ безсрочно-отпускныхъ продаютъ на рынкѣ послѣднія свои вещи и вырученныя деньги употребляютъ на пьянство, «говоря, что имъ не нужно ничего». А нѣкоторые изъ призванныхъ снова на военную службу, собираясь толпами въ питейныхъ домахъ, преимущественно на Сѣнной площади, въ непрезвомъ видѣ даже «высказываютъ обиду на государя, который собралъ ихъ на службу, хотя они и были уже уволены на родину».

Никакихъ особенныхъ слуховъ, кромѣ толковъ о начавшейся холерѣ, не наблюдалось и среди петербургскихъ рабочихъ: на Царскосельскомъ, Петергофскомъ, Шлиссельбургскомъ и Выборгскомъ трактахъ «ничего особеннаго нѣтъ», однообразно доносятъ Л. В. Дубельту посланные имъ агенты. Тѣмъ не менѣе тотъ же Дубельтъ распорядился «пригласить» въ III отдѣленіе фабриканта Бердта съ тѣмъ, чтобы онъ обратилъ вниманіе «на рабочихъ, которые, читая газеты, разсуждаютъ о французской революціи».

Страхи передъ народнымъ возстаніемъ въ Петербургѣ были, очевидно, напрасны: вѣсти о французской революціи или не доходили до неграмотной массы, или не производили на нее никакого впечатлѣнія. Только одинъ дьячекъ церкви Николы Морского—Петръ Васильевъ—былъ взятъ въ основательное подозрѣніе, такъ какъ онъ «дозволилъ себѣ разсуждать о дѣлахъ Западной Европы и о томъ, что наше правительство не даетъ народу отчета въ издержкахъ. «Вотъ здѣсь, напримѣръ», говорилъ Васильевъ, «шестнадцать дворцовъ, а на что они? А какіе милліоны стоятъ они?»

Библиотека "Руниверс"

За то среди другихъ, болѣе образованныхъ петербургскихъ обывателей всякіе слухи и страхи, вызываемые революціей, раздувались до невѣроятныхъ размѣровъ. Такъ одинъ офицеръ Семеновскаго полка, нанимая извозчика и не согласясь съ нимъ въ цѣнѣ, услышалъ отъ него фразу: «Постойте вы, каретники, дайте выйти гвардіи, тогда мы сладимъ съ вами!»

«Каретникъ» было отнесено на счетъ богатыхъ людей, имѣющихъ свои кареты, но по наведеннымъ у оберъ-полицмейстера справкамъ оказалось, что подъ «каретниками» извозчикъ подразумѣваетъ жителей, ѣздящихъ въ городскихъ каретахъ, не задолго до того введенныхъ въ Петербургѣ и своей дешевой платой сбивавшихъ цѣну за проѣздъ, чѣмъ и объясняется желаніе извозчика расправиться съ ними.

Столь же неосновательнымъ слухомъ оказался слухъ о томъ, что на Щукиномъ и Апраксиномъ дворахъ покупается въ значительномъ количествѣ оружіе. «Изъ строгаго наблюденія и повѣрки собранныхъ подъ рукою свѣдѣній» оказалось, что весь запасъ оружія «въ обоихъ сихъ мѣстахъ, состоящихъ въ двухъ лавочкахъ изъ старыхъ охотничьихъ вещей, едва ли простирается до 50-ти ружей».

Подозрительность у нѣкоторыхъ доходила до того, что даже продажа руководствъ по стенографіи была взята въ подозрѣніе. Какой-то агентъ, очевидно иностранецъ, плохо знающій русскій языкъ, подписавшійся подъ своимъ донесеніемъ отъ 8-го апрѣля—«релато-реферро», сообщаетъ: «На-дняхъ по всѣмъ книжнымъ лавкамъ неотступно спрашивали книжечку—подъ названіемъ «Стенографія» и въ два дня расхватили всѣ изданія, которыя присланы были сюда изъ Москвы, гдѣ какой-то французъ даетъ уроки по методѣ сего пріобрѣтенія для тайной переписки; продажа оной книжки публикована была въ полицейскихъ газетахъ; кажется въ нынѣшнихъ обстоятельствахъ не слѣдуетъ дать оной методѣ общій ходъ et en general c'est un sécret, qui doit appartenir au gouvernement et ne pas occuper юношъ, которая на-дняхъ здѣсь бѣжала за стенографіею, какъ за красною дѣвушкою».

Учащаяся молодежь, сыгравшая столь значительную роль во время возстаній въ Парижѣ, Вѣнѣ и Берлинѣ, конечно, не могла ускользнуть отъ наблюденія III отдѣленія, тѣмъ болѣе, что нѣкій студентъ Всеволожскій, разсуждая со своими товарищами на Невскомъ проспектѣ о французской республикѣ и о королѣ прусскомъ, по донесенію жандарма, переодѣтаго въ партикулярное платье, сказалъ: «Вотъ такъ и надо начинать!» Довѣренныя лица были направлены въ кондитерскія Помпе, Доменико, Бранжера и Излера) и трактиръ Палкина, какъ наиболѣе посѣщаемые студентами, для наблюденія за ихъ дѣйствіями. Но на бѣду посланный, обозрѣвшій въ теченіе 6-ти часовъ двѣнадцать кондитерскихъ, только въ двухъ нашелъ студентовъ, которые занимались

Библиотека "Руниверс"

чтеніемъ газетъ, а по окончаніи чтенія безъ всякихъ замѣчаній и разговоровъ вышли изъ кондитерскихъ. За то болѣе хлопотъ доставили студенты - поляки.

Во-первыхъ, главноуправляющій III отдѣленіемъ гр. Орловъ получилъ извѣстіе, «что какіе-то два поляка говорили: что 12 маія русскіе напляшутся!» Кромѣ этого, распространился слухъ, что студенты—польскіе уроженцы намѣрены не держать своихъ экзаменовъ, чтобы ихъ выключили изъ университета и тѣмъ дали возможность уѣхать на родину. Слухъ этотъ вызвалъ тщательное разслѣдованіе попечителя учебнаго округа Мусина-Пушкина. Но инспекторъ студентовъ и его помощники, посѣтившіе всѣхъ живущихъ на вольныхъ квартирахъ студентовъ, уроженцевъ западныхъ губерній и Царства Польскаго нашли ихъ, большею частью, дома, «занятыхъ приготовленіемъ къ наступающимъ экзаменамъ». «При посѣщеніи нигдѣ не встрѣчено такого, что могло бы подать поводъ къ сомнѣнію; напротивъ, радушіе и откровенность, съ которыми эти молодые люди принимали своихъ начальниковъ, подаютъ надежду, что въ поведеніи ихъ ничего предосудительнаго не кроется» *).

Успокоительный характеръ носитъ и анонимный докладъ «о духѣ, мнѣніяхъ и образѣ жизни морскихъ офицеровъ, находящихся въ Петербургѣ», представленный секретнымъ сотрудникомъ, вращавшимся въ обществѣ морскихъ офицеровъ и имѣвшимъ, по собственнымъ словамъ, «обширное среди нихъ знакомство». Офицеры морскихъ экипажей, гвардейскаго экипажа и морского корпуса «отличаются своею искреннею любовью и преданностью къ престолу и правительству»; среди нихъ не было никакихъ сходбищъ и никакихъ либеральныхъ выходокъ въ собраніяхъ. Исключеніе составляютъ только два-три лица—«послѣобѣденные герои», которые находятся во всеобщемъ пренебреженіи среди своихъ сослуживцевъ. Либерализмъ этихъ лицъ объясняется, по мнѣнію освѣдомителя, тѣмъ, что надѣятся на свои родственныя связи и потому «полагаютъ безнаказанно говорить о вещахъ, которыхъ не понимаютъ и не чувствуютъ».

Большаго вниманія и наблюденія заслуживаютъ кронштадтскіе морскіе экипажи. Авторъ доклада описываетъ одинъ случай, который объясняетъ исключительно неосторожностью и необдуманностью, но который былъ перетолкованъ, однако, праздными людьми въ дурную сторону. Дѣло въ томъ, что на офицерскомъ обѣдѣ, «когда уже всѣ подпили, былъ предложенъ глупый тостъ, о смыслѣ котораго никто не подумалъ. Въ клубахъ, разумѣется, существуетъ правило, чтобы военные лица не

*) Доношеніе Мусина-Пушкина 16 апрѣля 1848 г. было доложено Николаю I, положившему резолюцію «Слава Богу!»; къ доношенію приложенъ именной списокъ пятидесяти двухъ студентовъ-поляковъ, живущихъ на вольныхъ квартирахъ.

Библиотека "Руниверс"

обязаны были предъ своими старшими сохранять форму, застегиваться и вставать, то-есть, чтобъ между посѣтителями было всеобщее равенство. Такъ за это-то обѣденное равенство вздумалось подпившимъ гостямъ предложить тостъ,—а на другой день жители говорили о тостѣ за другое равенство, чего разумѣется и не могло быть, въ виду публичности мѣста».

Успокоительныя извѣстія о настроеніи народныхъ массъ, занятыхъ своими домашними дѣлами, неосновательность возникавшихъ слуховъ показали, что въ широкихъ слояхъ петербургскаго населенія даже не намѣчалось какой-либо почвы, на которой могло бы возникнуть что-либо похожее на западно-европейское движеніе, и что русскому правительству пока не было причинъ опасаться за свое существованіе.

Это сознаніе особенно ясно видно и въ запискѣ отъ 29-го марта Николаю I гр. Орлова и въ краткой резолюціи, положенной на ней самимъ Николаемъ.

«Я сегодня, къ сожалѣнію моему»,—пишетъ Орловъ.—«не могу быть съ докладомъ къ Вашему Величеству, потому что горло болитъ, и кашель сильный продолжается, но надѣюсь, завтра или послѣ-завтра совсѣмъ поправиться.

Между тѣмъ, слава Богу все смирно и пустыхъ толковъ никакихъ нѣтъ какъ въ городѣ, такъ и въ окрестностяхъ.

Изъ Москвы отъ пріѣзжающихъ самые благопріятные слухи, духъ и распоряженіе похожи на чувства 1812 года.

Изъ Парижа дворянинъ Сомовъ *) привезенъ съ границы, на которую онъ самъ явился, и находится въ III отдѣленіи, гдѣ ему будутъ сдѣланы допросы».

На запискѣ этой сверху карандашемъ помѣтка Николая Павловича —«Слава Богу!..».

Въ этой могильной тишинѣ, вызванной, конечно, экономическою и культурною отсталостью Россіи отъ Западной Европы, Николай I лишній разъ увидалъ подтвержденіе правильности своей политики, тѣмъ болѣе, что политика эта была вполнѣ одобрена тѣмъ классомъ, на который русское правительство преимущественно опиралось.

*) Отставной колл. регистраторъ, дворянинъ Григ. Сомовъ, проживая въ Парижѣ, въ ноябрѣ 1847 г. былъ уличенъ французской полиціей въ поддѣлкѣ русскихъ кредитныхъ билетовъ и посаженъ въ тюрьму. Во время февральской революціи онъ былъ освобожденъ изъ тюрьмы и черезъ три недѣли самъ вернулся въ Россію, но былъ задержанъ на границѣ и на допросѣ въ III отдѣленіи показалъ, что, дѣйствительно, по предложенію тайнаго сообщества, поставившаго цѣлью произвести переворотъ въ Россіи, онъ заказалъ доски для кредитныхъ билетовъ 50 руб. достоинства. Но вступилъ онъ въ это общество только съ намѣреніемъ выдать его русскому правительству. Однако, Сомовъ, уличенный въ обманѣ, былъ въ административномъ порядкѣ, безъ преданія уголовному суду, высланъ на жительство въ Вятку подъ самый строгій полицейскій надзоръ.—См. дѣло III отд., 1 эксп. № 352 (1847 г.).

Библиотека "Руниверс"

Дворянство Петербургской губерніи, окончивъ выборы на должности, передъ избраніемъ депутаціи «единодушнымъ порывомъ изъявило желаніе повергнуть нынѣ къ подножію престола выраженіе непоколебимой безпредѣльной своей преданности»... «Мы вѣдаемъ, Государь,—говорится въ этомъ всеподданнѣйшемъ адресѣ,—что Ты не сомнѣваешься въ сихъ чувствахъ, но въ то время, когда пибельные перевороты совершаются на западѣ Европы, когда разрушительныя и тлетворныя начала овладѣваютъ тамъ умами и подъ личиною мнимаго совершенствованія разрушаютъ основы общества и ругаются всему, что свято и чтимо на нашей родинѣ, въ такую минуту невольно всякое русское сердце стремится вознести благодареніе къ Отцу отечества, виновнику нашего благоденствія»...

Отвѣтная рѣчь Николая I не была напечатана, но кѣмъ-то изложенная письменно, въ такомъ видѣ распространялась среди дворянъ, такъ какъ вполнѣ отвѣчала чаяніямъ дворянскаго сословія. Изложеніе рѣчи извѣстно изъ донесенія Шацкаго, жандармскаго полковника, отъ 9-го мая 1848 г., который, не смѣя дать ей вѣры, какъ нигдѣ необъявленной оффиціально, счелъ своимъ непремѣннымъ долгомъ довести содержаніе ея до свѣдѣнія Л. В. Дубельта. Въ этой рѣчи Николай I, поблагодаривъ дворянъ Петербургской губерніи, къ числу которыхъ принадлежитъ онъ самъ, и предавъ забвенію, «недоразумѣнія и, можетъ-быть, неудовольствія, возникшія со стороны дворянъ», не скрылъ своихъ опасеній не столько противъ враговъ внѣшнихъ, сколько внутреннихъ. Въ соотвѣтствіи же съ ходившими толками объ освобожденіи крестьянъ въ рѣчи «упомянуто объ эмансипаціи, какъ о мысли нелѣпой, и вмѣстѣ съ тѣмъ Высочайше указано на манифестъ объ обязанныхъ крестьянахъ, опредѣленно удостовѣряющій, что земля есть собственность помѣщиковъ». Послѣднее упоминаніе и дало поводъ къ широкому распространенію рѣчи въ рукописномъ видѣ, такъ какъ она прямо отвѣчала на особенно волновавшій дворянство въ связи съ революціей вопросъ объ освобожденіи крестьянъ отъ крѣпостной зависимости.

II.

«Что городъ—то норовъ» говоритъ пословица, и эта пословица невольно вспоминается при сопоставленіи донесеній московскихъ тайныхъ и явныхъ агентовъ III отдѣленія съ петербургскими. Въ послѣднихъ сухость и особая чиновническая дѣловитость: ни слова лишняго; доноситель застегнутъ на всѣ пуговицы; ни одинъ слухъ, какъ бы онъ незначителенъ ни былъ, не остается безъ вниманія и должной провѣрки. Московскія донесенія довольно скупо сообщаютъ объ этихъ слухахъ, но зато они необычайно щедры на различныя лирическія изліянія; особенно отличаются въ этомъ смыслѣ донесенія одного изъ тайныхъ агентовъ, ка-

Библиотека "Руниверс"

меръ-юнкера Николая Андреевича Кашинцева, вращавшагося, преимущественно, въ дворянскихъ гостиныхъ и выуживавшаго оттуда всякіе слухи.

Читая донесенія Кашинцева, трудно удержаться отъ чувства брезгливости: ничѣмъ неприкрытая лесть, скверное подхалимство передъ Дубельтомъ и подленькое заискиваніе передъ нимъ, откровенные доносы съ раскапываніемъ всякихъ грязныхъ исторій, выставленіе на видъ своихъ патріотическихъ чувствъ и ханжество,—дѣлаютъ его донесенія положительно неудобочитаемыми. Напримѣръ, донося о впечатлѣніяхъ отъ чтенія манифеста 14-го марта въ дворянскомъ клубѣ, онъ говоритъ: «Сильно билось во мнѣ приверженное сердце, я слезливъ въ радости, а совладать съ моими глазами, чтобы съ осторожною зоркостью видѣть глаза другихъ». Въ отвѣтъ на это Дубельтъ въ письмѣ своемъ, вѣроятно, пошелся насчетъ этой чрезмѣрной слезливости и сдѣлалъ реальное предположеніе о существованіи у своего корреспондента около глазъ сильнаго ревматизма. Не обращая вниманія на явную насмѣшку, Кашинцевъ съ готовностью ухватился за «милостивую шутку» и какъ-то подхихикивая пишетъ: «Вы, какъ будто, милостиво угадали, что у меня около глаза сильный ревматизмъ, такой, что сегодня мнѣ поставили шпанскую мушку къ затылку... И пишу къ Вамъ съ неограниченною искренностію какъ къ Отцу родному, прося Васъ нисколько не думать о моей простудѣ и не останавливаться удостаивать меня Вашими приказаніями. И съ больнымъ глазомъ, Господь не лишаетъ меня свѣта душевнаго, и въ ревматизмѣ, я пламенно усерденъ въ вѣрноподданническої службѣ и убѣждаю Васъ при поставленной мнѣ шпанской мушкѣ на затылокъ, ни какъ не брить мнѣ затылка отъ Вашего драгоцѣннаго мнѣ довѣрія». Но III отдѣленіе, несмотря на патріотичность и религіозность своего агента, видимо, не очень довѣряло его свѣдѣніямъ.« Его Сіятельство (гр. Орловъ), вполнѣ довѣряя всему изложенному въ Вашей запискѣ»,—пишетъ Дубельтъ 15-го марта 1848 г.,—«проситъ сообщать тотчасъ и со всею откровенностью о всѣхъ толкахъ и случаяхъ, и хорошихъ и дурныхъ, соблюдая, однакоже, при томъ строжайшую точность и вѣрность въ Вашихъ описаніяхъ». И, несмотря на увѣренія Кашинцева въ точности своихъ донесеній, гр. Орловъ 23-го марта, для провѣрки, требуетъ новыхъ свѣдѣній и отъ начальника московскаго корпуса жандармовъ, ген-лейт. Степана Васильевича Перфильева, и отъ московскаго оберъ-полицеймейстера Ивана Дмитріевича Лужина, и даже посылаетъ секретно въ Москву для этой цѣли чиновника В. Манцурова. Проще всего и дѣловитѣе донесенія г.-л. Ст. В. Перфильева «Извѣстія о происшествіяхъ во Франціи»,—пишетъ онъ въ своемъ донесеніи отъ 23-го марта 1848 г.,—«возбуждая вообще негодованіе, интересуютъ болѣе или менѣе всѣхъ и служатъ предметомъ разговоровъ, сужденій и предположеній, не всегда основательныхъ; но къ чести сказать скромныхъ и

Библиотека "Руниверс"

благонамѣренныхъ съ упованіемъ, что новый порядокъ устоять долго не можетъ. Того же мнѣнія и большая часть здѣшнихъ иностранцевъ и самихъ французовъ. Въ низшемъ классѣ безъ дальнѣйшихъ разсужденій повторяется, что «въ Парижѣ бунтъ, а у насъ вѣрно будетъ наборъ; не что бы это произвело дурное вліяніе, того не замѣчается».

Насколько сухъ, лакониченъ и дѣловитъ ген. Перфильевъ, настолько многорѣчивъ и болтливъ по пустякамъ камеръ-юнкеръ Н. А. Кашинцевъ. Его сфера наблюденія, какъ сказано выше, гостиныя и дворянскія общества; соприкосновенія съ народными массами у него, конечно, нѣтъ. Донесенія его о народныхъ толкахъ основываются на словахъ старика-хлѣбника Сидора, который сказалъ ему: «Вотъ союзныя державы отъ насъ отказались, и французъ идетъ на насъ войною». Кашинцевъ снизошелъ до разговора съ нимъ и объяснилъ въ чемъ дѣло. «Ну, баринъ, спасибо,—сказалъ онъ мнѣ,—вѣдь, я почти во всѣ трактиры ставлю хлѣбы, такъ если будутъ врать, что всѣ на насъ войной идутъ, я, вѣдь, не назову тебя, а скажу, что они попусту тревожаться и войны у насъ никакой нѣтъ».

Не остаются безъ вниманія и толки о предстоящей вольности крестьянъ, но и здѣсь донесенія Кашинцева основываются на слухахъ, что «какая-то кухарка, живущая у иностранца-бриліянщика, хотѣла у своего барина выкупиться, но остановилась будто взносомъ денегъ, что ей добрые люди сказали, что деньги даромъ пропадутъ, и будутъ безъ того всѣ вольные. Но это оказалось враньемъ и больше объ кухаркѣ не слышно».

По большей же части это донесенія о народномъ духѣ представляютъ собою общія разсужденія о дѣловитости, трезвости взглядовъ простого народа. Даже когда Кашинцеву было приказано гр. Орловымъ разузнать о настроеніяхъ фабричныхъ рабочихъ, то онъ поѣхалъ, будто, пить чай къ московскому головѣ, богачу и владѣльцу огромной фабрики Лепешкину, который и сообщилъ ему, что «фабричные думали, что будетъ война, но боялись не французовъ и не войны, а большого рекрутскаго набора, а теперь благодарятъ Бога, что нѣтъ набора, а какъ заслышали о французахъ, то право закипѣли русскимъ духомъ, у нихъ закружилась голова на Руси—такъ видно опять захотѣлось отвѣдать каковы русскіе»; вообще Лепешкинъ говоритъ, «что такъ тихи, такъ ведутъ себя, что лучше требовать нельзя!».

Но особенно умиляетъ благочестиваго камеръ-юнкера религіозность простого народа. «Посмотрите теперь во время поста, какъ умилительно видѣть толпы, но куда идущія? Въ церковь, на молитву, на исповѣдь, къ святому божественному причащенію. Молятся, исповѣдуя чистую Вѣру, а кто вѣритъ, тотъ вѣренъ!». «О народѣ повторяю съ радостію,—пишетъ Кашинцевъ въ другомъ своемъ донесеніи,—что въ Москвѣ тихо и ясно,

Библиотека "Руниверс"

какъ нынѣшняя весенняя погода. Въ Свѣтлый день праздника я былъ у вечерни, всегда торжественно митрополитомъ совершаемой въ Успенскомъ соборѣ. Я почти каждый годъ тамъ въ этотъ день у вечерни бываю, но такого стеченія народа не видывалъ: не утерплю, чтобы не высказать сердечнаго умиленія—меня всегда трогаетъ на вечернихъ пѣніяхъ прошеніе къ Царю Царей: «Утверди Боже Благочестивѣйшаго, Самодержавнѣйшаго, Великаго Государя нашего Императора Николая Павловича, Святую Православную Вѣру, православныхъ христіанъ во вѣкъ вѣка». И восхищаюсь видя, что православные молятся!».

Еще большую религіозность и преверженность къ самодержавію находитъ Кашинцевъ въ московскомъ дворянствѣ; отношеніе къ французской революціи, конечно, самое отрицательное. «Здѣсь, думаю какъ и всюду», —пишетъ онъ 6-го марта,—«всѣ разговоры превратились въ толки о Франціи, но здѣсь въ Благоговѣйной, Царелюбивой Москвѣ, дай Богъ, чтобъ и всюду такъ было, говорятъ съ презрѣніемъ о парижскихъ происшествіяхъ. Какъ сладостно вѣрному доложить о вѣрныхъ русскихъ чувствахъ, слышать одинъ сердечный голосъ и не слышать ни одного отголоска увлекающагося безуміемъ французовъ. По крайней мѣрѣ, съ радостью, даже побожусь, что мнѣ не случилось ни самому, ни черезъ другихъ, ничего иного слашать. Вѣдь много бывало въ Парижѣ здѣшнихъ, а не замѣтно сочувствія къ тамошнему. Вотъ какіе толки по выслушаніи отъ кого-либо изъ разсказывающихъ, что читалъ о событіяхъ во Франціи: «Чего тамъ и ждать, гдѣ нѣтъ Вѣры!».

«О Лудовикѣ-Филиппѣ выражаются не какъ о монархѣ, а какъ о человѣкѣ, надъ коимъ свершилось слово Божіе: «Въ чюже мѣру мѣрите, возмѣрится и вамъ». Что какъ онъ изгналъ законную династію Бурбоновъ, такъ и самъ изгнанъ. Бранятъ Ламартина, котораго набожные Meditation читали съ наслажденіемъ, вспомнили, когда онъ, какъ поклонникъ Святаго Гроба, привезъ воды изъ Іордана для купели тогда новорожденнаго герцога Бордосскаго, а теперь, въ числѣ распорядителей въ неизбѣжныхъ безпорядкахъ гибельнаго безначалія.

Добрая Москва, твердо ея основаніе въ святой вѣрѣ къ Богу, въ дѣтской приверженности къ помазаннику, царю великому, законному, любовь къ коему слита въ душахъ съ закономъ православной вѣры, кто не согласится, что въ Москвѣ люди, а въ людяхъ и грѣхи и страсти, но основаніе твердо».

Посѣщеніе Высочайшихъ особъ, различныя оффиціальныя торжества, высочайшіе манифесты, прочитываемые, обыкновенно, въ торжественной обстановкѣ, всегда являлись большими событіями, вызывали подъемъ патріотическаго настроенія и служили поводомъ для праздествъ въ любившей и умѣвшей повеселиться дворянской Москвѣ. Высочайшій манифестъ 14-го марта 1848 г. вызвалъ подобное же настроеніе и далъ Кашинцеву возможность засвидѣтельствовать ненарушенныя

Библиотека "Руниверс"

вѣрноподданническія чувства благороднаго московскаго дворянства, а кстати и свои собственныя.

«Впечатлѣніе, произведенное манифестомъ», — пишетъ онъ 26-го марта, «возвѣстившемъ о смутахъ на западѣ Европы, были слезы восторженныхъ русскихъ чувствъ. Я пріѣхалъ въ дворянскій клубъ въ ту минуту, когда шелъ вопросъ каждаго тутъ бывшаго къ пріѣзжающему знакомому: «Читали ли? И у насъ ужъ есть манифестъ! Да что-жъ Вы поопоздали, вотъ одинъ изъ членовъ прекрасно придумалъ, какъ отолпились въ газетной, что прочиталъ вслухъ». Слыша это, сильно билось вокругъ приверженное сердце; я слезливъ въ радости, а совладѣлъ съ моими глазами, чтобъ съ осторожною зоркостью видѣть глаза другихъ, и у многихъ видѣлъ ихъ влажными. Свидѣтельствуюсь Богомъ всемогущимъ, что лесть никогда не управляла ни языкомъ ни перомъ моимъ; покойный отецъ мой удалилъ отъ души моей это зло; продолжаю писать, какъ истинно видѣлъ, какъ слышалъ; я слышалъ и весьма замѣтно было, что голосъ дребезжалъ въ отзывахъ о Франціи, Австріи и Пруссіи, но когда рѣчь возвращалась къ манифесту, рѣчи становились тверды; твердость какъ бы почерпалась изъ самаго манифеста; онъ такъ всѣмъ былъ по сердцу, какъ будто каждый участвовалъ въ написаніи его. Тутъ услышался отъ кого-то вопросъ: «кто бы писалъ его?». Я былъ превращенъ въ молчаніе, въ слухъ; сердце мое жаждало одного отвѣта, и услышался желаемый отвѣтъ: «кому писать это? безъ сомнѣнія Самъ писалъ». Таково было видѣнное мною впечатлѣніе, гдѣ, выражусь просто, каждый рось душею, чувствовалъ, что онъ русскій, чувствовалъ, что онъ сынъ Воззвавшаго къ сердцамъ русскихъ — и видно было, что для русскаго сердца не бывать иныхъ воззваній кромѣ того, чье сердце въ рукѣ Помазавшаго Его. Истинно этотъ манифестъ былъ утверждающимъ, освящающимъ помазаніемъ сердца.

Такъ истинно, такъ я видѣлъ, я слышалъ!».

Однако, дворянство, высказывая свои чувства приверженности къ Николаю I, сильно побаивалось какихъ-либо слуховъ объ «эмансипаціи» своихъ крестьянъ. Возстаніе крестьянъ въ деревнѣ не было, конечно, страшнымъ для городскихъ жителей, но освобожденіе ихъ, хотя бы и постепенное, вызывало сильное волненіе. «Вырываются въ гостиныхъ выраженія: не было бы чего? Что-де столько дано поводовъ думать народу о вольности, что-де теперь того и гляди, что увѣряютъ простой народъ, что французы желаютъ всѣ державы заставить дать вольность». Но манифестъ 14-го марта и предписаніе министра внутреннихъ дѣлъ къ начальникамъ губерній о законномъ повиновеніи крестьянъ, разогнали безпокойство московскихъ дворянъ; вызванное, по выраженію Калашницева, «ихъ трусостью». «Недавно было, что дворянство морщилось, предполагая, что все ведется къ объявленію о вольности, а теперь (донесеніе писано

Библиотека "Руниверс"

2-го апрѣля), видимо, что дворянство приклеилось сердцами къ Государю, истинно явна къ нему приверженность и довѣріе къ Его духу».

Зато министрамъ и особенно Министру Государственныхъ Имуществъ гр. П. Дм. Киселеву, положившему своими проектами начало фактическаго освобожденія крестьянъ, сильно доставалось въ сужденіяхъ обезпокоившихся дворянъ-помѣщиковъ. Помимо значительнаго улучшенія быта государственныхъ крестьянъ и закона 1842 г. объ обязанныхъ крестьянахъ, Киселевымъ былъ проведенъ въ жизнь 3-го марта 1848 г. очень важный законъ о правѣ крестьянъ пріобрѣтать недвижимую собственность, который коренным образомъ измѣнилъ существовавшій на крестьянина взглядъ, какъ на простую частную собственность владѣльца наравнѣ съ землею, инвентаремъ, и т. п. Немудрено, что въ дворянскихъ гостиныхъ даже имя Киселева произносили «съ какимъ-то особенно непріятнымъ выраженіемъ. Находятъ, что всѣ уставы сего министерства ведутъ къ образу представительнаго правленія. Есть даже ироническій толкъ, что онъ зломъ сдѣлалъ большое добро дворянству, ибо Министерствомъ Государственныхъ (есть такія выраженія) не имуществъ ясно на опытѣ показалъ, что помѣщичій крестьянинъ благоденствуетъ въ сравненіи съ казеннымъ, и что большая ихъ часть отъ управленія Киселевскаго пожелала бы быть помѣщичьими». *).

Вѣчно фрондирующая и находящаяся въ оппозиціи къ петербургскому чиновническому правительству дворянская Москва любила посудачить и подѣлиться послѣдними сплетнями о лицахъ, занимавшихъ важное служебное положеніе. И здѣсь московскій агентъ въ своей сферѣ, московскія гостиныя доставляли ему столько матеріала, что онъ захлебывался и перебивая самого себя, спѣшитъ выложить всѣ ходившіе слухи. Достается, прежде всего, московскимъ властямъ: генералъ-губернатору Щербатову за его безтолковость и слишкомъ мягкое управленіе, его любимцу,—московскому оберъ-полицеймейстеру Лужину, котораго обвиняли въ присвоеніи казенныхъ денегъ, въ самохвальствѣ и въ дурномъ смотрѣніи за городомъ. «Батюшка,—обращается Кашинцевъ къ Л. В. Дубельту,—уладьте, чтобы Лужина хоть егермейстеромъ сдѣлали, но дайте на это мѣсто человѣка достойнаго; вѣдь, Лужина просто презираютъ, просто говорятъ: чего и ждать отъ него, когда его баба била по рожѣ».

Не забыты, конечно, и министры. «Объ Перовскомъ судятъ, что онъ съ преданнымъ сердцемъ, а, не зная, дѣлаетъ зло мелочностью своихъ

*) На сколько были справедливы эти «иронические толки» показываетъ хотя бы тотъ фактъ, что Киселевъ не только не потребовалъ ссуды государственнымъ крестьянамъ въ неурожайные годы, но даже не израсходовалъ на эту ссуду и того запаснаго капитала, который былъ имъ на этотъ предметъ специально образованъ: между тѣмъ оброчные крестьяне въ это время были самымъ тяжелымъ бременемъ на плечахъ правительства, такъ какъ всѣ почти дворянскія имѣнія состояли въ неоплатныхъ долгахъ казеннымъ учрежденіямъ.

Библиотека "Руниверс"

взглядовъ, и называютъ его шепотомъ: министромъ—квартальнымъ. Объ Уваровѣ говорятъ, какъ и прежде что онъ всякихъ правилъ, а что теперь ужъ и издержался въ развратѣ и одряхлѣлъ, что пора на это мѣсто нравственнаго».

Упоминаніе о министрѣ народнаго просвѣщенія даетъ поводъ поговорить, вообще, о Московскомъ университетѣ и его порядкахъ, о студентахъ и профессорахъ. «За студентами должно имѣть глаза», а то во время управленія Строганова и Уварова «хотя все наружное облагородилось, но внутреннее, душевное ихъ просвѣщеніе не процвѣло, а испортилось». Многіе отцы семействъ горюютъ, что во многихъ студентахъ не видятъ вѣры». Вотъ какой-то студентъ въ вербное воскресенье на заутрени, ощипавъ свою вербу, приклеилъ къ самому верху свѣчу и такъ стоялъ, «что произвело въ молодежи смѣхъ, а въ другихъ соблазнъ».

Впрочемъ, неудивительно, что студенты не отличаются религіозностью, такъ какъ сами профессора своими «кощунственными выходками» убиваютъ религію. «Профессора Рѣдкина называютъ просто невѣрующимъ и даже ботохульникомъ, будто (разумѣется, не на лекціяхъ) онъ невѣдомо что говоритъ о Богоматери». Другой же профессоръ медицины, даже вышедшій изъ духовнаго сословія,—рѣчь идетъ о. Фед. Ив. Иноземцевѣ,—позволилъ себѣ на лекціи кощунственную остроту. Увидя во время своей лекціи «проѣздъ мимо университета чудотворной иконы Богоматери (это было во время послѣдней эпидеміи въ Москвѣ), выразился такъ: «вотъ нажила себѣ практику, я ужъ довольно давно пользую, а такой практики не имѣю».

Однако, всѣ уклоненія отдѣльныхъ неблагонамѣренныхъ личностей ни въ коемъ случаѣ не могутъ служить показателемъ общаго духа. Напротивъ, духъ московскихъ жителей всѣхъ сословій, по показанію агентовъ, превосходенъ и по своему единодушію во многомъ напоминаетъ настроеніе 1812 г.

«Извѣщеніе о безпримѣрныхъ въ исторіи и губительныхъ событіяхъ въ западной Европѣ породило явное негодованіе на виновниковъ ихъ, и благодарное сознаніе своего благосостоянія. Событія эти неизбѣжно породили здѣсь различные толки, мнѣнія и предположенія; но всѣ они, будучи безъ всякаго направленія и цѣли, заключаются только въ однихъ толкованіяхъ или причинъ событій на Западѣ, или большею частью въ различныхъ разсказахъ собственно происшествій». Даже въ средѣ иностранцевъ, живущихъ въ Москвѣ, не замѣчается сочувствія заграничнымъ событіямъ. По донесенію оберъ-полицеймейстера Лужина, у иностранцевъ «замѣтна общая и искренняя признательность къ попеченію и заботливости Государя Императора объ охраненіи и обезпеченіи общаго всѣхъ русскихъ и ихъ благосостоянія. Во многихъ семействахъ и обществахъ ихъ была высказываема мысль, что только въ Россіи можно быть счастливу и покойну». Русскіе сожалѣютъ, какъ бы подводить итогъ

Библиотека "Руниверс"

присланный изъ Петербурга чиновникъ и для провѣрки донесеній московскихъ агентовъ, прожившій въ Москвѣ болѣе трехъ недѣль, что заграничныя смуты, возникшія, вѣроятно, отъ праздности, крайней бѣдности, а болѣе отъ врожденнаго, неспокойнаго ихъ духа», «обезпокоили и наше правительство пріуготовленіями, для оцѣпленія границъ, къ охраненію отъ враговъ и вполнѣ убѣждены, что наши силы слишкомъ прочны для отраженія всего злаго.

«Теперь, донесеніе писано 3-го мая, разговоры объ этомъ сдѣлались гораздо рѣже, и почти замолкли, ибо русскій любитъ преимущественнѣе заниматься своимъ дѣломъ, благосостояніе котораго, говоря, вообще о низшемъ, среднемъ и высшемъ классахъ, упрочено и обезпечено до того, что и нѣтъ времени заниматься безполезными разговорами, въ особенности о жалкихъ заграничныхъ дѣлахъ».

III.

«Если въ Москвѣ, въ московскихъ гостиныхъ, — какъ доносилъ Кашинцевъ,—слухи объ «эмансипаціи крестьянъ» заставляли дворянъ-помѣщиковъ «морщиться» и высказывать свое неудовольствіе по поводу дѣятельности гр. Киселева, то для провинціальныхъ помѣщиковъ, жившихъ въ своихъ помѣстьяхъ, слухи о неповиновеніи и готовящемся возстаніи крестьянъ, могли представлять вполнѣ реальную опасность. Неудивительно, что свѣдѣнія, полученныя III отдѣленіемъ изъ провинціи почти исключительно касаются безпокойства «нѣкоторыхъ безхарактерныхъ помѣщиковъ», встревоженныхъ слухами о броженіи въ крестьянскомъ классѣ. И, конечно, правительство чутко прислушивалось ко всякому даже отдаленному слуху о движеніи среди крестьянъ и принимало соотвѣтствующія мѣры.

16-го марта 1848 г. жандармскому полковнику г. Саратова экстренно былъ сдѣланъ, по личному приказанію гр. Орлова, запросъ о вѣрности слуха, «что въ Саратовѣ между крестьянами распространилось мнѣніе, будто бы въ маѣ мѣсяцѣ произойдетъ возстаніе». Отвѣтъ не оправдалъ, по обыкновенію, носившихся слуховъ: «По собраннымъ мною свѣдѣніямъ,—пишетъ саратовскій жандармскій полковникъ,—видно, что въ настоящемъ времени всѣ состоянія людей находятся въ покойномъ положеніи; замѣтно, что умы всѣхъ сословій интересованы заграничными происшествіями, но безъ всякихъ вредныхъ началъ внутренняго спокойствія».

Слухи о Саратовской губерніи оказались ложными, но за то въ Смоленской губерніи и въ особенности въ уѣздахъ, лежащихъ ближе къ западнымъ губерніямъ, эти слухи имѣли, повидимому, какое-то основаніе. По донесенію смоленскаго жандармскаго полковника отъ 25-го марта «смуты и безпорядки на западѣ въ Европѣ, а здѣсь ожиданіе

Библиотека "Руниверс"

крестьянами освобожденія изъ крѣпостного состоянія, служатъ въ настоящее время предметомъ толковъ и сужденій,—какъ въ образованномъ классѣ, такъ и въ народѣ; почему первые съ любопытствомъ пробѣгаютъ столбцы иностранныхъ журналовъ, а послѣдніе въ какомъ-то безотчетномъ тревожномъ состояніи, ожидаютъ исполненія обѣщаемаго черезъ прибытіе французовъ, которые идутъ,—по словамъ ихъ,—будто бы съ бѣлыми арапами,—дабы дать вольность».

Слухи не прекращались; а, наоборотъ, дѣлались все фантастичнѣе и даже принимали обычную для народныхъ волненій форму—самозванчества. 22-го апрѣля тотъ же полковникъ доноситъ объ «обольстительныхъ и увлекательныхъ для простого народа разглашеніяхъ» о томъ, что вел. князь Константинъ Павловичъ еще живъ «скрывается подъ чужимъ именемъ въ разныхъ мѣстахъ, и недавно его видѣли будто бы въ Одессѣ и въ Кіевѣ, откуда Цесаревичъ писалъ къ брату Государю Императору, что онъ будетъ къ Его Величеству въ гости, по какому случаю проситъ,—не устилать дорогу шелками и коврами, а панскими головами; другіе говорятъ, что въ Россію идутъ пять державъ, кои соединились съ тѣмъ, дабы дать вольность крестьянамъ». Слухи эти, по мнѣнію полковника, проистекаютъ исключительно отъ внутреннихъ нашихъ враговъ, т.-е., отъ поляковъ.

Такое исключительное положеніе Смоленской губ. не осталось безъ разслѣдованія со стороны III отдѣленія. Броженіе объяснялось тремя причинами: близостью къ западнымъ губерніямъ, неважнымъ составомъ чиновничества и дворянства и, особенно, польскими интригами. Въ присланныхъ гр. Киселеву «замѣчаніяхъ о настоящемъ состояніи и духѣ жителей нѣкоторыхъ сословій Смоленской губерніи», состояніе губерніи обрисовано въ очень непривлядныхъ краскахъ. Войска въ губерніи нѣтъ, а въ гарнизонѣ находится много ненадежныхъ уроженцевъ западныхъ губерній и Царства Польскаго, и еще больше порочныхъ людей: тюрьмы набиты арестантами, а въ губерніи,—масса праздныхъ людей: выгнанныхъ чиновниковъ, безнравственныхъ, но на бѣду грамотныхъ мѣщанъ, отпущенныхъ нижнихъ чиновъ, конокрадовъ и всякаго рода бродягъ и нищихъ, которые имѣютъ огромное вліяніе на простонародье, сочиняютъ имъ ябедныя прошенія, разглашаютъ всевозможные слухи и «становятся оракулами для непросвѣщенной толпы». Люди, занимающіеся продажею вина, продаютъ его безъ разбора бродягамъ, ворамъ и подобнымъ личностямъ: отъ этого въ корчмахъ зарождаются вредные толки и составляются подговоры на воровство и другія преступленія. Наконецъ, дворянство, «угнетая своихъ крестьянъ, предаваясь предосудительному мотовству, картежной игрѣ и разврату», тоже стоитъ не на должной высотѣ. «Въ ослѣпленіи своемъ дворяне, вмѣсто любви и преданности подданныхъ, возбуждаютъ въ нихъ ропотъ и ненависть.

При этомъ дворяне собственною неосторожностью, необдуманными

Библиотека "Руниверс"

сужденіями о событіяхъ, въ присутствіи полуобразованной дворни, даютъ поводъ къ распространенію вредныхъ и опасныхъ толковъ, которые, большею частью нелѣпые, тѣмъ болѣе дѣйствуютъ на воображеніе подвластныхъ; такъ, напримѣръ, что Государь хотѣлъ сдѣлать ихъ свободными, но дворяне воспротивились; что французы придутъ въ Россію къ Духову дню, но не воевать, а вѣшать помѣщиковъ и т. п. Вообще, духъ народа не тотъ, какой былъ въ 1812 г., и вообще нельзя не замѣтить какого-то общаго волненія и ожиданія событій, распространенія слуховъ тревожныхъ и принимаемаго въ оныхъ участія людьми, не занимавшимися никогда политикою».

Дѣйствительно, по справкамъ, наведеннымъ въ III отдѣленіи, цѣлый рядъ дворянъ и чиновниковъ Смоленской губ. оказались въ политическомъ и нравственномъ отношеніяхъ въ достаточной степени «неблагонадежными». Группа дворянъ въ 1848 г. обратила на себя вниманіе тѣмъ, что представляла дворянству проектъ объ обращеніи помѣщичьихъ крестьянъ Смоленской губ. въ обязанныхъ; коллежскій регистраторъ Глинка, извѣстный своимъ буйнымъ и безпорядочнымъ поведеніемъ, въ 1842 г. сочинилъ пасквиль на смоленскаго губернатора кн. Трубецкого; въ 1847 г. на нѣсколькихъ чиновниковъ палъ подозрѣніе въ сочиненіи новыхъ пасквилей на губернатора и видныхъ чиновниковъ; наконецъ, дворянинъ Палицынъ оказался неблагонадежнымъ сразу и въ политическомъ и въ нравственномъ отношеніяхъ: замѣшанный въ дѣло о декабристахъ, онъ былъ выдержанъ годъ въ крѣпости и состоялъ подъ секретнымъ надзоромъ за то, что зналъ о приготовленіяхъ къ мятежу, но не донесъ объ этомъ, а въ 1845 г. онъ былъ замѣшанъ по дѣлу объ обыгранiи въ карты нѣкоего помѣщика Лопухина.

Но все-таки слухи объ освобожденіи крестьянъ, по мнѣнію агентовъ, шли не столько отъ дворянства, сколько отъ поляковъ, не расположенныхъ къ правительству. Для подтвержденія своего мнѣнія жандармскій полковникъ Романусъ доноситъ, что «служащіе въ Смоленскѣ изъ поляковъ съ жадностью читаютъ иностранныя газеты, получаемыя въ здѣшнемъ клубѣ. Газетная комната преимущественно наполнена ими, и трудно, кромѣ ихъ, достигнуть прочитать газету въ день полученія ея съ почты». Конечно, такой интересъ къ газетамъ не могъ не быть замѣченъ другими посѣтителями клуба тѣмъ болѣе, что «полякъ, прочитавшій газету, судитъ о читанномъ со своимъ землякомъ на родномъ языкѣ, хотя съ шепотомъ, но съ жаромъ». Особеннаго вниманія изъ нихъ, по своей неблагонамѣренности, заслуживаетъ лекарь Ксаверій Стравинскій, человѣкъ отъ природы умный, довольно образованный, имѣющій большое вліяніе на своихъ земляковъ и въ душѣ истинный полякъ. «Чтеніемъ иностранной газеты онъ чрезвычайно интересуется пробѣгая строки оной; лицо его воспламеняется и видѣнъ восторгъ его на чертахъ, когда онъ разсказываетъ о читанномъ и передаетъ сужденіе свое своему ком-

Библиотека "Руниверс"

патріоту». Въ виду этихъ качествъ полковникъ ходатайствуетъ о переводѣ лекаря Стравинскаго въ одну изъ великороссійскихъ губерній, какъ человѣка для Смоленска вреднаго.

Зато настроеніе дворянъ другихъ внутреннихъ губерній рѣзко отличается отъ смоленскихъ дворянъ своею благонамѣренностью. Пензенское дворянство услышавъ, что «непреклонная воля Государя состоитъ въ томъ, чтобы при охраненіи законныхъ и справедливыхъ отношеній помѣщиковъ къ крестьянамъ, сохранить въ то же время непоколебимо власть и права владѣльцевъ надъ сими послѣдними», благодаритъ Государя за «новое удостовѣреніе въ покровительствѣ дворянскому сословію» и даже жалѣетъ «несчастную Европу, раздираемую мятежами», обѣщая показать всему міру, въ случаѣ необходимости, спасительность самодержавія. Симбирское дворянство, за исключеніемъ небольшого числа дворянъ, «которые по воспитанію и по чувству своему не могутъ назваться русскими», не на словахъ, а на дѣлѣ готово съ удовольствіемъ всѣмъ пожертвовать. Ярославское дворянство даже умоляло о милостивомъ назначеніи ему какого-либо подвига или жертвы для блага отечества. «Вѣрноподданные, обезпеченные въ непоколебимости правъ ихъ состояній мудростію законовъ Вашего Императорскаго Величества,—говорится въ адресѣ того же дворянства, благодѣнствуютъ нынѣ подъ кровомъ Самодержавной Вашей власти. Благословенная Россія, издревле чуждавшаяся анархіи, ниспровергающей нынѣ законный порядокъ правленій въ Западной Европѣ, съ ужасомъ смотрятъ на слѣды необузданнаго своеволія, порожденнаго ложными мудрствованіями и ухищреніями себялюбцевъ». Такія же вѣрноподданническія чувства были высказаны и въ дворянскихъ адресахъ Харьковской, Лифляндской, Калужской, Курской и другихъ губерній.

Неудивительно, что во всеподданнѣйшихъ адресахъ сословія, поддерживавшаго «законный въ Россіи порядокъ» и въ полномъ спокойствіи остальныхъ классовъ Николай I почерпнулъ твердую увѣренность въ правильности своей политики. Теперь всѣ усилія правительства должны быть направлены на то, чтобы отгородиться отъ «разлагающагося» Запада крѣпкою стѣною во славу спасительнаго принципа «самодержавія, православія и народности»». «Всѣ русскіе, уже по здравому ихъ сужденію, чужды настоящаго безсмысленнаго стремленія иностранцевъ къ невозможному и, врожденному благоговѣнію къ власти монарха, всякое противодѣйствіе этой власти признаютъ преступленіемъ, равнымъ святотатству; и современныя событія еще болѣе убѣдили, что Россія не должна завидовать восхваленному просвѣщенію Франціи и Германіи, которыя отъ броженія умовъ нынѣ гибнутъ въ безначаліи» *). Но успо-

*) Нравственно-Политическій Всенародный Отчетъ III Отдѣленія Собствен. Е. И. Вел. Канцеляріи за 1848 г.

Библиотека "Руниверс"

коиться на этомъ и оставаться въ бездѣятельности нельзя; «дабы предупредить и отклонить и вдалекѣ грозящія смуты, благоразуміе и осторожность требуютъ не усыпляться существующимъ спокойствіемъ, а наблюдать безпрерывно, какъ за духомъ времени, такъ и за поклонниками соціальныхъ и либеральныхъ началъ, которыхъ число въ Россіи хотя не велико, но и тѣ, безъ неусыпнаго за ними наблюденія, могутъ привести свои замыслы къ важнымъ и бѣдственнымъ послѣдствіямъ» *).

При подведеніи итоговъ отъ просмотра вышеизложеннаго матеріала, необычайно живо и полно рисующаго настроенія различныхъ слоевъ русскаго общества, и отъ чтенія заключительныхъ частей всеподданнѣйшихъ отчетовъ, невольно приходитъ на память остроумная карикатура на событія 1848 г., помѣщенная во французскомъ «Almanach comique». Нарисованы три бутылки. Одна съ шампанскимъ; пробка вылетѣла, и въ искристомъ фонтанѣ изъ бутылки выбрасывается корона, тронъ, конституція, король, принцы, министры... Это Франція. Другая—съ чернымъ густымъ пивомъ, изъ мутной влаги котораго выжимаются короли, гроссъ-герцоги, герцоги и проч. Это—Германія. Третья бутылка съ русскимъ пѣнникомъ. На пробкѣ, крѣпко обтянутой прочной бечевкой, наложена казенная печать съ орломъ... Это—Россія!

А. Шиловъ.

*) Нравственно-Политическій Отчетъ за 1849 г.—Подъ поклонниками «соціальныхъ и либеральныхъ началъ», конечно, надо понимать членовъ кружка Петрашевскаго и представителей нашей либеральной журналистики этого времени.

Библиотека "Руниверс"

Мелочи прошлаго.

Генцъ о декабристахъ.

Въ началѣ XIX вѣка однимъ изъ вдохновителей австрійской, а вмѣстѣ съ ней общеевропейской реакціи былъ извѣстный публицистъ и дипломатъ, другъ и соратникъ Меттерниха—Фридрихъ Генцъ. Человѣкъ богато одаренный отъ природы, Генцъ отличался, однако, полной безпринципностью и былъ готовъ на все за деньги и почести. Его отличительной чертой была страсть къ наслажденіямъ, и на этой почвѣ онъ и подружился съ Меттернихомъ, такимъ же эпикурейцемъ, какъ и онъ. Помимо этого ихъ объединяла и общая имъ обоимъ боязнь революціоннаго духа и привязанность къ ничѣмъ не нарушаемому общественному спокойствію. Меттернихъ высоко цѣнилъ способности своего бойкаго на перо друга и часто давалъ ему отвѣтсвенныя порученія; онъ редактировалъ, напр., знаменитыя карлсбадскія постановленія. Оба друга писали одинъ другому довольно часто письма. Ихъ переписка нѣсколько лѣтъ тому назадъ, въ 1913 г., была издана (въ Мюнхенѣ и Берлинѣ, Wittichen'омъ и Salzer'омъ). Приводимое ниже письмо Генца къ Меттернику касалось русскихъ декабристовъ. Оно датировано 23 іюня 1826 г. и написано слѣдовательно уже черезъ полгода послѣ самаго возстанія, по случаю опубликованіе доклада Чрезвычайной Слѣдственной Комиссіи. Для характеристики отношенія австрійскихъ реакціонеровъ, группировавшихся вокругъ Меттерниха, къ декабристамъ оно представляетъ довольно значительный интересъ.

— „Я только что прочиталъ послѣ отъѣзда Вашей Свѣтлости докладъ Петербургской Слѣдственной Коммиссіи и сознаюсь, что болѣе ужаснаго документа мнѣ никогда не приходилось видать. Въ сравненіи съ этими русскими заговорщиками наши нѣмецкіе революціонеры мнѣ представляются невинными дѣтьми. Конечно, то, что дѣлаютъ послѣдніе, приводитъ къ тѣмъ же самымъ результатамъ; но первые прямо начинаютъ свое дѣло съ цареубійства. Докладъ обнимаетъ промежутокъ времени въ 10 лѣтъ и содержитъ 20 или 30 основныхъ пунктовъ заговора; и постоянно одинъ и тотъ же вѣчный припѣвъ:—убійство императора, ссылка императорской фамиліи, убійство женщинъ и дѣтей! Никакой другой заговоръ нашего времени не достигалъ такой степени нечестія и варварства, соединенныхъ со столь явнымъ невѣжествомъ, со столь возмутительнымъ самомнѣніемъ и со столь низкой трусостью. Я понимаю, что императоръ былъ поставленъ въ необходимость опубликовать докладъ; но на его мѣстѣ я бы смотрѣлъ на это, какъ на величайшее несчастіе моей жизни; ибо позорное клеймо, которое этотъ докладъ запечатлѣваетъ на лбу всей русской націи, она не сможетъ смыть и въ теченіи столѣтій. Сколь ни можетъ быть эта публикація полезной, какъ предостереженіе для другихъ и особенно какъ прекрасная реплика на всякія софистическія измышленія всего змѣинаго отродья, я все же чувствовалъ извѣстное отвращеніе къ проекту напечатать частями въ „Beobacter“'ѣ. *) И только то обстоятельство, что я увидалъ докладъ опубликованнымъ въ другихъ газетахъ, и опредѣленная ссылка Пилата **) на предоставленныя ему Вашей Свѣтлостью полномочія могли меня побудить отъ моего протеста“...

Сообщилъ *В. Герцевъ.*

*) Официальный органъ австрійскаго правительства въ то время.
**) Редакторъ „Beobachter“'а?

Библиотека "Руниверс"

Сонъ оберъ-прокурора.

Настоящій рисунокъ, найденный въ архивѣ В. И. Семевскаго, является иллюстраціей къ стихотворенію „Живые цвѣты", помѣщенному въ № 1—3 Гол. Минувш. за 1918 г. (стр. 314). Стихотвореніе было помѣщено безъ указанія автора. Вѣроятно, оно такъ же, какъ и рисунокъ, принадлежитъ В. Р. Щиглеву. О Щиглевѣ см. Гол. Мин. за 1916 г. № 9 и Былое за 1917 г. № 5—6.

Библиотека "Руниверс"

Библиотека "Руниверс"

Воспоминанія интенданта *).

Въ настоящее время мнѣ 76 лѣтъ. Я — тайный совѣтникъ и кавалеръ многихъ орденовъ. Получаю пенсію 12.000 руб. въ годъ. Кромѣ того у меня есть и капиталъ. Мои дѣти, получившія высшее образованіе, не останутся послѣ моей смерти, нищими. Знакомство веду только съ высокопоставленными особами.

Между тѣмъ, 55 лѣтъ тому назадъ я былъ ничтожествомъ и влачилъ жалкое существованіе будучи армейскимъ штабсъ-капитаномъ въ одномъ изъ медвѣжьихъ городишекъ восточной Россіи.

Не знаю, чѣмъ бы кончилось это жалкое прозябаніе, если бъ не случай, толкнувшій меня на новый жизненный путь.

Однажды на охотѣ я познакомился и сошелся весьма близко съ помощникомъ интенданта Восточной Сибири У. Онъ мнѣ и открылъ глаза. Результатомъ этого открытія была подача мною рапорта о переводѣ въ интендантство въ отдаленнѣйшую сибирскую окраину. Перевода моего туда не пришлось долго ждать. Вскорѣ получилъ двойные прогоны, не въ зачетъ полугодовой окладъ жалованья (а другую половину долженъ получить по прибытіи на мѣсто службы) и я отправился въ путь. Прибылъ въ столицу В. С. и первымъ долгомъ исполнилъ совѣтъ моего друга У. Этотъ совѣтъ былъ слѣдующій: «Если хотите сдѣлать карьеру, то не жалѣйте подмазки. Не забывайте, никакая машина, особенно русская-бюрократическая, не станетъ дѣйствовать, если ее не будутъ смазывать». Этотъ совѣтъ я исполнялъ въ теченіе всей службы. Благодаря первой, крупной смазкѣ былъ назначенъ на Амуръ, недавно присоединенный къ Россіи. Получивъ массу деньжищъ, отправился въ Благовѣщенскъ. Здѣсь принялъ интендантскій, продовольственный магазинъ.

I.

Прежде чѣмъ описать свои новыя обязанности, скажу нѣсколько словъ о Благовѣщенскѣ и о томъ обществѣ, въ которомъ пришлось прожить года четыре.

---

*) Мы помѣщаемъ эти воспоминанія, не взирая той «откровенности», съ которой авторъ говоритъ о своей прошедшей дѣятельности. Въ этихъ тонахъ еще колоритнѣе становятся страницы изъ интендантскаго быта, посвященныя по истинѣ чудовищнымъ хищеніямъ, которыя происходили въ интендантскомъ вѣдомствѣ при старомъ режимѣ. Ред.

Библиотека "Руниверс"

Городъ этотъ новорожденный. Учрежденъ былъ лѣтъ шесть назадъ Муравьевымъ. Въ такое короткое время онъ не успѣлъ обзавестись даже необходимыми постройками. Послѣднія только что возводились. Казачьи постройки: для управленія, для квартиръ казачьихъ офицеровъ, казармы для сотни—строили исключительно казаки. Весь лѣсной матеріалъ, нѣсколько десятковъ тысячъ бревенъ, доставили сюда: по-приказанію своего начальства, сами казаки даромъ, каждый казакъ обязанъ былъ доставить сюда по 50 бревенъ. Работали тоже безвозмездно.

Имъ было объявлено: «Это ваша обязанность. Ваша служба. Отпускалась имъ (рабочимъ-казакамъ) только мука и крупа. Первой по пуду, а второй по 10 ф. на мѣсяцъ каждому. Отпускались и приварочные, но крайне мало. Неудивительно, всѣ строители-казаки питались впроголодь. Жили въ балаганахъ, несмотря на холодъ и сырость. Выходили на работы съ 6 часовъ, а распускались съ нихъ впотьмахъ. Часъ давался имъ на обѣдъ, а полчаса на чай. Никакого отдыха среди работы имъ не давали—ни минуты. Надъ ними неусыпно бдили урядники съ нагайками. Какъ только кто-либо изъ работавшихъ станетъ прохлаждаться, нагайка уже наносила ему ударъ по чемъ-попало. Смертность между ними была громадная. Я какъ-то поинтересовался, а гдѣ же казачья больница? Говорятъ ея нѣтъ. Гдѣ же больные казаки?

— «Въ балаганахъ. Вонъ около болота, отвѣтилъ мнѣ какой-то казакъ.

Подхожу. Большой балаганъ. Покрытъ березовой корой. На скошенной травѣ лежитъ одинъ, около него другой и третій. Подъ головами лохмотья. На нихъ полушубки и тряпье. Страшное зловоніе почти отталкиваетъ меня въ сторону. Должно быть это больные. Но, такихъ балагановъ десятка три, четыре. Неужели и въ нихъ по три. Съ этимъ вопросомъ обратился я къ подошедшему ко мнѣ фельдшеру.

— Разно: гдѣ по два, гдѣ по три.

— Почему же они въ балаганахъ?

— Потому у нихъ никакого помѣщенія нѣтъ. Они здѣсь временно: только на постройку согнаны изъ станицъ. А потомъ ихъ угонятъ обратно. Впрочемъ, говорятъ, казачьихъ построекъ будетъ еще лѣтъ на 10, на 15. А потому и начали строить имъ больничку.

— А отъ чего зловонія здѣсь?

— За балаганами этими всѣ ходятъ на дворъ.

— Неужели не построены для этого нужныя мѣста?

— Построены, только для гг. офицеровъ и чиновниковъ, а для казаковъ и солдатъ еще хотятъ строить, не заготовлены доски.

— Который годъ существуетъ этотъ городокъ?

— Да шестой годъ!

Библиотека "Руниверс"

— Неужели не могли построить въ эти шесть лѣтъ все необходимое?

— Вонъ сколько построили домовъ.

— Кто же въ нихъ помѣщается?

— Управленіе—казачье, солдатское, три попа, докторъ, квартиры офицеровъ и чиновниковъ. Послѣдніе все и строили, и перестраивали нѣсколько разъ.

— Почему перестраивали?

— Сначала не понравились однимъ начальникамъ и офицерамъ. Перестроили, какъ они приказали. Пріѣхали другіе вмѣсто первыхъ. Не понравились и имъ. Опять перестраивали. Такъ до пяти разъ. Больше недовольны были этими квартирами ихнія барыни...

— Интересно какъ отнесся къ этимъ шалашамъ, съ больными казаками, Муравьевъ?

— Ему не показали больныхъ казаковъ, а эти балаганы были убраны наканунѣ его пріѣзда сюда.

— Куда же ихъ спрятали?

— Отнесли всѣхъ больныхъ вонъ въ тотъ лѣсокъ, за полторы версты, на съѣденіе комарамъ и мошкамъ. Ха-ха-ха,—залился веселымъ смѣхомъ фельдшеръ.—Вообще всѣ непорядки скрыли отъ него. Такъ что его в—во когда прощался съ начальствомъ, то благодарилъ всѣхъ и обѣщалъ представить къ наградамъ, а другимъ выдать денежныя.

Строили не одни казаки. Возводили постройки и солдаты. Какъ казаки, они тоже не получали никакого вознагражденія. Но, на всѣ эти казенныя сооруженія и даже на дрова были отпущены громадныя суммы. Какъ мнѣ отлично это извѣстно. Даже приварочные имъ отпускались по низшему окладу. Пища ихъ была скудная: жидкія щи, съ кусочкомъ тухлой солонины. Оправдывались: «Нѣтъ припасовъ». Каши не было: крупы было мало, хотя по отчетамъ ея должно быть много. Она была куда-то уплавлена въ другое мѣсто, «ошибочно»... Оказалось, была растрачена во время сплава, какъ многое другое... Дѣйствительно хорошій обѣдъ у солдатъ и казаковъ былъ только разъ въ году: когда здѣсь былъ генералъ-губернаторъ.

Казармы, гдѣ жили солдаты, были тоже не устроены. Въ стѣнахъ и на потолкѣ были щели. Стекла во многихъ мѣстахъ были разбиты, въ другихъ заклеены бумагой. Кроватей не было, а общія нары. На нихъ и спали вповалку. Матрасы и подушки были набиты не соломой, а травой. Выкошенная и не высохшая, она хранила массу насѣкомыхъ и личинокъ. По словамъ солдатъ, и въ постели и во время работъ ихъ страшно ѣдятъ вши, блохи, мошки и др. насѣкомыя. Существованіе этихъ несчастныхъ воиновъ было непрерывное мученіе. Кромѣ того, по словамъ батальоннаго врача, всѣ они страдали цынгой. Жены офицеровъ даже не выходятъ гулять безъ мужей. Послѣдніе, во время

Библиотека "Руниверс"

прогулокъ съ дамами, держатъ револьверы на-готовѣ. Разсказываютъ много случаевъ, происшедшихъ здѣсь и въ другихъ мѣстахъ, по Амуру, проявленія безумія отъ этого психическаго разстройства. Сообщали офицеры и чиновники, какъ свидѣтели этихъ безумій.

Вотъ одинъ изъ такихъ трагическихъ случаевъ. Полтора года тому назадъ пріѣхалъ сюда, по переводу, молодой поручикъ, К. съ юной женой. Однажды, когда К. долго замѣшкался за занятіями въ казармахъ 4-й роты, его супруга пошла къ нему. Не подозрѣвая грозной опасности, зашла по ошибкѣ въ другую. Здѣсь, кромѣ солдатъ, не было ни одного офицера. Даже фельдфебель куда-то отлучился. Въ одно мгновеніе казарма была заперта изнутри и несчастную барыньку стали позорить. Между тѣмъ, ея мужъ, окончивъ занятія, не спѣша возвратился домой и, получивъ отъ денщика отвѣтъ, что барыня куда-то ушла, сѣлъ одинъ обѣдать. Несчастный предложилъ, что его жена, какъ обыкновенно случалось, у одной изъ своихъ пріятельницъ-офицершъ. Послѣ обѣда онъ отправился въ собраніе, гдѣ и засѣлъ за карты. Однако, здѣсь недолго пришлось ему сидѣть. Сюда прибѣжалъ дежурный по батальону въ страшно возбужденномъ состояніи и, не замѣчая бѣднаго мужа, сообщилъ эту страшную новость присутствовавшимъ офицерамъ. Не успѣлъ кончить потрясающій душу разсказъ, какъ тутъ же около него раздался выстрѣлъ и тысячу разъ несчастнаго мужа не существовало. Что касается до его жены, то она тоже не вынесла позора: нервная горячка унесла ее въ могилу вскорѣ же послѣ этого.

Не стану излагать о другихъ многочисленныхъ подобныхъ случаяхъ. Ограничусь только изложеніемъ конца этой трагi-комедіи.

Врачъ здѣшняго батальона сообщилъ мнѣ — онъ нѣсколько разъ доносилъ кому слѣдуетъ объ этомъ сатиріозисѣ. Тоже дѣлали командиры и др. врачи войсковыхъ частей по Амуру. Просили о принятіи мѣръ.

Наконецъ ихъ приняли. На слѣдующее лѣто приплыли сюда, на казенныхъ плотахъ, десятка три молодыхъ женщинъ и дѣвицъ. Онѣ были распредѣлены по всѣмъ частямъ по Амуру и прикомандированы къ аптекамъ, какъ радикальное живое средство противъ этого разстройства. По разспросамъ этихъ женщинъ оказалось слѣдующее. Въ январѣ текущаго года Муравьевъ однажды приказалъ всѣмъ городскимъ проституткамъ собраться на одну изъ городскихъ площадей. Когда онѣ собрались, пріѣхалъ туда же и самъ. Сдѣлалъ имъ смотръ и объявилъ, чтобъ онѣ готовились ѣхать на Амуръ. При этомъ пообѣщалъ имъ горы благъ и денегъ. Нѣкоторыя стали-было отговариваться отъ поѣздки, но генералъ-губернаторъ былъ непреклоненъ. Проститутки поѣхали, какъ ѣдутъ обыкновенно слабые солдаты, или арестанты. Нарядили имъ конвой. Но послѣдній не помогъ. Большинство бѣдныхъ созданій

Библиотека "Руниверс"

разбѣжались на пути по Забайкалью. Другія захворали и были брошены по деревнямъ, безъ всякихъ средствъ...

Теперь скажу про офицерство. Все это была зеленая молодежь. Тѣмъ не менѣе каждый вечеръ, до поздней ночи проводили время за картами. Ни книгъ, ни газетъ, ни журналовъ не было. На картежную игру брали деньги у казначеевъ частей, по заемнымъ запискамъ. Были слухи о растратахъ. Но они замѣнились нашествіемъ крысъ на денежные ящики. Изъ множества подобныхъ «исторій», разскажу о двухъ, трехъ. Одна изъ нихъ произошла почти на моихъ глазахъ. Но, прежде чѣмъ заняться ими, припомню всѣ слухи и толки о мелкой дѣятельности этихъ грызуновъ. Говорятъ, эти крысы сущее наказаніе, ниспосланное Богомъ. Какъ приходится офицеру итти въ цейхаузъ, или въ кладовую, такъ и непріятности. Однажды оказалось изъѣдено ими нѣсколько десятковъ мундировъ. Въ другой разъ сдѣлали новое, подобное же открытіе: перепорченъ цѣлый кусокъ сукна. Говядину, масло, сало—хранятъ на недосягаемой для крысъ высотѣ. И то нельзя уберечь... Устроили кое-какое приспособленіе. Едва ли и это поможетъ. Однако, не одна казна страдаетъ отъ нихъ. У подполковника К. сожрали крупную сумму ассигнаціи—авансъ, выданный ему на разныя разности.

У поручика Г. тоже. Пришлось выдать имъ суммы эти вторично.

Еще новость: у подполковника Е. крысы сожрали 10,450 руб. ассигнаціи на покупку лошадей.

А недѣлю тому назадъ казначей батальона, добрѣйшій поручикъ В. пожелалъ подсчитать суммы и привести ихъ въ порядокъ въ денежномъ ящикѣ, въ виду предстоящей повѣрки суммъ. Привозитъ съ завѣдующимъ хозяйствомъ ящикъ въ канцелярію и находитъ вмѣсто ассигнаціи и заемныхъ писемъ—труху. Осмотрѣли ящикъ и оказалось слѣдующее: уголъ желѣзной обивки подогнутъ и дно подъ нимъ прогрызено. Невредимы оказались только нѣсколько серебряныхъ рублей, да рубля два, три мѣди.

Въ числѣ исчезнувшихъ суммъ были приварочныя, не выданныя ротнымъ командиромъ. Кромѣ того, были на теплую одежду и амуничныя. Составили актъ и отправили съ курьеромъ высшему начальству.

— Что-то будетъ, что-то будетъ!

— Съ другой стороны, это и лучше: скорѣе дадутъ средства бороться съ этими крысами,—говорили офицеры.

Дней черезъ шесть, послѣ открытія въ денежномъ ящикѣ батальона, возвратился курьеръ съ увѣдомленіемъ отъ начальства, что въ самомъ непродолжительномъ времени будетъ командированъ штабъ-офицеръ для производства разслѣдованія. При этомъ предписано потребовать деньги взамѣнъ исчезнувшихъ. Сдѣлали это и стали ждать штабъ-офицера. Ожидать пришлось недолго. Черезъ восемь дней, послѣ открытія въ ящикѣ, прибылъ и онъ. Разслѣдованіе производилось

Библиотека "Руниверс"

строго, безъ поблажекъ и опущеній. При этомъ были и курьезы. Такъ напримѣръ, при допросѣ часовыхъ:

— Слышали ли они какъ крысы прогрызали дно ящика?

— Такъ точно в. в., но мы думали: этотъ гнусъ подъ поломъ. Да и онъ не боится насъ: бѣгаетъ и дерется у нашихъ ногъ.

— Вамъ слѣдовало только ударять объ полъ прикладомъ.

— Дѣлали. Черезъ немного времени онъ опять являлся.

Начальникъ караула и разводящій заявили, что они обращали вниманіе часовыхъ главнымъ образомъ на грабителей человѣческихъ существъ. Ожидать опасность со стороны крысъ—было какъ-то смѣшно. Да никому и въ голову не приходило, что эти маленькія животныя въ состояніи сдѣлать такую крупную пакость. Теперь, конечно, дѣло другого рода и часовымъ, наряжающимъ къ денежному ящику, наказывается отгонять крысъ стукомъ приклада.

Теперь опишу инспекторскій смотръ въ баталіонѣ. Въ то время я былъ прикомандированъ временно къ этой части (хотя былъ смотрителемъ М).

Сначала шло хорошо. За все должностные офицеры получали благодарности отъ инспектировавшаго. Наступившій третій день смотра начался недурно. Инспектировавшій пріѣхалъ въ 9 часовъ осматривать обозъ. Кончивъ этотъ осмотръ, направился въ цейхаузъ. Тутъ-то и начались непріятности. На докладъ командира о изъѣденныхъ мундирахъ и бѣльѣ амурскими крысами генералъ сразу вспылилъ.

— Что, что?!—грозно переспросилъ онъ.

Командиръ повторилъ.

— А ваше имущество эти крысы небось не трогаютъ? Да?

— И наше портятъ.

— Не вѣрю. На какую же сумму истреблено вещей?

Командиръ сказалъ.

— Не мало. Тѣмъ не менѣе вы должны взамѣнъ этихъ, истребленныхъ, завести новыя на счетъ экономическихъ суммъ. Если этихъ суммъ у васъ нѣтъ, то убытокъ будетъ разложенъ на счетъ виновныхъ.

— Слушаюсь, в. п!

Осмотрѣвъ цейхаузъ и кое-какія вещи генералъ остановился, какъ бы что-то припоминая.

— Кажется у васъ еще что-то истреблено,—спросилъ онъ, хмурясь и косо взглядывая на командира.

— Точно такъ, в. п.

— А именно?

— Казенныя суммы.—чуть слышно и хрипло прошепталъ командиръ.

— Ай, ай, ай! Какое халатное отношеніе къ службѣ! Что же вы дѣлаете тутъ, господа?—обратился онъ къ намъ послѣ минутной

Библиотека "Руниверс"

паузы.—Въ картишки дуетесь? Да дѣйствительно ли крысы истребили ихъ? Слѣдствіе было произведено?

— Точно такъ, в. п.

— Кѣмъ?

— Штабъ-офицеромъ О*.

— Давно?

— Полтора мѣсяца тому назадъ.

— Посмотримъ. Во всякомъ случаѣ не думайте, что это прискорбное обстоятельство благополучно сойдетъ вамъ, — крикнулъ генералъ.

Затѣмъ онъ вышелъ изъ цейхауза. Потянулись и мы за нимъ.

Осмотрѣвъ хлѣбопекарню и кладовую, со съѣстными припасами, снова остановился и, окидывая сердитымъ взглядомъ командира, сказалъ:

— Что же вы дѣлаете съ крысами,—разводите ихъ?

— Истребляемъ. Къ сожалѣнію, истребить всѣхъ нѣтъ человѣческой возможности. Изловишь 2—3, а вмѣсто ихъ явятся десятки.

— Какъ же истребляете ихъ?

— Плашки ставимъ, в. п.!

— Кто же этимъ занимается у васъ?

— Особая крысоловная команда.

— Кто рѣшилъ образовать ее?

— Г. командующій войсками округа.

— Позовите ко мнѣ старшаго этой команды.

— Черезъ минуты двѣ явился унтеръ-офицеръ Ситкинъ и вытянулся передъ генераломъ.

— Кто ты?

— Капенармусъ первой роты и начальникъ крысоловной команды!

— Въ чемъ состоитъ твоя обязанность, какъ начальника крысоловной команды?

— Команда ставитъ плашки, а я, значитъ, долженъ смотрѣть за ними, чтобы ставили и убирали ихъ въ свое время.

— Сколько же ставишь плашекъ?

— Десять, в. п.

— А чѣмъ приманиваешь?

— Мясомъ, в. п.

— Сколько же выходитъ его ежедневно?

— Два пуда, в. п.

— Въ мѣсяцъ?

— Никакъ нѣтъ, в. п., въ день!

— Маловато,—съ иронією сказалъ генералъ.

Библиотека "Руниверс"

— Точно такъ, в. п. Я докладывалъ уже объ этомъ его в—родію г. завѣдующему хозяйствомъ и просилъ прибавить.

— Г. завѣдующій хозяйствомъ,—крикнулъ генералъ.—Почему бы вамъ не прибавить господамъ крысоловамъ еще пудика три на день!—сказалъ генералъ съ злой иронією и расхохотался.

— Позвольте доложить в—у п—у,—началъ Ситкинъ, но былъ прерванъ.

— Позвать артельщика 1-ой роты и повара!

Чрезъ минуты двѣ требуемые явились.

— Довольствуются ли крысоловы изъ общаго котла,—обратился инспектировавшій къ одному изъ нихъ.

— Точно такъ, в. п.

— А берутъ они обѣдъ?

— Никакъ нѣтъ, в. п.

— Не на эту ли экономію ты завелъ эти часы и золотую цѣпочку, и кто дозволилъ тебѣ носить это?

— В. п...—началъ-было артельщикъ, дрожа всѣмъ тѣломъ. Но былъ прерванъ.

— Пшолъ прочь оба.

Тѣ моментально исчезли.

— Что же изволитъ кушать твоя команда и ты съ нею?

— В. п., мы состоимъ на своихъ харчахъ, значитъ.

— Сами готовите обѣдъ?

— Точно такъ, в. п.

— Кто же у тебя готовитъ?

— Рядовой Поповъ, в. п.

— Позвать его!

Ситкинъ со всѣхъ ногъ бросился за нимъ. Но генералъ приказалъ ему воротиться.

— Гдѣ же берешь съѣстные продукты для обѣда команды,—снова обратился къ нему генералъ.

В. п... значитъ... таперича... вечеркомъ, значитъ, плашки насторожишь, а утричкомъ осмотришь. Ежели мясо не тронуто и крысъ нѣтъ, мы вынимаемъ его, моемъ и варимъ. Потомъ ѣдимъ.

Явился рядовой Поповъ.

— Кто ты?

— Рядовой 1-й роты Поповъ, в. п.

— Чѣмъ занимаешься?

— Готовлю пишшу крысоловамъ.

— А сколько ихъ?

— Четверо в. п.; начальникъ команды пятый.

— А ты шестой?

Библиотека "Руниверс"

— Никакъ нѣтъ, в. п.! Я-то буду въ числѣ этихъ четверыхъ, значитъ.

— Что же готовишь ты для команды?

— Когда щи, когда супъ.

— И больше ничего?

— Никакъ нѣтъ в. п.! Готовлю каженный день еще жаркое.

— Даже жаркое и каждый день.

— Тошно такъ, в. п. И коклеты.

— Еще и котлеты! Молодцы крысоловы!

— Рады стараться, в. п.!—гаркнулъ солдатъ.

— Ну еще бы! Кто не постарается для своего брюха. И такъ у васъ супъ или щи, жареное или котлеты.

— Тошно такъ в. пр.

— А кашу по боку?

— Никакъ нѣтъ, в. п., и кашу готовлю каженный день.

— А къ ужину?

— Къ ужину завсегда остается обѣдъ.

— Отлично! Обѣдъ и ужинъ изъ трехъ блюдъ!

— Точно такъ, в. п.

— Такое же росписаніе обѣда и по баталіону?—обратился генералъ къ завѣдующему хозяйствомъ.

— Никакъ нѣтъ, в. п. Обыкновенно щи или уха; каша крутая или размазня.

— Ступайте на свое мѣсто,—сказалъ генералъ Ситкину и Попову.

— Какіе милые порядки у васъ, полковникъ! Ай, ай, ай! Хоть бы вы, съ гг. офицерами, охотились за крысами, если вамъ нежелательно смотрѣть за порядкомъ.

На четвертый день, по окончаніи смотра, мы, во главѣ съ нашимъ главаремъ, пригласили е. п. откушать съ нами. Сначала куражился. Но не долго.

Обѣдъ закатили лукулловскій. Шампанское лилось рѣкой.

Издержались на него до костюма праотца Адама. Зато поправили все въ лучшемъ видѣ.

Послѣ пиршества, засѣли за зеленые столы. Сидѣли за ними до шести часовъ утра. Главарь проигралъ гостю 30 тысячъ. Говорятъ, спасибо нашему «купезу» (китаецъ): будто бы, онъ выручилъ...

Въ результатѣ: прекрасный отзывъ о состояніи части, особенно про офицеровъ. Послѣдніе, по случаю дороговизны и невозможныхъ условій жизни на Амурѣ получили денежныя награды. Говорятъ, получатъ и монаршія. Всѣ казенныя потери пополнены безъ замѣчанія. Прибавлено только о мѣрахъ противъ крысъ:

«Въ каждую часть будутъ доставлены кошки».

Говорятъ, жалоба штаба баталіона на крысъ была будто бы фиктив-

Библиотека "Руниверс"

на. Будто бы правда въ этой жалобѣ только одно онѣ прогрызли только дыру въ денежномъ ящикѣ. И то, будто бы, по иниціативѣ человѣческаго существа: смазывали саломъ кружочекъ, съ пятакъ... Дѣлали это будто бы до тѣхъ поръ, пока онѣ окончательно не прогрызли дно.

Послѣ этого смотра и обѣда, прошло мѣсяца два съ половиной. Однажды пріѣхалъ сюда нѣкто К., поручикъ, и привезъ весьма интересную новость. Оказывается, отъ крысъ потерпѣли и другія части. Поэтому и рѣшено было командировать статскаго совѣтника Д. по станціямъ, до г. Читы, для сбора кошекъ. Послѣднія и будутъ распредѣлены по частямъ. Первоначально, будто бы, предполагалось снабдить войсковыя части отравой для крысъ. Потомъ передумали въ виду слѣдующаго: вмѣсто крысъ будутъ преподносить отраву нелюбимымъ офицерамъ.

Прошло еще четыре мѣсяца и командируемый за кошками старшій чиновникъ особыхъ порученій, ст. сов. Д., пріѣхалъ ко мнѣ, для осмотра продовольственнаго магазина.

Послѣ ревизіи, за бутылкой коньячку, онъ разсказалъ мнѣ о своей поѣздкѣ за кошками. Записываю сюда этотъ разсказъ какъ слышалъ.

Вначалѣ, когда его только-что назначили въ эту командировку, онъ пришелъ въ негодованіе и старался отдѣлаться отъ нея. На его убѣдительныя просьбы, о назначеніи другого, интендантъ указалъ ему, во-первыхъ, выборъ всецѣло принадлежитъ командующему округомъ, во-вторыхъ, его спеціальность—«особыя порученія»; въ-третьихъ ему дадутъ нѣсколько нижнихъ чиновъ, съ капенармусомъ во главѣ. Они станутъ собирать кошекъ и наблюдать за исправнымъ доставленіемъ на квартиру. На немъ же будетъ лежать только обязанность наблюденія за этой командой и расплачиваться съ владѣльцами кошекъ, если станутъ требовать деньги за нихъ.

Далѣе, интендантъ сказалъ ему: «Онъ можетъ и не выѣзжать изъ Стрѣтенска, а командировать капенармуса съ нижними чинами въ ближайшія деревни.

— Добрались до Стрѣтенска, — разсказывалъ Д., — благополучно. Во время этого плаванія, при остановкѣ парохода, мой капенармусъ ходилъ по станичникамъ съ цѣлью не достанетъ ли кота или кошку. Каждый разъ эти обходы были неудачны: казаки сами нуждались въ нихъ. Хотя кое-у-кого они и были, но хозяйки берегли ихъ какъ драгоцѣнность. Въ Стрѣтенскѣ я становился на земской квартирѣ. Отъ скуки охотился и шлялся по этой станицѣ. Время отъ времени ко мнѣ приходили казачки съ кошками или съ котами и выпрашивали прибавить цѣну за нихъ. Не располагая большимъ авансомъ, я не могъ удовлетворить ихъ просьбы. При этомъ происходили уморительныя бесѣды.

— Вотъ вамъ, баринъ, мой Васюкъ. Посмотрите каковъ красавчикъ и молодецъ,—говоритъ пожилая женщина съ сѣрымъ котомъ.

— Продаешь?

Библиотека "Руниверс"

— То то и горе, надо продать.

— Сколько берешь?

— Вотъ и пришла рядиться. Твой-то солдатъ мало даетъ. Только рублевку.

— Много даетъ,—говорю я.

— Что ты, что ты! Побойтесъ вы Бога. За такого молодца рубль. Курамъ на смѣхъ.

— А по твоему сколько онъ стоитъ?

— Рубля три все надо взять. Какъ хочешь, баринъ, а прибавь. А то, не отдамъ. Бѣдный мой Вася! Голубчикъ мой! Ужъ такъ мнѣ жаль его, какъ сынка родного.

— Три рубля не дамъ.

— Ну, хоть еще рублевку прибавь.

— И то много.

— Въ такомъ разѣ прощайте. Не отдамъ котика,—говоритъ баба, повертываясь къ дверямъ съ котомъ.

— Постой! Полтинникъ еще дамъ,—говорю я.

— Чаво ты, баринъ, жалѣешь казенныя деньги. Прибавь рублевку.

— Не могу.

— Неча толковать съ тобой. Пойдемъ Вася домой. Молочка дамъ тебѣ, ненаглядный мой,—говорила баба, и снова повернулась къ дверямъ.

Но, въ этотъ моментъ входитъ мой каптенармусъ и, слегка толкнувъ ее, вырываетъ кота.

— Ваше Высокородіе! Она ужъ его продала за рубль. Я и деньги отдалъ ея мужу.

Баба кричитъ, что дешево полтора рубля, а потому не отдастъ Ваську.

— Ну, ладно,—говорю я,—пусть возметъ еще 50 коп.

Покончивъ такъ съ этой бабой, начинаю торгъ съ другой. Послѣдняя пришла съ каптенармусомъ.

Еще уморительнѣе была сцена ,когда большой курятникъ, набитый муякающими кошками и котами, тащили по улицѣ станицы до лодки (на берегу Шилки), чтобы доставить на пароходъ. Бабы и старухи, окруживъ курятникъ, неотступно шли за нимъ. Однѣ безмолвно плакали. Другія причитали, взвизгивая. Третьи, вытянувъ обѣ руки по направленію къ курятнику, выкрикивали ласкательныя имена своихъ любимцевъ.

— Машенька, душенька моя! Сердечная! Отдайте мнѣ ее! Возьмите ваши деньги! Проклятые!

— Вася мой! Родной мой! Съ кѣмъ таперича стану я коротать зимніе вечера на полатяхъ... И зачѣмъ отдавать было сердечнаго...

— Отдайте мово котика, мово миленькаго и бѣленькаго красавчика! Ей служба! Отдай, слышь! Возьми твой полтинникъ! Вотъ смотритъ на

Библиотека "Руниверс"

меня! Плачетъ, ей Богу, плачетъ! Смотрите, смотрите! Голубчикъ мой, ей Богу, плачетъ! Отдай, проклятая крупа!

— Загрызутъ мою-ту красавицу. Сердечная! Гли какъ мяучитъ да плачетъ! Будто малое дитя! О, Боже мой, какая дура я.

И т. д., и т. д.

Вотъ курятникъ поставили на лодку. Солдаты быстро вскочили въ нее и отплыли. Бабы на берегу еще пуще заголосили. Имъ вторили коты и кошки въ курятникѣ. Не успѣла наша лодка доплыть до парохода, какъ бабы сѣли на другую лодку и направились за нашей. На берегу собрались группы станичниковъ. Одни хмурились, жалѣя своихъ женъ и матерей, другіе ухмылялись. Опасаясь непріятностей, я приказалъ капитану парохода немедленно плыть. Тотъ повиновался. Но, пока онъ собирался, бабы были уже у парохода. За ними плыли и станичники.

— Не пускайте ихъ на палубу!—кричу я.

Но мой крикъ былъ заглушенъ ревомъ станичниковъ и воплями съ лодки у борта парохода. Не знаю, чѣмъ бы кончилась эта исторія, если бы мы не уплыли.

Чрезъ недѣли двѣ мы прибыли домой. Но увы, почти съ пустымъ курятникомъ. Все время плаванія коты и кошки не переставали драться.

Никакими мѣрами нельзя было водворить среди нихъ миръ. Чтобы спасти нѣкоторыхъ изъ нихъ, я взялъ изъ курятника три пары и размѣстилъ ихъ по каютамъ. Только эти и были сданы мною. Подсчитавъ путевые расходы на эту командировку, я нашелъ: каждая кошка, или котъ, стоилъ 640 рублей.

Не довольствуясь этими немногими крысодавами, интендантство подрядило одного купца привезти еще кошекъ. Причемъ выдало ему задатокъ 1,000 рублей. Набралъ онъ около 30 штукъ. А привезъ на Амуръ и сдалъ 9, остальныя подохли на пути. Цѣнность этихъ девяти была еще больше, чѣмъ 640 рублей.

II.

Теперь займусь своими служебными и частными дѣлами, какъ смотритель провіантскаго магазина.

Нѣсколько словъ о преимуществахъ этой должности.

Она—кладъ для нашего брата. Про нее дѣйствительно можно сказать: это—тепленькое мѣстечко во всѣхъ отношеніяхъ. Для чиновника и особенно для субалтернаго офицера эта должность—идеалъ. Она отвѣчаетъ четыремъ главнымъ требованіямъ: ничего не дѣлать, больше получать доходовъ, не чувствовать близости начальства и располагать, по своему усмотрѣнію безвозмездно молодыми, здоровыми работниками въ числѣ двухъ десятковъ.

Обязанности мои такъ просты по качеству и ограничены по количе-

Библиотека "Руниверс"

ству, что вполнѣ оправдывается поговорка: «У провіантскаго смотрителя такъ много дѣла, что свободнаго времени некуда дѣвать».

Доходы у меня были постоянны и порядочны. Подъ моимъ вѣдѣніемъ находились: провіантъ, вѣсы, мѣшки, товаръ на обмундированіе команды магазина и сама команда (25 человѣкъ). Изъ всего этого я извлекалъ хорошія деньги. Начну съ провіанта. При пріемѣ муки и крупы отъ поставщиковъ, высчитывается тара, то есть вѣсъ мѣшковъ по 2 фунта съ каждаго. При выдачѣ же этихъ запасовъ въ такихъ же мѣшкахъ высчитывается тара по полтора фунта. Представьте себѣ, въ одномъ магазинѣ въ теченіе года отъ поставщиковъ принято 100,000 мѣшковъ съ провіантомъ. Тары на нихъ 200,000 фунтовъ, или 5,000 пудовъ муки. Въ теченіе этого же времени изъ этого количества выдано 50,000 мѣшковъ, съ тарою по полтора фунта. Слѣдовательно, осталось въ магазинѣ по полуфунту, всего со всѣхъ 50,000 — 25,000 фунтовъ, или 625 пудовъ. Кромѣ того, при взвѣшиваніи муки установленъ еще слѣдующій порядокъ. Младшій вахтеръ, у вѣсовъ, взвѣшиваетъ и вычитаетъ тару, прежде чѣмъ скажетъ вѣсъ взвѣшенной муки. Чтобы не замедлять операцію, онъ не затрудняется точнымъ вычисленіемъ тары. При пріемѣ обыкновенно округляетъ цифру тары, прибавивъ къ ней нѣсколько фунтовъ. При выдачѣ убавляетъ ее. Напримѣръ, принимается провіантъ. Вахтеръ, взвѣсивъ шесть мѣшковъ заразъ, высчитываетъ: 12 фунтовъ изъ 30 пудовъ 25 фунтовъ. Для скорости вычитаетъ не 12, а 15, или 20 фунтовъ. При выдачѣ поступаетъ иначе. Взвѣсивъ такіе же 6 мѣшковъ, вычитаетъ изъ 30 пуд. 25 фунт. тары не 9 фунт., а 5. Обвѣшивать такимъ порядкомъ тѣмъ легче, что во всѣхъ провіантскихъ магазинахъ введены американскіе вѣсы. Познакомился я съ ними и съ тарой въ первый же день прибытія сюда. Почти всегда присутствуя при подобныхъ операціяхъ, я прекрасно зналъ, какъ плутуетъ вахтеръ съ тарой. Но молчалъ: вѣдь онъ дѣлалъ это въ мою пользу. Желая его отблагодарить и въ его лицѣ имѣть вѣрнаго своего помощника, я часто давалъ ему деньги. А когда спрудилъ старшаго вахтера, порядочнаго плута, выхлопоталъ ему старшинство и прибавку къ жалованью.

До какихъ солидныхъ размѣровъ скопляется провіантъ отъ такой тары, доказываетъ слѣдующій случай. Въ концѣ 80-хъ годовъ скоропостижно померъ нѣкто Жидовкинъ, смотритель никольскаго продовольственнаго магазина. Была назначена комиссія для провѣрки муки и крупы. Въ эту комиссію, со стороны интендантства, былъ назначенъ нѣкто Г., молодой чиновникъ, только-что прибывшій предъ тѣмъ, какъ переведенный изъ телеграфнаго вѣдомства. Послѣ перевѣски оказался излишекъ муки 1,500 пудовъ и крупы 600 пудовъ. Онъ образовался въ теченіе полутора лѣтъ.

Жидовкинъ, назадъ тому 1 годъ и 7 мѣсяцевъ, продалъ мнѣ такой же излишекъ, какъ заготовленный имъ. Я вручилъ ему за этотъ изли-

Библиотека "Руниверс"

шекъ 5,450 рублей. Если бы онъ не скончался, я купилъ бы у него такимъ же порядкомъ и послѣдній излишекъ.

Итакъ, послѣ перевѣски комиссіей провіанта, оказался излишекъ. Не будь среди членовъ ея этого Г., никто изъ посторонннихъ не узналъ бы объ этомъ. Прочіе члены по обыкновенію рѣшили, не показывая излишка въ отчетахъ, подѣлить эту муку и крупу между членами и вдовой Жидовкиной. Не соглашался съ этимъ только Г. По его мнѣнію, излишекъ долженъ быть заприходованъ по книгамъ, какъ отнятый у казны же. Не ожидая окончательнаго рѣшенія комиссіи, Г. донесъ интенданту и просилъ приказать кому слѣдуетъ о заприходованіи его. Не ожидая отвѣта на этотъ рапортъ, онъ и самъ выѣхалъ въ Х. Здѣсь къ нему отнеслись крайне враждебно. Интендантъ В. К. Поповъ сдѣлалъ ему строжайшій выговоръ. Между прочимъ, сказалъ ему:

— Вы напрасно поступили въ интендантство... Я накажу васъ такъ, что вы не забудете меня во всю вашу жизнь. Вотъ чѣмъ: сколько бы вы ни служили здѣсь, хоть 50 лѣтъ, не получите ни наградъ, ни повышеній, не будете представлены къ слѣдующимъ чинамъ. Не разсчитывайте и на усиленную пенсію, особенно на амурскую.

Г. сказалъ ему только слѣдующее: «Ваше п-во, ничего этого мнѣ не нужно. Я не за этимъ пріѣхалъ сюда».

Во время этого выговора въ кабинетѣ интенданта присутствовалъ и пишущій эти строки, какъ помощникъ его.

В. К. Поповъ сдержалъ свое слово: въ теченіе 10 лѣтъ службы Г. не получалъ даже денежныхъ наградъ, не говоря уже о другихъ. Несмотря на его примѣрное трудолюбіе и знаніе своихъ обязанностей никакого повышенія не получилъ. Хотя (говорю безпристрастно) онъ заслуживалъ его. Этотъ субъектъ былъ оригиналъ. Никакихъ визитовъ и никому не дѣлалъ. Съ чиновниками не сходился. Но часто бесѣдовалъ и гулялъ по городу съ солдатами, съ писарями, съ чернорабочими. Жилъ, со своей многочисленной семьей, уединенно и весьма бѣдно. Тѣмъ не менѣе выписывалъ серьезныя, научныя книги. Не потому ли ходилъ всегда «оборванцемъ»? Ни къ высшему, ни къ низшему начальству не обращался ни съ какими просьбами. Вышелъ въ отставку черезъ 10 лѣтъ по пріѣздѣ въ Хабаровскъ. Свою солидную библіотеку продалъ за безцѣнокъ въ библіотеку интендантства. Напримѣръ, десять томовъ «Всеобщей исторіи» Вебера по 50 коп. за томъ, вмѣсто 6 руб. Пенсію ему дали общегражданскую 5 руб. и эмеритуру 12 руб., всего за 26 лѣтъ службы, изъ нихъ 10 лѣтъ—на Амурѣ.

Куда онъ уѣхалъ изъ Хабаровска, и гдѣ жилъ—не знаю.

Однако, возвращаюсь къ излишку, оказавшемуся послѣ смерти Жидовкина.

Интендантъ В. К. Поповъ распорядился имъ такъ: 1,500 пудовъ муки и 600 пудовъ крупы отдалъ вдовѣ Жидовкиной, молодой женщинѣ.

Библиотека "Руниверс"

а ее взялъ себѣ домоправительницей. Но передъ этимъ онъ задалъ мнѣ и комиссіонерамъ такой вопросъ:

— Можетъ ли этотъ излишекъ образоваться въ нашемъ магазинѣ при правильномъ веденіи дѣла?

Послѣ споровъ, мы отвѣтили ему:

— При легальныхъ отпускахъ и пріемкахъ провіанта излишки должны существовать и существуютъ въ каждомъ магазинѣ, отъ исключенія выше упомянутой тары и округленія цифръ ея.

— Куда же дѣваются эти излишки? Былъ другой вопросъ его.

— А вотъ куда. Накопивъ тыщенки двѣ-три этого добра, смотритель, съ помощью комиссіонера, включаетъ его въ число поставокъ и получаетъ отъ него деньги. Дѣлается это такъ. Въ началѣ извѣстнаго года смотритель получаетъ отъ интендантства извѣщеніе, что для потребности войскъ, расположенныхъ въ Н., въ теченіе такого-то года, такой-то комиссіонеръ имѣетъ затотовить и сдать ему, смотрителю, 50,000 пудовъ. Когда комиссіонеръ заѣзжаетъ къ нему, чтобы сдать требуемое количество провіанта, черезъ такихъ-то подрядчиковъ, между хозяиномъ и гостемъ происходитъ сдѣлка такого рода. Смотритель приметъ 47,000 пудовъ съ тѣмъ чтобы остальные 3,000 пудовъ показать, какъ заготовленные не комиссіонеромъ, а имъ, смотрителемъ, будто бы по его просьбѣ. Пишутся нужныя бумажки и первый выдаетъ послѣднему деньги за 3,000 пудовъ. Напримѣръ, по 2 р. 50 к. пудъ—7,500 руб.

Совершенно иначе дѣлалъ это его любимецъ, завѣдующій военной мукомольной Т.

Черезъ одного своего солдатика, переодѣтаго въ частное платье, онъ продавалъ муку на базарѣ, выше утвержденной цѣны на 1 руб., т.-е. за 3 руб. 50 коп. Деньги бралъ себѣ. Экономной муки у него было много: ежегодно перемалывалось на военной мукомольнѣ до 400,000 пудовъ. Тары высчитывалось по 5 фунтовъ съ мѣшка, что составитъ со всѣхъ 100,000—500,000 фунтовъ, или 12,000 пудовъ ежегодно.

Обмѣнъ провіанта на деньги происходитъ и другими способами. Напримѣръ, смотритель никольскаго магазина выдавалъ приварочныя деньги нижнимъ чинамъ своей команды не деньгами, а, вопреки ихъ желанія, мукой и крупой. Получивъ вмѣсто 1 руб. 50 коп., полпуда, или 30 фунтовъ муки, солдатъ вынужденъ былъ продать ее, чтобы имѣть приварокъ и проч. А продать ее онъ могъ ниже базарной стоимости. Казенная мука была не совсѣмъ хорошаго качества, и частный покупатель предпочиталъ пріобрѣтать ее у крестьянъ, на выборъ. А если и купитъ у солдата, то рыночную цѣну за нее давалъ.

Есть еще способъ превращать излишекъ провіанта въ деньги. Напримѣръ, у крестьянъ-возчиковъ, доставлявшихъ провіантъ или изъ одного магазина въ другой, или отъ комиссіонерскихъ подрядчиковъ, не-

Библиотека "Руниверс"

рѣдко случается недостача этого груза *). Для пополненія его, возчикъ долженъ или заплатить, или додать мукой. Смотритель, пользуясь этимъ случаемъ, предлагаетъ возчикамъ купить у него муку въ требуемомъ количествѣ, которой и пополнить потерю. Тѣ, конечно, соглашаются, хотя назначаемая смотрителемъ цѣна муки выше рыночной: справочныя цѣны отъ волостныхъ, или полицейскихъ, управленій всегда были выше рыночныхъ. Для этого, ежегодно заѣзжаешь въ волостныя или полицейскія управленія и подмазываешь... Такъ дѣлалъ и я, не жалѣя на это сотни двѣ, три... Расходъ этотъ окупался въ сто, тысячу разъ. Посудите сами: окружные совѣты, согласно этихъ справочныхъ цѣнъ, назначали, напримѣръ, заготовленную стоимость муки въ 2 руб. 50 коп. пудъ. Мнѣ же удавалось покупать ее у крестьянъ за 1 руб. 90 коп, за 2 руб. 10 коп., за 2 руб. 15 коп. Покупалъ въ годъ, всего отъ 150,000 до 300,000 пудовъ. Въ отчетахъ и др. документахъ обыкновенно стоимость провіанта показывается по утвержденной совѣтомъ цѣнѣ.

О комиссіонерской дѣятельности вообще отлагаю до другого раза. Теперь займусь первоначальными доходами, когда я былъ еще смотрителемъ магазина. Начну съ мѣшковъ. Они тоже доставляли мнѣ порядочный заработокъ. Въ моемъ магазинѣ было мѣшковъ до 200,000 штукъ. Часть ихъ—съ провіантомъ, а часть—порожніе. Двѣ трети послѣднихъ были дыроватые. А, такъ какъ для интендантскихъ операцій, по заготовкамъ провіанта, требуется большой запасъ цѣлыхъ мѣшковъ, то начальство и вмѣняетъ въ обязанность смотрителямъ производить починку ихъ по мѣрѣ надобности. Расходъ на этотъ предметъ производится изъ особаго аванса, отправляемаго смотрителю. Починка ихъ производится въ громадномъ количествѣ въ теченіе цѣлаго года. Я, напримѣръ, дѣлалъ эту починку такъ: нанималъ двухъ-трехъ бабъ по 50 коп. въ день. Вотъ онѣ и починивали мнѣ ихъ. Удалая баба починитъ въ день штукъ 200, 250. Другіе смотрители-чиновники, побѣднѣе, заставляютъ починивать своихъ женъ и дочерей. Третьи приказываютъ это служительской командѣ. А то дѣлаетъ это прислуга смотрителя, напримѣръ, стряпка. По окончаніи починки фабрикуется росписка о полученіи денегъ за столько-то тысячъ починенныхъ мѣшковъ. Напримѣръ, въ два мѣсяца я починивалъ 40,000 штукъ по 10 коп. мѣшокъ, всего 4,000 руб., которые пошли въ мою пользу. Нѣтъ правилъ безъ исключенія: производится эта операція и посторонними, напримѣръ, солдатками. Но рѣдко. Нѣтъ и не было еще до сего времени чиновника, игнорировавшаго этотъ доходъ. Во всякомъ случаѣ 4,000 руб. не поднимешь на полу... отказываются же отъ этого дохода только по необходимости, вынужденные производить эту операцію на глазахъ начальствующихъ лицъ, или по приказанію свыше: «Дать солдаткамъ заработокъ»...

---

*) Большею частью отъ тары и отъ округленія ея.

Библиотека "Руниверс"

Итакъ дыроватые мѣшки доставляютъ не маловажный доходъ смотрителю. Нечего и говорить, что есть у него и другой доходъ, кромѣ этого, и тоже благодаря тѣмъ же дыроватымъ мѣшкамъ.

Когда я былъ въ Иркутскѣ, въ интендантскомъ управленіи, мнѣ дали для руководства массу циркуляровъ. Дорогой, въ Благовѣщенскъ, на почтовыхъ станціяхъ, въ ожиданіи лошадей, я внимательно читалъ ихъ. А нѣкоторые даже старался не забыть. Изъ числа послѣднихъ былъ циркуляръ о сметкахъ. Они предоставлялись въ пользу смотрителя. До пріема магазина я не имѣлъ о нихъ никакого понятія. Познакомился и оцѣнилъ этотъ даръ только въ первый день, когда принялъ магазинъ. Что же такое за сметки? При ежедневныхъ перетаскиваніяхъ мѣшковъ съ мукою на вѣсы и съ вѣсовъ, при выдачѣ, отправкѣ, при пріемѣ, или при укладкѣ въ магазинѣ сыплется всегда мука. При окончаніи дневныхъ работъ, мука эта съ полу сгребается въ особые мѣшки. Вотъ эта мука и называется сметками. Въ мѣсяцъ ихъ скапливается пудовъ 10—15. Для домашнихъ животныхъ онѣ—кладъ. Я кормилъ ими свиней, коровъ и даже лошадей.

Благодаря имъ, мои свинюшки славились во всей Приморской области. Откормленныхъ, я продавалъ китайцамъ и на иностранныя суда по 80, по 100 рублей за штуку. Въ первый годъ продалъ 16, во второй—40, въ третій—75, въ четвертый—106, и т. д. Въ послѣднее время продавалъ не менѣе 130 въ годъ. Хорошій доходъ давали, благодаря тѣмъ же сметкамъ, и двѣ мои коровы. Продавалъ молоко и масло ежемѣсячно на 80—90 рублей. Не будь ихъ, я не зарабатывалъ бы ежегодно по 12,000, по 15,000 руб. однимъ сельскимъ хозяйствомъ.

Такъ вотъ какіе доходы доставляли мнѣ дыроватые мѣшки. Чѣмъ такихъ мѣшковъ больше, тѣмъ больше дохода. А почему они дыроваты? Есть такіе грызуны, ихъ глубоко презираютъ хозяйки. Вмѣстѣ съ тѣмъ, онѣ и боятся этихъ живыхъ, граціозныхъ, идеально ловкихъ и дѣятельныхъ грызуновъ. Ненавидятъ ихъ и мужчины. Изъ числа послѣднихъ только интендантскіе смотрители уважаютъ и любятъ этихъ милыхъ созданій. И немудрено. Они-то и портятъ мѣшки.

Однако, бываетъ дня два-три въ году, когда я превращался на это короткое время въ ихъ врага. Въ эти дни я запиралъ въ продовольственные магазины кошекъ, ставилъ плашки... Но, вотъ мое начальство (интендантъ) уѣхалъ, осмотрѣвъ магазинъ. Кошки моментально прогоняются, плашки убираются, и я опять превращаюсь въ дорогого друга и доброжелателя этихъ звѣрьковъ—крысъ.

Доставляетъ доходъ и мундирно-амуничная часть. У меня, напримѣръ, были мундиры, ретузы и шинели 2-го и 3-го сроковъ. Одежду послѣдняго срока нижніе чины моей команды носили, а перваго надѣвали только въ торжественные случаи. Минетъ имъ срокъ, она еще новая, зачисляется «тѣмъ же званіемъ» для новой команды. Такимъ

Библиотека "Руниверс"

порядкомъ послѣднія служили нѣсколько сроковъ. Получаемое же сукно на мундиры, ретузы и шинели моя экономія. Я продавалъ ихъ за хорошую цѣну торговцамъ. Приходитъ новобранецъ, приноситъ мундирныя вещи эпохи крымской войны, я говорилъ ему:

— Носи ихъ въ теченіе службы.

А уходитъ онъ въ запасъ, я отбиралъ у него эти вещи. Такъ дѣлалъ съ матеріаломъ на бѣлье и на сапоги. Другіе смотрители ничего не выдавали нижнимъ чинамъ. Куда же ему этотъ товаръ? Продастъ на толкучкѣ. Такъ дѣлалъ и я. Доходъ этотъ, въ сущности, небольшой. Но, изъ меньшихъ частей составляется крупная.

Остается сказать о служительской командѣ. Нижніе чины ея въ полномъ смыслѣ были моими крѣпостными. Что бы ни заставлялъ я дѣлать, они безпрекословно исполняли мои приказанія, или моей жены. Почти всѣ работы по магазину исполняли они одни — безвозмездно. Между тѣмъ, какъ мнѣ извѣстно, смотрители въ отчетахъ показываютъ постороннихъ рабочихъ. Имъ, будто бы, производилась довольно крупная, поденная плата. Такъ дѣлалъ и я. На нѣкоторыхъ крупныхъ магазинахъ такіе расходы выводятся въ годъ тысячи 3—4. Конечно, они шли въ наши карманы. Кромѣ того, команда работала у меня по дому, конечно, попеременно. Напримѣръ, у меня ежедневный нарядъ ихъ былъ не менѣе 3-хъ, не считая моего денщика. Онъ былъ всегда на кухнѣ. Кромѣ того, два служителя пасли моихъ свинюшекъ. При надобности работала у меня и вся команда. Рѣдкій смотритель не занимается сельскимъ хозяйствомъ, тѣмъ болѣе, кормъ и прислуга даровые. У этого большинства смотрителей были и скотъ, и свиньи, и птицы, и лошади, и огородъ. Такъ было и у меня. Понятно, содержать и ухаживать за ними (домашними животными) мнѣ ничего не стоило. А доходъ отъ всей этой живности—крупный. Напримѣръ, я держалъ 4-хъ лошадей. Онѣ у меня перевозили всѣ казенные грузы. Въ отчетахъ и счетахъ я показывалъ вольныхъ рабочихъ съ лошадьми. Выводилъ на это крупныя суммы. Вѣдь, какъ уже говорилъ, возчики и конюхи были у меня даровые. Придетъ время покоса, я командировывалъ треть, или половину команды, на покосъ. Солдатики этому были рады, какъ разнообразію въ ихъ жизни. Накосятъ сѣно, они же и вывозили его. На всѣхъ моихъ работахъ они ѣли свое. Я же ограничивался только слѣдующимъ: иногда подавалъ имъ по стакану водки. И этого, признаюсь, мнѣ было жаль...

Такъ вотъ какіе доходы были у меня, какъ у смотрителя продовольственнаго магазина.

III.

Пробылъ я въ Благовѣщенскѣ семь лѣтъ. На восьмомъ былъ назначенъ во Владивостокъ смотрителемъ продовольственнаго магазина

Библиотека "Руниверс"

1-го разряда. Это было мнѣ крупное повышеніе. Но, здѣсь былъ хаосъ. Дѣла были въ безпорядкѣ. Смотритель, поручикъ Петровъ, запьянствовалъ, и за безпорядокъ былъ отчисленъ. По поводу сгнившаго провіанта, въ количествѣ 300,000 пудовъ, здѣсь работала цѣлая комиссія изъ представителей военнаго вѣдомства и контрольной палаты. Дѣло было серьезное и вопіющее.

Въ этотъ годъ и въ слѣдующій ожидалась война. Число войскъ было увеличено. Пришлось заготовить и провіантъ въ большомъ количествѣ. За невозможностью доставить его изъ Россіи въ должной скорости, экстренно былъ сдѣланъ закупъ за границей 300,000 пудовъ, какъ значилось въ подлинныхъ документахъ. Отсылать ихъ въ контроль пришлось мнѣ. (Впослѣдствіи оказалось 200,000 пуд., куда дѣлись 100,0000 пудовъ, увидимъ ниже). Когда онъ былъ доставленъ во Владивостокъ, то потребовалось для него помѣщеніе. Какъ ни искали его по городу, а не нашли. Обратились къ морскому вѣдомству. У него въ то время были здѣсь большіе и помѣстительные склады. Моряки, конечно, не отказали и отвели для интендантскаго провіанта совершенно негодный для этого, деревянный навѣсъ въ госпитальной пади. Почва послѣдней болотистая. Въ дождливое время она превращается въ озеро. То же самое и весной. Кое-гдѣ на ней провалы, наполненные жидкой грязью. Вся эта падь въ то время была покрыта высокой болотной растительностью. Отъ твердой почвы до этого навѣса были плахи. Онѣ упирались на кочки. Въ то время, когда онъ поступилъ во временное пользованіе интендантства, видъ его былъ невразрачный. Полъ былъ надъ водой на одну четверть. Крыша мѣстами была съ большими отверстіями. Дождь и снѣгъ свободно проникали во внутрь его. Столбы, на которыхъ была укрѣплена эта крыша, покосились на бокъ. Моряки давно ничего не хранили здѣсь, оттого и не считали нужнымъ ремонтировать эту развалину. Не сочло нужнымъ и интендантство отремонтировать его. Несмотря на всѣ дефекты, сюда все-таки сложили всѣ 300,000 пудовъ. Во все время храненія здѣсь этого добра, онъ совсѣмъ не охранялся: ходить часовымъ около него было невозможно.

Такъ прошло года три съ небольшимъ. Въ теченіе этого времени провіантъ здѣсь былъ забытъ. Петрову было не до него. Въ то время въ жизни этого офицера совершалось событіе весьма важное. Начало своей служебной карьеры онъ провелъ въ Россіи. Желаніе «п о ж и т ь х о р о ш о»—заставило его рѣшиться на переводъ въ Дальній Востокъ. Здѣсь онъ и попалъ во Владивостокъ. Черезъ года полтора, по прибытіи, кое-кому сунулъ 500 рублей и сразу былъ назначенъ смотрителемъ этого первокласснаго магазина. Благодаря смѣкалкѣ, оцѣнилъ свое положеніе. «Занимая это тепленькое мѣстечко,—говорилъ онъ,—было бы глупо съ моей стороны зѣвать»... «Нужно ковать желѣзо, пока оно горячо». И онъ сталъ ковать. Напримѣръ, выписывалъ въ расходъ провіантъ для

Библиотека "Руниверс"

войскъ. Въ дѣйствительности же для продажи, а вырученныя деньги клалъ въ свой карманъ. По показаніямъ вахтеровъ и служительской команды, онъ ежедневно вывозилъ изъ казенныхъ складовъ муку, крупу и овесъ частнымъ лицамъ, особенно на морскія иностранныя суда. Получаемые авансы на казенные расходы по магазину, около 5,000 рублей, издержалъ на свои нужды и прихоти. А послѣднія были у Петрова обширны и многочисленны. Онъ не любилъ жить какъ всѣ товарищи—бѣдно и скупо. Его натура требовала широкой и роскошной жизни. Получаемыя деньги, отъ продажи хлѣба, и авансы позволяли ему вполнѣ удовлетворять свои наклонности. И онъ удовлетворялъ ихъ. Устраивалъ попойки, танцовальные вечера, дарилъ своимъ многочисленнымъ любовницамъ дорогіе сувениры; ихъ квартиры убиралъ бѣшеной роскошью, и т. д. Имѣлъ повара и устраивалъ роскошные обѣды. Отъ такой жизни, забылъ и службу. Книгу о приходѣ и расходѣ провіанта не велъ. На предписанія не доносилъ. Отчетность не составлялъ. На всѣ приказанія начальства удѣлялъ нуль вниманія. Что дѣлали вахтера и служительская команда Петровъ тоже не зналъ и не желалъ знать. Такъ прошелъ годъ, прошелъ и другой. Интендантъ, выведенный изъ терпѣнія, назначилъ меня, вмѣсто Петрова. Вызвано было это назначеніе отчасти жалобой со стороны начальника владивостокскаго гарнизона. По его жалобѣ, Петровъ исключительно гулялъ, предоставивъ вахтерамъ полную свободу дѣйствія. Послѣдніе же, отпуская провіантъ войскамъ гарнизона, сбочитывали ихъ. А самое главное, по его словамъ, какъ самъ смотритель Петровъ, такъ и вахтеры возили провіантъ на рынокъ для продажи. Получивъ приказъ о назначеніи смотрителемъ меня, Петровъ не смутился. Отправивъ рапортъ интенданту о болѣзни, онъ продолжалъ гулять, благо накопленныхъ денегъ и казенныхъ авансовъ было еще достаточно.

Такъ тянулись дни за днями. Прошло нѣсколько мѣсяцевъ. Въ теченіе ихъ мнѣ приходилось усиленно работать за канцелярскимъ столомъ. Бумаги за нѣсколько лѣтъ были не исполнены. Книги о провіантѣ и о мѣшкахъ не были ведены за два года. Закончивъ, наконецъ, все это, я сталъ ждать сдачи провіанта и другого имущества магазина.

Весной пріѣзжалъ В. К. Поповъ, окружный интендантъ. Произвелъ ревизію, осматривалъ и провіантъ. Я удостоился его благодарности и обѣщанія о повышеніи меня. Между прочимъ, заглянулъ и въ госпитальную падь. Все нашелъ въ исправности. Въ заключеніе посѣтилъ и Петрова. Пожелалъ ему скораго выздоровленія и исправной сдачи магазина. Послѣ его отъѣзда дни потекли за днями обычнымъ порядкомъ. Я опять засѣлъ за канцелярскій столъ. Наконецъ, мнѣ надоѣло ожидать выздоровленія Петрова. По совѣту коменданта я просилъ интенданта о назначеніи комиссіи для повѣрки и сдачи имущества и суммъ. Кромѣ того, просилъ о томъ же и комендантъ.

Библиотека "Руниверс"

Назначенная комиссія приступила къ повѣркѣ. Уговорились не торопиться. Собираться въ 9 часовъ утра. Въ 11 часовъ уходить для закуски и выпивки въ «адмиральскій часъ». Въ 1 часъ дня снова собираться и работать до 3 часовъ. Потомъ два часа на обѣдъ. Наконецъ, въ 5 часовъ свѣрка всѣхъ дневныхъ записей членовъ. Осенью и зимой оканчивать въ 2 часа, а въ 3—свѣрка. Дѣло въ томъ, что при перевѣскѣ провіанта, количество свѣшеннаго записывается тремя членами, особо каждымъ. У всѣхъ выходили разныя цифры. И неудивительно: члены бесѣдовали спорили, курили и разсказывали анекдоты. Часто возгласы вахтера, о количествѣ свѣшеннаго, были гласомъ вопіющаго въ пустынѣ. Сначала перевѣсили провіантъ, сосчитали мѣшки, провѣряли книги, сличали приходныя статьи съ расходными по документамъ. Работали только въ будни и въ хорошую погоду. Наконецъ, въ теченіе существованія этой комиссіи, всѣ члены ея (два капитана, штабсъ-капитанъ и статскій совѣтникъ) получали солидныя суточныя. Это, главнымъ образомъ, и заставило насъ слѣдовать по пословицѣ: «Тише ѣдешь, дальше будешь». Да и къ чему было торопиться намъ? Только изнурять себя. Повѣрка продолжалась два съ половиною года. Если смотрѣть на ея дѣятельность со стороны казенныхъ интересовъ, то гораздо лучше если-бъ ее совсѣмъ не было. Члены ея занимались только бесѣдами, какъ уже говорилъ я. Много пропускали итоговъ перевѣски. Когда она была уже распущена, я, со старшимъ вахтеромъ, привелъ въ извѣстность количество всего провіанта другимъ, болѣе вѣрнымъ способомъ. Перевѣсилъ сначала отдѣльно нѣсколько мѣшковъ. Вѣсъ ихъ былъ почти одинаковъ. Послѣ этого, я сосчиталъ всѣ мѣшки съ провіантомъ. Получилъ общее количество его на 26,000 пудовъ больше выведенной комиссіей. Этотъ излишекъ былъ въ мою пользу. Пропуская перевѣски, комиссія дѣлала мнѣ одолженія... Благодаря своему другу, комиссіонеру, эти 26,000 пудовъ я превратилъ въ 65,000 рублей. Это былъ мой доходъ.

Не успѣли мы (члены комиссіи) приступить къ своимъ обязанностямъ, какъ въ госпитальной пади случилась небольшая непріятность. Столбы, поддерживающіе крышу, свалились, и крыша легла на провіантъ, придавивъ его всей своей тяжестью. Не выдержали и столбы, на которыхъ держался полъ. Онъ, вмѣстѣ съ нижними слоями провіанта, угрузъ въ болото... По мнѣнію членовъ комиссіи, провіантъ еще лучше сохранится подъ крышей. Въ виду этого мнѣнія, крышу не трогали. Она продолжала придавливать бунтъ муки внизъ, въ нѣдра болота. Весною этого года Владиміръ Корниловичъ Поповъ снова пріѣзжалъ. Произвелъ ревизію, былъ въ госпитальной пади, потомъ благодарилъ членовъ комиссіи и меня, особенно за труды для блага казны и за прекрасное храненіе провіанта... Еще разъ обѣщалъ мнѣ повышеніе. Я не забылъ, въ его отсутствіе, сунуть въ его портфель

Библиотека "Руниверс"

половину моего послѣдняго дохода (35,000 руб.). Уѣзжая, мы облобызались. При этомъ бросилъ мнѣ тихо только два слова:

— Спасибо! Не забуду!!

Послѣ его отъѣзда, въ госпитальной пади случилась новая непріятность. Произошла она по милости морского вѣдомства. Вѣдь ему принадлежали развалины сарая въ этой злосчастной пади. Впрочемъ, стряслась она не внезапно... Недѣли за полторы до этого событія, я получилъ отношеніе отъ начальника владивостокскаго порта. Послѣдній сообщалъ мнѣ, что развалины деревяннаго навѣса въ пади, за полной ихъ негодностью для морского вѣдомства, предположено продать съ торговъ. А потому начальникъ порта просилъ озаботиться немедленной вывозкой оттуда интендантскаго имущества. Получивъ эту бумажку, я кинулъ ее на столъ и, за многочисленностью разнаго рода работъ, забылъ ее. Моряки же, не дождавшись отвѣта, распорядились о производствѣ торговъ. Въ назначенный день собрались владивостокскіе обыватели, купили старыя бревна, плахи, доски, разобрали и увезли. Не могли достать только полъ изъ-подъ провіанта. Объ этомъ погромѣ я узналъ только на другой день. Тогда вспомнилъ и бумагу. Но, когда сталъ искать ее, то не нашелъ. Быть-можетъ, по забывчивости уничтожилъ ее. Пришлось такъ и заявить комиссіи: знать не знаю, вѣдать не вѣдаю. Посовѣтовавшись съ членами ея, я распорядился покрыть провіантъ въ пади брезентами. Черезъ нѣсколько дней они понадобились. Сняли и покрыли рогожами, обрывками старыхъ брезентовъ и др. барахломъ. При первомъ сильномъ вѣтрѣ весь хламъ сдуло. При сильныхъ буряхъ сбрасывало діже кули съ мукой. Какъ я убѣдился потомъ, китайцы, корейцы, матросы и бѣдные обыватели города брали кули съ мукой, и кушали. Неудивительно, что изъ 300,000 пудовъ осталось 180,000.

Пока все это происходило въ пади, мы продолжали потихоньку да помаленьку перевѣшивать провіантъ въ складахъ. Наконецъ, черезъ полтора года, отъ начала перевѣски, покончили съ нимъ. Тогда и приступили къ повѣркѣ муки въ госпитальной пади.

Первое, что открыли здѣсь, это смокшіе и смерзшіеся мѣшки. Повидимому, они пропитались водой еще давно.

Сухіе мѣшки были только въ серединѣ. Но такихъ оказалось немного. Когда стали приближаться къ нижнимъ слоямъ бунта, то мѣшки оказались все болѣе и болѣе почернѣвшими, сгнившими и съ дырами. Изъ послѣднихъ мука совершенно не сыпалась. Сдавленная въ твердыя плиты, она имѣла видъ обточенныхъ камней глинозема. Размельченный молоткомъ кусокъ ея имѣлъ всѣ признаки глины. Наконецъ, эти плиты были по всѣмъ направленіямъ продырявлены ходами насѣкомыхъ и червей. Тѣ и другіе зимовали здѣсь со всѣмъ своимъ многочисленнымъ потомствомъ. Послѣ продолжительнаго спора, мы отклонили отъ себя изслѣдованія этихъ камней, а продолжали только перевѣску ихъ. По

Библиотека "Руниверс"

мѣрѣ приближенія къ нижнимъ слоямъ. мѣшки приходилось обрубать въ замерзшей водѣ и грязи болота. Къ сожалѣнію. совершенно очистить ихъ отъ льда и грязи было невозможно. Изгнившій холстъ мѣшковъ на плитахъ муки отъ малѣйшихъ ударовъ разрывался на мелкіе куски, а мука совсѣмъ не разсыпалась даже на крупные куски. Послѣ попытокъ перевѣсить эти плиты, въ мѣшкахъ и безъ мѣшковъ, мы рѣшили:

— Не трогать оставшіеся 9—8 рядовъ въ почвѣ болота. а только сосчитать. И только могли это сдѣлать приблизительно, и наугадъ. Дѣло команды вырубить и вытащить эти мѣшки изъ глубины болота. Вѣсъ ихъ опредѣлить средній, по мѣшкамъ съ мукой, уже перевѣшеннымъ (изъ средины бунта).

Въ это время, пріѣхалъ во Владивостокъ чиновникъ Ч.. командированный сюда вслѣдствіе моего донесенія: «О неудовлетворительномъ состояніи провіанта въ госпитальной пади. Первымъ долгомъ этотъ чинъ пожаловалъ въ госпитальную падь. Осмотрѣлъ «камни», и потребовалъ, чтобы войскамъ владивостокскаго гарнизона исключительно отпускался этотъ провіантъ. Я сдѣлалъ попытку исполнить этотъ приказъ, но неудачно. Пріемщики отказались принять ее. А, такъ какъ имъ давали только эту муку, въ видѣ плитъ, то начальникъ гарнизона донесъ объ этомъ командовавшему войсками округа. Тотъ распорядился: «Немедленно командировать комиссію во Владивостокъ для изслѣдованія муки въ госпитальной пади. А войскамъ отпускать исключительно только хорошую». Въ составъ этой, вновь назначенной комиссіи вошли: медицинскій инспекторъ (докторъ), управляющій контрольной палатой и одинъ штабъ-офицеръ. Пріѣхала эта комиссія во Владивостокъ и, послѣ отдыха, приступила къ изслѣдованію муки. Сначала каждый изъ нихъ взялъ по крошечной щепоткѣ (разбитой молоткомъ и топоромъ) этой глиновидной муки и положилъ ее на языкъ. Но. никто изъ нихъ не могъ скушать ея.

— Это все что угодно вамъ, только не мука, — изрекъ одинъ, выплевывая глиновидную муку.

— Какая-то гадость.—изрекъ другой.

— Просто мерзость. Едва успѣлъ взять на языкъ. какъ уже затошнило... Тьфу!

— Даже названіе не придумаю этой пакости.—сказалъ второй.

Однако. этимъ не ограничились.

Приказали испечь ковригу изъ этой пакости и преподнести ее солдатамъ. Испекли и преподнесли имъ. Тѣ. исполняя приказанія начальства, покушали. но заболѣли... Преподнесли собакамъ. Тѣ только понюхали. Оставалось одно невзыскательное существо—чушка

— Она, навѣрно, скушаетъ эту ковригу.

Но, о ужасъ! и свинья отказалась. Тогда хабаровская комиссія присудила: всю эту муку уничтожить. Но, пріѣхалъ въ это время, во Влади-

Библиотека "Руниверс"

востокъ, интендантъ В. К. Поповъ. Онъ былъ другого мнѣнія: нашелъ ее годной при сдабриваніи хорошей. Начался споръ. Рѣшили снова разсортировать всю эту муку. Отобрать около 3,000 пудовъ—годной въ пищу. Хотя и была она испорчена, но при сдабриваніи—терпима. Остальную изъ 180,000—177,000 пудовъ, какъ негодную уничтожить, или продать. Несмотря на протесты В. К., постановили: «Это рѣшеніе окончательное».

Члены хабаровской комиссіи возвратились домой. Послѣдовалъ за ними и В. К. Но, уѣзжая, приказалъ секретно мнѣ:

— Не уничтожать муку, и не продавать даже эти плиты. Прикажите командѣ истолочь ихъ въ ступахъ и ссыпать въ новые мѣшки. Затѣмъ, немедленно разошлите ее всю по всѣмъ продовольственнымъ магазинамъ округа (въ Забайкальскую, Амурскую и Приморскую обл.). Я разошлю имъ секретный циркуляръ объ отпускѣ ее войскамъ». Можете продать самую худшую, похожую на глину... Но немного...

Когда подсчитали весь провіантъ и суммы, то оказалось недостачи, за вычетомъ израсходованныхъ и вновь полученныхъ со дня моего вступленія въ завѣдываніи владивостокскимъ магазиномъ). 16,994 пуда муки, 1,200 пудовъ крупы и денегъ 6,000 руб. Кромѣ того, причисленныхъ къ этому убытку казны; по рѣшенію хабаровской комиссіи, и 177,000 пудовъ въ госпитальной пади. Что касается до Владиміра Корниловича, то онъ приказалъ послѣдній провіантъ (т.-е. 177,000 пуд.) считать годный.

— Чрезчуръ много и 120,000 пудовъ, растасканныхъ изъ госпитальной пади въ теченіе 3-хъ лѣтъ,—сказалъ онъ мнѣ. Надо изыскать причину исчезновенія этого громаднаго убытка. А то отъ главнаго интенданта достанется всѣмъ на калачи. Особенно мнѣ,—прибавилъ онъ.

Изыскать эту причину онъ предложилъ мнѣ.

— Вы живете здѣсь уже третій годъ. Познакомились съ условіями храненія здѣсь провіанта. Въ заключеніе сказалъ: «Будьте увѣрены, я сторицей вознагражу васъ за это и за многое другое.

И я нашелъ эту причину. Благодаря ей мы остались совершенно неприкосновенны къ этой пакости. Не взвалили тяжесть этого убытка казны (120,000 пуд.) и на поручика Петрова. Какая это причина,—сказать даже здѣсь не могу. Это государственная тайна *). Въ заключеніи этой главы скажу нѣсколько словъ о Петровѣ.

По окончаніи свѣрки казеннаго имущества, онъ былъ посаженъ на гауптвахту. Но, чрезъ полтора мѣсяца скончался. Дѣло объ всей этой порчѣ и растратѣ замяли за смертью главнаго виновника.

Я исполнилъ секретное предписаніе интенданта: разослалъ по всѣмъ магазинамъ округа испорченную муку. Продалъ только 3,000 пуд.

---

*) Эта тайна ушла въ могилу вмѣстѣ съ нимъ. В. К. Поповъ умеръ въ 1896 г. Оставилъ 1.005,000 р. А авторъ этихъ воспоминаній въ 1904 г., оставилъ 2.000,000 руб.

Библиотека "Руниверс"

Прошло послѣ этого мѣсяца три, четыре. И результатомъ этой разсылки было слѣдующее:

Съ одной стороны я получилъ обѣщанное повышеніе: быть назначенъ чиновникомъ особыхъ порученій окружнаго интендантскаго управленія (или другими словами — комиссіонеромъ). Распростившись съ Владивостокомъ, чрезъ полторы недѣли я уже былъ въ Хабаровскѣ.

Съ другой стороны, во всѣхъ войсковыхъ частяхъ округа появились острыя, желудочно-кишечныя заболѣванія, доходившія до холеры. По этому поводу много было переписки въ интендантскомъ управленіи.

Были изъ-за этого непріятности даже и В. К. Попову. Когда число больныхъ дошло до максимума, начальство стало доискиваться причины этихъ заболѣваній. И, конечно, нашло ее безъ особыхъ усилій. Эта причина заключалась въ мукѣ, изъ госпитальной пади. Почти изъ всѣхъ частей округа представили образцы этой пакости на «благоусмотрѣніе» командовавшаго войсками.

Я сразу узналъ ее. «На видъ похожа на глину. Издаетъ гнилостный запахъ. Подъ микроскопомъ, по словамъ докторовъ-экспертовъ, она состоитъ изъ инфузорій, крошечныхъ червячковъ, мошекъ и какого-то сѣраго вещества. Это изгнившая мука. Подмоченная, сдавленная и потерявшая отъ времени и сырости свои питательные элементы, вслѣдствіе гніенія, она-то и составляетъ причину заболѣваній». Вотъ какой былъ выводъ ученыхъ экспертовъ.

По этому «вопіющему» дѣлу было засѣданіе военно-окружнаго совѣта. Оно продолжалось шесть часовъ и было бурно.

Вотъ, что разсказывалъ намъ секретарь этого совѣта, присутствовавшій на этомъ засѣданіи.

Въ началѣ его медицинскій инспекторъ доложилъ объ усиленномъ заболѣваніи войскъ округа болѣзнями желудочно-кишечными. При всемъ стараніи врачей, болѣзни свирѣпствовали почти годъ. Смертныхъ случаевъ по войскамъ 45 изъ 100, какъ ни въ одномъ изъ округовъ Россіи. На запросъ Петербурга о причинѣ этого нежелательнаго явленія, онъ (медицинскій инспекторъ) думаетъ сослаться, согласно донесеніямъ изъ округа, на гнилой провіантъ, на отруби и песокъ въ большомъ количествѣ въ мукѣ. Гнилая мука будто бы разослана была изъ Владивостока. А съ отрубями и съ пескомъ изъ Благовѣщенска. Этимъ докладомъ Поповъ былъ припертъ въ уголъ. Тѣмъ не менѣе онъ представилъ свой докладъ, съ объясненіемъ по существу. Въ началѣ его, представилъ копіи съ актовъ воинскихъ комиссій, объ освидѣтельствованіи заготовленнаго провіанта въ теченіе послѣднихъ 10-ти лѣтъ. На основаніи ихъ онъ констатировалъ какъ несомнѣнный фактъ, не требующій повѣрки, что провіантъ, принятый въ теченіе этого періода, безусловно хорошаго качества. Заготовлялся онъ въ годовую пропорцію одного наступавшаго года, въ теченіе его и расходовался, и портиться не могъ. Напримѣръ (тутъ

Библиотека "Руниверс"

слѣдовали многочисленныя цифровыя данныя о заготовленномъ и израсходованномъ провіантѣ въ теченіе 10-ти лѣтъ). Если въ числѣ принимавшагося воинскими комиссіями и былъ гнилой, или съ пескомъ, какъ было констатировано въ благовѣщенскомъ продовольственномъ магазинѣ, то въ этихъ случаяхъ виновата комиссія, принявшая такой провіантъ. Между тѣмъ, гг. члены совѣта, не обвиняя комиссіи, всю вину возлагаютъ на интендантскихъ комиссіонеровъ, закупавшихъ провіантъ. На какомъ же основаніи обвинять исключительно послѣднихъ, оправдывая воинскія комиссіи? Если члены ихъ не въ состояніи изслѣдовать каждый мѣшокъ изъ 1,000, въ разныхъ его частяхъ, то тѣмъ болѣе не въ состояніи этого сдѣлать комиссіонеръ съ 10,000, 20,000 и болѣе мѣшками, доставляемыми крестьянами. Слѣдовательно, если подвергать законной отвѣтственности комиссіонеровъ, то тѣмъ болѣе надо сдѣлать то же самое и съ членами воинскихъ комиссій. Вся отвѣтственность падаетъ на поставщиковъ-крестьянъ. Имъ болѣе чѣмъ кому-либо извѣстно, какую муку они готовили для военнаго вѣдомства.

— Но, гг., мнѣ извѣстно, что нѣкоторые комиссіонеры входятъ въ такую сдѣлку съ крестьянами: послѣднимъ дается возможность поставлять какой угодно имъ провіантъ за извѣстную, секретную скидку съ цѣны пуда значащейся въ контрактахъ,—сказалъ медицинскій инспекторъ.

— Вы имѣете, в.п., въ этомъ фактическое доказательство?—спросилъ, побагровѣвъ, В. К.

— Передаю это какъ слухъ.

— Въ такомъ случаѣ, я могу сообщить не слухъ, а фактъ: въ моемъ распоряженіи есть неоспоримое доказательство слуховъ, что гг. врачи весьма часто вмѣсто одного медикамента прописываютъ больнымъ другое и тѣмъ отравляютъ ихъ; что гг. смотрители военно-врачебныхъ заведеній часть суммъ, отпускаемыхъ имъ на больныхъ заведеній, тратятъ на себя, на старшихъ врачей, и на медицинскаго инспектора. Отъ этого сплошь и рядомъ больные въ военныхъ госпиталяхъ умираютъ больше отъ голода, чѣмъ отъ болѣзни. Что фельдшера и служителя постоянно увѣчатъ больныхъ и морятъ ихъ голодомъ; что...

— Господа, не достаточно ли этихъ пререканій и не лучше ли слушать докладъ его п. окружнаго интенданта?—сказалъ предсѣдатель, оглядывая улыбающагося В. К. и побагровѣвшаго отъ ярости медицинскаго инспектора.

Докладъ стали продолжать.

— Итакъ, только крестьянамъ извѣстенъ провіантъ, какой они предназначаютъ для продажи. Но, къ сожалѣнію, и ихъ нельзя въ этомъ строго судить. Хлѣбопашество въ Россіи находится въ примитивномъ состояніи,—фактъ неоспоримый. Земледѣльцы—темная, невѣжественная масса, прозябающая въ нищетѣ. Государство не въ силахъ въ ко-

Библиотека "Руниверс"

роткое время ни просвѣтить эту массу, ни пріучить ее къ добросовѣстнымъ операціямъ, по продажѣ своего продукта, ни снабдить этихъ жалкихъ земледѣльцевъ зерноочистительными машинами, элеваторами.

— Однимъ словомъ, если обвинять однихъ, то надо по справедливости обвинять и другихъ, и третьихъ, и четвертыхъ.

— Безъ сомнѣнія. Кто Богу не грѣшенъ, а царю не виноватъ?

— Кто праведникъ, пусть броситъ камень во Владиміра Корниловича! Ха-ха-ха!..

— Однако, господа, съ позволенія вашего еще одинъ вопросъ, ухватился за соломинку медицинскій инспекторъ.

— Слушаемъ,—сказалъ предсѣдатель.

— Въ 18.. г., во Владивостокѣ, въ продовольственномъ магазинѣ, въ госпитальной пади былъ открытъ гнилой провіантъ въ количествѣ 200,000 пуд., кажется. По постановленію комиссіи, назначенной его в.-п. приамурскимъ генералъ-губернаторомъ, было постановлено: продать весь этотъ гнилой провіантъ, или, если не найдутся покупатели, уничтожить его. Между тѣмъ, изъ одного доклада е.-п. окружнаго интенданта видно, что вскорѣ послѣ того изъ Владивостока былъ разосланъ по магазинамъ округа какой-то провіантъ. Не была ли разослана тогда эта гниль?

— Господинъ секретарь,—обратился ко мнѣ В. К., разсказывалъ намъ секретарь совѣта,—потрудитесь доложить совѣту эти акты...

Я началъ читать эти громаднѣйшіе акты. Первый былъ о продажѣ во Владивостокѣ съ аукціона совершенно негоднаго провіанта 3,000 пуд. Остальные шесть были объ освидѣтельствованіи воинскими комиссіями провіанта, полученнаго изъ Владивостока. Въ каждомъ изъ этихъ актовъ было подчеркнуто, что весь полученный провіантъ хорошаго качества.

Послѣ чтенія актовъ въ залѣ, гдѣ происходило засѣданіе совѣта, была могильная тишина въ теченіе одной, двухъ минутъ. Всѣ дремали.

— Господа,—нарушилъ тишину предсѣдатель, зѣвая во весь ротъ,—вѣдь, во всѣхъ этихъ, и вообще, воинскихъ комиссіяхъ, были и врачи. Почему бы имъ, какъ вполнѣ компетентнымъ лицамъ, подробно и добросовѣстно не свидѣтельствовать муку и крупу. То же можно сказать и о другихъ. Особенно о пріемщикахъ со стороны воинскихъ частей. Вѣдь, эта ихняя обязанность. Гораздо легче осмотрѣть нѣсколько десятковъ мѣшковъ, чѣмъ нѣсколько тысячъ ихъ. Кромѣ того, кое-кому вмѣнено въ обязанность свидѣтельствовать продукты предъ приготовленіемъ ихъ въ пищу. Почему они допускаютъ хлѣбопеченіе изъ гнилой муки? Полагаю, не мѣшаетъ еще разъ предложить это кому слѣдуетъ. Напомнить, между прочимъ, и гг. врачамъ частей войскъ, чтобы они не забывали и эту свою обязанность,—говорилъ предсѣдатель, перелистывая книгу.

— Но, в. в.-п., врачи и безъ того завалены работой при частяхъ,—сказалъ медицинскій инспекторъ, хмурясь.

Библиотека "Руниверс"

— Я отлично знаю, какъ военные врачи цѣлые дни, а иногда и ночи, дуются въ картишки и въ биллiардъ,—сказалъ Владимiръ Корниловичъ, вставая съ кресла.

Инспекторъ затрясся отъ ярости. Онъ хотѣлъ вскочить съ сжатыми кулаками, но сильныя руки сосѣда, начальника окружнаго штаба, удержали его. Сосѣдъ не ограничился этимъ: моментальнo схватилъ стаканъ съ водой и вылилъ его на инспекторскую лысину. Это все произошло меньше минуты. Предсѣдатель сдѣлалъ видъ, что не замѣчаетъ этого, занятый книгой.

— Въ такомъ случаѣ пусть они командируютъ опытныхъ фельдшеровъ. Вѣдь, для осмотра муки, предназначенной для печенiя въ тотъ же день, не требуется продолжительнаго времени. Всего нѣсколько минутъ. Между тѣмъ, отъ этого зависитъ здоровье и жизнь нѣсколькихъ сотъ солдатъ.

— При частяхъ хлѣбопеченiемъ завѣдуетъ офицеръ.

— Непремѣнно.

— Напомнить и имъ ихъ обязанность. Затѣмъ, поставить на видъ гг. интендантскимъ комиссiонерамъ заготовлять непремѣнно хорошiй провiантъ и не входить съ поставщиками въ разныя сдѣлки. Наконецъ, вмѣнить въ обязанность смотрителямъ продовольственныхъ магазиновъ, чтобы при выдачѣ провiанта частямъ, они указывали на худую муку и отпускали ее не болѣе одной десятой части съ хорошей, если ужъ этого невозможно избѣжать.

Совѣтъ былъ оконченъ. Дѣло по этому поводу было рѣшено и сдано въ архивъ.

Я уже говорилъ о назначенiи меня комиссiонеромъ интендантства. Новая моя обязанность—закупать провiантъ. Первая моя операцiя въ этомъ родѣ была внушительна: 150,000 пуд. муки. Какъ закупить и гдѣ? Первое время я ничего не зналъ объ этомъ. Зналъ только одно: закупъ долженъ произвести ни въ какомъ случаѣ не дороже извѣстныхъ цѣнъ, утвержденныхъ в. ок. совѣтомъ. Но могу дешевле ихъ. Разницу себѣ. Здравый смыслъ подсказалъ мнѣ познакомиться съ товарищами-комиссiонерами. Въ Хабаровскѣ ихъ было два. Я сдѣлалъ имъ визитъ и пригласилъ провести со мной вечеръ по товарищески.

Моя пирушка удалась мнѣ какъ нельзя быть лучше. За бутылками превосходныхъ заграничныхъ винъ я отлично узналъ какъ закупается провiантъ, какъ закупался въ 60-е годы и въ первую половину 70-хъ гг.

Закупъ провiанта въ эти перiоды производился исключительно въ западной Сибири и въ Иркутской губ. Доставлялся въ Иркутскъ въ продовольственный магазинъ. Къ открытiю навигацiи по Шилкѣ и Амуру отправлялся по зимнему пути въ Сивакову (въ окрестностяхъ Читы). Отсюда на плотахъ по Ингодѣ, по Шилкѣ и Амуру въ Благовѣщенскъ, Хабаровскъ, въ Николаевскъ. Доставка его обходилась казнѣ весьма

Библиотека "Руниверс"

дорого. Въ виду этого и рѣшено было въ 1871 году командировать комиссіонера въ Забайкальскую и Амурскую обл. Во второй уже жили въ то время крестьяне и имѣли запасы хлѣба. Кромѣ того, въ то время были здѣсь и китайцы, доставляя сюда и продукты, и товары.

Одинъ изъ первыхъ комиссіонеровъ посланъ былъ сюда нѣкто Веденскій. Провіантъ скупалъ по цѣнѣ выше предѣльной. Между тѣмъ, впослѣдствіи было дознано, что дѣйствительная стоимость закупленнаго имъ провіанта ниже предѣльной на 25 к. Благодаря этому, закупивъ, напримѣръ, 100,000 пуд. бралъ себѣ 25,000 руб. Затѣмъ выводилъ большія суммы на наемъ помѣщенія для храненія провіанта. По точнымъ же свѣдѣніямъ, провіантъ его закупа — хранился въ казенныхъ помѣщеніяхъ безплатно. Выводилъ большія суммы на разъѣзды по Амурской и Забайкальской области «для открытія цѣнъ на муку и крупу» *). Между тѣмъ, это открытіе—предлогъ грабить народъ, класть много денегъ въ свой карманъ. О цѣнахъ же сообщаютъ обыкновенно сельскія власти.

Однажды изъ числа закупленной имъ муки оказалось: 4,000 пуд. совершенно негодной въ пищу. Было произведено разслѣдованіе, не гласно, а на бумагѣ. Оказалось: продала ему этотъ провіантъ купчиха Кошъ за одну треть показанной имъ въ отчетѣ цѣны. Между тѣмъ, покупая эту муку, комиссіонеръ зналъ ее, какъ негодную въ пищу. По донесеніямъ же его, онъ будто совсѣмъ не былъ ознакомленъ съ нею, какъ негодной. Напротивъ, по пробѣ, думалъ, что она хорошая. Послѣднее противорѣчило показаніямъ купчихи Кошъ, увѣрявшей въ заявленіи, что она въ противномъ случаѣ не продала бы ему за одну треть установленной цѣны. Покупая эти 4,000 пуд. за одну треть, въ отчетѣ показалъ за полную сумму, а двѣ трети прикарманилъ. Купилъ за 2 руб. 40 коп. будто бы, между тѣмъ заплатилъ по 80 коп. за пудъ, а 1 руб. 60 коп. съ пуда достались ему.

Въ другой разъ онъ доноситъ интенданту о своемъ закупѣ: «Не будучи въ состояніи произвести закупъ муки, я прибѣгъ къ принудительной продажѣ. Обложилъ каждаго сельскаго домохозяина, не уплатившаго въ казну денегъ, взятыхъ заимообразно при переселеніи на Амуръ, по 20 пуд. ядрицы съ каждой десятины посѣяннаго ими хлѣба».

А не уплатали они это пособіе при переселеніи всѣ. Такимъ способомъ онъ успѣлъ закупить около 20,000 пуд. по 1 руб. 60 коп. Между тѣмъ, крестьяне жаловались, что за эту ядрицу Веденскій далъ имъ по 80 коп. за пудъ. Поэтому они и не хотѣли ему продавать этотъ хлѣбъ. Всѣ эти многочисленныя жалобы Вл—мъ Кар—чемъ помѣчены были «*къ дѣлу*», т.-е. оставлены безъ послѣдствій. Тѣмъ не менѣе этотъ комиссіонръ продолжалъ закупать провіантъ для интендантства и въ слѣ-

*) Эту ст. закона, тоже давно пора уничтожить. Авторъ.

Библиотека "Руниверс"

дующіе годы. Въ одинъ изъ послѣднихъ годовъ онъ придумалъ такую штуку. Однажды, при началѣ закуша, донесъ своему начальству: «Закупить требуемое количество муки можно только у китайцевъ. Они же продаютъ не иначе, какъ на серебро. Прошу в. п. о немедленной присылкѣ мнѣ 50,000 руб. серебряной монетой—рублями». Интендантство, конечно послало ему... Но вся доставка ихъ легла тяжелымъ бременемъ на народъ. Не десятокъ лошадей крестьянъ были загнаны до смерти этой перевозкой, а сотни. И казна гроша не уплатила ямщикамъ за погибшихъ лошадей. Между тѣмъ, вотъ что сдѣлалъ Веденскій съ этими 50,000 серебряными рублями. Получивъ ихъ, онъ каждый серебряный рубль продалъ китайцамъ за 1 руб. 65 коп., наживая на этой операціи 32,000 руб. За одно это попустительство со стороны тайнаго совѣтника Попова обоихъ слѣдовало бы отдать подъ судъ. Между тѣмъ, первый назвалъ послѣдняго «г е н і а л ь н ы м ъ д ѣ л ь ц о м ъ». Веденскій былъ его любимецъ.

Прожилъ на Амурѣ этотъ замѣчательный дѣлецъ 10 лѣтъ *) безвылѣздно. Занимая должность интендантскаго комиссіонера, не оставлялъ и частныя дѣла. Какъ достовѣрно извѣстно, онъ былъ въ то же время и агентомъ т---ва амурскаго пароходства, жилъ въ домѣ его (пароходства) и получалъ какъ агентъ 12,000 руб. въ годъ.

Во время всей службы его комиссіонеромъ, крестьяне не переставали подавать слезницы интенданту о томъ, что господинъ комиссіонеръ Веденскій вынуждаетъ ихъ продавать ему муку за 85 и 90 коп. Между тѣмъ, она продавалась на рынкѣ и на пріиска болѣе 2 руб. 50 коп. за пуд. А предѣльная цѣна, какую онъ выставлялъ въ отчетахъ, по которой будто бы покупалъ, 2 руб. 70 коп.

Вотъ еще образчикъ его дѣятельности. Въ 1879 г. ему было поручено закупить около 40,000 пуд. муки и сдать въ благовѣщенскій магазинъ. Закупитъ онъ ее весьма скоро, какъ всегда дѣлалъ это. Но тутъ случился казусъ. Гражданскіе и военные чины, получившіе этотъ провіантъ, были недовольны этой мукой. Въ прежніе годы съ 1871 г. ихъ жалобы пропускались мимо ушей начальствомъ и неудовлетворительное качество муки попрежнему было хроническое изъ года въ годъ. На этотъ же разъ вновь назначенный губернаторъ Амурской области не пропустилъ эти жалобы мимо ушей и представилъ образчикъ этой муки генералъ-губернатору. По изслѣдованіи ея, оказалось: двѣ трети были изъ крупныхъ отрубей. Они были и ядричные, и овсяные, и гречневые, и измельченные бобы. Кромѣ того былъ песокъ въ большомъ количествѣ. Цвѣтъ этой муки былъ грязновато-коричневый. Представляя эту муку, губернаторъ доносилъ:

«Начальникъ телеграфнаго округа и прочіе, получающіе про-

*) Для полученія пенсіи амурской пенсіи.

Библиотека "Руниверс"

віантъ изъ этого магазина, просили о выдачѣ имъ хорошей». Стали искать въ благовѣщенскомъ магазинѣ хорошую, но не нашли. Весь громадный запасъ ея, заготовки Веденскаго, оказался такой же. Командовавшій войсками округа распорядился: «Изъять весь запасъ этой муки изъ употребленія». Окружный же интендантъ распорядился: «Распредѣлить эту муку по магазинамъ округа и выдавать войскамъ въ половинномъ количествѣ съ хорошей». Неудивительно, въ теченіе нѣсколькихъ десятилѣтій смертность въ войскахъ отъ такого хлѣба была максимальная.

Какъ ни непріятны были эти инциденты, однако, комиссіонеръ Веденскій нисколько не пострадалъ отъ нихъ. Попрежнему онъ получилъ награды и благодарности начальства. Кончилъ свою плодотворную дѣятельность по интендантству со славой, съ тремя милліонами капитала, съ чиномъ д. с. с. и со всѣми россійскими орденами. Онъ женился на бѣдной дѣвушкѣ. Кончилъ службу членомъ государственнаго совѣта, хотя мѣсто ему было на каторгѣ. И все это благодаря добротѣ В. К. Попова.

Другой комиссіонеръ интендантства закупалъ хлѣбъ ежегодно, въ теченіе 14 лѣтъ, по 200,000 и по 250,000 пуд. Поступалъ съ крестьянами милостивѣе, чѣмъ Веденскій. Напримѣръ, крестьяне продавали ему за 1 руб. 40 коп. пудъ муки. Въ отчетахъ же онъ показывалъ эту муку по 1 руб. 70 коп. Въ четырнадцать лѣтъ нажилъ полтора милліона и вышелъ въ отставку съ пенсіею 6,000 руб. въ годъ, въ чинѣ д. с. с.

На этотъ манеръ заготовлялся провіантъ почти всѣми комиссіонерами. Заготовлялъ его и я, но бралъ по 5, по 15 коп. съ пуда, плюсъ легальный процентъ въ пользу комиссіонера.

Пробылъ я въ этой должности 16 лѣтъ. Нажилъ порядочно. Достигъ до высшей должности по интендантству. Чувствуя въ карманѣ два милліона, я вышелъ въ отставку и двѣнадцать лѣтъ шлялся за границей. Здѣсь, между прочимъ, познакомился съ молодымъ человѣкомъ—русскимъ. По его словамъ онъ пріобрѣлъ 500,000 руб. не въ десять или пятнадцать лѣтъ, какъ я, напримѣръ, а въ три-четыре мѣсяца.

Когда я усумнился въ этомъ, онъ разсказалъ мнѣ свою исторію быстраго обогащенія.

Во время войны съ китайскими боксерами, онъ былъ на русскомъ Д. В. корпусномъ интендантомъ. Во-первыхъ, выторговалъ въ окружномъ военномъ совѣтѣ предѣльныя высокія цѣны на муку, крупу, мясо, жиръ. Для этого пришлось сунуть волостнымъ чинамъ и еще кое-кому. Во-вторыхъ, покупалъ все въ Манчжуріи вдвое и даже втрое дешевле. Въ отчетахъ же показывалъ по предѣльнымъ, высочайшимъ цѣнамъ. Въ-третьихъ, командировывалъ команду по деревенькамъ для реквизиціи. И надо отдать долю справедливости этой славнѣйшей командѣ: она старательно исполняла его порученія. Напримѣръ, однажды въ окрест-

Библиотека "Руниверс"

ностяхъ одной деревни эти славные воины увидѣли большое стадо свиней. Не показываясь на глаза жителямъ деревеньки, они угнали стадо себѣ, зарѣзали ихъ и опалили. Каждая такая туша была показана въ его отчетѣ по 100 руб. Всѣхъ тушъ было 110.

Другой фактъ. Набрели эти же воины на большое стадо рогатаго скота, тоже въ окрестностяхъ какой-то деревни или, быть-можетъ, города. Караулилъ его пастухъ. Отправивъ послѣдняго къ праотцамъ, наши воины угнали стадо къ себѣ. Въ деревню же командировали двухъ солдатъ съ извѣстіемъ о трагической судьбѣ этого стада: «Его угнали хунхузы»—только въ противоположную сторону, а не въ ту, куда дѣйствительно было угнано... Добродушные манчжуры повѣрили и погнались за хунхузами. Сколько ни рыскали, а никакъ не могли даже издали увидѣть мнимыхъ грабителей.

Такъ «закупалась» говядина въ теченіе войны съ боксерами и съ Японіей.

Третій фактъ. Въ глухую осеннюю пору изъ Благовѣщенска въ Харбинъ шелъ громадный обозъ съ мукой и съ крупой. Кромѣ манчжуръ-возчиковъ, этотъ обозъ охранялся 5-ю казаками. Однажды, въ глухой мѣстности, [illegible] отъ Харбина, на обозъ напали хунхузы. Возчики разбѣжа[illegible]ь, а изъ казаковъ одинъ былъ убитъ, другой раненъ, остальные [illegible]но прибыли въ Харбинъ и доложили корпусному интенданту о [illegible]вшемся нападеніи. Немедленно былъ составленъ актъ объ ограблен[illegible]обоза съ мукой и съ крупой. А на мѣсто происшествія была команд[illegible]ована интендантская команда. Доѣхала до мѣста нападенія, солдаты [illegible]ки нашли весь обозъ въ цѣлости. Хунхузы не пожелали возиться съ мукой. Они искали только золото и серебро. Нетронутый обозъ былъ показанъ какъ заготовленный корпуснымъ интендантомъ, за крупную сумму.

А вотъ еще фактъ. Пришелъ громадный поѣздъ съ мукой на предъявителя. Корпусной кое-кому сунулъ и получилъ его весь. А хозяинъ его три года искалъ этотъ поѣздъ и не нашелъ. Казна уплатила ему убытокъ крупной суммой.

Наконецъ, вотъ еще странный и загадочный случай... На р. Сунгарѣ въ 150—200 в. отъ Харбина остановились на ночевку два плота съ хлѣбомъ. Владѣлецъ ихъ—благовѣщенскій купецъ, плылъ впереди на пароходѣ. Оставивъ плоты подъ надзоромъ одного манчжура, остальные рабочіе ушли въ сосѣднюю деревеньку. Ранніимъ утромъ они возвратились. Но плотовъ съ мукой не нашли. Они безслѣдно исчезли. Посовѣтовавшись, рѣшили: разойтись немедля въ разныя стороны...

Г. Т. Муровъ.

Библиотека "Руниверс"

Московская „охранка“ о Л. Н. Толстомъ и толстовцахъ.

(1882—1912 гг.).

Въ теченіе 28 лѣтъ московская «Охранка» не сводила своего бдительнаго ока съ живого, въ ту пору, великаго писателя земли русской и въ продолженіе 2-хъ ближайшихъ послѣ его смерти лѣтъ, по 7-е ноября 1912 г., брала на себя роль палача его славы, опасаясь, какъ бы русское общество въ единодушномъ національномъ порывѣ не почтило памяти своего родного великаго писателя, не сдѣлало бы этого достаточно громко «противоправительственно» и «антирелигіозно».

Начиная съ 28 сентября 1882 года, день за днемъ, годъ за годомъ, съ небольшими перерывами, московская «охранка» вела о Л. Н. Толстомъ свою темную лѣтопись.

Въ московскихъ охранныхъ анналахъ о Толстомъ читатель найдетъ также и нѣкоторыя, обращенныя ко Л. Н. его послѣдователями и знакомыми, перлюстрованныя сыскомъ письма; на одномъ изъ нихъ, яркомъ и проникновенномъ, написанномъ безвѣстнымъ труженикомъ-крестьяниномъ, замѣтны слѣды думъ охранника, выраженныя по-онѣгински:

То краткимъ словомъ, то крестомъ,
То вопросительнымъ крючкомъ.

Въ настоящемъ очеркѣ мы прослѣдимъ темную, жуткую и въ сущности своей свирѣпо-рабскую лѣтопись этого «Отдѣленія» о великомъ писателѣ земли русской, прослѣдимъ ее, не отвлекая вниманія читателя воспроизведеніемъ чисто канцелярскаго матерьяла, возсоздадимъ ее въ самомъ существенномъ день за днемъ, годъ за годомъ до самаго ея конца.

1. Негласный надзоръ.

Въ секретномъ прибавленіи къ приказу по Московской Городской Полиціи 28 сентября, 1882 года, за № 422, говорилось слѣдующее:

1) Циркуляромъ отъ 8 іюля сего года, № 314, было обращено вниманіе на вредный характеръ ученія, распространяемаго отставнымъ полковникомъ Пашковымъ.

Библиотека "Руниверс"

2) Въ послѣднее время предоставляется не менѣе вредною дѣятельность землевладѣльца Самарской губерніи графа Льва Толстого и члена Географическаго Общества Александра Пругавина, вслѣдствіе сношеній ихъ съ сектантами. Изъ нихъ послѣдній своими поѣздками къ сектантамъ и похвальными статьями о нихъ въ литературѣ не только внушаетъ незнающимъ дѣла ложныя понятія о расколѣ, но и возбуждаетъ въ самихъ сектантахъ понятіе о сочувствіи ихъ ученію со стороны высшихъ и образованныхъ классовъ общества и самаго правительства.

3) Вслѣдствіе циркуляра Департамента Государственной Полиціи № 1202, предлагаю, въ случаѣ пріѣзда Графа Толстого и Пругавина въ Москву, учредить наблюденіе за тѣмъ, чтобы они не распространяли здѣсь своего ученія и, въ случаѣ нарушенія ими изложеннаго выше запрещенія, немедленно о томъ донести.

Подлинное подписалъ Свиты Его Высочества Генералъ-Маіоръ Козловъ.

Вотъ первое и главное основаніе, послужившее для отдачи подъ негласный полицейскій надзоръ Л. Н. Толстого.

Уже 4-го октября 1882 года приставъ 1-го участка Хамовнической части, руководясь этимъ основаніемъ, доносилъ «Охранкѣ», что Л. Н. Толстой пріобрѣлъ во ввѣренномъ ему участкѣ собственный домъ, «куда и прибылъ на жительство». При этомъ донесеніи приставъ пересылаетъ «Охранкѣ» «первую поднадзорную вѣдомость» на Л. Н. Вотъ она во всей типичности (см. стр. 285).

Такихъ «поднадзорныхъ вѣдомостей на графа Льва Николаевича Толстого, отставного поручика» — нѣсколько; всѣ онѣ составлены по одному общему типу, съ той лишь разницей, по сравненію съ первой, что въ другихъ, въ рубрикѣ «занятіе», Л. Н. уже не значится «занятій никакихъ не имѣющимъ», а признается занимающимся «литературой». Составленіе подобныхъ «вѣдомостей» пріурочивалось къ случаямъ отъѣздовъ Л. Н. изъ Москвы и пріѣздовъ его туда вновь и сопровождалось соотвѣтствующими полицейскими «извѣщеніями» объ этомъ «Охранки». «Охранка» же строго слѣдила за своевременнымъ и точнымъ полученіемъ «извѣщеній» съ полагающимися при нихъ «поднадзорными вѣдомостями на графа Л. Н. Толстого, отставного поручика». Это былъ своеобразный ритуалъ «секретнаго» униженія гражданскаго достоинства великаго русскаго писателя, ритуалъ, требовавшій точнаго соблюденія разъ установленной формы.

Съ 28 сентября 1882 г. по начало 1884 года «негласный надзоръ» за Л. Н. сводился исключительно къ точному соблюденію этого ритуала полицейско-охранной «слѣжки». Въ «извѣщеніяхъ» за этотъ періодъ времени остается неизмѣнной фраза: «ни въ чемъ предосудительномъ замѣченъ не былъ»; и только разъ, 19-го октября 1883 года, въ «извѣщеніи начальника тульскаго губернскаго жандармскаго управленія» фраза эта варіируется такъ:

Библиотека "Руниверс"

«За время проживанія въ Крапивенскомъ уѣздѣ, графъ Левъ Николаевичъ Толстой ничѣмъ не обратилъ на себя особаго вниманія, исключая того, что бывъ выбраннымъ въ Отдѣленіе Тульскаго Окружнаго Суда, въ г. Крапивнѣ, присяжнымъ засѣдателемъ на 28-е минувшее Сентября, заявилъ Суду публично, что онъ отказывается отъ исполненія обязанностей присяжнаго, по своимъ особымъ религіознымъ убѣжденіямъ».

Алфавитный списокъ.

Лицъ, состоящихъ подъ негласнымъ надзоромъ въ 1 участкѣ Хамовнической Части.

№№ дѣла	Имя, отчество, фамилія и сословіе.	Семейное положеніе.	Имущественное обезпеченіе	Мѣсто постояннаго жительства.	Обстоятельства прошедшей жизни поднадзорнаго и настоящее его занятіе.	Годъ, число и № распоряженія департамента государственной полиціи, по коему учрежденъ надзоръ.	Время выбытія изъ Москвы или прекращеніе надзора.
484.	Левъ Николаевичъ Толстой графъ отставной поручикъ 53 лѣтъ.	Имѣетъ жену Софью Андреевну. Дѣти: Студента Москов. Ун. Сергѣя 19 л. Илью 15 л. восп. въ Поливановской гимназіи. Льва 13 л. Андрея 5 л. Михаила 3 л. Алексѣя 1 г. Татьяну 18 л. Марью 11 л.	Собственный домъ въ Хамовническомъ переулкѣ.	Сего участка въ своемъ домѣ.	Въ настоящее время въ Москвѣ занятій никакихъ не имѣетъ.	Секретное прибавленіе къ приказу по Московской полиціи 28 сентября 1882 г. за № 422, основанное на циркулярѣ Департамента Государственной Полиціи за № 422.	

Приставъ *Давыдовъ.*

2. Запрещенныя сочиненія.

Съ начала 1884 года открывается эра гоненій на «запрещенныя» сочиненія графа Льва Толстого. Первой черной ласточкой этихъ гоненій является письмо начальника Главнаго Управленія по дѣламъ печати к. В. А. Долгорукову отъ 22 февраля 1884 г. Приводимъ характерныя выдержки изъ этого документа:

Библиотека "Руниверс"

«Уже давно въ С.-Петербургѣ носились слухи о томъ, что запрещенная цензурою статья графа Л. Н. Толстого, вошедшая было въ 5-ю книжку журнала «Русская мысль» за 1882 годъ, подъ заглавіемъ: «Вступленіе къ ненапечатанному сочиненію», обращается въ публикѣ въ видѣ гектографированныхъ и списанныхъ экземпляровъ подъ сокращеннымъ заглавіемъ: «Исповѣдь Л. Н. Толстого». Слухи эти нынѣ подтвердились и газетными разоблаченіями. Такъ, напримѣръ, въ № 36 газеты «Новости», отъ 5-го сего февраля, была помѣщена замѣтка, подъ названіемъ: «Какъ дорожатъ писаніями графа Льва Толстого», авторъ коей, г. Лѣсковъ, упоминая о перепечатанномъ столичными газетами, изъ иностраннаго изданія Academy, извѣстіи о томъ, что пятьдесятъ экземпляровъ «Исповѣди графа Толстого» проданы по 25 руб. каждый, заявляетъ, что экземпляры этого сочиненія, воспроизведенныя въ Москвѣ гектографическимъ способомъ, онъ покупалъ въ С.-Петербургѣ гораздо дешевле, чѣмъ по 25 рублей. Далѣе авторъ говоритъ, что несравненно большимъ успѣхомъ чѣмъ «Исповѣдь» пользуется въ С.-Петербургѣ пересказъ графомъ Тостымъ Св. Евангелія (здѣсь, повидимому, надо подразумѣвать запрещенное нынѣ, согласно отзыву духовной цензуры, сочиненіе графа Толстого, напечатанное въ самое послѣднее время, подъ заглавіемъ: «Въ чемъ моя вѣра»). «Мнѣ и очень многимъ другимъ» говорится въ замѣткѣ, «извѣстно, что какъ только въ Петербургѣ былъ полученъ весьма плохой гектографическій оттискъ этого произведенія подъ заглавіемъ: «Евангельское ученіе по изложенію графа Л. Н. Толстого», съ него тотчасъ же начали воспроизводить списки», на которые по словамъ автора, запросъ не прекращался и до сихъ поръ не прекращается. Производящій эти списки каллиграфъ Л. Н. Л—ій, по отзыву г. Лѣскова, почти безошибочно выучилъ весь евангельскій пересказъ Толстого наизусть! Слѣдовательно распространеніе произведенныхъ гектографическимъ и каллиграфическимъ способомъ списковъ запрещенныхъ цензурою мистическихъ сочиненій Л. Н. Толстто, какъ въ С.-Петербургѣ такъ и въ Москвѣ, приняло довольно широкіе размѣры...

Обо всемъ вышеизложенномъ считаю долгомъ своимъ довести до свѣдѣнія вашего сіятельства, на случай если бы вамъ было угодно сдѣлать какія-либо распоряженія по этому предмету, согласно ст. 119 устава о предупрежд. и пресѣченіи преступленій (изд. 1876 г), присовокупляя, что по этому же поводу я снесся уже и съ С.-Петербургскимъ градоначальникомъ»...

Почти немедленно сказалось вліяніе этого письма въ Москвѣ: «по приказанію его сіятельства князя Владиміра Андреевича Долгорукова, было установлено, на основаніи ст. 119 уст. о предуп. и пресѣч. преступленій, изд. 1876 г. *строгое наблюденіе* за необращеніемъ въ продажѣ запрещенныхъ сочиненій графа Льва Толстого: «Исповѣдь» и «Евангельское ученіе»; «въ случаѣ же обнаруженія означеннаго сочиненія» (было отдано распоряженіе) «отбирать и доставлять въ охранное отдѣленіе, сообщивъ въ то же время, у кого таковыя были взяты» *).

Однимъ установленіемъ «строгаго наблюденія», въ данномъ случаѣ, дѣло, конечно, не ограничилось; бдительность московскаго генералъ-

*) (Секретн. прибав. къ приказ. по моск. полиціи. 4-го марта 1884 г., № 33).

Библиотека "Руниверс"

губернатора кн. В. А. Долгорукова, въ направленіи «искорененія крамолы», была неусыпна и даже назойлива по отношенію къ мѣстной полиціи въ требованіи отъ нея «результатовъ» охраннаго усердія.

Какъ увидитъ читатель ниже даже тогдашній московскій оберъ-полицеймейстеръ А. А. Козловъ относился къ этой надоѣдливой шпіонской назойливости пренебрежительно. Но нужно отмѣтить, что подобная генералъ-губернаторская бдительность и неусыпность, такъ можно заключить по нѣкоторымъ документамъ, инспирировалась усердіемъ бывшаго въ ту пору директоромъ департамента полиціи П. Н. Дурново.

Повидимому В. А. Долгорукову хотѣлось блеснуть своимъ охраннымъ рвеніемъ и поднять тоненія не только на «запрещенныя сочиненія графа Льва Толстого», но и на ихъ автора: *14 марта 1884 г.* онъ писалъ А. А. Козлову:

Вслѣдствіе дошедшихъ до меня достовѣрныхъ свѣдѣній, что сочиненія Льва Толстого, запрещенныя для обращенія въ публикѣ, гектографируются имъ самимъ у себя на дому, предлагаю Вашему Превосходительству учредить негласное по этому поводу наблюденіе и о результатахъ онаго мнѣ немедленно донести»...

Несмотря на это «немедленно» оберъ-полицеймейстеръ отвѣтилъ Генералъ-Губернатору на его запросъ ровно черезъ... два года *(8-го марта 1886 года)*, черезъ недѣлю послѣ секретнаго приказа 1-го марта 1886 г. № 33 о снятіи, безъ всякой мотивировки, со Л. Н. «негласнаго надзора полиціи». Между прочимъ, «негласный полицейскій надзоръ» снимался тогда со 130 лицъ, среди которыхъ значилась и фамилія «графа Льва Николаевича Толстого, отставного поручика», окруженная фамиліями діакона Топорлева и фокусника Адольфа Эпштейна, «не бросившихъ вѣкамъ ни мыслью плодовитой, ни геніемъ начатаго труда»...

Но все-таки, не взирая на снятіе «негласнаго надзора полиціи» со Л. Н. «секретное отдѣленіе канцеляріи московскаго генералъ-губернатора» писало *4-го марта 1886 г.* «въ канцелярію г. Московскаго Оберъ-Полицеймейстера за № 865» слѣдующее:

«Канцелярія г. Московскаго Генералъ-Губернатора имѣетъ честь покорнѣйше просить таковую же Московскаго Оберъ-Полицеймейстера ускорить по возможности исполненіемъ предложенія отъ *14 марта 1884 г.* *) за № 962 по дѣлу о сочиненіяхъ гр. Толстого».

Началась, какъ видитъ читатель, вокругъ имени великаго писателя тайная междувѣдомственная пикировка.

А. А. Козловъ отвѣчалъ Генералъ-Губернатору пространнымъ рапортомъ, бросающимъ свѣтъ на дѣятельность Московской «Охранки» по части изъятія «запрещенныхъ» сочиненій Л. Н.

---

*) Вездѣ курсивъ нашъ для удобства сличенія датъ.

Библиотека "Руниверс"

Вотъ этотъ характерный рапортъ, не лишенный, нѣкоторой доли брезгливости умнаго подчиненнаго, полицейскаго невеголѣ, недалекому начальнику, самодержцу въ миніатюрѣ.

«По поводу свѣдѣній, изложенныхъ въ предложеніи В. П-ва, отъ 14 марта 1884 г. № 962, о томъ, что сочиненія графа Льва Толстого, запрещенныя для обращенія въ публикѣ, гектографируются и продаются имъ самимъ, у себя на дому, было установлено строжайшее наблюденіе, которымъ выяснилось слѣдующее: одно изъ сочиненій графа Толстого подъ заглавіемъ: «Такъ что-жъ намъ дѣлать»? было отдано авторомъ для помѣщенія въ журналѣ «Русская Мысль», но вслѣдствіе запрещенія цензурой отгектографировано было въ кружкѣ умершаго инженера Александра Ивановича Александрова, въ квартирѣ Губаревой, извѣстной своимъ краснымъ направленіемъ и распродавалось по 2 руб. за экземпляръ между учащеюся молодежью. Корректура была взята изъ редакціи «Русской Мысли» сотрудникомъ означеннаго журнала, членомъ Географическаго Общества, Александромъ Степановичемъ Прутавинымъ, находящимся по распоряженію Д. П. подъ негласнымъ надзоромъ полиціи вслѣдствіе политической неблагонадежности и сношеній съ сектантами.

Запрещенныя сочиненія гр. Толстого большею частью ходятъ въ рукописяхъ по рукамъ между послѣдователями его ученія и переписываются ими, что, конечно, идетъ весьма медленно, такъ какъ переписка отнимаетъ много времени; литографированныхъ же изданій находится въ обращеніи незначительная часть.

Послѣднее обстоятельство объясняется тѣмъ, что большое количество подобныхъ изданій, только что отлитографированныхъ, было арестовано въ литографіи Киселева 30 апрѣля 1884 года, и самое заведеніе тогда же закрыто. Точно также много взято такихъ изданій у разныхъ лицъ, обысканныхъ и арестованныхъ по дѣлу сказанной литографіи. Самъ же графъ Толстой не гектографируетъ своихъ запрещенныхъ изданій и не продаетъ ихъ у себя на дому.

По полученнымъ свѣдѣніямъ близкимъ своимъ знакомымъ графъ Толстой, между прочимъ, передавалъ что будто бы нѣсколько изъ его запрещенныхъ сочиненій будутъ дозволены къ печатанію для публики, и что ходатайство по этому поводу взяло на себя Общество для распространенія духовно-нравственныхъ книгъ, которое уже и обратилось съ этимъ къ правительству».

Не успѣлъ А. А. Козловъ отослать свой пространный рапортъ, какъ на его имя получился новый запросъ, на этотъ разъ отъ «старшаго инспектора для надзора за типографіями и т. п.»... Теперь дѣло шло о томъ, не «въ кружкѣ ли умершаго инженера Александрова, не въ квартирѣ ли Губаревой, при участіи сотрудника «Русской Мысли» Прутавина, тайнымъ образомъ печаталось «Такъ что-жъ намъ дѣлать?» графа Льва Толстого, книга, на оберткѣ которой, по мнѣнію автора запроса, обозначеніе типографской фирмы — «Общество распространенія полезныхъ книгъ» было сдѣлано съ цѣлью обмана, «ибо сказанное Общество такой

Библиотека "Руниверс"

книги не издавалю и указанной типографіи не существуетъ». На этомъ запросѣ рукой А. А. Козлова сдѣлана небрежная надпись:

«Увѣдомить, что означенная книга печаталась по всей вѣроятности на югѣ».

Весною 1886 г. директоръ департамента полиціи П. Н. Дурново обратился къ А. А. Козлову съ тѣмъ же вопросомъ, на который московскому оберъ-полицеймейстеру пришлось уже отвѣчать В. А. Долгорукову. П. Н. Дурново спрашивалъ, правда ли, «будто бы въ домѣ проживающаго въ Москвѣ графа Льва Толстого устроена тайная типографія для печатанія его тенденціозныхъ произведеній, состоящая въ непосредственномъ управленіи неблагонадежныхъ въ политическомъ отношеніи лицъ *). И на этомъ явно «тенденціозномъ» запросѣ рукой А. А. Козлова была сдѣлана помѣтка:

«Нѣсколько разъ поступали подобныя заявленія, но они не имѣютъ основанія».

Наконецъ, чаша терпѣнія А. А. Козлова переполнилась: 16. мая 1886 г., за № 1270, къ нему поступилъ отъ П. Н. Дурново новый меморандумъ:

«Милостивый Государь Александръ Александровичъ!

Въ Департаментѣ Полиціи получены свѣдѣнія, что въ средѣ лицъ, сочувствующихъ ученію графа Л. Толстого, возникло предположеніе отлитографировать въ теченіе предстоящаго лѣта, въ значительномъ количествѣ экземпляровъ тенденціозныя произведенія этого автора, какъ-то: «Евангеліе», «Исповѣдь», «Въ чемъ моя вѣра», «Что намъ дѣлать?», «Церковь и государство» и «Письма къ Энгельгардту». Изданіе это предназначается къ распространенію въ средѣ слушателей и слушательницъ высшихъ учебныхъ заведеній, между которыми уже производится подписка на оное.

Считая долгомъ сообщить о семъ Вашему Превосходительству для принятія зависящихъ мѣръ, имѣю честь покорнѣйше просить не оставить меня своимъ увѣдомленіемъ о послѣдующемъ».

А. А. Козловъ отвѣтилъ на этотъ меморандумъ не безъ колкой, хотя и корректной по формѣ, откровенности, указавъ на тщету всѣхъ усилій «Охранки» изъять изъ обращенія «запрещенныя» сочиненія «отставного поручика, графа Льва Толстого».

А. А. Козловъ писалъ П. Н. Дурново:

М. Г., Петръ Николаевичъ!

Имѣю честь сообщить В. Пр—ву, что упомянутыя въ отношеніи вашемъ отъ 16 сего мая (за № 1270) сочиненія графа Л. Толстого: «Евангеліе», «Исповѣдь», «Въ чемъ моя вѣра», «Что намъ дѣлать?», Церковь и Государство» и «Письма къ Энгельгардту» настолько распространены между учащеюся молодежью, что едва ли предоставляется надобность въ новомъ изданіи ихъ.

*) Запросъ этотъ былъ напечатанъ въ «Быломъ» 1917 г., № 2.

Библиотека "Руниверс"

Какъ небезызвѣстно В. Пр—ву литографировались эти изданія въ арестованной литографіи Киселева и воспроизводились гектографическимъ способомъ въ закрытой студенческой кухмистерской, доказательствомъ чего служатъ нѣсколько экземпляровъ, найденныхъ при обыскѣ послѣдней, а также и въ Петровской Академіи у многихъ студентовъ подъ видомъ печатанія лекцій.

Къ обнаруженію лицъ, желающихъ заняться подобнымъ изданіемъ мною приняты надлежащія мѣры».

Такой характерной, откровенной отповѣдью А. А. Козлова П. Н. Дурново, отповѣдью, не лишенной нѣкотораго злорадства, Московская «Охранка», въ лицѣ Московскаго Оберъ-Полицеймейстера, признавалась въ собственномъ безсиліи бороться съ распространеніемъ «нелегальныхъ», но безудержно читавшихся тогда русскимъ обществомъ, сочиненій «графа Льва Толстого, отставного поручика».

Съ этого момента можно считать закончившимся острый періодъ гоненій на «политико-религіозныя» произведенія Льва Николаевича.

Годы съ 1886 по 1894-й ничѣмъ не ознаменованы въ Толстовскихъ анналахъ Московской Охранки.

Годы съ 1886 по 1894 ничѣмъ не ознаменованы въ Толстовскихъ анналахъ Московской Охранки.

З. Л. А. Суллержицкій. Кенворти. Наблюденіе за толстовцами.

Съ 1894 до 1897 года тянется преддверіе послѣдняго періода гоненій на толстовскую проповѣдь: «охранныя сферы» заинтересованы были въ это время выясненіемъ степени широты идейнаго толстовства; онѣ занимались или, вѣрнѣе, развлекались уловленіемъ отдѣльныхъ толстовцевъ, перехватываніемъ и перлюстраціей писемъ къ Толстому и отъ него, и отъ членовъ его семьи.

Эта послѣдняя эра открывается перехваченнымъ и перелюстрированнымъ письмомъ Маріи Львовны Толстой. Помѣчено оно такъ:

«Выписка изъ письма Маріи Львовны Толстой, Москва, отъ 2-го сентября 1894 г. къ гр. Толстымъ, ст. Козловка—Засѣка, Московско-Курской ж. д. Ясная Поляна.

Вотъ эта выписка:

«Сегодня у насъ было много посѣтителей: пришелъ Суллеръ *), голодный, возбужденный, восторженный. Разсказывалъ о томъ, какъ онъ провелъ лѣто. Онъ живетъ на берегу Днѣпра, у мужика: за полдня его работы хозяева его кормятъ, утро онъ пишетъ картины, днемъ работаетъ, вечеромъ собираются мужики, бабы, и онъ имъ читаетъ вслухъ книжки «Посредника», по праздникамъ учитъ ребятъ. Все это онъ разсказывалъ съ такимъ увлеченіемъ, съ такой любовью къ своей жизни тамошней, что намъ было очень пріятно съ нимъ. Онъ много разспраши-

*) Леон. Ант. Суллержицкій, бывш. режисс. Художественнаго театра; умеръ въ 1916 г.

Библиотека "Руниверс"

валъ, возмущался на поповъ, властей и т. п. Потомъ пришелъ Дунаевъ, разсказывалъ о томъ, что ему разсказывалъ одинъ молоканинъ, бывшій на Кавказѣ, о Хилковѣ, о Богданскомъ и объ Исидорѣ».

Задушевное и аполитическое письмо это, несмотря на всю свою безобидность по отношенію къ кому бы то ни было, причинило московскимъ охранникамъ много долгихъ хлопотъ. Догадываетесь въ чемъ дѣло, читатель? Нѣтъ. Въ такомъ случаѣ пусть сама «Охранка» дастъ разъясненіе. Вотъ секретный документъ, адресованный изъ Департ. Полиц. на имя и. д. Московскаго Оберъ-Полицеймейстора Власовскаго (увы, А. А. Козлова на этомъ славномъ посту уже не было):

«Департаментъ Полиціи, препровождая при семъ совершенно довѣрительно выписку изъ письма графини Маріи Толстой, имѣетъ честь покорнѣйше просить Ваше Превосходительство не отказать въ распоряженіи о выясненіи личности упоминаемаго въ корреспонденціи Суллера и о послѣдующемъ не оставить увѣдомленіемъ».

На этомъ «отношеніи» сдѣлана карандашемъ разочарованная замѣтка:

«Адреса Суллера нѣтъ и личность его установить не представляется возможнымъ». Въ Адресномъ столѣ «названной фамиліи вовсе не имѣлось», а открыть, кто такой Суллеръ, «Охранкѣ» очень хотѣлось, но слишкомъ 10 лѣтъ она терпѣла полную неудачу въ стремленіи удовлетворить на этотъ счетъ свое любопытство. Только въ 1903 г. помогъ ей въ этомъ случай: было перехвачено агентурнымъ путемъ «письмо графа Сергѣя Толстого къ Павлу Бирюкову, въ Онэ, близъ Женевы для Владиміра Бончъ-Бруевича», давшее ключъ къ загадкѣ, такъ долго мучившей охранку. Письмо это, въ виду его общаго значенія въ смыслѣ матерьяловъ къ исторіи толстовцевъ, приводимъ полностью:

«Сегодня отослалъ вамъ рукописи и матеріалы. Часть, озаглавленная «Въ Виннипегѣ» можетъ быть сильно сокращена. Не имѣю извѣстій отъ Суллержицкаго, но если онъ въ Вильнѣ, я надѣюсь его видѣть около 10 октября, такъ какъ буду тамъ проѣздомъ. Хилкову *) я писалъ о его статьяхъ, онъ хочетъ сдѣлать въ нихъ сокращенія и добавленія. Вамъ удобнѣе всего съ нимъ лично снестись. Статья Бодянскаго (посылаемая мной) по-моему, хороша. У Хилкова, вѣроятно, есть статья Прокопенки, которая имѣетъ значеніе. Не пренебрегите письмами Бирюкова въ «Свободномъ Словѣ» изъ Кипра. Еще могу вамъ прислать дневникъ С. Джона, который онъ велъ, когда былъ на Кавказѣ.

Съ «Знаніемъ» я еще не вошелъ въ сношенія, но думаю это сдѣлать въ видѣ коллективнаго письма отъ Суллера *) и меня къ Горькому. Дѣло за издателемъ, во всякомъ случаѣ, не станетъ.

Думаю, что успѣхъ «сборника» обезпеченъ.

Слышали вы о стачкѣ наборщиковъ въ г. Москвѣ? Треповъ запретилъ хозяевамъ типографій уступить рабочимъ и притрозилъ рабочимъ

*) Тутъ подъ словомъ «Суллера» охранникъ поставилъ вопросительный крючекъ и крестъ. Ужъ не одно ли и то же лицо Суллеръ и Суллержицкій?

Библиотека "Руниверс"

высылкой на родину. Это произвело обратное дѣйствіе. Хозяева немедленно уступили нѣкоторымъ требованіямъ рабочихъ. Это — интересное явленіе, но не слѣдуетъ преувеличивать его значенія. Подъ Шипкой все спокойно, и будетъ еще спокойно многіе годы. Пишите по адресу: Мценскъ, Булгакову, для графа С. Л. Толстого».

Перевертывая страницу послѣ этого письма въ «дѣлѣ» о Л. Н. Толстомъ, находимъ листокъ съ печатной надписью:

«Охранное отдѣленіе проситъ Адресный столъ прислать всѣ листки на фамилію Суллержицій».

Адресный столъ прислалъ такой листокъ, и вотъ тайна, наконецъ, раскрыта:

«Суллержицкій Леопольдъ Антоновъ, 31 г., мѣщ. г. Житомира, зап. рядовой изъ вольноопред. Пушкинскаго резерв. батал. 17-го ноября 903 г. прибылъ съ родины и проживаетъ въ домѣ Градобоевой по Молочному пер., занимается литературой, былъ арестованъ 9-го мая 1902 года въ виду причастности его къ преступному кружку жены врача Лидіи Осиповой Канцель *), а затѣмъ привлекался къ дознанію при Моск. Губ. Жанд. Управ. Установить же точно, знакомъ ли онъ съ семействомъ графа Толстого не представляется возможности». Здѣсь же, попутно, перечислялись лица, жившія въ квартирѣ Суллержицкаго, между прочимъ указывалась «Надежда Ивановна Кричъ — артистка при анатомическомъ театрѣ въ Сокольнической городской больницѣ»...

Но мы, желая познакомить читателя съ характерными пріемами «Охранки» по раскрытію интересовавшихъ ее лицъ, забѣжали впередъ на 10 лѣтъ.

Вернемся къ серединѣ 90-хъ годовъ. Въ это время «Охранка» старалась изъять изъ обращенія «рукописное сочиненіе графа Льва Толстого подъ заглавіемъ «Гоненіе на христіанъ въ Россіи», въ которомъ «тенденціозно описываются мѣры, принимавшіяся мѣстною администраціею по отношенію Кавказскихъ «Духоборовъ».

Въ томъ же 1896 г. въ Департаментѣ Полиціи получены указанія, что «въ Москвѣ у графа Льва Толстого въ настоящее время находится въ гостяхъ пріѣхавшій изъ Англіи журналистъ Кенворти, служащій посредникомъ по помѣщенію произведеній названнаго писателя въ англійскихъ газетахъ».

«Въ виду сего Департаментъ имѣетъ честь покорнѣйше просить Ваше Превосходительство сдѣлать распоряженіе о выясненіи мѣстопребыванія Кенворти и объ учрежденіи за его дѣятельностью и сношеніями негласнаго наблюденія и о послѣдующемъ не оставить увѣдомленіемъ. Директоръ Зволянскій».

---

*) Дѣло транспортировки «Искры». Л. О. Канцель—сестра извѣстнаго с.-д. Ю. Мартова (Цедербаумъ).

Библиотека "Руниверс"

Кенворти въ домѣ Л. Н. не оказалось; его искали по Москвѣ. Была дана «циркулярная телеграмма гг. участковымъ приставамъ отъ 9 февраля 1896 г. за № 114». Но получился *отрицательный* *) отвѣтъ.

Съ 1897 года Департаментъ Полиціи кристаллизуетъ свою точку зрѣнія на толстовскую «крамолу», окончательно «оставляетъ въ сторонѣ самого графа Толстого» и сосредоточиваетъ все свое вниманіе на борьбѣ съ толстовствомъ какъ «религіозно-политической» сектой. Въ этомъ отношеніи, особенно показательна «справка» изъ дѣла № 137, 1897 года.

Департаментъ полиціи, отношеніемъ отъ 21 апрѣля 1897 года, увѣдомлялъ Московскаго Оберъ-Полицеймейстера, что въ борьбѣ съ дѣятельностью послѣдователей ученія графа Толстого, Департаментъ Полиціи, согласно указаніямъ г. Министра Внутреннихъ Дѣлъ, придерживается слѣдующихъ мѣръ:

«Оставляя въ сторонѣ самого графа Толстого, въ виду имѣющихся по сему предмету Высочайшихъ указаній, Департаментъ Полиціи внимательно слѣдитъ за воспроизведеніемъ и распространеніемъ въ Россіи и за границей запрещенныхъ сочиненій Толстого, а также за сношеніями послѣдователей его ученія съ приверженцами различныхъ сектъ, преимущественно духоборцами. При полученіи указаній на скопленіе въ рукахъ кого-либо изъ толстовцевъ обширнаго литературнаго матеріала, предназначаемаго къ отправленію для напечатанія за границу, или для распространенія среди сектантовъ, Департаментъ Полиціи, въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ, дѣлаетъ соотвѣтствующее распоряженіе о производствѣ у такихъ лицъ выемки накопленнаго матеріала и о конфискаціи онаго. Лица, замѣченныя въ особо ревностной агитаціи и въ непосредственныхъ сношеніяхъ съ сектантами, подчиняются, по распоряженію Департамента, въ теченіе нѣкотораго времени, секретному наблюденію и затѣмъ подвергаются, при удобномъ случаѣ, обыску, и дѣло о такихъ лицахъ докладывается Особому Совѣщанію, по постановленію котораго они высылаются подъ надзоръ полиціи въ такія мѣстности, гдѣ возможность дальнѣйшей пропаганды обставлена болѣе или менѣе серьезными затрудненіями или недостаткомъ благопріятной почвы».

4. Періодъ работы надъ «Воскресеніемъ» Л. Н. Толстой и В. А. Маклаковъ.

Хотя Департаментъ Полиціи и «оставлялъ въ сторонѣ самого графа Толстого», но и въ этотъ періодъ онъ не спускалъ съ него своего бдительнаго ока.

19 іюля 1897 г. все тотъ же Департаментъ обращался къ С. В. Зубатову со слѣдующей просьбой:

«По приказанію г-на и. д. Вице-Директора **) Департамента Полиціи имѣю честь покорнѣйше просить Васъ, Милостивый Государь, не отказать

*) Курсивъ подлинника.

**) Н. П. Зволъ.

Библиотека "Руниверс"

увѣдомить меня, по возможности въ непродолжительномъ времени, гдѣ именно, по свѣдѣніямъ Московскаго Охраннаго Отдѣленія, находится въ настоящее время Графъ Левъ Николаевичъ Толстой».

Зубатовъ очень предупредительно и немедленно отвѣчалъ на этотъ запросъ, извѣщая, что «Графъ Л. Н. Толстой въ началѣ текущаго мѣсяца находился въ своемъ имѣніи, Ясная Поляна, гдѣ былъ занятъ обработкой одного изъ своихъ новыхъ произведеній».

Очевидно, дѣло шло о «Воскресенье», надъ которымъ въ ту пору работалъ Л. Н., изучая вмѣстѣ съ тѣмъ тюремный бытъ, правила тюремной инспекціи, тюремные законы и практику.

Этотъ интересъ Л. Н. къ тюремной жизни не остался неизвѣстнымъ Департаменту Полиціи, своеобразно преломившись сквозь полицейскую наблюдательную призму, что видно изъ департаментскаго отношенія на имя Московскаго Оберъ-Полицеймейстера и перлюстрированныхъ писемъ ко Льву Николаевичу В. А. Маклакова.

Вотъ это «отношеніе» отъ 6-го октября 1898 года:

«Въ Департаментѣ Полиціи получены указанія, что писатель Графъ Левъ Николаевичъ Толстой въ настоящее время озабоченъ установленіемъ, черезъ посредство своихъ почитателей и послѣдователей его ученія, ближайшихъ съ тюремнымъ населеніемъ отношеній, съ цѣлью возможно широкаго затѣмъ распространенія этого ученія среди арестантовъ, какъ содержащихся въ тюрьмахъ, такъ и въ особенности, отбывающихъ наказаніе въ ссылкѣ и на каторгѣ. Въ этихъ видахъ нѣкоторыми изъ толстовцевъ принимаются нынѣ мѣры къ сближенію съ тюремнымъ начальствомъ и лицами тюремной инспекціи, для полученія симъ путемъ возможности проникновенія въ мѣста заключенія, для свиданія съ арестантами, сопровожденія ихъ въ пути при пересылкѣ въ Сибирь, въ качествѣ фельдшерицъ и т. п.; при чемъ въ случаѣ успѣха, повидимому, предполагается поссылить въ ближайшемъ сосѣдствѣ съ каторжными острогами нѣкоторыхъ лицъ, которыя принимали бы на себя сперва исполненіе порученій и разныхъ ходатайствъ заключенныхъ и, заслуживъ такимъ образомъ ихъ довѣріе, могли бы затѣмъ съ надеждою на успѣхъ приступить къ распространенію между ними толстовскаго ученія. Въ настоящее время дѣлаются уже первыя въ этомъ смыслѣ попытки, при чемъ преимущественно вниманіе Графа Толстого и его единомышленниковъ обращено въ мѣста заключенія города Москвы и Сибирскій ссыльный трактъ.

Сообщая объ изложенномъ и препровождая при семъ копіи двухъ полученныхъ агентурнымъ путемъ писемъ извѣстнаго Вашему Высокородію бывшаго студента Московскаго Университета Василія Алексѣева Маклакова (отношеніе Департамента Полиціи отъ 28 сентября 1895 года за № 7875—1706), Департаментъ Полиціи имѣетъ честь покорнѣйше просить Ваше Высокородіе приказать обратить особое вниманіе, на происки Маклакова и на сношенія его съ чинами судебнаго вѣдомства и тюремной инспекціи, и о послѣдующемъ не оставить увѣдомленіемъ».

Въ чемъ заключались «происки Маклакова», вызвавшіе, между

Библиотека "Руниверс"

прочимъ, благодарность и радость у Л. Н? Разскажемъ объ этихъ проискахъ подлинными словами самого автора *).

«Простите, что я опоздалъ съ тѣми справками, которыя вы мнѣ поручили. Я надѣялся все найти кого-либо, кто бы могъ мнѣ дать болѣе подробныя свѣдѣнія, чѣмъ тѣ, которыя теперь сообщаю. Впрочемъ, я послалъ одно письмо въ Сибирь, откуда мнѣ должны все хорошенько написать и кромѣ того въ сентябрѣ у васъ будетъ Давыдовъ, который говоритъ, что многое знаетъ самъ, объ остальномъ же распроситъ теперешняго тюремнаго инспектора.

Но вотъ нѣкоторыя краткія свѣдѣнія, которыя, быть можетъ, вамъ пригодятся:

1) Осужденная на каторгу, для отправленія туда, можетъ быть служащей въ лазаретѣ, сидѣлкой или вѣрнѣе помощницей фельдшерицы. Она не будетъ выпускаться на свободу, но все же внутри лазарета будетъ на положеніи служащей. Дѣлается это не по закону, а въ силу тюремной практики, но дѣлается постоянно.

2) Мужъ или жена, которые слѣдуютъ въ Сибирь за осужденнымъ на каторгу, идутъ отдѣльно отъ партіи, на свой счетъ, въ своихъ костюмахъ. Но они могутъ просить внести себя въ списки отправляемыхъ и тогда (все на свой счетъ) слѣдуютъ при партіи, какъ бы на положеніи начальства и конвойныхъ. Въ случаѣ болѣзни на дорогѣ они имѣютъ право безплатно лѣчиться въ тюремныхъ больницахъ. (Послѣднее свѣдѣніе не вполнѣ достовѣрно). Когда изъ Нижняго сажаютъ арестованныхъ на баржу, то эта баржа считается какъ бы острогомъ, и спутники ѣдутъ не на ней, а на буксирномъ пароходѣ. Но на практикѣ выходитъ, что конвойное начальство часто разрѣшаетъ имъ переходить на баржу, видѣться и разговаривать съ арестованными. Вообще, практика очень расширила законъ, и конвойные разрѣшаютъ почти все, что не грозитъ бѣгствомъ арестанта.

3) Жениться на каторжной можно, подавъ о томъ просьбу въ ссыльный приказъ. Во все время каторги, пока она не смѣнится поселеніемъ, свободный супругъ долженъ жить отдѣльно.

4) Трудно перечислить все то, что можетъ сдѣлать образованный и добрый человѣкъ для каторжныхъ. Надо только знать, что власть каторжнаго начальства очень широка, и что они въ общемъ люди не злые: они боятся только, чтобы арестантъ не убѣжалъ, но охотно допускаютъ все то, что можетъ облегчить его положеніе. Поэтому прежде всего можно оказывать вліяніе на это начальство, отъ котораго зависятъ всѣ подробности жизни. Затѣмъ можно получить разрѣшеніе часто бывать въ острогѣ, видѣться со всѣми и слѣдовательно быть исполнителемъ всѣхъ порученій, всѣхъ просьбъ каторжныхъ, отрѣзанныхъ отъ міра и родины. Объ этой сторонѣ возможной дѣятельности я просилъ мнѣ написать изъ Сибири одного человѣка, который самъ находится какъ разъ въ такомъ положеніи.

Боюсь я, что всего этого слишкомъ мало, но Давыдовъ говоритъ, что онъ знакомъ съ этимъ вопросомъ и все самъ разскажетъ».

Приведемъ цѣликомъ, какъ дополненіе къ первому письму, аген-

*) Копія съ полученнаго агентурнымъ путемъ перваго письма В. А. Маклакова, отъ 15 сентября 1898 года, къ графу Льву Николаевичу Толстому, въ Ясную Поляну.

Библиотека "Руниверс"

турную выписку второго письма В. А. Маклакова отъ 23 сентябр 1898 г. тому же адресату въ Ясную Поляну:

«У меня есть для васъ десять тысячъ рублей, я не знаю, что с ними сейчасъ дѣлать: я спрашивалъ сегодня Софью Андреевну, и он велѣла спросить васъ. По части книгъ, я былъ у Сытина, и онъ обѣщал мнѣ тотчасъ выслать и Мельшина, и Ядринцева; я ужасно удивил сегодня, когда узналъ отъ Софьи Андреевны, что вы никакихъ книг не получили. Сегодня я только вернулся изъ Меленокъ, завтра ѣду в Тамбовъ, а 29 буду въ Переяславлѣ».

При этихъ двухъ письмахъ «Охранка» прилагала и перлюстрир ванный отвѣтъ на нихъ Л. Н. Вотъ онъ:

«Очень порадовали меня хорошимъ извѣстіемъ. Деньги переведи въ Тульское Отдѣленіе Международнаго Банка. Скажите Дунаеву. К жертвователь? Хотѣлось поблагодарить его. Книги я получилъ. Послал къ вамъ клієнта. Мишѣ далъ бумажку. Хорошо бы защитить и облича заводъ».

«Кто жертвователь»? Этотъ вопросъ заинтересовалъ также и Депа таментъ Полиціи, и онъ покорнѣйше просилъ Московское охранное о дѣленіе «принять мѣры къ выясненію пожертвовавшаго при посредств Маклакова 10.000 рублей» (10 октября 1898 г. за № 1709).

Въ этотъ же день, со своей обычной пунктуальностью Зубатов увѣдомлялъ начальство, что «лицо, представившее черезъ посредст помощника присяжнаго повѣреннаго Василія Алексѣева Маклакова, р распоряженіе графа Льва Николаевича Толстого 10.000 рублей, выясни до сего времени не представилось возможнымъ». Такъ оно и осталось н всегда невыясненнымъ для Зубатова.

«Въ дополненіе» къ приведеннымъ уже двумъ перлюстрированнымъ письмамъ, В. А. Маклакова ко Л. Н. «Департаментъ Полиціи имѣл честь препроводить на имя Московскаго Оберъ-Полицеймейстера коп съ полученнаго агентурнымъ путемъ письма отъ Василія Алексѣев Маклакова къ Татьянѣ Львовнѣ Толстой, въ Ясную Поляну, отъ 21 но бря 1898 года». Вотъ это письмо, имѣющее непосредственное отношен ко Л. Н.:

«Я вамъ пишу по очень спѣшному, хотя можетъ быть и не очен важному дѣлу. Когда я въ послѣдній разъ былъ у васъ, Левъ Никола вичъ обѣщалъ поговорить съ тѣми рабочими Гилевскаго завода, котор были осуждены за стачку и узнать, не пожелаютъ ли они подать апел ціонную жалобу. По правдѣ сказать, мнѣ очень хотѣлось, чтобы они э жалобу подали; хотя наказаніе имъ и небольшое, но очень важно и с юридической стороны интересно довести до высшихъ инстанцій дѣло об артеляхъ *). Поэтому слѣдовало бы спросить не о томъ, желаютъ ли он жаловаться, а лишь о томъ, не согласны ли они пожаловаться; они н чѣмъ не рискуютъ, никуда не обязаны являться, и все сдѣлается бе-

*) Дѣло идетъ о крупной стачкѣ на Меленковской мануфактурѣ.

Библиотека "Руниверс"

нихъ. Только, если они согласятся, то въ виду того, что срокъ истекаетъ 30-го, и что они во всякомъ случаѣ не успѣютъ достать и выслать мнѣ копію съ приговора, пускай они отъ себя подадутъ шаблонную жалобу».

5. К. А. Михайловъ. Крестьянинъ А. Н. Соколовъ. А. Новиковъ.

Одновременно съ перлюстраціей письмомъ В. А. Маклакова «Охранка» перехватила письмо нѣкоего К. А. Михайлова, характерное для тогдашняго «толстовца», письмо ученика къ Учителю:

«Вы для меня дороги», писалъ упомянутый К. А. Михайловъ *) Л. Н., «потому, что поддерживали меня, уяснили меня, и заставили стать на твердую почву, и помогли мнѣ въ исканіи Бога любви, а не мщенія. Съ вами я связалъ себя духовно, переживая то, что вы переживали. Я радъ, что мнѣ пришлось прочитывать ваши книги уже послѣ той муки душевной, которая ставила вопросъ за вопросомъ и требовала рѣшенія и суммированія ихъ. И какое я испытывалъ счастье, какъ наполнялась душа, когда въ вашей книгѣ находилъ подтвержденіе и сочувствіе, а главное дальнѣйшую разработку и уясненіе. И я, читая, вѣрилъ въ истинность вашихъ выводовъ, и вѣра эта утверждалась. Путь, указанный вами, истиненъ, уже по одному тому, что начавъ итти по немъ—желанья нѣтъ вернуться»...

Интересно сопоставить эту выписку съ другимъ перлюстрированнымъ письмомъ ко Л. Н., письмомъ, дорисовывающемъ образъ толстовца того времени, т.-е., конца 90-хъ, начала 900-хъ годовъ; надъ этой послѣдней выпиской авторъ которой А. Н. Соколовъ крестьянинъ, поставлявшій мѣшки на мельницу, задумался охранникъ и свои думы, какъ мы упомянули въ началѣ нашей статьи, выразилъ по-онѣгински:

То краткимъ словомъ, то крестомъ,
То вопросительнымъ крючкомъ.

Приводимъ эту агентурную выписку и укажемъ мѣсто, обратившее на себя вниманіе охранника; вотъ эта выписка:

«Изъ всѣхъ полученныхъ мною отъ васъ книгъ въ Ясной Полянѣ, мнѣ больше всего понравилась книга объ обязанностяхъ человѣка, а главное то, что у всѣхъ людей должна быть одна религія это совершенствованіе человѣка.

Разсвѣтъ великаго дня приближается, но намъ не суждено въ нашей жизни встрѣтить блестящій восходъ солнца правды. Зло суевѣрія будетъ убито свѣтомъ разума. Но пока вопросъ о загробной жизни не рѣшенъ, справедливо ли требовать отъ людей самоотверженія»...

Надъ словами: «не рѣшенъ» охранникъ поставилъ косой крестъ и вопросительный знакъ и сдѣлалъ сноску, спрашивая и недоумѣвая:

*) Учитель средне-учебнаго заведенія, какъ выяснила охранка.

Библиотека "Руниверс"

«Кто же его рѣшитъ?». Какъ типиченъ этотъ «вопросительный крючекъ» для психологіи «сознательнаго», скучающаго охранника. Сколько здѣсь увѣренности въ собственномъ умственномъ превосходствѣ и въ то же время самоизвиненія! Вѣдь пока «не рѣшенъ» этотъ вопросъ, вполнѣ можно быть охранникомъ...

Заканчивая серію перлюстрированныхъ писемъ въ Ясную Поляну отъ лицъ, стоявшихъ на периферіи толстовства, приведемъ двѣ «полученныя агентурнымъ путемъ выписки», авторомъ которыхъ является нѣкій А. Новиковъ, пользовавшійся гостепріимствомъ Льва Николаевича и его пустомъ въ ту пору, въ августѣ 1896 года, хамовническомъ домѣ. Очень ужъ заинтересовало охранниковъ первое изъ этихъ писемъ отъ 10 августа 1896 года, адресованное къ графинѣ Софьѣ Андреевнѣ. Приведемъ его кстати, чтобы читатель нагляднѣе могъ представить себѣ характерныя, траги-комическія хлопоты московской «охранки», продолжавшіяся ровно 6 лѣтъ, въ погонѣ за злополучнымъ А. Новиковымъ вплоть до его второго письма отъ 14 февраля 1904 года» ко Льву Николаевичу. Вотъ эта первая «выписка»:

«Мы уже поселились въ вашемъ домѣ, въ комнатѣ Маріи Львовны, а занимаемся въ гостиной. Заниматься намъ очень хорошо: тихо, просторно, и никто, и ничего не мѣшаетъ. Впрочемъ послѣднее я могу сказать только о себѣ, потому что бѣднаго Петю постоянно отзываютъ къ больному Василію Васильевичу. Петя просилъ меня передать его благодарность за позволеніе жить у васъ».

«Въ нашемъ Университетѣ творятся вопіющія безобразія. По распоряженію Делянова съ 3, 4 и 5 (нашего) курса медицинскаго факультета исключено за Захарьина 91 студентъ безъ права поступленія куда-либо. Хуже всего положеніе нашихъ товарищей: имъ дали кончать курсъ и не допустили до экзамена, отнявъ право на врачебный трудъ, которое они уже заслужили. Имъ запрещено поступать куда-либо въ учебное заведеніе и на службу и запретили уѣхать за границу. Положеніе тяжелое: пропало 5 лѣтъ труда, и большая часть изъ нихъ должна итти въ солдаты. Такихъ у насъ внесено въ списокъ 23 человѣка, въ томъ числѣ многіе совершенно невинно, совсѣмъ не принимали участія въ агитаціи. Между прочимъ, передайте Льву Николаевичу, что въ спискѣ значится и его знакомый—Успенскій».

Перехвативъ это письмо, охранники бросились искать крамольника. но въ домѣ Л. Н. въ Хамовникахъ его не оказалось. Пошли догадки. предположенія, тянувшіяся безрезультатно до 14 февраля 1904 года. когда было перехвачено другое письмо неуловимаго крамольника на этотъ разъ уже къ самому Л. Н. Вотъ эта вторая «выписка»:

«Толпы дикарей собирались по улицамъ Москвы для того, чтобы прокричать глупо-восторженно «ура» и этимъ крикомъ «ура-а-а» выразить свои неразумныя, якобы вѣрноподданическія чувства своимъ пра-

Библиотека "Руниверс"

вителямъ и руководителямъ, волей которыхъ они же съ замираніемъ сердца подневольно пойдутъ на убійство и грабежи своихъ собратій по творенію, забывая великій завѣтъ Христа «Любить враговъ своихъ».

По-моему, пока на свѣтѣ будутъ существовать и баринъ дармоѣдъ, и рабъ труженикъ, а не простой разумный человѣкъ до тѣхъ поръ будутъ у людей происходить и войны, и грабежи, и взаимныя убійства.

Какъ на васъ дѣйствуетъ Дальне-восточная людская грызня? На меня эта вражда людей сильно повліяла, и я теперь сталъ сомнѣваться въ томъ, что людскіе законники и правители заботятся о благосостояніи своихъ подданныхъ и ведутъ ихъ къ познанію божеской истины».

На настойчивыя требованія Департамента Полиціи выяснить, наконецъ, скрывающагося крамольника, Охранное Отдѣленіе отвѣчало совершенно-секретно (3-го марта 1904 года, за № 2211):

«Вслѣдствіе предложенія отъ 18 минувшаго февраля за № 2053, имѣю честь представить Вашему Превосходительству, что авторомъ писемъ изъ Москвы, отъ 10 августа 1896 года, къ графинѣ Софьѣ Андреевнѣ Толстой, на станцію Козловка-Засѣка, Московско-Курской желѣзной дороги и отъ 14 февраля настоящаго года, къ графу Льву Толстому, въ Ясную Поляну, могъ быть привлекавшійся въ 1896 г. къ дознанію, при Тульскомъ Губ. Жан. Управ., крестьянинъ Тульской губ. и уѣзда, Лаптевской вол., села Боровкова, Андріанъ Петровъ Новиковъ, 34 лѣтъ, при производствѣ обыска у коего были обнаружены запрещенныя сочиненія гр. Льва Толстого: «Царство Божіе внутри насъ», «Какова моя жизнь», и рукопись, въ которой говорится о противорѣчіи военной службы съ Евангельскимъ ученіемъ».

«Къ изложенному считаю долгомъ присовокупить, что по провѣркѣ, за 1896 и послѣдующіе годы, домовой книги по дому гр. Толстого, въ Хамовническомъ пер., лица, съ фамиліей «Новиковъ», въ прописке не значится».

«Въ настоящее время, съ 10 августа 1900 года, помянутый Новиковъ Андріанъ проживаетъ въ д. кн. Волконскаго, по Страстному бульвару, состоя при домовладѣльцѣ, въ должности лакея. Подполковникъ Ратко».

Нахожденіемъ крамольника-толстовца въ лицѣ лакея одного изъ кн. Волконскихъ Департаментъ Полиціи не удовлетворился и 15-го марта 1904 года послалъ назиданіе «Охранкѣ»:

«Вслѣдствіе представленія отъ 3 сего марта за № 2211, Департаментъ Полиціи считаетъ необходимымъ увѣдомить Ваше Высокоблагородіе, что въ 1895—96 академическомъ году, въ числѣ студентовъ послѣдняго курса медицинскаго факультета Московскаго Университета состоялъ кандидатъ математическихъ наукъ изъ Тульскихъ мѣщанъ Алексѣй Митрофановъ Новиковъ, который и можетъ являться авторомъ препровожденныхъ къ Вамъ при запискѣ отъ 18-го минувшаго февраля, за № 2053, писемъ отъ 10 августа 1896 и 14 февраля 1904 года, тѣмъ

Библиотека "Руниверс"

болѣе, что судя по заключающимся въ первомъ письмѣ даннымъ, авторъ его долженъ быть, несомнѣнно, студентомъ Московскаго Университета.

Въ виду сего Департаментъ Полиціи проситъ Ваше Высокоблагородіе выяснить, не проживалъ ли въ минувшемъ февралѣ въ гор. Москвѣ вышеупомянутый Алексѣй Митрофановъ Новиковъ, а также не находился ли въ столицѣ, около того же времени, Бакинскій Городской Голова, статскій совѣтникъ Александръ Ивановъ Новиковъ, и въ утвердительномъ случаѣ, не является ли кто-либо изъ названныхъ лицъ авторомъ письма отъ 14 минувшаго февраля.

О послѣдующемъ Департаментъ будетъ ожидать Вашего представленія».

Итакъ въ Департаментѣ Полиціи имѣлось три кандидата на авторство приведенныхъ выше писемъ: лакей въ домѣ одного изъ кн. Волконскихъ, бакинскій городской голова въ чинѣ статскаго совѣтника и ученый докторъ.

Который же изъ нихъ троихъ—истинный крамольникъ?

Бакинскій городской голова, по словамъ «Охранки», никогда не жилъ въ Москвѣ и, «по дѣламъ политическимъ не значится». Сколько же «Новиковыхъ» пришлось проштудировать Департаменту Полиціи, чтобы докопаться даже до провинціальнаго городского головы, никогда не жившаго въ Москвѣ и въ «политику» не замѣшаннаго.

Насчетъ же Новикова, состоявшаго въ свое время студентомъ Московскаго Университета «Охранка» дѣлала уступку Департаменту: соглашалась съ нимъ, что авторомъ крамольныхъ писемъ ко Л. Н. могъ быть этотъ Новиковъ, но она ни за что не хотѣла признать, что онъ въ 1896 г., лѣтомъ, нашелъ себѣ пристанище въ Хамовническомъ домѣ Толстого. Оказалось, что «Алексѣй Митрофановъ Новиковъ» авторъ злополучныхъ писемъ, состоялъ въ 1904 г. на службѣ въ Московской Гинекологической Клиникѣ. Весь длинный списокъ служебнаго персонала названной клиники прилагался къ «дѣлу», упоминалось даже и о томъ, что у Алексѣя Митрофановича Новикова имѣлась теща.

6. Судьба еженедѣльника «Утро».

Въ концѣ 1900 г. московская «Охранка» въ союзѣ съ Департаментомъ Полиціи были заняты «пресѣченіемъ» попытки толстовцевъ издавать свой еженедѣльный литературный органъ, въ которомъ главнымъ сотрудникомъ долженъ былъ явиться Левъ Николаевичъ.

Приведемъ копію съ «записки для памяти», которую Департаментъ Полиціи пересылалъ въ Москву «на заключеніе».

«Главное Управленіе по дѣламъ печати отъ 25 сентября 1900 года за № 6948 сообщило, что потомственный дворянинъ Коллежскій Секретарь Александръ Коншинъ ходатайствуетъ о разрѣшеніи ему издавать въ г. Москвѣ, съ дозволенія предварительной цензуры подъ редакторствомъ приватъ-доцента Императорскаго Московскаго Университета Митрофана Довнаръ-Запольскаго еженедѣльный иллюстрированный, литературно-

Библиотека "Руниверс"

политическій и научный журналъ подъ названіемъ «Утро». Вслѣдствіе сего Главное Управленіе по дѣламъ печати проситъ Департаментъ Полиціи сообщить имѣющіяся въ Департаментѣ свѣдѣнія о личности просителя и присовокупляетъ, что по поводу изложеннаго ходатайства вмѣстѣ съ тѣмъ сдѣлало сношеніе съ его Императорскимъ Высочествомъ Московскимъ Генералъ-Губернаторомъ.

По сему обязываюсь доложить Вашему Превосходительству слѣдующее:

Въ мартѣ текущаго года въ Департаментѣ Полиціи получена была выписка изъ письма А. Коншина на имя Хиріаковой, въ которомъ онъ сообщалъ, что П. А. Буланже замышляетъ издательство еженедѣльной газеты и его, Коншина, склоняетъ присоединиться къ этому дѣлу...

Въ маѣ самъ Буланже писалъ въ Мальдонъ на имя Василія Баранова (т.-е. Бурцевъ): «Теперь затѣяли изданіе, которое должно выходить раза три въ мѣсяцъ, и я готовлю нумеръ, долженствующій выйти въ августѣ. Хлопочу объ изданіи еженедѣльной газеты, но это трудно оказывается».

Въ другомъ письмѣ къ Русанову Буланже сообщалъ: «Вчера у насъ было засѣданіе дружеское, и мы рѣшили издавать газету еженедѣльно. теперь же идемъ покупать и можетъ быть въ іюнѣ мнѣ удастся послать вамъ первый нумеръ».

Въ письмѣ къ Рапопорту отъ 7-го іюня Буланже сообщалъ, что дѣло по поводу еженедѣльной газеты налаживается и въ теченіе 3—4 недѣль удастся пожалуй побороть всѣ формальности. При этомъ Буланже предлагалъ Рапопорту быть сотрудникомъ затѣваемаго изданія.

Вслѣдъ за тѣмъ Буланже въ письмѣ на имя Князя Хилкова сообщалъ также, что «съ нѣкоторыми» единомышленниками предполагаетъ издавать еженедѣльную газету на кооперативныхъ началахъ, чтобы прибылью отъ изданія пользовались всѣ сотрудники. При чемъ предлагалъ и ему вступить въ число сотрудниковъ.

6-го іюня Буланже писалъ Князю Николаю Оболенскому слѣдующее: «Сейчасъ у насъ возникло затрудненіе по поводу редактора газеты, о которой я Вамъ говорилъ и въ которой, я надѣялся, Вы примете участіе. То лицо, которое согласилось быть редакторомъ, почему-то не является, а между тѣмъ, если сейчасъ же не состоится, дѣлу грозитъ опасность затянуться на долгое время, если не совсѣмъ пропасть. Мнѣ пришло на мысль, не можете ли Вы утвердиться редакторомъ. Для этого необходима благонадежность и личныя связи съ кн. Шаховскимъ, теперешнимъ начальникомъ по дѣламъ печати. Необходимо, чтобы была полная увѣренность, что васъ утвердятъ и при томъ утвердятъ въ сравнительно короткій промежутокъ времени, напримѣръ, недѣли въ двѣ. Если противъ васъ не будетъ ни Шаховской, ни Истоминъ (въ Москвѣ), то было бы въ высшей степени важно, чтобы вы утвердились редакторомъ. Разумѣется, пришлось бы въ такомъ случаѣ, съѣздить въ Петербургъ, лично похлопотать, но затѣмъ вы не были бы лично прикованы къ Москвѣ, а могли бы работать и жить, гдѣ угодно; все бы зависѣло отъ вашего товарищескаго согласія.

Предложеніе это не было однако принято Оболенскимъ.

Въ письмѣ къ Аннѣ Шараповой, проживающей въ Швейцаріи, Буланже сообщилъ: «У насъ здѣсь должно осуществиться одно литературное предпріятіе, и я хотѣлъ просить васъ дѣлать кое-когда подборъ интерес-

Библиотека "Руниверс"

ныхъ статей изъ жизни швейцарскаго народа по швейцарскимъ газетамъ, по возможности въ томъ духѣ человѣчности, которымъ вы обладаете и присылать эти вырѣзки мнѣ». При этомъ авторъ добавляетъ, что проектируемое литературное предпріятіе осуществится не ранѣе сентября.

5-го іюля Буланже увѣдомлялъ Русанова: «Нашъ журналъ застрялъ; вся бѣда съ редакторомъ; все выходятъ неожиданныя затрудненія».

Упомянутый выше Коншинъ въ письмѣ отъ 28 іюня спрашивалъ Буланже о Довнарѣ и когда можно съ нимъ увидаться; затѣмъ 3-го августа уже отказался отъ этого свиданія, поясняя эту перемѣну тѣмъ, что вслѣдствіе ли долгихъ ожиданій или по другимъ причинамъ почувствовалъ сильное охлажденіе къ дѣлу. «Мнѣ, кажется», добавляетъ онъ, «что газетная конкуренція слишкомъ велика, и есть органы съ хорошимъ направленіемъ и болѣе доступной цѣной. Относительно себя я еще болѣе убѣдился, что не буду въ состояніи посвящать много времени и какихъ-либо работъ.

Въ письмѣ отъ 20 августа къ Русанову Буланже сообщалъ: «Сегодня ѣду ко Л. Н. (т.-е. Толстому) и на дняхъ заключаемъ контрактъ на литературное предпріятіе». Затѣмъ 3-го октября Буланже писалъ высланному изъ Россіи за сношенія съ толстовцами и провозъ въ Россію его запрещенныхъ изданій доктору Душану-Маковецкому: «Здѣсь затѣвается интересная газета, которую хотятъ вести очень хорошо и въ которой очень заинтересованъ Л. Н. (Толстой). Затѣмъ 5-го октября Буланже сообщалъ Шараповой о своемъ посѣщеніи Толстого и сочиняемыхъ имъ статьяхъ, добавляя: «Я думаю, если бы наше литературное предпріятіе удалось, Цецилія Владиміровна (Виннеръ сожительница князя Дмитрія Хилкова) была бы очень для него полезной. Того же числа Буланже, сообщая Русанову о пребываніи у Толстого, закончилъ свое письмо слѣдующею фразою: «Много говорили о новомъ литературномъ предпріятіи. Л. Н. ему очень радуется, волнуется за него и говоритъ, что это дастъ ему возможность писать для каждаго нумера новое художественное произведеніе. А я положительно млѣю при этомъ отъ восторга».

Сопоставляя изложенныя свѣдѣнія, нельзя не притти къ заключенію, что проектируемая еженедѣльная газета «Утро» есть именно то еженедѣльное изданіе, о которомъ хлопоталъ Буланже, и что Коншинъ и Довнаръ-Запольскій являются лишь подставными лицами, подъ фирмою которыхъ онъ будетъ выходить: закулиснымъ же редакторомъ газеты будетъ Буланже, а главными сотрудниками графъ Левъ Толстой и его послѣдователи, какъ то: князь Хилковъ и Цицилія Виннеръ, Маковецкій Шарапова и т. п. личности, болѣе или менѣе сомнительной благонадежности.

Кандидатъ Харьковскаго Университета Павелъ Александровъ Буланже, послѣдователь ученія графа Толстого, за участіе въ агитаціи среди кавказскихъ духоборовъ, подлежалъ высылкѣ въ одну изъ Прибалтійскихъ губерній подъ надзоръ полиціи, но по распоряженію Министра Внутреннихъ дѣлъ, мѣра эта замѣнена была разрѣшеніемъ ему выѣхать за границу, съ условіемъ не возвращаться въ Россію безъ особаго на это разрѣшенія. Вслѣдствіе сего въ сентябрѣ 1897 года Буланже выѣхалъ за границу, а въ ноябрѣ 1899 года, вслѣдствіе его ходатайства, господиномъ министромъ разрѣшено было ему вернуться въ Имперію, при чемъ Буланже далъ письменное обязательство въ томъ, что будетъ совершенно

Библиотека "Руниверс"

воздерживаться отъ всякихъ сношеній съ графомъ Львомъ Толстымъ и его единомышленниками на почвѣ принятія на себя какихъ бы то ни было порученій по сектантскимъ дѣламъ, а равно воспроизведенія всѣми способами воспрещенныхъ къ обращенію сочиненій названнаго писателя.

Вслѣдъ затѣмъ былъ полученъ рядъ агентурныхъ указаній, свидѣтельствующихъ, что Буланже продолжаетъ принимать участіе въ положеніи духоборовъ, а также въ издательствѣ произведеній Толстого и Черткова, состоитъ въ сношеніяхъ съ нѣкоторыми эмигрантами, при чемъ, предполагалъ ѣхать нынѣшней весной за границу, намѣревается увидѣться съ эмигрантами: Кропоткинымъ и Чайковскимъ. Кромѣ того минувшимъ лѣтомъ Буланже далъ у себя тайный пріютъ самовольно прибывшему изъ-за границы Артуру Сенъ-Джону, который былъ высланъ безвозвратно изъ Россіи за агитацію въ средѣ духоборовъ. Вслѣдствіе сего Департаментъ Полиціи предложилъ Московскому Оберъ-Полицеймейстеру предупредить словесно Буланже, что если онъ не прекратитъ безусловно всякаго участія въ дѣлахъ сектантовъ и дѣятельности единомышленниковъ Толстого, то вновь подвергнется удаленію за границу.

Чиновникъ Особыхъ Порученій Ратаевъ».

11 октября 1900 г.

Московскій Генералъ-Губернаторъ положилъ свою резолюцію на приведенную выше копію съ «записки для памяти» Департамента Полиціи, и эта резолюція была: «высказаться отрицательно». И всѣ надежды и хлопоты Буланже оказались тщетными...

7. Годъ отлученія отъ церкви. Преждевременныя похороны.

Слѣдующій 1901 годъ былъ годомъ отлученія Л. Н. отъ церкви. Въ лѣтописи Московской «Охранки» сохранился колоритный документъ, указывающій, какъ русское общество отнеслось въ Петербургѣ къ этому отлученію.

Секретный циркуляръ Департамента Полиціи отъ 8 марта 1901 г., за № 3391, адресованный Господамъ Губернаторамъ, Градоначальникамъ и Оберъ-Полицеймейстерамъ», оповѣщаетъ ихъ, что «25-го сего марта, въ С.-Петербургѣ, въ день закрытія выставки Товарищества передвижныхъ художественныхъ выставокъ, при громадномъ стеченіи публики, нѣкоторые изъ присутствовавшихъ разукрасили живыми цвѣтами выставленный въ залѣ, въ числѣ другихъ картинъ, портретъ графа Л. Н. Толстого, а затѣмъ, при аплодисментахъ и крикахъ «браво» стали забрасывать этотъ портретъ цвѣтами. Демонстрація эта привлекла вниманіе большинства не принимавшей въ ней участія публики, при чемъ со стороны распорядителей выставки никакихъ мѣръ къ предупрежденію и прекращенію подобныхъ безпорядковъ принято не было.

Принимая во вниманіе, что означенное Товарищество экспонируемыя имъ картины будетъ послѣдовательно выставлять во многихъ городахъ Имперіи, при чемъ художественная выставка Товарищества можетъ быть устроена и въ мѣстности ввѣреннаго Вамъ района, я имѣю честь

Библиотека "Руниверс"

покорнѣйше просить Васъ, Милостивый Государь, принять самыя рѣшительныя мѣры къ тому, чтобы при посѣщеніи означенной выставки публикою никакія проявленія овацій со стороны посѣтителей по отношенію къ портрету графа Л. Толстого или какого-либо рода демонстраціи, подобныя имѣвшей мѣсто въ С.-Петербургѣ, отнюдь не были допускаемы.

За Министра, товарищъ Министра Князь Святополкъ-Мирскій. Директоръ Зволянскій.

На этомъ документѣ чернилами сдѣлана помѣтка:

«Приставъ 1 уч. Мясницкой части сообщилъ по телефону, что по распоряженію полицеймейстера барона Будберга портретъ графа Толстого не выставленъ»...

Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ послѣ этого Л. Н., какъ извѣстно, опасно заболѣлъ, потомъ сталъ поправляться и въ началѣ 1902 года вновь слегъ и былъ при смерти.

Департаментъ Полиціи съ такимъ напряженіемъ слѣдилъ за исходомъ болѣзни, что поддался «оптизму» и... «похоронилъ» Л. Н. до его смерти *). Изъ Петербурга давались предписанія губернаторамъ и другимъ провинціальнымъ властямъ, какъ вести себя въ случаѣ смерти Л. Толстого, при перевозкѣ тѣла великаго писателя изъ Крыма въ Ясную Поляну, при томъ заготовлялись телеграммы, говорившія о смерти Л. Н., какъ уже о совершившемся фактѣ. Не отстала въ этомъ отношеніи тогда и московская полиція. Въ лицѣ своего Оберъ-Полицеймейстера она предписала г.г. Участковымъ Приставамъ въ виду состоявшагося постановленія Святѣйшаго Синода, «не допускать служенія панихидъ *по скончавшемся писателѣ*, а также озаботиться принятіемъ своевременныхъ мѣръ къ устраненію всякихъ демонстративныхъ къ тому попытокъ».

Итакъ, московскія «правящія сферы» такъ же, какъ и петербургскія, съ необыкновенной рѣзвостью и оживленной распорядительностью заготовляли въ своихъ канцеляріяхъ депеши, «имѣющія въ виду пресѣченіе какихъ-либо вечеринокъ, собраній, рѣчей, ставящихъ цѣлью чествованіе *умершаго писателя*».

Но находившійся при смерти великій писатель земли русской выздоровѣлъ, и Московская «Охранка» сразу какъ-то присмирѣла, словно обезсилѣла отъ пережитаго ею разочарованія, лѣтопись ея о Л. Н. на нѣсколько лѣтъ совсѣмъ прервалась и возобновилась лишь въ ноябрѣ 1910 года, за нѣсколько дней до кончины «графа Льва Толстого, отставного поручика».

---

*) См. объ этомъ въ № 2 «Былого» за 1917 г. статью: «Похороны Льва Толстого до его смерти».

Библиотека "Руниверс"

8. Отклики на смерть Л. Н. Толстого.

Толстой окончался.

«Въ статскомъ платьѣ ротмистръ Долговъ совмѣстно съ опытнымъ надзирателемъ въ качествѣ лакея командированъ въ распоряженіе Вице-Директора Харламова»,—депешей услужливо извѣщалъ полковникъ Заварзинъ Директора Деп. Пол. Но «товарищъ мин. Вн. Дѣлъ», точно сконфузившись, «приказалъ немедленно отозвать командированныхъ филеровъ и сотрудника съ мѣста нахожденія графа Толстого» и «воспретилъ что-либо предпринимать по этому поводу безъ предварительнаго доклада Департаменту». «На это приказаніе услужливый Заварзинъ «почтительнѣйше» увѣдомлялъ: «Сотрудникъ возвратился въ Москву. Выяснено погребеніе въ Ясной Полянѣ».

«Доношу, что сего числа, въ 8 час. вечера, во время присутствованія моего на лекціи по «Исторіи Англіи» О-ва Московскихъ Народныхъ Университетовъ въ зданіи училища Коптѣйкина-Серебрякова передъ началомъ лекціи лекторъ В. М. Краузе сообщилъ мнѣ, что ему Комитетомъ вышеназваннаго Общества *) поручено предъ началомъ лекціи предложить аудиторіи слушателей почтить вставаніемъ память умершаго Графа Л. Н. Толстого. *Мной означенное предложеніе лектора Краузе было отклонено и недопущено по тѣмъ соображеніямъ, что слушатели въ большинствѣ рабочіе и прочіе молодые люди либеральнаго образа мысли, могли бы во время вставанія устроить демонстрацію пѣніемъ «Вѣчной Памяти» и другими возможными способами* **). Лекторъ Краузе послѣ моего воспрещенія съ каѳедры обратился къ слушателямъ и сообщилъ имъ, что по независящимъ отъ него причинамъ онъ, Краузе, предложить почтить память Толстого не можетъ и продолжалъ далѣе читать лекцію согласно программы. Другихъ отступленій отъ программы не было и никакихъ демонстрацій тоже не было. Слушателей было 147 человѣкъ»...

Тульскій губернаторъ Кобеко также спѣшилъ проявить свое усердіе и просилъ въ шифрованной телеграммѣ «немедленно командировать» въ Тулу «трехъ опытныхъ въ цензурѣ рѣчей чиновъ полиціи». Эта предусмотрительная просьба вполнѣ соотвѣтствовала «видамъ и цѣлямъ правительства», которое, въ лицѣ тов. мин. вн. д. Курлова, предписывало московскому градонач. «принять мѣры къ тому, чтобы публикаціи въ газетахъ о служеніи панихидъ допускались не иначе, какъ съ разрѣшенія полиціи, по полученіи письменнаго извѣщенія подлежащаго духовнаго лица о томъ, что панихида дѣйствительно будетъ служиться; дабы, подъ предлогомъ служенія панихидъ, не организовались бы въ опредѣленномъ мѣстѣ собранія публики съ цѣлью противоправительственныхъ демонстрацій».

---

*) Бюро для организаціи общ. силъ на похоронахъ Л. Н. Толстого.

**) Курсивъ нашъ.

Библиотека "Руниверс"

14-го ноября во время уличной демонстраціи почитаніе памяти Л. Н. слилось съ протестомъ противъ насилія и произвола, а въ этомъ протестѣ правительство усматривало «признаки государственнаго преступленія». Съ точки зрѣнія совершенія подобнаго преступленія старая власть смотрѣла и на участниковъ въ погребальныхъ проводахъ тѣла усопшаго Л. Н., и желала знать точно степень широты проснувшагося въ обществѣ чувства гражданственности и духовно-моральной связи его съ умершимъ великимъ писателемъ.

Поэтому деп. полиціи предписывалъ «охранѣ» составленіе «агентурныхъ записокъ» о томъ, что дѣлалось въ ту пору въ Ясной Полянѣ *).

9. Первая и вторая годовщина смерти Льва Николаевича.

Искореняя крамолу, московская полиція и охранное отдѣленіе продолжали глазъ не сводить съ Ясной Поляны. Сороковой день по смерти Л. Н. прошелъ «тихо», но, вѣдь, предстояло еще пережить охранникамъ двѣ годовщины дня рожденія Л. Н., 28 августа, и дня его смерти.

Въ виду первой начальникъ тульскаго губерн. жандармск. управл. извѣщалъ моск. охран. отдѣл.:

«Я, по соглашенію, съ тульскимъ губернаторомъ, выработалъ планъ противодѣйствія этому мѣрами полицейскими и въ Ясную Поляну былъ командированъ для воспрепятствованія произнесенія какихъ-либо рѣчей нарядъ полиціи, во главѣ съ тульскимъ полицеймейстеромъ».

«Кромѣ того мною были командированы два филера (изъ числа 3-хъ имѣющихся, за отсылкой такого же числа въ Орелъ) и два сотрудника, одному изъ послѣднихъ было вмѣнено въ обязанность попасть въ число гостей В. Г. Черткова и наблюсти за тѣмъ, что будетъ говориться въ стѣнахъ этого дома».

«Какъ бывшіе чины полиціи, такъ и филеры констатировали фактъ, что никакой демонстративной сходки въ Ясной Полянѣ не было, и никто не дѣлалъ попытокъ произнести какую-либо рѣчь, посвященную обсужденію текущаго момента или памяти Л. Н. Толстого».

«Въ Ясной Полянѣ перебывало 28 августа отъ 400 до 500 человѣкъ, но всѣ держались группами, какъ прибывали на могилу, такъ и уѣзжали, не соединяясь для собственныхъ обсужденій какихъ-либо вопросовъ».

Московское охран. отд. оповѣщало «гг. полицеймейстеровъ, приставовъ» и т. д. о томъ,

«что нѣкоторыя лица пожелаютъ использовать въ демонстративномъ отношеніи предстоящую годовщину смерти графа Л. Н. Толстого, причемъ съ этой цѣлью на Толстовской выставкѣ, въ театрахъ, разныхъ увеселеніяхъ, на лекціяхъ и чтеніяхъ могутъ быть попытки къ нарушенію законнаго порядка и къ отступленію отъ утвержденной программы, а на улицахъ попытки къ демонстративнымъ шествіямъ», поэтому охранное отдѣленіе предлагало «усилить теперь же наблюденіе за всѣми увеселеніями, собраніями и т. п. съ цѣлью недопущенія демонстративныхъ выходокъ».

*) См. № 3 Былое за 1917 г., записку «секретнаго сотрудника—Блюмкина».

Библиотека "Руниверс"

Полковникъ Заварзинъ отдавалъ 1 ноября 1911 года слѣдующій приказъ начальн. тульск. губ. жан. упр.:

«Въ виду имѣющихся агентурныхъ свѣдѣній о готовящемся на 7-ое сего ноября, въ годовщину смерти гр. Л. Н. Толстого, съѣздѣ въ Ясной Полянѣ различныхъ депутацій и предположеній устроить торжественныя манифестаціи съ возложеніемъ вѣнковъ на могилу, дефилированіемъ депутацій и т. п., Районное охранное отдѣленіе имѣетъ честь увѣдомить о семъ Ваше Превосходительство на распоряженіе.

О томъ, какъ будутъ протекать дни названной годовщины, не откажите поставлять отдѣленіе въ извѣстность».

7 ноября 1911 г. московскій градоначальникъ Адріановъ послалъ радостную телеграмму министру внутреннихъ дѣлъ, что «день прошелъ совершенно спокойно».

Черезъ сутки послѣ этого спеціальный соглядатай доносилъ по начальству депешей:

«Депутація учащейся молодежи, отправившаяся въ Ясную Поляну въ часъ по полуночи 7-го, возвратилась сегодня, въ 11 час. дня, въ товарномъ вагонѣ Курской дор., высадившись на станціи Москва 2-я, въ числѣ 80 человѣкъ, прослѣдовала по Носовихѣ къ станціи трамвая безъ нарушеній».

Особеннымъ рвеніемъ и поистинѣ самодержавной распорядительностью по части—искорененія толстовской посмертной крамолы отличался въ своихъ донесеніяхъ департаменту полиц. начальникъ тульскаго губ. жанд. управл.

Вотъ какъ описываетъ онъ траурный поминальный день въ Ясной Полянѣ:

«7-го сего ноября въ день годовщины смерти Льва Николаевича графа Толстого, помимо наряда полиціи и стражниковъ, командированныхъ тульскимъ губернаторомъ въ Ясную Поляну для поддержанія тамъ порядка, мною, въ цѣляхъ наблюденія за всѣмъ, имѣвшимся происходить у могилы Льва Толстого, былъ командированъ въ Ясную Поляну помощникъ мой ротмистръ Павловъ (въ партикулярномъ платьѣ)».

«По возвращеніи послѣдній донесъ мнѣ слѣдующее:

«Съ поѣздами № 9 и 81 изъ Москвы прибыли въ Ясную Поляну не болѣе 150 человѣкъ, въ томъ числѣ и депутація отъ Народнаго университета имени Шанявскаго (до 40 человѣкъ)».

«Въ 10 часовъ утра на могилѣ собрались всѣ, прибывшіе изъ Москвы, а также сюда пришли Сергѣй, Андрей и Татьяна Львовна Толстые и г. Бирюковъ».

«Могила была охвачена кольцомъ присутствующихъ. Г. Бирюковъ сказалъ слѣдующее: «Жизнь твоя да будетъ намъ примѣромъ».

«Послѣ этихъ словъ присутствовавшіе пропѣли много разъ «вѣчную память».

Библиотека "Руниверс"

«Около 11 час. бывшая на могилѣ публика направилась въ усадьбу для осмотра дома, гдѣ жилъ покойный, а отсюда—часть пріѣзжихъ направилось въ с-цо «Телятники» къ Черткову, а часть на ст. «Козловская Засѣка».

Около 2-хъ часовъ дня бывшіе въ Телятникахъ небольшими группами, на крестьянскихъ подводахъ и пѣшкомъ прибыли на ст. «Щекино» и «Козловская Засѣка», откуда и выѣхали съ поѣздомъ № 80 въ Москву.

Въ 1 часъ дня на могилу покойнаго пришли до 50-ти человѣкъ (большинство женщинъ) мѣстныхъ крестьянъ, которые и почтили память умершаго многократнымъ пѣніемъ «вѣчная память». Вмѣстѣ съ крестьянами на могилѣ была и графиня Софья Андреевна Толстая».

Между 11-тью и часомъ дня, въ то время, когда на могилѣ присутствовало нѣсколько человѣкъ пріѣзжихъ и мѣстныхъ крестьянъ, всего до 15-ти человѣкъ, студентъ Императ. Московскаго Университета Владиміръ Васильевичъ Михалевскій пытался обратиться къ присутствовавшимъ съ рѣчью; хотя Михалевскій и былъ остановленъ, но онъ все-таки успѣлъ сказать приблизительно слѣдующее: «Мы недостойны даже быть на могилѣ этого великаго человѣка. Толстой былъ анархистъ и всю свою жизнь велъ борьбу съ властью, которая угнетаетъ все человѣчество. Понимающіе Толстого, а также и всѣ, здѣсь присутствующіе, должны воспитывать грядущее поколѣніе въ духѣ ученія великаго Толстого. Не сказать вамъ этого не могу, ибо это мнѣ подсказываетъ мое сердце».

Михалевскій былъ незамѣтно для публики удаленъ, задержанъ, препровожденъ въ Тулу, гдѣ по удостовѣреніи его личности и былъ освобожденъ.

Г. тульскій губернаторъ подвергъ, въ административномъ порядкѣ, студента Михалевскаго трехмѣсячному аресту, о приведеніи коего въ исполненіе и будетъ просить московскаго градоначальника.

«Въ Ясной Полянѣ, около могилы Льва Толстого, а также и на станціяхъ «Щекино» и «Козловская Засѣка» никакихъ столкновеній у пріѣзжавшей публики съ чинами полиціи, бывшими въ нарядѣ, не было».

«О вышеизложенномъ сообщаю департаменту полиціи для свѣдѣнія*).

Черезъ годъ, во вторую годовщину смерти Л. Н. на имя начальника моск. охр. отдѣленія получилась шифрованная телеграмма отъ и. д. директ. деп. пол. Бѣлецкаго:

«Получены свѣдѣнія о возможныхъ выступленіяхъ учащихся и подъ ихъ руководствомъ рабочихъ седьмого ноября, въ годовщину смерти Толстого. Примите предупредительныя мѣры. Освѣдомите градоначальника».

Отвѣтъ на эту телеграмму Адріанова отъ 7 ноября 1912 г. является заключительнымъ словомъ лѣтописи о Львѣ Николаевичѣ Толстомъ. Вотъ это послѣднее слово:

---

*) Подпись: «Генералъ-майоръ Уелита фонъ-Вольскій».

Библиотека "Руниверс"

«День прошелъ спокойно. Лекціи въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ шли нормально».

Сбоку на этой телеграммѣ, предназначавшейся Бѣлецкому, сдѣлана рукою Адріанова надпись:

«Нку охр. отдѣл. отослать въ 12 час. ночи, если остатокъ дня пройдетъ спокойно».

«Остатокъ дня» прошелъ спокойно, но это «спокойствіе» не спасло самодержавія.

В. Н. Карякинъ.

Мелочи прошлаго.

Исторія Пѣтуха *).

„Въ городническое правленіе одного подмосковнаго города 12 іюля 1848 г. было, изволите видѣть, подано прошеніе такого рода:

Проситъ титулярный совѣтникъ Филиппъ Петровъ сынъ Каташевъ, а о чемъ мое прошеніе,—тому слѣдуютъ пункты:

Сего іюля 10 числа пополудни въ 3-емъ часу слышанъ былъ необыкновенный во дворѣ сосѣда моего Волоколамскаго Воскресенскаго собора пономаря Егора Васильева отъ пѣтуха моего крикъ, а потому самому вынужденъ былъ вытить на улицу и усмотрѣлъ изъ калитки его, что онъ, Васильевъ, того моего пѣтуха имѣющеюся у него въ рукахъ значительною палкою безъ всякой жалости билъ и потомъ убилъ до смерти и отворилъ заднюю свою онъ, Васильевъ, калитку, бросилъ въ свой огородъ, а я въ ту самую минуту, взойдя къ нему на дворъ, говорилъ ему,—за что онъ такъ жестоко поступилъ съ моимъ пѣтухомъ, но онъ, будучи тогда въ пьяномъ видѣ, и со азартностью отвѣчалъ—за то, что онъ его пѣтуха обижаетъ и тогда вышли изъ комнаты на дворъ сына его, служащаго въ духовномъ правленіи канцелярскимъ служителемъ, Я. Е-а жена П. Г. и бывшая того Васильева воспитанница, что нынѣ Волоколамскаго уѣзда Іосифовской монастырской слободы за крестьяниномъ Ив. Ив. въ замужествѣ, Елизавета, а отчество ея мнѣ неизвѣстно, и находящійся у меня постоемъ здѣшней инвалидной команды кантонистъ М. Г.,—убитаго пѣтуха Васильевымъ видѣли; но когда у него прежде сего пѣтуха не было, то самъ онъ, Васильевъ, приводилъ того моего пѣтуха къ своимъ курамъ, за нимъ уже и куръ моихъ, и у него во дворѣ несутся и пользуется отъ нихъ съ семействомъ своимъ

*) Нижеприводимое курьезное прошеніе найдено въ бумагахъ И. В. Малиновскаго, товарища Пушкина по лицею.

Библиотека "Руниверс"

тѣми яйцами. Даже такъ пріучены, что у него и ночуютъ и приходятъ ко мнѣ во дворъ только кормиться. Да и въ прошломъ 1847 году убилъ же онъ, Васильевъ, мою курицу и выкинулъ подъ мою усадьбу, но я не хотѣлъ поставить таковой поступокъ на видъ его начальству и оставилъ безъ вниманія, потому что въ недавнемъ времени переведенъ онъ въ соборъ по своему желанію въ пономари, и ожидалъ какъ отъ ближняго своего сосѣда спокойствія, по вмѣсто сего произвелъ въ буйствѣ пѣтуха, стоющаго мнѣ по охотѣ моей рубля пятидесяти копѣекъ серебромъ, еще поступокъ закону противной, почему представляя при семъ убитаго пѣтуха всеподданѣйше прошу къ сему.

Дабы повелѣно было означеннаго пономаря Егора Васил. посредствомъ духовнаго правленія вытребовать и въ убійствѣ имъ моего пѣтуха перьями шинистаго и мнѣ стоющаго рубля пятидесятя коп. серебромъ и въ присвоеніи къ себѣ моихъ куръ, отъ которыхъ яйца употребляетъ въ свою пользу, а меня совершенно обижаетъ допросить: и поступить съ нимъ по законамъ. Іюля дня 1848. Къ поданію подлежитъ.

Того же числа резолюціею городническаго правленія заключено:

„О поступкахъ дьячка Васильева произвесть изслѣдованіе, пригласивъ къ тому депутата отъ духовнаго вѣдомства; а къ объясненію отъ естественной смерти умеръ пѣтухъ, для анотомическаго вскрытія отнестись къ г-ну уѣздному врачу П: прося его прислать и свидѣтельство. Подлинное подписано. Правящій должность городничего Волоколамскаго уѣзднаго суда засѣдатель: Александръ Рэпелкинъ Ратманъ Фроловъ.

На другой день уѣздный врачъ П. отвѣчалъ слѣдующимъ отношеніемъ на имя прав. долж. город.

На отношеніе Вашего высокоблагородія, отъ 12-го іюля за № 657, коимъ вы требуете меня для анотомическаго вскрытія умершаго куринаго пѣтуха, принадлежащаго титулярному совѣтнику Каташеву исключить отозваться, какъ подобныхъ анатомическихъ вскрытій во всю службу мнѣ не встрѣчалось и сознавая себя въ этомъ мало свѣдующимъ, а потому въ опредѣленіи смерти пѣтуха могу ошибиться, то не угодно ли будетъ Вамъ для его изслѣдованія миновавъ меня пригласить какого либо другого врача по ветеринарной части.“

На этомъ отношеніи положена резолюція возвратившагося къ должности городн. Юрьева:

„Отношеніе это пріобщить къ прошенію, по которому дальнѣйшее производство прекратить, какъ объ обстоятельствѣ, незаслуживающемъ вниманія, о чемъ объявить Каташеву“.

Сообщено *И. Малиновскимъ.*

Библиотека "Руниверс"

ВОЙНА И ОБЩЕСТВЕННОСТЬ.

Въ штабъ дивизіи *).

Дневникъ 1915 г.

Въ самыхъ послѣднихъ числахъ іюля я еле вырвался изъ части, абы, въ виду всякихъ угрожающихъ слуховъ о близости непріятеля ъ Вильнѣ, попытаться спасти хоть часть имущества.

На фронтѣ, гдѣ стояла дивизія, было затишье.

Но за то свѣдѣнія, которыя мы получали, были весьма неутѣшительными. Наступленіе нѣмцевъ развивалось; шли слухи, что они у Шлюмира, что крупныя силы двигаются къ Ковнѣ и т. п.

Я сталъ пессимистомъ, а мои товарищи по службѣ смѣялись. «Все то очень печально. Не было чѣмъ удержать нѣмцевъ, но повѣрьте — то просто набѣгъ съ голоду; вѣдь ѣсть имъ нечего — вотъ они и рѣшили воспользоваться богатой жатвой, скотомъ и прочими благами въ Курляндіи и дальше. Во-первыхъ, Вильны имъ не видать. Никогда не отдадутъ! А затѣмъ — Ковну-то вы забываете? — Ну, самое худшее, годъ продержится, а такъ вѣдь крѣпость неприступная! Непремѣнно на ней ломаютъ зубы! — Артиллеристы ихъ только и ждутъ, чтобы здорово всыпать!»...

И, дѣйствительно, неоднократно, еще въ началѣ войны, да и потомъ, приходилось слышать въ Вильнѣ отъ ковенскихъ крѣпостныхъ артиллеристовъ, что, если нѣмцы вздумаютъ обложить крѣпость (мѣстный штурмъ тогда даже и въ мысляхъ не допускался) — быть для нихъ большому худу...

Но меня брало сомнѣніе и вотъ по какой причинѣ. Задолго до войны — и за годъ, и за два — мнѣ неоднократно доводилось слышать разсказы о Ковнѣ часто наѣзжавшихъ въ Вильну чиновъ ковенскаго прокурорскаго надзора, и, не скрою, я приходилъ въ ужасъ!

Въ самомъ крѣпостномъ районѣ, на фонѣ однообразной и невеселой жизни провинціальнаго городка, выдѣлялись двѣ личности: гер-

*) См. «Голосъ Минувшаго» 1917 г., №№ 9—10, 11—12.

Библиотека "Руниверс"

манскій консулъ Каттерфельдъ *) (если не ошибаюсь) и заводчикъ Тильмансъ. Оба они, особенно первый, играли далеко не послѣднюю роль въ Ковнѣ и, во всѣхъ отношеніяхъ, стояли на положеніи уважаемыхъ гражданъ. Когда Ковна пала, появилась масса слуховъ. Много, какъ всегда, нелѣпыхъ,—но основаніе имъ было, какъ нѣтъ дыма безъ огня. Консулъ, женатый, кажется, на племянницѣ покойнаго варшавскаго генералъ-губернатора Скалона, пользовался немалой популярностью въ средѣ высшихъ военныхъ властей крѣпости и, въ частности, состоялъ въ весьма дружественныхъ отношеніяхъ съ комендантомъ ея генераломъ Григорьевымъ. Послѣдній предоставилъ, напр., Каттерфельду пропускъ на всѣ форты, чѣмъ тотъ широко пользовался, совершая по всей крѣпости ежедневныя прогулки верхомъ. Кромѣ того, на всѣхъ смотрахъ и парадахъ гарнизону консулъ являлся необходимымъ приглашеннымъ. Однажды предупредительность коменданта въ отношеніи Каттерфельда искренно удивила одного изъ присутствовавшихъ на такомъ смотру. Ужъ не знаю, (да и разсказывавшій мнѣ не зналъ), по какой причинѣ, но въ Ковну прибыла воинская часть изъ Либавы. Насколько помню изъ разсказа, крѣпостные артиллеристы также приняли участіе въ смотру. Отъ зоркаго глаза консула не укрылось появленіе новыхъ войскъ, и онъ тотчасъ же обратился къ генералу Григорьеву за разъясненіемъ, какая это часть и что значитъ (помню даже въ разсказѣ такую подробность) на погонахъ буква Л. Григорьевъ тотчасъ же все объяснилъ консулу, подробно разсказавъ ему, что, какъ и почему... Было извѣстно всѣмъ и каждому, что огромное большинство рабочихъ на фабрикѣ Тильманса состояло изъ нѣмцевъ, въ числѣ которыхъ находилось не мало рядовыхъ и унтеръ-офицеровъ запаса германской арміи. Очень характерно прошло,— о чемъ я также, между прочимъ, слышалъ,— открытіе театра для рабочихъ, устроеннаго Тильмансомъ. Присутствовать на торжествѣ получили приглашеніе всѣ власти. Въ залѣ, разукрашенномъ флагами, гирляндами и всѣмъ, подобающимъ случаю, вниманіе нѣкоторыхъ приглашенныхъ приковали два портрета, висѣвшіе на самомъ почетномъ мѣстѣ: государя императора и императора Вильгельма, причемъ, по выраженію разсказывавшаго мнѣ объ этомъ,—«совершенно нельзя было различить, которое изображеніе было выше, которое ниже». Торжество началось служеніемъ пастора на нѣмецкомъ языкѣ, послѣ чего владѣлецъ фабрики произнесъ на томъ же языкѣ привѣтственную рѣчь, на которую отвѣчалъ и также, по-нѣмецки, рабочій-нѣмецъ. Власти, совершенно не понимая или плохо усваивая содержаніе рѣчей,—хлопали ушами. А между тѣмъ, по словамъ разсказчика, явственно, какъ въ рѣчахъ владѣльца, такъ и рабочаго, неоднократно звучали слова: «кайзеръ Вильгельмъ».

---

*) Лерхенфельдъ.

Библиотека "Руниверс"

Теперь вообразимъ себѣ ту же картину въ Торнѣ—пограничной намъ крѣпости нѣмцевъ. Представимъ себѣ торжество открытія чайной на заводѣ Иванова, портретъ государя рядомъ съ изображеніемъ Вильгельма, рѣчи на русскомъ языкѣ и т. п.—и станетъ смѣшно всѣмъ, кто хоть немного знакомъ съ тамошними порядками. Я живо помню мою первую и послѣднюю поѣздку въ тотъ же Торнъ. Это было во времена моей юности. Мой покойный отецъ, бывшій тогда предсѣдателемъ съѣзда мировыхъ судей въ городѣ, близкомъ къ границѣ, предложилъ мнѣ однажды, во время моего лѣтняго отпуска, проѣхаться ненадолго за границу. Я согласился и ужъ не помню точно, но что-то очень быстро мы очутились въ Торнѣ. Подъѣзжая, я уже испытывалъ непріятное ощущеніе отъ вида внушительныхъ фортовъ, съ мѣрно прохаживавшимися на нихъ часовыми и массой орудій съ жерлами, направленными въ сторону нашей границы. Городъ меня поразилъ специфически-военной атмосферой. Сразу являлось очевиднымъ, что тутъ царство Марса: вездѣ военные, населеніе какъ-то въ тѣни. Мы пріѣхали къ вечеру; ужинали въ ресторанѣ въ саду, причемъ игралъ военный оркестръ; публику, въ громадномъ, подавляющемъ числѣ, составляли солдаты и офицеры. Въ шесть часовъ утра я вскочилъ съ постели въ гостинницѣ отъ грома трубъ. Оказалось, пріѣхалъ какой-то генералъ и, въ честь его, подъ окнами отеля уже ни свѣтъ, ни заря загремѣла музыка. Въ магазинахъ вездѣ военные, они же за обѣдомъ въ томъ же саду—и опять звуки военнаго оркестра. Въ пивной, куда я забѣжалъ выпить пива, утомившись ходьбой по городу, снова только военные и все въ этомъ родѣ. Мнѣ, помнится, стало непріятно и тяжело отъ всего видѣннаго. Чувствовался какой-то гнетъ отъ этихъ касокъ, оружія, орудій и крѣпостныхъ сооруженій. Казалось, въ каждый данный моментъ можетъ раздаться сигналъ, и все это бросится на мѣста, затрещатъ ружейные залпы, загромыхаютъ пушки, а форты подставятъ свои громады подъ залпы наступающаго врага... И приказчики въ магазинахъ, и проѣзжающіе извозчики, и сами улицы, съ ихъ аккуратно вычищенными мостовыми и стриженными деревьями вдоль тротуаровъ,—носили, будто, отпечатокъ военной выправки. Солдаты и офицеры показались мнѣ молодцеватыми, хорошо одѣтыми, но ненатурально стянутыми и прямыми.

Возвращаюсь къ Ковнѣ. Всѣ разсказы объ этой крѣпости, заканчивались обычно выраженіемъ мнѣнія, что комендантъ ея, въ случаѣ чего, врядъ ли оправдаетъ надежды и довѣріе. Генерала Григорьева характеризовали, какъ крайне слабаго, нерѣшительнаго, но зато упрямаго, властнаго въ мелочахъ человѣка. О злонамѣренности его, въ тѣ времена, мнѣ слышать не приходилось, но о непригодности его, и притомъ полной, говорили многіе, въ томъ числѣ не мало военныхъ. Указывали на то, что, за его время, очень мало обращалось вниманія на работы по укрѣпленію района вообще, но зато блиндажи и казематы,

Библиотека "Руниверс"

предназначенные лично для коменданта, строились съ отмѣннымъ тщаніемъ и стоили громадныхъ денегъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ шло много толковъ о набожности генерала Григорьева. Въ апрѣлѣ мѣсяцѣ, когда дивизію перебросили въ Ковенскую губернію, я, по прибытіи эшелона на станцію Яновъ, получилъ приказаніе отъ ген. Леонтовича сопровождать его въ Ковну. По пріѣздѣ въ Ковну генералъ Леонтовичъ поручилъ мнѣ тотчасъ же доложить коменданту, что онъ срочно желаетъ быть принятымъ, такъ какъ время не терпитъ. Адъютантъ, которому я позвонилъ изъ гостиницы, сначала отвѣтилъ, что генералъ занятъ и приметъ не ранѣе 8-ми часовъ (было начало 6-го), и лишь затѣмъ, уступая моей настойчивости, а равно, можетъ, въ цѣляхъ снятія съ себя отвѣтственности, просто указалъ мѣсто, гдѣ я могу найти генерала... въ соборѣ на вакенсѣ. Въ тотъ же вечеръ, я наблюдалъ коменданта въ теченіе получаса, сидя у него за чайнымъ столомъ. Говорили между собой генералы, а адъютантъ, еще какой-то крѣпостной штабной и я слушали. Впечатлѣніе я вынесъ прямо отрицательное: какой-то тряпкой, а не энергичнымъ работникомъ, сознающимъ лежащія на немъ—тяжелую задачу и страшную отвѣтственность, показался мнѣ комендантъ. Разговоръ шелъ о движеніи по службѣ, наградахъ и полученіи большихъ мѣстъ молодыми генералами, словомъ, на тѣ темы, которыя у генераловъ, какъ я вообще замѣтилъ, самыя излюбленныя. Конечно, о дѣлахъ было время переговорить раньше, но, повторяю, понимая все это, я, вмѣстѣ съ тѣмъ, вынесъ убѣжденіе о несерьезности Григорьева соотвѣтственно моменту, а, слѣдовательно, и непригодности его къ мѣсту.

Поздно, правда, говорить объ этомъ, но будь у насъ настоящая, свободная пресса,—можетъ, Григорьева и убрали бы заблаговременно, а то что могли дѣлать и предпринимать знавшіе мелочи Ковенской крѣпостной жизни.—Приходилось ограничиваться разговорами и обмѣномъ мнѣній въ своемъ близкомъ кругу.

Въ то время, какъ я собрался ѣхать въ Вильно, настаивая на томъ, что наступленіе нѣмцевъ носитъ характеръ и серьезный, и угрожающій, мы стояли въ глуши Волыни, верстахъ въ 70-ти отъ Ковеля и 50-ти отъ ближайшей желѣзнодорожной станціи «Голобы». Выѣхавъ 27-го іюля утромъ и сдѣлавъ 50 верстъ верхомъ до ст. Голобы, мы сравнительно благополучно, 28 іюля, около 12-ти часовъ ночи, пріѣхали въ Вильно, попавъ на ст. Сарны на Кіевскій скорый поѣздъ. Не могу умолчать о нѣкоторыхъ впечатлѣніяхъ во время пути къ станціи. Вначалѣ меня и присоединившагося ко мнѣ А. И. Маляревскаго *) печалило окружающее: пустыя, будто вымершія селенія; оставленныя поля. Все это было безконечно грустно видѣть. Попадались и совсѣмъ необычныя картинки:

*) Корреспондентъ «Русскаго Слова».

Библиотека "Руниверс"

евреи на охранѣ полевой телеграфной линіи: типичные, въ лапсердакахъ,—на Волыни это уже не тотъ костюмъ, что въ сѣверо-западномъ краѣ,—сидѣли они, каждый на своемъ участкѣ, и, не такъ съ ревностью, какъ, видимо, изъ страха, окарауливали проводъ. Одинъ, помню, замахалъ руками и кричалъ мнѣ что-то издали, замѣтивъ, что моя лошадь, уклонившись отъ дороги, шла близко къ линіи столбиковъ.... Когда выѣхали на большакъ, ведущій на Ковель, по сторонамъ стали попадаться таборы бѣженцевъ. Цѣлыя вереницы возовъ ихъ, нагруженныхъ всякимъ домашнимъ скарбомъ, въ сопровожденіи бабъ и ребятишекъ, гнавшихъ скотъ, крупный и мелкій, и даже домашнюю птицу,— приходилось намъ сбгонять почти на протяженіи всего пути.

Нѣкоторыя картины привели насъ въ тревожное и грустное настроеніе: ругались двѣ бабы около избы въ деревнѣ, за которой расположился таборъ бѣженцевъ. Изъ разспросовъ выяснилось, что яблокомъ раздора служитъ какая-то домашняя утварь, во временномъ пользованіи которой мѣстная крестьянка отказала бѣженкѣ. Обѣ стали, при насъ, поливаться въ жалобахъ: бѣженка на то, что имъ не только не оказываютъ гостепріимства, но, наоборотъ, гонятъ и обижаютъ мѣстные, а крестьянка деревни,— что отъ бѣженцевъ житья нѣтъ. Между прочимъ, тутъ же въ толпѣ, собравшейся какъ это всегда полагается, намъ передали два и печальныхъ и знаменательныхъ факта: бѣженцы, расположившись непосредственно за деревней, выпустили на крестьянскія поля весь скотъ, почему собрать того, что было еще на корню, не привелось. Но это еще ничего бы! Ища топлива, нѣсколько бѣженцевъ стали разбирать у одного изъ крестьянъ садовый плетень. Послѣдній заспорилъ. Тогда бѣженцы его избили, и весь плетень былъ забранъ ими. На усовѣщеванія послѣдовалъ отвѣтъ, что топлива достать негдѣ. И, дѣйствительно, мѣстность была почти сплошь безлѣсная, низина, а съ холоду и голоду помирать въ полѣ имъ тоже не приходится. Проходя мимо деревни, караванъ бѣженцевъ задержался, такъ какъ лошади одной изъ повозокъ отказались везти или пали. Къ одному изъ хозяевъ деревни обратился бѣженецъ, владѣлецъ повозки, съ просьбой одолжить ему лошадей съ тѣмъ, что, довезя свое имущество до опредѣленнаго мѣста, онъ коней вернетъ. Крестьянинъ отказалъ въ просьбѣ. Тогда толпа бѣженцевъ хозяина избила и, отнявъ коней, впрягла ихъ въ телѣгу. Лошадей своихъ крестьянинъ такъ и не увидѣлъ.

По мѣрѣ приближенія къ линіи желѣзной дороги бѣженцевъ стало попадаться все больше и больше. Безконечными вереницами тянулись ихъ возы по большаку, причемъ было замѣтно, что ѣдутъ и городскіе жители и мелкопомѣстные помѣщики. Самый посадъ, по разсказамъ, былъ переполненъ. Тамъ начинались повальныя болѣзни. Между кореннымъ населеніемъ и бѣженцами отношенія были наихудшія. Въ день нашего пріѣзда, по словамъ начальника станціи Голобы, имѣла

Библиотека "Руниверс"

мѣсто драка, окончившаяся большимъ побоищемъ, причемъ были не только избитые, но и убитые.

Поражало полное отсутствіе полиціи и сельскихъ властей. Невольно возникалъ вопросъ, какъ было не научить всѣ эти огромные (сравнительно), считая стражниковъ, кадры охранителей порядка быть готовыми поддержать его въ этомъ случаѣ дѣйствительной въ немъ надобности?

Нельзя обойти молчаніемъ радушнаго гостепріимства начальника станціи, оказавшимся интереснымъ собесѣдникомъ. Онъ разсказывалъ много про службу, требованія власти, пребываніе свое въ Галиціи, куда ѣздилъ, вмѣсто отпуска, служить на желѣзной дорогѣ, а, главное, быть ближе къ сферѣ огня. Изъ его разсказовъ стало ясно, что популярности въ средѣ галиційскаго населенія намъ снискать было немыслимо. Въ воздухѣ висѣлъ сплошной грабежъ, да еще какой. Достаточно такого примѣра: одинъ желѣзнодорожный сановникъ потрузилъ все имущество, награбленное имъ въ замкѣ одного изъ польскихъ магнатовъ, въ 14 вагоновъ и велѣлъ отправить къ себѣ. Все было исполнено. А когда въ подвижномъ составѣ была нужда—вагоновъ не оказывалось. И все сплошь такъ. Правительственной же мѣрой расположить къ намъ населеніе явилось наводненіе завоеванной только что территоріи священниками и учителями на предметъ насильственнаго насажденія православія и просвѣщенія, и наличность массы чиновниковъ съ болѣе чѣмъ сомнительнымъ прошлымъ у большинства ихъ.

Въ четыре часа ночи двинулись на Ковель, а тамъ уже утромъ, на Сарны, гдѣ и усѣлись въ кіевскій скорый поѣздъ.

Вильна произвела на меня грустное впечатлѣніе. На вокзалѣ масса народу, ломящагося въ нашъ поѣздъ, и почти полная тьма. То же и въ городѣ.

Домъ свой я засталъ въ безпокойствѣ: мелкія вещи, а именно, бѣлье и платье, оказались уложенными, а съ мебелью и прочей обстановкой прислуга не знала, что дѣлать, не получая моихъ распоряженій. Вышло, что я пріѣхалъ во-время.

Уже на слѣдующій же день выяснилось, что время для вывоза крупныхъ вещей, напримѣръ, мебели, прошло безвозвратно. Товарная станція, по наведеннымъ мной справкамъ, была завалена грузами, безнадежно ожидавшими движенія; составовъ не хватало, да къ тому же, то и дѣло пріостанавливалось все движеніе. въ виду перевозки войскъ. Изъ разговоровъ съ знакомыми виленцами я узналъ, что всѣ въ такомъ положеніи; что, въ случаѣ чего, квартиры съ имуществомъ придется оставить нетронутыми — только дай Богъ мелочь хоть вывезти. Однако, въ то же время я получилъ совершенно точныя свѣдѣнія, что высшіе представители военной власти (да и не только высшіе) уже повывезли

Библиотека "Руниверс"

и продолжаютъ вывозить все, «вплоть до кухонныхъ табуретокъ и игрушечныхъ лошадокъ»,—говорили возмущенные обыкновенные обыватели. Я самъ слышалъ изъ устъ нѣкоторыхъ такихъ счастливцевъ, что вещи имъ «удалось» вывезти не безъ удобствъ:— на военныхъ грузовикахъ до вокзала, а тамъ къ ихъ услугамъ были вагоны... А между тѣмъ, раненыхъ везли отъ Вилкомира на простыхъ крестьянскихъ телѣгахъ.

По моему сужденію, исключительная цѣль и назначеніе жизни всякаго военнаго — быть готовымъ къ войнѣ и, въ этомъ случаѣ, жертвовать всѣмъ. На практикѣ — не говорю о молодыхъ офицерахъ, хотя и у нихъ замѣчалъ это,— совершенно обратное. Стоитъ только посмотрѣть, какъ устраивали себѣ походную жизнь генералы. Суворовъ въ ужасъ бы пришелъ! Даже при передвиженіяхъ требованія удобствъ, комфорта, чтобъ все было готово и подано. А чуть стоянка болѣе продолжительная, гдѣ-нибудь, напр., въ городѣ — подавай всякому захудалому полковнику квартиру, да еще съ удобствами, да чтобъ пища была отличная, обстановка соотвѣтствовала положенію.

Все вниманіе въ Вильнѣ, въ этотъ мой пріѣздъ, было сосредоточено на происходящемъ у Ковны. Газеты глухо говорили, что въ районѣ крѣпости идетъ перестрѣлка передовыхъ частей противника съ нашими. Представлялось это такъ: нѣмцы надвигаются; ихъ передовыя части уже совершенно близко и происходятъ мелкія стычки между ними и развѣдчиками, а также на линіи полевыхъ укрѣпленій, выдвинутыхъ далеко впередъ крѣпости. Проскальзывали свѣдѣнія, что форты стрѣляютъ, что нѣмцы подвозятъ тяжелую артиллерію и, видимо, намѣрены обложить крѣпость. Вскорѣ затѣмъ появилось извѣстіе, что взяты два или три форта и что крѣпость въ угрожаемомъ положеніи. Въ то же время, ясно было, что она не обложена, а открыта, и что нѣмцы напираютъ только съ запада. Словомъ, въ первыхъ числахъ августа, къ печальнѣйшему изумленію моему, направляясь за покупками, внизу у гостиницы «Бристоль» моего знакомаго ковенскаго артиллериста (крѣпостного) М. Сопоставляю его появленіе въ Вильнѣ съ тревожнымъ извѣстіемъ, облетѣвшимъ городъ наканунѣ вечеромъ, о томъ, что Ковенская крѣпость почти въ нѣмецкихъ рукахъ, и, полный горячаго стремленія узнать правду, бѣгу къ этому своему знакомому въ номеръ. Къ ужасу моему, узнаю отъ него, что крѣпость взята, причемъ въ его разсказѣ, несвязномъ благодаря волненію и усталости, черпаю приблизительно слѣдующія подробности. Осада Ковны продолжалась двѣнадцать дней. Въ качествѣ гарнизона обороняли крѣпость дружинники (кажется, 10 или 12 баталіоновъ) и 800 человѣкъ нижнихъ чиновъ стрѣлковой школы. На огонь непріятеля, развитый имъ до степени ада, отвѣчали далеко не всѣ наши пушки. Такъ, отдѣль, на которомъ находился комендантъ, молчалъ. За три дня до оставленія крѣпости нашими войсками гене-

Библиотека "Руниверс"

ралъ Григорьевъ исчезъ и оказался въ Кошедарахъ, откуда былъ доставленъ въ Вильно уже въ качествѣ арестованнаго по распоряженію штаба высшаго командованія... Вначалѣ все шло хорошо. Дружины, занявъ линіи укрѣпленій (полевыхъ), отстрѣливались весьма удачно, но нѣмцамъ удалось занять деревню П..., кажется; хорошо названія не помню, и тутъ дѣло пошло иначе. Занятіе указаннаго пункта произошло потому, что у дружинниковъ, его отстаивавшихъ, на лѣвомъ флангѣ не хватило патроновъ. По распоряженію коменданта, они отошли, а за ними принужденъ былъ отойти и центръ, и правый флангъ. Что касается воинскаго духа на оставленномъ участкѣ,— объ этомъ лучше всего свидѣтельствуетъ тотъ фактъ, что, когда командовавшему здѣсь полковнику или подполковнику Зеленскому было передано приказаніе объ отступленіи, онъ отвѣтилъ, что отходить нѣтъ основаній и онъ не уйдетъ до полученія о томъ письменнаго приказанія. Съ патронами недоразумѣнія происходили сплошь. Дѣло въ томъ, что дружины были вооружены частью берданками, частью японскими ружьями, а частью винтовками 3-хлинейнаго образца. При подвозѣ патроны часто путали и тѣмъ значительно затрудняли правильность огня. Въ теченіе относительно долгаго времени, предшествовавшаго осадѣ Ковны, гарнизонъ послѣдней составляла 68-ая пѣхотная дивизія, покинувшая крѣпость за нѣсколько лишь дней до разыгравшихся въ ней, затѣмъ, столь печальныхъ событій. Говорили мнѣ, будто Григорьеву было предложено оставить названную дивизію, но онъ отказался, заявивъ, что отстоитъ крѣпость хотя бы огнемъ одной артиллеріи. По выраженію одного изъ участниковъ, комендантъ мало-по-малу «пріучилъ» дружины къ отступленію, отводя ихъ понемногу за линію фортовъ, и тогда крѣпость оказалась уже не въ силахъ бороться. Солдаты, изъ ковенскихъ, не могли спокойно говорить о происшедшемъ. Многихъ я видѣлъ плакавшими. Виня Григорьева, они толковали объ измѣнѣ, указывая на то, что артиллеріи запрещалось отвѣчать, что укрѣпленія были плохи и что, въ частности, Григорьевъ, похоже, что съ умысломъ, упустилъ надлежащій моментъ. Такъ, — разсказывали они, — коменданту было доложено о необходимости препятствовать нѣмцамъ въ производствѣ работъ по установкѣ осадной артиллеріи тѣмъ, что открыть стрѣльбу по площадкамъ. Григорьевъ запретилъ, отвѣтивъ, что, когда они установятъ орудія, тогда-то и можно будетъ ихъ разстрѣлять. На дѣлѣ же вышло такъ, что нѣмцы, быстро установивъ орудія, непосредственно вслѣдъ за тѣмъ открыли такой адскій огонь, что отвѣчать имъ почти не было возможности. Создавшаяся увѣренность въ томъ, что Ковна— первоклассная крѣпость и постоитъ за себя, разсѣялась какъ дымъ, когда выяснилось, что, имѣя одинъ или два бетонныхъ форта, она сплошь состояла изъ кирпичныхъ.

Въ этой крѣпости все было разсчитано на долговременную и ра-

Библиотека "Руниверс"

вильную ея осаду. Поэтому неудивительно, если тамъ находилось значительное количество запасовъ. Слагая съ себя всякую отвѣтственность за приблизительную, хотя бы, точность цифровыхъ данныхъ, которыя я приведу, я передамъ только то, что слышалъ изъ разныхъ источниковъ объ оставленномъ въ крѣпости имуществѣ и запасахъ. На мой вопросъ названному выше артиллерійскому офицеру — взорвали ли они или хотя испортили орудія при отступленіи, я получилъ отвѣтъ, что, кажется, часть — да, но это только на его отдѣлѣ; что было въ другихъ пунктахъ — онъ не знаетъ. По слухамъ же изъ многихъ источниковъ, покидая крѣпость, мы успѣли испортить и уничтожить лишь весьма немногое. Нѣмцамъ, будто, досталось: свыше тысячи орудій, полтора милліона снарядовъ, около 30 тысячъ ружей, совершенно новыхъ, поконившихся въ крѣпостныхъ складахъ про запасъ, 7 милліоновъ банокъ консервовъ (двухпорціонныхъ), запасы мяса, муки, другихъ продуктовъ и масса одежды солдатской, сложенной въ интендантскихъ складахъ крѣпости. Я, лично, не только склоненъ думать, что эти цифры похожи на дѣйствительность, но почти убѣжденъ, что нѣмцы получили всего еще въ большемъ количествѣ. Вѣдь если не успѣли или не смогли взорвать туннеля, значитъ отходъ былъ весьма торопливый и гдѣ ужъ тамъ было думать о порчѣ сапогъ или уничтоженіи консервовъ!

Утромъ слѣдующаго дня, въ цѣляхъ подать рапортъ о болѣзни, такъ какъ больше стало невмоготу — до такой степени я весь раскленлся, а особенно нервы, я отправился въ комендантское управленіе. Всѣ только и говорили о Ковнѣ. Между прочимъ, познакомился я въ управленіи съ милѣйшимъ и воспитаннѣйшимъ подполковникомъ Троицкаго, кажется, полка Сазоновичемъ. Онъ командовалъ какъ разъ чинами стрѣлковой школы, сослужившими службу героевъ при печальной и краткой защитѣ Ковны. По его словамъ, изъ 800 человѣкъ уцѣлѣло 76. Цифры сами говорятъ за себя! Отъ всего пережитаго и перечувствованнаго Сазоновичъ казался крайне взволнованнымъ. Своихъ впечатлѣній онъ почти не передавалъ; видно было, что ему трудно говорить объ этомъ. На чей-то вопросъ, могла ли Ковна держаться и не было ли тутъ гадостей, онъ только рукой махнулъ. Мало-по-малу, стоя среди собравшейся вокругъ него группы офицеровъ, Сазоновичъ началъ разсказывать о положеніи въ крѣпости, во время ея осады, пѣхоты. По его словамъ, лишь самая дальняя, впереди фортовъ, линія укрѣпленій удовлетворяла, и вполнѣ, всѣмъ требованіямъ текущей войны: строили ее пограничники. Вторая линія была уже хуже, а на линіи фортовъ окопы совершенно не могли предохранить сидѣвшихъ въ нихъ. Ни достаточной глубины, ни ходовъ сообщенія, которые бы удовлетворяли надобности момента,—не было. Далѣе, Сазоновичъ подвергъ критикѣ и окопы на фортахъ, но тутъ вмѣшался, дотолѣ молчавшій, офицеръ въ

Библиотека "Руниверс"

формѣ военнаго инженера. Инженеръ доказывалъ, что форты удовлетворяли всѣмъ требованіямъ военной техники, что отходъ пѣхоты на линію фортовъ не могъ быть предусмотрѣнъ, что бетонныя постройки были возведены прочно и т. п. При этомъ онъ сослался, въ частности, на солидность блиндажа коменданта, который, по его словамъ, онъ лично строилъ. Подполковникъ Сазоновичъ возражалъ, говоря, что, по условіямъ, которымъ должна была научить текущая война, полевыя укрѣпленія были бы вездѣ умѣстны; что бетонныя полосы на фортахъ были устроены небезопасно для самихъ же защитниковъ этихъ фортовъ, а, кромѣ того, такъ, что представляли весьма далеко видимыя цѣли для непріятельскихъ пушекъ; что на одномъ форту онъ замѣтилъ въ корень уже недопустимое явленіе: дула орудій, далеко выдвинутыя изъ амбразуръ; что, наконецъ, вообще укрѣпленія Ковны совершенно не соотвѣтствовали требованіямъ современной техники. Со многими доводами инженеръ согласился, заявивъ, въ частности, что фортъ съ неправильно помѣщенными орудіями строился тридцать два года тому назадъ. На это у Сазоновича отъ души вырвалось замѣчаніе:—«А что же дѣлалось въ теченіе 32 лѣтъ послѣ постройки?».— Далѣе, со словъ инженера, выяснилось, что комендантъ Григорьевъ много мѣшалъ правильности работъ, самымъ яркимъ примѣромъ чему была, напр., его угроза предать суду военнаго инженера, одного изъ строителей крѣпости, Познанскаго, за выраженное послѣднимъ мнѣніе о необходимости вырубить впереди крѣпости часть лѣса, мѣшавшаго обстрѣлу изъ форта. Осада показала, что Познанскій былъ глубоко правъ. Въ этомъ лѣсу нѣмцы установили свои тяжелыя батареи, создавъ изъ него надежное прикрытіе отъ нашихъ выстрѣловъ.

Какъ бы ни было, а Ковна пала, и нѣмцы двинулись на Кошедары.

Вильно съ каждымъ днемъ пустѣло. Городъ началъ замѣтно мѣнять свой обликъ, въ сравненіи даже съ тѣмъ недавнимъ прошлымъ, когда онъ изъ совершенно мирнаго сдѣлался тыломъ. Тогда, кромѣ обычной публики, въ немъ стало видно много военныхъ, но безъ позиціоннаго вида, а, наоборотъ, пріодѣтыхъ, видимо старавшихся смѣнить костюмъ боевой обстановки на городской, встряхнуться и забыть лишенія и ужасы, которые они привыкли видѣть и чувствовать тамъ впереди. Начало войны, особенно, внесло въ городъ, и безъ того оживленный, массу шуму и даже веселья. Появилась гвардія, блестящіе уполномоченные, неизвѣстно для чего ходившіе вооруженными «до зубовъ»; жизнь забила ключомъ. Въ ресторанахъ и магазинахъ не было подступу, и дѣла торговцевъ шли блестяще. Театръ вначалѣ пустовалъ; публикѣ было, какъ будто, неловко посѣщать зрѣлища въ то время, когда, сравнительно близко, потоками лилась родная кровь. Но, вотъ, пришла на отдыхъ гвардейская кавалерійская часть. Офицеры, привыкшіе къ сто-

Библиотека "Руниверс"

личной жизни и продолжительное время вынужденные лишать себя всего, включительно до самыхъ примитивныхъ удобствъ,—рѣшили исчерпать все возможное, чтобы, хоть недолго, съ комфортомъ пожить и всѣми способами повеселиться. Къ ихъ пріѣзду были заказаны, заранѣе, не только номера въ гостинницахъ, ванны, столы въ ресторанахъ, но и билеты въ театръ... И, когда городская публика, собравшаяся въ очень небольшомъ числѣ, увидѣла, что всѣ первые ряды заняты блестящими твардейцами, спокойно и весело смотрѣвшими спектакль, — это оказало магическое дѣйствіе. На слѣдующій же день театръ былъ полонъ и сезонъ, по словамъ антрепренера Бѣляева, прошелъ весьма хорошо. А кофейни,—ихъ пооткрылось нѣсколько новыхъ и всѣ съ утра наполнялись публикой. Вечеромъ мѣста брались съ бою!.. Вездѣ царило оживленіе, и только грузовики и конка, возившіе по улицамъ раненыхъ, да наличность флаговъ Краснаго Креста надъ нѣкоторыми зданіями напоминали о томъ, что совсѣмъ недалеко совершается страшное дѣло; отнимаются молодыя жизни; калѣчатся люди, полные силъ; кровью берутся и отдаются клочки земли; стоитъ въ воздухѣ громъ орудій; раздается трескъ ружейныхъ залповъ — и все это смѣшивается съ воплями и стонами раненыхъ и умирающихъ на полѣ взаимнаго истребленія людьми другъ друга... Такъ шла виленская жизнь до того момента, какъ почувствовалась близость непріятеля. Вильно перестало быть тыломъ и быстро приняло обликъ города, готоваго быть, можетъ, мѣстомъ кровопролитнаго сраженія. Исчезли куда-то элегантныя куртки офицеровъ, отдыхавшихъ или пребывавшихъ въ командировкахъ мирнаго характера; испарились куда-то шикарные уполномоченные; замерло оживленіе въ садахъ; уѣхала опереточная труппа,— несмотря на составъ ниже средняго,— дѣлавшая,— въ теченіе всего лѣтняго сезона,— полные сборы; замолкли въ саду звуки симфоническаго оркестра, также привлекавшаго всегда много публики. И хотя кофейни, рестораны и кинематографы были полны попрежнему, но публика въ нихъ была уже другая. На улицахъ появились офицеры въ простыхъ, грязныхъ курткахъ и въ боевомъ снаряженіи; стали проноситься по городу автомобили, сплошь забрызганные грязью, причемъ, по виду сидѣвшихъ въ нихъ, сразу можно было заключить, что ѣдутъ люди рабочіе, съ передовыхъ позицій, торопятся съ докладомъ и разсчитываютъ минуты. У подъѣздовъ лучшихъ гостинницъ теперь можно было видѣть, взамѣнъ обычно стоявшихъ тамъ «шикарныхъ» извозчиковъ,— вѣстовыхъ съ офицерскими лошадьми, дрожки, коляски и нѣмецкіе шарабаны, ранѣе встрѣчавшіеся лишь на походѣ. Въ скверѣ, всегда до того времени переполненномъ разряженной, гуляющей публикой,— появились саперы, работавшіе надъ проведеніемъ полевого телеграфа; загромыхали по улицамъ обозы. Словомъ, получалось яркое впечатлѣніе, что Вильно наканунѣ того, чтобы принять боевые штабы корпусовъ, арміи, части которыхъ совсѣмъ близко

Библиотека "Руниверс"

будутъ отражать предстоящій натискъ врага. Городская же жизнь, между тѣмъ, почти замолкла. Опустѣли дома; по улицамъ тянулись возы съ уложенной въ ящики, зашитой въ рогожи, обывательской обстановкой, появились караваны бѣженцевъ, расположившіеся на площадяхъ города; стали видны жители на извозчикахъ, везшіе массу всевозможнаго вида и размѣра кульковъ, очевидно, закупленные продукты первой необходимости, на случай недостатка ихъ. У храмовъ и костеловъ копошились рабочіе: шло снятіе колоколовъ. Противъ дворца и въ Пушкинскомъ скверѣ снимали историческіе памятники императрицы Екатерины II и графа Муравьева.

Вечеръ 6 августа выдался чудный, теплый; небо было все въ звѣздахъ и, когда я около 12-ти ночи возвращался домой изъ дворянскаго клуба, ярко свѣтила луна. Я еще сказалъ, обращаясь къ знакомому, шедшему со мной: «А вѣдь ночь-то какъ разъ для цепеллина!». Придя домой, я зажегъ электричество въ кабинетѣ, прошелъ въ спальню, зажегъ тамъ свѣчку, послѣ чего опять вернулся въ кабинетъ взять книгу, почитать на ночь. Раздѣваясь уже, я захотѣлъ чаю, почему вышелъ въ столовую и повернулъ кнопку: — электричество не зажглось. Сразу догадавшись, въ чемъ дѣло, я отворилъ въ кабинетѣ окно и, увидя, что и на улицѣ электричество также не горитъ, сталъ прислушиваться. Мое ухо, уже попривыкшее къ такого рода звукамъ, сразу различило громкій, характерный стукъ мотора. Самого цепеллина я не видѣлъ, но, спустя минуту, услышалъ другой звукъ, уже не оставившій во мнѣ ни малѣйшаго сомнѣнія въ его появленіи. Раздался взрывъ, а за нимъ другой. Моторъ продолжалъ стучать, но, видимо, удаляясь. Вскорѣ все затихло. Оказалось, какъ я узналъ на слѣдующій день,—около половины перваго ночи изъ Ландварова дали знать на вокзалъ, что въ направленіи на Вильно летитъ цепеллинъ. Цепеллинъ взялъ вѣрное направленіе и дѣйствовалъ, конечно, будучи точно освѣдомленъ въ томъ, что ничѣмъ не рискуетъ, — навѣрняка. Говорили, что летѣлъ онъ возмутительно низко и сбросилъ три бомбы въ районѣ вокзала и товарной станціи.

При упомянутомъ мною налетѣ не обошлось безъ курьеза. Не то проходившій офицеръ, не то обыватель, словомъ кто-то, замѣтилъ на Нѣмецкой улицѣ (разстояніе довольно внушительное отъ вокзала) человѣка, одѣтаго въ военную форму, то зажигавшаго, то тушившаго карманный электрическій фонарикъ. Несмотря на то, что тотчасъ же задержанный и сказавшійся, въ дѣйствительности, хорунжимъ одного изъ казачьихъ полковъ, этотъ офицеръ всячески завѣрялъ, что никакого злого умысла онъ, зажигая фонарикъ, не имѣлъ, — его препроводили въ комендантское управленіе, откуда, чуть ли не посадивъ, предварительно, на гауптвахту, выпустили лишь на слѣдующій день. Осторожность — свойство весьма похвальное, но удивительно то, что у насъ всегда или

Библиотека "Руниверс"

передѣлаютъ или недодѣлаютъ. Боязнь шпіоновъ иногда приводила къ курьезамъ, въ родѣ разсказаннаго, а съ другой стороны, вслѣдствіе недостаточной организаціи нашихъ поисковъ, бывали случаи, когда, отъ серьезной угрозы шпіонажа, спасалъ лишь случай. За вѣрность не ручаюсь, но приведу одинъ переданный мнѣ фактъ, который, если онъ имѣлъ мѣсто въ дѣйствительности,—а не просто анекдотъ, объ этомъ ярко свидѣтельствуетъ.

Въ какое это точно время было — не знаю, но мнѣ разсказывали, что, когда Варшава была еще ближнимъ тыломъ, а слѣдовательно и центромъ, куда съѣзжалась масса офицерства съ передовыхъ позицій, одинъ такой пріѣзжій офицеръ, обѣдая въ «Бристолѣ», всегда въ то время переполненномъ военными,—обратилъ вниманіе на двухъ офицеровъ и штатскаго, сидѣвшихъ втроемъ за столикомъ, неподалеку отъ него. Не то, чтобы эти люди были его знакомые, но офицеръ чувствовалъ и зналъ навѣрное, что онъ, гдѣ-то и при обстановкѣ не совсѣмъ обычной, видѣлъ этихъ оживленно разговаривавшихъ и съ аппетитомъ завтракавшихъ военныхъ. Вдругъ какъ молніей пронизала его мозгъ мысль о томъ, что эти господа были въ числѣ германскихъ офицеровъ, прибывшихъ депутаціей на какое-то торжество въ его полкъ, квартировавшій, въ мирное время близко отъ границы. Онъ сталъ присматриваться и прислушиваться, и интонація голосовъ и манера разговаривать окончательно убѣдили его въ томъ, что онъ не ошибся. Быстро расплатившись, офицеръ рѣшилъ ѣхать въ комендантское управленіе, откуда вернулся уже не одинъ. Вызванные для объясненій въ контору гостиницы офицеры заявили серьезную претензію на то, что ихъ побезпокоили, и предъявили, оказавшіеся въ полномъ порядкѣ, документы: — одинъ на имя ротмистра, другой — корнета полковъ, форма которыхъ была на нихъ. Превосходная русская рѣчь обоихъ заставила было усумниться въ томъ, нѣтъ ли тутъ ошибки, но заявившій офицеръ твердо стоялъ на своемъ, и неизвѣстные подверглись задержанію. Личный обыскъ, произведенный затѣмъ у задержанныхъ, выяснилъ серьезныя данныя противъ нихъ, а въ дальнѣйшемъ, по справкѣ, наведенной въ полкахъ, изъ коихъ были выданы документы, найденные у неизвѣстныхъ, оказалось, что, дѣйствительно, въ составѣ офицеровъ этихъ полковъ были и ротмистръ и корнетъ, значившіеся въ отобранныхъ свидѣтельствахъ о личности, но первый числился убитымъ, а второй пропавшимъ безъ вѣсти. Такимъ образомъ, совершенно случайно, въ тыловомъ центрѣ, имѣло мѣсто обнаруженіе двухъ шпіоновъ-офицеровъ германскаго генеральнаго штаба...

Виленская жизнь представлялась томительно тоскливой; чувствовалось въ воздухѣ близко предстоящее появленіе ненавистнаго врага; городъ пустѣлъ съ каждымъ не днемъ, а часомъ. Крайне тяжелое впечатлѣніе производилъ начавшійся въѣздъ окраинныхъ жителей въ

Библиотека "Руниверс"

центръ города: причиной была и боязнь бомбардировки, которая, предполагали, неминуемо начнется съ окраинъ, близкихъ къ подступу непріятеля, а, быть можетъ, и слухи о томъ, что разбрасывались прокламаціи, въ которыхъ нѣмцы давали даже совѣтъ мирнымъ обывателямъ уѣзжать изъ домовъ, близкихъ къ вокзалу, и съ окраинъ города вообще...

Вильно въ это время, совершенно пріобрѣло характеръ военнаго лагеря. На улицахъ видны были только офицеры, солдаты, повозки; куда-то провозили орудія, пролетали сплошь забрызганные грязью.— сразу ясно было, съ позиціи,—автомобили, проходили съ пѣснями пѣхотныя части въ полной готовности, въ снаряженіи, съ обозами и пулеметами. Рестораны и кофейни заполнились военными, но не тѣхъ частей, которыя глазъ привыкъ наблюдать въ городѣ. У подъѣздовъ нѣкоторыхъ зданій, гдѣ раньше мирно шли занятія гражданскихъ учрежденій, стояли конные вѣстовые, автомобили, экипажи... Зданіе судебныхъ установленій занялъ штабъ Х-ой арміи. Въ автомобиляхъ теперь можно было видѣть только военныхъ, и, впервые за все время войны, эти машины, въ Вильнѣ, по крайней мѣрѣ, выполняли свое назначеніе, а то раньше обычно въ нихъ раскатывались семьи военныхъ, а иногда и просто дамы вида довольно веселаго и легкомысленнаго. Послѣдовавшее по этому поводу распоряженіе не давать въ пользованіе и не возить въ автомобиляхъ постороннихъ лицъ не только не соблюдалось, но, наоборотъ, сами тѣ, которымъ вмѣнено было въ обязанность слѣдить за выполненіемъ приведенной мѣры, давали своимъ примѣромъ просторъ непослушанію. Я знаю случай, когда автомобиль, назначеніемъ котораго было обслуживать впереди важное дѣло снабженія — возить лицо, вѣдающее этимъ вопросомъ, въ теченіе болѣе мѣсяца находился у дамы и служилъ ей экипажемъ для прогулокъ и разъѣздовъ по городу.

Кстати, чуть было не забылъ. Нѣсколько словъ о пребываніи генерала Григорьева въ Вильнѣ. Распространились самые разнообразные и нелѣпые слухи, какъ, напр., что Григорьевъ уже не то повѣшенъ, не то разстрѣлянъ. Говорили объ этомъ военные и въ томъ же комендантскомъ управленіи. Каково же было мое удивленіе, когда, спускаясь по лѣстницѣ въ Георгіевской гостинницѣ, въ тотъ самый день, когда я считалъ Григорьева уже окончившимъ всѣ расчеты съ земнымъ существованіемъ, я столкнулся съ нимъ. Узнавъ его, я взглянулъ, дѣлая честь, ему въ лицо. Помню растерянный видъ, небрежную прическу, нависшіе усы. И весь онъ показался мнѣ какимъ-то сгорбленнымъ, жалкимъ. Впечатлѣніе отъ второй встрѣчи было прямо противоположно тому, какимъ я его видѣлъ въ Ковнѣ. Потомъ я получилъ уже точныя свѣдѣнія о житьѣ Григорьева въ Вильнѣ. Ночью, передъ его пріѣздомъ, администраціи гостинницы было приказано, — хотя бы и при условіи отказа тѣмъ, которые бы въ нихъ жили, — очистить два смежныхъ номера и притомъ съ тѣмъ, чтобы изъ одного въ другой вела дверь. Григорьевъ пріѣхалъ съ

Библиотека "Руниверс"

генераломъ, присланнымъ, ужъ не знаю для чего, — вѣроятно, для наблюденія,—изъ ставки. Внѣшне за нимъ была сохранена полная свобода и лишь дано порученіе моему знакомому комендантскому адъютанту сопровождать его на прогулкахъ; — вообще не выпускать изъ вида. Григорьевъ посѣтилъ начальника округа, князя Туманова; говорили, вышелъ отъ него крайне взволнованный, — чему, отчего-то, придавали особое значеніе. Затѣмъ въ теченіе двухъ часовъ съ нимъ бесѣдовалъ Ковенскій архіерей, заѣхавъ въ гостиницу. Обсуждалось и послѣднее обстоятельство, причемъ была версія, что это будто для исповѣди. На дѣлѣ же не оказалось ничего похожаго на то, чтобы Григорьеву, въ то время, угрожало возмездіе. Наканунѣ или за день до моего отъѣзда онъ, въ сопровожденіи того же адъютанта, поѣхалъ въ Витебскъ, причемъ, для путешествія ему отвели два купэ и чуть ли не перваго класса. Еще маленькая подробность. Оружія у него не отняли, и во время прогулокъ по городу единственнымъ конвоемъ являлся комендантскій офицеръ. Наконецъ, когда Гриторьева рѣшено было перемѣстить (изъ гостиницы въ общежитіе для офицеровъ, пріѣзжающихъ съ передовыхъ позицій и, кажется, выздоравливающихъ), его повезъ на извозчикѣ самъ комендантъ города, а сзади, дѣлая видъ безпечный и такой, какъ будто это ихъ совершенно не касается, — плелись два (или одинъ) солдата съ винтовками, въ качествѣ конвойныхъ.

По словамъ моего знакомаго, который не только «прогуливалъ» Григорьева по Вильнѣ, но и сопровождалъ его въ Витебскъ,— этотъ, по его выраженію, «добрый, милый старикъ» — избралъ его своимъ повѣреннымъ по части сѣтованій на злосчастную судьбу и, всесторонне оправдывая себя, былъ весьма энергиченъ.

Высказывая увѣренность въ томъ, что съ него строго взыщется, онъ заявилъ, между прочимъ, что это все на почвѣ личной вражды и зависти къ нему и притомъ вражды, между прочимъ, женской. Сослался онъ на бывшія у него систематическія препирательства съ княг. В — вой, стоявшей во главѣ отряда Краснаго Креста. Она, будто бы, стала его врагомъ изъ-за того, что онъ отказывалъ ей въ ея назойливыхъ и неосновательныхъ просьбахъ объ отводѣ помѣщенія, объ отпускѣ денегъ и даже... пропускѣ въ крѣпость ея управляющаго нѣмца. По его убѣжденію, княгиня «безспорно навредитъ ему, благодаря крупнымъ связямъ и близости ко Двору, во многомъ, если не испортитъ и не парализуетъ даже всѣ пути къ оправданію». Неправда ли характерно? Неравный бой между дамой и комендантомъ первоклассной русской крѣпости, заслуженнымъ генераломъ-отъ-кавалеріи. А между тѣмъ, мнѣ вспомнился какъ разъ разсказъ объ одномъ моментѣ осады, а именно, когда не знали, что дѣлать, или, вѣрнѣе, не рѣшались, безъ санкціи коменданта, стрѣлять или наступать, или отходить, хорошо не помню, но дѣло въ томъ, что посланные испросить приказанія коменданта офицеры не могли его найти

Библиотека "Руниверс"

нитдѣ. Тогда же, въ качествѣ атрибутовъ, наконецъ, послѣ долгой бѣготни по всей крѣпости, нашли въ одномъ изъ спеціально для него выстроенныхъ казематовъ его гуляльную палку и винтовку.

Утромъ я поднялся чуть свѣтъ и отправился на товарную станцію. Проѣзжая по Полтавской (кажется, такъ) улицѣ, посмотрѣлъ на дымящіяся развалины казеннаго виннаго склада. Въ теченіе нѣсколькихъ дней шло разбиваніе содержимаго этого учрежденія. Многимъ, стоявшимъ близко къ этому вопросу удалось послѣдніе дни, пить водку и даже раздать кое-что знакомымъ. Не обошлось, разумѣется, безъ скандала, разрѣшившагося весьма печально.

Несмотря на охрану склада, по распоряженію коменданта, туда забрались въ день послѣдовавшаго затѣмъ пожара кубанскіе казаки. Откуда они взялись въ Вильнѣ, сказать не сумѣю, но, словомъ, набралось ихъ на складѣ значительное количество и напились. По словамъ дежурившаго на складѣ въ этотъ день комендантскаго офицера, ему трудно было что-либо сдѣлать съ разгулявшимися казаками, имѣя въ своемъ распоряженіи человѣкъ пять ополченцевъ, готовыхъ при первой возможности если не напиться, то во всякомъ случаѣ, удрать. Казаки были дерзки до чрезвычайности; на его увѣщанія заявили, что «не даромъ они кровь проливаютъ», и продолжали хозяйничать. Въ результатѣ произошелъ, отъ неосторожно брошенной кѣмъ-либо изъ нихъ же спички или «цыгарки» пожаръ, и семь человѣкъ, бывшихъ уже не въ состояніи двигаться, покончили «въ водкѣ» расчеты съ жизнью. Кромѣ того, не обошлось и безъ серьезныхъ ожоговъ, хотя и не кончившихся смертью...

Вмѣсто восьми часовъ утра, какъ предназначался отходъ эшелона, мы тронулись около 12 часовъ ночи и въ Ново-Вилейскѣ, въ 8-ми верстахъ отъ Вильны, стояли до 6-ти часовъ утра. Это было 13-го августа.

Изъ первыхъ впечатлѣній, послѣ того какъ я, явившись начальнику эшелона пограничной стражи ротмистру Ч., распложился съ моими весьма немногочисленными вещами на багажной тачкѣ, подъ навѣсомъ одного изъ пакгаузовъ, укажу на то, что, спустя короткое время, крутомъ меня все стало ѣсть и пить, причемъ въ кучкѣ офицеровъ, сидѣвшихъ вокругъ ящика, изображавшаго столъ, я узналъ нѣсколькихъ комендантскихъ адъютантовъ, видѣнныхъ мною раньше, при неоднократныхъ посѣщеніяхъ управленія. Наконецъ, подали товарные вагоны, и началась погрузка казеннаго имущества: масса ящиковъ съ дѣлами и бумагами, столовъ и письменныхъ и простыхъ, даже табуретокъ, которымъ новымъ цѣна копеекъ 60 за штуку. Затѣмъ пошла погрузка лошадей, вещей г.г. офицеровъ... Начальникъ эшелона объявилъ, что можно садиться.

Въ составѣ было два вагона второго класса: — одинъ похуже, гдѣ размѣстились комендантскіе офицеры, и второй — пульмановскій, куда

Библиотека "Руниверс"

усѣлись поднадзорные полковники и начальникъ эшелона, тоже, впрочемъ, состоявшій подъ слѣдствіемъ. Меня, какъ штатскаго человѣка, привыкшаго видѣть, въ какомъ положеніи находятся люди, надъ которыми тяготѣетъ слѣдствіе, крайне удивила жизнь поднадзорныхъ офицеровъ. Какъ мнѣ сказали, за большинствомъ изъ нихъ числились недочеты въ распоряженіи денежными суммами, казной имъ ввѣренными, а попросту говоря — растраты. По нѣсколько мѣсяцевъ такіе офицеры ждали окончанія своихъ дѣлъ. На обязанности ихъ лежала явка въ комендантское управленіе, на учетѣ коего они числились, и имъ поручались разныя, крайне несложныя функціи, какъ напримѣръ, повѣрка карауловъ, выдача свидѣтельствъ офицерамъ на право проживанія въ городѣ и т. п. Содержаніе имъ, хотя не полностью, но шло; сидѣли они безъ всякаго дѣла и, можно было думать, собирались съ силами на предметъ предстоявшаго оправданія вмѣняемыхъ имъ въ вину дѣйствій. У большинства изъ тѣхъ, съ которыми мнѣ пришлось имѣть общеніе, настроеніе было оппозиціонное и пьяное. Отъ нихъ только и слышалась критика нашихъ военныхъ порядковъ, сѣтованія на несправедливость начальства, незаслуженныя обиды, упреки по адресу другихъ офицеровъ, за которыми, по ихъ словамъ, имѣлись дѣянія похуже, но они-де за это только награды получали и т. д. Словомъ, типичныя въ устахъ растратчиковъ заявленія, вродѣ, «а почему меня судятъ, когда Иванъ Ивановичъ больше укралъ и повышеніе получилъ!»...

Особенно типичными показались мнѣ, съ точки зрѣнія отрицательной, бородатый войсковой старшина и подполковникъ-сибирякъ съ лихими усами. Не успѣли мы размѣститься, какъ первый изъ нихъ явился въ нашъ вагонъ съ требованіемъ дать ему водки. Было болѣе чѣмъ ясно, что онъ уже пьянъ и сильно. Затѣмъ, усѣвшись, онъ завелъ длинный разговоръ о личныхъ подвигахъ.

Къ вечеру, я познакомился съ бывшимъ въ эшелонѣ штатскимъ молодымъ человѣкомъ. Въ тотъ моментъ, когда я вошелъ въ штабъ-офицерскій вагонъ, начальникъ эшелона и штатскій собирались закусывать. Я присѣлъ къ нимъ. И вотъ, черезъ нѣсколько минутъ появился подполковникъ-сибирякъ, въ совершенно уже нетрезвомъ состояніи. Видимо, подполковникъ пересталъ соображать. Началось съ того, что, обративъ безсмысленный взоръ на штатскаго, онъ задалъ ему вопросъ: «А ты кто?» и затѣмъ излился въ цѣломъ потокѣ фразъ вродѣ того: «А, шпіонъ, штафирка! Много васъ тутъ такихъ; боишься меня? У меня съ вами, у сибиряка, расправа короткая!» и т. п. Было стыдно и обидно, что на немъ форма такихъ войскъ, какъ сибирскія. Закончилось все просьбой о водкѣ, получивъ рюмку которой, подполковникъ полѣзъ въ коробку консервовъ, за закуской, прямо руками. Понемногу и къ штатскому отношеніе измѣнилось, пьяница размякъ. Но въ это время, совершенно неожиданно, въ вагонѣ появилось новое лицо — какой-то ротмистръ, въ обще-кава-

Библиотека "Руниверс"

лерійской формѣ, положительно еле-еле державшійся на ногахъ. Почти не удерживая равновѣсія, онъ, заплетающимся языкомъ, объявилъ намъ, что, наконецъ, нашелъ свой вагонъ, что ѣдетъ въ Витебскъ состоять при начальникѣ округа и что желаетъ водки. Видимо, это послѣднее заявленіе произвело болѣе всего впечатлѣнія на подполковника, вдругъ крикнувшаго на весь вагонъ: «Вонъ!». Какъ ни былъ пьянъ ротмистръ, но все же сообразилъ и полѣзъ съ объясненіями, что его оскорбляютъ, особенно обидѣвшись на послѣдующую фразу подполковника, что вотъ-де: «всякая неизвѣстная шантрапа тутъ шляется и лѣзетъ не въ свой вагонъ!». Особенно усиленно взывалъ ротмистръ къ посредничеству начальника эшелона, ссылаясь на то, что они вмѣстѣ когда-то служили. Потомъ подполковникъ смягчился и, крича: «Ага, испугался, такъ васъ и надо — дисциплина прежде всего!» — протянулъ ротмистру руку. Тутъ, видимо, все происходящее надоѣло начальнику эшелона, предложившему ротмистру покинуть вагонъ. Опять начались объясненія, прерываемыя площадной руганью... Я ушелъ. Долго потомъ происходили препирательства ротмистра — сначала съ начальникомъ эшелона, затѣмъ съ нижними чинами, которыхъ онъ вызвалъ, чтобы выдворить ротмистра. Продолжительное время водили послѣдняго, заплетавшаго ногами, по платформѣ двое солдатъ; самъ я слышалъ, въ кучкѣ нижнихъ чиновъ, стоявшихъ тутъ же, замѣчанія, вродѣ: «стыдно, а еще офицеръ!» и т. п.

Въ вагонѣ у насъ также пили водку; часть офицеровъ играла въ карты. Долго, сквозь сонъ, слышалъ я безконечные разсказы бородатаго войскового старшины, успѣвшаго къ вечеру быть уже совершенно пьянымъ. Слѣдующій день прошелъ также; еще одна ночь въ душномъ пропахшемъ водкой и насквозь прокуренномъ вагонѣ и, наконецъ, на третій день, часа въ 3, я выскочилъ въ Вилейкѣ.

Я съ радостью увидѣлъ всѣхъ своихъ. Нѣсколько товарищей по службѣ оказалось въ Вилейкѣ уже тогда, къ концу же моего пребыванія съѣхались почти всѣ. Разселились они, кто какъ могъ, — часть въ первоклассныхъ» гостинницахъ, съ трудомъ найдя номера, а нѣкоторые по квартирамъ. Жили подъ сомнѣніемъ, что вотъ-вотъ явятся остальные отдѣлы штаба и попросятъ объ очисткѣ помѣщенія, и тогда располагайся хоть на улицѣ. Мнѣ приходилось весьма нерѣдко наблюдать удивительную безцеремонность и безучастіе военныхъ въ отношеніи гражданскаго, своего же вѣдь, населенія.

И такое отношеніе болѣе всего замѣчалось среди маленькихъ чиновъ. Явится, эдакъ, какой-нибудь капитанъ или подполковникъ-комендантъ, напр., штаба арміи — начинаетъ распоряжаться. И не только ему отводятъ апартаменты, которыхъ онъ никогда въ мирное время во снѣ не видѣлъ, но и всѣмъ друзьямъ онъ старается угодить. И такой способъ дѣйствій отмѣчаетъ именно тыловыя учрежденія, а особенно тѣхъ

Библиотека "Руниверс"

военныхъ, которые въ боевой стадѣ видятъ лишь увеличеніе комфорта и радости не безбѣдной, а скорѣе роскошной жизни.

Мнѣ разсказывали въ той же Вилейкѣ, что одинъ изъ офицеровъ штаба, зайдя къ хозяевамъ квартиры, гдѣ расположилось въ 2-хъ комнаткахъ двое моихъ сослуживцевъ, потребовалъ отвести ему, именно, одну изъ этихъ комнатъ. На предложеніе хозяина квартиры занять большую комнату, совершенно отдѣльную и весьма удобную, офицеръ этотъ отвѣтилъ, что «у него разстроены нервы, почему онъ не можетъ спать въ большомъ помѣщеніи».

22-го утромъ я поѣхалъ въ Полоцкъ.

Во второмъ сводномъ госпиталѣ мнѣ пришлось пролежать до 29-го *), когда меня эвакуировали въ Москву. Впечатлѣніе осталось самое безотрадное. Не только ощущался недостатокъ въ болѣе сложныхъ приспособленіяхъ, но даже обыкновенныя средства леченія почти отсутствовали.

По крайней мѣрѣ, я и самъ наблюдалъ, да и по разсказамъ больныхъ, требовавшихъ леченія, такового имъ не производилось.

Освидѣтельствовавъ меня на слѣдующее же утро послѣ моего поступленія, ординаторъ д-ръ Войц — скій, очень милый человѣкъ, заявилъ, что у меня неврастенія, парезъ праваго лицевого нерва и, выслушавъ мое заявленіе о томъ, что я хочу отдохнуть въ деревенской глуши, весьма сочувственно заявилъ, что изъ этого ничего не выйдетъ, что отдыхъ нынѣ не разрѣшается, а не угодно ли лечиться въ госпиталѣ. Страшно огорченный, я сталъ ждать комиссію. Послѣдняя прибыла на другой день. Меня совершенно не свидѣтельствовали и приговорили къ эвакуаціи въ Москву.

П. А. Аккерманъ.

Библиотека "Руниверс"

Мелочи прошлаго.

Изъ писемъ лейтенанта П. П. Шмидта послѣ ареста.

(Письмо къ П. Д. Лескевичу).

Глубокоуважаемый Павелъ Дмитріевичъ,

Дѣло мое складывается какъ то невѣроятно, и отношеніе ко мнѣ Чухнина совершенно беззаконное. На другое утра послѣ ареста меня (путемъ заманиванія въ ловушку, а не какъ полагается по воинскому уставу) за мной явился въ Штабъ Дивизіи офицеръ съ двумя *ружейными конвойными* и не давъ мнѣ толкомъ собрать вещи, грубо торопя меня, повелъ изъ Штаба Дивизіи къ пристани на шлюпку. Хотя тамъ нѣтъ улицы, но вести офицера въ формѣ не разжалованнаго еще и безъ установленія его вины, вести внѣ закрытаго помѣщенія, конечно, небывалое превышеніе власти. До пристани я встрѣтилъ нѣсколько гражданъ, которые, конечно, сочли меня за убійцу не меньше. Теперь я содержусь въ совершено одиночномъ заключеніи при запрещеніи сношеній со мной на „3-хъ Святителяхъ“ тоже конечно, подъ стражей, и т. к. Чухнинъ могъ рѣшиться дѣйствовать столь беззаконно позоря форму, которую носитъ Государь Императоръ, только при подержкѣ Бирюлева, то я полагаю, что Бирюлевъ гарантировалъ ему свободу дѣйствій. Меня, по моему, спасти можетъ только широкая гласность черезъ газеты о всей моей дѣятельности, иначе мнѣ грозитъ столь же беззаконный приговоръ и судъ, каковъ мой арестъ. Меня обыскали и изолировали совершенно. Я не хочу убавить ни одного слова сказаннаго мною гдѣ бы то ни было публично, но требую гласнаго суда—настоять же на этомъ можно только предавъ широкой извѣстности черезъ газеты о всемъ моемъ поведеніи. Вѣрьте я сумѣю доказать, что за всю мою дѣятельность въ Севастопалѣ я былъ больше офицеромъ своего народа, чѣмъ они всѣ вмѣстѣ взятые. Но нуженъ судъ, а его кажется не будетъ. Они хотятъ томить меня физически насиліемъ одиночнаго заключенія безъ луча дневного свѣта, у меня лампочка и глаза начинаютъ страдать. Я помѣщенъ въ каютѣ, въ которой невозможно жить съ закрытой дверью, т. к. оконъ нѣтъ, все приспособлено къ подавленію меня силой произвола. Если можете, дорогой Павелъ Дмитріевичъ, помогите путемъ гласности черезъ людей и газеты. Вѣдь не въ средніе же вѣка мы живемъ, всему есть предѣлъ. Бирюлевъ даетъ ему видимо силу т. к. можетъ непосредственно докладывать Государю. Послѣ Высочайшаго приговора уже будетъ поздно.

Съ глубок. уваж. Вашъ *Шмидтъ.*

Библиотека "Руниверс"

Нѣмецкая пропаганда на русскомъ фронтѣ.

(По личнымъ впечатлѣніямъ и подлиннымъ документамъ).

Великая міровая катастрофа еще не закончилась, время для подведенія итоговъ далеко еще не наступило, и будущее полно загадокъ и неожиданностей. Но для Россіи **великая** война кончилась: **русскаго** фронта больше нѣтъ, и періодъ подлиннаго участія русской арміи въ войнѣ, обрывающійся въ концѣ февраля 1917 года, становится уже достояніемъ исторіи. Въ послѣдующихъ строкахъ будетъ сдѣлана попытка группировки и освѣщенія нѣкотораго количества документовъ и наблюденій собранныхъ авторомъ за послѣдніе шесть мѣсяцевъ 1917 года, во время завѣдыванія развѣдкой и неоднократнаго исправленія должности адъютанта по политической части въ штабѣ Н—аго корпуса. Кругъ наблюденій былъ ограниченъ, разумѣется, протяженіемъ фронта корпуса, собираніе документовъ, въ свою очередь, зависѣло (не столько отъ доброй воли автора, сколько отъ злой воли нѣмцевъ, не всегда аккуратныхъ въ ихъ доставленіи, но все же удалось добыть много цѣннаго и, какъ думается, проливающаго яркій свѣтъ на нѣкоторыя явленія истекшаго періода. Кромѣ того, изъ сопоставленія различныхъ данныхъ приходилось убѣждаться, что методы, примѣнявшіеся германскими штабами на наблюдавшемся участкѣ нашего западнаго фронта, совершенно тѣ же, что и на фронтахъ Сѣверномъ, Юго-западномъ и Румынскомъ, и потому все приводимое ниже можно разсматривать, какъ характерное и типичное.

I.

Пропаганда въ непріятельскихъ войскахъ, какъ средство дезорганизаціи, явленіе не новое; исторія знаетъ случаи обращенія полководцевъ къ вражеской арміи съ прокламаціями, знаетъ и попытки организаціи въ непріятельскомъ станѣ заговоровъ и возмущеній. Но никогда и нигдѣ подобная пропаганда не осуществлялась въ такихъ широкихъ размѣрахъ, и средства ея не были столь разнообразны, а организація такъ планомѣрна какъ въ войнѣ Германіи противъ Россіи. Нѣмецкій

Библиотека "Руниверс"

генеральный штабъ принималъ во вниманіе всѣ особенности русской арміи, учитывалъ всякія перемѣны событій, лицъ, настроеній. Отправнымъ пунктомъ служила, конечно, прекрасная освѣдомленность въ самыхъ слабыхъ сторонахъ русскаго солдата: его некультурности

Нѣмцы начали пропаганду въ русскихъ войскахъ и среди военнопленныхъ задолго до революціи: такъ, напримѣръ, газета «Русскій Вѣстникъ» издавалась уже съ 1916 года, но особенно развитіе и, можно сказать, стремительный темпъ пріобрѣли нѣмецкія усилія послѣ февральскаго переворота. Съ успѣхомъ конкурируя, а, можетъ-быть, и соревнуя съ дѣятельностью всевозможныхъ «углубителей революціи», германская пропаганда печатью, прокламаціями, прекращеніемъ стрѣльбы, якобы, въ знакъ сочувствія русскому народу, творящему революцію, и нежеланія мѣшать ему, организованнымъ братаньемъ мѣновой торговлей, съ увеличивавшимся со дня на день успѣхомъ вносила все новые и новые элементы разложенія въ русскую армію. Причина этого успѣха чрезвычайно проста: вѣдь каждое слово и дѣйствіе нѣмецкихъ пропагандистовъ ловко согласовывалось съ рѣчами всяческихъ «Правдъ», «Соціалъ-Демократовъ». И потому вполнѣ естественно что мышленіе сбитаго съ толку русскаго солдата получало какъ разъ то направленіе, какое, было желательно нѣмецкому штабу. Солдаты постепенно проникались сознаніемъ, что нѣмецъ вовсе не врагъ, что онъ самъ воевать не хочетъ, что «если его не трогать, такъ и онъ не тронетъ», что отъ Россіи ничего ему не нужно, что вся задержка въ кровожадныхъ русскихъ союзникахъ и, главнымъ образомъ, въ Англіи. При такихъ условіяхъ понятно, что русскіе воины, получивъ нѣмецкую газету или прокламацію, съ неохотой разставались съ нею и часто просто не отдавали ее начальству.

II.

Рѣдкая ночь проходила безъ того, чтобы въ разныхъ мѣстахъ на нашей проволокѣ не оказывались бы привязанныя или повѣшенныя на колья пачки провокаціонныхъ нѣмецкихъ газетъ. Въ моихъ рукахъ побывали три изданія: упомянутый выше «Русскій Вѣстникъ», издающійся въ Берлинѣ, вѣнская «Недѣля» и выходящій въ Вильнѣ «Товарищъ». Послѣднія двѣ издаются со времени революціи. Интересенъ подзаголовокъ «Товарища»: «Эта газета преслѣдуетъ цѣль ознакомить читателя съ важнѣйшими событіями, сопряженными съ войной. Главнымъ образомъ, печатаются офиціальныя извѣстія, кромѣ того, выписки изъ газетъ всѣхъ партій, какъ обоихъ враждебныхъ союзовъ, такъ и нейтральныхъ державъ». Всмотримся въ эти извѣстія и выписки. Вотъ, напримѣръ, статьи № 9 отъ 27-го іюня (ст. стиля) 1917 года: «Англо-американская агитація въ пользу продолженія войны», «Споры объ отвѣтственности за возникновеніе войны» (выдержки изъ швейцарскихъ га-

Библиотека "Руниверс"

зать, о якобы, начавшейся между Россіей и Франціей полемикѣ о виновности первой въ возникновеніи войны), «Англійскіе мерзости о войнѣ. Противъ подводныхъ лодокъ нѣтъ средствъ», «Обращеніе съ русскими военнопленными» (выдержки изъ «Сѣверо-Германской Газеты», опровергающая обвиненія нѣмцевъ русской печатью въ дурномъ обращеніи съ русскими плѣнными и называющая эти обвиненія «наглой англійской клеветой, распространяемой съ явнымъ намѣреніемъ вновь возбудить русское общественное мнѣніе»). «Разныя извѣстія», въ которыхъ львиная доля отведена большевистскимъ успѣхамъ въ Петроградѣ, при чемъ фамилія Ленина напечатана жирнымъ шрифтомъ, фельетонъ «Повѣсть о кривомъ Петькѣ», какого-то А. Потосскина и въ самомъ концѣ текста Некрасовское «Внимая ужасамъ войны». Кромѣ того, послѣдняя страница отведена рисункамъ, изображающимъ чудесное житье-бытье русскихъ плѣнныхъ въ лагеряхъ Губена, Деберица и Цоссена.

Всматриваясь ближе въ содержаніе всѣхъ этихъ газетъ, можно различить въ нихъ слѣдующія основныя линіи пропаганды: агитаціонныя статьи и противъ державъ согласія, такія же статьи и подтасованныя свѣдѣнія, направленныя противъ министерства Львова-Милюкова и Керенскаго-Терещенко, замѣтки и сообщенія, рисующія въ самомъ благопріятномъ свѣтѣ дѣятельность Ленина и большевиковъ, выходки противъ русскаго командного состава, иногда переходящія въ прямое натравливаніе, и, наконецъ, ловко подбираемые фельетоны, стихи и рисунки, разсчитанные на чувство нашего солдата, на пробужденіе и усиленіе въ немъ тоски по родинѣ, жажды мира и злобы противъ тѣхъ, кто, якобы, мѣшаетъ дѣлу мира. При этомъ, повторяемъ, можно хорошо прослѣдить эволюцію пріемовъ, тона, самаго языка рептильныхъ борзописцевъ: по мѣрѣ нарастанія анархически-бунтарскаго настроенія въ русскомъ тылу и арміи поднимается температура и въ провокаціонныхъ нѣмецкихъ газетахъ. Учетъ ведется внимательно и правильно: стоило, напримѣръ, словечку «товарищъ» крѣпко усѣсться въ русскомъ обиходѣ, какъ оно уже украсило собою заголовокъ виленской газетки.

III.

Агитація противъ державъ согласія, занимающая центральное мѣсто во всѣхъ трехъ газетахъ, строится главнымъ образомъ, на чисто-клеветническихъ выходкахъ. Вотъ примѣры: въ № 33 «Товарища» отъ 22-го августа помѣщена выдержка изъ какой-то газеты «Гонецъ Куявскій» подъ названіемъ «Серебряники Вильсона», гдѣ говорится слѣдующее: «Широкія массы русскаго народа по своему поняли низверженіе царизма и введеніе новаго республиканскаго образа правленія: онѣ не платятъ налоговъ и взываютъ о землѣ. Это повліяло, конечно, роковымъ образомъ на безъ того уже расшатанные финансы, и правительству пришлось искать вспомогательные источники. Оно обратилось къ Англіи и

Библиотека "Руниверс"

Америкѣ съ просьбой о заключеніи займовъ, но со всѣхъ сторонъ потребовали въ видѣ обратной услуги новаго наступленія. Даже русскіе соціалисты согласились на это, лишь бы не лишиться достигнутой власти. Такимъ образомъ, русскимъ солдатамъ пришлось итти на вѣрную смерть за серебреники, которые Вильсонъ предоставитъ ихъ отечеству. Но деньги американцевъ опять перетекутъ въ ихъ собственные карманы за доставленіе боевыхъ припасовъ, а русскія кассы останутся по прежнему пустыми. И что выиграетъ русскій народъ? Печаль по павшимъ, скорбь по инвалидамъ и проценты, которые придется платить союзникамъ. Одному лишь народу придется уплачивать проценты за то, что онъ былъ принужденъ вести войну въ интересахъ англійско-американскихъ купцовъ и фабрикантовъ». «Въ № 62 отъ 10-го ноября напечатано подъ заглавіемъ: «Изъ Франціи», письмо солдата нашего 1-го особаго полка, въ которомъ онъ жалуется на то, что русскихъ солдатъ не отпускаютъ изъ Франціи на родину, объясняетъ это хлопотами русскаго начальства, боящагося, будто бы, возвращенія на родину, такъ какъ ихъ «въ Россіи непремѣнно разстрѣляютъ за всѣ ихъ продѣлки», и бранитъ порядки французскаго госпиталя. Интересно, однако, не самое письмо, а минорное введеніе къ нему: «Изъ Франціи продолжаютъ приходить къ намъ письма солдатъ, находящихся «во французскомъ плѣну», какъ хочется выразиться послѣ прочтенія этихъ простыхъ, дышащихъ глубокой тоской безнадежности писемъ. Дикій произволъ и жестокость руководитъ тѣми, кто держитъ вдали отъ родины всѣхъ этихъ изстрадавшихся «плѣнниковъ».

Однако, Франціи и Америкѣ нѣмцы удѣляютъ въ своихъ листкахъ сравнительно второстепенное мѣсто: главныя заботы ихъ направлены на возбужденіе читателя противъ ненавистной Англіи. Не довольствуясь нападками, такъ сказать, теоретическаго свойства, они пускаютъ въ ходъ ложь, разсчитанную на пробужденіе въ русскомъ солдатѣ злобы противъ англійскихъ союзниковъ. Въ № 165 «Русскаго Вѣстника» отъ 6-го іюля (н. ст.) находимъ такое, напримѣръ, сообщеніе: «Бьюкенэнъ и Гендерсонъ довели до свѣдѣнія англійскаго правительства, что они добились согласія русскаго правительства на производимое русское наступленіе. Бывали случаи, что русскіе начальники протестовали противъ этого вмѣшательства и подавали въ отставку. ***Вслѣдствіе этого, англійскіе и французскіе офицеры приняли на себя командованіе».*** (Курсивъ подлинника). Въ № 181 той же газеты въ обращеніи «Къ русскимъ плѣннымъ» за подписью «Одинъ изъ многихъ б—.» говорится: «На поляхъ галиційскихъ, когда наши не могли выдержать напоръ австро-германскихъ силъ и должны были отступать, англійскіе солдаты пулеметами заставляли нашихъ итти впередъ, и такимъ образомъ, наши родные погибали тамъ тысячами, какъ отъ огня враговъ, такъ и союзниковъ нашихъ».

Не довольствуясь безымянными статейками, нѣмцы примѣнили

Библиотека "Руниверс"

остроумный пріемъ: «Русскій Вѣстникъ» открылъ свои столбцы для «писемъ военнопл'ѣнныхъ». Въ самомъ дѣлѣ, голосъ самихъ пл'ѣнныхъ, славословящихъ своихъ тюремщиковъ и на чемъ свѣтъ стоитъ поносящихъ все ту же злую Англію, развѣ это не лучшее доказательство прямоты и искренности нѣмецкихъ редакторовъ и авторовъ. Правда, и эти пл'ѣнные анонимны: напримѣръ, Е. Я., лоручикъ Я., какой-то Д. В. О., Одинъ изъ многихъ, Я. Ф—въ, І. Ф—къ, С. П—о, и т. д., но это не такъ ужъ важно,—вѣдь въ основѣ ложится расчетъ на легковѣріе читателя. Что же, однако, пишутъ «военнопл'ѣнные»? Господинъ Е. Я. увѣряетъ, напримѣръ, что въ Россіи «стоятъ англійскіе цензоры», которые не пропустятъ къ временному правительству требованіе пл'ѣнныхъ о скорѣйшемъ заключеніи мира («Р. В.» № 165). Господинъ О. разражается цѣлой тирадой: «Не слѣдуетъ вѣрить, что наступитъ вѣчный миръ на земл'ѣ. Не быть этому, въ особенности послѣ всего творимаго нашими союзниками, изъ которыхъ самымъ ненасытнымъ оказывается, какъ и всегда, «вѣчный жидъ Альбіонъ», и т. д.

Однако, съ этими «письмами» усердные редакторы хватили черезъ край: какія-то «Извѣстія С. Р. и С. Деп.» усомнились въ революціонной добропорядочности одного изъ авторовъ писемъ и обозвали его шпикомъ. Это вызвало благородное негодованіе редакціи «Русскаго Вѣстника» и соотвѣтственное обращеніе къ заподозрѣнному, въ которомъ, между прочимъ, редакторы говорятъ: «...Вы можете усмотрѣть изъ комментарій «Извѣстій» что въ вашемъ отечествѣ работа «Русскаго Вѣстника» еще не нашла пониманія. Наше стремленіе безпристрастно освѣдомить о мнѣніяхъ военнопл'ѣнныхъ въ Германіи вашихъ братьевъ на родин'ѣ, наталкивается, какъ вы видите, на сопротивленіе и непониманіе. Изъ этого вы сами можете заключить, что къ сожалѣнію еще рано опубликовывать множество получаемыхъ нами писемъ военнопл'ѣнныхъ; къ этому мы можемъ лишь приступить, будучи убѣжденными, что къ нашимъ честнымъ стремленіямъ въ Россіи отнесутся съ довѣріемъ. «Пративъ еще нѣсколько крокодиловыхъ слезъ, добрая редакція все же смѣняетъ гнѣвъ на милость и заявляетъ, что она готова отъ времени до времени печатать письма, «уже съ тѣмъ, чтобы исполнять просьбы авторовъ» *).

*) Мы позволимъ себѣ отмѣтить еще одинъ пріемъ нѣмецкой пропаганды на нашемъ фронтѣ, который не отмѣченъ въ статьѣ г. Гордона. Объясняя причины успѣха нѣмецкой пропаганды, авторъ пишетъ: «Причина этого успѣха чрезвычайно проста: вѣдь каждое слово и дѣйствіе нѣмецкихъ пропагандистовъ ловко согласовывалось съ рѣчами всякихъ «Правдъ», «Соціалъ-демократовъ» (стр. 332). Болѣе того. Русская революціонная печать въ лицѣ даже такихъ газетъ, какъ «Новая Жизнь», «Впередъ», давала нѣмцамъ незамѣнимый матеріалъ для ихъ пропаганды. Выдержки изъ русскихъ газетъ часто ярлостью превосходили то, что могли дѣлать нѣмецкіе авторы, и были, быть можетъ, наиболѣе надежнымъ и вѣрнымъ средствомъ для разложенія русской арміи. Такъ, газета «Товарищъ» (№ 58, отъ 1 нояб. (19 окт.) 1917 г.). перепечатываетъ изъ«Новой Жизни» статью «Миссіонеры» гдѣ разсказывается о томъ, какъ французское правительство организовало миссію изъ русскихъ соціалистовъ въ Россію, чтобы пропагандировать

Библиотека "Руниверс"

IV.

Уже въ большей части приведенныхъ выше выдержекъ достаточно рельефно выступаетъ вторая тенденція нѣмецкихъ газетокъ: очерненіе правящихъ круговъ. Вѣдь, по изображенію цитированныхъ авторовъ, союзники все время кого-то въ Россіи подкупаютъ и покупаютъ: разумѣется, купить стоитъ того, кто, въ свою очередь, имѣетъ что продать, и вотъ на русскихъ министровъ дѣлаются прозрачные намеки и прямыя указанія. Въ № 45 «Недѣли», отъ 23-го апрѣля, въ статьѣ «Стокгольмская конференція» встрѣчается, напримѣръ, такое мѣсто: «И въ Россіи также теперь еще у власти люди, думающіе не по-русски, а по-англійски. Это показываетъ рѣчь министра иностранныхъ дѣлъ Милюкова... Милюковъ хочетъ присоединить къ Сербіи австрійскую Боснію; это значитъ для насъ бороться дальше, пока нашъ добрый мечъ не научитъ профессора Милюкова, что мы отнюдь не можемъ уступить бѣлградскимъ убійцамъ».

Послѣ паденія перваго состава временнаго правительства, нѣмецкія газетки взялись за Керенскаго. Въ № 16 «Товарища», отъ 13-го іюля ст. ст., напечатана извѣстная телеграмма испол. комитета 11-й арміи о позорномъ бѣгствѣ солдатъ этой арміи съ указаніемъ на необходимость суровыхъ мѣръ . Телеграмма эта снабжена редакціоннымъ обращеніемъ, напечатаннымъ жирнымъ шрифтомъ: «Солдаты русской революціонной арміи! Вамъ говорятъ, что революціонной Россіи грозитъ гибель отъ германцевъ и ихъ союзниковъ. Это неправда. Центральныя державы уже не разъ объявляли вамъ, что онѣ рады вашей свободѣ и не намѣрены вмѣшиваться въ ваши внутреннія дѣла; не разъ уже онѣ вамъ предлагали миръ,—но ваши предводители не желаютъ мира. Не вѣрьте тѣмъ, кто напечатаннымъ выше воззваніемъ хочетъ снова васъ обмануть и вогнать въ новый кровавый бой, въ безцѣльности котораго ваши товарищи-солдаты 11-й арміи горько убѣдились; они отказываются проливать свою кровь за Англію и ея русскихъ помощниковъ. Мы снова призываемъ васъ къ миру, несмотря на то, что мы побѣдоносно отразили ваше наступленіе и отогнали васъ за рѣку Серетъ. Возьмите протянутую вамъ руку и кровопролитію будетъ конецъ. Никто и ничто вамъ тогда не по-

---

французскую аріергарду войны и «засыпать пропасть, отдѣляющую въ вопросахъ войны и мира русскую демократію отъ французскаго империализма». (Ссылка на «Нов. Жизнь», № 133, отъ 21 сент. 1917 г.). Или та же газета «Товарищъ» (№ 57, отъ 30 (17) окт. 1917 г.) не упускаетъ воспользоваться статьею «Гдѣ выходъ?» съ яркимъ призывомъ къ концу войны и къ борьбѣ за миръ. (Ссылка на «Впередъ», № 165 отъ 24 сент. 1917 г.). Здѣсь же перепечатывается большевистская резолюція Царскосельск. Св. Раб. и Солд. деп. и Царскосельск. Уѣздн. Сов. Врест. деп. съ требованіемъ прекращенія травли солдатъ, героически отстаивающихъ родину и революцію, полной демократизаціи арміи и «немедленнаго заключенія перемирія на всѣхъ фронтахъ, какъ перваго шага къ заключенію мира безъ аннексій и контрибуцій, на основѣ права всѣхъ націй на самоопредѣленіе». (Ссылка на газ. «Солдатъ», № 20 отъ 19 сент. 1917 г.). Ред.

Библиотека "Руниверс"

мѣшаетъ пожинать плоды посѣянной вами свободы. Не дайте обмануть себя Керенскимъ, Брусиловымъ и другимъ крикунамъ и агитаторамъ за продолженіе войны. Отъ Германіи и ея союзниковъ революціонной Россіи не грозитъ никакой опасности. Опасность грозитъ отъ тѣхъ, кто съ 18-го іюня подстрекаетъ къ безцѣльнымъ кровопролитнымъ наступленіямъ, и не перестаетъ требовать вашей крови для своихъ корыстныхъ цѣлей». И въ томъ же номерѣ, опять жирнымъ шрифтомъ напечатанъ прямой призывъ къ солдатамъ низвергнуть правительство: «Не мы отвѣтственны за возобновленіе всѣхъ ужасовъ войны на нашемъ восточномъ фронтѣ. Мы повторяемъ еще разъ: только наступленіе Керенскаго вызвало наше контръ-наступленіе. Не будь наступленія, мы спокойно выжидали бы того момента, когда русскій революціонный народъ и революціонная армія, преодолѣвъ сопротивленіе правительства Керенскаго, рѣшившаго продолжать войну въ интересахъ англійскихъ, французскихъ и американскихъ капиталистовъ за счетъ русскаго народа, наконецъ, выразятъ намъ свое согласіе вступить въ мирные переговоры». Такого рода воззванія и призывы, слѣдуетъ замѣтить, распространились въ то же время и въ множествѣ прокламацій. Какъ же темному русскому солдату было не повѣрить, что, «если нѣмца не тронуть, то и онъ не тронетъ»! А вмѣстѣ съ тѣмъ нарастала злоба противъ отвѣтственныхъ руководителей русской политики. Въ № 33 отъ 22-го августа ст. ст. помѣщена замѣтка подъ заглавіемъ: «Строгія мѣры Керенскаго». Вотъ, что мы здѣсь читаемъ: «Изъ Петрограда сообщаютъ подробности относительно строгихъ мѣръ, примѣняемыхъ Керенскимъ для подавленія всякихъ попытокъ протеста противъ диктатуры. Полкъ № 703, игравшій большую роль во время петроградскихъ уличныхъ боевъ, былъ отданъ сначала подъ охрану казаковъ, потомъ обезоруженъ. Затѣмъ Керенскій приказалъ разстрѣлять каждаго 20-го человѣка, а остальныхъ распредѣлить по другимъ полкамъ». Правда и ложь сплелись въ этой замѣткѣ самымъ причудливымъ образомъ: 703 Сурамскій полкъ не принималъ участія ни въ какихъ уличныхъ бояхъ, и единственный революціонный подвигъ, имъ совершенный, заключался въ основательномъ избіеніи Н. Д. Соколова, одного изъ авторовъ, или просто автора знаменитаго приказа № 1. Ни одинъ солдатъ, однако, разстрѣлянъ не былъ, а возня съ расформированіемъ полка продолжалась что-то очень долго. Само собою разумѣется. Керенскому можно поставить въ вину, что угодно, но, ужъ, конечно, не пристрастіе къ «строгимъ мѣрамъ». Но въ расчеты нѣмецкихъ рептилій входило возбужденіе солдатъ противъ министра, и этого было достаточно, чтобы сдѣлать изъ него мишень для лживыхъ и клеветническихъ навѣтовъ. Когда была возстановлена смертная казнь, то для газетокъ явилась новая благодарная тема: читая полныя благороднаго негодованія статьи, какъ-то забывалось, что исходятъ онѣ изъ лагеря, въ которомъ эта самая казнь процвѣтаетъ не только въ военномъ, но и въ уголовномъ уложеніи.

Библиотека "Руниверс"

Даже сообщая о телеграммѣ Керенскаго съ приказомъ о неприведеніи въ исполненіе смертныхъ приговоровъ на фронтѣ, нѣмцы считаютъ не лишнимъ снабдить это сообщеніе нравоучительнымъ примѣчаніемъ: «Давно бы Керенскому слѣдовало это запретить». («Р. В.» № 205).

Ясно само собою, что когда настали дни большевистскаго переворота, то первые листы газетъ запестрѣли отъ жирнаго шрифта радіотелеграммъ съ традиціонными заголовками: «Всѣмъ», «Всѣмъ, всѣмъ, всѣмъ», сообщавшихъ о ходѣ событій и отмѣчавшихъ всѣ успѣхи партіи Ленина и всѣ неудачи ненавистнаго нѣмцамъ Керенскаго. Надо отдать должное нѣмцамъ: мы въ это время узнавали отъ нихъ о петроградскихъ событіяхъ раньше, чѣмъ до насъ доходили отечественныя извѣстія.

Точно такъ же, какъ министровъ, агитаціонныя газеты стараются дискредитировать въ глазахъ солдатъ нашъ командный составъ. Здѣсь опять-таки хороши всѣ средства: генераловъ и офицеровъ высмѣиваютъ, на нихъ безсовѣстно лгутъ, на нихъ прямо натравливаютъ солдатскую чернь.

Такъ, сообщая о преданіи генераломъ Корниловымъ (въ то время уже верховнымъ главнокомандующимъ) суду одного командира корпуса за отказъ открыть огонь по бѣгущимъ солдатамъ, редакція «Р. В.» 181 предупредительно добавляетъ: «Генералъ этотъ, вѣроятно, будетъ разстрѣлянъ». Тутъ же разсказывается, что будто бы ген. Корниловъ, «на одной лишь станціи ж.д. приказалъ разстрѣлять 500 солдатъ». Назначеніе Л. Г. Корнилова, вообще, обезпокоило, видимо, нѣмцевъ: все въ томъ же номерѣ посвящена ему цѣлая статья подъ благозвучнымъ названіемъ: «Корниловъ и висѣлица». Заодно въ этой же статьѣ обливается грязью Керенскій и реабилитируется Ленинъ. Врядъ ли, впрочемъ, послѣднему понравилась бы эта реабилитація, исходящая не отъ кого иного, какъ отъ Гольфанда-Парвуса, котораго редакція рекомендуетъ тутъ же, какъ «наилучшаго знатока происходящаго въ Россіи». Для полноты картины остается еще прибавить, что, когда при бѣгствѣ растлѣнныхъ пропагандой полковъ юго-западнаго фронта озвѣрѣлые солдаты разгромили Калущъ, то одна изъ газетокъ, превзойдя вершины наглости, выразила свою увѣренность въ томъ, что разгромъ этотъ учинили не «доблестными полками, уходившими съ поля сраженія потому, что они не желали умирать за кровожадный англійскій капиталъ, а гнусными бандами Брусилова и Керенскаго».

V.

Какъ я уже упоминалъ выше, заботливыя редакціи газетъ принимали во вниманіе и необходимость эстетическаго воздѣйствія на своихъ читателей. Съ этой цѣлью «Товарищъ» и «Недѣля» въ текстѣ, а «Русскій Вѣстникъ» въ еженедѣльныхъ приложеніяхъ помѣщали фельетоны, рисунки, каррикатуры, стихи. Изъ фельетоновъ, кромѣ «Исторіи француз-

Библиотека "Руниверс"

ской революціи» Бертолютти печатавшейся въ рядѣ номеровъ «Товарища», назову, напримѣръ, «Майскую ночь» Гоголя, печатавшуюся въ «Недѣлѣ», при чемъ даже въ сопровожденіи чего-то въ родѣ историко-литературнаго комментарія. Соединяя пріятное съ полезнымъ (конечно, для нихъ полезнымъ), редакторы «Товарища» оказали гостепріимство Горьковскому «9-го января» и «Толстовскому «Не могу молчать». Рисунки также носятъ то дидактическій характеръ, какъ, напримѣръ, портреты видныхъ соціалистовъ всѣхъ странъ, въ томъ числѣ Давида, Адлера (конечно, Виктора), Аксельрода, Мартова и даже самого Тома, то разсчитаны уже исключительно на пробужденіе извѣстныхъ чувствъ. Вотъ, русскій священникъ обходитъ съ молебномъ окопы и навстрѣчу иконѣ тянутся изможденные солдаты, вотъ кладбище павшихъ воиновъ въ Вьевилль и Гастоншапель съ массою могилъ и безвкуснымъ нѣмецкимъ памятникомъ, — созданіемъ какого-то «архитектора полковника фонъ-Гольдонкъ», вотъ изображеніе безрукаго саксонскаго унтеръ-офицера, пишущаго на машинкѣ съ помощью искусственной руки. Особое мѣсто занимаютъ рисунки, имѣющіе задачей иллюстрировать нѣмецкую мощь и благополучіе. Таковы картинки, изображающія англичанъ, взятыхъ въ плѣнъ во время сраженія на Энѣ, русскихъ солдатъ, взятыхъ въ плѣнъ въ бояхъ послѣдняго лѣта, наконецъ, французовъ,—длинную вереницу плѣнныхъ, взятыхъ у Рипона въ Шампани. Таково, напримѣръ, воскресное отдохновеніе берлинцевъ на берегу Шпрее: необозримое количество уставленныхъ всякою снѣдью столиковъ съ сидящими подлѣ нихъ улыбающимися бюргерами,—фотографія, снятая едва ли не за годъ до войны. Въ приложеніи къ «Вѣстнику» (№ 10 отъ іюля 1917 г.) помѣщено наглядное изображеніе количества плѣнныхъ, взятыхъ центральными державами: огромный русскій солдатъ иллюстрируетъ 2,080,699 русскихъ плѣнныхъ, постепенно уменьшающіяся фигуры изображаютъ 368,607 французовъ, 154,630 сербовъ, 45,241 англичанина и т. д. Карикатуръ довольно много. Въ № 16 «Товарища» находимъ «покровителя малыхъ державъ»: огромный Вильсонъ съ чрезвычайно свирѣпой физіономіей суетъ къ самому носу испуганно отшатнувшагося голландца внушительный кулакъ; подзаголовокъ гласитъ: «Америка угрожаетъ Голландіи прекратить подвозъ продовольствія, если Голландія не приметъ участія въ войнѣ на сторонѣ державъ согласія». Въ другомъ номерѣ маленькій Викторъ Эммануилъ плачетъ, стоя передъ своимъ тестемъ королемъ Николаемъ, а послѣдній утѣшаетъ его, говоря: «Полно тебѣ отчаиваться; хуже дѣло пойти уже не можетъ». Любопытно, однако, что карикатуръ на русскихъ политическихъ дѣятелей мнѣ встрѣчать не приходилось: вѣроятно, редакціи учитывали возможное непріятное впечатлѣніе. Что касается стиховъ, то и здѣсь можно установить тѣ же различія: одни изъ нихъ имѣютъ цѣлью развивать «соціальныя» чувства читателей, будя въ нихъ классовую ненависть (напримѣръ, длин-

Библиотека "Руниверс"

нѣйшая «поэма» подъ названіемъ «Благодѣтели» на извѣстную тему: «Одинъ съ сошкой, семеро съ ложкой»), другіе, рисуя тоску по родинѣ или описывая прелести домашняго очага, растравляютъ чувствительныя души, третьи, наконецъ, проникнуты негодованіемъ и свирѣпой ненавистью къ «буржуямъ», заставляющимъ солдатъ проливать кровь для ихъ, буржуевъ, удовольствія. Есть вирши, восхваляющія блага нѣмецкаго плѣна. Чтобы закончить, приведу одинъ особенно забавный образчикъ («Р. Вѣстникъ» № 165):

Какъ проводили русскіе военнопленные германскій праздникъ.

Ты, читатель дорогой,
Выслушай разсказъ сей мой.
Я лишь разскажу про то,
Какъ провелъ я Рождество.
Наканунѣ намъ сообщили,
Что хозяева пригласили
Въ горницы своихъ домовъ,
Не считая за враговъ.
Какъ мы въ горницы вошли,
Стулья сѣсть намъ подали,
Сами съ нами усадились.
И сердца ихъ пробудились.
Псалмы начали читать,
Христа Бога прославлять.
На органѣ заиграли,
Христу славу воздавали.
Когда кончились моленья,
Начались тутъ подношенья.
Мы подарки принимали,
Благодарность имъ сказали.
У барака мы сходились,
Добротѣ не нахвалились,
Съ радости мы прослезились,
А потомъ ужъ веселились.
Ты, читатель дорогой,
Согласись и ты со мной.
Написалъ я здѣсь не сказку:
Я видалъ сердечну ласку.

Военнопл. *С—нъ.*

VI.

Обратимся теперь къ разсмотрѣнію нѣмецкихъ прокламацій, попадавшихъ въ окопы обычно тѣмъ же путемъ, что и газеты, т.-е. снимавшихся нашими солдатами съ проволоки. Иногда, впрочемъ, ихъ приносили перебѣжчики, хотя и не въ цѣляхъ пропаганды. Надо сказать, что изъ довольно значительнаго числа этихъ перебѣжчиковъ, которыхъ я подвергалъ опросу, только одинъ былъ природный нѣмецъ, остальные же были чехи, поляки и эльзасцы, нисколько не заинтересованные въ успѣхахъ германскаго оружія.

Прокламаціи носили довольно разнообразный характеръ: однѣ изъ нихъ имѣли, видимо, цѣлью непосредственное агитаціонное воздѣйствіе, другія являлись отвѣтомъ на воззванія разныхъ русскихъ «Совѣтовъ» или полемизировали съ русскимъ командным составомъ, третьи, наконецъ, представляли собою оправданіе тѣхъ или иныхъ нѣмецкихъ дѣйствій. Приводя въ дальнѣйшемъ примѣры, я вездѣ сохраняю стиль подлинника.

Вскорѣ послѣ завершенія февральскаго переворота въ одинъ изъ окоповъ прилетѣла бомба, брошенная изъ нѣмецкаго бомбомета: внутри она вмѣсто взрывчатаго вещества содержала нѣсколько газетъ и пачку

Библиотека "Руниверс"

прокламацій. Прокламаціи были напечатаны съ двумя параллельными текстами—русскимъ и нѣмецкимъ—и подписи не имѣли. Вотъ русскій текстъ:

«Солдаты великой новой Руси! При помощи революціи вы освободились, наконецъ, отъ оковъ угнетавшаго васъ царизма. Вы надѣялись въ самомъ ближайшемъ будущемъ достигнуть давно желаннаго мира, чтобы, наконецъ, вернуться домой къ своимъ женамъ и роднымъ. Но, увы! изъ огня вы попали въ полымя! Вмѣсто царя вами командуетъ теперь подлая Англія! Подставной ея Милюковъ слѣпо ей повинуется и по приказу ея требуетъ и добивается завоеваній, которыя войну только удлиняютъ, къ никакому результату не приведутъ, какъ только къ лишнему проливанію вашей крови. Почему Англія годами готовилась къ этой войнѣ, весь міръ превратила въ страшный пожаръ и дальше еще хочетъ вести войну до послѣдняго русскаго солдата? Сама она и съ флотомъ своимъ ничего не въ состояніи сдѣлать, скрывается отъ нѣмецкихъ подводныхъ лодокъ и хитростями гонитъ для своей цѣли русскаго солдата прямо въ огонь. Теперь только вы ее раскусили и правда передъ вами налицо! Чего она добивается? Она васъ обкрадываетъ, хочетъ у васъ отнять прибалтійскія края, какъ она отобрала у испанцевъ Гибралтаръ, у французовъ теперь забрала Калэ; своими капиталами она вашъ денежный рынокъ въ свои руки забрала и вашу чудную страну своей хитростью и подлостью превратить въ нищенство. Вы сбросили съ себя угнетавшія васъ около столѣтія тяжелыя цѣпи и оковы русскаго царизма и нехотя попадаете теперь подъ такія же англійскія. Сохраните же завоеванную себѣ свободу, употребите всѣ свои усилія, чтобы добиться, наконецъ, желаннаго мира, къ которому нѣмцы такъ же честно стремятся, какъ и вы». Надо замѣтить, что нѣмецкій текстъ этой прокламаціи длиннѣе русскаго: онъ написанъ вообще сильнѣе, а кромѣ того, въ концѣ находится слѣдующій почему-то на русскій языкъ непереведенный призывъ: «Свободные русскіе! Разорвите паутину ядовитаго лондонскаго паука! Еще есть время! Вынудите миръ, вынудите его отъ петербургскаго правительства, которое не знаетъ лишеній и страданій окоповъ. Долой Англію, которая хочетъ васъ обмануть и пустить по міру, какъ она всегда обманывала и разоряла всѣхъ своихъ союзниковъ!»

28 мая петроградскій Сов. Р. и С. Деп. обратился съ прокламаціями къ нѣмецкимъ соціалистамъ, гражданамъ и солдатамъ съ разъясненіемъ цѣлей русской «революціонной демократіи» и призывомъ къ поддержкѣ. Немедленно въ отвѣтъ на проволокѣ очутились кипы прокламацій, подписанныхъ самимъ принцемъ Леопольдомъ Баварскимъ. «Всѣмъ. Отвѣтъ на прокламацію Совѣта Рабочихъ и Солдатскихъ Депутатовъ отъ 28 мая (10 іюня). Совѣтъ Рабочихъ и Солдатскихъ Депутатовъ говоритъ, что русская революціонная демократія неуклонно идетъ по пути

Библиотека "Руниверс"

къ своей цѣли и что цѣль эта общій миръ. А это и наша цѣль. Однако, для достиженія этой цѣли до сихъ поръ сдѣланы только два существенныхъ предложенія и оба они сдѣланы нами! Первое: предложеніе мира, сдѣланное центральными державами въ декабрѣ 1916 года. Центральныя державы предложили «въ скоромъ времени вступить въ переговоры о мирѣ, дабы предупредить дальнѣйшее кровопролитіе и прекратить ужасную войну». Протянутая нами рука правительствами державъ согласія была отвергнута съ насмѣшкой. Въ то время, правда, въ Россіи существовало еще царское правительство. Второе предложеніе: нашъ циркуляръ «Всѣмъ» и прокламація австро-венгерскаго главнокомандующаго. Центральныя державы изъявили свою готовность; назначьте уполномоченныхъ представителей для переговоровъ о цѣляхъ войны и о возможности перемирія. Въ то время царскаго правительства въ Россіи уже не существовало; на его мѣсто сталъ Совѣтъ Рабочихъ и Солдатскихъ Депутатовъ. Какой же на этотъ разъ былъ отвѣтъ? Россія желаетъ мира безъ завоеваній и контрибуцій, но въ то же время она не хочетъ отказаться отъ договоровъ съ Англіей, Франціей и Италіей. Вамъ эти договоры извѣстны? Мы не знаемъ текста этихъ договоровъ, но мы знаемъ, чего Англія, Франція и Италія добиваются отъ насъ. Это ими ясно высказано. Одна изъ ихъ цѣлей та, чтобы Австро-Венгрія отдала итальянцамъ Тріестъ, Тріентъ и побережье Далмаціи. Господинъ Рибо, французскій министръ-президентъ, объявилъ: «Мы не хотимъ завоеваній. Но это не значитъ, чтобы мы отказались отъ права требовать для насъ Эльзасъ-Лотарингіи. Мы будемъ воевать до тѣхъ поръ, пока эти провинціи не будутъ возвращены отечеству». «Провинціи», о которыхъ говоритъ г. Рибо, это старыя нѣмецкія земли, отнятыя Франціей у Германіи 200 лѣтъ назадъ! А Бріанъ хочетъ захватить даже весь лѣвый берегъ Рейна и германскія колоніи! И все это съ согласія Англіи и прежняго русскаго правительства! Франція, Англія и Италія требуютъ большихъ захватовъ и кромѣ того, контрибуціи въ 100 милліардовъ. А Россія желаетъ мира безъ захватовъ и контрибуцій. Это по вашему не противорѣчіе? Гдѣ же истина о томъ, чего желаетъ свободный русскій народъ? Въ военныхъ цѣляхъ державъ согласія, отъ которыхъ Россія еще не отказалась, или въ неоднократно долетавшихъ до насъ изъ рядовъ русской арміи отзвукахъ желанія заключить миръ? Если новое русское правительство, подстрекаемое своими союзниками, желаетъ убѣдиться въ томъ, стоятъ ли еще на нашемъ восточномъ фронтѣ «германскія дивизіи и тяжелыя орудія»,—пусть оно это сдѣлаетъ! Поступая такимъ образомъ, оно, конечно, удалится отъ цѣли общаго мира и пойдетъ дальше по тому пути, на который съ такимъ успѣхомъ вступило уже прежнее русское правительство,—по пути къ новымъ братскимъ могиламъ. Тогда вы, наконецъ, убѣдитесь въ томъ, что вашъ могильщикъ—Англія. Какъ она для своихъ цѣлей 13 лѣтъ назадъ довела васъ до войны съ Япо-

Библиотека "Руниверс"

ніей, такъ она и теперь погубитъ насъ для того, чтобы поддержать и укрѣпить свою всемірную власть. Главнокомандующій восточнымъ фронтомъ».

Въ этой прокламаціи обращаютъ на себя вниманіе два обстоятельства. Прежде всего принцъ Леопольдъ совершенно игнорируетъ временное правительство и разсматриваетъ Сов. Р. и С. Деп., какъ преемника императорскаго правительства, не безъ тонкаго расчета, разумѣется! Во-вторыхъ, его высочество не брезгуетъ и провокаціей: иначе нельзя назвать то мѣсто прокламаціи, гдѣ принцъ-фельдмаршалъ съ восхитительной наивностью спрашиваетъ своихъ корреспондентовъ: «Вамъ эти договоры извѣстны?» Вотъ онъ знаменитый лозунгъ, на которомъ одно время строилась система разложенія русской «революціонной демократіи» и скромный вопросъ германскаго полководца! Какъ бы то ни было, мнѣ пришлось слышать разговоры солдатъ на темы этой прокламаціи, и я могу констатировать, что цѣль ея была достигнута: въ умахъ солдатъ она посѣяла тяжелое сомнѣніе и заронила яркую искру подозрѣнія и недовѣрія къ правящимъ нашимъ сферамъ того времени. Самая проблема опубликованія договоровъ рѣшалась, конечно, солдатами съ примитивной наивностью. Тщетно пытаясь въ частныхъ разговорахъ и въ собраніяхъ разъяснить всю нелѣпость и невыгодность для насъ односторонняго опубликованія, я говорилъ: «Вѣдь нѣмцы тоже связаны съ своими союзниками тайными договорами и притомъ несомнѣнно завоевательными, т. к. они зачинщики войны, а между тѣмъ, что-то ничего не слышно, чтобы они собирались оглашать ихъ?» Отвѣтъ получается классическій: «Ну къ што жъ, небось и они опубликуютъ!»—«А если нѣтъ?»—«А нѣтъ, такъ и не нужно».—«А намъ нужно?»—«Выходитъ, стало быть, что нужно». Почему такъ «выходитъ», политики не объясняли и объяснить не могли.

Однажды лѣтомъ на Сѣверномъ фронтѣ нѣсколько нѣмецкихъ офицеровъ вышло къ нашимъ заграждѣніямъ съ бѣлымъ флагомъ, и объяснили, что они имѣютъ полномочія предложить главнокомандующему перемиріе. Въ изъятіе изъ общихъ правилъ они были препровождены, кажется, въ Двинскъ и тамъ были опрошены генераломъ Драгомировымъ. При опросѣ о цѣляхъ ихъ прибытія они давали сбивчивые отвѣты, путались, а у одного изъ нихъ оказались большіе запасы газетъ и прокламацій. Въ результатѣ они были отправлены обратно. и до свѣдѣнія германскаго командованія было доведено, что при повтореніи подобные «парламентеры» будутъ квалифицироваться, какъ шпіоны. Объ этомъ отданъ былъ приказъ по арміямъ съ подробнымъ изложеніемъ инцидента. Не успѣлъ появиться этотъ приказъ, какъ нѣмцы сочинили и доставили намъ «опроверженіе». Эта прокламація была составлена поистинѣ мастерски: не отрицая самаго факта, авторъ придалъ дѣлу такой оборотъ, что вина въ происшедшемъ недоразумѣніи лежитъ

Библиотека "Руниверс"

на ген. Драгомировѣ, не сумѣвшемъ, видите ли, какъ слѣдуетъ разобраться въ томъ, что ему говорили германскіе офицеры. Но главное заключалось въ томъ, что совершенно невозможно было, ни по тону, ни по выраженіямъ, ни по стилю, опредѣлить, откуда исходитъ эта полемическая бумажка, и въ довершеніе всего подъ нею стояла подпись: «Верховный главнокомандующій». Рѣшительно получалось впечатлѣніе, что одинъ русскій генералъ проштрафился, а другой его деликатно опровергаетъ. Я имѣлъ случай провѣрить, что нѣкоторыми солдатами это такъ и было понято.

30 и 31 октября произошелъ едва ли не послѣдній на русскомъ фронтѣ бой: на одномъ изъ боевыхъ участковъ нашего корпуса нѣмцы атаковали и взяли мѣшавшую имъ высоту, занятую нашими окопами. Мы знали о подготовлявшемся наступленіи за два мѣсяца: я узналъ о немъ отъ перебѣжчиковъ и донесъ по командѣ. Всѣ мѣры были приняты, и потому, несмотря на то, что по небольшому сравнительно участку было въ теченіе двухъ часовъ выпущено около 15,000 снарядовъ и были пущены газы, результаты достигнутые нѣмцами, оказались довольно скромными, а потери, благодаря блестящей работѣ нашей легкой и тяжелой артиллеріи, крупными. Солдаты наши вопреки, можетъ быть, нѣмецкимъ ожиданіямъ дрались хорошо, и наступленіе дальше не развивалось, хотя, судя по сосредоточенію къ мѣсту боя нѣсколькихъ полковъ, можно было думать, что нѣмцы, въ случаѣ удачи удара, собирались прорвать нашъ фронтъ. Надо отмѣтить, что, несмотря на то, что власть была уже захвачена Ленинымъ и Троцкимъ, о чемъ нѣмцы знали отлично, равно какъ, несомнѣнно, знали и о ближайшихъ послѣдствіяхъ этого захвата, однако, они удара своего не отмѣнили. Это обстоятельство могло произвести невыгодное впечатлѣніе на нашихъ солдатъ, и вотъ начальникъ 201 германской дивизіи, ген.-лейт. фонъ-Дикгутъ-Гаррахъ, почелъ необходимымъ дать намъ объясненіе своего неделикатнаго поступка. Среди взятыхъ у насъ плѣнныхъ былъ ст. унтеръ-офицеръ ** полка Касьяновъ. Черезъ день послѣ боя онъ былъ (по его словамъ) самимъ начальникомъ дивизіи отвезенъ въ германскіе окопы и выпущенъ къ намъ, при чемъ его снабдили бутербродомъ, бутылкой рому и увѣсистой пачкой, въ которой находилось около 200 номеровъ газетъ и до ста экземпляровъ наскоро отъ руки написанной и на гектографѣ размноженной «исповѣди» германскаго командованія. Касьяновъ всѣ эти предметы въ цѣлости доставилъ въ штабъ корпуса. Бутербродъ съѣсть никто не рѣшился, ромъ, къ великому огорченію писарей оперативнаго отдѣленія, я вылилъ за окошко, а въ письмѣ германскаго генерала прочелъ слѣдующее: «Русскіе Солдаты! Передъ нашимъ послѣднимъ наступленіемъ мы повторично пытались съ вами брататься. Ваши товарищи на другихъ участкахъ фронта давно вошли въ братаніе съ успѣхомъ, что военныя дѣйствія по взаимному соглашенію прекратились. Но вы не согласились

Библиотека "Руниверс"

брататься съ нами. Доказательствомъ, что это не была слабость съ нашей стороны, служитъ вамъ наше наступленіе 30-го октября, при которомъ мы взяли часть вашей позиціи. Отъ вашихъ плѣнныхъ мы узнали, что вы больше не желаете воевать, и ваши депутаты въ Петроградѣ носятся съ мыслемъ заключенія мира. Мы готовы и въ нашемъ участкѣ заставить молчать винтовкамъ и орудіямъ. Если у васъ такое же желаніе какъ у вашихъ товарищей на другихъ участкахъ фронта, то посылайте депутатовъ, съ которыми мы вступимъ честнымъ образомъ въ переговоры. Они вернутся къ вамъ безъ стѣсненія немедленно послѣ разговоровъ и сообщаютъ вамъ наши обсужденія. Пока съ вашими депутатами не начались переговоры все остается по старому. Письмо это передаетъ вамъ товарищъ, попавшій у насъ въ плѣнъ и которому мы добровольно дали свободу». Подписи на этомъ документѣ не было. Замѣтимъ: кстати, что нѣмцы широко практиковали выпускъ нашихъ плѣнныхъ, якобы, бѣгущихъ изъ плѣна, въ цѣляхъ пропаганды, предварительно, какъ слѣдуетъ, ихъ обработавъ. Кромѣ того, подъ видомъ бѣгущихъ изъ плѣна проникали иногда и просто агенты нѣмецкаго генеральнаго штаба. Покойная наша контръ-развѣдка могла бы, я полагаю, много разсказать объ этомъ.

Когда къ осени съ новой силой вспыхнуло стремленіе къ братанію, что стоялo, какъ увидимъ ниже, въ тѣсной связи съ нѣмецкими видами и планами, то нерѣдко въ наши окопы направлялись письма съ соотвѣтственными предложеніями. Вотъ, напримѣръ, одно невразумительное посланіе, которое я привожу въ точнѣйшей копіи:

«Русскоій Солдатіъ! Наша выправа вчэра сѣвэрноый озэро К... была скіэрована протіівъ ваший парты, ктора хотѣ дальшэ войнэ. Хотѣли ву войнэ или міръ? Прибытѣ къ намъ пэртрактоваць! Мы нъ будэмъ стрѣлять, эсли вы будэтэ имѣть бѣлый хусткэ. Германскій Солдаты».

Наконецъ, нѣмцы въ случаѣ желанія немедленно довести до нашего свѣдѣнія пріятныя для нихъ извѣстія пользовались и радіотелеграфомъ. Привожу радію съ извѣщеніемъ объ октябрьскомъ переворотѣ, сохраняя всѣ красоты подлинника: «Рейтеръ передаетъ по телеграфу изъ Петербурга. Максималисты имѣютъ городъ въ рукахъ, взяли подъ арестъ министровъ; водителемъ подвиженіемъ Ленинъ, онъ требуетъ сейчасъ полное спокойство оружія и миръ. Трупы (очевидно, войска) революціонныхъ комитетовъ взяли въ свою власть Зимній дворецъ. Конгрессъ рабочяго и солдатскаго совѣта надъ цѣлой Россіей спустили 3 прокламаціи, все стоитъ подъ могуществомъ рабочяго и солдатскаго совѣта, статскимъ комисарамъ отъ своихъ мѣстъ отказали. Предсѣдатели рабочихъ и солдатскихъ совѣтовъ имѣютъ полную связь съ революціонистами. Всѣ арестованные чины крестьянской выборки пустить сейчасъ въ вольность. Смертная казнь отъ Керенскаго на фронтѣ опять введена, будетъ оставлена. Всѣ помъ виновность такъ называемыхъ политическихъ проступковъ заарестованные офицера и солдаты сейчасъ въ вольность отпу-

Библиотека "Руниверс"

стить. Прежніе министра: Коноваловъ. Крисенклинъ (очевидно, Кишкинъ), Терещенко, Малантовичъ, Никитинъ и другихъ заарестовали. Керенскій удралъ. Всѣ военные соединенія приглашаютъ всѣ средства употребовлять Керенскаго заарестовать и назадъ въ Петербургъ отправить. Каждая помощь для Керенскаго будетъ наказана какъ бы за продажу отечества».

Мы разсмотрѣли нѣмецкую пропаганду печатью. Мнѣ думается, читатель замѣтилъ, что, не говоря уже о неправильностяхъ рѣчи, объясняемыхъ, конечно, происхожденіемъ авторовъ статей и прокламацій, самый стиль разсчитанъ, какъ-будто, на болѣе интеллигентнаго читателя, чѣмъ рядовой русскій солдатъ Я объясняю это только тѣмъ, что человѣку даже русскому, не жившему годами бокъ-о-бокъ съ нашимъ крестьяниномъ, чернорабочимъ и солдатомъ, никогда не представить себѣ, о чемъ и какимъ языкомъ нужно съ нимъ говорить, разсчитывая на пониманіе. Чтобы не быть голословнымъ, приведу забавный примѣръ. Въ концѣ мая или началѣ іюня въ нашемъ корпусѣ былъ и читалъ солдатамъ лекціи одинъ изъ нашихъ профессоровъ. Простымъ и, какъ ему казалось, общепонятнымъ языкомъ онъ излагалъ имъ программы различныхъ политическихъ партій, сохраняя строгую объективность. Понимающіе слушатели изъ офицеровъ и болѣе развитыхъ солдатъ были очень довольны. Но вотъ черезъ нѣкоторое время на одномъ изъ митинговъ президіумъ получаетъ записку съ недоумѣнными вопросами одного изъ присутствующихъ. Среди нихъ находился и слѣдующій: «Прошу васъ про таварища... (слѣдуетъ фамилія профессора), что онъ самъ пріѣхалъ, или кто его посылалъ, онъ былъ унасъ, и читалъ лекціи, онъ вправдули находится въ Московскомъ инверситетѣ, онъ намъ говорилъ очень не понятно. мы его поняли, какъ 1905-мъ году былъ пурашкевичъ, такой... (фамилія профессора)». А какая мѣшанина образовалась въ солдатскихъ головахъ послѣ 10 мѣсяцевъ «научной» обработки, можно судить хотя бы по такому мѣсту изъ резолюціи штурмового баталіона №-ой дивизіи, направленной въ большевистскій корпусный комитетъ: выражая нежеланіе расформировываться, баталіонъ заявляетъ, что въ случаѣ, если комитетъ будетъ настаивать на расформированіи, то онъ, баталіонъ, «можетъ пуститься на крайнія сферы своего существованія». При такихъ условіяхъ приходится признать, что нѣмецкій стиль былъ нелегокъ для солдата. И все же растлѣвающее значеніе нѣмецкой литературы было очень велико: главная цѣль, — возбужденіе подозрѣній, недовольства, тоски по дому,—достигалась.

VII.

Дѣла соотвѣтствовали писаніямъ. Уже въ самомъ началѣ революціи нѣмцы довели до свѣдѣнія русскихъ солдатъ, что, привѣтствуя осво-

Библиотека "Руниверс"

божденіе русскаго народа отъ деспотизма и, желая дать ему свободно развивать это благое дѣло, они не будутъ стрѣлять, предлагаютъ солдатамъ свободно показываться на брустверахъ и обстрѣливаемыхъ дорогахъ и приглашаютъ выходить за проволоку для встрѣчи съ германскими солдатами. Это благожелательное отношеніе продолжалось приблизительно до середины апрѣля. Правда, за это время какъ бы невзначай произошла извѣстная исторія на Стоходѣ, но германское командованіе поспѣшило объявить, что этому значенія придавать не слѣдуетъ, что это была частная операція, предпринятая лишь для выровненія фронта, и что нѣмцы сами скорбятъ о понесенныхъ русскими потеряхъ. И впослѣдствіи когда стрѣльба возобновилась по всему фронту, нѣмцы то и дѣло сообщали солдатамъ что они стрѣлять в ы н у ж д а ю т с я нашей стрѣльбой и натравливали ихъ на нашу вѣрную долгу артиллерію. Результаты получались блестящіе: солдаты сплошь и рядомъ набрасывались на пулеметчиковъ и минометчиковъ, не позволяя имъ открывать огня, посылали грозныя посольства на батареи, отказывались ходить въ развѣдку, держали офицеровъ подъ неусыпнымъ наблюденіемъ и на приказъ стрѣлять отвѣчали недвусмысленными угрозами. А главное среди солдатъ расползался и упорно застаивался слухъ о томъ, что нѣмецкіе солдаты сами стрѣляютъ только потому, что ихъ неволятъ офицеры, и что прекращеніе стрѣльбы и боевыхъ активныхъ дѣйствій есть тоже результатъ давленія германскихъ солдатъ на ихъ командованіе. Кто распускалъ этотъ слухъ? Главнымъ образомъ, конечно, нѣмецкіе пропагандисты, выходившіе брататься, но и «углубители революціи» тоже немало посодѣйствовали укрѣпленію среди нашихъ солдатъ этой нелѣпой вѣры. А насколько вѣрили солдаты, можно судить потому, что всякую стрѣльбу въ нѣмецкомъ тылу объясняли бунтомъ и усмиреніемъ. Разумѣется, стрѣльба эта была обыкновенной практической стрѣльбой изъ пулеметовъ и винтовокъ, что находило себѣ постоянное подтвержденіе въ показаніяхъ перебѣжчиковъ. Помню также великія надежды солдатъ, вызванныя открытіемъ нѣмцами артиллерійскаго огня по собственнымъ окопамъ первой линіи. Для знающихъ дѣло ясно было, конечно, это обыкновенная пристрѣлка заградительнаго огня на случай занятія окоповъ противникомъ, но въ солдатской массѣ эта пристрѣлка порождала настоящія легенды.

Къ той же категоріи средствъ пропаганды, что и прекращеніе стрѣльбы, якобы, въ знакъ симпатіи, можно отнести практиковавшіяся нѣмцами почти постоянно при братаніи подношенія солдатамъ табака, вина и водки. Въ настоящее время, послѣ заключенія перемирія, на фронтѣ происходитъ просто мѣновая торговля въ широкихъ размѣрахъ, при чемъ спиртные напитки играютъ, какъ предметъ мѣны, значительную роль, но въ началѣ они являлись на сцену, главнымъ образомъ, какъ знакъ расположенія нѣмцевъ къ нашимъ солдатамъ и какъ доказатель-

Библиотека "Руниверс"

ство искренняго тяготѣнія первыхъ къ возстановленію мирныхъ отношеній. Вспомнимъ, что и въ разсказанномъ выше случаѣ съ у.-о. Касьяновымъ намъ встрѣтились бутербродъ и ромъ.

Какъ относились, однако, ко всѣмъ этимъ заигрываніямъ съ русскими германскіе солдаты? Насколько мнѣ пришлось наблюдать ихъ лично, когда въ цѣляхъ развѣдки я принималъ участіе въ братаніи, нѣмцы въ массѣ не проявляли никакого интереса къ русскимъ событіямъ и никакой особенной симпатіи къ недавнимъ врагамъ. Главное, что ихъ привлекало, была возможность получать хлѣбъ и сало, а кромѣ того, имъ нравилось то ощущеніе безопасности, которое испытывали въ особенности люди, побывавшіе на французскомъ фронтѣ. Послѣдніе откровенно заявляли, что послѣ Шампани или Фландріи нашъ фронтъ—мѣсто райскаго отдохновенія. Конечно, наиболѣе развитымъ изъ нихъ бросалось въ глаза явное несоотвѣтствіе между чаяніями и настроеніемъ русскихъ солдатъ, вызванными страннымъ поведеніемъ германскаго командного состава, и настоящими цѣлями послѣдняго. Доказательствомъ могутъ служить слѣдующія выдержки изъ дневника одного германскаго унтеръ-офицера,—дневника, находящагося въ распоряженіи штаба сѣвернаго фронта. Вотъ что записано въ этомъ дневникѣ подъ 3-е марта н. ст.): «Получено извѣстіе необычайной важности: въ Россіи революція. Петроградскій гарнизонъ присоединился къ революціонерамъ. Царь сверженъ. Министры и генералы заключены въ тюрьмы. Неужели все это правда; въ такомъ случаѣ можно вѣдь ожидать переворота и окончія этой безконечной войны въ пользу Германіи». 4-го апрѣля: «Уже второй день какъ наша рота въ первой линіи окоповъ. Совершенно новая и непонятная обстановка. Приказомъ по полку воспрещена стрѣльба по непріятельскимъ окопамъ. Русскіе свободно гуляютъ передъ своими окопами; нѣкоторые изъ нихъ вплотную подходятъ къ нашимъ проволочнымъ загражденіямъ, передаютъ намъ письма съ просьбой переслать таковыя ихъ роднымъ въ Курляндію, просятъ дать имъ газетъ и стараются завести съ нами разговоры на политическія темы. Мы, конечно, всѣмъ этимъ поставлены въ тупикъ: какъ смотрѣть на этихъ людей,—враги они намъ или друзья? Наши офицеры уклоняются отъ прямыхъ указаній по этому поводу». 13-го апрѣля: «Братаніе запрещено. Намъ не разрѣшено выходить изъ окоповъ. Приближающимся одиночнымъ русскимъ солдатамъ приказано знакомъ указывать, чтобы они возвращались обратно къ себѣ. Этимъ положенъ конецъ братанію. Оно, вѣдь, и было совершенно безцѣльно: развѣ во власти германскаго солдата прекратить военныя дѣйствія?». 23-го мая: «Русскіе снова передали нашимъ патрулямъ письма для пересылки. Приказомъ по дивизіи это, однако, строжайше запрещено изъ опасенія шпіонства. Странно, почему намъ, солдатамъ, запрещаютъ подъ угрозой наказанія сноситься съ русскими солдатами, когда наши офицеры въ то же время угощаютъ у себя тѣхъ

Библиотека "Руниверс"

же русскихъ солдатъ кофемъ и сигарами? Что можетъ служить причиной этому? Если дѣйствительно желаютъ сговориться, то въ такомъ случаѣ слѣдовало бы предоставить намъ въ первую очередь свободу дѣйствій. Вѣдь русскому солдату, прежде всего, интересно узнать мнѣніе германскаго с о л д а т а!».

Автору дневника нельзя отказать въ наивности: германское командованіе дѣйствительно хотѣло «сговориться», но только для сговоровъ оно, какъ ниже увидимъ, уже въ это время, а, можетъ быть, и раньше, готовило спеціалистовъ. Мнѣ довелось и лично убѣдиться, что далеко не всѣ исполнители предначертаній германскихъ штабовъ отдавали себѣ ясный отчетъ въ своихъ дѣйствіяхъ. Какъ-то въ началѣ осени у.-о. 327 ландвернаго полка Максъ Гейнце былъ посланъ своимъ ротнымъ командиромъ повѣсить на нашу проволоку нѣсколько газетъ. Вмѣсто того, онъ направился къ нашему секрету, угостилъ часовыхъ табакомъ, передалъ имъ газеты и собрался было во-свояси, но въ этотъ моментъ былъ арестованъ патрулемъ, высланнымъ изъ нашего окопа, по приказанію ротнаго командира, замѣтившаго въ расположеніи секрета нѣмецкаго солдата. Будучи доставленъ ко мнѣ, Гейнце очень волновался и со слезами на глазахъ просилъ извѣстить командира его полка, что онъ не перебѣжалъ къ намъ, а былъ взятъ въ плѣнъ. Я исполнилъ его просьбу, такъ какъ онъ производилъ очень хорошее впечатлѣніе, какъ своимъ бравымъ видомъ, такъ и чрезвычайно достойнымъ поведеніемъ во время опроса, рѣшительно отказавшись отвѣчать на нѣкоторые вопросы. Между прочимъ, онъ выразилъ недоумѣніе по поводу своего ареста, сказавъ: «Вѣдь, я былъ безъ оружія и хотѣлъ только добра вашимъ солдатамъ,давая имъ табакъ и газеты». «А вы знаете содержаніе этихъ газетъ?—спросилъ я его. «Нѣтъ». Я перевелъ ему на выдержку нѣсколько мѣстъ и объяснилъ, для какихъ цѣлей газеты доставляются нашимъ солдатамъ. Онъ казался озадаченнымъ и сказалъ: «Честное слово, я понятія не имѣлъ объ этомъ. Я думалъ, что это обыкновенныя газеты, которыя печатаются для русскихъ солдатъ потому, что они не имѣютъ своихъ газетъ». Въ другой разъ мнѣ пришлось допрашивать солдата другого полка, тяжело раненаго и взятаго въ плѣнъ въ то время, какъ онъ, выйдя еще съ однимъ солдатомъ и въ сопровожденіи лейтенанта (для такихъ предпріятій простые солдаты посылались нѣмцами, по общему правилу, непремѣнно въ сопутствіи и подъ наблюденіемъ офицера) для развѣски газетъ нарвался на нашу засаду. Этотъ, тоже отличный солдатъ, нѣсколько разъ раненый и награжденный желѣзнымъ крестомъ, лежа въ постели и, видимо, сильно страдая (у него начинался перитонитъ отъ раны въ желудокъ) съ укоризной сказалъ мнѣ: «За что же меня ранили? Вѣдь мы же только газеты несли!». «Вотъ это то и нехорошо,что вы несли газеты,—сказалъ я ему: у насъ война, и намъ не нужны ваши газеты. Было бы гораздо лучше и почетнѣе для васъ, если

Библиотека "Руниверс"

бы вы были ранены, идя въ развѣдку». Онъ удивился и, кажется, отнесся къ моимъ словамъ скептически.

VIII.

Уже не разъ въ предыдущемъ изложеніи мы встрѣчались съ братаніемъ, этимъ любопытнымъ ингредіентомъ невѣроятной обстановки послѣднихъ мѣсяцевъ войны, на который столь большія надежды возлагали, хотя и въ разныхъ видахъ, какъ германскіе штабы, такъ вожди россійской «революціонной демократіи». Я затрудняюсь даже сказать, кому, собственно говоря, принадлежитъ честь почина въ этомъ дѣлѣ: первымъ или вторымъ. Зато одно безспорное преимущество оказалось, какъ и постоянно во время войны, на сторонѣ нѣмцевъ, сторонники тэоріи братанія выносили, какъ водится, резолюціи о необходимости революціоннаго воздѣйствія на солдатъ императора Вильгельма, трубили о необходимости организовать въ этихъ цѣляхъ широко поставленное братаніе, опять принимали резолюціи, опять говорили и ничего не дѣлали: нѣмцы молча и немедленно принялись за организацію дѣла и въ то же время приняли рѣшительныя и надежныя мѣры для изоляціи своихъ солдатъ отъ русской пропаганды, ведшейся вяло, случайно и неувѣренно. На основаніи единодушныхъ показаній до полусотни допрошенныхъ мною плѣнныхъ и перебѣжчиковъ, на основаніи ряда свѣдѣній, полученныхъ отъ нѣмецкихъ солдатъ во время братанія, и въ результатѣ сличенія моихъ личныхъ выводовъ съ данными сводокъ другихъ армій и фронтовъ, я категорически утверждаю, что ни одна наша газета, ни одна прокламація не попадала въ руки простыхъ солдатъ германской арміи: спеціально назначенные унтеръ-офицеры и офицеры зорко слѣдили за этимъ и немедленно отбирали у солдатъ все печатное, полученное ими во время братанія. За сокрытіе положено было суровое наказаніе до преданія военному суду со всѣми его послѣдствіями. Въ началѣ, какъ это видно изъ другихъ мѣстъ цитированнаго выше дневника, запрещено было принимать отъ русскихъ солдатъ даже хлѣбъ, изъ опасенія, что этимъ будетъ выдано врагу дурное состояніе нѣмецкаго продовольствія. Такимъ образомъ, разсчитывать на успѣхъ революціонизированія германцевъ путемъ печатной пропаганды намъ не приходилось, а вліяніе пропаганды устной исключалось однимъ простымъ обстоятельствомъ: говорившіе по-русски нѣмцы были спеціально подготовленными пропагандистами, и на нихъ, конечно, никакія филиппики русскихъ агитаторовъ не дѣйствовали. Кромѣ того, замѣчу кстати, благодаря остроумному комитетскому управленію арміей, вызывавшему отливъ въ комитеты всевозможныхъ инстанцій самыхъ,—не скажу интеллигентныхъ,—но просто грамотныхъ и расторопныхъ солдатъ въ окопахъ оставалось полуграмотная и совсѣмъ безграмотная масса, возлагать на которую какія бы то ни было надежды было бы прямо смѣшно. Да и

Библиотека "Руниверс"

тѣ немногіе солдаты, которые пытались передавать нѣмцамъ русскую революціонную идею, были въ огромномъ большинствѣ изъ того сорта людей, которые заснувъ 28-го февраля простыми обывателями, проснулись 1-го марта революціонерами и соціалистами; старыхъ же партійныхъ работниковъ или хотя бы просто понимающихъ азбуку соціальной науки и практики, я, по крайней мѣрѣ, въ предѣлахъ нашего корпуса, среди братающихся русскихъ не видалъ. Наши солдаты шли брататься потому, что выйти свободно за брустверъ окопа было ново и привлекательно потому, что нѣмцы давали табакъ и водку, потому, что ихъ учили, что братаніе приведетъ къ концу войны, наконецъ,—и это, можетъ-быть, самая главная причина,—что русскій человѣкъ не воинственъ и во врагѣ съ какой-то непонятной быстротой перестаетъ видѣть врага. «А ему, думаешь, сладко? То же, братъ, такой человѣкъ, ѣсть-пить хочетъ. За что его бить-то!». Вотъ трафаретъ, по которому расписывали свои узоры въ безхитростной душѣ русскаго воина ловкіе нѣмецкіе агенты и жалкіе недоноски нашей революціонной мысли. И солдаты отказывались вѣрить, когда имъ указывали, что эти ласковые нѣмцы-братальщики, угощающіе ихъ табачкомъ и питіями и воркующіе нѣжныя рѣчи о мирныхъ и благородныхъ стремленіяхъ Германіи, сплошь или переодѣтые офицеры и унтеръ-фицеры, жившіе въ свое время въ Россіи, или спеціалисты-агитаторы, подготовленные и навербованные изъ огромной рати наводнявшихъ до войны (а возможно, и во время ея) русскую землю комми-вояжеровъ, исправлявшихъ обязанности военныхъ шпіоновъ. Не останавливало солдатъ и то, что иногда, когда кто-нибудь изъ русскихъ поднималъ вопросъ о томъ, что пора бы ужъ и нѣмцамъ устроить революцію и прогнать Вильгельма, то привѣтливые дотолѣ лица нѣмецкихъ друзей хмурились, разговоры по душамъ немедленно прекращались, а порою въ отвѣтъ раздавался рѣзкій окрикъ: «Ну! Не смѣть трогать императора, ты!».

За послѣднее время, когда съ наступленіемъ царства Ленина нѣмцами достигнуто было все, что имъ требовалось отъ пропаганды, братаніе обратилось въ сходки для мѣновой торговли. Но мѣры предосторожности нисколько не слабѣли: по прежнему только нѣмцамъ, ни слова не понимавшимъ по-русски, позволялось свободно сходиться для мѣны, но не брать никакихъ печатныхъ листковъ, а всякій мало-мальски разумѣвшій русскую рѣчь выпускался лишь въ сопровожденіи соотвѣтствующихъ соглядатаевъ. Бродя по позиціи, во время братанія, въ развѣдывательныхъ цѣляхъ, я сознательно выбиралъ лишь тѣ группы, гдѣ замѣчалъ мимическіе разговоры. Убѣдившись, что нѣмцы дѣйствительно не знаютъ русскаго языка, я начиналъ говорить съ ними по-нѣмецки. Однажды я разговорился съ группой солдатъ, недавно прибывшихъ съ Фландрскаго фронта въ составѣ сильно потрепанной въ многодневныхъ бояхъ дивизіи; это были молодые люди въ возрастѣ отъ 18-ти до 26-ти

Библиотека "Руниверс"

лѣтъ. Выспросивъ у нихъ, что мнѣ было надо, я, по просьбѣ нашихъ солдатъ, завелъ съ ними разговоръ о политикѣ. Одинъ изъ нихъ сказалъ мнѣ: «Вотъ, вы спрашиваете, почему мы, солдаты, не сдѣлаемъ революціи. Да, вѣдь, и у васъ революцію-то сдѣлали въ тылу, а солдаты на фронтѣ только потомъ присоединились. Вотъ, если у насъ, въ тылу, будетъ революція, тогда мы посмотримъ. А солдатъ на фронтѣ,—какъ онъ можетъ сдѣлать революцію!». «Ну, а въ тылу-то у васъ будетъ революція?». «Не думаю. О, тамъ тоже строгая дисциплина!». Я началъ было доказывать нѣмцамъ, что теперь имъ какъ разъ время устроить у себя революцію, но уже черезъ нѣсколько моихъ словъ старшій по возрасту солдатъ, берлинецъ, воюющій съ перваго дня войны, прервалъ меня, сказавъ: «Мы еще слишкомъ молоды, чтобы заниматься политикой, и уже поздно, намъ надо итти домой». Разговоръ кончился, и мы разошлись. Я передалъ окружавшимъ меня солдатамъ происшедшій обмѣнъ мыслей. Одинъ изъ нихъ сказалъ: «И здорово они за эту Вильгельму свою держатся! Чѣмъ это онъ имъ такъ угодилъ?—скажи пожалуйста». «А тѣмъ и угодилъ, что за народомъ идетъ,—неожиданно возразилъ другой: куда народъ, туды и онъ съ имъ».

Для организаціи пропаганды во время братанія нѣмцами по всей линіи фронта былъ открытъ рядъ школъ для пропагандистовъ-братальщиковъ. Эти школы находились въ городахъ и мѣстечкахъ, расположенныхъ вблизи позицій. Въ нихъ слушателямъ читались лекціи о современныхъ русскихъ событіяхъ и давались подробныя инструкціи, преподавалась своеобразная методика обработки русскаго солдата въ желательномъ для штабовъ духѣ. Затѣмъ пропагандисты распредѣлялись по полкамъ и поступали въ вѣдѣніе начальниковъ особыхъ пунктовъ, на которые былъ разбитъ фронтъ. Отчеты о ихъ дѣйствіяхъ восходили въ командномъ порядкѣ до высшихъ штабовъ, откуда получались подробныя директивы и указанія. Пропаганда приравнивалась къ обыкновеннымъ оперативнымъ дѣйствіямъ и служила, какъ и послѣднія, предметомъ срочныхъ и экстренныхъ донесеній. Чтобы не быть голословнымъ, привожу переведенный мною текстъ одной изъ инструкцій для органовъ пропаганды, исходящій изъ крупнаго штаба:

Телефонограмма Отдѣленія арміи Войерша № 11329.

Руководящія указанія для пропаганды.

1. Настоящее положеніе Россіи должно всѣми средствами быть использовано для исключительно оживленной пропаганды. Пропаганда должна вестись на всѣхъ участкахъ дивизій.

2. Цѣлью пропаганды является доведеніе все усиливающейся въ русскомъ войскѣ жажды мира до рѣшительныхъ шаговъ прифронтовыхъ частей, прежде всего въ смыслѣ прекращенія военныхъ дѣйствій на широкомъ фронтѣ. Переговоры о мѣстныхъ прекращеніяхъ военныхъ

Библиотека "Руниверс"

дѣйствій, возникающіе по русской иниціативѣ, должны вестись на нашихъ позиціяхъ и разрѣшаются съ одобренія штабовъ корпусовъ, равно какъ заключаются соотвѣтственно ихъ указаніямъ. Штабъ командующаго арміей долженъ быть въ этихъ случаяхъ тотчасъ же увѣдомляемъ. Переговоры о частичномъ перемиріи на основѣ письменнаго соглашенія могутъ вестись только съ разрѣшенія штаба Отдѣленія арміи и по его указаніямъ. Если съ русской стороны послѣдуетъ предложеніе перемирія для всего Восточнаго фронта, то объ этомъ должно быть сообщено штабу командующаго арміей, который и преподастъ дальнѣйшія указанія.

3. Всякія боевыя предпріятія, выходящія за предѣлы обычной сторожевой службы, могутъ быть допускаемы лишь съ согласія Командующаго армейской группой. Возмездіе за проявленіе боевой дѣятельности съ русской стороны должно, конечно, слѣдовать немедленно и притомъ на томъ же мѣстѣ. Вслѣдъ за тѣмъ оно должно быть разъясняемо русскимъ. По русскимъ, выходящимъ изъ своихъ окоповъ безъ оружія, стрѣлять не слѣдуетъ.

4. Тѣ участки дивизій, на которыхъ пропаганда не ведется, должны каждое 2-е и 17-е число указывать причины этого.

5. Производство пропаганды должно совершаться согласно до сихъ поръ принятымъ способамъ, поскольку они не будутъ противорѣчить выше приведеннымъ указаніямъ. Дивизіонные пропагандисты, какъ и прежде, доносятъ о результатахъ своей ежедневной пропаганды въ штабъ арміи къ 11-ти часамъ утра слѣдующаго дня, а въ экстренныхъ случаяхъ немедленно.

6. Для охраны нашихъ войскъ отъ дѣйствія на нихъ пропаганды въ каждомъ полку или отдѣльной части долженъ быть назначенъ особый офицеръ, на обязанности котораго лежитъ, въ согласіи съ органами пропаганды, не допускать нашихъ солдатъ къ мѣстамъ пропаганды.

7. Дѣятельность органовъ пропаганды слѣдуетъ приравнивать къ боевой службѣ и поощрять пожалованіемъ установленныхъ знаковъ отличія.

8. Руководящія указанія для производства пропаганды: никакой навязчивости. Однако, русскую иниціативу облегчать въ этомъ случаѣ всѣми способами. Разговоровъ о мирѣ не затѣвать, но если ихъ начнутъ русскіе, то постоянно подчеркивать, что Германія достаточно часто предлагала миръ, а теперь ждетъ русскаго почина. Входить въ частности о мирѣ,—дѣло правительствъ: поэтому должны быть отклоняемы вопросы о Бельгіи и Эльзасъ-Лотарингіи. Иначе обстоитъ дѣло съ вопросомъ о перемиріи, которое солдаты могутъ вынудить, и котораго желаетъ Отдѣленіе. На вопросъ, почему германское правительство не дало еще отвѣта на призывъ къ миру теперешняго русскаго правительства, слѣдуетъ отвѣчать, что германское правительство съ готовностью пойдетъ на переговоры, равно какъ и приступитъ къ обсужденію условій мира, которое ему будетъ сдѣлано офиціально, т.-е. черезъ облеченнаго полномочіями

Библиотека "Руниверс"

представителя русскаго правительства. На вопросъ, что мы сдѣлаемъ, если русскіе бросятъ свои позиціи, отвѣчать, что мы останемся на своихъ теперешнихъ линіяхъ. Центральныя державы не думаютъ о вмѣшательствѣ въ внутреннія русскія отношенія, нисколько незаинтересованы въ возстановленіи монархіи, желаютъ Русской Республикѣ всего лучшаго, но требуютъ со своей стороны невмѣшательства и въ ихъ внутреннія дѣла. Относительно слуховъ объ объявленіи Японіей войны Россіи: указывать, что японскій военный министръ заявилъ недавно, что вслѣдствіе затрудненій съ транспортомъ высадка японскихъ войскъ на материкѣ невозможна. Японскій министръ финансовъ заявилъ, что въ теченіе міровой войны Японія оказала союзникамъ, и въ первую голову Россіи, финансовую поддержку въ размѣрѣ 10-ти милліардовъ рублей, и эти деньги плюсъ военныя издержки она потеряла бы въ случаѣ объявленія войны своей бывшей союзницѣ. Слухи о японской опасности и имъ подобные распространяются Англіей съ тою цѣлью, чтобы не допускать соглашенія между воюющими до тѣхъ поръ, пока это будетъ въ англійскихъ интересахъ, за которые Россія должна проливать кровь. Освобожденіе отъ Англіи—первый шагъ къ достиженію цѣлей русской революціи. Для этого прекращеніе войны. Поэтому русская армія должна поддерживать всякое правительство, лозунгъ котораго дать народу хлѣбъ, землю, волю, миръ.

9. Съ настоящими указаніями всѣ органы пропаганды должны быть ознакомлены какъ можно скорѣй.

Сообщается въ корпусъ и дивизію.

Эта инструкція относится къ сравнительно позднему времени. Думаю, что въ комментаріяхъ она не нуждается, но дополню ее нѣсколькими пунктами болѣе ранней инструкціи, подписанной командиромъ 62-й германской пѣхотной бригады генералъ-майоромъ Крейнбринтомъ:

10. Успѣхъ завязки сношеній съ непріятелемъ... зависитъ отъ того, какъ ловко будутъ сдѣланы первыя попытки сближенія. Получатся хорошіе результаты при спокойныхъ призывахъ, сдѣланныхъ въ товарищескомъ духѣ, повторяя часто эти попытки на тѣхъ же самыхъ мѣстахъ, обѣщая не стрѣлять, предлагая табаку и т. д. Спросить табакъ у соотвѣтствующаго ротнаго командира.

11. Ротные командиры будутъ доносить каждый день къ 20-ти часамъ непосредственно начальнику развѣдывательнаго отдѣленія о событіяхъ, касающихся пропаганды. Доклады должны содержать: а) когда и гдѣ разбросаны или переданы газеты, б) были ли взяты газеты непріятелемъ, в) были ли попытки войти въ сношеніе съ непріятелемъ. Кто приходилъ со стороны непріятеля (солдаты, унтеръ-офицеры, офицеры). Узнать, не разспрашивая, съ какимъ полкомъ начались переговоры. д) другія наблюденія о поведеніи непріятеля. Въ то же самое время переводчики опросныхъ пунктовъ пошлютъ начальнику развѣдывател-

Библиотека "Руниверс"

наго отдѣла содержаніе разговора, происходившаго съ непріятелемъ, если возможно, слово въ слово. О свиданіяхъ, назначенныхъ на другой день, будетъ передано немедленно по телефону съ обозначеніемъ мѣста и часа свиданія начальнику развѣдывательнаго отдѣла.

12. Нужно принять къ свѣдѣнію, что румыны будутъ прибѣгать ко всевозможнымъ ухищреніямъ, чтобы взять въ плѣнъ или убить нашихъ пропагандистовъ. Нужно быть осторожными. Солдаты, которые несутъ газеты и письма, должны быть освѣдомлены о мнимомъ расположеніи нашихъ частей. Для охраны этихъ солдатъ нужно организовать всегда въ этихъ случаяхъ тайно и незамѣтно въ нашихъ окопахъ войска для ихъ защиты. Будутъ стрѣлять только по приказанію командира роты, въ распоряженіи котораго находится соотвѣтствующій опросный пунктъ.

13. 62-я пѣхотная бригада до 12-го іюля 1917 года доставитъ списокъ ротныхъ командировъ, предположенныхъ въ начальники опросныхъ пунктовъ на случай пропаганды.

Таковы были принципы и методы, на основаніи и съ помощью которыхъ производилась инсценировка «искренняго» стремленія нѣмцевъ итти навстрѣчу русской «революціонной демократіи». Всѣ тѣ, кто видѣлъ суть дѣла, отъ кого эти грубые въ своей простотѣ пріемы ни на минуту не заслоняли истинныхъ видовъ и расчетовъ нѣмецкаго командованія, были безсильны: никакіе доводы, никакія увѣщанія не дѣйствовали на несчастныхъ темныхъ людей, съ тупой довѣрчивостью шедшихъ на нѣмецкую приманку. Знаменитая «декларація правъ» освободила солдата отъ всякихъ обязанностей, но зато предоставила офицеру одно право,—право молча страдать и умирать безъ пользы: о какомъ же вліяніи приходилось тутъ думать, о какихъ способахъ бороться съ глупой или предательской русской и хладнокровной, до мелочей обдуманной нѣмецкой пропагандой и провокаціей?!.

Не одни мы, люди, имѣвшіе несчастіе быть офицерами агонизирующей арміи, видѣли раскрывающуюся передъ ней бездну: были друзья и въ станѣ враговъ, пытавшіеся остановить русскаго солдата въ его стремительномъ бѣгѣ къ пропасти. Я не могу не привести здѣсь замѣчательнаго письма, адресованнаго авторомъ его другу, служившему въ нашихъ войскахъ. Оно принадлежитъ перу чеха,—офицера одного австрійскаго полка, дѣйствовавшаго на Юго-западномъ фронтѣ. Пламенный патріотъ, онъ, какъ и всѣ панслависты, ждалъ отъ этой войны эмансипаціи Чехіи, возлагая надежды на Россію. Видя крушеніе своихъ надеждъ, онъ проситъ друга раскрыть глаза русскимъ на германскія намѣренія. Со скорбью приходится убѣждаться, какъ мало, однако, лучшіе люди Запада представляютъ себѣ истинное положеніе Россіи и психологію русскаго общества въ его теперешнемъ состояніи. Вотъ это письмо въ моемъ переводѣ (подлинникъ на чешскомъ языкѣ) съ незначительными сокращеніями:

Библиотека "Руниверс"

Изъ окоповъ.

...бря 1917

Дорогой другъ!

Ты удивишься, конечно, почему я вдругъ рѣшился тебѣ писать. Послать это письмо я могъ только при теперешнихъ обстоятельствахъ: тебѣ извѣстно, что между нашими сторонами постепенно усиливаются попытки къ сближенію. Эти братанія подвергнуты съ нашей стороны большимъ ограниченіямъ, потому что они оказываютъ очень дурное вліяніе на дисциплину нашихъ солдатъ. Нашимъ солдатамъ строжайше запрещено разговаривать съ русскими солдатами, такъ какъ правительство боится, что русскій свободный революціонный духъ можетъ передаться и нашимъ солдатамъ, что послужило бы ко вреду нѣмецкихъ имперіалистическихъ стремленій. Только нѣкоторымъ людямъ позволено разговаривать и имѣть дѣло съ русскими и то лишь съ тѣмъ, чтобы они еще увеличивали дезорганизацію русской арміи. Съ этой цѣлью за послѣдніе мѣсяцы ведется соотвѣтствующая пропаганда, имѣющая цѣлью вліять на русскихъ солдатъ. Съ одной стороны это дѣлается для того, чтобы какъ можно скорѣе заключить миръ съ Россіей, а съ другой для того просто, чтобы лишить русскія войска способности къ оборонѣ. Эта пропаганда приноситъ радость однимъ только нѣмцамъ. Иначе я и не сталъ бы тебѣ писать. Именно теперь демократической Россіи совершенно невозможно заключить миръ съ имперіалистической Германіей. Я твердо убѣжденъ, что русскіе демократы и германскіе имперіалисты не сойдутся ни въ въ одномъ пунктѣ. Русскимъ придется все время имѣть дѣло съ Вильгельмомъ, а не съ нѣмецкимъ народомъ. Правда, и нѣмецкая демократія привѣтствуетъ новую систему русской свободы, но какая въ этомъ польза, если нѣмецкая демократія подавлена такъ, что не можетъ даже выразить открыто свою волю. Поэтому и для русской демократіи нѣтъ возможности сноситься и вести переговоры съ нашей демократіей. Поэтому же невозможно заключить миръ. Я думаю, что правящіе круги Германіи убѣждены въ томъ же. Они стремятся къ перемирію съ русскими, а не къ миру. Германское правительство ждетъ, пока русская разруха не приведетъ къ полному распаду арміи. Это удается ему блестяще. Насколько я знаю русскій народъ, причина этому не столько пропаганда, сколько природа русскаго человѣка. Ты знаешь, конечно, этихъ добродушныхъ людей, которымъ противно кровопролитіе, и которые довѣряютъ даже своимъ злѣйшимъ вратамъ, врагамъ славянства и человѣчества—нѣмцамъ. Я сижу сейчасъ надъ прокламаціей которую мнѣ далъ русскій солдатъ: въ ней изложенъ декретъ о мирѣ, выработанный Петроградскимъ Совѣтомъ. Прогрессъ, пройденный русской демократіей, приводитъ меня въ величайшее изумленіе. Но насъ, понимающихъ это, къ со-

Библиотека "Руниверс"

жалѣнію, мало. А всѣ русскіе декреты запрещены къ обращенію среди солдатъ подъ угрозою суроваго наказанія. И мой экземпляръ мнѣ придется сжечь, чтобы онъ не попалъ въ руки солдату. Я вижу, что Россія—единственное государство въ мірѣ, желающее справедливаго мира. Къ сожалѣнію всѣ пункты декрета совершенно противорѣчатъ нѣмецкимъ планамъ, и поэтому дѣло до мира не дойдетъ. Россія получитъ отъ центральныхъ державъ отрицательный или двусмысленный отвѣтъ. Во всякомъ случаѣ не такой, какого она бы хотѣла. Это будетъ отвѣтъ Вильгельма, а не германской демократіи. И отвѣтъ Австріи будетъ отвѣтомъ не ея угнетенныхъ народностей, а австрійскаго правительства. Я хочу, чтобы Россія какъ можно скорѣе узнала это. Россія должна знать, что фронтъ свободы—это фронтъ французскій, англійскій, американскій, и съ нимъ должна она держать связь. Я хорошо освѣдомленъ и отлично знаю, что Германія обманываетъ Россію. Черезъ мои руки проходитъ много приказовъ, гдѣ постоянно указывается, какъ нужно использовать современное положеніе въ Россіи въ цѣляхъ Германіи, какими способами можно обрабатывать невѣжественный русскій народъ. И я ручаюсь, что это пойметъ всякій, кто не слѣпъ и не желаетъ гибели Россіи: это поймутъ всѣ тѣ русскіе солдаты, которые теперь имѣютъ дѣло съ нѣмцами. Русскіе должны же, наконецъ, прозрѣть и увидѣть эту фальшивую нѣмецкую игру! Русскіе должны увидѣть это и понять раньше, чѣмъ нѣмцы успѣютъ бросить свои войска съ нашего фронта на старую французскую республику. За послѣдніе дни безпрерывно и безостановочно направляются во Францію эшелоны пѣхоты и артиллеріи, и не исключена возможность, что нѣмцы предпримутъ тамъ наступленіе. И теперь уже здѣсь такъ мало войска, что только поэтому германскія и австрійскія арміи могли одержать въ Италіи такіе крупные успѣхи. Хорошо еще, что эти успѣхи не повлекли за собою въ Италіи никакихъ внутреннихъ политическихъ осложненій, на которыя такъ разсчитывали нѣмцы: напротивъ, еще тѣснѣе сблизились итальянцы съ французами и англичанами противъ враговъ всего человѣчества. У нѣмцевъ больше счастья, чѣмъ силы. Ты знаешь, какъ годъ назадъ плохо приходилось Германіи, и съ каждымъ днемъ положеніе становилось все хуже и хуже. Если бы Россія и ея союзники приложили хоть небольшое усиліе къ наступленію на нѣмцевъ, то давно уже наступилъ бы конецъ этой войнѣ, и мы давно уже были бы дома, въ автономной, какъ мы разсчитывали, Чехіи. Я очень довѣряю новому русскому правительству, потому что оно стоитъ за автономію угнетенныхъ народностей въ томъ національно-демократическомъ смыслѣ, какъ это представляетъ себѣ всякій чехъ. (Огромная ошибка. Г.Г.). Я привѣтствую новую Россію и хочу, чтобы она никогда не забывала объ угнетенныхъ славянскихъ народахъ Австріи и не допускала ихъ порабощенія Германіей. А Польша?! Какъ можно сравнивать отношеніе къ несчастной Польшѣ

Библиотека "Руниверс"

демократической Россіи и Германіи. Ты хорошо знаешь, какъ нѣмцы использовали бѣдную Польшу и высосали изъ нея всѣ соки. Теперь они и австрійцы согласились на томъ, что Польша будетъ принадлежать Австріи, и что императоръ Карлъ будетъ королемъ польскимъ. Такъ нѣмцы представляютъ себѣ свободу Польши. Нѣмцы хвастаются этой «свободой», но мы-то знаемъ, что Польша только русскимъ пораженіемъ обязана этой «свободѣ». Судьба Польши попала въ руки Австріи, которая угнетаетъ уже столько народностей. Можетъ ли допустить это Россія? Нѣтъ, не можетъ! Нельзя заключать миръ съ Вильгельмомъ, который и слышать не хочетъ о свободѣ германской Польши. Она и дальше останется подъ нѣмецкимъ игомъ и будетъ германизована. Германскій императоръ сильно ошибается, если думаетъ, что русскій народъ измѣнитъ своей родинѣ и своимъ демократическимъ идеямъ. Нѣмцы ищутъ въ Россіи людей, которые бы измѣнили русской идеѣ, и даютъ имъ за это папиросъ и рому. И эти измѣнники, какъ я доподлинно знаю, находятся въ связи съ нѣмецкими органами пропаганды и разсѣяны среди русскихъ солдатъ. Кромѣ того, очень дурное вліяніе оказываютъ на русскихъ солдатъ издаваемыя на русскомъ языкѣ газеты. Затѣмъ, за послѣднее время, такъ какъ русскіе солдаты въ большинствѣ необразованы и малограмотны, пускаются въ ходъ различныя картины, дурно на нихъ дѣйствующія. Русская демократія постепенно разберется въ этихъ фальшивыхъ нѣмецкихъ прокламаціяхъ и должна будетъ потребовать отъ нѣмцевъ быстроты и ясности въ переговорахъ о мирѣ. Я бы очень былъ радъ, если бы ты могъ въ первыхъ рядахъ работать надъ возрожденіемъ русской арміи. Работай въ этомъ направленіи изо всѣхъ силъ, такъ какъ нынѣ безъ солдатъ не можетъ Россія защитить свою демократію отъ нѣмецкой бюрократіи и милитаризма. Ты знаешь нѣмцевъ и имѣлъ много случаевъ убѣдиться въ нѣмецкой лживости. Вѣдь, они одной рукой протягиваютъ миръ, а другой держатъ мечъ. Эту двусмысленную игру Россія скоро разгадаетъ, и тогда она поступитъ какъ-разъ вопреки нѣмецкому совѣту «прочь отъ Англіи!» и никогда не оставитъ старую республику Франціи и великую республику Америку. Я до сихъ поръ не имѣлъ счастья вырваться изъ этого міра лжи и обмана и вотъ долженъ сражаться за чужіе интересы и за нихъ отдавать свою кровь и жизнь. Съ родины я получаю все время очень печальныя вѣсти, приводящія меня въ отчаяніе, и удивляюсь, что у насъ не все еще погибло. Вездѣ въ Чехіи жизнь стала невыносимой: мы, чехи, терпимъ пока всѣ эти муки и позоръ, такъ какъ еще не совсѣмъ потеряли надежду на то, что Россія насъ не оставитъ, и что на смѣну этому рабству придетъ русская свобода. Для Россіи заключеніе мира теперь имѣло бы самыя дурныя послѣдствія, потому что Германія никогда въ будущемъ не потерпитъ рядомъ съ собой демократической страны. Поэтому для Россіи вопросъ стоитъ такъ: теперь или никогда! Ибо никогда уже впослѣдствіи

Библиотека "Руниверс"

не удастся уничтожить прусскій милитаризмъ. Нѣмецкое высокомѣріе заходитъ такъ далеко, что нѣмцамъ дѣло представляется въ такомъ свѣтѣ, что будто Россія на колѣняхъ умоляетъ ихъ о мирѣ, а они въ немъ совершенно не нуждаются. На самомъ дѣлѣ это совершенно не такъ, потому что четверное согласіе зажало Германію въ тиски мѣрами финансоваго и экономическаго характера, и если такъ будетъ дальше, то Вильгельмъ долженъ будетъ сдаться къ будущему маю. Если теперь Пруссія не будетъ раздавлена, то никогда не будетъ мира на землѣ. Прежде всего истечетъ кровью демократическая Франція, а тамъ настанетъ чередъ и для Россіи. О мирѣ всего міра и всеобщемъ разоруженіи только тогда можетъ зайти рѣчь, когда рухнетъ прусскій милитаризмъ. Работай на пользу русской арміи, исполняй свой долгъ, ибо русская армія безусловно должна стать боеспособной, если только Россія хочетъ сохранить демократическій строй... Въ нашемъ полку чешскихъ офицеровъ очень мало. Среди большинства царитъ уныніе и полная потеря вѣры въ то,что для чешскаго народа наступятъ лучшія времена. Только я еще не потерялъ духа, я твердо вѣрю, что эти времена наступятъ, такъ какъ паденіе Германіи уже недалеко. Я твердо убѣжденъ, что Россія поддержитъ нашу чешскую идею, такъ какъ мы хотимъ жить, хотимъ имѣть свободу и право и не хотимъ оставаться рабами нѣмцевъ и подвергнуться германизаціи.

Будь здоровъ.

Увы! Намъ, лучше знающимъ себя, теперь уже трудно проникнуться вѣрою чешскаго патріота. Его попытка предостеречь русскихъ солдатъ трогательна, но безнадежна. Онъ правъ, говоря, что не столько нѣмецкая пропаганда, сколько природа русскаго человѣка помогала разрушенію русской арміи, но онъ не зналъ, что нѣмецкая пропаганда имѣла могучаго союзника въ лицѣ пропаганды р у с с к о й, что въ то время, какъ въ ближайшемъ тылу германской арміи устраивались курсы пропагандистовъ нѣмецкихъ, въ ближнемъ тылу русской арміи, гдѣ-нибудь въ Минскѣ, на такихъ же курсахъ невѣжественные и развязные «преподаватели» изъ новоявленныхъ соціалистовъ въ двѣ недѣли полготовляли изъ елеграмотныхъ солдатъ знатоковъ соціальнаго вопроса и посылали ихъ затѣмъ назадъ въ полки въ качествѣ пропагандистовъ русскихъ. Результаты этой совмѣстной работы провокаторовъ и глупцовъ налицо! Съ тоскою и ужасомъ спрашиваешь себя, когда же и какъ могъ т а к ъ ослѣпнуть русскій человѣкъ, и невольно холодъ пробѣгаетъ по жиламъ, когда вспоминаешь злорадство стараго Моммсена и думаешь: неужели хоть частица правды есть въ утвержденіи, что русскій народъ это Düngervolk—народъ для удобренія нѣмецкихъ пажитей и нивъ?!

Г. Гордонъ.

Библиотека "Руниверс"

Мелочи прошлаго.

Изъ етихотвореній временъ японекой войны.

Во время русско-японской войны 1904—5 г.г. по рукамъ ходило немало шуточныхъ стихотвореній и разсказовъ, которые по цензурнымъ условіямъ не могли тогда увидѣть свѣта. Приводимъ по тогдашнимъ записямъ нѣкоторые изъ нихъ.

I.

Скажи-ка дядя вѣдь не даромъ,
Подобно ракамъ и омарамъ,
Въ душѣ съ отвагой, въ сердцѣ съ жаромъ
Мы пятимся назадъ?
Вѣдь послѣ каждой сильной схватки
Мы отъ японцевъ безъ оглядки,
Хоть въ полномъ боевомъ порядкѣ,
Бѣжимъ, бѣжимъ, какъ куропатки—
Пускай намъ цѣлятъ въ задъ!
Ну, что жъ, мой другъ, чего же проще:
Мы понадѣялись на мощи
И клали низкіе поклоны,
А вмѣсто пуль для обороны
Везли съ собой одни иконы!
Подвелъ насъ Серафимъ! *)

II.

Съ Портъ-Артуромъ попрощался,
Получивъ большущій носъ,—
„Громъ побѣды раздавайся,
„Веселися, храбрый Россъ!“
Ходятъ плѣнные, какъ тѣни,
Безъ отчизны, безъ семьи—
„Эхъ, вы, сѣни мои, сѣни,“
„Сѣни новыя мои!“
Генераловъ вереница,
Офицеровъ безъ числа—
„Спой мнѣ пѣсню, какъ синица
„Пышно за моремъ жила?“
Грустно, вяло и не смѣло
Наша рать пустилась въ путь—
„Ноги босы, грязно тѣло,
„И едва прикрыта грудь.“
Поработалъ на солдата
„Интендантскій“ безъ грѣшка—
„Хороши наши ребята,
„Только славушка плоха!“

Сообщилъ *К. В. Сивковъ.*

*) Во время русско-японской войны состоялось открытіе мощей Серафима Саровскаго.

Библиотека "Руниверс"

Полное собраніе сочиненій А. И. Герцена [1]).

(А. И. Герценъ. Полное собраніе сочиненій и писемъ. Подъ ред. М. К. Лемке).

Богатѣйшій матерьялъ, собранный М К. Лемке въ теченіе 10 лѣтъ, посвященныхъ изученію жизни и творчества Герцена могъ бы быть использованъ для двухъ параллельныхъ, одинаково нужныхъ и цѣнныхъ изданій: перваго полнаго собранія сочиненій Герцена и собранія писемъ писателя и документовъ, относящихся къ его біографіи. М. К. Лемке соединилъ двѣ по существу разныя задачи въ одну и этимъ объясняется недостатокъ изданія, уже отмѣченный критикой (В. В. Водовозовъ въ „Былomъ". Августъ 1917 года и П. Н. Сакулинъ въ „Русскихъ Вѣдомостяхъ").

Какъ ни пытается М. К. Лемке оправдать свой методъ расположенія всего написаннаго Герценомъ въ хронологическомъ порядкѣ—сочиненій, писемъ и дѣловыхъ бумагъ вперемежку, основываясь на томъ, что Герценъ писатель, не отдѣлявшій своей литературной дѣятельности отъ всей остальной личной жизни, возраженія, сдѣланныя критикой противъ его метода неопровержимы. И самое существенное возраженіе то, что методъ М. К. Лемке неосуществимъ и имъ же самимъ не соблюдается; письма пишутся обычно въ одинъ день, сочиненія же мѣсяцами и годами, и если бы строго придерживаться хронологическаго порядка, то слѣдовало бы, установивъ даты написанія отдѣльныхъ главъ и даже страницъ сочиненія, печатать ихъ вперемежку съ письмами и другими документами. Пришлось бы раздробить на части каждое произведеніе и сдѣлать его совершенно неудобочитаемымъ.

На это, конечно, редакторъ не пошелъ и за исключеніемъ „Дневника", который онъ разбилъ по годамъ, не рѣшившись раздробить его окончательно по мѣсяцамъ и днямъ и разсѣять среди писемъ, Лемке сочиненія Герцена даетъ цѣликомъ, опредѣляя мѣсто ихъ въ собраніи даже не датой окончанія, а датой напечатанія, что уже совершенно неправильно.

Напримѣръ, „Съ того берега" слѣдуетъ послѣ январскихъ писемъ 1850 г. на томъ основаніи, что въ январѣ этого года появилось оно впервые въ печати въ нѣмецкомъ переводѣ хотя въ рукописи это произведеніе

---

[1]) Въ виду того, что въ настоящее время редакція „Голоса Минувшаго" вынуждена слишкомъ рѣдко выпускать номера журнала, вслѣдствіе чего естественно запаздываютъ рецензіи на вновь выходящія книги, редакція рѣшила давать только тѣ рецензіи, которыя представляютъ собою обстоятельный критическій разборъ рецензируемой книги, и, кромѣ того, общіе библіографическіе обзоры всего выходящаго за извѣстный періодъ времени по исторіи и исторіи литературы. Первые такіе обзоры будутъ даны въ ближайшей книжкѣ журнала.

Ред.

Библиотека "Руниверс"

Г. пересылалось его русскимъ друзьямъ по частямъ въ 1848 и 49 гг. и упоминается въ перепискѣ этихъ годовъ.

„Письма изъ Франціи и Италіи“ раздѣлены на двѣ части: I—IV письма отнесены къ 1847 г., потому что въ этомъ году они были напечатаны въ „Современникѣ“, а V—XIV къ 1850, потому что тогда они появились въ первомъ изданіи на нѣмецкомъ языкѣ.

Такимъ образомъ получается слѣдующее: сочиненія и письма печатаются въ перемежку ради *общей строго хронологической послѣдовательности*, говоритъ Лемке, для того чтобы „развернуть передъ читателемъ изо дня въ день, изъ года въ годъ смѣну пережитыхъ писателемъ эпохъ, его собственную біографію и моральную, умственную и политическую эволюцію его личности“, а на самомъ дѣлѣ эта послѣдовательность совершенно не соблюдается въ отношеніи не только къ „Былому и Думамъ,“ но и въ отношеніи ко всѣмъ сочиненіямъ Г. Разъ мѣсто ихъ въ собраніи опредѣляется по времени напечатанія ихъ, событія чисто внѣшняго, то при чемъ же „смѣна пережитыхъ писателемъ эпохъ“. Строго хронологическая послѣдовательность соблюдается М. К. Лемке только въ отношеніи къ письмамъ и къ другимъ матеріаламъ къ біографіи Герцена и совершенно напрасно онъ пытается слить въ одно два по существу разныхъ изданія: сочиненій и матеріаловъ, тѣмъ болѣе напрасно, что поскольку одна задача—біографическая—выполнена имъ хорошо и вызываетъ рядъ похвалъ, постольку другая—редактированіе сочиненія—вызываетъ рядъ возраженій.

Задача біографическая, повидимому все время стояла передъ глазами М. К. Лемке и заслоняла другую задачу—редактированія собранія сочиненій. Въ Лемке біографъ и собиратель матеріаловъ несомнѣнно преобладаетъ надъ редакторомъ сочиненій, и этимъ объясняется другой недостатокъ изданія: чрезвычайная неравномѣрность въ количествѣ комментаріевъ къ письмамъ и къ сочиненіямъ. Въ то время какъ напр., для объясненія одного мѣста изъ письма Герцена къ Грановскому, Кетчеру и Коршу приведены на двадцати страницахъ оффиціальные документы, извлеченные Лемке изъ архива III отдѣленія, документы въ высшей степени интересные, но относящіеся къ біографіи не Герцена, а Огарева (т. VI, стр. 158—178), необходимые комментаріи къ сочиненіямъ грѣшатъ излишней краткостью, а часто и вовсе отсутствуютъ.

Въ комментаріяхъ къ письмамъ Лемке даетъ очень цѣнныя поясненія часто на основаніи новыхъ архивныхъ данныхъ, поясненія, облегчающія чтеніе писемъ. Въ комментаріи къ сочиненіямъ онъ ограничивается: 1) приложеннымъ въ концѣ каждаго тома библіографическимъ указателемъ, въ которомъ приводятся справки о времени написанія и напечатанія произведенія и отзывы разныхъ писателей о данномъ сочиненіи Г. и 2) подстрочными примѣчаніями, часто никому не нужными въ родѣ такихъ напримѣръ: „Мирабо одинъ изъ самыхъ талантливыхъ ораторовъ революціи“, или—„Маратъ—извѣстный революціонеръ“. Попадаются въ примѣчаніяхъ и ошибки, только вводящія читателя въ заблужденіе.

Для примѣра я укажу на примѣчанія М. К. Лемке къ дневнику Герцена.

Дневникъ этотъ, въ который Герценъ заносилъ свои мысли и замѣтки по поводу прочитанныхъ книгъ, является интереснѣйшимъ документомъ для изученія развитія мысли Герцена до отъѣзда его за границу. Онъ показываетъ, насколько Герценъ, оставаясь еще въ Россіи, напряженно жилъ умственными интересами Запада, насколько разнообразно и глубоко было

Библиотека "Руниверс"

его знакомство съ философскими и политическими теченіями Запада. Но для того, чтобы читатель могъ вполнѣ оцѣнить всю многогранность духовныхъ интересовъ Герцена, тутъ-то и требуются поясненія редактора относительно тѣхъ авторовъ и книгъ, имена и заглавія которыхъ мало говорятъ нынѣшнему читателю. Тутъ то и обнаруживаются недостатки редакціи М. К. Лемке, который въ предисловіи обѣщаетъ давать въ подстрочныхъ примѣчаніяхъ „такія разъясненія, напоминанія и указанія, которыя безусловно необходимы обыкновенному читателю для полнаго пониманія даннаго мѣста въ текстѣ Герцена".

Вотъ напр. Герценъ заноситъ въ свой дневникъ 14 марта 1844 г. (т. III, стр. 316—317), что онъ перелистывалъ Балланша „Paling sac". Онъ находитъ у него „множество предчувствій истинныхъ, симпатій и придыханій къ будущему". Онъ ставитъ его выше Шатобріана и де-Мэстра и въ заключеніе замѣчаетъ, что „имя его не должно забывать ни въ развитіи философіи исторіи, ни въ развитіи соціализма".

Но что же это говоритъ обыкновенному читателю? Балланшъ—этотъ оригинальнѣйшій французскій писатель эпохи реставраціи, учившій, что человѣчество совершенствуется черезъ страданіе, никогда особенной извѣстностью въ Россіи не пользовался, а теперь и подавно. И, заинтересовавшись, кто же такой Балланшъ, читатель изъ редакторскихъ примѣчаній не узнаетъ ничего сверхъ того, что звали его Пьеръ-Симонъ, а цитируемое Герценомъ сокращенное сочиненіе называется полностью „Essai de Palingénésie sociale"—„Опытъ общественной палингенезіи" (возрожденія). Со слѣдующимъ примѣчаніемъ къ данному мѣсту дѣло, увы, обстоитъ еще хуже. Поясняя, кто такой упоминаемый Герценомъ Мэстръ, М. К. Лемке пишетъ „Графъ Ксавье де-Мэстръ французскій писатель". Между тѣмъ какъ совершенно ясно, что сравнивать мистика Балланша Герценъ могъ только съ *Жозефомъ* Де-Мэстромъ, творцомъ мрачной теоріи искупленія и идеологомъ реакціи, а не съ безобиднымъ авторомъ „Le voyage autour de ma chambre".

На той же страницѣ не могу не отмѣтить другого примѣчанія, которое не только не содѣйствуетъ пониманію текста, но еще больше затемняетъ его.

Герценъ заноситъ въ дневникъ, что онъ дочиталъ лекціи Мицкевича. (Лекціи о славянскихъ литературахъ, читанныя Мицкевичемъ въ Collège de France). Возражая противъ мессіанизма Мицкевича, Герценъ говоритъ: „Во всемъ вѣетъ трагическій духъ графа въ *Comédie Infernale*, но Польша будетъ спасена помимо мессіанизма и папизма".

Что же это за Comédie infernale? Въ примѣчаніи мы находимъ лишь переводъ—„Адская Комедія". Между тѣмъ это вовсе не „Адская Комедія", а „Не-божественная Комедія" Красинскаго. Мицкевичъ въ своихъ читанныхъ на французскомъ языкѣ лекціяхъ перевелъ не совсѣмъ точно заглавіе философской драмы великаго польскаго поэта и этой Comédie infernale онъ посвятилъ цѣлыхъ три лекціи, развивая попутно идеи польскаго мессіанизма. Но для читателя, незнакомаго ни съ лекціями Мицкевича, ни съ драмой Красинскаго совершенно непонятно, что значатъ слова Герцена „вѣетъ трагическій духъ графа въ „Comédie infernale". А дѣло въ томъ, что герой Красинскаго,—мечтатель графъ Генрихъ—гибнетъ, сражаясь за безнадежное дѣло. Онъ неспособенъ видѣть дѣйствительность. Такъ, по мнѣнію Герцена, и польскій мессіанизмъ лишенъ реальности и обреченъ на гибель.

Я привожу эти примѣры не ради придирокъ къ редактору, который и самъ не считаетъ свой трудъ безошибочнымъ и проситъ сообщать ему объ ошибкахъ, противорѣчіяхъ, недомолвкахъ и неясностяхъ, допущенныхъ

Библиотека "Руниверс"

имъ, а потому, что я также, какъ и онъ, вѣрю, что изданію предстоитъ большой успѣхъ и слѣдовательно весьма возможно скорое его перезданіе. Желательно, чтобы въ послѣднемъ случаѣ были устранены недостатки и дефекты перваго изданія. Для того же, чтобы они были устранены, нужно выяснить основной источникъ этихъ недостатковъ и дефектовъ.

Жизнь и творчество Герцена настолько разнообразны, что нуженъ рядъ спеціалистовъ, чтобы дать исчерпывающій комментарій къ его сочиненіямъ и перепискѣ. Нельзя объять необъятнаго и, если бы М. К. Лемке занялся ради исчерпывающихъ объясненій къ тексту изученіемъ тѣхъ авторовъ и книгъ, которые оставили свой слѣдъ въ сочиненіяхъ Герцена, у него не осталось бы времени для разыскиванія въ архивахъ тѣхъ интересныхъ документовъ, которые относятся къ біографіи Герцена и которыхъ такъ много собралъ М. К. Лемке.

Спеціальность редактора—историка русской цензуры и николаевскихъ жандармовъ—не могла не сказаться въ томъ, что, все, касающееся русскихъ связей Герцена, въ особенности отношенія къ нему администраціи, освѣщено съ несравненно большей полнотой, чѣмъ жизнь Герцена на Западѣ, его роль въ политической и умственной жизни Западной Европы, его связи съ дѣятелями эпохи 48 г.

Мнѣ кажется, что спеціальностью редактора объясняется и та черезмѣрно строгая цензура, которой онъ подвергъ Герцена. Всѣ вышедшіе до сихъ поръ восемь томовъ Герцена печатались еще до революціи, и понятно, что нельзя было дать полный текстъ такъ долго совершенно запрещеннаго въ Россіи писателя и что нѣкоторыя слишкомъ рѣзкія выраженія приходилось выпускать и замѣнять точками. Но когда вы просмотрите, какія слова выбрасывалъ М. К. Лемке и какія невинныя фразы не рѣшился привести цѣликомъ, вамъ станетъ совершенно очевиднымъ, что онъ считался не съ цензурой временъ Николая II, а съ тѣми цензорами и жандармами Николая I, дѣятельность которыхъ онъ такъ хорошо изучилъ.

Для того, чтобъ не быть голословнымъ, я приведу нѣсколько примѣровъ изъ сотни, отмѣченныхъ мною:

„Народъ не вѣритъ теперь въ республику и превосходно дѣлаетъ, пора перестать вѣрить въ какую бы то ни было единую спасающую *церковь*“. Послѣднее слово Лемке замѣняетъ многоточіемъ (т. V стр. 440).

„Какъ же этотъ міръ устоитъ противъ соціальнаго переворота? Во имя чего будетъ онъ себя отстаивать? Религія его ослабѣла, *монархическій* принципъ потерялъ авторитетъ“. „Монархическій“—выпущенъ (т. V, стр. 425).

„Какое счастье, что ихъ нѣтъ, что нѣтъ жизни *за гробомъ*“. Послѣднее слово замѣнено точками (т. V, стр. 485).

Неужели въ 1916 году въ многотомномъ, недоступномъ для широкой публики изданіи нельзя было напечатать такихъ фразъ безъ купюръ? Несомнѣнно можно было и лучшее доказательство то, что приведенныя выше фразы напечатаны полностью въ болѣе дешевомъ, въ болѣе доступномъ и подвергнутомъ суровой цензорской правкѣ изданіи Павленкова (см. т. V изд. Павленкова стр. 215, 203, 243). То, что пропустилъ цензоръ Соколовъ въ 1905 году, не рѣшился напечатать редакторъ сочиненій Герцена въ 1916 году!

Изъ предосторожности боясь цензуры политической и духовной, М. К. Лемке всюду замѣняетъ точками слова—царь, императоръ, самодержавіе, церковь, святой и т. п., опускаетъ эти слова даже безотносительно къ содержанію фразы и получаются такіе курьезы, что напр. во фразѣ: „русскій крестьянинъ видитъ въ царѣ защитника противъ своихъ непосредственныхъ

Библиотека "Руниверс"

враговъ, считаетъ его олицетвореніемъ справедливости" — слова „въ царѣ" замѣнены многоточіемъ. Здѣсь рукою редактора руководило, быть можетъ, воспоминаніе о той цензурѣ, которая запрещала высказывать о царствующихъ особахъ не только отрицательныя, но и положительныя мнѣнія на томъ основаніи, что царь не нуждается ни въ порицаніи, ни въ одобреніи.

Въ результатѣ такой предосторожности политическія статьи Герцена мѣстами такъ испещрены многоточіями, что нѣкоторыя страницы совершенно неудобочитаемы. Недостатокъ этотъ М. К. Лемке послѣ революціи рѣшилъ исправить тѣмъ, что въ концѣ каждаго тома, на отдѣльныхъ листахъ напечаталъ выпущенныя слова съ указаніемъ страницъ и строкъ для того, чтобы читатель могъ вырѣзать эти слова и наклеить ихъ въ соотвѣтствующихъ мѣстахъ. Такимъ образомъ получится возстановленный текстъ Герцена безъ купюръ. Но эти заплаты, конечно, не будутъ содѣйствовать внѣшнему изяществу изданія, которое отлично сдѣлано на очень хорошей бумагѣ и по нынѣшнемъ временамъ сказочно дешево—2 р. за томъ въ 500—600 стр. Не останавливаясь еще на одной неправильности, допущенной редакторомъ и уже отмѣченной въ критикѣ—на томъ, что онъ исправляетъ орѳографію Герцена, я перейду теперь къ вопросу, что же даетъ новаго для знакомства съ Герценомъ это первое полное собраніе его сочиненій и писемъ?

Вышедшіе до сихъ поръ 8 томовъ, охватывающихъ жизнь и творчество Герцена по 1857 г. новыхъ неизвѣстныхъ раньше сочиненій его не даютъ, за исключеніемъ двухъ юношескихъ философскихъ статей: „О мѣстѣ человѣка въ природѣ" (1832 г., т. I, стр. 71) и „Аналитическое изложеніе солнечной системы Коперника" (т. I стр. 91). Обѣ статьи нигдѣ напечатаны не были, рукопись первой изъ нихъ М. Лемке пріобрѣлъ у антиквара, а рукопись второй хранится въ архивѣ Московскаго Университета. Объ этой статьѣ упоминаетъ Т. Пассекъ, которая не совсѣмъ точно сохранила въ памяти ея заглавіе.

Во второмъ томѣ напечатаны тоже юношескія произведенія: беллетристическій отрывокъ „Елена" и сцена въ стихахъ „Вильямъ Пеннъ", эти вещи полностью нигдѣ не печатались, но ихъ подробно излагалъ и приводилъ въ выдержкахъ Ивановъ-Разумникъ „Рус. Богатство" 1912 г. кн. V („Неизвѣстная повѣсть Герцена") и „Рус. Бог." кн. III 1912 („Драмы Герцена"). Обѣ эти вещи, не имѣющія художественной цѣны, представляютъ лишь интересъ для изученія развитія таланта и мысли Герцена. Остальные же сочиненія новы лишь въ томъ смыслѣ, что они даны въ исправленномъ болѣе точномъ текстѣ, провѣренномъ по рукописи, или же впервые появляются на русскомъ языкѣ.

Въ большинствѣ случаевъ рукописей сочиненій найти не удалось, и для большей части произведеній текстъ данъ Лемке по прежнимъ изданіямъ, среди которыхъ нужно было выбирать, и выборъ этотъ не всегда удаченъ такъ напр. „Письма изъ Франціи и Италіи", думается, правильнѣе было бы дать по Лондонскому изданію, чѣмъ по „Современнику". Лемке, впрочемъ всѣ варіанты приводитъ въ комментаріяхъ.

Въ комментаріяхъ онъ, между прочимъ, приводитъ и четыре письма изъ Италіи („Письма съ Via del Corso") по рукописи, сохранившейся въ архивѣ Пыпина.

Что касается произведеній, впервые появляющихся въ русскомъ изданіи, то среди нихъ самымъ значительнымъ является статья „La Russie", напечатанная въ 1849 г. въ Прудоновской газетѣ „La voix du peuple" въ видѣ письма къ Гервегу. Подъ заглавіемъ „письмо къ Гервегу" статья эта

Библиотека "Руниверс"

вошла въ нѣмецкое изданіе „Съ того берега“, въ русскихъ же изданіяхъ она ни разу не печаталась и лишь М. О. Гершензонъ въ своемъ этюдѣ „Герценъ и Западъ“ знакомилъ съ нею читателя. Это первый набросокъ мыслей Герцена о соціально-революціонномъ призваніи Россіи, здѣсь то противопоставленіе русскаго міра Европѣ, которое Герценъ позднѣе развивалъ въ „Devéloppement des idées revolutionnaires en Russie“, въ статьяхъ „Старый міръ и Россія“ и „Русскій народъ и соціализмъ“.

„Въ нравственномъ отношеніи—пишетъ Герценъ—мы свободнѣе европейцевъ и это не только потому, что мы избавлены отъ великихъ испытаній, въ которыхъ развивается Западъ, но и потому, что у насъ совсѣмъ нѣтъ прошлаго, которое имѣло бы власть надъ нами. Наша исторія бѣдна и первымъ условіемъ новой жизни для насъ было полное отрицаніе прошлаго. Отъ нашего прошлаго у насъ остались только національный бытъ, національный характеръ, кристаллизація государства: все остальное элементы будущаго. Слова Гете объ Америкѣ вполнѣ примѣнимы къ Россіи: „Ты полна соковъ и жизненныхъ силъ и твоего существованія не нарушаютъ ни безполезныя воспоминанія, ни напрасные споры“.

„Я прибылъ въ Европу иностранцемъ—пишетъ Герценъ Гервегу—вы же, вы сдѣлали себя иностранцемъ. Разъ только и то лишь на нѣсколько мгновеній мы чувствовали себя, какъ дома: то было весной 1848 года. Но какъ дорого заплатили мы за этотъ сонъ, когда, проснувшись, мы увидѣли себя на краю бездны, надъ которой очутилась теперь старая Европа безъ силъ, безъ иниціативы съ параличемъ всѣхъ чувствъ. Мы со страхомъ видимъ, какъ Россія собирается толкнуть еще дальше по пути къ ихъ гибели истощенныя государства Запада, похожія на слѣпого нищаго, котораго ведетъ къ пропасти проказникъ—мальчуганъ“. (т. V, стр. 330—365).

Непосредственно къ этому письму примыкаетъ статья Герцена, озаглавленная „Письмо русскаго къ Маццини“, 20 ноября 1849 г. (т. V, стр. 366—378). Статья эта такъ же, какъ и предыдущая, была напечатана въ нѣмецкомъ переводѣ въ нѣмецкомъ изданіи „Съ того берега“ и не появлялась ни въ одномъ русскомъ изданіи. Въ этой въ высшей степени интересной статьѣ Герценъ впервые высказываетъ свои идеи славянскаго федерализма. „Славянскій міръ хочетъ только одного—свободной федераціи“.

Эту идею свободной славянской федераціи Герценъ противопоставляетъ оффиціальному панславизму, который стремится къ поглощенію славянства Россіей. Осуществленіе славянской федераціи, требующее освобожденія славянъ изъ-подъ ига нѣмецкаго и турецкаго—это чисто революціонная задача и ее совершенно неспособна выполнить императорская Россія.

„Посмотрите—пишетъ Герценъ—какъ держитъ себя Петербургское правительство 24 февраля! Въ жаждѣ земельныхъ приращеній оно не сводитъ глазъ съ Галиціи, Познанскаго герцогства и Дунайскихъ княжествъ. Въ безпокойной своей жадности оно перебираетъ шансы захвата себѣ австрійскихъ славянъ, да не смѣетъ рѣшиться,—слишкомъ силенъ страхъ привить революцію Россіи! И тогда при первомъ же движеніи вдругъ рухнетъ громоздкое и неуклюжее зданіе военнаго деспотизма и нѣмецкой бюрократіи!“

Любопытно, что въ статьѣ этой, писанной въ ожиданіи русско-турецкой войны, Герценъ предусматривалъ крушеніе Россійской Имперіи въ связи съ побѣдоноснымъ окончаніемъ войны и захватомъ Константинополя. Онъ думалъ, что военная деспотія, расширившись до послѣднихъ своихъ предѣловъ осуществитъ всѣ свои завоевательные планы, станетъ ненужной, потеряетъ свое raison d'être и перестанетъ существовать. „Физіологія исторіи

Библиотека "Руниверс"

и естественная органическая теологія учатъ насъ, что даже самое отвратительное правительство можетъ держаться еще, пока ему остается еще что-нибудь сдѣлать, но конецъ его близокъ, когда оно не въ состояніи больше ничего сдѣлать или дѣлаетъ только зло. Тогда всякій прогрессъ обращается для него въ опасность, тогда оно боится всякаго общественнаго движенія. Движеніе—это жизнь; бояться его—значитъ находиться въ агоніи. Такое правительство нелѣпо, оно должно погибнуть. Когда императорскій орелъ вернется на свою родину, онъ уже больше не появится въ Россіи. Взятіе Константинополя было бы началомъ новой Россіи, началомъ славянской федераціи—демократической и соціальной".

Большой современный интересъ представляетъ далѣе статья „Польско-русскій революціонный союзъ", появившаяся въ польскомъ заграничномъ изданіи „Polski Demokrata" и заключающая въ сжатомъ видѣ тѣ мысли, которыя позднѣе не разъ Герценъ повторялъ и развивалъ на страницахъ „Колокола". Мечтой Герцена былъ союзъ свободной Польши со свободной Россіей. „Польша не можетъ и не должна иначе соединиться съ Россіей, какъ на основѣ своей свободы и національной независимости и это наступитъ тогда, когда Россія сброситъ съ себя ярмо императорской власти... Освобожденіе Польши есть половина освобожденія Россіи. Свободная Варшава—смерть для императорскаго Петербурга. Тѣ изъ русскихъ, которые не понимаютъ, что независимость Польши есть въ то же время освобожденіе Россіи, не революціонеры, не свободомыслящіе, они—не съ нами. Тѣ, кто несочувственно относятся къ защитѣ территоріальныхъ правъ, отрицаютъ тѣмъ самымъ республиканское объединеніе славянскихъ народовъ".

Я привелъ нѣсколько выдержекъ изъ статей Герцена впервые появляющихся въ русскомъ изданіи въ виду ихъ современнаго политическаго интереса, но ими, конечно, далеко не исчерпывается то новое, что даетъ для изученія идей Герцена первое полное собраніе его сочиненій.

Что же касается новыхъ матерьяловъ къ біографіи Герцена—писемъ и другихъ документовъ,—то въ этомъ отношеніи изданіе М. К. Лемке является неисчерпаемымъ кладеземъ. Конечно, не все, написанное Герценомъ, собрано въ настоящемъ изданіи и его долго еще придется пополнять помѣрѣ новыхъ открытій. На одинъ изъ пробѣловъ указываетъ и самъ редакторъ въ предисловіи. Онъ говоритъ, что, работая въ архивѣ III отдѣленія въ 1904 г. не успѣлъ снять полныхъ копій съ писемъ Герцена, взятыхъ при арестѣ его и его друзей. Письма эти, замѣтимъ, теперь найдены М. М. Клевенскимъ въ архивѣ московскаго генералъ-губернатора и печатаются въ книжкѣ Гол. Мин. Нельзя при этомъ не отмѣтить одного промаха со стороны М. К. Лемке. На стр. 105 перваго тома онъ напечаталъ одну фразу изъ письма къ Огареву 1833 г. (это одно изъ писемъ, о которомъ рѣчь шла выше), а въ примѣчаніи къ тому отрывку (стр. 526) читаемъ: „свѣрено съ подлинникомъ, находящимся въ архивѣ III отдѣленія". Между тѣмъ подлинникъ этого письма, какъ и другихъ писемъ Герцена, взятыхъ при арестѣ, хранятся въ Архивѣ Московскаго ,Генералъ-Губернатора. Хорошо, если эта, случайно замѣченная нами, ошибка фактъ единичный!

Въ предѣлахъ библіографической замѣтки нѣтъ возможности даже перечислить всего новаго, что оно даетъ. Я отмѣчу лишь, что самымъ интереснымъ въ этомъ отношеніи является VII томъ, въ которомъ собраны письма съ 52 по 54 годъ, а среди нихъ самымъ значительнымъ является большое письмо отъ марта 52 ч. къ Эрнсту Гаугу, письмо, въ которомъ Герценъ впервые раскрываетъ передъ друзьями свою личную драму: увле-

Библиотека "Руниверс"

ченіе Натальи Александровны Гервегомъ, разрывъ съ нимъ и примиреніе, возвращеніе къ Герцену, смерть ея, столкновеніе Герцена съ Гервегомъ, желаніе убить послѣдняго.

Въ письмѣ къ Гаугу и къ другимъ западнымъ друзьямъ Герцена, а также въ письмахъ къ М. К. Рейхель, подъ непосредственнымъ впечатлѣніемъ, подъ вліяніемъ гнѣва, обида и скорби отразилось то время жизни Герцена, о которомъ онъ писалъ въ первомъ, впослѣдствіи имъ отвергнутомъ, предисловіи къ „Былому и Думамъ“:

„Каждое слово объ этомъ времени тяжело потрясаетъ душу, сжимаетъ ее, какъ рѣдкіе, густые звуки погребальнаго колокола и между тѣмъ я хочу говорить объ немъ, не для того, чтобы отъ него отдѣлаться отъ моего прошедшаго, чтобы покончить съ нимъ,—нѣтъ, я имъ не поступлюсь ни за что на свѣтѣ: у меня нѣтъ ничего, кромѣ его. Я благословилъ свои страданія, я примирился съ ними и я торжественно вышелъ бы изъ ряда испытаній и не одинъ, если бы смерть не переѣхала мнѣ дорогу. За предѣлами былого у меня нѣтъ ничего своего личнаго. Я живу въ немъ, я живу смертью въ минувшемъ,—такъ, иноки, постригаясь, теряли свою личность и жили созерцаніемъ былого, исповѣдью совершившагося, молитвою объ усопшихъ, объ ихъ свѣтломъ воскресеніи. Прошедшее живо во мнѣ, я его продолжаю, я не хочу его заключить, я хочу говорить, потому что я одинъ могу свидѣтельствовать о немъ“.

Это предисловіе было написано Герценомъ 2 ноября 1852 года. Тогда же Герценъ и задумалъ впервые „Былое и Думы“, какъ это видно изъ письма къ Рейхель отъ 5 ноября того же года: „У меня явилось френетическое желаніе написать мемуаръ; я началъ его по-русски, но меня увлекло въ такую даль, что я боюсь; съ одной стороны жаль упустить эти воскреснувшіе образы съ такою подробностью, что другой разъ ихъ не поймать. Иванъ Алексѣевичъ, княгиня, Дмитрій Павловичъ, Александръ Алексѣевичъ, Васильевское и я ребенкомъ въ этомъ странномъ мірѣ, патріархальномъ и вольтеровскомъ. Но какъ писать: Dichtung und Wahrheit или мемуаръ о своемъ дѣлѣ? Я цѣлый день сижу и думаю“.

Къ счастью для русской литературы побѣдило желаніе писать не „мемуаръ о своемъ дѣлѣ“, а именно Dichtung und Wahrheit. „Былого и Думъ“ нѣтъ еще въ вышедшихъ 8 томахъ. Слѣдуя своему методу, М. К. Лемке пріурочиваетъ „Былое“ къ 1851 году, потому что въ этомъ году вышелъ первый томъ „Былого и Думъ“.

Читателю придется еще долго ждать, такъ какъ М. К. Лемке пріостановилъ свое изданіе до той поры, пока можно будетъ печатать его въ болѣе нормальныхъ условіяхъ. Дѣйствительно, при нынѣшнихъ условіяхъ издательскаго дѣла продолжать это двадцатитомное изданіе при подписной цѣнѣ въ 40 рублей нѣтъ никакой возможности.

Въ заключеніе слѣдуетъ сказать, что первое полное собраніе сочиненій и писемъ Герцена несмотря на всѣ отмѣченные выше недостатки, является крупнѣйшимъ событіемъ нашей литературной жизни и даетъ М. К. Лемке право на благодарность со стороны русскаго общества.

Л. Козловскій.

Библиотека "Руниверс"

Смерть Г. В. Плеханова.

† *30 мая 1918 г.*

30 мая въ Финляндіи, въ санаторіи Перкіарви, скончался Георгій Валентиновичъ Плехановъ. Основатель русской соціалъ-демократіи, умеръ въ моментъ, когда большевизмъ, съ которымъ онъ боролся такъ неустанно въ рядахъ своей партіи, довелъ Россію до послѣдней степени разложенія и разрушенія. Предъ смертью Плехановъ долженъ былъ испытывать жесточайшую муку, видя, какъ русскій пролетаріатъ, совершая ошибку за ошибкой, наноситъ страшные удары и своему собственному дѣлу, и всей Россіи и человѣчеству вообще. А передъ этимъ жесточайшее испытаніе долженъ былъ выдержать онъ при видѣ поведенія германскихъ соціалъ-демократіи, которую онъ столько лѣтъ ставилъ въ примѣръ другимъ соціалъ-демократическимъ партіямъ.

Трагична судьба всѣхъ тѣхъ мыслителей и вождей человѣчества, которые умерли, не видя торжества своихъ идеаловъ, но конецъ жизни Плеханова—нѣчто исключительное по жестокости судьбы: послѣ сорока лѣтъ изгнанія вернуться на родину для того, чтобы присутствовать при ея разрушеніи и своими глазами смотрѣть на чудовищное искаженіе всего, чему онъ училъ.

Но можно съ увѣренностью сказать, что только физическій недугъ сломилъ этого стойкаго борца за освобожденіе человѣчества, его убѣжденія остались непоколебленными, не пошатнулась его вѣра ни въ конечное торжество соціализма, ни въ побѣду демократіи, ни въ будущее Россіи. Петербургъ, причинившій ему столько жестокихъ разочарованій, такъ негостепріимно его принявшій, не переставъ быть для него столицей русскаго пролетаріата и русской интеллигенціи, и въ Петербургѣ, на Волковомъ кладбищѣ хотѣлъ онъ быть похороненнымъ.

Да именно тамъ мѣсто праху русскаго изгнанника, умершаго въ занятой нѣмцами Финляндіи, тамъ, на Волковомъ кладбищѣ, гдѣ столько могилъ русскихъ писателей и вождей русской интеллигенціи, ибо этотъ изгнанникъ,— одинъ изъ вождей международнаго соціализма, одинъ изъ

Библиотека "Руниверс"

самыхъ даровитыхъ учениковъ Маркса, родоначальникъ русскаго марксизма и основатель русской соціалъ-демократіи, онъ—кость отъ кости и плоть отъ плоти—русскій писатель и русскій интеллигентъ, онъ изъ великой русской семьи, отцомъ которой былъ Бѣлинскій. Онъ страстный духъ Бѣлинскаго, духъ русскаго правдоискательства, вложилъ въ формулу Маркса и въ этомъ тайна его вліянія на русскіе умы. Ломая копья съ русскими народниками подъ знаменемъ Маркса, во имя интернаціонализма, онъ, блестящій русскій писатель, всегда оставался глубоко-русскимъ въ душѣ, и эта его русская душа его любовь къ Россіи, сказались какъ нельзя ярче въ минуту смертельной опасности для родины.

Мѣсто, занятое Плехановымъ въ русской общественной жизни, велико, и съ разныхъ сторонъ къ нему можетъ подходить историкъ. Онъ вошелъ въ исторію Россіи, какъ идейный воспитатель цѣлаго поколѣнія русскихъ марксистовъ, какъ публицистъ, стоявшій въ центрѣ идейныхъ споровъ конца XIX и начала XX в., и, какъ вождь соціалъ-демократической партіи, и, какъ изслѣдователь русской общественной мысли. Сейчасъ, на другой день послѣ смерти, онъ стоитъ передъ нашими глазами прежде всего, какъ великій гражданинъ Россіи, сумѣвшій сочетать горячую любовь къ родинѣ съ самыми возвышенными идеалами человѣчества, съ принципами демократіи и соціализма.

Редакція.

Библиотека "Руниверс"

Книги, поступившія въ редакцію для отзыва.

1) **Байкинъ, В.** Антологія. Избран. стихи римск. поэтовъ. Ц. 1 р. 2) **Блонскій П.** Школа и общественный строй. Изд. „Задруга“. Ц. 80 к. 3) **Богословскій, М. М.** Бытъ и нравы русскаго дворянства въ первой половинѣ 18 в. Изд. 2-е „Задруга“. Ц. 90 к. 4) **Буначовъ, И. И.** Судьбы земельнаго строя въ Россіи. Ц. 1 р. 50 к. 5) **Зѣньковскій, В. В.** Соціальное воспитаніе и его задачи. Моск. просвѣт. комис. Ц. 1 р. 75 к. 6) **Керженцевъ, В.** Новая Англія. Ц. 2 р. 60 к. 7) **Корін, І.** Трі стіхотворенія. Ц. 30 к. 8) **Лаврскій, Н.** Черкаскъ и его старина. Ц. 2 р. 9) **Любомировъ.** Исторія Нижегородскаго ополченія, 1611—1613 г. Ц. 10 р. 10) Люди Нижегородскаго поволжья, в. 1. Краткій словарь писателей нижегородцевъ подъ ред. Чешихина—(Дѣйствія Нижег. Губ. Уч. Арх. Ком.). Ц. 30 к. 11) **Миляль, П.** Мой другъ Кубикъ, 2-е изд. „Задруга“. Ц. 2 р. 12) **Морозовъ, Н.** Повѣсти моей жизни, т. 2-ой. Изд. „Задруга“. Ц. 5 р. 13) **Нечаевъ, П. П.** Россія и Финляндія. Ц. 75 к. 14) **Поповъ, И. И.** Е. К. Брешко-Брешковская—бабушка русской революціи. Изд. „Задруга“. Ц. 90 к. 15) **Пресняковъ, А. Е.** Образованіе великорусскаго государства. Ц. 8 р. 16) **Пѣшехоновъ, А. В.** Почему мы тогда ушли. Ц. 50 к. 17) **Рахмиловичъ, Е. Г.** Диспутъ Генриха Гейне. Ц. 80 к. 18) **Савиничъ, Б. П.** Отвѣтственность чиновниковъ. Моск. просвѣт. комис. Ц. 75 к. 19) **Саликовскій, А. Ѳ.** Русская революція и украинское движеніе. Ц. 30 к. 20) **Саликовскій, А. Ѳ.** Къ чему стремятся украинцы и другія народности Россіи. Изд. „Задруга“. Ц. 12 к. 21) **Саліковськін, Ол.** Чого домагаются українці та инші народности Росіі. 22) **Тіандеръ, К.** Финляндія и Россія. Ц. 65 к. 23) **Тяжельниковъ, Д. Н.** Гдѣ нашей странѣ искать свое спасеніе. Ц. 2 р. 24) **Тяжельниковъ, Д. Н.** Отъ чего зависитъ наша бѣдность и какъ отъ нея избавиться. Ц. 30 к. 25) **Чаяновъ, А.** Очерки по теоріи воднаго хозяйства. Ц. 1 р.

Изд. „Задруга“. 26) **Бѣлокопскій И. П.** Дань времени. Ц. 8 р. 27) **Бѣлокопскій И. П.** Отъ деревни до парламента. Роль земства въ будущемъ строѣ Россіи. 2-е изд. Ц. 80 к. 28) **Булгаковъ, В. Ф.** Левъ Толстой въ послѣдній годъ его жизни. Изд. 2-е испр. и дополн. съ портр. Л. Н. Толстого Ц. 8 р. 29) **Водовозова, Е.** „Испанцы“. Изд. 4-е Ц. 2 р. 50 к. 30) **Вѣтринскій, Ч.** Освобожденіе крестьянъ и русскіе писатели. Изд. 2-е. Ц. 2 р. 50 к. 31) **Давыдовъ, Н. В.** Изъ прошлаго. Ч. II. Ц. 5 р. 32) Дитя въ его жизни и творчествѣ. Педагогическій сборникъ подъ ред. И. М. Соловьева Ц. 3 р. 50 к. 33) **Ельчаниновъ, Н.** Краткій учебникъ природовѣдѣнія. 2 р. 50 к. 34) **Кершенштейнеръ, Г.** Трудовая школа. Изд. 3-е Ц. 1 р. 30 к. 35) **Кизеветтеръ, А. А.** Мѣстное самоуправленіе въ Россіи IX—XIX ст. Историч. очеркъ. Изд. 2-е. Ц. 2 р. 50 к. 36) **Лункевичъ, В. В.** Жизнь въ каплѣ воды. Изд. 8-е. Ц. 1 р. 37) **Его-же.** Невидимые друзья и враги людей. Изд. 7-е. Ц. 1 р. 50 к. 38) **Его-же.** Степь и пустыня. Изд. 6-е. Ц. 1 р. 50 к. 39) **Его-же.** Нефть и соль. Изд. 5-е. Ц. 1 р. 50 к. 40) **Марковская, О.** Природа. Вып. I. Земля. Изд. 2-е. Ц. 60 к. Вып. II. Воздухъ. Изд. 2-е. Ц. 70 к. Вып. III. Вода. Изд. 2-е. Ц. 70 к. 41) **Мельгуновъ, П.** Что такое исторія. Изд. 3-е. Ц. 50 к. 42) **Монтессори, М.** Домъ ребенка, Съ предисл. И. М. Соловьева Изд. 3-е. Ц. 5 р. 43) **Осоргинъ, М. А.** Сказки и несказки. Ц. 5 р. 44) **Полянскій, Н. Н.** Народническій соціализмъ. Ц. 1 р. 20 к. 45) **Ропшинъ, В.** То, чего не было Ц. 6 р. 46) **Савинкова, С. А.** Въ годы стараго режима. Разсказы. Ц. 5 р. 50 к. 47) **Семевскій В. И.** Изъ исторіи общественныхъ идей въ Россіи въ концѣ 1840-хъ годовъ. Ц. 1 р. 50 к. 48) **Семевскій, В. И.** Крѣпостное право и крестьянская реформа въ произведеніяхъ М. Е. Салтыкова. Ц. 2 р. 49) **Соколовъ, Б. М.** Былины. Исторія, очеркъ, тексты и комментаріи. Ц. 4 р. 50) **Спасская, К.** Самоуправленіе учащихся. Подъ ред. и съ предисловіемъ Н. А. Рыбникова. Ц. 1 р. 20 к. 51) **Степунъ, Ф.** Изъ писемъ прапорщика—артиллериста. **Ропшинъ. В.** Изъ дѣйствующей арміи. Ц. 5 р. 52) **Тіандеръ, К.** Что такое нація. Ц. 1 р. 10 к. 53) **Толстой Л. Н.** Азбука. Подъ наблюденіемъ проф. П. Н. Сакулина. II. 1 р. 54) **Цявловскій, М. А.** Большевики. Документы по исторіи большевизма съ 1903 по 1916 г. бывшаго Моск. Охраннаго отдѣленія. Изд. 2-е ц. 10 р.

Библиотека "Руниверс"

Матеріалы по исторіи общественнаго и революціоннаго движенія въ Россіи.

Подъ общей редакціей **С. П. Мельгунова** и **М. А. Цявловскаго.**

Изданіе будетъ выпускаться сборниками отъ 10 до 20 листовъ, включая преимущественно неопубликованные еще документы изъ различныхъ секретныхъ архивовъ стараго режима.

Томъ I. **Большевики.** (Съ портр.) Ред. М. А. Цявловскій.
„ II. **Первая русская революція. — 1905 г.** Ред. В. Н. Сторожевъ.
„ III. **Русская провокація.** Ред. С. П. Мельгуновъ и М. А. Цявловскій.
„ IV. **Майскій погромъ въ Москвѣ въ 1915 г.** Ред. В. Н. Сторожевъ.
„ V. **Ходынка.** Ред. В. Н. Сторожевъ.
„ VI. **Въ цензурныхъ тискахъ.** Ред. В. Е. Максимовъ. и В. В. Міаковскій.
„ VII. **Священная дружина.** Ред. С. П. Мельгуновъ.
„ VIII. **Лорисъ-Меликовъ и его время.** Ред. С. П. Мельгуновъ.
„ IX. **Исповѣди Бакунина.** (1854—59 г. г.) Ред. Л. К Ильинскій.
X. **Записки Кельсіева.** Ред. А. А. Шиловъ.

Въ слѣдующей серіи намѣчены матеріалы о декабристахъ, Герценѣ, 70-хъ годахъ (хожденіи въ народъ) и т. д.

Редакція оставляетъ за собой право замѣнить одинъ сборникъ другимъ въ зависимости отъ условій подготовки изданія.

УСЛОВІЯ ПОДПИСКИ: Не имѣя возможности въ настоящее время опредѣлить размѣръ приготовляемыхъ къ печати сборниковъ и стоимости изданія, издательство назначаетъ цѣны на сборники по расчету отъ 40—50 коп. съ листа 16 стр. (включая пересылку). При подпискѣ вносится задатокъ въ размѣрѣ 3 руб.; при выходѣ каждаго тома оплачивается его стоимость; задатокъ засчитывается при выходѣ послѣдняго X-го тома.

Подписчики журнала „Голосъ Минувшаго" при непосредственномъ обращеніи въ контору имѣютъ право на полученіе изданія **безъ задатка.** Подписчики „Матеріаловъ" первый томъ имѣютъ право пріобрѣсти за 8 руб.

Вышелъ I-ый томъ. Въ отдѣльной продажѣ 10 руб.

Библиотека "Руниверс"

Содержаніе слѣдующей книги „Голосъ Минувшаго“.

1. Г. Брандесъ. Вольтеръ. 2. Е. Сазоновъ. Письма. Съ предисловіемъ С. П. Мельгунова. 3. В. Ильинскій. Герценъ и 3-е отдѣленіе (по неопубликованнымъ матеріаламъ). 4. М. А. Цявловскій. Записи П. И. Бартенева о Романовыхъ. 5. М. М. Клевенскій. И. С. Тургеневъ и хожденіе въ народъ. 6. Е. А. Штакешнейдеръ. Изъ дневниковъ (Ѳ. М. Достоевскій и его семья). 7. В. П. Алексѣевъ. Первые Романовы у власти. 8. Сергѣй Глаголь. Процессъ первой русской террористки. 9. П. С. Батуринъ. Записки (1780-1798 г.). 10. Письма Кошелева къ И. С. Аксакову. Съ предисл. А. А. Кизеветтера. 11. А. А. Сидоровъ. Въ Кіевѣ (1904-1909 г.). 12. В. В. Каррикъ. Война и революція. 13. П. А. Аккерманъ. Въ Штабѣ дивизіи.

„ГОЛОСЪ МИНУВШАГО“ № 1–3. 1918.

Содержаніе

В. П. Волгинъ. Жанъ Мелье и его завѣщаніе. 2. П. С. Батуринъ. Записки (1780-1798 г.). 3. И. А. Линниченко. Прерванный юбилей. 4. А. А. Сидоровъ. Изъ записокъ московскаго цензора. (1909-1917 г. г.). 5. П. Х. Шванебахъ. Записки сановника. 6 М. Е. Федорова. Московскій отдѣлъ Священной дружины. 7. М. М. Клевенскій. И. С. Тургеневъ въ каррикатурахъ и пародіяхъ. 8. А. С. Поляковъ. Царь-Миротворецъ. 9. А. И. Кошелевъ. Письма къ И. С. Аксакову. Съ предисл. А. А. Кизеветтера. 10. М. А. Цявловскій. Московская охранка въ 1915 г. 11. И. В. Генералъ Духонинъ въ ставкѣ. 12. В. Н. Карякинъ. Московская охранка о А. И. Шингаревѣ. 13. Мелочи прошлаго.

Цѣна книги въ отдѣльной продажѣ 10 р.

Библиотека "Руниверс"

ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПОДПИСКА на 1918 г.

НА ЖУРНАЛЪ

ИСТОРІИ и ИСТОРІИ ЛИТЕРАТУРЫ

„ГОЛОСЪ МИНУВШАГО“

(6-й годъ изданія).

УСЛОВІЯ ПОДПИСКИ: 1 годъ 40 руб., на ½ года 22 руб.

Перемѣна адреса 60 коп.

Въ виду отказа экспедиціи почтамта поставлять періодическія изданія по городу Москвѣ, журналъ высылается городскимъ подписчикамъ простой бандеролью; принимая же во вниманіе, что при такомъ способѣ пересылки часто теряются книги, Контора журнала предлагаетъ городскимъ подписчикамъ получать №№-ра журнала въ конторѣ; желающіе же получать журналъ ЗАКАЗНОЙ бандеролью, должны доплатить къ подписной платѣ 3 руб. въ годъ.

Городскіе подписчики при подпискѣ благоволятъ указывать, какимъ изъ вышеуказанныхъ способовъ они будутъ получать журналъ. Подписчикамъ, не давшимъ отвѣта на поставленный вопросъ, журналъ будетъ высылаться простой бандеролью, и Контора въ этомъ случаѣ не отвѣчаетъ за пропажу номеровъ журнала.

Комплекты за прежніе годы: 1913 (безъ № 1), 1914 (безъ № 7), 1915 (безъ №№ 4, 6, 12)—по 16 руб.; 1916 (безъ №№ 3, 5, 6)—20 руб.; 1917 (безъ №№ 1, 2)—25 руб.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ:

въ Москвѣ, въ конторѣ журнала: Воздвиженка, Крестовоздвиженскій пер., домъ 9.

Въ отдѣленіи конторы: **Петроградъ**, Гончарная. 24. Книгоиздательство „ЗАДРУГА“.

Адресъ редакціи: Москва, Гранатный, 2, кв. 31.

ПРІЕМЪ ПО ДѢЛАМЪ: Вторникъ, отъ 4 до 6 час.

Отд. редакціи въ **Петроградѣ:** В. О., 8 линія, д 59, кв. 12. Пріемъ ежедневно отъ 6 до 7 ч. веч.

Цѣна книжки 10 руб.

Редактор-издатель **С. П. МЕЛЬГУНОВЪ.**

Библиотека "Руниверс"